Южный федеральный университет
Высшая школа бизнеса

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Труды совместной лаборатории теоретического россиеведения
(выпуск 2)

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Часть 2

Ответственный редактор В.П. Макаренко

Ростов-на-Дону
2015

УДК 321
ББК 66.1
Р89

Печатается по решению Ученого совета Высшей школы бизнеса
Южного федерального университета

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор А.В. Лубский;

кандидат философских наук, доцент Ю.Р. Тищенко

Р89 Русская власть и бюрократическое государство : коллективная монография / Отв. редактор В.П. Макаренко ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2015. Ч. 2. – 626 с.
ISBN 978-5-9275-1609-4

Книга является второй частью фундаментального исследования, концепция которого сформулирована в монографии В.П.Макаренко «Русская власть и бюрократическое государство». Часть 1. (Ростов-на-Дону, Март, 2013). Известные ученые России, США, Италии и Канады анализируют парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства. Описаны конкретные проявления данного парадокса в нулевые годы.

Адресуется научным работникам, государственной администрации, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, специализирующимся в области политологии, социологии, истории, правоведения и экономики.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1609-4

УДК 321
ББК 66.1

© Макаренко В.П. (составление и общая редакция), 2015
© Южный федеральный университет, 2015

Содержание

В.П.Макаренко Введение: русская власть и модернизация... 5

Часть 1. Проблемы методологии

А.В. Лубский Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса 31

В.П. Макаренко, А.И. Рюмшина Читая Джеймса Скотта: государственные факты и мелодия власти 48

Г.М. Дерлугьян Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властвующих элит 76

В.Н. Порус Имитация рациональности: симулякры бюрократии 94

Майкл Хардт, Антонио Негри Субъективные фигуры кризиса 113

Часть 2. Феномен русской власти: универсальные и особенные свойства

В.Г. Ледяев Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы 130

В.В. Вольчик Эволюция российского института власти-собственности 171

И.И. Глебова Память русской власти: проблемы хранения, трансляции, актуализации 201

И.И. Глебова Партия власти: потенциал «памяти» и актуальная политическая практика..... 230

С.А. Денисов Ненасильственные методы захвата и присвоения власти в стране 253

Часть 3. Этатизация общества и бюрократизация государства

О.И. Шкаратан Трансформация социетальной системы постсоветской России 267

А.В.Оболонский Российское бюрократически-полицейское государство: история и современный кризис 307

И.И. Глебова «Дворцовое государство» в современной России 376

Б.А. Камкия Политический контекст и проблема бюрократии 432

Часть 4. Привычные аномалии?..

В.П. Макаренко Полицейское общество: к вопросу о генезисе ……. 453
В.П. Макаренко Военно-полицейские структуры и политика ……. 473
В.П. Макаренко Современный российский милитаризм ……. 495
В.П. Макаренко Внутренний шпионаж как элемент бюрократического управления государством …… 516
В.П. Макаренко Донос в контексте государственного цинизма ……. 534
В.П. Макаренко, Д.Н. Протасеня Военный цинизм: российские реалии и концепт Петера Слотердайка …… 556

А.Н. Олейник Заключение: массовые протесты в контексте русской власти …… 573

Литература …… 585
Сведения об авторах …… 624

ВВЕДЕНИЕ: РУССКАЯ ВЛАСТЬ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

В.П. Макаренко

В книге двадцатипятилетней данности я писал, что перестроечная критика аппарата КПСС не учитывает консервативную и реакционную часть политического режима, вступившего в фазу демократических преобразований. К этой части относятся кадры профессиональных военных, полиции и госбезопасности, а также пенсионеры указанных струк- тур. Прошедшие двадцать лет это полностью подтвердили[1]. В большинстве литературы процессы и результаты советской модернизации рассматриваются изолированно от государственного насилия. Нынешняя российская власть определяет Сталина как «эффективного менеджера», осуществившего модернизацию России[2], и пытается построить неосоветизм на усеченном неороссийском пространстве[3]. В предлагаемой книге эта тенденция будет оспариваться. Такая когнитивно-политическая установка сразу ставит авторов перед фактом: даже среди бывших узников ГУЛАГа продолжается идеализация СССР. В итоге репрессивный режим и память о нем становится объединяющим в отношениях и поведении людей. Стало быть, вопреки собственным интересам многие нынешние граждане России стремятся сохранить устарелый государственный строй. На государственном и общественном уровнях слабо осознаны проблемы личной и институциональной ответственности, вины и необходимости

---

[1] См.: Макаренко В.П. Революция и власть. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1990, с.188-206

[2] См.: Соколов Н. Реабилитация сталинизма в российских школьных учебниках // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011, с.735-737

[3] См.: Неретина С. Были ли контрреволюционеры революционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf

объяснения советского государственного насилия. Эти проблемы важны для понимания советского прошлого и российского настоящего[4].

В последние годы в России вышла серия книг (больше 100) под рубрикой «История сталинизма», в которых исследованы основные аспекты социальной жизни советского общества, в том числе специфика сталинской модернизации. Я изучил более пятидесяти томов этой серии по причине давнего интереса к природе государственного насилия. В 1970-80-е гг. я разработал свой вариант теории бюрократии и опубликовал цикл работ на эту тему. Затем на основе теории бюрократии и наблюдения за современной российской действительностью в 1990-е г. я создал теорию русской власти. В России в XX веке возник феномен троевластия, который в период сталинизма окончательно оформился в систему «власть-собственность-идеология». Сходные взгляды высказывают коллеги[5].

Если соглашаться с различными вариантами философии истории (что само по себе дискуссионно, но сейчас я эту проблему не рассматриваю), то в истории России можно обнаружить три тенденции: терроризация восходит к Ивану Грозному, бюрократизация - к Петру 1, модернизация – к Александру 11. Независимо от разных концепций исторического процесса России (здесь споры тоже неизбежны) я предлагаю **рассматривать терроризацию, бюрократизацию и модернизацию как органические составные части одного и того же процесса осуществления власти**. Русская власть всегда навязывала и навязывает до сих пор обществу эти тенденции ради собственного усиления, а не решения социальных задач и достижения социальных целей[6].

Этот общий тезис можно проиллюстрировать в отношении разных периодов, регионов и отраслей хозяйства. Надо показать, как в истории Советского Союза были связаны тенденции терроризации, бюрократизации и модернизации. Общую посылку можно сформулировать на основе капитального труда академика

---

[4] См.: Адлер Н. Особенности исследовательской работы над биографиями жертв сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011, с.672-679

[5] См.: Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006; Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011

[6] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 1998

Л.В.Милова: в России под воздействием природно-климатического фактора возник специфический тип государства, которому не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль государства в создании всеобщих условий производства всегда была минимальной. Господствующий класс уже на ранних этапах российской государственности был военизированным. Чем меньше был объем создаваемого обществом прибавочного продукта, тем сильнее проявлялась роль государственного насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. В результате война стала средством производства. Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта способствовало перерастанию налоговых функций в общегосударственные. Русская государственная машина стала «странствующей». По этой причине центральная власть стала главным вершителем дел на местах. Важнейшим элементом такого строя был институт «власти-собственности», который стал основой жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта в результате колонизации Московским княжеством, а затем Российской империей евроазиатской ойкумены[7].

Из множества возникающих при таком подходе проблем я рассмотрю две ключевых: природы советского государственного насилия; отношения между насилием и повседневностью.

Проблема государственного насилия

5-7 декабря 2008 г. в Москве состоялась первая (в России) международная научная конференция по истории сталинизма. В ее работе приняли участие специалисты по истории сталинизма из России, европейских стран, США, Канады, Японии. Работа конференции была посвящена ключевым проблемам истории сталинского периода, в том числе проблеме модернизации в условиях тотального государственного насилия[8]. Отмечу продуктивные идеи, высказанные на конференции.

Политические изменения в России и частичное открытие архивов способствовали прогрессу в изучении истории сталинизма. Одновременно углубляется разрыв между научными и обыденны-

---

[7] См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОССПЭН, 1998, с.554-572

[8] См.: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011.

ми представлениями граждан России о сути сталинизма. В СМИ России и псевдоисторических изданиях реанимируются концепции Краткого курса истории ВКП(б). В лучшем случае эксплуатируются аргументы хрущевской десталинизации. Распространяются рецепты возрождения России путем авторитарной модернизации и пропаганды исторической оправданности насилия, многомиллионных жертв и социальных чисток. Для полемики с данными рецептами требуется синтез иначе ориентированных исследований.

А.Б.Рогинский показал[9], что сталинизм – это система государственного управления, главной характеристикой которой является насилие как универсальный инструмент решения любых политических и социальных задач. Такое насилие обеспечивает централизацию управления, разрыв горизонтальных связей, высокую вертикальную мобильность, жесткость внедрения идеологии при легкости ее модификации, большую армию субъектов рабского труда ради модернизации. Память о сталинизме – это память о государственном насилии. Но нынешняя память о сталинизме в России иная.

Это почти всегда память о жертвах, а не о преступлении государства. Как память о преступлении она не отрефлексирована. До сих пор не принят правовой акт, в котором государственное насилие было бы названо преступлением. Против участников государственного насилия в новой России не было ни одного судебного процесса. На уровне личных воспоминаний это уходящая память, поскольку последние свидетели сталинской модернизации уходят. На смену памяти-воспоминанию приходит историческая политика – целенаправленные усилия политической бюрократии по формированию устраивающего ее образа прошлого. Этот процесс идет с 1990-х гг. В итоге такой политики в массовом сознании существуют два конкурирующих образа сталинизма: как преступного режима, на совести которого десятилетия государственного насилия; как эпохи модернизации, побед и свершений, в первую очередь в советско-германской войне.

Эта война стала несущей конструкцией, на которой была реорганизована национальная идентификация. Память о войне как трагедии подменена памятью о победе. В итоге память о государственном насилии оказалась на периферии массового сознания.

---

[9] См.: Рогинский А.Б. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения, с.21-27

В России 800 памятников сталинскому террору. Но все воздвигнуты общественностью и местной администрацией. Федеральная власть не участвует в мемориализации террора. Уклоняется от легитимизации болезненной темы. Изданы крошечными тиражами около 300 томов региональных книг памяти. Но они почти не формируют национальную память. Содержание каждой из них являет собой образ местной беды, а не общей катастрофы. Федеральная власть и здесь уклоняется от своего долга. До сих пор нет музея государственного насилия. В школьных учебниках по истории оно показано как исторически детерминированный и безальтернативный инструмент решения государственных задач. Такая концепция не допускает постановки вопроса о преступном государстве и субъекте этого преступления: «Это не результат установки на идеализацию Сталина, а подобное следствие решения другой задачи – утверждения заведомой правоты государственной власти. Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства... Эта мысль пронизывает новые учебные пособия от начала до конца»[10].

Л.Д.Гудков проанализировал миф о Сталине[11]. Как показывают социологические опросы с 1996 по 2010 г. (в ходе которых респондентам были заданы вопросы «Как бы Вы оценили роль Сталина в советской истории, истории нашей страны?» и «Как Вы в целом относитесь к Сталину?»), положительное отношение к Сталину выросло за счет «болота» - опоры нынешнего режима Путина. Единственной влиятельной группой, которая оказалась податливой для нынешней пропаганды, стали люди с дипломом о высшем образовании, сервильная и государственническая «элита» страны.

В 2009 г. большинство (60%) заявили, что ничем нельзя оправдать понесенные при Сталине жертвы. Однако основная масса населения России не решается признать саму идею суда над Сталиным как носителем высшей власти. Давление пропаганды проявляется главным образом как представление значительной части людей о том, что есть некое авторитетное мнение, которое приобретает характер объективной реальности благодаря тому, что его

---

[10] Там же, с.27

[11] См.: Гудков Л.Д. Российский миф о Сталине // История сталинизма... с.680-696

высказывают власти. Поэтому создается впечатление, что его разделяет неопределенное множество людей. И это фиктивное «мнение большинства» оказывает влияние на тех, у кого нет собственной моральной позиции в отношении прошлого и настоящего.

В 1990-е гг. возникла обширная тривиальная литература о Сталине, его привычках и вкусах, окружении и любовницах, в которой Сталин подан как национальный гений и вождь, спасающий Россию от распада. На основе социологических опросов Л.Гудков делает выводы о функциях пропаганды в современной России: «Она не ведет дело к реабилитации тоталитарного режима или его вождей, но она подрывает основы моральной оценки прошлого и настоящего, лишая смысла саму идею ответственности власти за проводимую ею политику... Нынешняя пропаганда и манипулирование массовым сознанием направлены исключительно на поддержание состояния аморализма и беспринципности, равнодушия к общественным вопросам и отчужденности от политики»[12]. Короче говоря, с помощью пропаганды произошла реанимация мифа о «великом Сталине».

Л.Гудков выделяет четыре этапа сталинского мифа: сложившаяся при Сталине и просуществовавшая до его смерти система образов и риторических клише; хрущевская критика культа личности Сталина; горбачевская гласность и перестройка; нынешний этап начался в 1999 г. Приход Путина к власти ознаменовался рядом его демонстративных жестов по отношению к прошлому: заявления подчеркнутого уважения к Сталину, деятелям КГБ, восстановлением сталинского государственного гимна.

В целом сила Сталина заключалась в терпении, цинизме, эклектическом смешивании и использовании любых идей для достижения нужного эффекта в нужное время, мстительности, свободе от любых форм морали, принципов и убеждений, сдерживающих обычных политиков догм, личных связей и традиционных ограничений. Гудков предлагает называть Сталина не модернизатором, а рутинизатором (в веберовском смысле) послереволюционной эпохи. Поэтому отношение к Сталину (мифу о вожде, отце народа, гениальном учителе и полководце и т.д.) может служить индикатором степени модернизированности российского общества. «Настойчивое сохранение фигуры Сталина ... говорит лишь об отсутствии у нынешнего руководства страны каких-либо моральных

[12] Гудков Л.Д. Указ.соч., с.687

и ценностных представлений, без которых невозможна какая-либо последовательная политика модернизации страны»[13].

Б.С.Илизаров использует концепт социального конструктивизма для описания специфики сталинской модернизации[14]. Социальный конструктивизм – это проектное строительство нового государства или радикальное переустройство базовых институтов традиционного общества, осуществляемое лидером или группой лидеров.

На основе разбора всех инициатив, планов и_проектов Сталина Илизаров показал, что Сталин до конца своих дней был не творцом, а эпигоном; до середины 30-х гг. эпигоном Троцкого, а затем, до конца жизни – Гитлера и русского царизма. Своеобразие сталинских решений состояло в том, что они **сочетали в себе элементы социального новаторства, глубинной архаики и поверхностного утопизма. В этом суть советской модернизации**. Сталин осуществил модернизацию (коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию) с помощью аппарата насилия.

Сталин – это бюрократ-самородок, взнуздавший партийно-государственную бюрократию ее же методами. «Мало кто осознавал, - пишет Илизаров, - что новым и невиданным эксплуататором стал отныне трехглавый «дракон»: партия, армия и спецслужбы... В наше время одна из выживших голов этого дракона пытается восстановить хотя бы в общих чертах исходный сталинский проект. Но эпигоны эпигонов не способны создать ничего жизнеспособного даже ценой пролития очередной порции невинной крови»[15].

Троцкий точно определил Сталина как интенданта и эпигона Гитлера. Под влиянием идей «консервативной революции», перенесенных на советскую почву, в идеологии, культуре и внешней политике возродились дореволюционные имперские ориентиры, цели и фобии. Царские сатрапы и поработители соседних народов (Суворов, Кутузов, Нахимов и др.) вновь стали символами имперской доблести. Новый поворот в идеологической ориентации был окончательно оформлен в докладе начальника Главного политического управления РККА Л.Мехлиса накануне войны перед выпускниками военных академий. Доклад был сделан с подачи и одоб-

---

[13] Там же, с.696

[14] См.: Илизаров Б.С. Утопизм, новаторство и архаика в сталинском имперском строительстве (о социальном конструктивизме) // История сталинизма., с.615-631

[15] Там же, с.622

рения лично Сталина. Более ранним символом идеологического поворота стала всесоюзная кампания по разработке новых учебников по гражданской и партийной истории. Она завершилась выпуском школьных и вузовских учебников, Краткого курса, в которых прославлялись строители, охранители и «собиратели» Российской империи – от Дмитрия Донского до Сталина. Сегодняшние эпигоны Сталина тоже стремятся создать канонический учебник по истории.

Сталин создал и реализовывал проект национально-имперской иерархии. На высшей ее ступени мыслился русский народ, ниже – украинцы и белорусы, затем грузины и азербайджанцы, затем мусульманские народы Средней Азии без градации, затем тюркские народы Поволжья, Сибири и т.д. С довоенных времен на низшие ступени были поставлены поляки, прибалтийские народы, а во время войны – немцы Поволжья. Еще ниже находились народы-враги – репрессированные народы Кавказа и Дальнего Востока. После войны на позицию народа-парии все методичнее оттеснялись этнические евреи. Сталин не успел завершить свою грандиозную имперскую постройку, но ее импульсы ощутимы до настоящего времени[16].

В советскую эпоху в СССР культивировалась марксистская модель общественного развития, согласно которой человечество восходит от одной ступени цивилизации (формации) к другой, более высокой, через цепочку переворотов и революций. На практике советское общество сложилось как многослойное, многоформационное образование. Все классические марксистские общественно-экономические формации 70 лет одновременно сосуществовали в нашей стране.

Советское государство включало следующие классы людей: рабы; феодально закрепощенные крестьяне; классические пролетарии; отдельные сословия, живущие в условиях социализма; малые прослойки, достигшие коммунистического благополучия. Советское рабство – это система ГУЛАГа, возродившая классическое рабство в современную эпоху. До 1953 г. в государственных рабах (по заниженным подсчетам чекистов) значилось более 3 млн. человек. Это подлинная государственная собственность, настоящий общественный класс людей, который кроме пайка ничего не имел. Его можно было в любой момент убить, уморить голодом. Даже

[16] См.: Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011

списки врагов народа были заимствованием «проскрипционных списков» в Древнем Риме. Что касается советских крестьян и рабочих, то «...самая беспощадная капиталистическая форма эксплуатации трудящихся в XX в. была именно на советских фабриках и заводах»[17]. Значительная часть интеллигенции и мелких служащих была пролетариями умственного труда. Но малая часть интеллигенции, верхушечная часть партгосаппапрата, высокое армейское офицерство и большинство работников спецслужб жила при социализме. Высший эшелон власти жил в условиях реального коммунизма[18].

В целом ни к модернизации, ни к марксовому социализму и коммунизму советское государство не имело никакого отношения. «Сталин соорудил общество, обреченное на скорое и неизбежное вырождение. Современный «мягкий», «либеральный» сталинизм с его «собиранием земель» и «вертикалью власти» неизбежно завершится очередным распадом, и на этот раз распадом России»[19].

А.Блюм рассматривает государственное насилие по отношению к инженерам и ученым – главным агентам модернизации[20]. Чекисты стремились отнять у них эту роль. Мишенью репрессивного аппарата становится не отдельный индивид, а сеть знакомств и контактов, рассматриваемая теперь как контрреволюционная, террористическая или иная группа. В этом контексте А.Блюм ставит проблему изучения особой полицейской точки зрения, «основанной на подозрении, так как слежка не означает простого, нейтрального наблюдения и описания увиденного. Она предполагает дальнейшую интерпретацию, ведущую к появлению подозрений в отношении индивида»[21]. Такое понимание способствует выдвижению политической полиции на роль главного модернизатора - ключевого агента социального бытия.

---

[17] Илизаров Б.С. Указ.соч., с.629

[18] См.: Кондратьева Т.С. Кормить и править: о власти в России ХУ1-XX века. М.: РОССПЭН, 2011

[19] Илизаров Б.С. Указ.соч., с.630

[20] См.: Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношения с властью // История сталинизма..., с.78-92

[21] Там же, с.84. Эта точка зрения базируется на трансформации подхода к интерпретации фактов как повода для репрессий. В 1920-е гг. происходит трансформация оснований для репрессий. Вначале причиной недоверия к человеку были его социальное происхождение или реальная принадлежность к небольшевистской или оппозиционной партии. Затем под подозрение попадают отношения между обвиняемым и его окружением. Цель ослабления любого круга связей – создать общество, в котором остается только один тип лояльности – верность по отношению к Сталину, и где связи солидарности внутри групп рассматриваются как угроза. Согласно полицейской посылке, подвластным миром должна править нестабильность.

Матрица криминализации повседневности началась с Шахтинского дела, затем была применена в академическом деле. На основе анализа этих дел, в которых ГПУ как раз преследовало инженеров и ученых, А.Блюм выделяет несколько этапов, которые привели к образованию полицейской точки зрения на факты: 1. Публично оговаривается известный человек (академик С.А.Ефремов), которому предстоит оказаться в центре всех обвинений в заговоре. Начинается кампания в печати, цель которой – не только бросить тень на будущего обвиняемого, но и изолировать его от окружения и общества в целом, оставив ему отношения только с самыми близкими. 2. На втором этапе идет идентификация, арест и допросы человека (студента), не имеющего значения в мире науки, но близкого к главной жертве и призванного послужить опорой для готовящегося следствия. 3. Затем происходит арест главного действующего лица. На этом этапе происходит анализ и интерпретация прошлого в новых терминах, переосмысление, осуществляемое «совместными» усилиями следователя и обвиняемого. 4. Расширение круга подозреваемых, уничтожение родственных, дружеских, профессиональных связей. 5. Арестам придается огласка, выливающаяся в «постановку» показательного процесса.

Для понимания допросов и обвинений как необходимой части следственно-прокурорской деятельности в целом Блюм выделяет три формы идентификации поднадзорных индивидов:

1. Биографическая идентичность описывает жизненный путь человека, информацию о главных событиях в его судьбе (географические перемещения, профессиональная мобильность, принадлежность к партиям и организациям).

2. Идентичность действия характеризует индивида на основе его занятий, мнений, повседневной жизни.

3. Идентичность на основе связей представляет собой главный элемент в наблюдении за индивидом, а затем в его описании. Эта форма означает, что для характеристики человека используются не его профессиональные, социальные или политические атрибуты, а описание всей совокупности встретившихся на его пути людей, частоты и характера этих связей.

В настоящее время в общественном сознании сетевой подход является интеллектуальной модой. Согласно этому подходу, человек есть нечто большее, чем просто индивид. Он – клубок связей, центр определенной сети, в которой сходится и расходится мно-

жество связей и отношений, крепких и слабых, эпизодических и постоянных. Форма и охват этих связей (на уровне региона, страны, мира), их частота и природа (подчинение, уважение и др.) представляют собой элементы этой сети.

После революции происходит переход от идентичности действия, которая должна быть основой любого обвинения, к биографической идентичности. После шахтинского процесса в центре обвинения оказывается идентичность, основанная на связях. Стигматизации подвергается именно профессиональная и сетевая солидарность. С момента установления господства такой логики вся работа чекистов сводится к раскрытию идентичности, основанной на связях, и не нуждается ни в каких доказательствах вины. В результате никаких границ для репрессий не существует. Одновременно снимается различие между научным и полицейским пониманием социальных фактов.

Ж.Кадио показал, что категории науки в 1930-е гг. многое переняли у административных и полицейских организаций[22]. Для доказательства он проанализировал репрессивный порядок, в котором национальность вызывает подозрение, однако явными критериями для преследования становятся биографии индивидов, сети отношений, статус беженца. Вообще само обнаружение национальных различий – это знание на службе государства. Ученые первыми сделали попытку определить национальные категории в надежде снизить национальную напряженность в ее социальных и политических проявлениях. Объективное определение национальной принадлежности осуществлялось через перепись населения. В результате дискуссий была разработана статистическая методика: каждый индивид должен был называть сначала свой родной язык, затем национальность (начиная с 1917 г. в России). Все это имело целью справедливое разрешение территориальных конфликтов и реализацию принципа национальностей. Тем самым статистики в начале века противопоставляли объективную национальность (проявляющую себя в образе жизни, культуре, языке) административной национальности и избегали разговоров о политической национальности.

Большевики переняли принцип национальностей и стали строить свою федерацию. Чтобы учесть все разнообразие национальных групп, этнографы, обрабатывающие данные переписей

[22] См.: Кадио Ж. От списка групп к индивидам: этническая идентификация в Российской империи при Сталине // История сталинизма., с.632-639

1920-х гг., дали точную картину всей совокупности этнических групп (около 200). Но при разработке переписей Сталин распорядился, чтобы 60 национальностей, получивших административный статус, были перенесены в научный список национальностей. Этнографы и статистический аппарат подвергся чисткам. В итоге мелкие меньшинства потеряли всякую видимость. В отдельную рубрику были выделены трансграничные национальности. От переписчиков потребовали с особой тщательностью переписать те группы, основное население которых проживало за границей. Эти группы вначале стигматизировались, затем репрессировались. «В конце 30-х гг. причисление к той или иной национальности опиралось уже не на науку, оно стало важнейшей функцией полицейского государства, которое разработало многочисленные меры контроля, депортации людей, принадлежащих к определенным национальностям, считавшимися сталинским руководством в целом подозрительными»[23]. В результате советское гражданство стало бюрократической фикцией. «В настоящее время не ведется ни одного крупного исследования на тему права советского гражданства, где рассматривались бы процессы приобретения и потери советской национальности»[24].

Л.М.Дробижева констатирует: вчера еще гражданская идентичность понималась как верность советскому строю и государственному руководителю. Примерно 2/3 взрослого населения прошли социализацию в постсталинские времена, но их взгляды сохранили имперскую компоненту. Имперская идеология – это не столько представление о необходимости удержания периферийного пространства, но и идея государственной доминанты в жизни общества, служение государю, вождю и учителю и вообще первому лицу государства. Транслируется также советское представление о жизни в «кольце врагов», взгляд на человека как на винтик в политическом механизме[25].

Е.А.Осокина на основе анализа концепции «повседневного сопротивления», которую разработал Джеймс Скотт для описания поведения крестьян[26], ввела понятие сопротивляемости как формы социального иммунитета. Это понятие помогает описать сопро-

---

[23] Там же, с.634

[24] Там же, с.638

[25] См.: Дробижева Л.М. Сталинское наследие национальной политики в массовом сознании современных россиян // История сталинизма, с.608-614

[26] Повседневное сопротивление – это реакция на подавление государством.

тивление не чужим оккупантам, а «своей» власти. В обществах типа СССР и нацистской Германии трудно провести границу между неповиновением, приспособлением и сотрудничеством с властью[27]. Но она необходима в аналитических целях.

Л.Виола пишет, что хотя партия публично провозглашала коллективизацию «социальным преобразованием», в действительности же она оказалась войной культур, гражданской войной между государством и крестьянством. Крестьянская поддержка коллективизации была ограничена незначительным меньшинством сельских жителей. В результате насилие стало главным механизмом внедрения государственной политики в условиях мощного крестьянского сопротивления[28].

Государственное насилие и повседневность

В капитальном исследовании Карла Шлегеля зафиксирована асимметрия между осмыслением исторической катастрофы в СССР и осмыслением нацистских преступлений. Мир знает Дахау, Бухенвальд, Освенцим. И не знает, что такое Магадан, Воркута, Колыма. В отношении к жертвам советской диктатуры господствует безразличие. Оно культивируется движениями, которые ставят своей задачей рационализацию советского прошлого. Рационализация обычно отождествляется с модернизацией. Вследствие этого тоталитарное прошлое все еще не выяснено. «Этот процесс еще далек от завершения, и он найдет свой счастливый конец лишь в том случае, если Лубянка – символ безграничного презрения к человеку, символ власти убийц в центре Москвы - однажды, в не столь уж далекий день будет превращена в музей и место поминовения»[29].

Для сопротивления асимметрии в изображении советского и нацистского прошлого, а также любым формам рационализации Шлегель разработал концепцию тотальной истории. Тотальная история - это сведение воедино надежды и насилия, мечты и террора: «Никогда я так явственно не чувствовал границ возможности поведать историю, как при попытке свести воедино диаметрально противоположные опыты террора и мечты. Но, может, все-таки стоит лишиться дара речи и онеметь, чтобы вообще начать эту ра-

---

[27] См.: Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // Указ.соч., с.387-406)
[28] Виола Л. Коллективизация как гражданская война // История сталинизма., с.103
[29] Шлегель К. Террор и мечта. Москва, 1937. М., РОССПЭН, 2011, с.7

боту?»[30]. Проследим основные тенденции превращения насилия в универсальное средство, пронизывающее все сферы жизни общества, подвергаемого модернизации.

Обычно считается, что насилие было направлено преимущественно против членов партийно-государственного аппарата. На деле Большой террор 1937 г. был направлен в первую очередь против простых людей, не входящих в партию, которых отбирали по социальным и этническим критериям и планомерно уничтожали.

В целях изображения этого феномена Шлегель использует ряд методологических средств, разработанных в других сферах гуманитарного знания – теорию хронотопа М. Бахтина, методы фланирования В. Беньямина, эстетику и технику монтажа С. Эйзенштейна и магический реализм М. Булгакова. Все эти средства применяются для описания истории одновременности. «Самое большое преимущество состоит в немом принуждении, которое осуществляет сама привязка событий к конкретному месту. История, соотнесенная с местом или пространством, всегда представляет собой признание одновременности неодновременного, сосуществования и совместного присутствия несовместимого. Место гарантирует комплексность. Стереоскопический взгляд направлен на обзор, более соответствующий разнородности мира, нежели напряженный, сконцентрированный взгляд, словно устремленный сквозь туннель. Восприятие «с налета» позволяет видеть отношения, ускользающие пусть и от специализированного, но все же частного наблюдения. Восприятие, чувствительное к пространству и месту, высвобождает отношения, остающиеся неизменными при концентрированном, выборочном рассмотрении. Именно такому времени, как 30-е годы, которые сами по себе представляют эпоху крайностей внутри эры крайностей, наиболее подобает идея тотальной истории, даже если эта идея никогда не была полностью выполнима. Основное усилие, которое должно инвестироваться в эту историю, последовательно расходуется в поиске пути и формы для совместного осмысления крайностей. Преодоление заключенных в этом трудностей оказалось гораздо более серьезной проблемой по сравнению с проблемой первоисточников. Не недостаток последних, а их огромное изобилие и неисчерпаемое богатство представляют собой серьезнейший вызов»[31].

---

[30] Шлегель К. Указ.соч., с.8
[31] Там же, с.11-12

Шлегель рассматривает историю насилия в социальном контексте. История насилия сама по себе столь же ложна, сколь и изолированная история индустрии модернизации, киноиндустрии, развлечений. История советской повседневности происходила на фоне целенаправленных акций умерщвления. Все эти истории входят в понятие советского пространства совместного опыта и действия. Эффект такой географии пространства заключается не в смягчении и приглушении противоречий, а в их четкой разработке.

Лучше всего выражает одновременность и взаимопроникновение насилия и мечты параллельность подготовки к выборам в Верховный Совет 12 декабря 1937 г. и массовой операции по аресту и умерщвлению сотен тысяч людей, начатой в августе 1937 г. Подготовка к «всеобщим, свободным, прямым и тайным выборам» и массовое убийство шли рука об руку. Проведение выборов подразумевало физическое исключение всех сил, которые могли стать опасными для монополии коммунистической партии на власть.

История событий, история повседневности, история умонастроений – все это лишь различные грани и расстановки акцентов. В обыденном сознании существует образ стабильности советской системы. На деле эта «система» была контролируемым хаосом, который власть специально развязывала ради сохранения самой системы. С этой точки зрения «Власть» - это объединение людей, окопавшихся в нескольких укрепленных опорных пунктах, испытанных и закаленных в Гражданской войне, которые могут погибнуть в любой момент»[32].

Шлегель строит аналитическую матрицу, на которую надо осмысленно нанести политические события. Речь идет об имперском времени и пространстве. Ее население было бесконечно далеко от власти и политики. Все твердые структуры были ликвидированы на протяжении глубинного переворота, длящегося два десятилетия, а передвижение сделало невозможной какую бы то ни было консолидацию. Для получения адекватного образа жизни в СССР надо изучать страх как конститутивный элемент истории, голод и всеобщее истощение людей, вокзалы, черные рынки, очереди, бараки, общежития, формы физического насилия. Именно в этом как раз и отражались основные моменты советской жизни. «До сих пор ужасает, - пишет Шлегель, - как мало мы знаем о более

[32] Там же, с.16

высоком и, прежде всего, среднем руководящем уровне того времени – сцена кажется просто-напросто очищенной от людей»[33].

«Магический реализм» М. Булгакова открывает пространство для возможностей описания, которые в значительной степени закрыты перед историческими науками: историю распада всего прочного, устоявшегося, пространство фантастического, вовсе не являющегося ирреальным или сюрреалистическим, а реально-фантастическим.

Главными объектами тотальной истории советской модернизации является множество феноменов и процессов, для знакомства с которыми надо целиком проштудировать книгу Шлегеля. Я здесь отмечу только ту часть, которая показалась мне самой интересной.

В 1920-30 годы Москва была полигоном модернизации, огромной стройплощадкой - сталинским генеральным планом в действии. На первый взгляд, эти действия власти были направлены на решение бытовых проблем и потому на благо людей. «При более внимательном взгляде перестройка представляется отчаянной попыткой при помощи всех средств, которые мастер-план предоставляет неограниченной власти - государственных финансов, ноу-хау планировщиков, инженеров, архитекторов, - противиться элементарному стихийному росту города, обрести твердую почву под ногами и найти опору в движении, которое никто не мог контролировать»[34].

Власть сама спровоцировала рост города. Возник город вне города Генерального плана, на краю города, целиком и полностью состоявший из деревенских иммигрантов. Эти люди держали кроликов, кур, свиней или коров для самообеспечения или на продажу, что хотя и не разрешалось, но было незаменимо для снабжения населения продуктами. За кулисами модернизации Москвы воспроизводилась деревня с сельским образом жизни. Хотя власть стремилась отгородиться от процессов, которые протекали в селе.

Рос наплыв новых горожан. Поэтому Генеральный план реконструкции столицы был не столько грандиозным видением всемогущего государства, приказывающего и планирующего по собственной воле. Сколько чрезвычайным проектом, вызванным безусловной волей к самоутверждению в стране, в которой все при-

[33] Там же, с.18
[34] Там же, с.62

шло в движение. Генеральный план реконструкции Москвы – это акт самоутверждения городской власти против стихийной силы «общества наносного песка» (определение М.Левина).

Такая ситуация создавала ожесточенную борьбу за выживание. Гиперурбанизация ничего кардинальным образом не изменила. Но сделала безграничной и безжалостной всеобщую ненависть, которая через рупоры радио пробивала себе дорогу над площадями города. Общество потеряло опору, структуру и сплоченность. Оно было крайне хрупким, ему угрожал распад, хотя оно нуждалось в сплоченности. Население столицы – это миллионы людей, вытолкнутых из своей жизненной колеи и нигде больше не чувствовавшие себя своими. «Все было в принципе готово к тихой гражданской войне, к борьбе всех против всех, почти за каждым индивидом скрывалось давление отчаянной борьбы за выживание... С этими людскими потоками в большой город пришло увеличенное в миллионы раз знание, накопленное в борьбе за выживание. Там оно и хранилось в скрытом состоянии»[35].

Но люди исчезали. Для анализа процессов исчезновения людей Шлегель анализирует адресную книгу Москвы за 1936 г. Адресные книги являются документом своего времени, изображением статус-кво. Они входят в состав топографии власти. В адресной книге было отражено многообразие общественных, полугосударственных структур и объединений. На этой основе можно не только получить представление о том, какой богатой была жизнь горожан, но и о том, какое насилие было пущено в ход, чтобы подчинить, нивелировать и унифицировать это общество. Именно в Москве произошла унификация книжного искусства: сотни журналов и газет стали повиноваться единым языковым нормативам, репертуары театров приведены в соответствие с указаниями свыше, библиотеки и книжные магазины стали вычищаться от книг, не соответствующих «духу времени». То же самое относится к музеям, сотням школ и тысячам учащихся, которые почувствовали себя обязанными следовать новому канону. Иначе говоря, насилие было использовано для тотальной бюрократизации общества.

Документы тайной полиции пока не опубликованы. На деле все происходило прозаически. Сотрудник НКВД ходил по домоуправлениям Москвы, выписывал из домовых книг всех лиц с

[35] Там же, с.68

иностранными фамилиями, сдавал их в особый отдел, который выписывал справки на арест.

Главной причиной создания врагов Шлегель считает революции – времена «необузданной мысли» и «своенравия». Вокруг Российской коммунистической партии собралось немало индивидов, сохранивших свободу мысли. Однако двурушничество, смесь приспособленчества и своенравия, оппортунизм повседневности не было оригинальной позицией и не ограничивалось политической сектой. Двурушничество было душевным состоянием, образом жизни внутри партии, в ее ближайшем окружении и повсюду, где обычные граждане сталкивались с далекой и слепой по отношению к реальной жизни властью. «Двоемыслие было в эпоху перелома не эксцентрической и маргинальной точкой зрения, а позицией мэйнстрима, которая пыталась расположить на одной линии своенравие и компромисс»[36].

Шлегель дает оригинальную трактовку генезиса советского патриотизма. Час рождения советского патриотизма пробил задолго до начала Великой Отечественной войны. Важнейший материал для его формирования – не имперская ностальгия, а «самоутверждение страны, ввергнутой в процесс модернизации среди мира, потрясаемого военными осложнениями и агрессией»[37]. Из Первой мировой и Гражданской войн вышла новая нация. Ее прочно связал могущественный и дисциплинирующий страх перед возвращением в «смутное время». Не будь военной динамики и опасности войны, сталинскому руководству следовало бы их выдумать. Реализованной выдумкой стала ситуация в Испании. На основе анализа гражданской войны в Испании Шлегель показывает экстерриториальность НКВД, которое утверждало, что войну против Франко можно выиграть только в том случае, если сначала будет покончено с «внутренними врагами» - анархистами, троцкистами, синдикалистами. «Внутренних врагов» уничтожили, а Франко победил.

Отсюда вытекает парадокс: власть, во всех и каждом видела действия вражеских агентов; но когда вермахт развернулся на государственных границах, была слепа на грани предательства в распознавании врага. Народ раньше власти увидел реального врага, а не измышления на эту тему, которые были необходимы правящей клике для сохранения власти. «Без учета страха перед на-

[36] Там же, с.97-98
[37] Там де, с.130

чалом новой войны и без эскалации этого страха бессовестной властью, невозможно понять, откуда взялись демоны насилия внутри советского общества»[38].

В 1937 г. была проведена перепись населения. Но ее результаты были скрыты, а организаторы уничтожены. Перепись отразила демографическую катастрофу, которая произошла в результате коллективизации и вызванного ею голода. Общество было крайне неоднородным, анархическим, своенравным. Советское руководство разрушило аналитическую матрицу, на которой обозначались контуры страны и ее населения. Тем самым оно лишилось инструмента для интерпретации происходящего. В результате исчезла способность к общественному самоанализу. Ослепленному руководству оставалось только паническое упреждение событий посредством насилия[39].

В период травли Промпартии геолог Василий Орлов повесился в 1931 г. в Ростовской тюрьме, не выдержав пыток[40]. В 1935-38 гг. прошла волна самоубийств советских руководителей. На основе анализа этих смертей Шлегель анализирует тему самоубийство как оружие. По отношению к самоубийству в большевистской партии существовала генеральная линия: восходящая к Просвещению позиция, согласно которой люди могли сами принимать решение о своей судьбе, в том числе жизни. Такой подход практиковался в русском радикализме конца Х1Х-начала ХХ в. (особенно после поражения революции 1905 г.). Но в целом самоубийство отвергалось, хотя оно встречалось в марксистской традиции как акт отчаяния индивидов, не устоявших под давлением классовой борьбы.

Новая партия возникла в ходе двойного процесса: высвобождение недовольства, критики, массового движения; уничтожении остатков старой партийной элиты. «Именно благодаря связи террора снизу с террором сверху руководящая группа вокруг Сталина и утвердила свою власть»[41].

Физкультурник и физкультурница стали иконами нового времени. «Спартак» – «Динамо» были клубами армии и НКВД. Стадионы были единственное место, где можно было безнаказанно

---

[38] Там же, с.130-131
[39] Там же, с.140-157
[40] Там же, с.214
[41] Там же, с.248

кричать «Бей энкаведешников!» - ведь речь шла о спортивной команде, а не о политическом боевом кличе.

Модернизация была одновременно средством усиления террора. Радио способствовало созданию большого советского эмоционального сообщества. Благодаря ему коллективы (заводские собрания, демонстрации, парады) превратились в сообщества воли, готовые к уничтожению. Возник опыт, согласно которому ни одна точка в мире не дает больше возможности спастись бегством от политического и идеологического насилия.

На основе анализа подготовки и проведения ХУ11 международного геологического конгресса в Москве и лагерей для строительства каналов Шлегель заключает: «Возникла *гармония науки и террора*, специалистов и принудительного труда, превращение знания об использовании природных богатств в знание об угнетении человека»[42].

Самолет как икона прогресса и современности был лучшим способом пропаганды советских стремлений к модернизации. Летчики стали для целого поколения идеалом, образцом советского человека. Советский строй представлял собой разработанный искусственный продукт. В то время сформировался термин «большевистская романтика». Он выражает сочетание невозможности все рассчитать до конца, личного мужества, случая и везения. «Полярная экспедиция, сопряженная со смертельными опасностями, превращается в символическое средоточие свободы в стране, где сама свобода упразднена»[43].

Шлегель анализирует также мир советской рекламы как элемент модернизации. Особенно показательна глава «Москва как витрина: богатство мира, товарный голод и головокружение от голода». В ней рассматривается официальный путеводитель по Москве 1937 г. Он вышел в издательстве иностранных рабочих для гостей из-за границы и пропагандировал идею: Москва – это рай изобилия. То же самое публиковалось в газетах – от «Правды» до «Вечерней Москвы» целые полосы были заполнены рекламой. То была «реклама товаров и услуг страны, только что пережившей самый ужасный в своей истории голод, и города, где в начале 1937 г. сотни тысяч, а то и миллионы людей изо дня в день были заняты обеспечением самого элементарного пропитания»[44]. Изу-

[42] Там же, с.342
[43] Там же, с.376-391
[44] Там же, с.397

чение советской рекламы включает важные темы: общее и советское соотношение ограниченности и роскоши; реклама и декорация: объекты страстного желания и их инсценировка; головокружение от голода.

Весь мир советской рекламы – тотальная ложь. Урожай 1936 г. был низким. Большая часть жизненной энергии тратилась на приобретение самого обычного продовольствия. Большая часть людей валилась с ног от усталости и утомления. В таких условиях места, находящиеся поблизости от тех инстанций, где принималось решение о доступе к хронически крайне скудным товарам, были с точки зрения статуса гораздо важнее, чем все остальные: «Властная позиция имела решающее значение для обеспечения доступа к крайне скудным ресурсам. Вокруг товаров и услуг разворачивалась ожесточенная и непримиримая борьба... Энергия ненависти 1937 г. буквально струилась из пор населения, почти лишенного рассудка и самообладания»[45].

Весь народ хотел справиться с трудностями. И потому был вынужден воспользоваться обменом и перепродажей, превратившись в коллективного спекулянта. Советская власть была бессильной против черного рынка как органа экономической рациональности и против спекулянта как агента чуждой экономики.

Очереди стали повседневностью и породили феномен *интеллигентности очередей*. Интеллигенция формировалась в очередях. Она провоцировала игру в кошки-мышки между милицией и населением – раствориться при появлении милиции и снова собраться при ее исчезновении. В повседневной борьбе за выживание возникал особый психологический настрой гражданина как потребителя. Этот настрой предшествовал всей «политике».

Возникло полное истощение населения, которое без остатка израсходовало свои силы в преодолении проблем повседневности. Именно на основе истощения можно понять *систему господства*, сложившуюся в 30-е гг. Недостаток элементарных товаров, упразднение всех благ цивилизации и привычек нормальной жизни давили на жизнь людей не меньше, чем репрессия. «Тем же, кто выбирался из худшего состояния, - пишет Шлегель, - натюрморты из шампанского и икры нравились не только как картины счастливого будущего, но уже и как задаток в настоящем. Ограниченность и нужда – столь же важные конституирующие признаки

[45] Там же, с.402-403

времени, как и ненависть, зависть и изнеможение. Истории 1937 года должна рассказывать и об истории физического и духовного истощения, а также о границах того, что может произойти с людьми по эту сторону террористической власти – в результате расшатывания привычного мира повседневности. Не только индивиды, но и целые общества могут быть «унифицированы». А без такой «унификации общества» общества нет и 37 года»[46].

В то же время правительство рекламировало круизы по Волге и отпуск на Красной Ривьере в надежде, что в СССР возникнет всемирный центр туризма: интерес к строительству нового общества привлечет потоки туристов со всего мира.

Москва превратились в синтез ковчега, спасающего жизнь коминтерновцам, с тюрьмой, из которой нет выхода. Они приехали в страну, где столкновение мнений и направлений давно подавлялось, а каждая самостоятельная точка зрения каралась как проявление оппозиционности. Поэтому коминтерновцы стали тотальными доносчиками, создавая призрак всемирного заговора.

Специфика советского города переплетена с генезисом советских трудовых коллективов. На примере рабочих автозавода имени Сталина Шлегель анализирует две стороны одного процесса: типичную для иммигрантов парализацию любой солидарности; их превращение в однородную массу, идентифицировавшую себя со своим трудом, предприятием, индустриализацией и формировавшую «патриотизм завода». То же самое относится к «шанхаям» - городам на периферии, месте проживания иммигрантов. Бегство из деревни стало для многих единственным способом выживания в условиях голода и депортаций. Они брали на себя самую грязную, опасную и низкооплачиваемую работу. Фабрики, заводы и пролетарские районы превратились в шлюзовую камеру между деревней и городом, X1X и XX веком.

Пролетарские районы стали местом социальной мимикрии миллионов и готовности приспособиться в условиях чрезвычайного положения, ибо все зависело от возможности найти путь в новое советское общество. Пути назад были отрезаны, оставалось только бегство в новую идентичность. Развитие и формирование рабочего класса с собственной идентичностью имело решающее значение для стабильности страны и режима. Заводы и другие места компактного проживания рабочих были социальными пространствами, «...где иммигранты оказывались предоставлены са-

[46] Там же, с.404

мим себе и собственной судьбе, территории, где отсутствовало «государство», где черный рынок, проституция и насилие представляли собой повседневный опыт, и куда не осмеливалась войти милиция»[47].

Город был воспитателем «общества наносного песка», абсентеизм - основным явлением повседневности на предприятии. Советские заводы и фабрики были очагами дезорганизации, хаоса, анархии, настоящими ведьминими котлами дискуссий, критики и постоянного доносительства. Рабочие надеялись, что сумеют очернить и уничтожить ненавистных начальников.

Насилие 30-х годов обладает акустическим образом. Независимо от желания граждан власть через громкоговорители получила доступ к их уху. Такую акустику создавали Л.Утесов с джазом, И.Дунаевский с массовой песней и Шостакович симфонической музыкой. Сегодня в соответствии с этими образами воспроизводится так называемое «советское прошлое» - т.е. социокультурные комплексы, созданные властью. Москва стала машиной по «штамповке» образов.

Все эти изменения отразились на фотографиях советских людей. «Вырванные из жизни, люди превращались в приложение к полицейским актам»[48]. Черты их лиц свойственны всем народам Советского Союза и представителям всех профессий. «Эта галерея иллюстраций - не только документ тотальной власти и произвола полицейского государства, его способности к насилию и воли к уничтожению. В секундную вспышку магния фотоаппарат фиксирует также и лицо страны, обреченной на гибель»[49].

Главными жертвами в количественном отношении были рядовые члены партии и простые люди, вообще не принадлежавшие ни к одной партии – ни к правящей, ни к контрреволюционной. На одном лишь «Электрозаводе» было репрессировано 1000 человек. Параллельно со всеми действиями по модернизации страны работала гигантская машина уничтожения. Для изучения ее результатов в единстве с карательной деятельностью органов НКВД Шлегель вводит понятие социологии братской могилы. В состав такой социологии должно войти изучение всех мест массовых захоронений советских граждан (по примеру Катыни). Шлегель проанализировал состав останков казненных в 1937 г. и захороненных на Бутовском полигоне. Оказалось, что там лежат люди,

---

[47] Там же, с.520
[48] Там же, с.546
[49] Там же, с.547

не имевшие ничего общего с политикой и номенклатурой. Самую большую группу убитых составляют рабочие, служащие, крестьяне (примерно две трети жертв). Затем идут по убыванию следующие группы: православное духовенство и представители других религиозных общин; национальные группы (поляки, латыши, немцы); представители старой элиты и небольшевистских партий и группировок; заключенные строители канала Москва-Волга; группа «асоциальных» и инвалидов, уничтоженных, чтобы освободить места в тюрьмах. Цифры ясно свидетельствуют: большинство жертв советской власти и авторитарной модернизации происходило не из рядов «старой гвардии», не из политического истеблишмента, а из массы простого населения[50].

В заключение Шлегель констатирует, что за катастрофой 1937 г. по прошествии всего лишь трех лет последовала еще большая: «За историей, рассказанной здесь, должна была бы последовать другая, посвященная грядущей войне, едва не наступившей гибели страны и ее спасению, когда одна трагедия исчезает в тени другой, еще большей»[51]. Иначе говоря, война стала занавесом, который закрывает деятельность государственной власти.

Отправные пункты обсуждения темы

Для понимания проблемы государственного насилия как элемента модернизации надо учитывать, что в общественном сознании слабо представлена память о преступлении государства. Память о войне как трагедии подменена памятью о победе. В итоге память о государственном насилии оказалась на периферии массового сознания. Политическая бюрократия утверждает заведомую правоту государственной власти. До сих пор основная масса населения России считает, что власть способна высказывать авторитетное мнение, которое приобретает характер объективной реальности. Отношение к сталинскому мифу - индикатор степени модернизированности российского общества. В советское время партия, армия и спецслужбы стали новым эксплуататором. Советское государство не имеет отношения ни к модернизации, ни к марксовому социализму и коммунизму. В репрессивных органах сложилась особая полицейская точка зрения на факты и события социальной действительности, которая способствовала выдвижению полиции на роль ключевого агента социального бытия. Категории науки в 1930-е гг. многое переняли у административных и поли-

[50] Там же, с.600-613
[51] Там же, с.686

цейских организаций. Социальные науки превратились в «легавый марксизм» (А.Зиновьев). Обнаружение национальных различий – это знание на службе государства. Во взглядах 2/3 населения современной России сохранилась имперская компонента. Поэтому требуется разработка и внедрение различных концептуальных и организационных форм социального иммунитета и сопротивления существующей власти. В постимперских обществах и государствах требуется также учитывать различие между неповиновением, приспособлением и коллаборационизмом.

Существует асимметрия между осмыслением исторической катастрофы в СССР и осмыслением нацистских преступлений. Для ее преодоления надо отвергнуть любые способы рационализации советского прошлого и его отождествления с модернизацией на уровне страны и региона. Концепция тотальной истории позволяет рассматривать насилие как универсальное средство, пронизывающее все сферы общества, подвергаемого модернизации. Политическая география сталинизма может базироваться на разработке всех противоречий социальной жизни. Лучше всего выражает взаимопроникновение насилия и мечты параллельность электоральных процессов и массовых репрессий. Надо изучить, как влияет на электоральное поведение современных россиян одновременность подготовки выборов и проведение массовых акций по уничтожению. Советская система была контролируемым хаосом, который власть развязывала ради сохранения самой системы. Для адекватного представления о советской модернизации надо изучать страх, голод, всеобщее истощение людей, вокзалы, черные рынки, очереди, бараки, общежития, формы физического насилия. Именно в этом отражались основные моменты советской жизни. Особенно важно описание среднего уровня советской власти, подписывающего приказы на уничтожение в каждом областном городе (тройки).

Модернизация – это история распада всего прочного, устоявшегося. Власть осуществляла модернизацию ради обеспечения собственной полной бесконтрольности. Все планы власти были чрезвычайными проектами. Такая ситуация создавала ожесточенную борьбу за выживание. Модернизация – это тихая гражданская война, многократно усиленная абстракция первобытного состояния войны всех против всех.

Власть насильственно создала такую ситуацию, а затем использовала насилие для тотальной бюрократизации общества. Результатом стал универсальный оппортунизм. Советский патрио-

тизм не связан с революцией и советско-германской войной, а со всеми свойствами советской модернизации. В СССР возникла гармония науки и террора, специалистов и принудительного труда, превращение знания об использовании природных богатств в знание об угнетении человека. Авиация и реклама как элемент модернизации были тотальной ложью. Надо исходить из полного истощения населения при преодолении проблем повседневности. На основе такого истощения можно понять систему советского господства как элемент модернизации, которая породила унификацию общества.

Советский город переплетен с генезисом советских трудовых коллективов и пролетарских районов. Они стали местом социальной мимикрии миллионов и готовности приспособиться в условиях чрезвычайного положения. Советские заводы и фабрики были очагами дезорганизации, хаоса, анархии, дискуссий, критики и доносительства. С помощью радио власть получила доступ к уху граждан, независимо от их желания. Акустический образ насилия создавали Л. Утесов со своим джазом, И. Дунаевский с массовой песней и Д. Шостакович симфонической музыкой. Сегодня в соответствии с этими образами воспроизводится так называемое «советское прошлое» - т.е. социокультурные комплексы, созданные властью. Действительно, столица стала машиной по штамповке образов.

Параллельно с модернизацией страны работала машина уничтожения. Поэтому советскую модернизацию надо изучать в единстве с карательной деятельностью органов НКВД, и разрабатывать социологию братской могилы. Идея трагичности позволяет сделать человеческие потери модернизации важным аспектом социального анализа. Поэтому возникает проблема использования методологии учета военных потерь при анализе модернизации как социальной войны государства с населением.

Стало быть, память о государственном насилии в прошлом и формах его проявления в настоящем надо сделать исходным пунктом анализа всех социальных и политических проблем современной России. Под таким углом зрения отбирался материал для этой книги. Она отражает процесс работы Центра политической концептологии Южного федерального университета в 2009-2014 гг. и составлена из статей, опубликованных в журнале «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». Сердечно благодарю коллег за сотрудничество.

Часть 1. Проблемы методологии

КОНЦЕПТ «РУССКАЯ ВЛАСТЬ»: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

А.В. Лубский

В конце 90-х гг. прошлого века появились работы В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, посвященные «Русской власти» и «Русской системе», которые, как считают сами авторы, помогают лучше понимать, объяснять и более адекватно реконструировать исторический путь России; специфику государственной власти; национальный менталитет; особенности российских реформ, в том числе и в эпоху постиндустриального прорыва, а также причины нынешнего возвращении к «Русской системе» и в целом повторяемости такого явления в политической истории России[52].

В этих работах авторы предложили новые трактовки концепта Русской власти как метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире. Выступая в Центре политической концептологии Южного федерального университета в мае 2009 г., Ю.С. Пивоваров этот путь образно представил так: «Когда приезжаешь в Россию из Китая, чувствуешь, что она движется на Запад, когда приезжаешь в Россию из Европы, понимаешь, что Россия – далеко не Запад».

---

[52] Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.Фурсов А., Пивоваров Ю. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.

В отечественном интеллектуальном дискурсе метафора пути имеет два особых значения. Первое связано со «склонностью русских к духовному странничеству, которое свидетельствует об их постоянной потребности в самоидентификации, в поисках правды и справедливости, а также своего места в меняющемся мире»[53]. Другое значение метафоры «путь» связано с духовными практиками интеллектуалов, отправившихся в «путешествие за истиной».

Новое «путешествие за истиной» в России началось в конце XX в., когда стало ясно, что ее «демократический транзит» закончился неудачей и очередная попытка России стать Европой провалилась. Государству не удалось побороть ни «русский ген», ни выйти из «тени Грозного царя», ни освободится от пут «раздаточной экономики», ни выбраться из «российской колеи»[54]. Все это и побудило рефлексирующее сознание интеллектуалов к поиску причин неудач реформирования России сверху, в том числе и через осмысление ее особого пути развития.

Такое осмысление заставляет постоянно прибегать в интеллектуальном дискурсе к различного рода концептам, представляющим собой теоретические конструкты, наполненные ценностным содержанием. В структуре таких концептов всегда присутствуют ассоциативные компоненты, выраженные в форме образно-метафорических коннотаций. Эти компоненты играют очень важную познавательную роль, поскольку дают емкие представления, позволяющие в целом «схватывать» внутреннюю суть явлений. Кроме того, метафоры обычно становятся основой концептуализации исходного знания эмпирического, теоретического и аксиологического содержания.

В структуру такого рода концептов включаются также слова с повышенной эвристической нагрузкой. Так, в концепте «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И. Зверева, прилагательное русский, будучи приложенным к социологическим универсалиям система, власть, популяция, должно, по замыслу авторов, их качественно преобразовывать в новые понятия (не западные). В построениях неоевразийцев и тра-

---

[53] Тиме Г.А. Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 17.

[54] Примечательно, что в конце XX в. появилось сразу несколько концептов, претендовавших в метафорической форме выразить специфику «пути России»: «Тень Грозного царя» А.Л. Янова, «Русский ген» В.Б. Пастухова, «Российская колея» А.А. Аузана, «Раздаточная экономика» О.Э. Бессоновой.

диционалистов-почвенников это прилагательное приобретает статус сакрального и наделяется сверхценными свойствами[55].

Появление новых концептов-метафор в конце XX в. было обусловлено также тем, что в это время в социальных и гуманитарных науках актуализировалась проблема языка научного дискурса. Эта проблема была порождена осознанием того, что в отечественном социально-гуманитарном познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения российской действительности, поскольку при ее изучении многие исследователи пользуются исключительно языком западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде при изучении иных социокультурных реалий. Было забыто методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления»[56].

Возникновение проблемы языка научного дискурса объясняется тем, что в начале 90-х гг. прошлого века, на волне критики марксистской парадигмы научного познания обнаружился дефицит креативности среди отечественных ученых, связанный с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности. Многие отечественные ученые, отказавшись от марксистской парадигмы научного познания, обратились к западноевропейской интеллектуальной традиции, сотворив себе новых кумиров в лице представителей академической науки на Западе. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат, стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской проблематике. Некоторые из этих конструктов превратились в интеллектуально-когнитивные моды. Отсюда в отечественных научных исследованиях началось, как отмечает Б. Капустин, «бесконечное топтание на парадигме модернизации-либерализации-демократизации-глобализации, которая в виде предельно радикальной критики допускает лишь теоретически маловразумительные рассуждения об «отклонениях» от якобы

---

[55] Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: http://www.situation.ru

[56] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки // Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. С. 432.

универсальных принципов развития, попятных тенденциях авторитаризма или чем-то еще в этом духе»[57].

Причины всего этого носят культурно-исторический характер и связаны они с особенностями стиля научного мышления многих российских ученых. Характеризуя этот стиль, Вс.Н. Иванов пишет: «Ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса»[58].

Некритичность русского познавательного духа, обусловившая склонность российских ученых к познавательной подражательности и интеллектуальным модам, способствовала интеллектуальной стагнации социальных и гуманитарных наук в современной России. В связи с этим появление новых концептов-метафор в научном дискурсе конца XX в. можно рассматривать как попытку, с одной стороны, преодоления синдрома подражания, свойственного русской интеллектуальной мысли, с другой – разработки языка, адекватного для изучения российской действительности. Речь, разумеется, при этом идет не о претензиях на создание особой, национальной версии гуманитарных и социальных наук, а о поиски пути выхода из той интеллектуальной стагнации, куда их завела когнитивная подражательность.

Трактовки концепта Русской власти, предложенные В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в качестве метафорического понимания и теоретического обоснования русского пути и места России в современном мире, также являются попытками разработки научного языка, понятийного и теоретического аппарата, адекватного для изучения российской политической специфики.

В современной науке можно выделить системный и реляционистский походы в трактовке политической власти. В рамках системного подхода власть рассматривается в качестве атрибута

---

[57] Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиным // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М.: Изд-во Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 60.

[58] Иванов Вс. Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ «Центр Стратегических Исследований», 2005. С. 15–16.

политической системы общества, раскрывающегося в способности власти поддерживать целостность общества, мобилизовывать его ресурсы, регулировать общественные отношения. В рамках этого подхода разработаны структурно-функциональная и мобилизационно-целевая теории политической власти. В русле реляционистского подхода, в котором власть трактуется как средство взаимодействия политических субъектов, созданы потенциально-волевая, инструментально-силовая, коммуникативная, обмена ресурсами и раздела зон влияния теории политической власти.

Методологический потенциал этих подходов и теорий (за исключением инструментально-силовой теории) оказался явно недостаточным при изучении российских политических реалий. В частности, В.П. Макаренко, предлагая свою трактовку концепта Русской власти, показывает наличие «мифических элементов» в трактовке власти как волевого отношения. Сам он при этом частично опирается на деятельностный подход, при котором власть рассматривается в качестве средства политического управления, включающего разнообразные ресурсы – от принуждения до убеждения. В рамках этого подхода разработаны такие теории политической власти, как авторитарно-властного господства и авторитетно-властного полномочия.

Работа В.П. Макаренко «Русская власть» посвящена теоретико-социологическим проблемам русской власти. В социологии власти основной вопрос – это вопрос о субъектах властных отношений. В концепте Русской власти В.П. Макаренко, основанном на идее «троевластия» присутствует только один субъект этих отношений – «властитель-собственник-жрец». Все остальные – «подданные, собственники, верноподданные» являются объектами этих отношений. Поэтому Русская власть у В.П. Макаренко выступает атрибутом «властителя-собственника-жреца», для всех остальных объектов властных отношений власть наполняется онтологическим смыслом: власть – это «неопределенная, вездесущая и дьявольская сила».

Таким образом, В.П. Макаренко разрабатывает концепт Русской власти в русле ее трактовки, с одной стороны, как авторитарно-властного господства (основа – концентрация власти и собственности в одних руках), а с другой – трактовки власти как социальной онтологии.

Следует обратить внимание на то, что трактовка власти как социальной онтологии уже получила дальнейшее развитие в оте-

чественной литературе. В частности, некоторые исследователи, рассматривая пространство власти как пространство, где человек наделяется статусом, отмечают, что власть, соотносимая с высшей ценностью, задает основания аксиологической шкалы, структурирует общество, обеспечивает его «нерасчленимое единство». Для того чтобы подобная структура могла сформироваться, по их мнению, необходимы три условия. Первое – это острая потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения. Второе условие – наличие внешнего ресурса, значительно превосходящего местные, который власть может распределять, тем самым наделяя статусом подданного, чья способность осуществлять дальнейшее распределение зависит от объема распределенного в его пользу ресурса. Опираясь на этот ресурс (силовой, символический или хозяйственный), власть подавляет нежелательную активность низовых социальных групп и гармонизирует социальные отношения в подходящей для себя форме. Третье условие – дистанцированность власти. Чтобы легитимировать общество, полагают исследователи, власть должна быть сакральной («выведенной из зоны фамильярного контакта», говоря словами М.М. Бахтина). «Легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на «трансценденцию» власть не нуждается в признании со стороны общества (все претензии – к «источнику легитимности»), ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров. Это не тема для обсуждения, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо, «объективные условия», в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект»[59].

Трактовка концепта Русской власти была дана Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в «Русской системе», в которой Власть, иерархия и подчинение были объявлены глубинной сутью России. Концептуальное содержание «Русской системы» состоит в следующем: Русский мир, – утверждают авторы, – властецентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который мы назвали Русской Системой.

Основу «Русской системы» составляет идея «насилия», включающая, с одной стороны, преимущественно принудительные со-

[59] Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. 2008. № 3. С. 7–29.

циальные взаимодействия с постоянно присутствующей угрозой легитимированного государством насилия (побоев, ареста, конфискации имущества, лишения свободы, казни), а с другой – запечатленные в культуре символы и ценности «порядка» и «сильной руки», преобладание принуждения в установках сознания и поведения. Основные элементы «Русской системы» – это власть; популяция, то есть население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению; «Лишний человек», который может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигенции в XIX – начале XX вв.), так и коллективным (казачество в XVII в.). При этом относительно «Лишнего человека» авторы подчеркивают, что речь идет о тех индивидуумах и группах, которые не «перемолоты» Властью, и потому не стали ни ее органом, ни частью популяции. Или же о людях, «выломившихся» из популяции и власти, нередко в результате ее же, власти, деятельности, целенаправленной или побочной.

«Русская система» предполагает такой тип взаимодействия перечисленных выше элементов, при котором единственно социально значимым субъектом оказывается власть. Если «Русская система» – это способ контроля Русской власти над Русской жизнью, то Лишний человек – мера незавершенности Системы, индикатор степени «неперемолотости» Русской жизни Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской системы и Русской власти, а с другой – Русской системы и Русской жизни и есть, – констатируют авторы, – русская история».

В концепции «Русской системы» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова Русской власти придается онтологический характер. Метафизическая природа Русской власти, как отмечают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, служит для них универсальным объяснением ее постоянного возрождения в России. Но поскольку метафизика оказывается малопригодной для объяснения периодических кризисов, сломов «Русской власти», то на помощь Ю.С. Пивоварову и А.И. Фурсову приходит, как подчеркивают авторы, метафора физикалистская: весь многовековой тренд трактуется ими как двойственный процесс «утолщения» слоя приближенных к власти лиц (боярство, опричнина, дворянство, разночинное чиновничество, советская номенклатура, организованная концентрическими кольцами умельчающихся партийных, советских и хозяйственных руководителей – «Властепопуляция»), с одной стороны, и «истон-

чения» богатства (от боярских земель до советских пайков) – с другой[60]. По существу у Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова при рассмотрении причин сломов Русской власти речь идет о росте номенклатуры и истощении государственной «кормушки».

Сломы, смуты и последующие «переделы» Русской власти происходят, согласно Ю.С. Пивоварову и А.И.Фурсову, либо при излишней концентрации власти в каком-либо из привластных слоев, либо при чрезмерной ее распыленности.

Что общего и в чем состоят различия в трактовках концепта Русской власти В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова? Общим является то, что, во-первых, Русской власти придается метафизический характер, во-вторых, ее содержание подается в метафорической упаковке. Различия заключаются в следующем: в основе трактовки Русской власти В.П. Макаренко лежит идея «власти-собственности», а в основе трактовки Русской власти Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым – идея «насилия». Сравнивая трактовки концепта Русской власти этими исследователями следует обратить внимание также на то, что представления В.П. Макаренко больше тяготеют к взглядам на Россию как разновидности Восточной цивилизации в понимании Л.В. Васильева, а представления Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова – к взглядам на Россию как особую цивилизацию.

Об этом свидетельствуют высказывания А.И. Фурсова, который спустя десять лет после публикации совместно с Ю.С. Пивоваровым «Русской системы» писал, что у русской власти «нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен. В то же время – и в этом один из главных парадоксов русской власти, одно из ее главных противоречий – она, во-первых, никогда не возникла бы на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общеевразийского развития и, во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития. В связи с этим термин «русская власть», который я буду использовать, отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, формировавшуюся как русский ответ на нерусские – евразийские и мировые – воздействия. Я буду называть эту власть "центроверхом", чтобы не прибе-

[60] Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

гать к таким терминам как "государство", "патримония" и т.п.»[61].

Концепты Русской власти в трактовке В.П. Макаренко и особенно Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова получили широкий, в том числе и критический резонанс в научной среде. В связи с этим стоит остановиться на некоторых критических сюжетах, посвященных работам В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова. Критиками этих работ выступили в первую очередь либерально-ангажированные авторы, несмотря на то, что в концепции Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, как отмечает Г.И Зверева, широко использовались элементы либеральной миросистемности[62].

Есть критика негативная, а есть и позитивная. Примером негативной критики, т. е. без попытки разобраться в сути концепции, является рецензия А.А. Миголатьева на книгу В.П. Макаренко «Русская власть»[63]. А.А. Миголатьев – защитник гегелевской философии истории и сторонник либерализма – одного, как он сам пишет, из основных, ведущих течений современной общественной теории и политической практики, признающий универсальность либеральных ценностей прогресса, демократии и свободы, считает концепцию «Русской власти» В.П. Макаренко надуманной, в прокрустово ложе которой искусственно втискиваются сложнейшие социально-экономические, политические и духовные процессы в России.

Почему концепция В.П. Макаренко представляется А.А. Мигалатьеву «надуманной»? Потому что она, оказывается, не вписывается в стиль мышления А.А. Мигалатьева, основу которого составляет методология «однолинейного прогрессизма», суть которой состоит в представлении о том, что существует лишь одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Соответственно, в рамках такого стиля мышления запаздывающие общества типа России, идущие по линии этого прогресса, успешно могут быть описаны в понятиях модернизации, гражданского общества, правового государства, прав человека, либеральной демократии,

---

[61] Фурсов А. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480

[62] Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: http://www.situation.ru

[63] Социологические исследования. 2000. № 2. С. 47–50.

разделения властей, политической власти как авторитетно-властного полномочия, и поэтому никакой другой понятийный аппарат для описания, понимания и объяснения росиской действительности не нужен.

Другой критик В.А. Ковалев называет «Русскую систему» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова фантастическим вариантом[64]. Автор пишет, что российские обществоведы, в массе своей разочарованные результатами отечественных реформ последних полутора десятилетий, напряженно ищут ответа о причинах их неудачи. Сделать это, достичь теоретического прорыва, пребывая в состоянии ученичества у западных социальных наук, повторяя зады европейской и американской социологии и политологии, действительно трудно.

В связи с этим, отмечает В.А. Ковалев, понятен растущий спрос на самобытное теоретизирование, основанное на предположении о том, что мы очень серьезно отличаемся от Запада, и у нас свой порядок, который описывающие его авторы так просто и называют – «Русская система». «Практические выводы, которые я сделал из подобных представлений, сводились к фатальной безысходности произвола власть предержащих в России, при котором придется жить не только нам и нашим детям, но и внукам, правнукам. В переводе на житейский язык это значит, что Россия в рамках такой системы так и должна оставаться в состоянии перманентной холодной гражданской войны «верхов и низов», со злоупотреблениями элиты, с нищетой населения, а правовое государство, либерализм и свободные выборы для нее не только недостижимы, но и противопоказаны в принципе».

Далее автор от критики «Русской системы» как концепции неожиданно переходит к критике современного российского государства как ее «последнему изданию». «В глазах общественного мнения, – пишет В.А. Ковалев, – российское государство выглядит неэффективным, некомпетентным, коррумпированным и все более пугающим. Соответственно все исходящие от такого государства инициативы воспринимаются с позиции презумпции его враждебности и чуждости обществу». Наш вывод – «дальнейшее существование такого государства несовместимо с перспективами России. Уже в среднесрочной перспективе выживание и развитие России и продолжение существования «Русской системы» несо-

[64] Ковалев В.А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. 2006. № 1(50). С. 40–60.

вместимы». «Эта властно-центричная Система всегда была в нашей стране господином. В «Русской системе» нет никакой мистики, чуда «вечного возвращения» и т.п. Модернизация государства и экономики задержалась и принимает симулятивный характер, продолжают господствовать устаревшие, архаичные уже политические формы. По сути, это до сих пор не преодоленное наследие имперского прошлого. Русская система, с непреодоленными имперскими пережитками в отношении собственного населения всегда будет чревата Смутой. Так будет и дальше, до тех пор, пока в диалектике «господина и раба» роль господина будет оставаться за чуждым населению государством – без всяких вариантов. Без появления в России демократического национального государства (в смысле гражданской нации) так и будет».

Тем самым В.А. Ковалев признает существование в России «Русской системы» как ее «господина». Почему же в связи с этим «Русская система» Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова является фантастическим вариантом остается загадкой.

Есть критика позитивная, признающая некоторые положения критикуемых концепций, но отрицающих их эвристический потенциал для понимания процессов, происходящих в социокультурной сфере современного российского общества и прогнозирования его будущего. В частности, Э.А. Паин, относит концепцию исторической инерции, которую Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов назвали «Русской системой», а А.Л. Аузан «Российской колеей», к теориям исторического фатализма, основу которых составляет идея культурного кода, неизменного, воспроизводящегося при любых исторических обстоятельствах[65].

«Я как этнограф по образованию и политический антрополог по роду деятельности, - пишет Э.А. Паин, - разумеется, не отрицаю существование неких явлений культуры, которые можно охарактеризовать как культурный код. Почему Салтыков-Щедрин, – вопрошает в связи с этим автор, воспринимается как наш современник, почему мы наблюдаем повторяемость именно тех стереотипов поведения, которые так сильно препятствуют утверждению конституционного строя в России и переходу ее от власти авторитета к власти закона? Да потому, что сохраняются фундаментальные черты в российских условиях жизни, они и воспроизводят культурный код».

---

[65] Паин Э.А. Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/06/26/pain.html

«Несущим каркасом этих условий, – считает Э.А. Паин, – является господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих. В какие-то времена эти «ножницы» сжимались за счет прикрепления населения к территории, а в другие – прикреплением ее к государству и оскоплением социальных свойств человека, его гражданских качеств. Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит – пусть за все и отвечает. Барин думает, что он платит – пусть думает, что я служу. Барин имеет собственность – пусть он ее и охраняет». «Как торговала Россия сырьем при Петре – так и торгует, только вместо леса и пеньки продает лес и газ. Как сажали государи воевод и бояр на кормление – так и сажают. Воспроизводятся нравы города Глупова. Самое главное: как не было в России общества, способного контролировать государство и воспринимать себя как основной элемент политической системы, так его и нет».

Однако, как утверждает Э.А. Паин, «российская система инерционна, но не традиционна. Поэтому у «Русской системы» как инерционной системе, а не о perpetuum mobile, есть ресурс, который расходуется, исчерпывается. И это исчерпание уже заметно и будет нарастать, прежде всего социокультурной сфере. Поэтому я, – говорит Э.А. Паин, – выступаю против мистификации культурных кодов, поскольку, нет подтверждений распространенному мнению об их неизменности.

Этой идеи придерживается и И.М. Клямкин, который ссылается на результаты социологические исследования, проведенные по заказу одного из центров либеральных исследований. Убежденные сторонники «Русской системы» в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, по данным И.М. Клямкина, составляют менее 7% респондентов. Невелик и их резерв (22%), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков «русской системы». Между тем сторонники модернистской альтернативы «русской системе» (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют треть населения (33%) при несколько большем по численности резерве (37%). Почти все наши сограждане (96%) считают, что в стране сегодня царит произвол властей, причем свыше 50% полагают, что от него нет защиты. Более половины опрошенных (58%) убеждены в том, что власть в России держится

сегодня прежде всего на круговой поруке чиновников, их коррумпированности, причем больше всего подобные настроения распространены в ядре «модернистов»: данную точку зрения разделяют почти две трети их представителей. При таком отчуждении населения от государства последнее не может быть источником доверия, а становится главным источником недоверия» [66].

Согласно этим данным получается: почти 20 лет реформ и власть вернулась в привычную колею. Однако И.М. Клямкин делает вывод о том, что российское общество переросло «Русскую систему» еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего и смены традиционных для страны способов легитимации власти. Есть все основания утверждать, продолжает И.М. Клямкин, что таких благоприятных условий для реализации либерально-модернистского проекта, какие существуют сегодня, в стране до сих пор не было. Проблема же в том, что до сих пор обществу не предложено самого такого проекта.

Что общего между либеральными критиками концепций «Русской власти» и «Русской системы»? Во-первых, критике подвергаются не их концептуальные основания, а современная российская государственность как их последнее воплощение. Во-вторых, это вывод критиков о том, что в условиях постиндустриального развития система Русской власти обречена, поскольку ее ресурсы или исчерпаны, или недостаточны для постиндустриального прорыва. В-третьих, критики в большей мере стремятся быть идеологами, чем учеными, или, по крайней мере, политическими философами, которые стремятся поставить политическую реальность под свой контроль, и для которых эта реальность важна не сама по себе, а как предмет рассуждений о том, что в ней не так с точки зрения определенного идеала общественного развития.

Иной вид критики демонстрируют академически настроенные ученые. В частности, В.А. Дубовцев и Н.С. Розов считают, что авторы «Русской системы», а также их последователи стремились прежде всего понять природу русской власти и ответить на вопрос, почему «русский ген власти» после соединения с западными новшествами и краткого периода мутаций и гибридизации вновь проявляет свою твердую, неизменную природу и порождает структуры власти, сходные с прежними.

---

[66] Клямкин И.М. Модернистский проект в России // Неприкосновенный запас. 2003. №1(27)

Однако «Русская система», «Русская власть» – это, как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, не столько понятия, сколько метафоры, которые «нуждаются в рационализации, критическом осмыслении; даже доказав свою надежность, метафоры требуют концептуализации и эмпирической проверки. Легкость метафорической интерпретации хоть и способствует созданию ясного и зримого образа, но оставляет за скобками главный концептуальный вопрос: фатально ли возвращение и при каких условиях возможно поступательное продвижение без циклов и возвратов?». В связи с этим В.А. Дубовцев и Н.С. Розов предлагают использовать концепт «Русская власть» для понимания комплекса устойчивых и воспроизводящихся в российской политической истории свойств политических режимов. Речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие. Авторы предлагают также некоторые научные, на их взгляд, и эмпирически верифицируемые гипотезы, объясняющие историческую цикличность автократии в России.

В качестве такой гипотезы у них выступает идея «вертикального договора» и расширения российской субъектности.

В течение каждого относительно длительного периода стабильности (30–50 лет) те или иные социальные группы, как считают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, накапливают имущественный ресурс (капитал в широком смысле) и обретают способность к мобилизации и консолидации для отстаивания своих имущественных и иных прав, в той или иной форме претендуют на участие в принятии правовых и политических решений.

В понятиях «вертикального договора» это означает «претензии на превращение его в систему (режим) горизонтальных договоров как способ перераспределения ресурсов. Если верховная власть идентифицирует себя как абсолютная автократия (самодержавие) и не готова к горизонтальным контрактам (которые всегда ее ограничивают), она предпринимает репрессивные действия против групп держателей ресурсов, привлекая для этого силовые структуры и низовые группы. В одних условиях (когда сами проводники этой политики – собственники) верховная власть расплачивается с низовыми союзниками долей экспроприированных ресурсов, и тогда рекурсивное повторение процесса ведет как раз

к расширению «привластных» слоев и дроблению собственности. В других – когда проводниками политики оказываются неимущие чиновники – власть концентрирует ресурсы (вплоть до полной национализации), расплачиваясь «распределением пайков». В любом случае нахождение некой приемлемой формы вертикального контракта открывает новый период стабильности, и цикл повторяется»[67].

К такой трактовке концепта «Русская власть», которую предлагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, можно добавить следующее. В рамках деятельностного подхода к пониманию «Русской власти» ее можно рассматривать как средство государственного управления. Одним из основных ресурсов этой власти, определяющих ее специфику, выступает «кормление». Как формальный институт «кормление» было отменено еще при Иване IV, но как неформальный институт оно, по мнению Т.С. Кондратьевой, постоянно реактуализируется в России, в том числе и современной[68]. Автор рассматривает «кормление» как функцию «Русской власти» в двояком смысле: 1) кормление в смысле «править и кормиться», 2) кормление в смысле «править и кормить».

Кормление как «править и кормиться» представляет собой неформальный политический институт. Кормление как «править и кормить» – это атрибут «Русской власти» как средства государственного управления. В связи с этим надо отметить, что в русском языке слова «кормить» и «править» синонимичны, отсюда «стол» и «престол», а также «кормчий», который не только хорошо правит лодкой, но и кормит, ибо лучше других знает, где найти рыбу или зверя.

Расширение концептуального видения проблемы «Русской власти», как полагают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, может привести к превращению специфических российских констант в переменные. В связи с этим они отмечают, что в «Русской системе» в полном согласии с магистральной традицией русской политической истории фокусируют внимание на решениях и действиях представителей верховной власти («царей–генсеков–президентов» и их ближайших советников), оправдывая свой подход метафизи-

---

[67] Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8–23.

[68] Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. – М., 2009. С. 8–9.

ческой моносубъектностью «Русской власти». В нашей концепции «расширения российской субъектности», подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, «выступают на сцену не только группы держателей ресурсов, но и низовые слои, от сознания и поведения (субъектности!) которых многое зависит».

В.А. Дубовцев и Н.С. Розов критикуют Ю.С.Пивоварова и А.И.Фурсова за то, что в их «Русской системе» почти все социальные слои и группы в России движимы инстинктом восстановления «русской власти», тогда как акторы, против нее выступающие (бояре, верховники, декабристы, кадеты, диссиденты), безжалостно выбрасываются на свалку истории. Если же отступить от «метафизики» и опереться на принципы социально-исторической динамики, то, по мнению В.А. Дубовцева и Н.С. Розова, приверженность тех или иных групп и слоев «русской системе» (читай: монополизации власти, принуждению и насилию, «сильной руке», «вертикали власти», подавлению любой оппозиции и пр.) «должна пониматься как зависимая величина, на которую влияют некие опять же меняющиеся факторы. Тем самым открываются возможности целого спектра социологических, сравнительно-исторических и сравнительно-политологических исследований».

Могущество и устойчивость «русской власти» напрямую зависят от поддержки ее разными группами населения, в том числе и от ее легитимации историками и политологами. Однако поддержка и легитимация – не единственно возможная реакция на «русскую власть»; последняя отнюдь не вечна. «Русская власть» – это вполне «реальная историческая субстанция, и ныне, – подчеркивают В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, – мы вновь вкушаем ее плоды. Следует признать потрясающую живучесть данного феномена, его способность возрождаться и набирать силу. Однако разве не может (и не должен!) наметившийся «метафизический» пиетет перед этим идолом-мутантом, – вопрошают авторы, – смениться концептуализацией, критическим обсуждением, выдвижением и проверкой гипотез, широкими сравнительными исследованиями – и все это ради получения ответа на вопрос: при каких условиях «русская власть» сменится в России на нечто более приемлемое?».

В связи с бурным обсуждением концепции «Русской системы», предложенной Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым, необходимо высказать несколько суждений по поводу системы русской власти и ее фатального характера. Нам представляется, что «Рус-

ская система» – это не столько концепция социального порядка в русском обществе, как пишут ее авторы, а концепция российской государственности как государственно-организованного общества. Специфика российской государственности определяется не столько формальными институтами государственной власти (хотя здесь тоже есть своя специфика), сколько неформальными, которые задают, с одной стороны, модели взаимодействия государства и общества (патернализм), государства и человека (этатизм), государства и природной среды (экстенсивизм), государства и окружающего мира (мессианизм), а с другой – модели поведения «власть придержащих» (насилие и мобилизация), «подданных-бессубъектников» (терпение и легитимация) и «лишних людей-диссидентов» (юродство и безнадежность).

Что же касается вопроса о фатальной обреченности России на «Русскую систему» и «Русскую власть», то полагаю, что при решении этого вопроса следует опереться на новые методологические подходы, прежде всего в рамках неоклассической модели научного познания. Одним из таких походов связан с идеей нелинейного времени, позволяющей по-новому интерпретировать отношения между старым и новым. В соответствии с этой идеей прошлое, настоящее и будущее, разворачиваясь в действиях людей, являются не последовательными, а одновременными состояниями.

Пример реализации такого подхода предложил немецкий историк Р Козеллек, изучавший «время истории» через отношения между прошлым и будущим (или, в антропологических терминах, между опытом и ожиданием). В частности он пишет: «Опыт и ожидание – это две категории, которые, переплетая прошлое и будущее, вполне подходят для того, чтобы работать над историческим временем». Конкретная история реализуется па пересечении определенного опыта и определенного ожидания. Но эти понятия «обнаруживаются не только в процессе осуществления конкретной истории, в той мере, в какой они помогают ей двигаться вперед. В качестве категорий они также дают для нашего познания истории формальные дефиниции, которые позволяют расшифровывать это осуществление»[69].

Новизна такого подхода заключается в том, что ученый сознательно направляет свое исследование на тяжбу или зазор между «полем опыта» и «горизонтом ожидания», индивидуальным или

[69] Koselleck R. Le futur passe. Contribution a la semantique des temps historiques / Trad. J. Hoock. M. C Hoock. Paris: EHESS, 1990. P. 310–311.

коллективным, при этом ясно понимая, что реализация проектов будущего обновляет смысл внутреннего опыта героев его повествования и тем самым определяет содержание их настоящего. Иначе говоря, современность, изученная ученым без учета прошлого, реактуализованного в настоящем благодаря новому видению будущего, теряет свою полноту, рассыпается на единичные явления и вещи. Если ученый стремится реконструировать эту полноту, он должен маневрировать так, «чтобы не подвергать себя двустороннему риску тирании наследия и свободы преобразования (или их сиюминутной детерминации)»[70].

ЧИТАЯ ДЖЕЙМСА СКОТТА: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФАКТЫ И МЕЛОДИЯ ВЛАСТИ

В.П. Макаренко
А.И. Рюмшина

От Дэвида Юма берет начало традиция рассматривать государство как искусственное изобретение. Однако Дуглас Норт с коллегами в свежей книге выдвигает интересное сравнение: Месопотамия Ш тысячелетия до н.э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине – это «естественные государства». При этом Норт приводит множество аргументов, которые нуждаются в систематическом анализе. Среди них и такой: Путин в России сосредоточился на экономических реформах, чтобы получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но как только стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ[71]. Отсюда ясно, что один из признаков «естественного государства» - использование экономических ресурсов для укрепления личной власти и право высшего лица государства принимать решения об этом. А каковы другие признаки «естественного государства»?

---

[70] Lepetit B. Le present de l'histoire // Les formes de I'experience. line autre histoire sociale. Paris: Albin Michel, 1995. P. 290.

[71] Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с.84, 246

Контекст проблемы

Уже в либерализме Х1Х века был сформулирован тезис о необходимости ограничить государство функциями ночного сторожа. В середине Х1Х века Карл Маркс назвал государственную машину «организмом-паразитом» и выдвинул тезис об «отмирании государства» в будущем обществе. В конце Х1Х века Фридрих Ницше назвал государство «холодным чудовищем». Однако попытки практического воплощения этих концептов обнаружили в очередной раз иронию истории.

Отношение к указанным философско-политическим концепциям было различным. Независимо от различий можно зафиксировать общую практическую тенденцию: в начале XX в. в мире существовало около 60 государств, в конце столетия их уже было около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ» выросло примерно в четыре раза. Следует ли считать такой рост нормой социально-политического развития или же следствием непоследовательности и ненормальности либеральных, марксистских и ницшеанских политиков, идеологов и государственных деятелей, ангажированных в этот процесс?

Начнем с напоминания некоторых фактов. В XX произошли две мировых войны. Они унесли десятки миллионов жизней. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении XX в. оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. В результате первой мировой войны распались Османская и Австро-Венгерская империи, часть бывших регионов Российской империи получила статус самостоятельных государств. В итоге второй мировой войны рухнул Третий рейх в Германии, начался распад Британской империи, произошло восстановление Российской империи в виде Советского Союза, который все же распался в конце XX в. Устойчивая тенденция распада больших государств обозначилась уже в середине XX в., но одновременно произошел рост диктатур в малых и средних государствах, а также возросло число локальных войн[72].

В XX веке состоялось большое число политических революций, которые обычно происходили под флагом создания нового государства ради независимости или справедливости. Следствия революций оказались противоречивы. Но можно утверждать вполне определенно: Марксова программа отмирания государства при ее

---

[72] См.: Кор Леопольд. Распад государств. - М., Товарищество научных изданий КМК, 2007

воплощении на практике в СССР обернулась его небывалым усилением. В конце XX в. определилась общая тенденция упадка государства и его институтов - государственных хозяйственных предприятий; систем социального страхования; систем правосудия; тюремных систем; вооруженных сил и полиции; государственных школ, СМИ и статистических аппаратов. Все эти государственные службы сокращаются по всему миру[73].

XX век начинался множеством обещаний улучшить «судьбу человека». Но их реализация привела к тому, что на протяжении ста лет уничтожили больше людей, чем во всей предшествующей истории. Наиболее преуспели в истреблении собственного населения советские и китайские коммунисты. Первые осуществили коллективизацию, вторые - «большой скачок». По этим примерам другие государственные деятели сгоняли людей в деревни в Танзании, Мозамбике, Эфиопии, строили города в Индии и Бразилии. Во всех случаях страдало население. Инициаторы и исполнители таких проектов уходили от ответственности.

Каковы причины такого положения вещей? Американский профессор Джеймс Скотт для ответа предлагает изучать природу государства. Такой подход делает его книгу особенно интересной для России. Здесь государство всегда выступало в облике земного бога. А нынешнее придает социальным потребностям ранг «национальных проектов». Надо разобраться в природе государственной добродетели.

Е.А.Осокина проанализировала концепцию «повседневного сопротивления», которую разработал Джеймс Скотт для описания поведения крестьян[74]. На основе критического разбора концепции Д.Скотта Е.А.Осокина ввела понятие **сопротивляемости как формы социального иммунитета**. Эта понятие помогает описать сопротивление не чужим оккупантам, а «своей» власти. Дело в том, что в обществах типа Советского Союза и нацистской Германии трудно провести границу между неповиновением, приспособлением и сотрудничеством с властью. Но указанное различие необходимо в аналитических целях.

Каковы же общие причины сопротивления государству? Для ответа вчитаемся в книгу Скотта[75].

---

[73] См.: Кревельд Мартин ван. Расцвет и упадок государства. Пер. с англ. Под ред. Ю.Кузнецова и А.Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006, с.512

[74] Повседневное сопротивление – это реакция крестьян на подавление их государством.

[75] См.: Скотт Д. Блапгими намерениячми государства. Почему и как проваливались проекты

Смертельная опасность

Государство всегда было врагом кочевников, скотоводов, охотников-собирателей, цыган, бездомных, странников, беглых рабов и крепостных. Вся история государства – это бесконечные попытки организации населения для обеспечения сбора налогов, воинской повинности и предотвращения волнений. Государству нужна была «карта» земель и людей. Как сделать общество прозрачным? – такова центральная проблема государственного управления. Но мало кто задумывается о том, что на протяжении большей части истории государство было слепцом. Вплоть до Нового времени оно ничего не знало о благосостоянии, землях, урожаях, местонахождении подданных. Скотт детально описывает **природу государственной слепоты**.

Государство стремилось к власти над людьми и природой, подданными и средой их обитания. Чтобы достичь власти, оно использовало проекты научного лесоводства, сельского хозяйства, устройства плантаций, колхозов, деревень, стратегических поселений. Все они направлены на то, чтобы сделать территорию, производство и рабочую силу доступной обзору и управлению сверху и из центра. Для этого государство инициировало создание постоянных фамилий, мер и весов, земельного кадастра, переписи населения, прав собственности на землю, стандартизацию языка, правовых норм, городов и транспорта.

Во всех случаях осуществлялся перевод социальных иероглифов в удобный формат для бюрократии. Социальные упрощения позволяли наладить сбор налогов, призыв рекрутов, санитарию, политический надзор и помощь бедным. Во всех случаях возрастало вмешательство государства в жизнь граждан. Государственные упрощения представляли не истинную деятельность общества, а лишь тот ее срез, который **интересовал официального наблюдателя**. Такой подход к управлению государством позволяет рассмотреть **все неудачи** в развитии стран Восточной Европы и третьего мира.

Исследование Скотта посвящено доказательству главного тезиса: все трагедии социальных проектов государства есть следствие сочетания четырех элементов, каждый из которых способствует развертыванию бедствий: бюрократическое стремление упорядочить природу и общество на основе государственных упроще-

---

улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ Э.Н.Гусинского, Ю.И.Турчаниновой. – М.: Университетская книга, 2005

ний; идеология высокого модернизма; авторитарное государство, которое стремится воплотить в жизнь указанные проекты; бессильное гражданское общество.

Современное государственное управление есть синтез этих элементов: просматриваемость общества создает условия для перестройки общества; идеология высокого модернизма заставляет желать ее; авторитарное государство обеспечивает готовность действовать в соответствии с этим желанием; выведенное из строя гражданское общество позволяет выровнять социальный ландшафт, чтобы на нем строить все заново. Однако спланированный социальный порядок всегда игнорирует существенные черты любой реальности[76].

Во введении Джеймс Скотт кратко описывает эти элементы.

Государственные упрощения - это инструменты управления государством. Они с равным успехом могут обслуживать как благосостояние и свободу, так и проекты потенциального диктатора.

Идеология высокого модернизма – это соединение веры в научно-технический прогресс и рациональность социального порядка с верой в «интересы» как мотор социального развития. Эта вера сложилась на Западе как побочный продукт прогресса науки и промышленности. Высокий модернизм не тождествен научной практике, поскольку «идеология» означает веру вместо учета закономерностей науки и техники. Носители идеологии высокого модернизма видели рациональный порядок в визуальных терминах. Для них рационально организованный город, деревня, ферма был поселением, которое *выглядело* геометрически упорядоченным. Если планы терпели неудачу, носители идеологии высокого модернизма пытались создать микропорядок в образцовых городах, деревнях и фермах. Даже капиталисты действовали по указке государства ради реализации его планов. Крупные чиновники и главы государств предпочитали такие формы планирования и социальной организации (огромные дамбы, централизованная связь и транспорт, большие фабрики и фермы, города, выстроенные по

[76] Это легче всего проиллюстрировать забастовкой типа «соблюдать правила»: она основана на том, что любой процесс производства зависит от неформальных методов и импровизаций, которые никогда невозможно кодифицировать. Скрупулезно соблюдая правила, рабочие могут остановить производство. Точно так же правила воплощения планов города, деревни, колхоза не годились для создания социального порядка. Формальная схема паразитировала на неформальных процессах, создавать или поддерживать которые она не могла. Подавление неформальных процессов означало провал: терпели неудачу те, для счастья которых был задуман этот проект, в конечном счете и сами проектировщики тоже.

схеме), которые были удобны для носителей идеологии высокого модернизма и отвечали политическим интересам бюрократии. **Поэтому существует связь между высоким модернизмом и интересами государственных деятелей**[77].

Сочетание стало смертельно опасным, когда к первым двум элементам присоединилось *авторитарное государство*. Оно использует всю власть для воплощения в жизнь упомянутых проектов. Наиболее подходящее время для этого — войны, революции, депрессии, борьба за национальное освобождение. В эти времена приходят к власти элиты, которые отрекаются от прошлого и предлагают революционные проекты. Чрезвычайные обстоятельства способствуют узурпации чрезвычайных полномочий и делегитимизации предыдущего режима.

Обессиленное *гражданское общество* неспособно сопротивляться государственным планам. Война, революция, экономический крах резко ослабляют гражданское общество и повышают тягу масс к переделу собственности. Поздний колониализм, который управляет оппозицией с помощью грубой силы, тоже находится в этом ряду.

Итак, из чтения книги Скотта можно сделать первый общий вывод: для современного человека объектами сопротивления должны стать государственные упрощения, идеология модернизма, авторитарное государство и обессиленное гражданское общество.

Рассмотрим эти элементы подробно для уяснения основных аргументов Скотта.

Что такое государственные проекты?

Специфика государственных проектов описана Скоттом при анализе двух тем: природа и пространство; города, люди и язык. Стремление насадить порядок в природе породило **идеологию утилитаризма**. Слово «природа» было заменено термином «природные ресурсы». Деревья стали «древесиной», «бросовым» лесом, «подлеском». Растения стали «урожайными культурами» или «сорняками», а питающиеся ими насекомые — «вредителями». Живот-

---

[77] Социальной почвой высокого модернизма были проектировщики, инженеры, архитекторы, ученые и техники, чьи навыки и статус используются для проектирования нового порядка. Его представители находились среди левых и правых. Особенно часто они попадались среди тех, кто хотел использовать государственную власть, чтобы вызвать изменения в народных привычках работы, образе жизни, моральном поведении и мировоззрении. Это утопическое видение не было опасным в либеральных парламентских обществах, где планировщики должны были договариваться с организованными гражданами.

ные становятся «дичью» или «домашним скотом», а конкурирующие с ними или питающиеся ими — «хищниками» и «вредителями». Утилитарист обращает внимание лишь на те аспекты окружающего мира, которые можно использовать для нужд человека. По этой логике из целостного мира природы выделяют те виды флоры и фауны, которые имеют утилитарную ценность (т.е. пользуются спросом на рынке).

Современное лесоводство восходит к статье «лес» в энциклопедии Дидро. Эта статья посвящена пользе лесоматериалов, налогам, доходам и возможной прибыли от лесоводства. В результате лес как среда обитания исчез. Его заменил лес как экономический ресурс, которым нужно управлять. Основа утилитарного подхода к лесу – **совпадение** коммерческой и бюрократической логик. Абстракции чиновников отражают финансовые интересы их нанимателя.

Тип абстрактной, утилитарной логики, применяемой государством к лесу, не уникален. Но примечателен тем, что позволял государству навязать эту логику действительности. В абстрактном лесу ученого-лесовода правили расчет, измерение и три принципа: минимум разнообразия, строгий баланс, стабильность заготовок. Логика государственного лесоводства стала идентичной логике коммерческой эксплуатации[78]. Коммерческая и бюрократическая логика оказались синонимами; эта система обещала максимизировать производство и доставку на большие расстояния одного товара и в то же время давала возможность централизованного управления.

На протяжении XIX в. принципы научного лесоводства применялись во всех лесах Германии. В естественном лесу три четверти составляют лиственные разновидности. Теперь их заменили хвойными, в которых норвежская ель и шотландская сосна были единственными видами, поскольку они быстро растут и дают цен-

---

[78] Налицо было стремление к армейскому порядку. Деревья должны были стоять параллельными рядами, удобными для обмера, подсчета, вырубки. Лес предназначался для выполнения одной задачи и находился в распоряжении одного командующего. Даже не нужно было смотреть на лес; он должен был «вычитываться» из таблиц и карт в конторе лесничего. Управлять этим «построенным по ранжиру» лесом стало удобнее. Деревья одного возраста стояли строгими рядами. Это позволяло легко убирать подлесок, валить и вывозить лес. Новый способ посадки повышал технологичность процессов и позволял использовать письменные инструкции для работников. Производственные задачи могла выполнять необученная и неопытная бригада неквалифицированных рабочих, следующих небольшому числу стандартных правил. Заготовка бревен одинаковой толщины и длины позволяла успешно предсказывать воспроизводство леса и продавать однородный продукт торговцам древесиной.

ную древесину. Они стали хлебом насущным для коммерческого лесоводства. Монокультурный лес стал бедствием для крестьян. Они лишились пастбищ, продовольствия, сырья и лекарств, которые давал естественный лес.

Сырые и обработанные социальные факты. Государство было заинтересовано в коммерческой древесине и получении дохода. Поэтому оно стремилось уменьшить сложность леса, свести ее к малому числу измерений. Лес администраторов — это не лес натуралистов. В XX веке объектом количественных измерений стало общество. Этот процесс шел под флагом рационализации и централизации: определены категории людей и вещей; изобретены меры; сведены к денежному эквиваленту земля и товары.

Ученый-лесовод не заинтересован в описании экологии леса. Природный мир и реальное взаимодействие людей не годятся для административной манипуляции. Общество тоже сложно и разнообразно. Но бюрократия представляет его упрощенно, неадекватно. Она не заинтересована в целостном описании общества. Ее абстракции и упрощения направлены на три цели: налогообложение, политический контроль, воинская повинность.

В качестве примера Скотт приводит Францию XVII в. Там были распространены косвенные налоги — акцизы на соль и табак, пошлины, продажа лицензий, торговля чинами и титулами. Ими было легко управлять, они требовали немного информации о владении землей и доходе от нее. Земля дворянства и духовенства не облагалась налогами. Их бремя перекладывалось на горожан, фермеров, крестьян. Общинная земля была важным ресурсом для бедноты, но не приносила доходов государству.

Абсолютистское налогообложение было безумно – т.е. изменчиво и несистематично. Главный прямой земельный налог часто не платился вообще. Ни одно сообщество не платило больше трети причитающегося с него налога. Поэтому государство полагалось на исключительные меры, чтобы восполнить нехватки дохода или оплатить новые расходы. Государство устанавливало «принудительные ссуды»: ренты и платы за отчуждение прав в обмен на обязательства, которые оно выполняло и не выполняло; продавало должности и титулы; облагало налогами печи; определяло войска на постой. Постой войск – обычный способ финансового наказания. Он соотносится с современными формами налогов так, как четвертование потенциальных врагов короля — с современными формами изоляции преступников.

Государство испытывало недостаток в информации и в административных схемах. Оно хотело получать от подданных надежный доход, близкий к их фактической способности платить. Но деревья не способны к политическому действию, а крестьяне выступали против налогов с помощью тихого сопротивления, уклонения и прямого восстания. Надежный способ налогообложения зависел не только от выяснения экономических условий, но и от решения вопроса: каким требованиям подданные будут энергично противодействовать?

Примером для Скотта служит борьба за установление единых мер, весов и кадастров. Каждое действие требовало большой, дорогостоящей, долгосрочной кампании ввиду явного сопротивления населения и местных властей. Последние часто пользовались выгодами неразберихи из-за различия интересов и миссий отдельных звеньев бюрократического аппарата. Но в конечном счете единые меры были приняты и кадастры созданы.

Каждая ситуация иллюстрировала отношения между местным знанием, научными методами и бюрократическими приемами государства. Местные методы измерения и землевладения были непонятны государству. Они отличались разнообразием и запутанностью, отражавшими множество местных не государственных интересов. Их нельзя было вписать в бюрократическую схему путем удобного, но вымышленного описания. Логика неадекватного описания была обусловлена материальными интересами правителей (финансовыми поступлениями, численностью армии, государственной безопасностью) и поддерживалось всей полнотой государственной власти (отчетностью, судами, насилием). **В итоге псевдоописания подменили действительность, которая никогда не соответствовала навязанным схемам.**

Фальсификация измерений: народные и государственные единицы. Способ измерения всегда связан с ситуацией, моментом времени и местом. Чтобы охватить различные способы измерения земли, надо вообразить множество «карт», построенных в различных координатах. Существуют карты, в которых масштаб страны пропорционален ее населению, а не площади. На этих картах Китай и Индия больше России, Бразилии и Соединенных Штатов, а Ливия, Австралия и Гренландия практически исчезают. Таких карт можно придумать много. Они будут описывать землю в единицах работы, урожая, типа почвы, доступности, способности обеспечить пропитание. Ни одна из них не будет соответствовать

площади. Все измерения — *местные, заинтересованные, контекстные и исторически определенные.* Виды на урожай, рабочая сила, сельскохозяйственная технология, погода постоянно меняются. Поэтому стандарты оценки тоже меняются производно от места и времени. Такое множество карт создаст безнадежно запутанную картину местных стандартов, которые невозможно выстроить в единый статистический ряд, позволяющий государственным чиновникам делать значащие сравнения.

Политика измерений. Местные стандарты измерения были привязаны к практическим потребностям, отражали специфические образцы культур и сельскохозяйственную технологию, меняющуюся с климатом и экологией. Они служили признаком власти, инструментом утверждения классовых привилегий, находились в центре классовой борьбы и образовали проблему для управления государством. Усилия по упрощению и стандартизации единиц измерения проходят через всю французскую историю. Попытки простой кодификации местных методов давали быстро устаревавшие результаты. Министры короля столкнулись с клубком местных измерительных кодов, каждый из них требовал расшифровки. Каждый район говорил на собственном диалекте, непостижимом для посторонних и меняющемся без предупреждения. Государство рисковало просчетами из-за плохого знания местных условий или было вынуждено полагаться на советы местных проводников — знать и духовенство, которые использовали преимущества своего положения.

Непонятность местных методов измерения была не только административной головной болью. Она ставила под угрозу самые важные аспекты государственной безопасности:

1. Снабжение продовольствием - ахиллесова пята государства раннего модерна; за исключением религиозной войны, ничто так не угрожало целостности государства, как нехватка продовольствия, заканчивающаяся социальными переворотами. Без сопоставимых единиц измерения было невозможно контролировать рынки, сравнивать региональные цены на основные предметы потребления и эффективно регулировать поставки продовольствия. Государственные структуры было вынуждены искать свой путь на основе отрывочной информации, слухов и своекорыстных сообщений с мест. Поэтому их решения были запоздалыми и неадекватными.

2. Справедливость налогообложения не могла быть достигнута государством, потому что оно не знало основные элементы сравнения урожаев и цен. Из-за недостоверных сведений меры государства по собиранию налогов, реквизиции для военных гарнизонов, уменьшению городских недостач могли вызвать политический кризис. Но даже если эти меры не подрывали государственную безопасность, смешение различных способов измерений порождало громадные несоответствия и финансовые цели не достигались. Эффективный центральный контроль и сравнение цен были невозможны без стандартных единиц измерения.

Государство пошло по пути упрощения и стандартизации измерений.

Землевладение: местная практика и финансовые упрощения

Местные обычаи – это не законы. Обычаи – это действующие практические договорные отношения, которые непрерывно приспосабливаются к новым социальным обстоятельствам, включая отношения с властью. Системы землевладения, основанные на обычаях, зависят от рода, статуса и происхождения. Но их гибкость допускает микрорегулирование, ведущее к изменениям существующей практики.

Правителям послереволюционной Франции пришлось противостоять сельскому обществу, отношения в котором сплетались под влиянием феодальных и революционных порядков. Разобраться или устранить эти сложности было невозможно. Идеологические обязательства равенства и свободы противоречили сельским договорам, а также договорам ремесленных гильдий, употреблявшим слова «хозяин» и «слуга». Правители новой нации были озабочены отсутствием общей юридической структуры социальных отношений. Для некоторых казался достаточным новый гражданский кодекс, распространяющийся на всех французов. Но для буржуазных владельцев сельской собственности подробный *сельский свод законов* казался необходимым для гарантии их безопасности.

В конечном итоге ни один послереволюционный сельский свод законов не понравился победившей коалиции. По причине *запутанности форм общинного землевладения* было принято историческое для государства решение обложить налогом систему собственности в соответствии с финансовой схемой. Примерами для Скотта служат дореволюционные русские деревни Новоселок и

Хотиница; их проблемы не разрешило ни власть Российской империи, ни советская власть, поскольку та и другая использовали методы принудительнеого захвата.

Государственная налоговая администрация базируется на той же логике, что научное лесоводство: требует бюрократической формулы, которую новый чиновник может быстро уяснить и в дальнейшем управлять с помощью документа из своего офиса.

Государственные упрощения всегда статичнее и схематичнее реальных социальных явлений. У фермера не бывает средних урожаев, ливней и цен на продукцию. Налоговые бунты в Европе Нового времени объясняются несоответствием между жесткими требованиями налоговых служб и неготовностью населения выполнить эти требования. Но и самая беспристрастная налоговая система может функционировать только на основе установленных единиц измерений и схем расчетов. Она отражает реальную сложность деятельности фермера не больше, чем схемы ученого-лесовода отражают картину реального леса[79].

Пропасть между зафиксированными на бумаге и реальными фактами особенно велика в моменты социальных беспорядков и восстаний. Но и в спокойные времена всегда есть теневая система землевладения, не отраженная в официальных отчетах. Местная практика никогда не соответствует государственной теории. Все централизованные государства признали ценность единой кадастровой карты, которая никогда не соответствовала действительности. Кадастровая картография вводилась раньше и была более обстоятельной там, где централизованное государство могло навязать свою волю слабому гражданскому обществу. Если гражданское общество было хорошо организовано, то кадастровая картография всегда запаздывала и была произвольной и отрывочной[80].

---

[79] В колониях новая система владения устанавливалась чужеземными завоевателями. Они использовали непонятный язык и ведомственный контекст. Местная практика землевладения не имела никакого сходства с индивидуальным владением. Например, в Индии долговременная колонизация создала новый класс никогда не живших здесь прежде людей, которые стали полными владельцами с правами наследования и продажи собственности только благодаря тому, что они платили налоги на землю. В то же время буквально миллионы земледельцев, арендаторов и разнорабочих потеряли свои освященные обычаем права доступа к земле и ее продукции. Те же, кто первым проник в тайны управления новой собственностью в колониях, получили уникальные возможности. Таким образом вьетнамские секретари и переводчики, которые служили посредниками между французскими чиновниками в дельте Меконга и их вьетнамскими подданными, имели возможность сделать огромные состояния.

[80] Франция была нанесена на карту намного раньше, чем Англия, где профессиональные юристы сумели в течение длительного времени сдерживать эту угрозу приносящей им доход практике. По этой же логике побежденные колонии, управляемые указом, часто размечались

Вторая глава книги Скотта посвящена проблемам контроля государства над городским населением. Старые города были труднопроходимы. Поэтому власть стремилась составить карты старых поселений, чтобы облегчить управление ими. После революции подверглось рекогносцировке большинство городов Франции. В случае восстания в городе власть хотела обеспечить себе возможность быстрого перемещения в нужное место для его подавления.

Власти стремились преодолеть неразбериху и сделать города более ясными для внешнего глаза. Отношение к городской застройке не отличалось от отношения лесников к естественному хаосу леса. Корни геометрических поселений уходят в военную логику. Стандартный римский военный лагерь имеет преимущества. Солдаты легко осваивают способы его возведения; командиры точно знают расположение своих подчиненных и других отрядов; любой посыльный из Рима точно знает, где искать офицера. Поэтому идея лагерей и городов, построенных по одной схеме, как символ порядка и власти, привлекательна для огромных и многоязычных империй. К тому же город, построенный по логике повторения, удобен для управления и охраны. За мощью города скрывается забота о военной защите государя от внутренних и внешних врагов[81].

Скотт отмечает три важные особенности геометрически строгих поселений: их упорядоченность обнаруживается при перемещениях не по улицам города, а сверху и снаружи; план города не связан с повседневной жизнью его обитателей; городская недвижимость удобна как стандартизованный рыночный товар. В результате опять происходит **совпадение бюрократической и коммерческой логик**.

Отдельный пешеход не может охватить взором планировку города. Симметрию целого можно усмотреть из схемы (которую каждый может начертить) или из вертолета, откуда смотрит на землю Бог или власть. Такое пространственное соотношение при-

---

на кадастровой карте метрополии, которая заказала эту карту. Ирландия была первой в этом ряду. После завоевания Кромвелем Ирландия была полностью проинспектирована на предмет земли, зданий, людей и скота под руководством Уильяма Петти, для того чтобы облегчить насилие над нацией англичанами в 1679 г.

[81] Так, и у Альберти, и у Палладио главные артерии города мыслятся как военные дороги (viae militaires), которые должны были быть прямыми. По мнению Палладио, «дороги будут тем удобнее, чем они ровнее: то есть на них не должно быть *ни одного участка, где бы армии было трудно маршировать»*.

суще процессу городского или архитектурного планирования. Оно предполагает миниатюризацию и моделирование, позволяющие хозяину (проектировщику) смотреть на эти модели сверху вниз. Однако в результате о пластических свойствах и визуальной организации объекта судят с позиций, которые почти никому не доступны[82].

В таком городе государственным службам легко работать и попадать в отдаленные места. Но эти преимущества сопровождаются *постоянными недостатками*: отсутствие плотной уличной жизни; постоянный надзор со стороны властей; потеря уюта, мест для неформального отдыха и чувства соседства. Строгий геометрический порядок городской планировки формален. Его стройность несет ритуальные или идеологические черты парада и казармы. Такой порядок удобен властям, но неудобен жителям.

Городские участки и кварталы являются идеальными объектами для купли-продажи. Эти абстрактные единицы оторваны от любой экологической и топографической реальности. Поэтому они напоминают валюту, которую можно бесконечно накапливать и делить. Такая особенность сеточной планировки одинаково удобна для инспектора, планировщика и торговца недвижимостью.

Такая схема устройства города сложилась в Париже как следствие восстаний и революций. Чтобы облегчить перемещение войск между казармами, расположенными на окраине города, и непокорными районами, был предусмотрен ряд новых проспектов между внутренними бульварами и таможенной стеной. Множество рельсовых и мощеных подъездных путей связывали каждый район города с военными подразделениями, отвечающими за порядок в нем. Новые бульвары на северо-востоке Парижа позволяли быстро перебросить войска из Курбевуа к Бастилии для усмирения беспорядков в Сент-Антуанском предместье. Расположение новых рельсовых линий и платформ было продиктовано такими стратегическими задачами. Непокорные кварталы уничтожались или рассекались новыми дорогами, общественными территориями и

---

[82] Миниатюризации в виде макетов городов и пейзажей на практике может способствовать полет на самолете. Съемки с высоты птичьего полета перестали быть просто картографической традицией, результатом соглашения. Аэрофотосъемка с большой высоты демонстрирует порядок и симметрию того, что на земле может казаться беспорядком. Значение самолета для современного мышления и планирования чрезвычайно велико. Задавая перспективу, сглаживающую топографические различия на земле, полет дает возможность снова стремиться к синоптическому видению, рациональному контролю, планированию и пространственному порядку.

торговыми центрами. Обосновывая необходимость ссуды в 50 млн франков для начала работ, Леон Фоше подчеркивал интересы государственной безопасности: «Интересы общественного порядка не меньше, чем интересы охраны здоровья, требуют, чтобы через этот район баррикад как можно скорее была проложена широкая просека»[83].

Возникновение фамилий

После административного деления природы (леса) и пространства (земельной собственности) изобретение постоянных, наследуемых фамилий стало последней предпосылкой создания современного государства. Это был государственный проект, предназначенный для идентификации властью большинства граждан. Налоги и церковная десятина, перемещения собственности, списки призывников, перепись населения и владение собственностью в рамках закона были бы невозможны без установления личности граждан и прикрепления их к родовой группе. Мероприятия по установлению постоянных, наследуемых фамилий соответствовали желаниям властей сделать налоговую систему более прибыльной и четкой. Попытки регистрировать и переписывать людей были предвестниками новых налогов и очередного призыва в армию. Поэтому местные власти и большая часть населения сопротивлялись им.

Постоянные фамилии были требованием властей. Поэтому они возникникали раньше всего там, где складывались ранние государства. Тому главный пример Китай[84]. До XIV в. большинство населения Европы не имело постоянных родовых имен[85]. Люди

---

[83] Скотт Д. Указ.соч., с.107

[84] Примерно в IV в. до н.э. династия Чин стала внедрять использование фамилий для большинства населения и записывать их с целью введения налогов, принудительного труда и призыва в армию. Благодаря этому возник термин «лаобайксинг», переводимый как «сто старых фамилий». В современном Китае он означает «обычные люди». До этого китайские родовые имена были приняты в правящих домах и простыми людьми не употреблялись. У них не было фамилий, и они не пытались имитировать обычаи элиты. Наделение семей фамилиями было частью государственной политики по введению статуса главы семьи (мужчины), обеспечивающего его юрисдикцию над женами, детьми и молодыми членами семьи, и обязывало его платить налоги за всю семью. Эта политика династии Чин требовала регистрации всего населения, вледствие чего была упорядочена путаница имен, которыми люди называли друг друга. Люди получили «хсинг» [фамилии], которые должны были передаваться из поколения в поколение по отцу бесконечно. Установление постоянных фамилий и создание патриархальной семьи - первое государственное упрощение.

[85] Исландия — единственная европейская страна, в которой к концу XX в не были приняты постоянные фамилии. Вопрос о возрасте, как и вопрос о владении землей, был значим для государства и для обычной практики. В местной практике точный возраст человека был не

откликались на данные лично им имена, и этого было вполне достаточно, чтобы их узнавали в данной округе. При необходимости добавлялись определения рода занятий (в Англии — кузнец, пекарь), географического местоположения (холм, опушка леса), физические отличия (коротышка, силач). Эти определения не были постоянными, не переживали своего носителя, кроме случаев, когда сын продолжал дело отца.

Универсальные фамилии — недавнее историческое явление. Государство стало обладателем ясных имен и фиксированных адресов. Ему становилось проще прослеживать право собственности и наследования, собирать налоги, поддерживать судопроизводство и деятельность по охране правопорядка, производить мобилизацию солдат на военную службу и контроль эпидемий. При полной инвентаризации населения государство преследовало утилитарные цели. Но любопытно, что либеральные идеи введения гражданства, подразумевавшего право голоса на выборах и всеобщую воинскую повинность, тоже внесли вклад в стандартизацию методов присвоения имен[86].

Процесс присвоения фиксированных фамилий до сих пор продолжается во многих странах третьего мира и вдоль «территори-

---

важен. Существеннее были примерное число лет и порядок рождения (например, старший сын, младший сын), в catasto это отражено тенденцией считать возраст в числах, кратных пяти или десяти (например, 35, 40, 45, 50 и 60 лет) Однако для государства точный возраст был важен по нескольким причинам Возраст «взрослой финансовой жизни», как и возраст воинской повинности, наступал в 18 лет, и каждый человек старше 60 лет не был обязан платить подушный налог. Поэтому декларации были переполнены демографически невероятными сведениями о возрасте ниже 18 и более 60. Указание возраста в строгом хронологическом смысле было государственным проектом. В Турции фамилии были приняты только в 20-е годы XX в как часть кампании модернизации Ататюрка. Костюмы, шляпы (а не фески), постоянные фамилии и современный статус государственности — все принималось вместе в схеме Ататюрка. Реза Шах, отец свергнутого шаха, приказал всем иранцам брать в качестве фамилии название города, где они жили, чтобы навести порядок в фамилиях, употреблявшихся в стране Таким образом, Али Акбар Рафзаньяни означает Али Акбар из Рафзаньяна Хотя при такой системе фиксируется местожительство представителей того поколения, которое приняло ее, в масштабе города Рафзаньяна ее преимущества сомнительны. Разве что государство особенно заинтересовано в контроле тех, кто передвигается или вообще кочует.

[86] Примером может служить законодательное присвоение постоянных фамилий западноевропейским евреям, у которых не было такой традиции. Декрет Наполеона о евреях, не имеющих закрепленных фамилий и имен в 1808 г. установил обязательность фамилий. Австрийское законодательство в виде составляющей процесса социальной эмансипации потребовало от евреев выбрать себе фамилии, если же они отказывались, то обязаны были принимать фамилии, выбранные для них чиновниками. В Пруссии уровень социальной эмансипации евреев был пропорционален количеству принятых фамилий. Многие иммигранты в Соединенные Штаты, евреи и не евреи, не имели постоянных фамилий, когда они решились переселиться в эту страну. Однако очень немногим удалось сделать это только с помощью своих основных документов до принятия официальной фамилии, которую до сих пор носят их потомки.

альных границ народностей» в более развитых странах. На сегодняшний день имеется много других стандартных установлений государства, улучшивших его возможности идентификации человека. Свидетельства о рождении и смерти, уточненные адреса (более конкретные, чем высказывание «Джон, живущий на холме»), удостоверения личности, паспорта, социальные номера, фотографии, отпечатки пальцев и введенные совсем недавно ДНК-профили заменили такой грубый инструмент, как постоянная фамилия. Но фамилия была первым и решающим шагом в создании четкого индивидуального гражданства и наряду с фотографией все еще занимает первое место в идентификационных документах.

Официальный язык

Язык - наиболее эффективная гарантия того, что доступный для восприятия изнутри социальный мир останется непрозрачным для чужаков. Для автономии язык важнее топографии. В нем отражена своеобразная история, культура, литература, мифология и музыка. Уникальность языка представляет препятствие для государственной осведомленности в делах автономии, колонизации, контроле деятельности, обучении, пропаганде.

Введение единого официального языка было самым могущественным средством государственных упрощений как предпосылки многих других упрощений. Юджин Вебер на примере Франции предлагает рассматривать этот процесс как разновидность *внутренней колонизации*, при которой разноязычные провинции (Бретань и Аквитания) были лингвистически подчинены и культурно объединены. С первых шагов, направленных на использование французского языка, стало ясно, что целью государства была доступность местной практики для контроля. Чиновники настаивали, чтобы каждый юридически законный документ (завещание, документ купли-продажи, акт ссуды, контракт, рента, имущественное дело) оформлялись на французском языке. Документы на местном языке были труднодоступны для чиновника, присланного из Парижа. Их было невозможно привести в соответствие с централистскими схемами юридической и административной стандартизации. Кампания лингвистической централизации проводилась совместно с распространением государственной власти. К концу XIX в. взаимодействие с государством стало неизбежным для всех. Петиции, судебные дела, школьные документы, заявления и обращения к должностным лицам были составлены на французском язы-

ке. Таков эффективный способ обесценивания местных знаний и приобретения привилегированного положения всеми, кто овладел официальным языком. Это было гигантское изменение во власти. К тем, кто плохо владел французским, относились как к немым, к маргиналам. Им требовались местные проводники к *новому государственному культурному слою*, возникшему в лице юристов, нотариусов, школьных учителей, клерков и солдат.

За лингвистической централизацией скрывался культурный проект. Французский язык означал принадлежность к национальной цивилизации; целью его навязывания было не просто заставить провинциальных жителей усвоить кодекс Наполеона, но и познакомить их с Вольтером, Расином, парижскими газетами, приобщить к национальному образованию. По резкому замечанию Вебера, «не может быть более ясного выражения имперского чувства, чем приверженность белого человека франкофонии, чьи первые победы должны были быть одержаны в первую очередь дома»66. Там, где некогда господство латинского языка обусловило участие небольшой элиты в более широкой культуре, теперь власть французского языка определяла полноту участия во французской культуре. В иерархии культур проявлялась скрытая логика, низводящая местные языки и региональные культуры к провинциализму. На вершине этой пирамиды находился Париж и его учреждения: министерства, школы, академии. Успех этого культурного проекта зависел от возможностей принуждения и от побуждающих мотивов. Эта централизация позволила создать Францию, несмотря на сопротивление и безразличие французов. Франция — это политическое сооружение, для создания которого центральная власть никогда не прекращала борьбы». Стандартный французский и Париж были фокусами власти и центрами притяжения. Рост рынков, мобильность населения, новые карьеры, политическое покровительство, общественные службы и национальная образовательная система — все это означало, что освоение французского языка и связи с Парижем были путями социального продвижения и материального успеха. Такое упрощение обещало вознаградить тех, кто подчинится ему, и наказать тех, кто его игнорирует.

Централизация дорожного движения

Централизация языка сопровождалась централизацией дорожного движения. Париж стал центром национальной коммуни-

кации. Новые шоссейные и железнодорожные системы способствовали движению в Париж и обратно по межрегиональным и местным дорогам. Все это сделало провинции более доступными и прозрачными для центральных властей.

Представим *нецентрализованную* и *централизованную* систему коммуникации. Нецентрализованную систему можно представить в виде карты фактических маршрутов товаров и людей, *не* созданных по административному указу. Эти маршруты не были случайными, они отражали удобство поездок по долинам, вдоль водоемов и вокруг ущелий, а также расположение важных ресурсов и обрядовых мест. Если ради чистоты аргументации представить себе место, где равномерно распределены физические ресурсы и нет никаких больших препятствий передвижению, тогда сформируется карта дорог, напоминающая систему капиллярного кровообращения.

Расположение дорог никогда не было случайным. Рыночные города всегда представляли собой небольшие населенные пункты на удобных местах, рядом с религиозными святынями, карьерами, шахтами и другими важными объектами. Во Франции сеть дорог отражала централизующие амбиции местных правителей и национальных монархов. Начиная с Кольбера, все государственные деятели стремились создать сетку административной централизации. В любом случае она должна была спрямить шоссе, каналы и железнодорожные линии, исходящие из Парижа как спицы колеса.

Подобие между этой сеткой и системой просек управляемого государственного леса не было случайным. То и другое было изобретено для того, чтобы сделать максимально удобной связь и облегчить центральное управление. Чиновнику из центра теперь было намного легче добираться до А или В по новым маршрутам. План дорог был разработан так, чтобы они служили правительству и городам, а отсутствие сети вспомогательных путей объяснялось обычаями или потребностями народа. Административные шоссе были построены так, чтобы по ним войска могли маршировать, а налоги — достигать казны. Однако желающему проехать или перевезти товары из А в В сделать это было не так просто. Подобно тому, как все документы должны были «пройти» официальную правовую проверку, так и большинство коммерческих грузов приходилось провозить через столицу.

Усовершенствования дорожного движения имели огромные последствия, большая часть которых была направлена на соединение провинциальной Франции и ее жителей с Парижем и государством, а также на облегчение развертывания войск из столицы для подавления гражданского волнения в любом районе страны. Использование дорог было нацелено на военный контроль над нацией, который в самой столице был уже достигнут. Это позволило Парижу влиять на экономику за счет провинций, облегчить финансовый и военный контроль центра, а также ослабить побочные культурные и экономические связи, укрепляя иерархию власти. Одним ударом это отбросило отдаленные области на задворки — точно так же, как официальный французский оттеснил местные диалекты.

Внутренние колонизаторы

В заключение первой главы Скотт резюмирует основные ошибки политиков и бюрократии. Они оценивают жизнь общества по параметрам, отдаленным от действительности. В итоге диаграммы и таблицы ученых-лесоводов не точно отражают реальный лес. Кадастровая карта и документ права собственности являются грубыми или ложными представлениями существующих фактических прав использования и распоряжения землей. «Функционер любого большого ведомства «видит» интересующую его человеческую деятельность через призму упрощенных документов и приблизительных статистических данных: налогообложение, списки налогоплательщиков, земельные отчеты, среднестатистические доходы населения, число безработных, уровень смертности, данные о коммерческой деятельности и производительности, общее число случаев заболевания холерой в некотором районе»[87].

Эта типизация необходима для управления государством. Государственные упрощения (карты, переписи, кадастровые списки, стандартные единицы измерения) представляют способы отражения сложной действительности. Они нужны для того, чтобы чиновники могли постичь общую картину и упростить сложную действительность до схематических категорий. Единственный путь выполнить это – свести бесконечное множество деталей в набор категорий, которые облегчат итоговые описания, сравнения и группирования. Изобретение, разработка и использование этих аб-

[87] Скотт В. Указ.соч., с.126-127

стракций представляет огромный скачок в возможностях государства — в переходе от сбора дани и косвенного управления к налогообложению и прямому управлению. Косвенное управление требует минимального государственного аппарата. Но оно вынуждено опираться на местную элиту, которая была заинтересована придерживать ресурсы и информацию, идущие из центра. Прямое управление разожгло сопротивление и вызвало частичное ограничение власти центра. Зато чиновники впервые получили прямую информацию и приблизились к непонятному для них обществу.

Такова способность продвинутых методов прямого управления — при простом подытоживании известных фактов обнаруживать новые социальные истины[88]. Подобные типизированные факты являются *могущественной формой государственного знания*, позволяющей чиновникам вмешиваться на ранних стадиях в эпидемии, разбираться в экономических тенденциях, влияющих на общественное благосостояние, оценивать, имеет ли проводимая ими политика желаемый успех, и строить политику, имея в распоряжении много решающих фактов.

Но хотя способы надзора власти над обществом значительно усовершенствовались, управляющие ими политические мотивы – присвоение, контроль, манипуляция – не изменились. Государство грубо вмешивается в жизнь общества, если у него нет надежных средств пересчитать население, указать, где оно находится, оценить его благосостояние и наладить картографирование земли, ресурсов и поселений. Труднодоступное для государства общество может изолироваться от некоторых форм государственных вмешательств, как охотно принимаемых (универсальные прививки), так и вызывающих возмущения (личные подоходные налоги). Для вмешательства обычно используются местные уроженцы, которые знают общество изнутри и преследуют при этом свои собственные интересы. Но без этого посредничества действия государства будут неэффективными, требующими слишком больших усилий.

Государство может быть грабителем и благодетелем общества. Непрозрачное общество мешает любому государственному начинанию. Пока государство хочет захватить пару тонн зерна и поймать десяток призывников, его невежество не фатально. Но если государство требует от граждан изменить привычки (гигиена, здоро-

---

[88] Центр по контролю заболеваний в Атланте служит этому примером. Сеть типовых больниц Центра позволила ему первому «обнаружить» такие ранее неизвестные болезни, как токсический шоковый синдром, болезнь легионеров и СПИД.

вый образ жизни) или выполнять определенную работу (квалифицированный труд или обслуживание сложных механизмов), такое невежество становится опасным. Полностью доступное взору государства общество устраняет местную монополию на знания и обеспечивает прозрачность государства благодаря единообразию кодексов, удостоверений, статистики, инструкций и мер измерения. Одновременно оно создает новые преимущества позиций «на вершине» — для тех, кто владеет знаниями и имеет доступ к дешифровке нового формата государственных документов.

При этом вмешательства могут быть дискриминационными и смертоносными[89]. Деятельность нацистских властей имела смертоносную цель, но средством для ее успешного выполнения стала четкость властей Голландии. Эта четкость усиливает способность государства к дискриминационным вмешательствам.

Доступность обозрению подразумевает наличие наблюдателя, который находится в центре и может разглядывать пейзаж. Виды государственных упрощений предназначены для того, чтобы обеспечить власть схемой общества. Такое представление недоступно человеку без властных полномочий. Американские полицейские на скоростных шоссе надевают зеркальные солнцезащитные очки. Так и власть с помощью упрощений может наблюдать только определенные аспекты жизни общества. Эта позиция удобна для тех учреждений, где важнее всего управление и контроль человеческой деятельности. Монастырь, казармы, заводские корпуса и бюрократия выполняют много функций, подобных государственным, и часто подражают его информационной структуре.

Д.Скотт предлагает называть государственные упрощения элементами «проекта создания четкости». Этот проект еще не закончился и полностью не осознан. Такие упрощения разворачиваются на разных уровнях, пронизаны погрешностями, упущениями, массой ошибок, мошенничеством, небрежностью, политическим искажением. План создания четкости присущ любому государственному управлению, стремящемуся к манипуляции общест-

---

[89] Примером служит карта, выпущенная городским статистическим центром Амстердама во время нацистской оккупации в мае 1941 г. Вместе со списками граждан эта карта давала возможность подсчитать еврейское население в городе, из которого были депортированы 65 тыс. граждан. В результате была получена полная информация об именах, адресах и этническом происхождении с картографической точностью. Таковы следствия четкости социальной статистики.

вом. Но он подрывается соперничеством внутри государства, техническими препятствиями, сопротивлением объектов управления.

Государственные упрощения относятся только к тем аспектам социальной жизни, которые интересуют чиновников. Эти факты имеют пять характеристик: 1. Это *утилитарные* факты. 2. Это почти всегда записанные (словесно или цифрами) *документальные* факты. 3. Это *статичные* факты. 4. Это *агрегированные* факты, которые могут быть безличными (плотность сетей дорог) или собранием данных о людях (уровень занятости, уровень грамотности, способы проживания). 5. Для большинства целей чиновникам нужно сгруппировать граждан такими способами, которые позволят им сделать общую оценку. Факты, которые могут быть соединены и представлены в усредненном виде или в распределениях, должны быть *стандартизованными.* Независимо от особенностей индивидуумов интерес представляет их сходство или различия по стандартной шкале.

Процесс группировки таких фактов требует трех шагов.

1. Создание общих единиц измерения или кодирования (размер деревьев, земельный участок, метрическая система измерения земельной собственности или количества зерна, единообразная практика наименования, степные территории и городские участки стандартных размеров).

2. Каждый объект или событие, попадающее в пределы категории, обсчитывается и классифицируется согласно новой единице оценки (дерево вновь появляется уже как представитель размера группы деревьев; участок сельскохозяйственных угодий — как координаты кадастровой карты; работа — как пример видов деятельности; человек — как носитель имени соответственно новой формуле). Каждый факт должен быть обновлен и возвращен на ту стадию, где он находился прежде, облаченным в новую униформу официальной выработки — как часть «системы тотальной классификационной сетки». Только в таком «наряде» эти факты могут принимать участие в создании целостной совокупности новых фактов с помощью объединения, следующего логике новых единиц измерения.

3. Обзорные факты, которые используются чиновниками (столько-то тысяч деревьев в данной категории размера; тысяч мужчин в возрасте от 18 до 35 лет; хозяйств данного типа по площади; студентов, фамилии которых начинаются с буквы А; людей, больных туберкулезом). Объединяя несколько метрик со-

вокупности, можно прийти к прежде неизвестным истинам (распределение туберкулезных больных по доходам и местам жительства в городе).

Государственные «упрощения» имеют два особых смысла.

1. Данные, которые чиновник должен получить, сводятся в обзорную схему целого, они должны быть выражены на языке, на котором могут воспроизводиться заново. Факты должны терять свое своеобразие и вновь появиться в схематической или упрощенной форме уже как члены класса фактов. При этом чиновники не только обладают более абстрактным и узким видением действительности, чем обычные люди, но и нуждаются в фактах, которые отвечают интересам и методам их институциональных ролей.

2. Группировка сводных фактов влечет за собой уничтожение (игнорирование) различий, которые в другом отношении могли бы быть приняты во внимание.

В качестве примера приводятся упрощения относительно занятости населения. Трудовая деятельность людей сложна и может меняться изо дня в день. Но для официальной статистики определение «выгодная работа» является типизированным фактом: одни занимаются выгодной работой, другие нет. Кроме того, характеристики многих специфических рабочих мест резко ограничены категориями, используемыми в совокупной статистике[90]. Те, кто занимается сбором и интерпретацией сгруппированных данных, понимают, что в их категориях содержится нечто вымышленное,

---

[90] Здесь возникают три проблемы. 1. Как классифицировать человека, обычно работающего на родственников, которые кормят его, позволяют ему использовать часть их земли как собственную платить ему натурой или наличными деньгами? Иногда произвольные решения о том, как классифицировать такие случаи, скрываются в тени конечных результатов, в которых появляются только преобладающие категории Теодор Портер обращает внимание на сообщение чиновников Французской канцелярии национальной статистики, что даже обученные сборщики информации зафиксируют до 20% профессиональных категорий по-разному. Цель статистического офиса состоит в том, чтобы обеспечить максимальную надежность работы сборщиков информации, даже если соглашения, принимаемые для достижения этой цели, жертвуют государственными интересами. 2. Как категории и особенно стоящая за ними государственная власть формируют данные? Например, во время экономического спада в Соединенных Штатах в 1970-е годы имелись подозрения, что официальный уровень безработицы был преувеличен на 13% Главная причина, как утверждалось, состояла в том, что многие номинально безработные были заняты «без записей» в неофициальной экономике и не сообщали о своем доходе из страха перед налоговой службой Можно было говорить тогда, да и сегодня можно сказать, что финансовая система спровоцировала теневую деятельность, которой было суждено остаться вне банка данных. 3. Те, кто собирают и обобщают информацию, могут быть заинтересованы в этих данных. Во время вьетнамской войны число жертв и усмиренных деревень служило мерой успеха командования в антипартизанском движении. Это соблазняло командиров в угоду начальству завышать эти числа.

произвольное качество и что они утаивают богатство проблем. Однако эти скудные категории с необходимостью действуют так, как если бы все подобные классифицируемые случаи были в действительности гомогенны и единообразны. Все нормальные деревья в указанном диапазоне размеров подобны, вся почва в определенном классе почв статистически идентична, все автомобилестроители (если у нас классификация по промышленным специальностям) похожи, все католики (если у нас классификация по религиозным верам) одинаковы. Теодор Портер указывает, что есть «сильный стимул предпочесть четкие и стандартизируемые измерения высокоточным», так как точность бессмысленна, если идентичная процедура не может быть надежно выполнена в другом месте. Цель состоит в том, чтобы избавиться от субъективизма со стороны сборщиков данных или кодировщиков. Это требует стандартных, механических процедур, которые не оставляют места для личного суждения.

К этой мысли Скотт добавляет следующее утверждение, аналогичное высказанному по поводу научного лесоводства: современное государство с помощью чиновников пытается создать картину природы и населения с такими стандартными характеристиками, которые будут наиболее простыми при контроле, подсчете, оценке и управлении: «Утопическая, неизменная, постоянно недостигаемая цель современного государства состоит в том, чтобы свести хаотическую, беспорядочную, постоянно изменяющуюся социальную действительность к чему-то такому, что было бы приближено к административной сетке наблюдений»[91]. Искусство управления государством XVIII-XIX вв. свелось к выработке указанного проекта. То был период перехода от дани к налогообложению, от косвенного управления к прямому, от подчинения к уравниванию. Государства старались сделать свое население однородным, искоренить раздробленность, насаждая общие языки, религии, денежные единицы и юридические системы, а также создавая связанные между собой коммерческие системы, транспорт и связь. Современное государство продолжает этот тренд, пытаясь соединить утопию, науку и бюрократию.

Ученый-лесовод мечтает о совершенном лесе, засаженном растениями одного возраста, одного вида, прямыми рядами на прямоугольном равнинном участке, очищенном от подлеска и без

[91] Скотт Д. Указ.соч., с.133

всяких браконьеров. Государственный чиновник стремится к совершенно понятному населению с зарегистрированными отличительными именами и адресами, привязанными к плану поселений, населению, которое выбирает определенные классифицированные профессии, а свои сделки полностью документирует в соответствии с разработанной схемой и на официальном языке. Это карикатурное изображение содержит долю истины, которая нужна для понимания грандиозных планов XX века[92].

Затем Скотт выносит резюме: «Стремление к однородности и порядку предупреждает об опасности того несомненного факта, что современное управление государством является в значительной степени проектом внутренней колонизации, часто истолковываемой на языке империалистической риторики как «цивилизующая миссия». Строители современного национального государства не просто описывают, наблюдают и наносят на карту, они стремятся организовать людей и окружающий мир так, чтобы они подходили к их методам наблюдения»[93]

Эта тенденция характерна для больших иерархических организаций, которые действуют в низменной среде. Чем более статично, стандартизировано и однообразно население и социальное пространство, тем оно четче и легче поддается приемам чиновников. Юрисдикция власти сводит цель многих государственных деяний к преобразованию населения, пространства и природы в закрытые системы, не представляющие неожиданностей и лучше наблюдаемых и контролируемых.

Государственные чиновники навязывают свои упрощения, поскольку государство в совокупности институтов наилучшим образом подготовлено к тому, чтобы обращаться с людьми по своей

---

[92] Д.Скотт цитирует отца прусской статистики Эрнста Энгеля: «Чтобы получить точное представление о жизни человека, статистическое исследование должно сопровождать все его земное странствование. Оно учитывает рождение, крещение, вакцинацию, успехи в обучении, усердие, окончание школы, последующее образование и развитие, а в зрелом возрасте — его телосложение и способность носить оружие. Оно также сопровождает последующие его шаги по жизненному пути, учитывает выбранное им занятие, как он основывает свое домашнее хозяйство и управляет им, экономил ли он в юности, заботился ли о старости, когда и в каком возрасте он женится, и кого он выбирает, кто его жена Статистика заботится даже о том, какие вещи ему подходят, а какие — нет Статистика принимает во внимание, перенес ли он кораблекрушение в жизни, подвергся ли материальному, моральному или духовному крушению. Статистика оставляет человека только после его смерти — после того, как она установила точную дату его смерти и отметила причины, которые вызвали его конец». «Трудно представить себе, - иронизирует Д.Скотт, - более полный список государственных интересов начала XIX в и тот бумажный след, который они вызывали». Там же, с.146.

[93] Там же, с.134

схеме. Все описанные категории когда-то были искусственными изобретениями кадастровых инспекторов, переписчиков населения, судебных исполнителей и полицейских. Теперь они организуют повседневную жизнь людей, поскольку внедрены государством в специальные институты, структурирующие эту жизнь. Экономический план, топографическая карта, отчет о собственности, план ведения лесного хозяйства, классификация по этнической принадлежности, банковский счет, протокол задержания, карта политических границ приобретают силу, так как все эти данные являются отправными пунктами для действительности, как ее чувствуют и формируют чиновники. При диктаторских режимах нет эффективного способа отстаивания другой реальности. Поэтому фиктивные «бумажные» факты преобладают, ведь именно с помощью «бумаг» приводятся в готовность полиция и армия.

Эти бумажные отчеты – действенные факты в судебном разбирательстве, в административном досье и для большинства функционеров. Значит, для государства нет никакой истины, кроме зафиксированной в документах, стандартизированных для этой цели. Ошибка в таком документе может иметь гораздо больше силы и удерживаться гораздо дольше, чем незаписанная истина: «Категории, используемые государственными деятелями, не просто предназначены делать окружение доступным и понятным: они создают мелодию власти, под которую должно танцевать большинство населения»[94].

Против рынка и государства

Книга Скотта направлена против следующих феноменов современности: империализма как планировщика нынешнего социального порядка; имперского и гегемонического менталитета планирования; капиталистического рынка и бюрократического государства; упрощения социальной науки. Проекты упрощения окружающей среды и упрощенные проекты организации общества в равной степени подвержены риску неудачи. Скотт отстаивает социальное и природное разнообразие и показывает ограниченность знания о функционировании сложных систем.

Скотт отметает также два обвинения в свой адрес: в восхищении традиционным и общепринятым; в том, что вся его аргументация есть анархистский протест против государства как такового.

---

[94] Там же, с.135

Государство — институт неоднозначный, лежащий в основе наших свобод и рабства. Некоторые государства руководствуются утопическими планами и авторитарно игнорируют ценности, желания и протесты своих граждан. Такие государства представляют смертельную угрозу человеческому благосостоянию. За пределами этих страшных (но ставших обычными) ситуаций надо каждый раз взвешивать, насколько полезно и чего будет стоить любое вмешательство государства в социальную жизнь.

Скотт создает иную парадигму анализа указанных проблем. На материале научного фермерства, индустриального земледелия и капиталистических рынков он показывает, что крупномасштабный капитализм — точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и упрощения, как и государство. Рынок сводит качество к количеству через механизм ценообразования и способствует стандартизации; на рынке говорят деньги, а не люди. Сегодня глобальный капитализм — самая мощная сила гомогенизации, даже если государство иногда защищает местные особенности и разнообразие. Выводы из неудач модернистских проектов социальной инженерии применимы к рыночной и бюрократической стандартизации одновременно.

Книгу Джеймса Скотта можно читать как систематизацию проблем, порождаемых рынком и «естественным государством» и до сих пор не решенных. Особенно опасно приписывать государству цивилизующую роль: «Простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть»[95]. Книга Скотта позволяет осознать потерянную возможность и копить интеллектуальные силы для когнитивного сопротивления государству.

[95] Сатухолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: колл. Монография / Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. – М.: Логос, 2000, с.131

СУВЕРЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ: ТЕЗИСЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛАСТВУЮЩИХ ЭЛИТ

Г.М. Дерлугьян

I.

Задача: дать связные и логически обоснованные ответы на вопросы: кто, как, и почему оказались обладателями власти в результате распада СССР? Это подводит к следующему вопросу: какие варианты дальнейшей эволюции просматриваются из нашего момента во времени, уже едва ли не два десятилетия спустя после перестроечных надежд на либеральные реформы и отрицания «административно-командной системы»?

С теми или иными оговорками, с разными чувствами, почти все сегодня согласны, что произошла некая частичная реставрация. Восторжествовали не либеральные интеллигенты и не сталинисты, не местные бароны и не красные директора, не капиталисты и не рабочие, не иностранные корпорации и не вожди националистических движений. Главные источники власти, контролирующие горловины на потоках материальных и статусных обменов, оказались в руках высшего персонала постсоветского госаппарата. Одновременно происходит восстановление привычных социальных практик и представлений, от международного статуса государства до социальной иерархии его подданных и соответственных рангу способов жизнеобеспечения. Иначе говоря, после потрясений как будто восстановился порядок, притом достаточно знакомый. Как все это корректно описать и осмыслить, не повторяя при этом уже пройденного в перестроечных дебатах?

II.

Сразу надо сказать, чем мы заниматься не собираемся. Во-первых, политической полемикой против либо апологией за возникший порядок вещей. Это вовсе не значит, что мы отказываемся от собственных мнений. Напротив. Без ложной скромности мы вкладываем свою профессиональную гордость ученых, включенных в мировой исследовательский процесс, в формулирование оценок и прогнозов на основе дисциплинированного, логически-последовательного изучения социальной среды. Мы стремимся

понять, как возникла социальная экология, в которой на сегодня доминантным видом оказалось суверенное чиновничество (особенно в России, но не только в России), что представляет из себя эта элитная группа, как воспринимают они себя и окружающий мир? Что они могут и чего не могут совершить? Каковы, по большому счету, возможности и, еще важнее, ограничители возможностей данной исторической конфигурации?

Предлагаемый нами термин *«суверенная бюрократия»,* конечно, подсказан Сурковым. Однако, по зрелому размышлению, это определение оказалось куда глубже и полезнее пародийного ерничанья. Речь идет об аппарате управления и населяющем его персонале, которые добились независимости как от всяких господствующих классов (последние феодалы ликвидированы столетие назад, личная диктатура преодолена в 1950-х, новейшие претенденты в капиталисты побеждены), так и от нейтрализованной народной демократии вместе с критической интеллигенцией по причине ее распада. Данной бюрократии удалось освободиться (особенно в богатой ресурсами России) и от внешнего контроля в форме мягкой силы гегемонии западных норм, либо в более прямых формах империалистического диктата. Возникла именно суверенная от всех бюрократия.

Во-вторых, мы совершенно не собираемся рассуждать отвлеченно и, как водится, бездоказательно о национальном характере и особых традициях. Суверенная не означает вовсе самобытная. Наверняка найдутся частичные аналогии (все исторические аналогии частичны, поскольку история общественных систем слишком сложна для геометрических параллелей.) Мы предполагаем, что сравнительно-исторический анализ может прояснить очень многое насчет наших дел сегодняшних.

Наконец, в-третьих, мы не стремимся создать абстрактную нормативную теорию того, чем должна быть «нормальная», «настоящая» бюрократия (равно как и интеллигенция, демократия, или прочие социальные учреждения). Опять же, мы не отказываемся от нормативных суждений о желательном порядке вещей. Такие суждения имеют смысл в научном анализе только после подведения итогов изучения социальных явлений. Более того, добросовестная и ответственная наука об обществе должна показывать варианты социального выбора. К этому мы еще придем и сверхзадачи забывать не станем. Но сейчас нам надо определить программу исследования, сформулировать рабочие гипотезы, вы-

текающие из них вопросы и методы получения ответов на наши вопросы.

III.

Прежде всего, потребуются базовые рабочие определения, набор инструментов, которые могут пригодиться в работе. Относиться к теориям и предлагаемых ими аналитическим инструментам лучше эвристически, т.е. пользоваться до тех пор, пока сохраняется полезность данных инструментов и, при необходимости, их модифицировать и комбинировать. Эта предварительная часть неизбежно перегружается профессиональным жаргоном, в основном для краткости. Но предварительное обсуждение теоретического инструментария совершенно необходимо провести до того, как мы начнем разбирать эмпирическую реальность.

Рэндалл Коллинз, который видит социальные науки шире и четче большинства из нас, со своим обычным спокойствием утверждает, что мы живем в Золотом веке исторической макросоциологии[96]. В 1970-е были совершены прорывы в понимании исторической динамики древних обществ и современного капитализма, институциональных условий и нишево-сетевой природы рынков, неформальных экономик, роста (а также распада) современных государств, возникновения революций, мобилизации общественных движений, источников и динамики демократизации, в понимании национализма и этничности, причин коррупции и организованной преступности, или в объяснении самого научного и художественного творчества. Наступает, по словам Коллинза, этап более массового научного освоения теоретических прорывов предшествующего поколения и синтеза различных исследовательских направлений.

Ведущая линия исследовательского прорыва связана с именами Чарльза Тилли (который продолжил линию историко-социологического объяснения европейской политики норвежца Стайна Роккана), а также Теды Скочпол (в свою очередь ученицы Баррингтона Мура) и неовеберианцев Джека Голдстоуна и Майкла Манна[97]. Предмет их исследований - формирование современных

---

[96] См.: R. Collins. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

[97] См.: S. Rokkan. State Formation, Nation-Building and Mass Politics in Europe. Ed. by P.Flora, S. Kuhnle and D. Urwin. Oxford: Oxford University Press, 1999; C. Tilly (ed.). The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975; C. Tilly. Coercion, Capital, and European States, AD 1990-1992. Oxford: Blackwell, 1992; M. Mann. The Sources of Social Power. Vol. I-II. Cambridge: Cambridge University Press, 1986-

централизованных бюрократических государств и одновременно общественное сопротивление этому процессу в виде элитных мятежей и народных восстаний, национальных сепаратизмов и фабричных забастовок, оформления массовых партий и социальных революций эпохи Нового Времени. Из такого сложного, исторически изменчивого, неоднозначного взаимодействия двух трендов - формирования бюрократической государственности и общественного сопротивления растущей власти государства - в результате и возникают либеральные демократии Запада.

Наряду с миросистемным анализом капитализма, это наиболее успешное из новых направлений исторической макросоциологии. В обоих случаях были преодолены канонические схемы либерализма и марксизма, исходившие из типичных для XIX века однолинейных эволюционных представлений о непреложных законах истории. Там, где ранее господствовала идеологическая телеология (в виде стадий модернизации или общественных формаций), где историю вершили абстрактные персонажи и реифицированные принципы (классовая борьба, технический прогресс либо идея свободы), теперь исследуются и картографируются сложные и изменчивые экологические ландшафты. Они наполнены социальными сетями, классами и статусными группами (идентичностями), политическими движениями, государственными учреждениями и капиталистическими организациями и не в последнюю очередь конкретными людьми, действующими в насыщенном историческом контексте по своему культурно-обусловленному разумению.

Картина перемен в социальных науках усложняется, но и становится рельефнее, если попробовать прочесть под данным углом зрения теоретиков дискурсивно-культурного поворота в социальной науке[98]. К тому же ряду относится, скажем, и прекрасный критический разбор теории модернизации, предложенный Ниль-

---

1993; P. Evans, D. Rueschmeyer, T. Skocpol (eds.) Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; T. Skocpol. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; J. Goldstone Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA: University of California Press, 1991; R. Lachmann. Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe. Oxford: Oxford University Press, 2000.

[98] См.: G. Steinmetz (ed.) State/Culture: State Formation after the Cultural Turn. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999; G. Steinmetz (ed.) The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and its Epistemological Others. Durham: Duke University Press, 2005; J. Adams, E.S. Clemens and A.S. Orloff (eds.) Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology. Durham: Duke University Press, 2005.

сом Гилманом[99]. Культурологическая критика направлена на выявление идеологических основ и дискурсивных практик господствующей парадигмы неоклассической экономики и позитивистского мейнстрима политологии. Тут культурологи добились неоспоримых успехов. Сегодня это отдельный фронт интеллектуального сопротивления, чьи позиции весьма прочны на гуманитарном фланге науки. Вместе с тем, на данном направлении противостояние приобрело характер затяжной позиционной войны. Культурологическая критика сильна в обороне своей области знания, но менее эффективна в объяснении материальных структур современного мира. Поэтому экономисты и политологи в большинстве случаев могут попросту игнорировать гуманитарного противника, пользуясь своим подавляющим превосходством институционального контроля над господствующими высотами и главными материальными ресурсами интеллектуального поля.

Вполне возможно, что мостом между историко-социологическими и культурологическими школами может послужить социология Пьера Бурдье. Этот исключительно влиятельный и энергичный француз двигался своим особым путем и создавал свой собственный научный язык. Притом Бурдье был известным забиякой и полемистом. Но даже он сам признавал, что его мысли и поиски двигались в том же направлении, что и историческая социология Чарльза Тилли[100].

Бурдье делал очень много для систематического заполнения того места в анализе социальных структур, стратегий социального господства и их соотношения с практиками культуры, которое традиционно занимал марксизм, особенно в его поздней грамшианской версии, и либеральные теории, связанные прежде всего с именем Карла Маннгейма. По сути, Бурдье создавал политическую экономию культуры - понимаемую вовсе не как набор непреходящих ценностей и шедевров искусства, но как поле конкурентно-конфликтных взаимоотношений по поводу того, что считать ценностями и шедеврами. Школе Бурдье после его неожиданной смерти в 2002 г. предстоит доказать свою способность развиваться без великого основателя и вождя. Но даже если круг его

---

[99] См.: N. Gilman. Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003.

[100] См.: P. Bourdieu and L.J.D. Wacquant. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992; П. Бурдьё. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; П. Бурдьё. Начала. М.: Socio-Logos, 1994; П. Бурдьё. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001; П. Бурдьё. Социология социального пространства. СПб: Алетейя, 2005.

учеников распадется и на какое-то время имя Бурдье окажется непопулярно (прежде всего именно потому, что еще недавно оно казалось таким модным), концепции габитуса, символического капитала и индивидуально-групповых траекторий в социальных полях останутся очень полезным инструментарием в арсенале новой социальной науки.

В научных дисциплинах, которые более удалены от поля власти и занимают относительно маргинальные позиции в современной академической среде - в социальной антропологии и экономической географии - соответственно оказался и больший зазор для свободы теоретического экспериментирования. Сошлюсь на знаковые работы лишь двух видных ученых. Это теоретический археолог Тимоти Эрл, прямой продолжатель эволюционной политэкономии архаических обществ Маршалла Салинса и Элмана Сервиса. Тимоти Эрл применил очень элегантную версию синтеза концепций Майкла Манна, Пьера Бурдье и миров-экономик Фернана Броделя к объяснению изменчивости структур власти в предгосударственных образованиях (вождествах). При этом брались преднамеренно удаленные друг от друга примеры: древних Инков, вождества Скандинавии и Придунайской равнины эпохи Бронзового века и Гавайских островов накануне контакта с европейцами[101]. У географов сегодня один из наиболее влиятельных теоретиков - англичанин Питер Тэйлор, который отслеживает на протяжении последних веков пространственное измерение современности в эволюции рынков, капиталистических городов и государств[102].

Теперь рассмотрим более детально, что и как из достижений Золотого века исторической макросоциологии может пригодиться в нашем анализе.

IV.

IV-а. Для *макроуровня* можно принять подход «неосмитовских» (скорее, броделевских) неомарксистов И. Валлерстайна и Дж. Арриги[103]. Они явно не относятся к марксистам более тради-

---

[101] См.: T. Earle, How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.

[102] P.J. Taylor, The Way the Modern World Works. Chichester, England: John Wiley & Sons, 1996.

[103] I. Wallerstein. The Modern World-System. Vol. I-III. San Diego, CA: Academic Press, 1974-1989; И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001; И. Валлерстайн. Конец знакомого мира: Социология XXI века.

ционным, которые завязли в споре об относительной автономии государства от буржуазии или, вслед за Мишелем Фуко, склонны психологизировать и до предела экзистенциально расширять понятие власти. Сомнительна и аналитическая полезность постмодернистской критики. Тем более нам не по пути с эстетизированным неоанархизмом Антонио Негри. Однако предстоит всерьез подумать о направлении Роберта Бреннера[104] и Дэвида Харви[105], которые с 1970-х гг. выступают наиболее последовательными критиками Валлерстайна с позиций классового анализа власти и отрицания миросистемного детерминизма.

Гипотеза миросистемного уровня примерно такова: в ядре современной миросистемы ресурсная и инфраструктурная сила капиталистов такова, что они могут обходиться минимальным по размеру, однако изумительно эффективным аппаратом координации, во многом за счет организационной силы на местах капиталистических семейств, корпоративных гильдий и церкви. Тому примером Нидерланды классического периода XVII в., Викторианская Британия XIX в., США вплоть до рузвельтовского «Нового курса». Напротив, на периферии государства крайне слабы, поскольку эффективные государства там не просто непомерно дороги, но и потенциально, в случае политической революции, грозят экспроприацией местных элит (Латинская Америка).

Парадокс, что государство подменяется властью элитных семей как в самом центре системы, так и на ее глубокой периферии. Только в ядре капиталистическая олигархия кооперируется и действует заодно, а на периферии олигархии постоянно дробятся и жестоко интригуют друг против друга, по ходу не позволяя оформиться сильной власти, чтобы не подпасть под нее. Это согласуется с общим положением миросистемного анализа о том, что ядро

М.: Логос, 2003; И. Валлерстайн. После либерализма. М.: УРСС, 2003; И. Валлерстайн. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006; Дж. Арриги. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007; G. Arrighi. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London: Verso, 2007.

[104] R. Brenner. “The Origins of Capitalist Development: a Critique of Neo-Smithian Marxism,” New Left Review, 1977, Vol. 104, pp. 25-92; R. Brenner. The Boom and the Bubble. The US in the World Economy. London: Verso, 2002; R. Brenner. The Economics of Global Turbulence. London: Verso, 2006.

[105] D. Harvey. The Limits to Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1982; D. Harvey. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989; D. Harvey. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003; D. Harvey. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005; D. Harvey. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London: Verso, 2006.

есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов как правило достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение. Периферия же есть зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жестокий характер вплоть до взаимного уничтожения. Отметим загодя, что здесь возникает очень перспективная возможность перекинуть аналитический мостик к веберианским концепциям неопатримониализма и процессов оцивилизования/расцивилизования.

Наиболее же активистские, классически государственнические бюрократии возникают в промежуточной зоне полупериферии (точнее, на внешнем периметре ядра, в странах типа Германии, Италии, России и Японии), где видится надежда догнать капиталистических лидеров, но приходится группироваться и концентрировать ресурсы, нередко насильственно. Это революции сверху, типа бонапартизма и фашизма, либо революции снизу, в первую голову ленинизм. Именно там изобретаются диктатуры догоняющего развития.

Преимущество подхода Валлерстайна и Арриги по отношению к теориям модернизации очевидно - их география полей власти преодолевает нормативные абстракции и дает четкую объяснительную классификацию. Недостаток прямо вытекает из достоинств и также давно известен по критике как веберианцев (Скочпол), так и некоторых неомарксистов (Бреннер). Арриги и особенно Валлерстайна занимает макроскопическая панорама, из которой нелегко последовательно перейти к анализу конкретных примеров, вариаций и исключений.

IV-b. Поэтому на *среднем уровне* наиболее полезны разнообразные неовеберианцы в широком русле Роккана, Скочпол, Лахманна, Голдстоуна, Манна и, конечно Тилли. Их инструментарий замечательно приспособлен для сравнительного анализа государств и социальных групп в исторической динамике. Из-за большого разнообразия неовеберианцев нелегко сформулировать гипотезу общего охвата. Нам бы пригодилось нечто такого вида: Бюрократия исторически возникает как механизм формальной рационализации власти и ее централизации за счет вытеснения/кооптации всевозможных нотаблей-посредников среднего и местного уровня. Но реальный процесс, в отличие от близкого к нормативной идеологеме идеального типа, исторически бывает весьма непоследователен, неравномерен в пространстве (миросис-

темы?) и даже, как недавно показал Венелин Ганев на материале посткоммунистической Болгарии, процесс этот обратим[106]. Как и при каких обстоятельствах возникает непоследовательность? Как бюрократия становится самоосознанной статусной группой и как порою теряется этот облик?

Здесь полезно вспомнить о «процессе оцивилизования» Норберта Элиаса[107]. Модель Элиаса также работает вспять, когда происходит «расцивилизование». Эта концепция может нас вывести из давнего спора о классах и статусных группах. В более широком толковании, процесс оцивилизования помогает ухватить эмпирическую динамику становления самоосознанных статусных групп на основе общности структурного положения, т.е. классов. Элиас же перекидывает мостик от веберианской традиции исторического анализа к социологической культурологии и интеракционизму неодюркгеймианцев Гоффманна, Рэндалла Коллинза, и Бурдье. Здесь мы находим инструменты для описания и аналитического разбора повседневной бытовой реальности элит, как и не-элит, их механизмов распознавания «свой-чужой», а также навыков, ритуалов, «ухваток», которые собирательно составляют предосознанное, дошедшее до автоматизма поведение — тот самый габитус.

Придется хорошенько подумать и о том, как интегрировать сравнительно-исторический вариант новейшего веберианства образца 1970-2000 гг. с тем полезным, что можно вынести из более ранних (конца 1960 гг.) веберианских дебатов о неопатримониализме в Третьем мире. Это, прежде всего, проницательные, хотя порою крайне сложно высказанные предположения израильтянина Эйзенштадта[108], впоследствии - французских африканистов Лемаршана и Медара, индологов супругов Рудольф[109], наконец,

---

[106] V.I. Ganev. "The Dorian Gray Effect: Winners as Statebreakers in Postcommunism," Communist and Post-Communist Studies. Vol.34. No.1. (2001), pp.1-25; V.I. Ganev "Postcommunism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective," Communist and Post-Communist Studies. Vol.38. No.4. (2005), pp. 425-445.

[107] Н. Элиас. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 тт. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

[108] S.N. Eisenstadt. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973; Ш. Эйзенштадт. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999.

[109] J.-F. Medard. "The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism," in Clapham C. (ed.). Private Patronage and Public Power. New York: St. Martin's Press, 1982, pp. 162-192; R. Lemarchand. "Political Clientelism and Ethnicity in Tropical Africa: Competing Solidarities in Nation-Building," The American Political Science Review, Vol. 66, No. 1 (Mar., 1972), pp. 68-90; R. Lemarchand, K. Legg. "Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis," Comparative Politics, Vol. 4, No. 2 (Jan., 1972), pp. 149-178; L.I. Rudolph, S.H. Rudolph. "Authority and Power in Bureaucratic and Patrimonial Administra-

это и корпус знаменитых работ «крестьяноведа» Джеймса Скотта начиная с его первой книги о коррупции в Юго-Восточной Азии[110]. Эти исследователи предшествующего поколения пытались преодолеть очевидный тупик теории модернизации, постулировавшей четкую дихотомию между современностью и традиционным обществом. Властные реалии стран Азии и Африки к концу 1960-х гг. явно перестали вписываться в такую идеологическую оппозицию, их «несовременные» элементы не были дисфункциональным пережитком. При этом внешне современные институты, вроде парламентов, правящих партий, правительственных министерств, судов и особенно армии явно работали по принципам личных патронажных связей, а не формального закона. На Западе эти дискуссии, как водится, не получили никакого разрешения, а были попросту оставлены и позабыты с приходом моды на транзитологические модели демократизации. Это оказалось шагом назад, по сути вернув политологию к идеологемам теории модернизации. Объективно такой сильнейший откат в науке соответствовал откату бывших соцстран в Третий мир. Это вторично поставило Запад в положение благосклонного ментора, указывающего, как подтянуться до его уровня «современности» путем одного лишь заимствования трансакционных технологий для политических и экономических рынков. Поэтому контр-теории, возникшие в конце 1960 гг. из кризиса первой волны модернизации/транзитологии, могут показать нам нечто весьма существенное из нашего собственного будущего[111].

IV-с. Говоря о *социальной группе, правящем классе, элите* мы неизбежно вступаем на минное поле дебатов об определениях. Чтоб не завязнуть в излюбленных препирательствах ученых-обществоведов, модифицируем наши определения при помощи инструментария, разработанного Пьером Бурдье. Тем более что подход, которым пользовался Бурдье, выводит нас от макроисторических концепций на конкретно-социологический анализ повседневности.

---

tion: A Revisionist Interpretation of Weber on Bureaucracy," World Politics, Vol. 31, No. 2 (Jan., 1979), pp. 195-227.

[110] J.C. Scott. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia, Yale University Press, 1979; J.C. Scott. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale, CT: Yale University Press, 1985; Дж. Скотт. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

[111] А.А. Фисун. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.

Элита понимается здесь попросту как группы индивидов, занимающих верхние эшелоны, «командные высоты» тех или иных институтов социальной организации: экономических рынков и предприятий материального производства, политических партий и движений, организационно более-менее оформленных полей символического производства (религия, культура «высокая» и массовая, наука, журналистика, образование, а также спорт), и, конечно, государственных структур. Всякая элита, если воспользоваться аналитическим орудием Бурдье, обладает капиталом высокой концентрации, что, собственно, и определяет элиту. Если растолковывать и операционализовать понятие капитала при помощи прагматичного подхода Валлерстайна, то капитал - это способ накопления и сохранения успеха, достигнутого вчера, в предшествующих раундах социальной игры, с тем, чтобы воспользоваться преимуществом в будущем раунде. В каждом роде деятельности свои специфические формы капитала. Капиталист превращает результаты успешных, т.е. прибыльных операций в денежные средства, которые затем может инвестировать в новые операции. Это и есть капитал в традиционном понимании.

Для пояснительного контраста, феодальное семейство накапливает права на сбор ренты с крестьян в вооруженной борьбе с соперниками-феодалами (война, усобица, интрига) и с крестьянами и горожанами (подавление восстаний). Феодальные права затем узакониваются в формальных привилегиях и семейной символической репутации (родовитость, легенды о подвигах предков, целомудрии женщин). Тут нередко бывает рациональнее расстаться с деньгами и натуральными доходами (конвертировать экономический капитал), чтобы приобрести, конечно, военную силу (вооружить, оплачивать, контролировать своих бойцов и охранников), а также внешние признаки элитности (роскошная одежда, оружие, драгоценности, коллекционные предметы искусства, дома, кареты) и подкрепить репутацию щедрого патрона в отношении клиентов, хлебосольного хозяина к собратьям по элите, и жертвователя на общественные нужды (возведение церквей или, позднее и особенно в США, университетов и частных фондов). Возникает типично феодальная смесь юридических и традиционно-символических заявок на элитные права. На самом деле это не столь архаичные, как может показаться, виды инвестирования в престиж и социальное признание. Возьмем для примера «новых русских» или чеченских полевых командиров.

Современные формы символического капитала - это всевозможные разновидности престижной репутации (мэтр, знаменитость) в сочетании с формальными дипломами (ученые степени, медали и призы арт-фестивалей или спортивных чемпионатов, либо промежуточные формы вроде рейтингов популярности среди элитных знатоков и более широкой публики). Как Бурдье показал на примере скандала вокруг публикации флоберовской «Мадам Бовари», формы капитала вовсе не абстрактно данные категории. Они выделяются в конфликтном процессе создания новых социальных полей (к примеру, профессональной литературной деятельности, отделения литературы от контроля и церкви, и светских вкусов).

Капиталы (социальные «валюты») основаны прежде всего на взаимном признании участниками данной сферы деятельности правил игры и друг друга в качестве игроков, даже если и противников. Иначе говоря, капитал должен быть прочно укоренен в достаточно емкой социальной сети. Принцип взаимного признания работает как на уровне статусных групп (кого основная масса интеллигенции, художников, или банкиров признают своим), так и на уровне межгосударственном. Как показал Артур Стинчкомб, в современном мире главное условие суверенитета есть признание прочих суверенных государств[112] (чеченцы или абхазы могли победить в войне, но признания не получить).

Повторим, ибо важно: всякая форма социального капитала должна быть укоренена, встроена в социальное сообщество со своей историей возникновения, конфликтов, внутренними рангами. Миллион среди дикарей, не знающих денег, равняется нулю. Все это уже можно изучать: как возникает «валюта» того или иного социального сообщества, какие у нее свойства, какие формы ценнее других, как и когда проводятся обмены валют (денег в престиж, ста друзей в сто рублей и, может быть, обратно), как формируется социализованный характер, типический «нрав» (по научному, габитус) в зависимости от рода деятельности, необходимых и ценимых в данном деле навыков и связанной с ним валюты.

Кадровый пролетариат, рядовые профессиональные спецы (инженеры, врачи, преподаватели), даже мелкие служащие стремятся и могут, при достаточно стабильных условиях, создавать

---

[112] A.L. Stinchcombe. “Ending Revolutions and Building New Governments,” Annual Review of Political Science, Vol. 2, (1999), pp. 49-73.

свои формы символического капитала — признание мастерства, выслуги лет, опыта, а также формальные права (скажем, на пенсии, премии, различную «социалку»), выторговываваемые и выбиваемые у начальства в обмен на качественный труд или в ходе забастовок и пр. форм производственных конфликтов. Для постсоветской ситуации важно отметить, что исчезновение стабильности и перенос основных источников власти из сферы производства в сферы обмена резко, даже катастрофично сказался на условиях функционирования подчиненных, малых и распыленных форм капитала, которые вдобавок приобретают эффективность в основном через коллективное действие и сознание (один в поле не воин, не забастовщик, и не политическое движение).

Таким образом, элит достаточно много и разных. Элитный статус ситуативен, зависит от обстановки, статус преходящ как любой успех - юный хулиган, верховодящий большим двором, со временем скорее всего сделается люмпеном с укороченным сроком жизни, а если повезет, то заурядным пролетарием или ментом. Огромная забота, тревога и доля повседневных практик всех элит состоит именно в поддержании своего элитного статуса, в диверсификации набора активов, в приобретении дополнительных средств, союзников и форм капитала. Соответственно, у всякой успешной элиты мы скорее всего обнаружим не один вид, а целый набор форм капитала и далеко ветвящиеся сети связей с по-разному полезными людьми.

Концепцию капитала не следует доводить до абсурда полного релятивизма. Форм капитала несколько, но далеко не бесконечное множество. Формы капитала соответствуют источникам социальной власти, которых, по инструментальному делению, используемому, скажем, неовеберианцем Майклом Манном, всего четыре: военная, экономическая, культурно-идеологическая, и политико-административная. Показательно, что и сам М. Манн, как и многие теоретики до него, особенно амбивалентен в отношении последнего источника власти. В самом деле, политическая и административная власти - двуедина, различна, или это подвиды способности организовывать и контролировать общественные усилия? А может, административная и политическая функция исторически были едины (в лице вождя, монарха), но позднее разделяются на отдельные ветви, публично-политическую и аппаратно-административную?

V.

Бюрократии должны быть свойственны некие собственные формы капитала и практики его накопления, связанные со специфичным, по нормативной идее совершенно формализованным организационным существованием и объектом распорядительной деятельности. Что это за формы капитала и практики? В порядке предварительной гипотезы это можно бы обсудить на первой встрече исследовательской группы, принимая данные тезисы лишь за отправную точку.

С виду бюрократия есть формально организованные служащие, единственным источником доходов которых должна быть должностная зарплата и социальные блага, предоставляемые работодателем по совершенно формальной росписи. Заострим до парадокса: бюрократия теоретически мало чем отличается от кадрового пролетариата и наемных спецов. Бюрократия, по идее, не должна быть элитой, тем более властвующей и суверенной. В ранние эпохи это были «слуги Государевы». В Новейшее время, когда легитимный суверенитет переместился от монарха к абстрактному народу и нации, это «общественные служащие» (civil либо public servants). Наивность - или лукавство - таких слов очевидны. И все-таки дело куда сложнее, чем лукавство. Бюрократия есть *механизм*, как всякое орудие предназначенный усиливать физические и умственные возможности человека. В данном случае усиливаются возможности человека не рядового, а правителя.

Первые прото-бюрократии древности возникали там, где размер территории и подчиненное население в какой-то момент превысили возможности прямого личного управления, т.е. вождество переросло в раннее государство. Именно здесь (а не в идеологии, принципе прогресса или накоплении прибавочного продукта) кроется главный источник эволюционного перехода на новый уровень организации власти. Возникла непреодолимая потребность передоверить особо рода грамотным слугам сбор податей и хранение царских закромов, подсчитывать податные сословия и надзирать за войском, замещать царя вдали от столицы. В реальности механизм оказался очень проблематичным, дорогостоящим, подверженным постоянным поломкам - будет полезно обсудить перечень типично бюрократических патологий.

Бюрократия, несмотря на колоссальный потенциал, лишь ограниченно применялась в досовременных государствах в основном из-за своей дороговизны и технической сложности (для начала требуется развитая письменность и рекрутирование кадров, не

связанных ни с каким племенем и родом, желательно вообще из чужеземных рабов, воспитываемых сызмальства, как в Османской системе *девширме*). Проще было опираться на всевозможные лично-договорные системы власти, вроде феодального вассалитета.

Качественный рост и распространение бюрократических аппаратов по всей планете относится ко временам завоевательного роста капиталистической миросистемы с центром в Западной Европе. Поэтому столько дебатов о том, что здесь первопричина: капитализм, военная революция, общая рационализация Нового времени, либо некие культурные особенности Запада? Более действенной представляется комплексная модель со-эволюции властных организаций, где различные механизмы (капиталистические, военные, легально-политические, административные, идеологические) вступают в восходящую спираль взаимоусиления. Очевидно, что сочетание сложное и потому не стоит удивляться, что случилось ему запуститься в самоподдерживаемый рост, возможно, лишь однажды и по определенному везению именно в Западной Европе. Что вовсе не означает, будто успех Запада был абсолютно за пределами возможностей других зон мира, и его нельзя было скопировать. Россия (как и культурно иная Япония) тому один из наиболее полных и периодически успешных примеров.

Бюрократическую организацию, вопреки представлениям о культурной уникальности, оказалось возможным имитировать в странах, которые исторически не относились к капиталистической колыбели Запада. Это означало распространение бюрократических принципов вширь. Не менее важно, что бюрократическую инновацию можно было распространить на совершенно новые сферы деятельности, приспосабливать для неожиданных целей. Капиталистическая корпорация, акционерное общество суть частная бюрократическая организация, преследующая прибыль. Кто теперь частный хозяин «Дженерал электрик», Стэнфордского университета, или злополучно обанкроченного «Энрона»?

Профсоюз или ленинская партия нового типа также есть применение преимуществ бюрократической организации в революционных целях, т.е. колоссальный качественный скачок в сравнении с бунтами прошлого. Однако у бунтарей теперь появились и типично бюрократические «заболевания», в особенности тенденция к олигархизации аппарата профессиональных политактивистов, как предсказывали столетие назад Махайский и Михельс.

VI.

Бюрократия не может восприниматься отвлеченно, как некое зло или благо. Бюрократия есть именно механизм, предназначенный для координации общественных ресурсов и усилий. Это крайне сложный, капризный, но и потенциально мощнейший механизм. История его применения на самом деле пока очень недлинная. За вычетом имперских и церковных протобюрократий, с помощью которых управлялись лишь изолированные сегменты досовременных обществ, история бюрократизации насчитывает всего около пары столетий. Более чем паровой двигатель и электричество именно бюрократическая машина произвела беспрецедентную трансформацию Нового времени. Современное образование и здравоохранение, транспортная инфраструктура, города, наука - все это просто не будет работать без какой-то степени бюрократической координации.

Одна из главных дилемм Третьего мира - нехватка эффективных, инфраструктурно сильных аппаратов, способных генерировать и распределять общественные блага в виде массового индустриального строительства, здравоохранения, образования, городского транспорта, поддержания порядка. Эти функции, лишь частично и с неизбежно высокими политическими издержками, берут на себя всевозможные мафии[113], квартальные банды, религиозные фундаменталистские сообщества, этнические землячества, «бароны трущоб» и сети патронажной зависимости, неомиссионерские благотворительные неправительственные организации, коммерческие структуры и ростовщики, прочие формы люмпенской самоорганизации. Без действенной исполнительной бюрократии невозможна никакая сколь либо серьезная демократия (во всяком случае, в группах людей численностью свыше деревни). Там, где уже невозможно обойтись личными дружескими и соседскими взаимообязательствами, исполнение общественной воли придется возложить на бюрократический аппарат.

В отличие от механизмов неодушевленных, сколько ни обзывай бюрократов винтиками, на деле они одушевленные существа со вполне осознанным, хотя (и это важно!) подвижным, изменчивым в зависимости от социального контекста спектром личных интересов и групповых предпочтений. Поэтому бюрократическая машина управляется вовсе не инженерно-механически и даже не

---

[113] В.В. Волков. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

кибернетически. (Это распространенное заблуждение теорий управления). Как бюрократические патологии, так и способы их лечения всегда были и будут видом *политической* борьбы. На деле это самый сложный из видов политической борьбы, где на кону находится не разовая победа и ни в коем случае не уничтожение противника, а инфраструктурный контроль на долгий срок.

Действенная политическая мобилизация нуждается в моральной идеологии, способной выдвигать общественные ценности и задачи. На самом деле здесь, возможно, и находится точка, в которой пересекаются интересы общества и бюрократической элиты (не говоря уже об основной массе бюрократического персонала на подчиненных должностях). Это, на техническом жаргоне, проблема коллективного действия. Нормализация бюрократического аппарата требует подчинения его сил большой легитимной задаче, в которую смогут встраиваться личные карьерные амбиции, элементарные интересы самосохранения, предполагающие высокую предсказуемость служебной деятельности, и социализованное самоуважение (по известным формулам «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «За державу обидно...»)

В противном случае, без внешней направляющей, возникает порочный цикл, также самоусиливающийся, но с негативным вектором. Частные и ведомственные интересы, каждый из которых рационален в узкокорыстном плане, в результате производят коллективно иррациональный результат, подрывается воспроизводство общественных структур, теряются коллективные блага, деградирует материальная и человеческая инфраструктура. Собственно, это и есть модель упадка СССР. Его аппарат управления избавился в 1960-е гг. от координации деспотической и одновременно смог пресечь возникновение со стороны новых средних слоев образованных специалистов альтернативных форм координации, основанных на политической и рыночной конкурентности. Остальное было по сути уже делом времени.

VII.

Литература по государственному развитию, бюрократии и связанными с этим политическими конфликтами практически безбрежна. Нам остается надеяться на синтетическое теоретическое понимание (если, пока, и не цельную теорию), которое даст нам ориентиры в море зарубежной эмпирики. Кроме того, при всей важности исторического опыта Запада (который, в конце концов, несет основную долю ответственности за возникновение современ-

ной миросистемы), следует ожидать, что какие-то другие регионы мира могут нам дать даже больше для сравнительного изучения политических формаций Восточной Европы. Это, в первую очередь, Турция, по сути, – пограничный член Восточной Европы и одновременно Ближнего Востока[114].

Несмотря на завораживающую всех экзотику совершенно иной цивилизации Японии и Китая, плюс колоссальную разницу в экономических успехах последних десятилетий, страны бывшего советского блока и особенно Россию все же полезно рассматривать в сравнении с тем, как государства Дальнего Востока реагировали на наступление Запада сто пятьдесят и пятьдесят лет назад. Предполагается, что мы найдем больше аналогий, чем обычно замечается. Конечно, мы выходим тут и на какие-то важные точки дивергенции. Распад СССР просто неизбежно сравнивали, и будут еще сравнивать с рыночным успехом по-прежнему коммунистического Китая. Как показывают недавние работы, уникальной лабораторией для тестирования гипотез об относительной силе государств и поведении правящих элит оказалась Юго-Восточная Азия (с перспективой расширения сравнительно-исторического фокуса на Индию, Иран и арабские страны). В самом деле, почему Сингапур обошел Филиппины, монархический Таиланд разошелся путями с монархической же Японией, а коммунистический Вьетнам так успешно воспользовался военной мощью для успешного выхода на мировые рынки, в то время как военная хунта Бирмы впала в почти северокорейскую изоляцию?[115].

Наконец, как говорят англичане, the last but not the least, надо научиться дифференцированно воспринимать и сам Запад с его пресловутым опытом. Италия не одна страна, а как минимум две или три, несмотря на сходство климата, Канада не Швеция, а Норвегия, несмотря на размер и мореходные традиции, вовсе не Португалия, Франция прошла совсем иным маршрутом, нежели Испания, игрушечная сегодня Австрия - как и Россия с Турцией

---

[114] З. Keyder. State and Class in Turkey: A Study in Capitalist Development. London: Verso, 1987.

[115] R.F. Doner, B.K. Ritchie, D. Slater. “Systemic Vulnerability and the Origins of Developmental States: Northeast and Southeast Asia in Comparative Perspective,” International Organization, Vol. 59, No. 2 (Spring 2005), pp. 327-361; J.A. Winters. Power in Motion: Capital Mobility and the Indonesian State. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996; P. Evans, Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995; M. Woo-Cumings (ed.) The Developmental State. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000; D.C. Kang. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; A. Kohli. State-Directed Development: Political Power and Industrialization in the Global Periphery. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

тоже бывшая империя, а Британский исторический опыт демократизации трудно привести к общему знаменателю со швейцарским. Вся же Европа даже в сумме не равняется Америке. Еще важнее научиться принимать за эмпирический факт, что демократия на уровне городов вроде гангстерского Чикаго, немытого южного Неаполя, или даже чинно-мещанского Бордо скорее может нам помочь прояснить, каким путем двигаются российские регионы.

Таковы предварительные наброски. О конкретике исследовательской программы, ее составляющих и последовательности стадий предстоит договариваться и, неизбежно, поспорить. Важно оставаться при этом открытым для непредвиденных ходов мысли, одновременно не теряя главных ориентиров[116].

ИМИТАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СИМУЛЯКРЫ БЮРОКРАТИИ

В.Н. Порус

«Бюрократия» и «рациональность» после классических работ М. Вебера неразлучны[117], хотя оба эти понятия в современном контексте обрастают столь различными истолкованиями, что уже нелегко проследить их связь с веберовскими замыслами. Идеальный тип «рациональной бюрократии» привычно зачисляют по разряду социально-политических утопий (освободить «теорию бюрократии» от ее утопичности – приблизить к «реальности» - пытались многие и не раз: М. Крозье, А. Гоулднер, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Селзник, С. Липсет и др.), но это не совсем справедливо по отношению к терминам «утопия» и «реальность». Вообще говоря, «идеальный тип» – методологическое новшество Вебера – это связка «наук о культуре» (по Г. Риккерту) с культур-

[116] G. Derluguian. Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: A world-system biography. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

[117] См.: Вебер М. История хозяйства: Город. — М., Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001; его же: Хозяйство и общество. М., Изд-во ГУ ВШЭ, 2010; его же: Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2003; Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. М., 1986. № 3.

ными ценностями. В этой статье я исхожу из понимания культурных ценностей (универсалий) как предельных («горизонтных») ориентиров мысли и действия[118]. В социальном научном исследовании они выражаются в том, что М. Вебер называл «ценностной идеей», которая будучи «трансцендентальным» регулятивом для социального ученого, направляет и задает цель его исследования. Она же оказывает влияние на выбор его методологического инструментария. Идеальный тип «рациональной бюрократии» у Вебера – характерный пример этого влияния. Он порожден пониманием культуры как системы ценностей, выступающей основанием собственно человеческого бытия. Эта система, по Веберу, исторически изменчива и на значимых этапах своей эволюции характеризуется различными «универсалиями», которым соответствуют и разные идеальные типы.

«Рациональная бюрократия» - это методологическая призма, сквозь которую мыслитель рассматривал отношение «власть - общество», формирующееся в условиях универсализации капиталистической экономики и соответствующего ей социального порядка. Бюрократическое управление социальными процессами уподоблялось работе механизма, не допускающего сбоев из-за чьей-либо корысти, некомпетентности или по каким-то иным субъективным причинам. Ученый, исследующий эти процессы, объясняет результаты эмпирических наблюдений, интерпретируя их в терминах принятой им теории. Это позволяет ему различать объективные знания и субъективные мнения, выражающие чьи-то предпочтения, эмоции или личные пристрастия. Но если результаты наблюдений (в широком смысле этого термина) вступают в противоречие с теорией (не согласуются с ее выводами), это должно поселить в нем сомнения, годится ли такая теория, не следует ли ее заменить более успешной. Таков обычный путь науки. Однако социальная наука не только изучает свои объекты, она их проектирует и предлагает способы осуществления своих проектов. В этом смысле социальная наука при известных обстоятельствах может стать программой социальных преобразований. Станет или нет, это зависит не от ученых, хотя их участие в таких преобразованиях не исключено. Политическая или идеологическая ангажированность социальной науки – проблема трудная для обсуждения, ибо в нем неминуемо затрагивается вопрос об объективности

[118] См.: Порус В. Н. У края культуры. Философские очерки. М., «Канон+», 2008.

научного знания об обществе. Поэтому, не застревая в узких местах, допустим, что умеем различать позицию ученого-исследователя и позицию общественного деятеля, а также не застываем в методологической прострации, если эти позиции соприкасаются и даже сливаются.

Бюрократия, по М. Веберу, есть форма осуществления власти (прежде всего, государственной), предполагающая особую профессиональную организацию, действия которой подчинены строгому регламенту (на основании существующего законодательства) и должны проверяться на соответствие ему. Такая проверка осуществляется либо самими бюрократами (соответствующими этой функции бюрократическими структурами), либо контролирующими общественными организациями. В любом случае проверка также регламентирована и ее соответствие установленным нормам, правилам и процедурам поддерживается официально. Бюрократические инстанции работают, руководствуясь принципами, которые, собственно, и делают их работу рациональной.

Вкратце, кодекс таких принципов может быть описан следующим образом:

- бюрократия организована иерархически (низшие уровни подчинены высшим и это подчинение имеет безусловный характер; невозможна ситуация, когда властные импульсы, идущие от верхних уровней, не признаются нижними, игнорируются или произвольно трактуются);

- в этой иерархии «каждый сверчок знает свой шесток» и не выходит за круг своих полномочий, явно ограниченных регламентом;

- действия бюрократа строго определены и не допускают иной, отличной от регламента, оценки (бюрократ действует по законам и инструкциям, а не «по понятиям»);

- всякий бюрократ назначается на свою должность другим бюрократом (или бюрократической инстанцией), стоящим на более высокой ступени иерархии;

- бюрократическая функция требует профессионального исполнения (не должно быть бюрократов-профанов или бюрократов, работающих «по совместительству»), квалификация бюрократа должна быть подтверждена соответствующей экспертизой;

- выполнение профессиональных обязанностей обеспечивается законом, бюрократическая инстанция гарантирует чиновнику со-

блюдение его гражданских прав, работу по контракту и право на пенсию;

- бюрократ действует от имени властной структуры; как всякий профессионал, бюрократ получает зарплату в соответствии с занимаемой должностью, установленные размеры зарплаты бюрократа не могут быть произвольно изменены;

- как прием на работу, так и увольнение бюрократа совершается вышестоящей бюрократической инстанцией в соответствии с законом;

- бюрократ не имеет права собственности на то учреждение, в котором работает;

- бюрократ не может уклониться от выполнения задач, которые перед ним ставят регламент или высшие инстанции (при условии соответствия этих задач законодательству) или от законных форм контроля за его действиями.

Весь этот кодекс был бы пустым звуком, не обладай бюрократ соответствующей профессиональной подготовкой, в которую помимо прочего входит моральная ориентация на неукоснительное соблюдение этих принципов. Отсюда – особый моральный климат бюрократической среды, не допускающий пренебрежительного или цинического отношения к работе, не позволяющий чиновнику поставить личный интерес над своими обязанностями. Бюрократ не может быть коррупционером - не только в силу закона юридического, но и потому, что в противном случае он был бы исторгнут своей средой. *Там, где есть коррупция, моральный нигилизм, презрение к закону, уже нет бюрократии.*

Конечно, сегодня это звучит как насмешка над знакомой каждому реальностью. Бюрократия вызывает к себе далеко не идиллические чувства, а «бюрократизм» - слово, указывающее на социальное зло, с которым надо вести борьбу. «Я волком бы выгрыз бюрократизм», признавался В. Маяковский, и кто же не сочувствовал поэту, особенно зная, что не имеешь никаких шансов самому стать бюрократом? А были бы шансы,... ну, тогда и посмотрим, кому сочувствовать, не так ли? Во всяком случае, по данным социологов, большинство российских старшеклассников на вопрос «Какую профессию вы изберете, окончив школу?» отвечают чуть не хором: профессию чиновника![119] Очень любопытно сравнить

[119] По результатам исследования, проведенного Фондом "Общественное мнение", привлекательной для себя государственную службу считают 42 % жителей страны. Летом 2010 г. конкурс на бюджетное студенческое место на специальность "Государственное управление" в некоторых регионах достигал 160 человек. В НИУ-Высшая школа экономики

эти данные с другими, свидетельствующими, что к деятельности бюрократии население страны относится скорее отрицательно[120]. Получается, что сегодняшние школьники (разумеется, не без согласия и одобрения родителей!) с удовольствием примкнули бы к профессиональной группе, деятельность которой порицается общественным мнением. Безусловно, это может трактоваться поразному, но в том числе и так, что профессия чиновника (не самая привлекательная по зарплате!) манит возможностью пожить за чужой счет, как бы об этом ни судили те, у кого такой возможности нет. По сути, если принять такую трактовку, это свидетельствует о глубокой деморализации общества, затрагивающей даже детей.

В. П. Макаренко называет бюрократию «социальным организмом-паразитом на всем протяжении ее существования», видит в ней «отражение социальных конфликтов и материализацию властно-политического отчуждения»[121]. Представим это положение как вывод по контрапозиции: если есть бюрократия, то это свидетельствует о наличии отчуждения власти, и значит, чтобы не было бюрократии (этого паразита на теле общества!), необходимо, чтобы не было и отчуждения власти. Это важно: не бюрократия порождает отчуждение, а напротив, отчуждение порождает бюрократию.

М. Вебер, по-видимому, рассуждал иначе. Для него «бюрократия» есть «идеальный тип», в котором отражен культурный смысл исторической эпохи, знаменуемой торжеством рациональ-

---

(Москва) в том же году на специальность «Государственное и муниципальное управление» (60 бюджетных мест) было подано 1150 заявлений (См.: Туманова О., Чернаков А. Профессия чиновника – самая востребованная в вузах России. Интернет-ресурс: http://madan.org.il/node/690).

[120] По данным социологов РАН, «россияне не только не готовы видеть в бюрократии выразителя интересов общества, но и рассматривают ее как силу, если и не прямо враждебную, то безусловно наносящую ущерб интересам страны... Две трети россиян безоговорочно убеждены в том, что российская бюрократия думает только о собственном благополучии и влиянии, ее совершенно не интересует население страны, интересы которого она призвана защищать. Такая же точка зрения доминирует и среди представителей силовых структур (армия, МВД и т. п.), попавших в выборку опроса – ее разделяют почти 60% россиян, и лишь треть – допускает «гармонию» интересов бюрократии и населения... Свыше 20% опрошенных госчиновников не смогли ответить на вопрос, в чем же заинтересована российская бюрократия в первую очередь. Учитывая, что это образованные люди, которые по всем остальным вопросам достаточно четко сформулировали свою позицию, такой процент затруднившихся с ответом можно интерпретировать, на наш взгляд, как нежелание ... врать в ответ на прямо поставленный вопрос» (Бюрократия и власть в новой России. Аналитический доклад Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. М., 2005. Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf.). У меня есть основания полагать, что 6 лет спустя соответствующие оценки не изменились в позитивную сторону.

[121] Макаренко В. П. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства // Политическая концептология, 2011, № 1. С. 5.

ности в первую очередь в сфере хозяйства, но не только в ней. Рациональность у Вебера – это не частная характеристика тех или иных общественных процессов. Это принцип культуры, первенствующий в системе культурных универсалий. Значит, другие культурные ценности, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя, так сказать, проникаясь им, согласуясь с ним.

Следовательно, симптоматика отчуждения (например, нарастание неразрешаемых противоречий между властью и обществом) свидетельствует о том, что, во-первых, *власть недостаточно бюрократична*, а во-вторых, что ценность рациональности все еще не превалирует в системе жизненных ориентаций людей. О том, что в культуре – разлад, предвестник распада.

Ведь культурные универсалии – это не законы природы, действующие независимо от того, признаёт их кто-либо или нет. Повторю: они определяют жизненные и мыслительные ориентации людей, если люди согласны с ними, признают их власть. Но, как и всякая власть, культурные универсалии требуют от людей не только признания, но и подчинения. Они ограничивают человеческие желания, страсти, влечения и поступки. Они делят интересы на «культурно приемлемые» и «культурно неприемлемые». Но людям свойственно не соглашаться с принудительным ограничением их витальных притязаний или, например, экономических интересов. Тогда культура и предстает как то, что приходится *терпеть*, без чего было бы трудно *выжить*, ибо она определяет условия, при которых противоположные воли и витальные порывы не аннигилируют во взаимных столкновениях, а находят необходимый компромисс. Она позволяет людям *уживаться* друг с другом даже тогда, когда эта совместность – вне бдительного надзора со стороны Левиафана с его законами, институтами и охранительными структурами. В таком случае культура – не что иное, как незримая узда, сдерживающая человеческое своеволие, его дикие и свирепые проявления.

И это должна быть крепкая узда. Когда она ослабевает, противоречия между жизнью и культурой нарастают, культурные принципы перестают быть сознательными ориентирами большинства людских поступков, их ценность падает, а власть становится иллюзорной. Чтобы этого не произошло (то есть, чтобы предотвратить кризис культуры) необходимо создавать и укреплять институты власти, которые могли бы удержать культуру от распада. Иначе говоря, власть культурных принципов должна воплотиться

во власти институтов, выступающих полномочными представителями культуры.

«Рациональная бюрократия» - это и есть, по Веберу, полномочный представитель культуры Тотальной Рациональности. Она и принимает на себя бремя разрешения противоречий между людьми и культурными принципами. Но для этого она сама должна быть культурной «до мозга костей». Идеальный бюрократ – это рыцарь культуры без страха и упрека, ее воплощенный, зримый образ. Он принимает на себя ответственность за культуру, подобно Атланту подставляет плечи под «небесный свод» ее универсалий. И... становится первым и явным объектом, в адрес которого направлен протест, даже бунт против культуры.

***

Конечно, важно исследовать, чем именно и в какой степени реальная бюрократия отличается от своего идеального типа. Но эту работу лучше оставить социологам, политологам или даже психологам (ведь ненависть к бюрократии – еще и психологическое состояние человека со множеством нюансов, например, не свободное от так называемого Ressentiment в смысле Ницше).

Философ же задаст другой вопрос. Дает ли веберовский «идеальный тип» возможность теоретического разрешения социальных противоречий и, следовательно, ликвидации расщелины между властью и обществом, на философском жаргоне именуемой «отчуждением»? Если нет, то почему?

Часто отвечают так: он создается в методологических и познавательных целях, как, например, теория идеального газа в физике. Меня этот ответ не удовлетворяет. Все-таки это - социальная теория, а она, как уже сказано, неотделима от ценностных предпочтений исследователя, и это не ее недостаток, а почва и судьба, которые «дышат» в ней, перефразируя известные строки Б. Пастернака.

Теория бюрократии М. Вебера - в одном ряду с такими изобретениями научного ума как «идеальный этос ученого» Р. Мертона, идея «Большой Науки» К. Поппера, «учение о ноосфере» В. Вернадского, технократические утопии русских «космистов», «теории элит» Д. Белла, Дж. Гелбрейта, Р. Арона и т. п. Общей чертой этих изобретений является то, что все они возникают через интерпретацию данных, полученных в естественнонаучных, социологических, технологических, экономических и т.п. исследованиях, в терминах определенной философии культуры. Посколь-

ку культур-философских концепций множество и они составляют в известном смысле «конкурентную среду», такая интерпретация не может быть единственной. Какая именно интерпретация выбирается исследователем, это зависит от разных факторов. Например, от «имманентных» характеристик интерпретирующих концепций, то есть от их способности обеспечивать приемлемые объяснения изучаемых явлений. Но особо примечательны те ситуации, в которых на конкуренцию интерпретаций влияют изменения в умонастроениях исследователей, зависящих от заметных или даже критических перемен в культурном контексте. В таких случаях говорят о выполнении исследователем «культурного заказа», его желании соответствовать тому, что называют Zeitgeist или «духом культуры». Это *страдающий* дух, что особенно видно в переломные моменты истории, когда шатаются и падают культурные устои, происходит смена системы культурных универсалий. Исследователь может стремиться вернуть культуре устойчивость, дать ей новые опоры. Или, что не исключено, помочь ей уйти в историю, освободив место новой культуре. В любом случае он создаёт *мифы*, которых требует изменившаяся культурная среда. Характерная особенность этих мифов в том, что они «облачены в научные тоги», то есть оформлены так, как это принято в науке[122], но отличаются своей очевидной «ангажированностью», подчиненностью философски определяемым целям.

Таким мифом и является веберовский идеальный тип «рациональной бюрократии. То, что он способен выполнять методологическую функцию, говорит о том, что знание об обществе включает в себя мифологическую компоненту не по недосмотру ученых или по причине своего «несовершенства», а по необходимости[123]. Это и есть философская проблема: выяснить и объяснить эту необходимость. Впрочем, в современной литературе мифологичность веберовской концепции стараются не замечать (видимо,

---

[122] Наука и миф – проблема, которую нельзя решать плоскими противопоставлениями в духе наивного «прогрессизма». Об этом – глубокие работы К. Хюбнера (см.: Хюбнер К. Истина мифа. М., «Республика», 1996), см. также: Депперт, В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., РХГИ, 1999. С. 187-204.

[123] Я касаюсь этой проблемы и предлагаю подход к ее решению в своих недавних работах: Порус В. Н. На Мосту интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология // Социология науки и технологий, 2010, т. 1, № 4. С. 102-115; Культурная самоидентификация как проблема эпистемологии / Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной. М., РОССПЭН, 2010. С. 130-150; Психология в культурно-исторической проекции // Вопросы философии, 2011, № 7. С. 49-57.

опасаясь «посягнуть» на авторитет великого ученого) и принципы «рациональной бюрократии», сформулированные Вебером, кочуют по страницам философских и социологических изданий как «научные» определения бюрократии[124].

***

Почему бюрократия, по Веберу, называется «рациональной»? Заметим, что это вызывало и вызывает возражения. Ст. Андрески называет применение этого термина «самым уязвимым местом» теории бюрократии М. Вебера[125], имея в виду следующее: «рациональность» у Вебера не имеет ни четких определений, ни единого смысла; всюду, где у него этот термин используется, он может быть заменен другими, более понятными и строгими, и от этого сама теория только выиграет, став более устойчивой к критике.

«Из того, что Вебер писал на тему рациональной власти и бюрократии, вытекает: прилагательное “рациональный” в отношении к ним надо заменить выражением “формально и детально организованный”. Тогда понятие рационализации надо заменить выражением “рост детально организованных формальных организаций”»[126].

Какую бы сферу бюрократического действия мы ни взяли, всюду этот термин не проясняет, а скорее запутывает, затрудняет объяснения. Даже в сфере экономики. Ст. Андрески настаивает:

«Использование крайне смутного понятия “формальная рациональность” бесполезно, поскольку оно не содержит ничего нового по сравнению с понятием “применение расчета”. Поэтому выражение “формальная рациональность экономической деятельности” следует заменить определением “калькулируемая экономическая деятельность” или просто “экономический расчет”»[127].

Какая судебная процедура может быть названа рациональной? Та, которая неуклонно ведет к соблюдению закона. Если это и есть цель судебной процедуры, то

---

[124]См., например: Бюрократия / Онлайн-энциклопедия «Кругосвет» (Интернет-ресурс: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html.

[125] Андрески Ст. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология, 2011, № 1. С. 210-235.

[126] Там же. С. 225.

[127] Андрески Ст. Цит. соч. С.

«неизбежен вывод: обращение африканских племенных судов к пророчицам эффективнее (а тем самым и рациональнее), нежели установившаяся в современной Англии практика принесения свидетельств под присягой от имени всемогущего Бога. Исследования общественного мнения показали, что абсолютное большинство людей в этой стране не боятся божьей кары»[128].

Вообще говоря, апелляция к эффективности используемых средств для достижения цели не дает сформулировать какое-то общее понятие рациональности или построить универсальную «шкалу рациональности», по которой можно было бы сравнивать различные сферы деятельности.

«В аналитической философии со времени Юма общеизвестно положение: конечные цели не могут квалифицироваться как рациональные или нерациональные. Иначе говоря, невозможно решить, кто поступает более рационально: бизнесмен, который лишает себя свободного времени и удовольствия ради денег; художник, который предпочитает жить в нищете, посвящая жизнь живописи; или “птица небесная”, которая не может вынести скуку одного занятия и постоянно меняет род деятельности и место жительства. А что же рационального в тяжелом труде и экономной жизни, если человек располагает достаточным количеством средств для того, чтобы отдыхать и пользоваться благами жизни? Эти примеры показывают, что все зависит от ценностей, которые для людей являются конституирующими»[129].

Остроумная критика Ст. Андрески попадает в цель. Но я бы не спешил вслед за польским ученым объявлять веберовский подход к рациональности *ошибочным*. «Озарения» и «ошибки» Вебера[130] происходят из одного и того же идейного источника. И растяжимость объема, и расплывчатость содержания ключевого термина «рациональность» не являются следствием какой-то небрежности. Гениальному ученому нужен был именно такой термин. И так называемая «путаница» с «целями» и «ценностями» также не случайна и свидетельствует не о смятении мыслей: М. Вебер, по-видимому, и не мог, и не хотел рассовывать эти понятия по

[128] Там же. С. 227.
[129] Там же. С. 232.
[130] Andreski St. Maxa Webera olsnienia i pomy ki. Warszawa, PWN, 1992.

разным углам и словарям. Они потому и «наезжают» друг на друга в его рассуждениях, что сопряжены по смыслу.

Дело в том, что «бюрократия» как идеальный тип у Вебера, а также все ее основные предикации, – это не только теоретическая конструкция, потребная для решения экспланативных задач в социологии или экономике. Это прежде всего и главным образом – **культурная ценность**.

«Экономическая социология Вебера организуется в “культурологическом ключе”. Вебер выделяет две идеальнотипические ориентации экономического поведения: традиционную и целерациональную. Первая приходит из глубины веков. Вторая является доминирующей, начиная с Нового времени. Преодоление традиционализма осуществляется в ходе развития современной капиталистической экономики. Формально-рациональный учет денег и капиталов предполагает наличие определенных типов социальных отношений и определенных форм социального порядка. Анализируя эти формы, Вебер формулирует универсально историческую модель развития капитализма как торжества принципа формальной рациональности во всех сферах хозяйственной жизни, отмечая, однако, при этом, что подобное развитие не может быть объяснено исключительно экономическими причинами»[131].

В том же культурологическом (я бы сказал: культурфилософском) ключе М. Вебер организует и свою теорию (миф) «рациональной бюрократии». Именно поэтому ему необходим термин «рациональность», который не может быть заменен ни «экономическим расчетом», ни «формальной организацией», как советует Ст. Андрески. Необходим не потому, что этот термин точнее. Нет, он действительно расплывчат и многозначен. Но у него есть особое преимущество: *он связывает социологические и экономические рассуждения с философией культуры, полагающей систему «горизонтных» универсалий центрированной вокруг рациональности*. Дело, конечно, не только в том, что рационализированная культура – объект, доступный научному анализу, способному «посчитать» все, что поддается расчету, формализовать то, что может быть посчитано, и тем самым освободить пространство, часто занятое иррациональными выражениями человеческих пристрастий. Суть глубже: сама культура, в которой господствует принцип рациональности, открывает, как казалось Веберу, бле-

[131] Ионин Л. Г. Вебер / Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб, «Университетская книга», 1998. С. 103.

стящую историческую перспективу: человечество должно следовать по пути бесконечного прогресса, освещенному «солнцем бессмертным ума».

***

Мы видим зависимость веберовской теории бюрократии от культурного контекста эпохи. Критика этой теории есть в то же время критика этого контекста. А за что ее можно критиковать?

Лежащей на поверхности мишенью критики, конечно, является несоответствие реальности: «настоящая» бюрократия не такова, какой она нарисована в веберовской концепции. Можно быстро возразить, что это вообще характерно для теоретической науки, в которой абстрактные объекты (теоретические конструкты) служат установлению сущностных связей между изучаемыми явлениями и, таким образом, получать достоверное знание (таковы, например, понятия «идеального газа», «материальной точки», «абсолютно твердого тела» в физике или «неограниченно большая популяция со свободным скрещиванием особей» в популяционной генетике[132]). Но это поверхностное возражение. «Рациональнная бюрократия» у Вебера – не только теоретический конструкт, но и (мифологическая!) культурная ценность. Поэтому несоответствие реальной бюрократии веберовской модели – не то же самое, что нарушение закона Бойля в условиях больших давлений на ограниченный объем газа. Этот закон верен в случае разреженных газов, когда можно пренебречь межмолекулярными взаимодействиями, и нарушается, когда существенны действия сил Ван-дер-Ваальса. Вряд ли нечто подобное можно сказать о «нарушениях» принципов работы идеальной бюрократической системы. (Миф нечувствителен к своим опровержениям!). И совсем уж подозрительным было бы предположение о том, что миф о ней дает возможность устанавливать некие сущностные законы управления и осуществления власти.

Критика веберовской концепции бюрократии может иметь два источника: неприятие культурных принципов и ценностей, на страже которых стоит бюрократия, или осознание того, что бюрократия не выполняет свою культурную функцию, а напротив, характеризуется (частичным или полным) отрицанием культурных ценностей. В первом случае критика направлена против культурообразующего мифа «рациональной бюрократии». Во втором – кри-

[132] См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., «Гардарики», 2007. С.181-183.

тикуется не культура, а ее разрушитель – реальный бюрократ, сделавший из мифа о культуре ширму, за которой устраивает свои делишки, а также вся реально существующая и всегда окружающая человека в современном обществе бюрократическая система, превращающая жизнь человека в кафкианский абсурд.

Идя по второму пути, критик проследит, каким искажениям «настоящий», а не «идеальный», бюрократ подвергает принципы, сформулированные Вебером. Если этот критик займется своим исследованием в современной России, перед ним предстанет впечатляющая картина.

Так, он заметит, что бюрократическая «вертикаль» означает не безусловную передачу властных импульсов «сверху донизу», а скорее механизм подавления значимой инициативы и уклонения от действия через систему проволочек; при некоторых условиях «вертикаль» превращается в изощренное орудие саботажа; он увидит, что так называемое «превышение служебных полномочий» - едва ли не рутинная практика вымогательства или расправы с неугодными людьми; юридические законы попираются нагло и безнаказанно; бюрократические должности продаются и покупаются, и на этом рынке активность никогда не падает; он констатирует профессиональную непригодность бюрократов не только на нижних ступеньках иерархической лестницы, но и на вершинах власти. Если наш критик осмелится продолжить свое исследование (в России это совсем не безопасное занятие!), он узнает, что значительное число бюрократов занимаются полулегальным и нелегальным бизнесом (законы и инструкции, препятствующие этому, ловко обходятся либо игнорируются), а то и вовсе входят в состав организованных преступных групп (что можно даже с печальным юмором назвать «работой по совместительству»). При этом (в полном противоречии с веберовской моделью) бюрократы не только занимаются политикой, но используют свои должностные привилегии для обеспечения властного status quo (выражение «административный ресурс» при подсчете шансов на победу над политическими конкурентами в ходе выборов считается вполне приемлемым)[133]. Впрочем, российская бюрократия к самой идее

[133] Разумеется, политическая активность бюрократии может быть направлена не только на сохранение и упрочение существующей власти, но и против нее (так называемая «аппаратная революция»); в таких случаях бюрократы могут вступать во временные политические союзы с иными, нежели «партия власти», политическими силами. Впрочем, чаще всего бывает, что целью этой борьбы является перераспределение власти в пользу «новой бюрократии»

выборов часто относится с плохо скрываемым презрением. Если выборы все же происходят (их отмена пока носит частичный характер), то она стремится ими управлять, используя для этого такой мощный ресурс как контроль над средствами массовой информации, прежде всего – над телевидением.

На свои сравнительно умеренные зарплаты российские бюрократы умудряются приобретать дорогие палаты в своем отечестве и за границей, обмениваться подарками, цена которых напоминает номер мобильного телефона, разъезжать на «крутых» автомашинах, обучать отпрысков в престижных и очень дорогих заграничных университетах. Они приватизировали властные структуры, используя право действовать от имени государства как дополнительный ресурс личного обогащения. Известные персонажи М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина выглядят слабыми подобиями своих нынешних российских коллег, ввиду чего разговор о профессиональной (сословной, если угодно) чести или «государевой службе» в среде российских бюрократов выглядит неуместной наивностью[134].

И все это с таким размахом, что нашему критику не пришлось бы слишком утруждаться сбором фактических данных. Но к каким выводам из них он мог бы прийти?

Можно, например, вслед за Р. Мертоном или Т. Парсонсом, рассматривать перечисленные явления как «дисфункции», недостатки системы, вызванные главным образом тем, что бюрократы – живые люди и ничто человеческое им не чуждо. Ведь бюрократ Вебера – это, так сказать, абстрактная схема. А живой человек может быть, например, в плену у своих аффектов и пристрастий. Он может гневаться или благоволить, увлекаться пчеловодством или теннисом, иметь те или иные политические или религиозные убеждения, обожать ритуалы и церемонии (Р. Мертон даже говорил о «ритуализме» как особой дисфункции бюрократического аппарата). Быть падким на лесть или женские чары (прошу прощения у феминисток и феминистов, но уж так устроен наш язык: приходится видеть в бюрократе прежде всего существо мужского пола!). Вот и алчность, и цинизм, и безудержное властолюбие – да много еще чего! – нужно принимать как естественные факторы, часто искажающие «нормальный» ход бюрократического меха-

[134] Безусловно, сказанное в той или иной степени относится не только к отечественной бюрократии. Но я веду речь прежде всего о ней, поскольку мне это интереснее и больнее, чем то, что происходит в других странах и частях света.

низма. Или, выражаясь в терминах Вебера, вносить в него *иррациональные* моменты. Чтобы все оставалось рациональным, *машинообразным*, надо эти трихины иррациональности постоянно устранять. Иначе говоря, такому механизму нужен постоянный присмотр и техническое обслуживание: негодные или изношенные части заменять запасными, работать над дизайном, подумывать о совершенствовании внутреннего устройства, оптимизировать его функциональность и т. д. Большой вопрос, кому доверить это важное дело, особенно, когда речь идет о высших уровнях бюрократической иерархии. Хотелось бы воскликнуть: кому же еще, как не специалистам, ученым, философам, политологам или экономистам? Да кто же их будет слушать, если они станут предлагать нечто такое, что не понравится бюрократам? А если им-то и передать власть? Такие предложения делал еще Платон. По его стопам идут и современные технократы. Надо признать, кое-чего и кое-где они добились. Но технократическая (или сциентократическая) идея, помимо ее очевидной нереализуемости, несет в себе внутреннее противоречие: ведь интеллектуал (ради краткости выберем этот термин), став у власти, не перестанет быть человеком. А вдруг он не научной истине или рациональным принципам станет служить, а собственным интересам? А ведь так оно, скорее всего, и вышло бы, осуществись эта идея!

Конечно, можно призвать на помощь машины (не в переносном, а прямом смысле), например, автоматическую (управляемую компьютерами) систему сбора налогов или коммунальных платежей, формализовать квалификационные испытания, а то и проверять подозреваемых в мздоимстве и лихоимстве чиновников на «детекторе лжи». Но это мелочи. Радикальное средство, считают многие, это «демократия», т.е. устройство для смены властных структур, если они почему-либо не удовлетворяют общественным нуждам.

Здесь я вступаю в область, где продвигаться так же трудно, как идти без специального снаряжения и сноровки по минному полю. Поэтому остановлюсь, напомнив только, что демократические общества при определенных условиях порождают (на свою погибель) такую бюрократию, какая М. Веберу и в кошмарных снах не виделась. А ведь проживи он всего-то еще полтора десятка лет, увидел бы не во сне, а наяву.

Вернемся на первый из названных путей критики идеи «рациональной бюрократии». На этом пути критик мифа (то бишь,

теории) «рациональной бюрократии» выступит критиком культуры. Например, он может заметить, что гипертрофированная (то есть проникающая во все поры общественного тела) рациональность является антиценностью. Она подчиняет себе всю систему культурных универсалий, многие из которых просто атрофируются в этом подчинении, а другие теряют свою привлекательность.

Помещать рациональность в центр этой системы, считали и считают многие критики, не только ошибочно, но и опасно. История XX века дала обилие аргументов в пользу этого тезиса. Еще В. Ф. Эрн возводил генезис германского милитаризма к «Критике чистого разума», имея в виду, что идея «живого Бога» была загублена кантовским феноменализмом, а пространство культуры, из которого изымается эта ценностная универсалия, оккупируется научно-техническим рационализмом, заключающим военный альянс с идеей сверхценности немецкой нации, что и ведет к мировой катастрофе[135]. М. Хоркхаймер и Т. Адорно докопались до еще более глубоких корней катастрофы. Опыт второй мировой войны был истолкован ими как следствие саморазрушения европейской культуры, ее универсалий, сформированных в эпоху Просвещения[136]. Жесткой критике был подвергнут «весь ход развития социокультурной парадигмы “проекта модерна”, низвергнувшей западную цивилизацию в пучину варварства именно вследствие с необходимостью произошедшего с ней процесса диалектического самопревращения ее в свою собственную противоположность – в архаический, традиционалистский миф, пышные похороны которого некогда столь самонадеянно и торжественно праздновала эпоха Просвещения»[137].

Заметим, что и М. Вебер (вполне в духе просветительского «модерна») противопоставлял архаическому традиционализму рационализм современной капиталистической экономики. Так что критику «проекта модерна» со стороны франкфуртских социологов можно считать и опосредованной критикой теории (то бишь, мифа) рациональной бюрократии М. Вебера.

Почти всю вторую половину прошлого века шли споры вокруг рационализма как культурной ценности. Специфическим прелом-

---

[135] Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии, 1989, № 3, с. 101-106.

[136] Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб, «Медиум–Ювента», 1997.

[137] Кузнецов М. М. Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути // История философии. № 12. М., ИФРАН, 2005. С. 24.

лением этих споров была полемика о научной рациональности, втянувшая в себя чуть не всю философию и методологию науки[138]. Когда эти споры уже пошли на убыль на Западе, поспели громадные социально-политические и экономические преобразования в России, на фоне которых дискуссия о рациональности как культурной ценности сделала новый поворот.

«В результате того, что в нашей стране механизм рыночной экономики был запущен так, что частный интерес, объявленный присущим самой природе человека, оказался вне общественного контроля (этического, религиозного, государственного и даже элементарного контроля здравого смысла), возник лавинообразный механизм разрушения всех компонентов рациональной культуры. В первую очередь это коснулось науки как базы перспективных технологий, а потом затронул и всю систему ориентированного научно-познавательными ценностями образования»[139].

В такой ситуации критика рационализма, смыкаясь с критикой европейской культуры в целом, обязана считаться с возможностью её истолкования как контркультурного направления мысли. Ведь эта критика так и не смогла найти для себя внятной идейной платформы, имеющей позитивный или конструктивный смысл. Иначе говоря, она не связалась с проектом устроения культурного пространства, в котором рациональность, оставив претензии на абсолютное первенство в культуре, все же не была бы оттеснена на глубокую периферию последней, а нашла своё, так сказать, достойное место в ней. Как именно это возможно, пока не ясно, и дело часто сводится к рекомендациям, полезность которых проблематична, поскольку никто толком не знает, как им следовать. Конечно, А. Ф. Зотов прав (перекликаясь в этом моменте с В. П. Макаренко): «Преодолеть современный кризис рациональности, если его трактовать как социокультурный феномен, можно лишь устранив и современную форму отчуждения - отчуждения человека как личности от рациональности, объективированной в информационно-технических системах (“ноотехносфере”)»[140], но как это сделать? О желательности устранения различных форм отчуждения философы (от С. Кьеркегора и К. Маркса до Э. Фромма, С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра) говорят уже два

---

[138] См.: Порус В. Н. Рациональность, наука, культура. М., УРАО, 2002.
[139] Зотов А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии, 2011, № 5. С.
[140] Там же. С.

столетия кряду, а тем временем формы отчуждения растут числом и в глубину. Вот и отчуждение бюрократии от человека (и наоборот) также нисколько не уменьшилось, а даже имеет тенденцию к дальнейшему углублению, несмотря на все усилия теоретиков и практиков.

К концу прошлого века на авансцену европейской философии вышел постмодернизм (находится ли он там и сейчас, сказать трудно, на этот счет есть разные мнения, а спорить - нет смысла). Он предложил заманчивый выход из кризиса европейской культуры: вообще не замечать его. В самом деле, кризис – это резкое сотрясение системы культурных универсалий, смешение их ролей, неразбериха с первенством, неразрешимый конфликт между тем, чего требует от людей культура, и тем, что происходит в их реальной жизни. Не лучше ли трезво осознать *фиктивность* этих универсалий и освободиться из-под их опеки? Нет универсалий культуры – нет и кризиса! Человечество должно же, наконец, повзрослеть и избавиться от подростковых иллюзий: не существует никаких всеобщих ценностей, правил и истин о человеке (кроме, конечно, знаний о его биологической природе, да и с теми не всё ясно). Тем более, что, кажется, уже не надо никому объяснять, что человечество рискует самим своим существованием, если споры об универсалиях станут причиной мировой бойни или другой антропогенной катастрофы.

М. Н. Эпштейн назвал эту философию «зрелым сознанием увечной культуры»[141]; вопрос в том, навеки ли искалечена культура и обречена ли она доживать свой век беспомощным и тягостным для всех инвалидом, или же есть перспектива ее исцеления, возвращения ей жизненных (а не имитирующих жизнь) сил? Философия, довольствующаяся печальным «да!» в ответ на первую часть вопроса не может не быть маргинальной, какой бы популярностью она ни пользовалась[142]; философии, пытающейся найти положительный ответ на вторую часть, должно принадлежать будущее. Значит, постмодернизм будет изжит, если философия вместо причитаний о несовершенстве и увечности культуры пред-

---

[141] Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000. С. 41.

[142] И. П. Ильин назвал постмодернистскую философию проявлением «феномена маргинализма», в котором выразилось самоощущение творческой интеллигенции XX века, ее сознательная установка на периферийность по отношению к обществу в целом, в том числе и к его морали (Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М., 1998. С. 21, 22); из этого следует, что популярность этой философии пойдет на убыль, если изменится это самоощущение.

ложит позитивный проект ее универсалий, определяющий ее развитие.

Пока этого сделать не удалось. Но ясно, что многие уродства нашей действительности, в том числе и уродство нынешней бюрократии, являются неизбежными следствиями культурного кризиса, уже переросшего в культурную катастрофу[143]. Она всеохватна и никакие сферы жизни не остались незатронутыми. В особенности - сфера властных отношений.

И дело даже не в том, что система культурных универсалий лежит в развалинах. Это ещё полбеды. Расчистив руины, все-таки можно поставить новые культурные каркасы, была бы только воля и хватило бы сил. Настоящая беда в том, что гаснет *идея культуры*, утрачивается вера в то, что человек обретает самого себя только в культуре, то есть ориентируясь мыслями и действиями на её ценности. Если эта идея перестанет светить окончательно, наступит тьма пост-культурной действительности. Дальнейшее – молчание...

В ситуации культурного кризиса или, если угодно, культурного безвременья, ценностные универсалии - это «симулякры» (Ж. Батай, Ж. Бодрийар), знаки того, чего нет, формы, какими люди символизируют свои отношения, обмениваются – ради удобства или развлечения - этими формами, сознавая при этом их пустоту. Такой формой-пустышкой является и «рациональная бюрократия». Реальная же бюрократия поддерживает этот обмен-обман, поскольку он ей выгоден. На словах – профессионализм, честь, порядок, беззаветное служение, бескорыстие, на деле – сами знаете что. Впрочем, знаете или нет, это совсем не важно. Будете играть с пустотой, окруженной символическими оболочками. Жизнь заставит[144].

---

[143] См.: Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии, 2005, № 11. С. 24-36.

[144] Ж. Бодрийар ярко описал современную культуру как царство симулякров и симуляций, однако его красноречие оставляет двойственное впечатление: оно может быть прочитано как гиперкритика современного ее состояния, но может быть понято по-другому, как согласие с необратимостью совершившихся в ней изменений (см.: Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981).

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФИГУРЫ КРИЗИСА[145*]

Майкл Хардт
Антонио Негри

Триумф неолиберализма и его кризис изменили условия экономической и политической жизни, но вместе с тем они запустили социальное, антропологическое преобразование, произведя новые фигуры субъективности. Гегемония финансов и банки породили *задолжавшего*. Контроль над информацией и сетями коммуникации породил *медиазависимого*. Режим безопасности и широко укоренившееся чрезвычайное положение сконструировали фигуру, терзаемую страхом и жаждой защиты, – *поднадзорного*. А разложение демократии выковало странную, деполитизированную фигуру – *представляемого*. Эти субъективные фигуры породили социальное поле, на котором – и против которого – приходится действовать движениям бунта и сопротивления. В дальнейшем мы увидим, что эти движения обладают способностью не только отвергать эти субъективности, но и переворачивать их и создавать фигуры, способные выражать их независимость и их готовность к политическому действию. Но сначала нам надо исследовать природу этих субъективных фигур неолиберального кризиса.

Задолжавший

Иметь долги становится сегодня повсеместным условием жизни в обществе. Жить, не влезая в долги, почти невозможно – кредит на обучение, ипотека, машина в кредит, услуги врача и т.д. Система социальной защиты перешла от обеспечения всеобщего *благосостояния* к обеспечению всеобщего *состояния задолженности*, поскольку займы становятся основным средством обеспечения социальных нужд. Долг – это основание, на котором выстраивается ваша субъективность. Вы выживаете тем, что набираете долги, и живете под грузом ответственности за них.

Долг контролирует вас. Он муштрует ваше потребление, прививая вам аскетизм и зачастую оставляя вам лишь стратегии вы-

---

[145] Перевод с английского Даниила Аронсона выполнен по изданию: Hardt M., Negri A. Declaration. New York: Argo Navis, 2012 [Chapter 1]. На русском языке впервые опубликовано: Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под ред. Е.Петровской. 19. М., Три квадрата, с.85-104. Печатается с разрешения авторов. – *Прим. ред.*

живания, но помимо этого он еще и диктует, в каком ритме вам работать и какой выбор совершать. Если вы оканчиваете университет должником, то, чтобы выплатить долг, должны согласиться на первую же оплачиваемую должность, какую вам предложат. Если вы купили жилье в ипотеку, то должны пообещать себе, что не потеряете работу, не поедете отдыхать и не возьмете учебный отпуск. Смысл долга, как и рабочей этики, в том, чтобы не давать вам ни отдыху ни сроку. Если рабочая этика рождается внутри субъекта, то долг возникает как внешнее принуждение, но вскоре прокладывает себе путь вовнутрь. Долг обладает моральной властью; эта власть держится на штыках ответственности и вины, которые быстро могут стать навязчивой идеей. Вы ответственны за свои долги и повинны в тех трудностях, которые они создают в вашей жизни. Задолжавший – это несчастное сознание, делающее вину формой жизни. Для тех, у кого нет средств на то, чтобы получать удовольствие от жизни, радость деятельности и созидания мало-помалу превращается в кошмар. Жизнь продана врагу.

Гегелевская диалектика раба и господина возвращается здесь в недиалектической форме, потому что долг не есть ни отрицание, могущее вас обогатить, если вы восстанете, ни подчинение, стимулирующее производственную деятельность, ни импульс к освобождению, ни попытка перейти к свободной деятельности. Долг может лишь усугубить обеднение вашей жизни и депотенциализацию вашей субъективности. Он лишь уничижает, изолируя вас в нищете и с ощущением вины. Тем самым долг кладет конец всем иллюзиям, окружающим диалектику – например, что порабощенный труд несчастного сознания мог бы привести к свободе или утвердить собственную власть, высвободив силы, которых до этого он был лишен, или, точнее, что выражение труда могло бы разрешиться в высшем синтезе, а решительное отрицание могло бы возвыситься до освобождения. Фигуру задолжавшего нельзя спасти; ее можно только уничтожить.

Когда-то существовала масса наемных работников; сегодня существует множество подверженных риску работников. Первые эксплуатировались капиталом, но та эксплуатация была замаскирована мифом о свободном и равном обмене между собственниками товаров. Последние продолжают эксплуатироваться, но главенствующий образ их отношения к капиталу выстраивается уже не как равные отношения обмена, но скорее как иерархичное отношение должника к кредитору. Согласно меркантилистскому мифу

о капиталистическом производстве, собственник капитала встречает собственника рабочей силы в рыночном пространстве, и они совершают справедливый и свободный обмен: я даю вам мой труд, а вы мне – заработную плату. Это был, иронически пишет Карл Маркс, эдем, где господствуют только «свобода, равенство, собственность и Бентам». Нет нужды напоминать вам, сколь фальшивы и подложны эти предполагаемые свобода и равенство на самом деле.

Но капиталистические трудовые отношения изменились. Центр тяжести капиталистического производства перекочевал за пределы фабричных стен. Общество стало фабрикой или, вернее, капиталистическое производство распространилось таким образом, что рабочая сила целого общества так или иначе оказывается под контролем капитала. Целый ряд наших производительных способностей все больше эксплуатируется капиталом – наши тела и наши умы, наша способность к общению, наш интеллект и способность к творчеству, наши аффективные отношения друг с другом и прочее. Жизнь как таковая поставлена к станку.

С этой переменой изменяется и основное взаимоотношение между капиталистом и рабочим. Капиталист, надзирающий за заводом, направляющий и муштрующий рабочего в целях получения прибыли, – не такова ныне типичная сцена эксплуатации. Сегодня капиталист находится дальше от сцены, а рабочие создают богатство более автономно. Капиталист накапливает богатство в первую очередь посредством ренты, а не прибыли: эта рента чаще всего принимает финансовую форму, и обеспечивают ее финансовые инструменты. Тут-то и появляется долг как оружие, при помощи которого поддерживаются и контролируются отношения производства и эксплуатации. Эксплуатация сегодня основывается в первую очередь не на (равном или неравном) обмене, а на долге, то есть на том, что 99 процентов населения подчинено – задолжало работу, деньги или повиновение – 1 проценту.

Задолженность скрадывает производительность работников, зато высвечивает их подчинение. Эксплуатируемый труд преподносится в свете мистифицированных отношений – режима заработной платы, – но его производительность четко измеряется рабочим временем. Теперь же, напротив, производительность становится все большей тайной по мере того, как черта, отделяющая рабочее время от времени жизни, все больше размывается. Чтобы выжить, задолжавший(ая) должен/должна продать время своей жизни целиком. Таким образом, должники этого типа даже самим

себе кажутся прежде всего потребителями, а не производителями. Да, конечно, они производят, но они работают, чтобы выплатить свои долги, за которые они ответственны, потому что они потребляют. Следовательно, в противовес мифу о равном обмене отношения должника и кредитора обладают тем достоинством, что разоблачают колоссальное неравенство, лежащее в основе капиталистического общества.

Повторим еще раз: прослеживаемое нами движение от эксплуатации к задолженности соответствует преобразованию капиталистического производства из порядка, основанного на гегемонии прибыли (то есть на получении средней нормы прибавочной стоимости от эксплуатации в производстве), в такой, где господствует рента (то есть получение прибавочной стоимости от эксплуатации общественного развития) и тем самым накопление стоимости, производимой обществом во все более абстрактной форме. Таким образом, производство при этом переходе все больше и больше полагается на обобществленные, а не индивидуальные фигуры труда, то есть на работников, чья непосредственная кооперация друг с другом предшествует муштре и контролю со стороны капиталиста. В момент производства богатства рантье находится далеко и, следовательно, не видит жестокой реальности эксплуатации, насилия производительного труда и страданий, которые он вызывает при производстве ренты. С Уолл-стрит не видно страданий каждого работника, занятого в производстве стоимости, поскольку эта стоимость, как правило, основывается на эксплуатации бесчисленного множества оплачиваемых и неоплачиваемых. При финансовом контроле над жизнью все это становится неразличимым.

Возникает новая фигура бедняка, включающая не только безработных и тех, кто перебивается случайной и неполной работой, но и рабочих со стабильным заработком и обедневшие слои так называемого среднего класса. Главная отличительная черта таких бедняков – цепи долга. Все большее распространение долга в нынешних условиях указывает на возврат к отношениям кабалы, напоминающим о другой эпохе. И все-таки многое изменилось.

Маркс сардонически охарактеризовал улучшившееся положение появившихся в индустриальную эпоху пролетариев как Vogelfrei: они свободны как птицы в смысле двойной свободы от собственности. Пролетарии не являются собственностью господ и тем самым свободны от средневековой кабалы (это положительный

момент), но они свободны еще и от собственности в том смысле, что у них ее нет. Сегодняшние новые бедные по-прежнему свободны во втором смысле, но их долги снова сделали их собственностью господ, которые правят теперь посредством финансов. Вернулись к жизни фигуры долгового работника и крепостного. В прежние времена иммигрантам и коренному населению в Америках и Австралии приходилось работать, чтобы выкупить себя из долговой неволи, но зачастую их долг продолжал расти, обрекая их на вечную кабалу. Неспособный вырваться из нищеты, до которой его низвели, задолжавший скован невидимыми цепями, которые надо обнаружить, схватить и разорвать, чтобы стать свободным.

Медиазависимый

В прежние эпохи часто казалось, что в информационном отношении политическое действие сковывалось тем, что у людей не было должного доступа к информации или средств для того, чтобы вступать в коммуникацию и выражать собственные взгляды. Действительно, сегодня репрессивные правительства стараются ограничить доступ к вебсайтам, закрывают блоги и страницы на Фейсбуке, устраивают нападения на журналистов и в целом перекрывают доступ к информации. Несомненно, противостояние таким репрессиям – важная борьба, и мы неоднократно видели, как информационные сети и каналы доступа к ним в конечном счете неизбежно преодолевают все подобные барьеры, расстраивая попытки заблокировать и заставить замолчать.

Нас, однако, беспокоит то, как сегодняшние медиазависимые субъекты страдают от противоположной проблемы, подавляемые переизбытком информации, коммуникации и самовыражения. «Проблема больше не в том, чтобы люди себя выразили, – объясняет Жиль Делёз, – а в том, чтобы обеспечить маленькие промежутки уединения и тишины, в которых они могли бы в конце концов найти что сказать. Репрессивные силы не пресекают самовыражение людей, а скорее заставляют их себя выражать. Это такое счастье, когда вам нечего сказать, право ничего не говорить, ведь только тогда есть шанс произнести нечто редкое – и все более редкое, – то, что стоит того, чтобы это высказать». Но вообще-то проблема переизбытка не гомологична проблеме недостатка, и дело даже не в количестве. Делёз, похоже, напоминает здесь о парадоксе, выдвинутом на первый план Этьеном де ла Боэси и Бару-

хом Спинозой: иногда люди борются за свою кабалу так, словно в ней их спасение. Может ли так быть, что, по собственной воле вступая в коммуникацию и занимаясь самовыражением, ведя блоги, просматривая страницы в Интернете и сидя в социальных сетях, люди укрепляют репрессивные силы, а не противостоят им? Зачастую, говорит Делёз, вместо информации и коммуникции мы нуждаемся в тишине, необходимой для мысли. Это не такой уж и парадокс. Для Делёза цель не в молчании как таковом, а в том, чтобы нам было что сказать. Другими словами, в вопросах политического действия и освобождения на карту поставлено в первую очередь не количество информации, коммуникации и самовыражения, а скорее их качество.

Значение информации и коммуникации для репрессивных структур (или для проектов освобождения) усиливается тем, что трудовые практики и экономическое производство все больше зависят от медиа. Технологии распространения информации и обмена ею становятся все более важными во всех типах производственных практик и имеют ключевое значение для тех видов кооперации, которые необходимы для нынешнего биополитического производства. Кроме того, многих рабочих, особенно в ведущих странах, средства связи и социальные сети, похоже, одновременно освобождают и приковывают к их работе. С вашим смартфоном и беспроводной связью вы можете отправиться куда угодно и попрежнему быть на рабочем месте, что, как вы быстро понимаете, означает, что, где бы вы ни находились, вы все равно работаете! Зависимость от медиа – главный из факторов, все больше размывающих границы между работой и жизнью.

Поэтому таких рабочих, видимо, уместнее рассматривать не как отчужденных, а как медиазависимых. В то время как сознание отчужденного рабочего отделено или разделено, сознание медиазависимого подчинено или поглощено сетью. Сознание медиазависимого, по сути дела, не расщеплено, а фрагментировано и рассеяно. К тому же медиа на самом деле не делают вас пассивным. В действительности они постоянно призывают вас принять участие, выбрать, что вам нравится, поделиться своим мнением, рассказать о своей жизни. Медиа постоянно откликаются на то, что вам нравится и не нравится, а вы, в свою очередь, постоянно внимаете. Таким образом, медиазависимый – это субъективность, которая парадоксальным образом не активна и не пассивна, а скорее постоянно погружена во внимание.

Как отделить репрессивные возможности медиа от их освободительного потенциала? Можно ли установить качественные различия между разными типами информации и коммуникации? Возможно, если мы взглянем на то, какую роль информация и коммуникация играли на предприятиях на более раннем этапе производства, это нам кое-что подскажет. В начале 1960-х годов Романо Алькуати изучал виды информации, производимой рабочими на заводе «Оливетти» в Иврее (Италия), и обнаружил, что рабочие производят «информацию, создающую стоимость», тогда как управленческая бюрократия производит информацию контроля. Маттео Пасквинелли переосмысляет находку Алькуати как различие между живой и мертвой информацией, аналогичное марксовскому понятию о живом и мертвом труде: «*Живая информация* непрерывно производится рабочими, чтобы преобразоваться в *мертвую информацию* и кристаллизоваться в виде машин и всего бюрократического аппарата». Таким образом, на заводе имеются по меньшей мере две системы коммуникации. В то время как мертвый язык управления и машин кодифицирует и усиливает дисциплину и отношения подчинения, обмен живой информацией между рабочими может быть мобилизован в коллективном действии и неподчинении. Так же как фигура задолжавшего маскирует человеческую производительность, фигура медиазависимого скрывает лишенный своего потенциала человеческий интеллект. Или, лучше сказать, медиазависимый полон мертвой информации, душащей нашу способность создавать живую информацию.

Маркс проводит сходное различие между типами информации и коммуникации на еще более ранней стадии, когда заявляет, что французское крестьянство середины XIX века неспособно действовать как класс. Он утверждает, что, поскольку крестьяне рассеяны по сельской местности и не могут эффективно друг с другом коммуницировать, они не способны на коллективное политическое действие и, по его знаменитому выражению, не могут себя представлять. Эталон, которым Маркс мерит здесь сельскую крестьянскую жизнь, – это жизнь городских пролетариев, которые общаются друг с другом и тем самым могут действовать политически и представлять себя как класс. Было бы, однако, ошибкой мыслить информацию и коммуникацию, которых в глазах Маркса недостает крестьянам, попросту количественно. Он не говорит, что крестьяне не поддержали бы Луи Бонапарта и отринули бы имперские мечты, если бы читали все газеты и знали о его политиче-

ских интригах, его разорительных войнах и игорных долгах. Самое важное общение, которое есть у пролетариев и которого лишены крестьяне, осуществляется при физическом, телесном совместном пребывании на фабрике. Класс и основы для политического действия формируются в первую очередь не посредством циркуляции информации или даже идей, а скорее посредством конструирования политических аффектов, для чего требуется быть физически близко друг к другу.

Палаточные городки и оккупирующие акции 2011 года позволили заново открыть эту истину коммуникации. Фейсбук, Твиттер, Интернет и прочие виды коммуникационных механизмов полезны, но ничто не заменит совместное бытие тел и телесное общение, то есть основу коллективного политического разума и действия. Участники всех оккупирующих акций на территории США и по всему миру – от Рио-де-Жанейро до Любляны, от Оукленда до Амстердама, – даже там, где акции продлились совсем недолго, познали свою способность создавать новые политические аффекты путем пребывания вместе. Возможно, в этой связи имеет значение, что призыв оккупировать Уолл-стрит, появившийся в журнале «Adbusters» летом 2011 года, был облечен в художественную форму и был воспринят в числе прочих коллективами художников Нью-Йорка. Оккупация была своего рода хэппенингом, перформансом, порождающим политические аффекты.

Средние классы и традиционные левые тоже осознают, до какой степени мы интегрированы в медийные системы и насколько беднее это нас делает, но все, чем они могут на это ответить, это смесь ностальгии и старомодного левого морализаторства. Они знают, что, по мере того как информационные технологии проникают все глубже в наши жизни, начиная с печати и теле- и радиовещания и заканчивая электронными технологиями, они создают все более поверхностные формы опыта. Медленное составление персонального письма для отправки по почте почти полностью вытеснилось быстрым написанием кратких электронных сообщений. Сложные рассказы о вашей жизненной ситуации, чаяньях и желаниях низвелись до типичных вопросов в социальных сетях: ты сейчас где? что делаешь? Обычаи и практики дружбы выхолостились в онлайновую процедуру «зафренживания». Возможно, необычайно широкая поддержка оккупирующих акций отчасти объясняется тем, что средние классы и традиционные левые осоз-

нают, что эти движения борются с проблемами, от которых страдают и они, но которые сами они решить не в состоянии.

Поднадзорный

Становится не по себе, когда задумываешься о всей той информации, которую о тебе непрерывно собирают. Разумеется, вам известно, что в определенных местах и ситуациях наблюдение усилено. Пройдите через охрану аэропорта, и ваше тело и вещи просканируют. При въезде в определенные страны у вас возьмут отпечатки пальцев и отсканируют сетчатку. Станьте безработным, встаньте на трудовое пособие, и вас подвергнут другим проверкам, фиксирующим ваше усердие, ваши намерения и успехи. Клиники, государственные учреждения, школы – все они проводят собственные проверки и имеют собственные системы хранения данных. Так бывает, не только когда вы отправляетесь в какое-то особенное место. Прогулка по улице, скорее всего, будет записана несколькими камерами видеонаблюдения, ваши покупки по кредитной карте наверняка будут отслежены, а ваши звонки по мобильному телефону легко перехватить. В последние годы технологии слежения совершили скачок и проникли глубже в общество, в наши жизни и наши тела.

Вас устраивает, что с вами обращаются как с заключенным? В прежние времена тюрьма, отделенная от общества, была учреждением тотального надзора, заключенные были под постоянным присмотром, а вся их деятельность фиксировалась, но сегодня тотальный надзор все больше становится состоянием общества в целом. «Тюрьма, – замечает Мишель Фуко, – начинается далеко за тюремными дверьми. Она начинается, как только вы выходите из дома» – и даже раньше. Вы миритесь с этим, потому что не знаете, что за вами наблюдают? Или потому что считаете, что у вас нет выбора? Возможно, и то и другое отчасти верно, но главное здесь другое – страх. Вы миритесь с тем, что живете в тюремном обществе, потому что вам кажется, что за его стенами опаснее.

Вы не только объект, но и субъект мер безопасности. Вы откликаетесь на призыв быть бдительным, непрерывно отслеживать подозрительную активность в подземке, коварные планы того, кто летит в соседнем кресле самолета, преступные умыслы ваших соседей. Страх оправдывает то, что вы делаете ваши глаза и ваше бдение добровольными помощниками с виду универсальной машины слежения.

В поднадзорном обществе есть два типа действующих лиц: заключенные и охранники. И вас призывают играть обе эти роли одновременно.

Поднадзорный – это создание, которое живет и горя не знает при чрезвычайном положении, где нормальное функционирование правопорядка и сложившиеся обычаи и формы межчеловеческих связей приостановлены всеобъемлющей властью. Чрезвычайное положение – это состояние войны; в наши дни в некоторых частях мира эта война вялотекущая, а в других она протекает весьма интенсивно, но прекращением войны нигде и не пахнет. Не стоит принимать это чрезвычайное положение за какое-то естественное состояние человеческого общества и не надо воображать, будто оно есть сущность современного государства или конечная точка, к которой тяготеют все современные фигуры власти. Нет, чрезвычайное положение – это форма тирании, которая, как и все тирании, существует лишь потому, что мы добровольно ей покоряемся.

Утверждение, что мы – объекты и субъекты надзора, подобно заключенным и охранникам в тюремном обществе, не означает, что все мы находимся в одном и том же положении или что больше нет разницы, быть в тюрьме или на свободе. В действительности за последние десятилетия число тюремных заключенных во всем мире колоссально выросло, особенно если учитывать не только обычные тюрьмы, но и меры судебного надзора, карантинные центры, лагеря для беженцев и несметное число прочих форм заключения.

Это скандал – или, вернее, это *должно* стать скандалом, и удивительно, почему же этого не происходит, – что в США численность тюремных заключенных, достигнув послевоенного минимума в начале 1970-х годов, с тех пор выросла более чем на 500%. США отправляют за решетку больший процент своего населения, чем любая другая страна в мире. Даже при всем сверхплановом строительстве тюрем в последние десятилетия камеры по-прежнему переполнены. Этот невероятный прирост нельзя объяснить ростом преступности среди американского населения или тем, что правоохранительные органы стали лучше работать. В действительности уровень преступности в США за этот период изменился незначительно.

Скандальное расширение тюремной системы становится еще драматичнее, если посмотреть, как рост количества тюрем затрагивает различные расы. Латиноамериканцев лишают свободы поч-

ти вдвое чаще, чем белых, а афроамериканцев – почти вшестеро чаще. Еще сильнее расовые диспропорции среди ожидающих смертной казни. Нетрудно найти шокирующую статистику. Например, в любой день каждый восьмой темнокожий американец мужского пола в возрасте 20–29 лет находится в тюрьме или под арестом. Мишель Александер отмечает, что в наши дни афроамериканцев, чья свобода так или иначе ограничена, больше, чем рабов в середине XIX века. Некоторые авторы пишут о расовом перекосе среди растущего числа заключенных как о возврате к отдельным элементам плантационной системы или как о новой версии законов Джима Кроу[146]. Имейте в виду, что этот расовый перекос среди тюремных узников вовсе не уникален для Соединенных Штатов. В Европе и не только те, чья кожа темнее, бывают задержаны непропорционально чаще (если считать центры задержания иммигрантов и лагеря для беженцев ветвями тюремной системы).

Таким образом, поднадзорный не является однородной фигурой. В действительности бесчисленное многообразие степеней лишения свободы имеет ключевое значение для функционирования данной субъективности. Всегда есть те, кто находится ниже вас, пусть и на самую малость – под еще большим надзором и контролем.

В те же годы, когда росло число тюрем и заключенных, американское общество становилось все более милитаристским. Особенно примечательно не увеличение числа солдат в Соединенных Штатах, а скорее их положение в обществе. Не так уж давно, в последние годы войны во Вьетнаме, ходили слухи, что протестующие оплевывают возвращающихся солдат и называют их убийцами детей. Вероятно, это был миф, распространяемый, чтобы дискредитировать протестующих, но он свидетельствует, что в то время солдаты и их общественные функции мало ценились. Примечательно, что всего несколько десятилетий спустя военнослужащие стали (снова) пользоваться всенародным уважением. Военным в форме дается приоритет при посадке на самолеты коммерческих авиалиний, и не так уж редко незнакомые люди останавливаются, чтобы поблагодарить их за их службу. В Соединенных Штатах возросшее почтение к военному в форме совпадает с растущей милитаризацией общества в целом. И все это несмотря на многократные разоблачения незаконности и аморальности ар-

[146] Законы Джима Кроу – неофициальное название законов о расовой сегрегации в южных штатах США в период 1890—1964 годов. – *Прим. пер.*

мейских тюрем от Гуантанамо до Абу-Грейба, чьи систематические практики если и не доходят до пыток, то граничат с ними.

Увеличение числа тюремных заключенных и растущая милитаризация – по обеим этим позициям американское общество лидирует – это только наиболее конкретные, отчетливые проявления расплывчатого режима безопасности, при котором все мы задержаны и завербованы. Почему эти тенденции имеют место сейчас? Один из феноменов, исторически совпадающих с возникновением режима безопасности в его различных формах, – это господство неолиберальных стратегий капиталистической экономики. Требуемый неолиберальной экономикой прекаритет, все большая гибкость и мобильность рабочих характеризуют новую фазу первоначального накопления, когда возникают разнообразные слои, связанные с перенаселением. Безработные и частично безработные бедняки, если предоставить их самим себе, могут образовать классы, опасные с точки зрения сил правопорядка.

Все присущие режиму безопасности формы вербовки и лишения свободы в действительности играют роль, которую Маркс приписывает «кровавому законодательству» докапиталистической Англии, направленному на неимущие и бродяжнические классы. Это законодательство не только принуждало бывших сельских жителей согласиться на сидячую работу в городах, но и так их выпестовало, что будущие пролетарии согласились на наемный труд, словно это было их собственным желанием и их судьбой. И точно так же наше соучастие в делах общества безопасности работает как своего рода дрессура или *муштровка* наших желаний и надежд, но главное – наших страхов. Тюрьма функционирует отчасти как товарный склад для избыточного населения, но еще и как жупел для населения «свободного».

Кроме того, текущий экономический и финансовый кризис добавляет целый набор других страхов. И во многих случаях один из самых больших страхов – это страх не иметь работы и тем самым возможности выжить. Вы должны быть хорошим работником, быть верным своему работодателю и не участвовать в забастовках, иначе вы окажетесь без работы и не сможете выплачивать свои долги.

Страх – это главное, что побуждает поднадзорного принять не только свою двойную роль при режиме слежения (наблюдателя и наблюдаемого), но и тот факт, что столь многим другим оставлено еще меньше свободы. Поднадзорный живет в страхе перед наказанием и внешними угрозами одновременно. Страх перед господ-

ствующей властью и полицией тоже вносит свой вклад, но более важен и более действенен страх перед опасными другими и неизвестными угрозами – обобщенный социальный страх. В каком-то смысле у тех, кто в тюрьме, меньше поводов для страха; точнее говоря, нависающие над ними угрозы со стороны тюремной машины, охранников и других заключенных хотя и страшны, но относительно ограниченны и опознаваемы. При режиме же безопасности страх – это пустое означающее, в котором могут появиться все виды ужасающих фантомов.

Томас Джефферсон в отнюдь не самый отважный и славный для себя момент из страха оправдал не только компромисс, коим было дозволение рабства в новом штате Миссури, но и сохранение рабства в Соединенных Штатах. «Мы в безвыходном положении, – писал он, – поймав зверя, не можем ни удержать его, ни без риска для себя отпустить. На одной чаше весов справедливость, а на другой – самосохранение». Поскольку, терпя несправедливость на протяжении поколений, черные рабы, рассуждает Джефферсон, до мозга костей пропитались праведным гневом, который, если дать ему волю, уничтожит белое общество, рабство при всей его несправедливости необходимо сохранить, чтобы держать зверя на привязи. Нынешнее поднадзорное общество функционирует по той же низменной логике, но теперь звери уже спущены с цепи и прячутся в тени, создавая вечную угрозу. Всякую несправедливость можно оправдать призрачными видениями обобщенного страха.

Представляемый

Нам постоянно говорят, что мы находимся посреди длинной исторической траектории, ведущей от разнообразных форм тирании к демократии. Пусть даже кое-где людей угнетают тоталитарные или деспотические режимы, представительные формы правления, претендующие на то, что они являются одновременно демократическими и капиталистическими, распространяются все больше. Всеобщее право голоса ценится и применяется на практике – хотя и с разной степенью эффективности – по всему миру. Всемирный капиталистический рынок, говорят нам, всегда способствует распространению модели парламентского представительства как инструмента включения населения в политику. И тем не менее среди движений 2011 года много таких, участники которых отказываются, чтобы их представляли, и подвергают самой серьезной критике структуры представительного правления. Как сме-

ют они осыпать бранью драгоценный дар представительства, завещанный им Новым временем? Они что, хотят назад в темные времена непредставительного правления и тирании? Конечно, нет. Чтобы понять их критику, мы должны осознать, что представительство – это на самом деле не механизм демократии, а наоборот, препятствие для ее осуществления, и мы должны увидеть, как в фигуре *представляемого* соединяются фигуры задолжавшего, медиазависимого и поднадзорного и одновременно выражается конечный результат их подчинения и разложения.

Власть финансов и богатства, прежде всего, отнимает у людей возможность объединяться и создавать организации, которым были бы по карману все более дорогие предвыборные кампании. Только если вы богаты, очень богаты, вы можете вступить в соревнование за свой счет. В противном случае, чтобы достичь той же цели, необходимо подкупать и быть подкупленным. Попав в правительство, избранные представители продолжают самообогащаться. Во-вторых, разве можно в политике сконструировать какие-то истины, не контролируя влиятельные СМИ? Лобби и капиталистические кампании по финансированию чрезвычайно эффективны, когда надо привести к власти правящие нами политические касты. Символическое сверхопределение господствующих СМИ всегда сдерживает – и часто блокирует – общественное продвижение тех, кто борется независимо, народных союзов и диалектику движений и правительств. Короче, ведущие СМИ создают препятствия для любой вновь возникшей формы демократического участия. В-третьих, страх, испытываемый поднадзорным, производится с помощью практикуемой ведущими СМИ коварной и зловещей тактики запугивания. Достаточно посмотреть вечерние новости, чтобы побояться выходить из дома: репортажи о детях, похищаемых между продуктовыми рядами, о подготавливаемых террористами взрывах, об убийцах-психопатах в окрестных кварталах и тому подобное. Общение, естественное для отношений в обществе, превращается в боязливую изоляцию. Homo homini lupus est: человек человеку волк – и притом опасный. Первородный грех вечно остается в настоящем, а фанатизм и насилие порождают, часто за вознаграждение, козлов отпущения, погромы меньшинств и облавы на альтернативные идеи. С помощью процесса представления политика вываливает этот мир отбросов на представляемых.

В современном буржуазном обществе XX века у граждан, а также у эксплуатируемых и отчужденных (включая муштруемый

рабочий класс) еще оставались кое-какие возможности для политического действия посредством (зачастую корпоративистских) институтов государства и гражданского общества. Участие в профсоюзах, политических партиях и в целом в объединениях гражданского общества создавало кое-какое пространство для политической жизни. У многих людей тоска по этим временам сильна, но нередко основана на лицемерной преданности. Какое быстрое угасание и отмирание того гражданского общества мы наблюдали! Сегодня структуры участия невидимы (зачастую они криминальны или, как мы упоминали, попросту контролируемы лобби), а представляемый действует в обществе, лишенном интеллекта и манипулируемом оглушительно тупыми медийными клоунами, переживая непрозрачность информации как отсутствие достоинства и замечая лишь циничную неприкрытость власти богатых, тем более непристойную, что ей сопутствует безответственность.

Представляемый осознает крах структур представительства, но не видит альтернативы, и его вновь охватывает страх. На этом страхе взрастают популистские или харизматические виды политики, уже даже не притворяющейся представительной. Отмирание гражданского общества с его обширной сетью институтов было частично результатом того, что в обществе снизилась социальная роль рабочего класса, его организаций и союзов. Другой причиной были обманутые надежды на преобразования или, вообще говоря, самоубийство предпринимательской способности, разжиженной гегемонией финансового капитала и исключительной важностью ренты как механизма социального сплочения. Социальная мобильность в этих обществах становится, особенно для тех, кого в прошлом называли буржуазией (тогда это был средний класс, а теперь, в кризис, он часто смешивается со слоями пролетариата), погружением в темную, бездонную дыру. Страх правит. В итоге приходят харизматические лидеры, чтобы защитить эти классы, и популистские организации, чтобы убедить их, что у них есть идентичность, но это всего лишь принадлежность к той или иной социальной группе, которая уже не имеет внутренней сплоченности.

Но даже если бы все функционировало как надо и политическое представительство отличалось бы прозрачностью и совершенством, представительство как таковое по определению есть механизм, отделяющий население от власти, повелеваемых от тех, кто повелевает. Когда разрабатывались республиканские конституции XVIII века и представительство было поставлено в центр нарож-

дающегося политического порядка (как суверенный субъект par excellence), уже было ясно, что политическое представительство не работает посредством действенного участия населения, даже тех белых субъектов мужского пола, которые обозначались словом «народ». Скорее, оно было задумано как «относительная» демократия – в том смысле, что представительство позволяло подключить людей к властным структурам и отделить от них одновременно.

Жан-Жак Руссо создает теорию общественного договора (и, стало быть, основ современной демократии) следующим образом: надо изобрести политическую систему, способную обеспечить демократию в ситуации, когда частная собственность порождает неравенство и тем самым подвергает свободу опасности, систему, способную построить государство, защитить частную собственность и определить государственную собственность как нечто такое, что, принадлежа всем, не принадлежит никому. Представительство, таким образом, будет на службе у всех, но, представляя всех, будет ничьим. Для Руссо представительство порождается (метафизическим) переходом от «воли всех», образующей общество, к «общей воле», то есть к воле тех, кого предварительно отобрали все, но кто ни перед кем не отвечает. Как выражается Карл Шмитт, представлять означает делать присутствующим отсутствие, или, по сути, никого. Вывод Шмитта идеально согласуется с предпосылками Руссо, которые, в свою очередь, находят выражение в Конституции США и в конституциях Французской революции. Парадокс представительства завершен. Удивительно только, что оно смогло функционировать так долго и что в силу его бессодержательности ему это удалось лишь благодаря поддержавшей его воле сильных мира сего, обладателей богатства, производителей информации, а также стряпчих страха – проповедников суеверий и насилия.

Сегодня, однако, даже если бы мы верили в нововременной миф о представительстве и приемлили его в качестве орудия демократии, тот политический контекст, который делает его возможным, существенно сузился. Поскольку системы представительства создавались главным образом на уровне национальных государств, возникновение глобальной структуры власти резко подрывает их. Возникающие международные институты не особо делают вид, будто представляют волю различных народов. Политические соглашения достигаются, а деловые контракты подписываются и гарантируются в рамках структур глобального правле-

ния помимо каких-либо представительных органов национального уровня. Независимо от того, существуют ли «конституции без государств», очевидно, что функция представительства, которая таинственным образом будто бы ставила у власти народ, уже не действует в этом глобальном пространстве.

А что же представляемый? Что остается от качеств этой фигуры как гражданина в этом глобальном контексте? Больше не принимая активного участия в политической жизни, представляемый обнаруживает себя бедняком среди бедняков, сражающимся в джунглях этой социальной жизни в одиночку. Если он не пробудит свое жизненное чувство и не вернет себе вкус к демократии, то он станет чистым продуктом власти, пустой оболочкой механизма управления, который больше не нуждается в гражданине-рабочем. Таким образом, представляемый, как и другие фигуры, есть продукт мистификации. Так же как задолжавшему отказано в контроле над его производительной социальной способностью; так же как интеллект, аффективная способность и способность к языковым изобретениям медиазависимого больше не принадлежат ему; и так же как поднадзорный, живя в мире, сведенном к страху и ужасу, лишен всякой возможности сближающего, справедливого и любящего социального обмена, так и представляемые потеряли доступ к результативному политическому действию.

Таким образом, члены столь многих движений 2011 года потому направляют свою критику против политических структур и форм представительства, что ясно понимают, что представительство, даже когда оно эффективно, скорее препятствует демократии, чем способствует ей. Куда, спрашивают они, делся проект демократии? Как можно снова его задействовать? Что значит вернуть назад (а по сути, воплотить в жизнь впервые) политическую власть гражданина-рабочего? Один из путей, учат нас движения, лежит через восстания и бунты против обедневших и лишенных своего потенциала фигур субъективности, кратко описанных нами в этой главе. Демократия будет воплощена в жизнь только тогда, когда возникнет субъект, способный ухватить ее и привести в действие.

Часть 2. Феномен русской власти: универсальные и особенные свойства

ВЛАСТЬ, АВТОРИТЕТ И ГОСПОДСТВО В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФОРМЫ

В.Г.Ледяев

Обычно политический режим в современной России характеризуется с помощью концепций авторитаризма, моделей «незрелой (делегативной, деформированной, управляемой, нелиберальной, частичной) демократии и/или как специфический демократически-авторитарный гибрид,[147] рассматриваются отклонения российской политической системы от нормативного идеала либеральной демократии, объясняются их причины и перспективы демократизации режима. В данной статье мною предлагается несколько иной способ анализа властных отношений, опирающийся на набор понятий и дистинкций, разработанных в аналитических и концептуальных исследований власти и ее форм (D. Wrong, S. Lukes, T. Wartenberg, J. Scott). Он предполагает выделение определенного набора форм власти (сила, принуждение, манипуля-

[147] Robinson N. The politics of Russia's partial democracy // Political Studies Review, Vol. 1, No. 2 (2003), pp. 149-166; Балзер Х. Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // Общественные науки и современность, № 4 (2004), с. 46-59; Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами (М.: Ладомир, 2003); Меркель В. и Круассан В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис, № 1-2 (2004); Шевцова Л. Россия – Год 2006: логика политического страха // Независимая газета, 16 декабря 2005 г.; Epstein D., Bates R., Goldstone J., Kristensen I. and O'Halloran S. Democratic transitions // American Journal of Political Science, Vol. 50, No. 3 (2006), pp. 551-569; Ekiert G., Kubik J. and Vachudova M. Democracy in the post-Communist world: An unending quest? // East European Politics and Societies, Vol. 21, No. 1 (2007), pp. 7-30; Hanson S. The Uncertain future of Russia's weak state authoritarianism // East European Politics and Societies, Vol. 21, No. 1 (2007), pp. 67-81.

ция, побуждение, авторитет, господство, правление предвиденных реакций, непринятие решений, эффективность власти и др.) и описания их проявлений и характеристик в современной российской политике. Но мой взгляд, данный подход может способствовать преодолению разрыва между теоретическими концепциями власти и способами описания реальных практик, стимулируя исследователей-эмпириков ориентироваться на разработанные концептуальные схемы, в которых выделяется весь спектр властных отношений, требующих изучения или, по крайней мере, учета при объяснении доминирующей модели власти в обществе. Кроме того, он способствует созданию аналитической структуры для сравнительных исследований власти в различных странах и регионах.

Разумеется, в статье вряд ли возможно рассмотреть все основные сферы российской политики, обозначаемые весьма вариативным «вокабуляром власти», тем более, что для предметного анализа нужны соответствующие эмпирические данные. Поэтому я ограничиваюсь лишь некоторыми значимыми направлениями анализа власти, которые базируются на трех концептуальных блоках: (1) господстве, (2) конфигурации форм власти (под ней понимается соотношение силы, принуждения, манипуляции, авторитета и других разновидностей, форм и характеристик власти) и (3) эффективности осуществления власти. Выбор данных концептов акцентирует внимание на ключевых вопросах в исследовании российской власти: *кто правит (господствует), каким образом и насколько эффективно.*

Господство

Господство представляет собой совокупность устойчивых и воспроизводящихся отношений власти и подчинения, обеспечивающих стабильные преимущества одних людей над другими. Оно возникает в результате формирования постоянных и повторяющихся отношений власти между группами людей, в которых господствующие группы используют власть в ущерб интересам других групп. Таким образом, понятие господства имеет два обязательных признака: (1) постоянный (повторяющийся) характер властных отношений и (2) воспроизводство различного рода выгод

господствующих групп и ущерб тех, над кем господство осуществляется.[148]

Господство одних групп над другими обеспечивается различными факторами, определяющими специфику его форм и проявлений. Оно может быть основано на силе, численности, военном и техническом превосходстве, сословных привилегиях, религиозных нормах и традициях, экономическом могуществе, культурной идентичности, знании и т.д. Во всех случаях господства привилегированное положение господствующей группы (например, обладание монополией на определенные товары и услуги) позволяет ей контролировать опции, открытые для других групп и тем самым оказывать влияние на их мотивационную структуру, вынуждая принимать определенные (неравные) паттерны обмена и/или (несправедливый) социальный порядок. Господство также проявляется в способности социальных субъектов включать (или исключать) других субъектов в какие-то значимые социальные круги (группы), определяя их идентичность и жизненные перспективы.[149]

Применительно к *западной демократии* концепция господства обычно используется для объяснения доминирующего положения в обществе крупного (корпоративного) бизнеса (капиталистического класса). Например, У. Домхофф утверждает, что «владельцы и топ-менеджеры крупнейших корпораций являются доминирующими властными фигурами в Соединенных Штатах. Их корпорации, банки, агробизнес представляют собой *корпоративное сообщество*, которое доминирует над федеральным правительством в Вашингтоне. Их недвижимость, сооружения и компании по использованию земли формируют *коалиции роста*, господствующие на местном уровне. Несмотря на наличие соперничества внутри

---

[148] В отличие от власти, которая бывает нестабильной, ограниченной по времени своего существования, а ее субъекты и объекты часто меняются своими местами, господство обладает относительной прочностью, которая поддерживается существующими социальными институтами и структурами; оно не сводится к единичным актам реализации воли отдельных людей и групп по отношению к другим, а выражает момент устойчивости в их отношениях между собой. В условиях господства властные отношения постоянно воспроизводят существенные преимущества одних групп над другими (рабовладельцев над рабами, дворян над крестьянами, мужчин над женщинами, собственников над наемными работниками) и тем самым формируют и закрепляют социальное неравенство. Однако не любое неравенство является выражением господства, а только то, в котором господствующие группы направляют и предопределяют действия других групп.

[149] Обстоятельное объяснение господства содержится в следующих работах: M. Weber. The economy and the arena of normative and de facto powers. In: Roth G.. and Wittich C. (eds), Economy and Society, (New York: Bedminster Press, 1968); Wartenberg T. The Forms of Power: From Domination to Transformation, (Philadelphia: Temple University Press, 1990), pp. 115-139; Scott J., Power (Cambridge: Polity Press, 2001), pp. 16-24, 71-91.

корпоративного сообщества и в коалициях роста, связанного с борьбой за прибыль и выгодное инвестирование, а также периодически возникающие трения между национальными корпорациями и местными коалициями роста они едины в тех ситуациях, где решение проблем определяет общий уровень их благосостояния или имеет место вызов со стороны рабочего класса, либералов, защитников окружающей среды и территорий.[150] Аналогичной точки зрения придерживается Дж. Скотт в отношении структуры власти в Великобритании, где, по его мнению, правит «капиталистический класс», чье «экономическое господство поддерживается государством, а члены капиталистического класса диспропорционально представлены во властвующей элите, контролирующей государственный аппарат».[151] Государственной бюрократии (политической элите) в этих концепциях отводится хотя и крайне важная, но все же вторичная (ведомая) роль, ограниченная приоритетами крупного бизнеса.[152]

Иное объяснение системы господства и его субъектов использовалось в отношении *коммунистического политического режима*, длительное время существовавшего в СССР. При всех различия в интерпретации и аргументации,[153] советологи практически единодушно утверждали, что в советском обществе господствовала партийно-государственная бюрократия, которая не только монополизировала процесс принятия политических решений и выработку идеологических приоритетов, но и фактически была «совокупным капиталистом», распоряжаясь объектами государственной собственности.

Кто доминирует в *современной России* – крупный бизнес (капиталистический класс) или административный класс (бюрокра-

---

[150] Domhoff G.. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000 (L.: Mayfield Publishing Company, 1998), p. 1.

[151] Scott J. Who Rules Britain? (Cambridge: Polity Press, 1991), p. 151.

[152] Следует отметить, что далеко не все исследователи используют концепции господства применительно к современным западным демократиям. В частности, сторонники плюралистического подхода к объяснению распределения власти (Р. Даль, Р. Уэйст, Г. Макленнан и др.) отвергают наличие господствующего (правящего) класса, акцентируя внимание на групповом характере политики, обусловливающем наличие разных центров и ресурсов власти в обществе, между которыми ведется постоянное соперничество, предотвращающее формирование единой группы людей, доминирующей в решении важных социальных вопросов. Однако их оппоненты (марксисты и т.н. «элитисты») не склонны преувеличивать уровень дисперсии власти в современном обществе, акцентируя внимание на том, что наиболее важные решения принимаются в интересах определенных групп людей, к которым явно благоволит и само устройство общества.

[153] Подробный анализ советологических интерпретаций советской общественной системы дается Л. Холмсом Holmes L., Politics in the Communist World (Oxford: Clarendon, 1986).

тия)? Сегодняшняя структура политической власти и господства в России, казалось бы, более соответствует традиционным объяснениям господства в западных (капиталистических) странах, поскольку крушение коммунизма и переход к рынку привели к становлению общественной системы, воспроизводящей капиталистические паттерны господства. Относительно второй половины 90-х гг. XX века данное объяснение представляется довольно убедительным, что косвенно подтверждается распространением утверждений об установлении в России в этот период *авторитарно-олигархического* режима, в котором слабая политическая власть оказалась зависимой от представителей крупного бизнеса. Однако в настоящее время данное объяснение стало менее популярным, что отразило определенные изменения, ассоциирующиеся с деятельностью В.В. Путина.

Большинство исследователей называют современный политический режим в России *авторитарно-бюрократическим*, акцентируя внимание на том, что именно бюрократия стала ведущей силой в определении ключевых аспектов российской политики и выработки базовых принципов функционирования социальной системы. Так, А.И. Соловьев считает, что в современной России режим «управляемой демократии» трансформируется в «административный режим»; это сопровождается созданием «структурных предпосылок для складывания неономенклатуры, то есть целостного, закрытого от общественности слоя, контролирующего все рычаги власти и управления».[154] М.Н. Афанасьев определяет господствующий слой в России как «постноменклатурный патронат», в котором при Путине изменилось соотношение сил в пользу личной власти Президента и центральной бюрократии.[155] Л.И. Никовская и В.Н. Якимец пишут о «бюрократической стабилизации», которая характеризуется тем, что в отсутствии консолидированного гражданского общества бюрократические структуры «*из инструмента управления превращаются в управляющую*

[154] Соловьев А.И. Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // Власть, № 1, 2005, с. 56-57.

[155] Афанасьев М.Н. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль» // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. Т. 1. (М.: Институт права и публичной политики, 2004), с. 175-206 (с. 183-201).

силу»,[156] а В. Граждан размышляет о том, возможна ли в России антибюрократическая революция.[157]

Попробуем систематизировать аргументы в пользу тезиса о (преимущественно) бюрократическом характере господства в российском обществе. Начнем с того, что для целого ряда аналитиков оно является естественным (аксиоматичным) в силу некоей *предрасположенности России к доминированию властно-политических (административных, бюрократических, государственнических)* факторов, определяющих все остальные аспекты общественной системы, место и роль социальных групп, в том числе и ресурсы влияния экономических акторов;[158] Россия всегда была «политическим» обществом в отличие от «экономического» общества европейского типа.[159] По их мнению, несмотря на периодические смены элит, в России сохранялся данный тип господства, и в своих основных чертах он естественным образом продолжает воспроизводиться в современной российской практике.

Однако мне представляется более продуктивным вывести за скобки рассуждения о предопределенности данного типа общественного устройства и рассмотреть конкретные факторы (основания) господства и его проявления в различных сферах общественной жизни: 1) кто занимает стратегические властные позиции, 2) получает наибольшие выгоды, 3) успешно инициирует, корректирует или блокирует ключевые политические решения, 4) определяет «повестку дня», 5) оказывает наибольшее влияние на общественное мнение, 6) успешно мобилизует политические ресурсы и 7) обладает «властной репутацией»?[160]

На мой взгляд, наиболее существенным стратегическим фактором, обусловливающим доминирующее положение административно-бюрократического класса в России является *расширение сферы государственного (бюрократического) контроля в осуществлении экономической и социальной регуляции*. Независимо от то-

---

[156] Никовская Л.И. и Якимец В.Н. Развитие публичной политики в России и Украине // Публичная политика: Сборник статей. Отв.ред. Горный М.Б., Сунгуров А.Ю. (СПб: Норма, 2006), с. 21-34 (с. 22).

[157] Граждан В. Антибюрократическая революция: возможна ли она? // Власть, № 10 (2004), с. 42-52.

[158] Пивоваров Ю. и А. Фурсов А. // Русская система // Политическая наука, № 3-4 (1997); Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997).

[159] Гаман-Голутвина О. Политические элиты: Вехи исторической эволюции (М.: РОССПЭН, 2006); Крыштановская О. Анатомия российской элиты (М.: Захаров, 2005).

[160] Domhoff. G.. Who Rules America?, pp. 18-23; Vogel D. The power of business in America: A re-appraisal // British Journal of Political Science. Vol. 13, No. 1 (1983), pp. 19-43.

го, как оценивается «строительство вертикали власти в России» – как механизм укрепления дееспособности государства или средство сохранения власти в руках господствующих групп – объективно данная политика реализует стратегические цели бюрократии, которая становится основной силой, цементирующей общество и определяющей направление его развития. Попытки поставить под контроль те зоны, которые при предшествующем (ельцинском) режиме были относительно свободными (СМИ, политические и гражданские организации, региональные и муниципальные структуры), усиление контролирующей роли государства в экономической сфере (увеличение числа крупных компаний, в которых государство владеет контрольным пакетом, растущая практика использования разнообразных способов вмешательства в дела бизнеса, например, с целью сделать его «социально ответственным») и формировании общественного сознания неизбежно ведут к «расширенному воспроизводству» бюрократии, несмотря на непрекращающиеся попытки (или имитации попыток) сокращения государственного аппарата.

Поддержанию доминирующего положения бюрократии в современном российском обществе способствует *упрочившаяся практика «управляемой демократии».* Для правящей элиты, более всего заинтересованной в стабильности выгоднее не уничтожение демократических институтов, а их адаптация к собственным интересам. Наличие формальных демократических институтов создает (наряду с закулисными площадками) важный механизм упорядоченного торга и согласования интересов различных групп правящего класса, оставляющий возможность апелляции к институционализированным правилам игры и формализованным процедурам; демократические институты способствуют легитимации режима и служат дополнительным каналом рекрутирования кадров и вертикальной мобильности.[161]

Важнейшим фактором бюрократического господства является *слабость правовых начал в российском обществе.* Вследствие этого бюрократия имеет большой диапазон действий по своему усмотрению, обладает возможностью менять (формальные и неформальные) правила игры, в то время как общество ограничено в возможностях контроля за принятием и исполнением государствен-

[161] Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв.ред. Соловьев А.И. М.: РОССПЭН, 2004, с. 251-265.

ных решений. Преобладание неформальных практик и избирательное применение закона (об этом речь пойдет в следующей части статьи) позволяют бюрократии использовать государственные полномочия для достижения своих корпоративных интересов и подчинения (*в качестве реального субъекта власти, а не формального транслятора нормы закона*) других общественных групп, в том числе высоко-ресурсных (бизнес).

Неэффективность права напрямую связана с *сохранением очень высокого уровня коррупции в государственном аппарате*.[162] Он свидетельствует (кроме всего прочего) о высокой зависимости общества от лиц, наделенных государственными полномочиями. Кроме того, данный процесс указывает на наличии серьезных барьеров на пути «нормального» (в соответствии с законом) решения экономических, коммерческих, профессиональных, организационных и других вопросов, в которых заинтересовано большинство простых граждан.

Высокий уровень коррупции выступает и в качестве базового показателя *перераспределения общественных благ в пользу административного класса*. Другими показателями привилегированного положения бюрократии в системе распределения являются устойчивый рост доходов государственных служащих, значительно опережающий рост доходов других «бюджетных» слоев населения, иной по сравнению с основной массой населения уровень пенсионного обеспечения, сохраняющиеся социальные льготы и др.[163]

Однако главным свидетельством доминирующей роли бюрократии в распределении экономических благ является бюрократическое происхождение значительной части современного российского бизнеса; многие государственные служащие являются бизнесменами и естественным образом используют формально-властные полномочия для успешного продвижения своих бизнес-интересов («административное предпринимательство»); для них данная функция является определяющей в их повседневной мотивации при осуществлении своих государственных функций

---

[162] Граждан В. Коррупция: одолеют ли ее россияне? // Власть. 2004, № 12, с. 4-14; Сатаров Г. Транзит, демократия и коррупция: региональные особенности в России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв.ред. Соловьев А.И. М.: РОССПЭН, 2004, с. 230-248.

[163] По основным показателям удовлетворенности жизнью (материальная обеспеченность, возможность хорошо питаться, одеваться, жилищные условия, социальный статус в обществе и др.) отечественные чиновники стоят на несколько порядков выше подавляющего большинства населения. См. Бюрократия и власть в новой России. М.: ИС РАН, 2005, с. 96.

(об этом речь пойдет далее). В совокупности все эти факторы позволяют говорить о «распределительном господстве» (Э. Гидденс) административно-политического класса в российском обществе.

Существенным фактором усиления господства бюрократии является нарастающее после 2000 года *распространение идеологии, в которой превозносятся ценности государства, державы, стабильности, порядка, управляемости, традиционного уклада, самобытности.* Соответственно, ценности демократии, свободы, модернизации и вхождения в мировое сообщество занимают периферийное место в общественном сознании и системе ценностей политического класса.

Данный идеологический поворот в российском обществе был обусловлен различными причинами, но не последнюю роль здесь сыграли прагматические ориентации правящего класса. Если доминирующей идеологией начала и середины 90-х гг. был экономический либерализм, ориентированный на минимизацию регулирующих функций государства и выполнявший при этом роль идеологического прикрытия завоевания собственности, то к началу 2000-х гг. наметился «консервативный сдвиг», что вполне отвечало потребностям доминирующих акторов в поддержании статус-кво.[164] Таким образом, *российский правящий административный класс осуществляет культивацию ценностей, способствующих воспроизводству условий своего господства.*

Наконец, решающим фактором, определившим доминирующее положение государственной бюрократии в современной российской политике стало существенное *снижение политического влияния крупного бизнеса*, связанное как с последствиями дефолта, так и, прежде всего, с целенаправленными действиями новой политической элиты по ограничению политического пространства и вытеснению из него автономных высоко-ресурсных акторов. Опираясь на высокий персональный авторитет В.В. Путина, бюрократии в целом удалось добиться желаемых результатов. Крупный бизнес и ранее не обладал высоким уровнем (политической) организованности,[165] что позволило некоторым аналитикам говорить об «олигархах без олигархии» (А. Зудин). А после предпри-

---

[164] Радаев В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 1998, с. 297-301; Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2004, № 4, с. 6-26

[165] Единственное исключение составляет альянс крупного бизнеса вокруг кандидатуры Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г.

нятой массированной атаки на тех, кто стремился сохранить свою политическую автономию и участвовать в публичной политике (особенно после «дела Юкоса») российский бизнес, по сути, смирился с новым форматом отношений с властью и перестал претендовать на публичную роль в российской политике.

В новой системе отношений власти и бизнеса ведущую роль играет административно-политический класс, тогда как бизнесу отводится роль ведомого: отношения и консультации с бизнесом не затрагивают стратегических направлений общественного развития («полный запрет на политику»). Кроме того, административный класс все более отстраняет бизнес от участия в принятии основных экономических решений народнохозяйственного уровня («частичный запрет на экономику»), от обсуждения ключевых вопросов, касающихся естественных монополий (в данной сфере бизнес допускается лишь к участию в реализации решений, принятых властью), содержательных аспектов деятельности федеральных электронных СМИ и др.[166] В отличие от ельцинского правления, в период которого имел место «захват государства бизнесом»,[167] в настоящее время можно говорить скорее о «захвате бизнеса государством» в лице бюрократии – установлении чиновниками неформального контроля над теми или иными бизнес-структурами и использовании их ресурсов для решения некоторых ведомственных или личных задач.[168]

Усилению позиций административно-политической элиты в отношениях с бизнесом способствовала их постепенная *институционализация и формализация*. Некоторое повышение статуса ряда организаций бизнеса (РСПП, ТПП, «Деловая Россия и др.) и формирование «режима консультаций», с одной стороны, предоставили бизнесу легальную площадку для переговорного процесса с административной элитой, с другой стороны, формальные структуры оказались под контролем Кремля, который осуществляет «сертификацию» участников переговорного процесса. Тем самым «трансформируется политический статус групп интересов: «группы давления» фактически сменяются «группами влияния». Плю-

---

[166] Паппэ Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000-2004 годах: торможение в центре и новая стратегия в регионах // Региональная элита в современной России. Отв. ред. Я. Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005, с. 77-92.
[167] Яковлев А. Эволюция взаимоотношений между властью и бизнесом и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела Юкоса» // Региональная элита в современной России. Отв. ред. Я. Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005, с. 12-36.
[168] Паппэ Я. Указ.соч., с. 81.

рализм системы сохраняется, но каждое звено становится менее автономным. Вместе с институционализацией групп интересов одновременно происходит и закрепление их слабости и зависимости от государства. Соотношение сил внутри системы фактически исключает ситуации, когда интересы групп давления могут быть навязаны власти».[169]

В «повседневных» отношениях между бюрократией и бизнесом доминирование бюрократии осуществляется с помощью избирательного применения закона, использования контролирующих структур (СЭС, налоговые инстанции, экологические службы и др.), создания и/или сохранения всевозможных (формальных и неформальных) барьеров, которые бизнес должен преодолевать.[170] Бюрократия в целом заинтересована в сохранении данной ситуации, поэтому принципиальных изменений в системе, дающей чиновникам возможность извлекать «статусную ренту» не происходит, несмотря на постоянные попытки (или их имитации) реформирования государственной структуры.

Наконец, существенным фактором, ограничивающим политическое влияние бизнеса является то, что он не обладает достаточной популярностью среди других социальных групп российского общества. Именно поэтому он не может успешно апеллировать к общественному мнению. В России доминируют негативные установки массового сознания в отношении бизнеса, что в целом поддерживается властью, которой выгодно снять с себя и переложить на крупный бизнес значительную долю ответственности за положение дел в стране.

В результате бизнес-сообщество вынуждено принять новый формат отношений с властью, подчиниться попыткам чиновников навязать ему «социальную ответственность» и отказаться от публичных выступлений против власти по принципиальным вопросам.

В контексте данной ситуации правомерно возникает вопрос о том, обладает ли бизнес т.н. «структурной властью» – т.е. преимуществами перед другими группами, обусловленными чисто институциональными и структурными факторами?[171] Эмпирическим

---

[169] Зудин А. Взаимоотношения крупного бизнеса и власти при В. Путине и их влияние на ситуацию в российских регионах // Региональная элита в современной России. Отв.ред. Я.Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005, с. 37-64.

[170] Граждан В. Указ.соч., с. 48-49.

[171] Изначально идея структурной власти была сформулирована марксистами и противостояла т.н. «инструменталистской» концепции господства, которая объясняла доминирующее поло-

путем наличие и силу структурной власти можно определить только в ситуациях явного (открытого) расхождения ее приоритетов с общественным мнением и приоритетами населения, групп давления или интенциями отдельных политиков. Исходя из некоторых косвенных признаков (создание условий для развития бизнеса, общий рост доходов предпринимателей, «рыночные» ориентации «красных» губернаторов в регионах) можно предположить, что *структурный фактор присутствует.*

Однако можно предположить, что его влияние в России существенно слабее по сравнению с развитыми странами. Это обусловлено тем, что по большинству из указанных выше параметров Россия вряд ли может быть отнесена к странам, в которых структурные факторы максимально благоприятствуют доминирующей роли бизнеса: инвестиционный климат остается не самым благоприятным в силу высоких рисков, значительная часть капиталов продолжает вывозиться за рубеж, растет доля государственной собственности, что объективно подрывает позиции частного капитала; при этом у правящей элиты есть масса своих собственных ресурсов, прежде всего административных, для сохранения своей

жение капиталистического класса в буржуазном обществе его преобладанием в государственных структурах См.: Miliband R. The State in Capitalist Society. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969. В отличие от «инструменталистов», сторонники структуралистского подхода акцентировали внимание на объективном и имперсональном характере связи между государством и господствующим классом. По их мнению, в капиталистическом обществе государство действует в интересах класса буржуазии не (столько) в силу преобладания представителей класса в государственном аппарате и их конкретных усилий: сама структура современного государства и его место в буржуазном обществе обусловливают объективную (структурную) зависимость государства от характера капиталистического производства и потому действует в определенной логике во многом независимо от носителей государственной воли. Подчеркивается, что в условиях частной собственности государство не обладает непосредственным контролем за средствами производства, и поэтому его доходы зависят от наличия сильного частного сектора, что заставляет государство ориентироваться на поддержку бизнеса. См.: Offe C. Contradictions of the Welfare State. L.: Hutchinson, 1984. Идея структурной власти («привилегированной позиции») бизнеса получила распространение и среди немарксистских исследователей (Ч. Линдблом, С. Элкин, К. Стоун, Дж. Драйзек). При этом было признано, что структурная власть бизнеса не является постоянной и абсолютной, а существенно варьируется в различных странах. Ее уровень зависит от параметров экономической системы (соотношения частного капитала и государства в экономике, инвестиционного климата в стране, мобильности капитала, зависимости бюджетов (федерального, региональных и местных) от успешного развития бизнеса и др.), специфики политических институтов и особенностей политического процесса (степени реальной зависимости между успехами экономической политики правящей элиты и уровнем ее электоральной поддержки со стороны населения, готовности бизнеса финансировать электоральные кампании политических элит в обмен на политику наибольшего благоприятствования, свободное развитие бизнеса, защиту частной собственности, гражданских прав и свобод). См.: Тев Д.Б. Теория структурной власти бизнеса: сущность и критика. // Власть и элиты в российской трансформации. Отв.ред. Дука А.В. СПб.: Интерсоцис, 2005, с. 30-64.

власти, а электоральное поведение значительной части россиян слабо коррелирует с динамикой экономического развития.

Аналитики специально подчеркивают, что у нынешней административной элиты нет особой необходимости в стратегическом союзе с бизнесом (как, впрочем, и с любым другим социальным слоем или группой). «С одной стороны, она «аффилирована» со сверхпопулярным В. Путиным, с другой – экономический рост и благоприятная внешняя конъюнктура позволяют государству выполнять свои обязательства, не прибегая к экстраординарным механизмам финансирования». Другим объективным фактором, снижающим структурный потенциал доминирования бизнеса выступают эгалитарные настроения в российском обществе, поддерживаемые «антиолигархической риторикой» правящего класса.[172]

В любом случае, *конкретная политика автоматически не предопределяется влиянием структурных факторов, а формируется в ходе политической борьбы*, в которой интересы бизнеса могут сталкиваться с мощными противовесами, что имеет место и в современной России. Структурная власть влияет на политику не столько на уровне конкретных решений, сколько в процессе формирования предмета принятия решений («повестки»), где преобладают вопросы обеспечения национальной конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности, поддержки бизнеса и экономического роста, которые часто оттесняют на второй план проблемы социальной защиты, экологической безопасности, социального равенства и другие темы, обычно более всего волнующие простого избирателя.[173] Структурная власть изменяет структуру стимулов акторов в пользу определенных альтернатив, однако процесс их выбора все же остается за субъектами. В данном случае – за административным классом.

Вывод о том, что господствующей силой в современном российском обществе является административный класс до сих пор основывался на его противопоставлении бизнесу. Между тем в российской реальности эти две группы не только тесно взаимосвязаны, но и, в известной мере, взаимопроникают друг в друга. О сращивании административной элиты и бизнеса пишут многие исследователи. Например, В. Шляпентох: «В сегодняшней России границы между публичной и частной сферами либо размыты, либо вообще не существуют; власть и собственность настолько пере-

[172] См.: Паппэ Я. Указ.соч., с. 81.
[173] См.: Тев Д.Б. Указ.соч., с. 59-64.

плетены, что их часто невозможно отделить друг от друга. Подобно средневековым баронам, российские бюрократы на всех уровнях иерархии используют свою политическую власть для осуществления контроля над собственностью, в то время как богачи обменивают деньги на власть, чтобы контролировать политические решения».[174] Генетическая связь российского бизнеса с административным классом уходит корнями к рубежу 80-90-х гг., «комсомольской экономике», приватизации, залоговым аукционам. «Российская олигархия вышла из недр старого политического класса – *номенклатуры*» – пишет О. Крыштановская.[175]

Сегодня «административное предпринимательство» по-прежнему является массовым явлением; чиновники и политики, в том числе занимающие самые высокие должности, используют свои властные позиции для продвижения своего бизнеса. С этой целью основная масса предпринимателей стремится попасть в государственные структуры различного уровня.[176]

Это означает, что значительная часть административно-политического класса одновременно является и представителем класса предпринимателей. Сказанное отнюдь не противоречит выводу о том, что доминирующее положение в современном российском обществе занимает административно-политический класс, поскольку именно принадлежность к данному классу, как правило, является важнейшим фактором успешного бизнеса «бюрократических капиталистов», а не наоборот. При этом обладание экономическими ресурсами усиливает властные возможности бюрократии, а «двойная идентичность» может способствовать более устойчивому взаимодействию между двумя группами. «Чиновничий бизнес» не только не подрывает основы бюрократического господства, а, безусловно, усиливает его, свидетельствуя о привилегиро-

---

[174] Цит. по: Ачкасов В. Российская правящая элита и построение «эффективного, конкурентоспособного государства // Власть и элиты в российской трансформации. Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2005, с. 117-118.

[175] Крыштановская О. Указ.соч., с. 332.

[176] В Государственной Думе не менее 300 депутатов (из 450) в той или иной степени связаны с бизнесом (в качестве владельцев крупных или средних предприятий, «политических менеджеров», делегированных в парламент крупными корпорациями, профессиональных лоббистов или просто объектов политических инвестиций со стороны спонсоров), в Совете Федерации представлены лоббисты большинства крупных компаний, причем прорыв бизнеса в верхнюю палату парламента состоялся уже в период правления В. Путина. В региональных парламентах также наблюдается устойчивый рост представительства бизнеса. 13 российских губернаторов – бывшие топ-менеджеры или крупные собственники. См.: Крыштановская О. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования. 2003, № 11 с. 3-13.

ванном положении административного класса в российском обществе, которое достигается, в том числе, и с помощью воспроизводства условий для успешного совмещения и эффективного использования административных и коммерческих возможностей. При этом доминирующие позиции в решении стратегических вопросов остаются в руках административного класса, который обладает возможностью принять (в случае необходимости) жесткие меры по отношению к бизнесу или его отдельным группам (но не наоборот).

Не противоречит нашему выводу и тот факт, что благосостояние (богатство) бизнеса (несмотря на «запрет на политику» и «равноудаленность») отнюдь не снизилось, а количество богатых людей в России увеличивается быстрее, чем в других странах. Дело здесь не только в «структурной власти», но и том, что рост доходов бизнеса сам по себе не вызывает каких-либо негативных последствий для административного класса: здесь нет «игры с нулевой суммой» (в отличие от политики, где чрезмерное возвышение отдельных групп крупного бизнеса несло угрозу бюрократическому господству). Господство отнюдь не предполагает, что остальные социальные группы совсем не имеют влияния и находятся в угнетенном положении. Последнее имеет место в том случае, если оно является условием сохранения привилегий доминирующей группы, которая (и это главный показатель господства) обладает способностью устанавливать правила, по которым должны действовать другие группы. *Бизнес и другие группы могут получать выгоду из создавшейся ситуации, но они не могут изменить ее.* Для ее обозначения К. Доудинг предпочитал термин «системная удача» (вместо «власти бизнеса»), под которой он понимал возможность субъекта получить то, что он хочет, не прибегая к каким-либо усилиям.[177]

В отличие от «удачи», власть предполагает способность субъекта преодолевать сопротивление объекта или изменять ситуацию. С этой точки зрения, можно говорить о власти (господстве) административного класса и «удаче» бизнеса, который в отдельных ситуациях может быть и субъектом власти, если продемонстрирует способность контролировать (определять) положение дел, а не только пользоваться благоприятным моментом. Бизнес имел

[177] См.: Dowding K.M. Power. Buckingham: Open University Press, 1996, p. 71.

власть в 90-е годы, но в настоящее время говорить о том, что в российской политике преобладает бизнес вряд ли возможно.

Формы власти

Существует много различных классификаций форм власти. В данной статье я использую предложенную мною ранее классификацию форм власти,[178] близкую к известной классификации Денниса Ронга. По источникам подчинения (а именно этот критерий является наиболее существенным для объяснения многообразия властных отношений) набор основных форм власти включает в себя *силу, принуждение, побуждение, убеждение, манипуляцию и авторитет*. Не менее важным представляется характеристика специфических форм власти («*правление предвиденных реакций*» (the rule of anticipated reactions),[179] *принятие и непринятие решений, формирование политического сознания*), которые нередко оказываются вне поля зрения исследователей, изучающих различные проявления политической власти.

С точки зрения нормативного идеала современной либеральной демократии, определяющей формой политической власти являются (должны быть) (1) *легальный авторитет* (в ситуациях, где власть дана определенным государственным структурам или лицам, занимающим государственные должности) и (2) *убеждение* (во взаимоотношениях равноправных (неподчиненных друг другу) субъектов или политических структур). *Легальный авторитет* представляет собой «властное отношение, в котором субъект обладает признанным *правом командовать*, а объект – признанной обязанностью повиноваться».[180] Объект признает и выполняет действующие правовые нормы, что и определяет мотив подчинения субъекту.[181]

---

[178] См.: Ледяев В.Г. Формы власти: типологический анализ» // Полис. 2000, № 2, с. 6-18.

[179] Термин «правление предвиденных реакций» (the rule of anticipated reactions) был впервые использован К. Фридрихом для объяснения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции. См.: Friedrich C. Constitutional Government and Politics. NY: Harper and Brothers, 1937, pp. 16-18.

[180] Ронг предпочитает термин «легитимный авторитет». Однако, на мой взгляд, понятие «легальный» точнее, поскольку оно четко указывает на источник авторитета – легальные нормы, законы, статусные права, тогда как ссылка на легитимность вполне допустима и применительно к другим ситуациям, например к традиционному авторитету.

[181] Очевидно, что место и роль легального авторитета в системе политической власти непосредственно зависят от уровня правосознания общества и укоренения привычки граждан следовать правовым нормам; в ином случае наличие формального права командовать не позволит субъекту осуществлять власть в форме легального авторитета, что вызовет либо вакуум власти, либо необходимость использования субъектом иных ресурсов власти.

В современной России легальный авторитет не занимает должного места в системе политической власти. Данный вывод представляется достаточно очевидным и вполне естественным. Ссылки на превалирование неформальных отношений в системе государственной власти и управления являются общим местом практически всех работ, посвященных изучению российских социально-политических процессов.[182] Засилие неформальных практик и слабость легального авторитета обычно объясняются отсутствием опыта правового государства и (прочных) правовых традиций в истории российского государства. С этим трудно не согласиться, однако вряд ли данное объяснение является достаточным.

То же самое можно сказать и о другом популярном объяснении, суть которого сводится к тому, что преобладание неформальных практик обусловлено слабостью государства, которую современный режим пытается устранить с помощью укрепления «вертикали власти». Однако хотя преобладание неформальных институтов действительно является атрибутом слабых государств, само по себе укрепление административного потенциала государства не гарантирует верховенства права. «Наоборот, есть немало аргументов в пользу того, что сильное государство может стать ничуть не меньшим препятствием для верховенства права, нежели слабое, если его административный потенциал сочетается с низким уровнем автономии. В этом случае формальные институты оказываются не более чем орудием в руках правительства, инструментом селективного поощрения лояльных и наказания нелояльных.

Наконец, сохранение (и, в значительной степени, упрочение) неформальных практик обусловлено тем, что они обеспечивают реализацию интересов доминирующих акторов, прежде всего административного класса, который в этих условиях оказывается вне контроля со стороны общества. В своей совокупности эти и некоторые другие причины (которые будут упомянуты далее) подрывают эффективность легального авторитета во всех ее проявлениях.[183]

---

[182] Афанасьев М. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль» // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004, с. 175-206; Чирикова А. Региональная власть: формальные и неформальные практики // Власть, государство и элиты в современном обществе. Отв.ред. А.Дука и В.Мохов. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2005, сс. 185-206.

[183] Ссылаясь на Бертрана Ювеналя, Ронг выделяет три основных параметра любой власти – экстенсивность (количество объектов, находящихся во власти субъекта), объем (сферы действий, в которых субъект имеет власть над объектом) и интенсивность (спектр

Слабость легального авторитета сказывается не только на дееспособности государственной власти в целом (об этом речь пойдет в третьей части статьи), но и меняет характер властных отношений в обществе (по крайней мере, в сфере политики), усиливая присутствие других форм власти в общей конфигурации властных отношений.[184]

В отличие от легального авторитета, *персональный авторитет*[185] традиционно играет важную роль в отечественной системе политической власти. В России верховная власть всегда была *персонифицирована*, «т.е. *обязательно* предполагала определенного ее носителя (в отличие от этого на Западе власть имеет абстрактную природу – отделена, независима от правителя, не является ее личной прерогативой)».[186] В настоящее время персональный авторитет продолжает играть ключевую роль в российской политике, которая – как по ее восприятию в глазах населения, так и по фактическому балансу правовых и неформальных ресурсов – по-прежнему остается в значительной степени персонифицированной. Это характерно и для государственных структур, где власть первых лиц традиционно сильна (хотя, как мы увидим деле, ее сила заключена не только в персональном авторитете), так и в других политических и гражданских организациях (партии, общественные движения, группы давления). Особую роль в современной российской политике играет персональный авторитет В. Путина, который легитимирует режим и избранный политический курс, а также обеспечивает относительную прочность и стабильность системы.

Данное обстоятельство, с одной стороны, повышает эффективность государственной власти (при этом, однако, не добавляя авторитета самому государству как таковому), с другой стороны, ес-

---

возможностей, которыми обладает субъект в каждой из сфер).

[184] Данную ситуацию можно условно рассматривать как «игру с нулевой суммой», хотя слабость легального авторитета не обязательно полностью компенсируется другими формами власти.

[185] Персональный авторитет представляет собой форму власти, в которой подчинение объекта обусловлено его признанием наличия у субъекта определенных качеств (знаний, опыта, высокой нравственности и др.). Он характеризует неинституционализированное отношение между субъектом и объектом; это скорее отношение между людьми как таковыми, чем между людьми как носителями каких-то социальных ролей. Персональный авторитет связан, с одной стороны, с определенными чертами и способностями субъекта, с другой стороны, он зависит от их восприятия и оценки объектом.

[186] Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политии // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004, с. 107.

тественным образом ослабляет авторитет институтов, поскольку *высокий персональный авторитет позволяет его носителю легко менять правила игры и, при желании, действовать за пределами формальных норм и традиций* без (существенных) политических (имиджевых) потерь. При этом источники и причины высокого рейтинга Путина не находятся в прямой зависимости от его попыток (реальных или мнимых) выстраивания «диктатуры закона»,[187] что делает его относительно свободным в плане выбора форм и методов осуществления власти.

Сила и принуждение. Слабость легального авторитета чаще всего замещается *силой и принуждением* – как легальными, так и нелегальными.[188] Если у субъекта нет легальных (формальных) оснований командовать и/или объект (в силу тех или иных причин) не желает подчиняться командам субъекта, то наиболее простым и весьма эффективным способом компенсации нехватки легального авторитета является угроза применения негативных санкций или непосредственное силовое воздействие на объект.[189]

Широкое распространение принудительных форм власти в российском обществе – и не только в сфере политики – обусловлено довольно широким спектром взаимосвязанных факторов. Во-первых, сила и (особенно) принуждение не требуют траты большого количества материальных ресурсов, поэтому их рациональнее использовать для замещения (слабого) легального авторитета.

---

[187] Ряд исследователей считает, что при Путине «диктатуры закона» не стало больше (см.: Афанасьев В. Указ.соч., с. 204), а сам президент осознанно стремится к сохранению неопределенности. Это позволяет государству компенсировать часть потерь, которые обусловлены, например, теневой экономической активностью. Но в целом это скорее стимулирует последнюю, а не разрешает проблему. Tompson W. Putin's challenge: the politics of structural reform in Russia // Euro-Asia Studies, Vol. 54, No 4 (2002), p. 939.

[188] В литературе о власти достаточно распространено определение политического авторитета как легитимной власти: политический авторитет охватывает все случаи выполнения распоряжений обладающего авторитетом субъекта, даже если повиновение мотивируется страхом перед негативными санкциями. См.: Birch A.H. The Concepts and Theories of Modern Democracies. L., Routledge, 1999, p. 32. Тем самым фактически стирается различие между авторитетом и принуждением. Данный подход мне представляется не вполне оправданным (см.: В. Ледяев В. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001, с. 16-17), поскольку выполнение команды из страха наказания и на основе понимания обязанности повиновения представляют собой два существенно различных способа деятельности. Между тем для понимания специфики власти важно определить баланс добровольного и недобровольного подчинения, отражающий характер взаимоотношений субъекта и объекта власти. Поэтому дистинкция между легальной властью и легальным авторитетом помогает раскрыть некоторые важные аспекты российской политической практики.

[189] Принуждение представляет собой способность обеспечить подчинение с помощью угрозы применения негативных санкций, а власть в форме силы заключается в возможности субъекта оказать непосредственное воздействие на объект (его тело, организацию, психическое состояние) или окружение.

Во-вторых, при разрешении острых социальных противоречий сила и принуждение традиционно занимали доминирующее место в системе властных практик российского общества. В советский период распространение силовых форм отношений стало, по мнению М. Афанасьева, результатом формирования «превращенных форм патрон-клиентных отношений».[190] Современный российский режим фактически поощряет традиционализм, закрепляя «привыкание людей к военно-силовым формам урегулирования социальных противоречий... В результате животный страх, ненависть и обожание, склонность к насилию или столь же безотчетная покорность демонстрируют новый виток своей политической репродукции».[191]

В-третьих, распространение силовых форм разрешения социальных и политических конфликтов поддерживается значительной частью населения, приученного ориентироваться на «простые» решения проблем, особенно в отношении «чужих» («инородцев», олигархов, «либералов»). Люди, привыкшие ориентироваться на силу, видят в носителях легального авторитета лишь обладателей принудительных ресурсов. Российские граждане, как отмечает С.В. Патрушев, понимают закон «не столько как «некое правило игры», которое надо соблюдать, уважать и использовать в своих интересах, сколько как исходящее от государства императивное и репрессивное предписание, которое опасно нарушать». По данным социологических исследований лишь незначительное меньшинство граждан (6 % в 2002 г.) исполняет свои обязанности

---

[190] «Номенклатурная организация социума влечет деградацию традиционного социального содержания связи «патрон-клиент»: клиентарные отношения теряют договорный характер... Свободные от каких бы то ни было традиционных и правовых ограничений отношения личной зависимости сводятся к единственному «правилу»: у кого сила, тот и прав. Подобное животнообразное поведение, в цивилизованном обществе вытесняемое в маргинальные сферы, в советском – вновь стало общераспространенной моделью общения, жизнедеятельности. Отмеченные А. Антоновым-Овсеенко параллели в поведении уголовников и Сталина со товарищи имеют более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Дело, однако, не в уголовных замашках конкретных большевистских главарей, а в доминирующем архетипе социального бытия/сознания. Общераспространенности таких установок и привычек способствовали армия и лагерь – маргинальные образы жизни, ставшие в СССР важнейшими (пере)воспитательными учреждениями, основными институтами социализации, вытеснившими общину, теснящими среднюю и высшую школу, превратившими в свое продолжение городские дворы». Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М.: МОНФ, 2000, с. 166-167.

[191] Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. редактор А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004, с. 334.

перед другими людьми из уважения к закону.[192] Подчинение носителям формальных государственных полномочий мотивируется не столько обязанностью, сколько боязнью (опасением) использования теми негативных санкций, что, по используемой нами классификации форм власти является не легальным авторитетом, а принуждением.[193] Таким людям вполне удобно «жить по принципу кулака и силы. И они эти принципы кулака и силы защищают на своем уровне, поддерживая тех, кто кажется им носителями этих принципов. Современный «россиянин» не понимает, почему он должен защищать права других, если его собственные права глубоко нарушены. Это является основанием для того, чтобы всякий нарушал права всякого, как только появляется такая возможность»[194].

Данная тенденция во многом обусловлена тем, что избирательное использование права и полномочий лицами, занимающими государственные должности (право как индивидуальный, а не государственный ресурс)[195] закрепляет уверенность объекта в том, что субъект не связан правом, а может использовать принудительные ресурсы по своему усмотрению, что существенно расширяет объем и интенсивность (по Ронгу) власти субъекта, делая его, бесспорно, более «опасным» для объекта.[196]

В-четвертых, ориентация на силовые (принудительные) формы подчинения является и следствием нынешнего кадрового потенциала российского государства. В этой связи исследователями

---

[192] Патрушев С.В. Власть и народ в России: проблема легитимации институциональных изменений // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004, с. 302.

[193] Ронг использует термин «принудительный авторитет» (coercive authority).

[194] См.: Патрушев С.В. Указ.соч., с. 311. Т.И. Заславская отмечает, что если в развитых странах умышленное нарушение закона имеет осознанно криминальный характер, то в постсоветских обществах оно остается в значительной степени не(вполне)осознаваемым. См.: Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Отв.ред. Т.И.Заславская. М.: МВШСН, 2002, с. 13-14.

[195] В англоязычной литературе используется выражение ‘rule by law’ («правление с помощью закона»), противопоставляемое ‘rule of law’ («правление закона»). См. Remington T.F. Politics in Russia. NY:Pearson Education Inc., 2006, p. 226.

[196] Как показывают результаты социологического исследования, значительная часть общества не отличается высоким уровнем законопослушания, который (по крайней мере, на уровне деклараций) оказывается ниже уровня законопослушания чиновников. Так, среди работников бюрократического аппарата более половины опрошенных (58,0%) разделяют точку зрения о том, что во всем и всегда следует соблюдать букву закона. Среди населения такой точки зрения придерживается почти в два раза меньшее количество людей – 25,8%. Зато среди граждан заметно больше тех (47,8%), кто считает, что закон надо соблюдать только тогда, когда это делает сама власть, в иных условиях его можно игнорировать и решать свои проблемы более простыми и привычными способами, красиво именуемыми «неправовыми» практиками. Бюрократия и власть в новой России, с. 82.

указываются на факторы, свидетельствующие о качественном ухудшении состава бюрократии или, по крайней мере, о серьезных проблемах профессиональной квалификации государственных служащих. В частности, Г. Сатаров обращает внимание на то, что «распределение чиновников по возрасту имеет абсолютно аномальную U-образную форму: много молодых и пожилых, мало самого продуктивного среднего возраста».[197] Разумеется, неоптимальная возрастная структура российского чиновничества не является (непосредственным) свидетельством (причиной) распространения принудительных форм власти. Однако именно в старших возрастных категориях преобладают люди, сформировавшиеся в советских бюрократических организациях и сохранившие советскую ментальность. В бюрократической среде царит убежденность в непогрешимости, недоверие к науке («жизнь гораздо проще, чем говорят умники»), презрение к силе общественного мнения,[198] что косвенно подтверждает возможность произвольного использования государственных ресурсов.

Некоторые исследователи обращают внимание на социальное происхождение современного административно-политического класса как фактор, влияющий на способы и культуру осуществления власти и управления. Например, А. Чернышов отмечает, что в составе российской правящей номенклатуры «очень сильно влияние сельского образа жизни, вследствие чего широкое распространение получили и получают социальные стандарты и ориентации деревенских жителей. А в самой власти уже давно стала заметна динамика к односложности, негибкости, нетолерантности, упрощенности и примитивизации при определении тактических и стратегических задач». Данный процесс получил название «синдром сельских парней».[199] Однако в последнее время исследователи чаще стали обращать внимание на увеличение доли (бывших) военных в составе административно-политического класса. По

---

[197] В исследовании фонда ИНДЕМ 2003 г. на интервал от 30 до 45 лет приходится менее 21 % служащих, а на интервал от 55 до 70 лет – почти 60 % служащих центральных федеральных ведомств. См.: Сатаров Г.А., Введение // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004, с. 6.

[198] Краснов М. Административная реформа (1991-2001): почему сохраняется ее актуальность? // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004, с. 84-115.

[199] Чернышов А.Г. Власть в России: проблемы поиска элитных составляющих // Власть и элиты в современной России. Отв.ред. А.В.Дука. СПб.: Социологическое сообщество им. М.М. Ковалевского, 2003, с. 101.

данным О. Крыштановской, с 1998 по 2002 гг. она увеличилась почти в 7 раз, при этом особенно сильно «процесс милитаризации» затронул высшее руководство страны (рост в 12 раз!)»[200]. Оценивая последствия данного процесса, исследователь обращает внимание на то, что современная политика приобретает ряд специфических особенностей, которые связаны с профессиональными качествами военных – группы, формирующейся в замкнутом иерархизированном социальном пространстве. «Сама военная среда является *авторитарной*, демократический стиль управления здесь неприемлем»; военная среда приучает людей не рассуждая подчиняться приказам, строго следовать уставам, безусловно уважать старшего по званию.[201] Можно предположить, что приход людей в погонах естественным образом повышает роль силовых инструментов власти (сила и принуждение), но и (вероятно) усиливает позиции легального авторитета, который базируется именно на привычке автоматического подчинения субъекту власти. Последнее обстоятельство можно воспринимать вполне позитивно, но только в том случае, если речь идет действительно об укреплении легального авторитета, а не элементарном росте скрытого принуждения.

В-пятых, замещение легального авторитета принуждением (и другими формами власти) в значительной степени связано с отсутствием необходимых правовых актов (законов), *ясно и недвусмысленно* определяющих субординацию различных государственных структур. Аналитики указывают на (1) неоптимальность критериев разграничения полномочий, (2) отсутствие строгой классификации органов исполнительной власти (определения видов и критериев их разграничения), (3) неразработанность типологии «политических» и «карьерных» должностей, (4) сохранение обильного подзаконного, в том числе ведомственного регулирования, через которое осуществляется консервация прежних (советских) методов управления, (5) направленность многих актов не столько на конкретизацию обязанностей должностных лиц, сколько на дополнительное обременение граждан и хозяйствующих субъектов, (6) психологический дискомфорт служащих, которые сознают, что их статус и объем функций могут в любой момент измениться и др.[202]

---

[200] См. Крыштановская О. Указ.соч., с. 270.
[201] Там же, с. 283.
[202] См.: Краснов М. Указ.соч., с. 85-91.

Конкретные проявления силы и принуждения в российской практике (как и в практике любого государства) многообразны и варьируются в зависимости от того, какие группы и организации являются объектом власти. Широкий набор инструментов давления используется против политической оппозиции, бизнеса, региональных и муниципальных органов власти и их носителей. Общим местом стали избирательное (произвольное) использование (сила) или угрозы использования (принуждение) правоохранительных и контролирующих органов[203] для создания атмосферы страха, неуверенности и неудобства, угрозы сокращения финансирования, лишения налоговых льгот или протекции организаций и групп, действия которых не соответствуют пожеланиям политико-административной элиты,[204] принудительное голосование, давление на СМИ и т.д.

Принуждение совсем не обязательно осуществляется в открытой (явной) форме. По мнению некоторых аналитиков, более распространены формы подчинения, осуществляющиеся в силу того, что объект действует в соответствии с волей субъекта без (постоянных) команд или угроз с его стороны, предвидя (негативные) реакции субъекта в случае отклонения объекта от данного поведения («правление предвиденных реакций»). Наглядными примерами «правления предвиденных реакций» являются самоцензура в СМИ, «добровольное спонсорство» бизнеса,[205] существенное ослаб-

---

[203] Один из премьер-министров ельцинской эпохи рассказывал о том, что во многих ситуациях только использование угрозы «прислать комиссию из Генпрокуратуры» оказывало должное воздействие на руководство регионов. При Путине «присылки комиссии» стали основным политинструментом власти. Ростовский М. Вертикаль в пасти // Московский комсомолец. 2006, 5 июня, с. 5.

[204] Например, во время выборов губернаторов Центр недвусмысленно намекал на то, что поражение его ставленника приведет к снижению финансирования региона; в основе модели «патронажа» в отношениях между региональной властью и бизнесом, сложившейся во многих регионах России лежит постоянная и вполне реальная угроза использования негативных санкций со стороны местных властей в случае нарушения бизнесом утвердившегося характера отношений.

[205] Речь идет, разумеется, не обо всех случаях спонсорства, а только о тех, которые имели место именно потому, что бизнесу было важно продемонстрировать свою готовность помогать властям, рассчитывая на их благосклонность или, по крайней мере, нейтралитет. Косвенным показателем распространенности такого рода практики являются масштабы спонсорства российских кампаний, которые в относительном выражении намного превосходят западные. По данным Ассоциации менеджеров России, американские корпорации расходуют на благотворительность около одного процента своей прибыли, а российские компании направляют на эти цели от 8 процентов прибыли в сырьевом секторе до 24 процентов в обрабатывающем и 30 процентов – в сфере услуг; по результатам опроса российских предприятий средняя по выборке доля расходов на благотворительность оценивается в 11 процентов валовой прибыли. См.: Полищук Л. Бизнесмены и филантропы // Pro et Contra. 2006, № 1, с. 62, 71.

ление политических амбиций корпоративного капитала после «дела Ходорковского», готовность поддерживать власть в обмен на налоговые льготы и др.[206]

По мере усиления административно-политической элиты необходимость в специальных акциях по устрашению снижается, что косвенно отражается в очевидном уменьшении количества *открытых* столкновений (конфликтов) с властью со стороны (потенциальных или актуальных) оппозиционеров (бизнес-групп, политической оппозиции, региональных элит и др.). Укрепление позиций федеральной административной элиты и рост ее независимости от других социальных групп и организаций проявляется в ее способности не реагировать (адекватно) на многие запросы, идущие из общества, ограничивая спектр проблем, подлежащих обсуждению. После публикаций американских политологов П. Бахраха и М. Баратца данная форма власти («второе лицо власти» или «непринятие решений») – способность субъекта ограничить сферу принятия решений «безопасными проблемами» – стала объектом исследования. Как показывает политическая практика, непринятие решений – это, прежде всего, удел сильного (в нашем случае – административно-политического класса), способного использовать различные барьеры и фильтры (идеологические, процедурные, финансовые, организационные) для формирования необходимой правящему режиму повестки дня.

«Непринятие решений» не может быть отнесено непосредственно ни к одной из выделенных мною форм власти. Однако с точки зрения характера воздействия субъекта на объект оно, на мой взгляд, ближе всего именно к силе, поскольку, как и сила, обусловливает ограничение возможностей объекта (оппозиции), форматируя политическое пространство в интересах субъекта. В современной российской политической практике наиболее важные (с точки зрения сохранения и воспроизводства господства политико-административного класса) и вполне очевидные формы непринятия решений имеют место в сфере контроля за медиапото-

---

[206] Один известный ярославский политик следующим образом описывает происходящее в Ярославской Думе: «В областной Думе губернатор все контролирует. Рычагов влияния у власти много. До скандалов доводить и на кого-то давить вовсе не надо (курсив мой – В.Л.). Директора – люди с пониманием. Практически все директора, заседающие сегодня в Думе, имеют налоговые льготы. А ведь можно их и не получить, если не так проголосуешь». Чирикова А.Е., Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры» // Власть и элиты в российской трансформации. Отв.ред. А.В.Дука. СПб.: Интерсоцис, 2005, с. 210.

ками (где фактически осуществляется легитимация «повестки дня»), проявляются в уже отмеченной ранее «сертификации» Кремлем участников переговорных процессов, в выстраивании мощных барьеров на пути (пока еще имеющих место) инициатив, направленных на ограничение бюрократического контроля в экономике,[207] выравнивание доходов различных групп населения и т.д., а также в лишении оппозиционных групп реального доступа к телевидению и «фильтровании» информации на государственных каналах.

Указанные выше способы осуществления власти относятся в основном к (собственно) политическим аспектам социального процесса, в которых реализуется господство одних групп над другими. Что касается практики повседневного государственного управления, то здесь распространение принудительных форм власти обычно обусловлено, как уже отмечалось ранее, неразвитостью правосознания как объектов управления (не воспринимающих правовую норму как руководство к действию), так и субъектов управления, склонных использовать принуждение и в тех случаях, где без него можно было обойтись.[208]

Сказанное не означает, что власть в форме силы и/или принуждения *обязательно* заключает в себе негативные коннотации.[209] Однако злоупотребление принудительными формами власти имеет существенные недостатки, главный из которых состоит в том, что принуждение формирует внешнее отношение между субъектом и объектом, сохраняя и усиливая (открытый и/или подавленный) конфликт. При этом использование принуждения – открытого или скрытого – в ситуациях, где у субъекта нет государственных полномочий *в данной конкретной сфере*[210] может вести к разрушению правовых (легальных) форм власти.[211]

---

[207] В качестве примера можно привести неудачную попытку Г. Грефа в 2001 г. инициировать законопроект, который бы ограничил вмешательство бюрократии в экономическую сферу.

[208] Один региональный руководитель признался, что ему страшно выйти в региональный парламент и попросить реальную сумму на финансирование спортивной команды. Но ему легче надавить на какое-то предприятие, дать ему преференции, тем самым отобрав ресурс у других.

[209] Во многих случаях (пресечение нарушений закона, устрашение потенциальных преступников, наказание за неповиновение должностному лицу, гарантии осуществления субординации и т.п.) принуждение и сила остаются единственными и/или наиболее эффективными средствами и потому полностью оправданы.

[210] В государственной системе предусмотрены различные формы взаимодействия между ее субъектами; в одних случаях имеет место формально зафиксированная субординация, дающая право одним людям (органам) командовать другими; в других случаях такого права нет, что делает попытки командования нелегитимными (нелегальными) и даже противозаконными. В этих ситуациях предполагается, что субъекты должны приходить к

Побуждение. В данном случае источником власти является вознаграждение, которое получает объект в обмен на подчинение. Также как и принуждение, использование побуждения в политической и государственной практике крайне вариативно. Государственные полномочия позволяют их носителям не только заставлять подчиненных выполнять приказы, угрожая наказанием за неповиновение, но и стимулировать определенные формы поведения путем повышения выгод и снижения издержек в случае повиновения объекта в результате подчинения. Побуждение может быть легальным (узаконенным), так и нелегальным. В последнем случае субъект использует свои возможности стимулировать определенные формы деятельности объекта, не имея соответствующих полномочий и даже непосредственно нарушая закон.

В российской политической и управленческой практике побуждение (наряду с силой и принуждением) активно используется для «компенсации» слабости легального авторитета. В тех ситуациях, где объект не выполняет свои обязанности, а субъект не может или не желает использовать негативные санкции, побуждение становится основным средством достижения подчинения. Распространению побуждения способствует и то обстоятельство, что в условиях произвола чиновников гражданам (группам, организациям) рациональнее (с точки зрения баланса выгоды/издержек) не добиваться своих законных прав и безусловного выполнения чиновниками своих обязанностей, а договариваться с ними. Данная ситуация может рассматриваться (в зависимости от оценки изначальной позиции объекта) и как определенный вид принуждения (например, к даче взятки под угрозой негативных санкций), и как побуждение, если чиновник поощряет объект (поддерживает кандидата в депутаты, осуществляет протекцию бизнесмену, предоставляет не (вполне) законную льготу определенным гражданам и др.) за оказание соответствующих услуг самому чиновнику. Чаще

консенсусу или компромиссу в результате рационального и свободного обсуждения проблемы. Однако на практике различение легального и нелегального принуждения часто бывает затруднено в силу уже указанной мною слабости законодательной базы. При этом у субъекта, обладающего большими ресурсами и возможностями, всегда возникает соблазн использования их за пределами формально установленных полномочий для достижения своих интересов («власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»). К тому же граница между скрытым принуждением и легальным авторитетом, как уже отмечалось ранее, не всегда бывает до конца осознана как объектом, так и субъектом власти.

[211] А. Этциони считает, что существует изначальная неконгрунтность во взаимодействии убеждающих и моральных форм власти с угрозой применения силы и, тем более, с ее осуществлением, что ведет к их нейтрализации. См.: Etzioni A. The Active Society. NY: The Free Press, 1968, p. 364-366.

всего, такой «услугой» являются денежные средства, оплата мероприятий, финансирование проектов, поддержка в СМИ и т.д.[212] Возможность произвольного применения нормы права[213] превращает ее носителя в обладателя (часто монопольного) определенным набором (потенциальных) наград, от которых зависит благосостояние (положение) объекта. Возникающая зависимость поддерживает коррупцию (по уровню которой Россия оказывается в числе «передовых» стран), протекционизм, сокрытие преступлений, политический монополизм (власть может «купить» (многих) потенциальных оппонентов) и другие подобного рода явления. Именно побуждение наиболее ассоциируется с моральным разложением, циничным карьеризмом, «готовностью на все» и другими атрибутами значительной части современного российского административно-политического класса.[214]

Готовность, как бюрократии, так и населения, принять незаконные (взаимные) услуги имеет во многом те же корни, что и распространение принуждения. При этом в общественном сознании «легкие» формы коррупции фактически легитимированы, особенно в некоторых южных регионах.[215] Сравнивая роль и распространенность принуждения и побуждения в современном российском обществе можно предположить, что *в континууме принуждение/побуждение превалирует принуждение.* Это обусловлено тем, что побуждение все же более характерно для олигархических государств, где власть опирается на собственно экономические ре-

---

[212] Взятка может рассматриваться и в терминах манипуляции, если субъект формирует готовность объекта к даче взятки, скрывая информацию об иных возможностях получения услуги.

[213] М. Афанасьев использует выражение «право как услуга».

[214] Сегодня около 40 процентов молодых людей одобрительно относятся к стремлению «делать деньги» любой ценой, даже в обход закона, а более 60 процентов согласны с тем, что сегодня нет нечестных способов зарабатывать деньги, а есть только легкие и трудные их пути. См.: Мазаев Ю.Н. Социальные отношения коррупции (по материалам социологических исследований) // Материалы научно-практической конференции «Социология коррупции». М., 2003, с. 42-45. При этом даже среди профессиональных публичных политиков только 10 процентов в своей деятельности руководствуется социоцентрическими мотивами. См.: Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М.: РОССПЭН, 2000, с. 365.

[215] Описывая коррупцию в Дагестане, А. Быстрова подчеркивает, что традиционная соционормативная культура дагестанцев поддерживает коррупционные практики, которыми пропитано все общество. «Авторитет народной мудрости освящает произвол и коррупцию властей. На бытовом уровне представления о власти чаще всего связываются не с радением об общественном благе и ответственностью перед обществом, а с получением определенных преимуществ, выгод». См.: Быстрова А.С. Коррупция как элемент механизма осуществления власти в России // Власть и элиты в современной России. Отв. ред. А.В. Дука, СПб.: Социологическое сообщество им. М.М. Ковалевского, 2003, с. 199.

сурсы, обеспечивающие ее обладателям доступ к принятию ключевых политических решений. В России же доминирующей силой сегодня является административно-политический класс, главными ресурсами которого выступают средства государственного принуждения и возможности произвольного использования формальных полномочий. Политические (административные) ресурсы в России – в особой цене,[216] именно они во многом определяют общий спектр возможностей и потенциал влияния. Но обладание принудительными ресурсами позволяет приобрести и другие ресурсы, которые могут быть использованы с меньшими издержками, чем принуждение. Главное преимущество побуждения над принуждением заключается в том, что оно не ассоциируется с насилием и сохраняет (относительно) бесконфликтные отношения между субъектом и объектом.[217]

Манипуляция и убеждение.[218] В России после 1917 г. власть над сознанием людей стала играть едва ли не центральную роль в механизме политического господства; к 90-м гг. идеологический плюрализм и свобода слова разрушили интегральную (по Ронгу) идеологическую власть коммунистической элиты и создали иную ситуацию, хотя в целом роль идеологического фактора (идеологических дискуссий) в общественной жизни не снизилась. В послед-

---

[216] Один российский политолог в своем устном выступлении высказал интересную фразу: «Власть нельзя купить», имея ввиду, что административно-политическая элита очень дорожит своим господством и поэтому не «продает» свои ресурсы.

[217] Если немедленной реакцией на принуждение являются страх, беспокойство и сопротивление, то побуждение чаще всего связано с надеждой и поддержкой. Позитивные санкции имеют тенденцию создавать ощущения симпатии к объекту и заботы о его нуждах, тогда как негативные воспринимаются как проявления безразличия или враждебности по отношению к нему; первые укрепляют стремление объекта сотрудничать с субъектом в будущем, вторые – препятствуют этому. Однако у побуждения есть очень серьезный недостаток: оно обычно требует больших материальных ресурсов, которые субъект вынужден постоянно тратить для поддержания власти. При этом, как и в случае с принуждением и силой, имеет место (хотя и в меньшей степени) неконгрунтность во взаимодействии убеждающих и моральных форм власти с утилитарной мотивацией.

[218] В убеждении подчиняющее воздействие на объект заключено в силе (рациональности) аргументов, используемых субъектам для изменения сознания и/или поведения объекта; манипуляция представляет собой скрытое воздействие субъекта на объект, осуществляемое либо путем изменения окружения объекта, либо через селективную подачу информации для объекта. Потенциал использования данных форм власти и их соотношение между собой зависят от ряда условий. В их числе: роль идеологии в системе социальной регуляции, степень открытости режима, концентрации СМИ, успешности в осуществлении экономической и социальной политики, наличие или отсутствие сильных внутренних и/или внешних угроз, особенности политической культуры населения и др. Наиболее интенсивное использование средств воздействия на сознание людей со стороны правящего режима имеет место в тоталитарных системах, тогда как в традиционных обществах оно значительно слабее, поскольку социальные коммуникации менее развиты, а население стабильно ориентируется на уже устоявшиеся нормы.

ние годы отчетливо проявилась тенденция к усилению монополии правящей элиты в механизме формирования политического сознания российского общества. Это проявляется, прежде всего, в том, что государственные телевизионные каналы (а именно они остаются главным каналом получения информации для основной массы граждан и наиболее эффективным средством формирования политического сознания населения) строго выдерживают идеологическую линию, заданную правящей элитой, практически не предоставляя эфир политическим оппонентам. Критики нынешнего режима (пока?) могут высказываться в некоторых печатных СМИ и Интернете, однако это не может компенсировать их отсутствия на телевидении. Особенно сильное пропагандистское воздействие имеет место в период избирательных кампаний, когда использование государственного телевидения для поддержки определенных партий и кандидатов выходит далеко за пределы формальных и моральных ограничений.

Таким образом, *значение манипуляции в механизме формирования политического сознания безусловно возрастает*: в содержании новостных программ практически отсутствует объективный анализ нынешнего курса, его недостатков; власти сознательно скрывают информацию о принятии важнейших решений и ключевых назначениях; явно приукрашиваются ситуация в экономике и перспективы ее развития.

Вряд ли можно однозначно оценить, насколько сама административно-политическая элита верит в то, что именно данный курс является оптимальным для развития российского общества: с одной стороны, он в целом соответствует ментальности нынешней номенклатуры, с другой стороны, трудно поверить в то, что власть действительно верит, например, в реальную угрозу со стороны «американского империализма» или считает, что назначения губернаторов действительно будут способствовать борьбе против терроризма. Сомнения в искренности власти (а именно искренность отличает убеждение от манипуляции, заключающейся в *сознательном* навязывании ложной информации) возникают и вследствие того, что она сама постоянно нарушает многие заявленные ею ценности и направления деятельности. Это касается, например деклараций о стремлении к «диктатуре закона», демократии, формированию независимого от власти гражданского общества и т.д.

В любом случае, избранная властями ориентация на имперские государственнические ценности, управляемость, иерархию и «свой особый путь» находятся в противоречии с тенденциями, наблюдаемыми в развитых демократических странах, где постепенно формируется гибкая система управления, соединяющая усилия государственных и негосударственных акторов. Происходящие в мире изменения делают устаревшими попытки опереться на традиционные авторитарные методы, которые больше не соответствуют новым условиям жизни, в том числе гибкости и динамизму, необходимым для конкурентоспособности в рамках глобальной электронной экономики. «Политическая власть, основанная на авторитарной командной системе, уже не может опираться на традиционные факторы преклонения или уважения. В мире, основанном на активном обмене информацией, жесткая власть – власть, действующая только «сверху» – теряет свою силу».[219]

Манипулятивные практики распространены во всех режимах, в том числе и в стабильных демократиях. Их функциональная обусловленность заключается в том, что не все политические решения и действия могут быть адекватно объяснены (убеждение) и поняты населением. При этом манипуляция бывает крайне эффективным средством достижения результата (особенно, если используется в комбинации с убеждением), поскольку она не вызывает сопротивления объекта (если люди осознают, что являются объектами манипуляции, то ее подчиняющее воздействие прекращается) и сохраняет людям ощущение самостоятельного (свободного) выбора и действия. Однако когда наступает крах режима и обман властей становится очевидным, обратный эффект может быть разрушительным

Эффективность власти и управления

Оценка эффективности власти складывается из нескольких ракурсов (аспектов). Во-первых, *оценка способности субъекта (субъектов) обеспечить подчинение объекта (объектов) своей воле.* Это оценка *собственно власти*; она может быть осуществлена в соответствии с критериями, предложенными Ронгом (экстенсивность, объем, интенсивность). Для этого необходимо выделить несколько наиболее важных форм власти, в том числе: (1) власть правящей федеральной элиты над оппозицией,

[219] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь Мир», 2004, с. 86.

региональными элитами, бюрократическим аппаратом, населением в целом в различных сферах и проявлениях; (2) властные возможности различных государственных структур и групп государственных служащих в контексте решения стратегических задач, определяемых правящей элитой; (3) эффективность власти государственных служащих в повседневном управлении.

Во-вторых, *оценка эффективности подчинения (использования власти) с точки зрения достижения конечных целей субъекта власти*: подчинение объекта (объекта) само по себе (обычно) не является конечной целью субъекта, а выступает средством ее достижения. Это оценка *эффективности управления*. Власть (способность навязать волю) может и не обеспечить достижение конечной цели, если избранные формы и ресурсы власти не соответствовали поставленным целям, последствия осуществления власти не были адекватно просчитаны или цели с самого начала были не (вполне) достижимыми. Таким образом, оценка эффективности (собственно) власти может быть дополнена оценкой эффективности управленческих стратегий и способов их осуществления. При этом оценки власти и оценки управления могут не совпадать: эффективная власть не всегда обеспечивает достижение целей субъектов, а грамотные управленческие действия бывают парализованы отсутствием стабильных властных отношений.[220]

Во взаимоотношениях с политической оппозицией – реальной или потенциальной – власть правящего режима представляется весьма эффективной. В настоящее время правящая элита может принять практически любой закон в послушной ей Думе, она уверенно блокирует сравнительно немногочисленные попытки инициации альтернативных решений, может применять силовые и принудительные технологии в отношении оппонентов и полностью доминирует в информационном пространстве. В последнее время принят ряд законов (закон о выборах по партийным спискам в Государственную Думу, запрет на участие в выборах партийных блоков, возможность снятия с голосования

---

[220] Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ, с. 174-177. На необходимость различения властного и управленческого аспектов указывает и А.М. Старостин в его исследовании эффективности деятельности административно-политических элит. См.: Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2003, с. 224).

партий за прошлый «экстремизм» их представителей в партийном списке и др.), которые еще более снижают шансы оппозиции на выборах. Судебная и правоохранительная системы выполняют волю федеральной элиты и при необходимости используются в политических целях. В результате реальные возможности оппозиции сведены к минимуму, что является главным основанием для отнесения современного политического режима в России к авторитарным.

Во взаимоотношениях с другими высоко-ресурсными социальными группами (бизнес, региональные элиты) также наблюдается очевидное усиление влияния федеральной административно-политической элиты. Создание федеральных округов, назначение губернаторов, ослабление Совета Федерации, изменение бюджетного финансирования в пользу Центра, активное использование правоохранительных структур для повышения лояльности региональных акторов обеспечивают федеральной элите возможность навязывать свою волю регионам. При этом преобладание неформальных механизмов влияния в ряде аспектов усиливает ее власть – особенно в тех сферах, где отсутствует формальная субординация. Разумеется, остаются значительные зоны относительной автономии, однако (и это главное) региональные политические субъекты перестали играть стратегическую роль в определении общенациональных политических приоритетов и не могут диктовать свои условия федеральной элите по принципиальным вопросам взаимоотношений между Центром и регионами.

В отношениях с крупным бизнесом административно-политическая элита также сумела окончательно занять доминирующее положение, особенно после 2003 г. Сегодня бизнес принял предложенный формат отношений и практически не пытается его изменить; наиболее крупные представители «олигархической оппозиции» достаточно эффективно нейтрализованы, а потенциальные оппозиционеры примирились с ситуацией.

Сложнее оценить характер взаимоотношений административно-политической элиты и «народа». Способность навязать волю основной массе населения, как уже отмечалось ранее, может быть оценена в ситуациях, когда элите удавалось принимать явно непопулярные меры и наоборот, блокировать решения, соответствующие преференциям большинства. Другой параметр

данного властного отношения проявляется в способности правящей элиты навязать обществу политические приоритеты и ценности, обеспечивающие воспроизводство своего привилегированного положения («третье лицо власти» по С. Луксу). Высокие рейтинги президента Путина отчасти[221] свидетельствуют о том, что значительная часть населения либо поддерживает режим, либо индифферентна к политике и не ощущает связи между своим положением и составом правящей элиты. В любом случае, *режиму не приходится преодолевать масштабного сопротивления со стороны общества*, которое в целом принимает президентский курс, направленный на сохранение «большого» государства в экономике, укрепление «вертикали власти» и бюрократического контроля, усиление имперских внешнеполитических амбиций.

Учитывая сравнительно низкий уровень жизни значительной части населения, можно предположить, что данная ситуация возникла (отчасти) в результате идеологического господства, обусловленного как определенной конфигурацией объективных факторов, так и сознательным стремлением административно-политического класса навязать обществу свою систему ценностей. Очевидное доминирование государственническо-самобытной риторики в российском политическом пространстве и обыденном («кухонном») дискурсе, закрепившееся в общественном сознании оправдание неформальных практик и акцента на силовых способах решения проблем, демонстрируемых нынешней властью, слабая реакция общества на ограничение политической конкуренции, плюрализма и роли демократических институтов – все это говорит о том, что цели и ценности правящего режима и значительной части населения в совпадают. Хотя нельзя не признать, что для «высокоресурсных» групп населения это далеко не так.

Насколько принятие ценностей режима и избранного курса является результатом целенаправленной деятельности административно-политической элиты («идеологической гегемонии» или «идеологической власти»)? Бесспорно, оно имело объективные, прежде всего политико-культурные предпосылки и стало в значительной степени реакцией на неудачи и ошибки ельцинского правления, что и отразилось в естественном отторжении

[221] «Отчасти» – потому, что его популярность во многом обусловлена персональными качествами; при этом другие структуры государственной власти имеют существенно меньшую поддержку.

соответствующих той эпохе ценностей. Однако мне представляется, что *субъективный фактор в формировании политического сознания играет в России более значимую роль, чем в западных полиархиях.* Во всех странах СМИ (главный инструмент формирования политического сознания) используются правящими элитами для поддержания своей политики, однако степень (возможности) их использования в своих целях (медийные ресурсы) существенно варьируются. В России фактически имеет место государственная монополия на основные СМИ, что и дает административно-политической элите широкий спектр возможностей осуществлять планомерное идеологическое воздействие на население. Контроль за идеологической и политической составляющими программ обеспечивается как с помощью целенаправленной (в идеологическом плане) кадровой политики, так и через жесткое форматирование содержания программ.[222]

Разумеется, контроль за деятельностью СМИ не всегда гарантирует планируемый результат.[223] Мне представляется, что в России он достаточно эффективен. Косвенными показателями этого могут служить успешные кампании по удивительно быстрому раскручиванию новых лидеров (В.Путин), партий («Единая Россия», «Справедливая Россия»),[224] успешной пропаганде ряда внешнеполитических акций, в которых активно участвовали российские СМИ.

До сих пор речь шла о властных возможностях правящего административно-политического класса навязать свою волю в решении стратегических проблем общественного устройства и

---

[222] В России нет *жесткой* цензуры, которая существовала в СССР, однако имеет место самоцензура, поддерживаемая, как уже отмечалось ранее, в форме «правления предвиденных реакций»: руководители государственных СМИ прекрасно знают, что хочет власть.

[223] Здесь я сознательно оставляю в стороне вопрос о том, насколько и в каких формах идеологическая гегемония вообще может иметь место в современном обществе. Мне ближе позиция авторов, которые считают, что даже в ситуациях тотального господства у подвластных остается возможность видеть альтернативные формы социальной организации. См.: Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990, pp. 71-107. Тем не менее, какой-то сегмент населения действительно является объектом идеологической власти субъекта, сумевшего навязать ей свои убеждения и ценности. В данном контексте для меня представляет интерес, насколько поворот политических умонастроений значительной части россиян стал результатом идеологической властной практики режима.

[224] Успешная раскрутка В. Путина и «Единства» имели место еще в условиях ельцинского режима. Сегодня правящая элита, бесспорно, обладает еще большими манипулятивными возможностями и пропагандистскими ресурсами.

развития безотносительно роли институциональной составляющей в осуществлении политической власти. Между тем, эффективность политической власти непосредственно зависит от того, насколько базовые политические институты обеспечивают реализацию (трансляцию) воли господствующего класса. Оценивая эффективность *современного российского государства* необходимо отметить, что оно стало *более субъектным, менее зависимым от групп давления и способным гораздо эффективнее реализовывать публичные стратегические цели элиты, чем российское государство 90-х гг.*[225] То есть, *его власть стала более прочной и интенсивной*.

В предыдущей части статьи уже говорилось о том, что в структуре форм властного воздействия существенно усилилось использование силы и принуждения, что собственно и повысило потенциал подчинения. Кроме того, эффективность государственной власти возросла в связи с нейтрализацией (по крайней мере, частичной) альтернативных центров политической власти в лице олигархических, мафиозных и региональных кланов. Наконец, государство стало более сильным *с точки зрения властных возможностей* в силу возрастания его экономических ресурсов, позволяющих осуществлять более эффективное побуждение.

Властный потенциал отдельных государственных структур и их относительная независимость друг от друга существенно варьируются: президентские и силовые структуры занимают доминирующее место в государственном управлении, в том время как правительство, представительные органы власти и судебная система малосамостоятельны (то есть во многих аспектах находятся во власти президентской администрации). Тем не менее, для реализации стратегических целей нынешней элиты данное соотношение властных ресурсов государственных структур вполне адекватно, поскольку способствует укреплению иерархии и соответствует использующейся конфигурации форм власти: строительство «вертикали власти» ориентируется на достижение единства действий государственных структур, а не укрепление их самостоятельности; поэтому рассуждения о разделения властей, «сдержках и противовесах» сегодня не популярны.

---

[225] Слово «публичные» подчеркивает те цели, которые открыто пропагандировались элитой. Между тем значительная часть правящего класса была заинтересована в слабом государстве, что, разумеется, открыто не артикулировалось.

Таким образом, в настоящее время в России имеет место достаточно эффективная система политической власти с точки зрения ее способности реализовать стратегические цели правящей административно-политической элиты: по сравнению с 90-ми гг. прошлого века государственная власть существенно укрепилась; население в целом поддерживает избранный курс, политические оппоненты слабы и не в состоянии успешно инициировать альтернативные проекты социального развития.

Однако у многих аналитиков возникают сомнения в том, что нынешняя система власти является *стабильной*. Главная причина состоит в том, что в результате сужения пространства политики создается опасность разрушения системы власти при развитии неблагоприятных тенденций внутри правящего слоя. Любая даже незначительная флуктуация внутри правящего класса способна включить реверсивные механизмы власти, поменяв местами его различные сегменты и образования[226]. В отсутствии (сильного) гражданского общества такие потрясения крайне опасны не только для режима, но и для социальной системы в целом.

Вряд ли возможно оценить (общую) эффективность политической *власти* (а не управления) на *микроуровне*, которая проявляется в деятельности отдельных государственных служащих и их взаимоотношениях с гражданами и между собой. По-видимому, она существенно варьируется в различных регионах, сферах государственного управления, и находится в зависимости от личностных и ситуативных факторов.[227] Однако во многих аспектах государство явно не (вполне успешно) справляется со своими обязанностями, поскольку ему не хватает властных ресурсов. Например, для защиты прав и свобод граждан, сбора налогов, борьбы с выполнения некоторых законов, борьбы с преступностью и т.д., где государству не удается обеспечить выполнение принятых им решений[228] и должный контроль за соблюдением правовых норм.

---

[226] См.: Соловьев А.И. Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России. С. 57.

[227] Управленческая грамотность персонала может служить лишь косвенным показателем, поскольку она более связана с собственно управленческими аспектами, умением правильно ставить задачи и находить оптимальные пути их решения. Данные исследований, посвященных профессионализму и эффективности деятельности государственных служащих, дают весьма сложную и довольно противоречивую картину ситуации в этой области. См.: Старостин А.М, Указ.соч., сс. 228-271.

[228] В 2001 г. президент РФ дал 891 поручение в адрес Минимущества, Минфина, Минэкономиразвития, Минтранса и Госстроя, из которых было выполнено в изначально установленный срок только 48 процентов от их общего числа. Что касается поручений правительства федеральным органам исполнительной власти, то здесь пропорция примерно

Основная масса населения также считает деятельность российской бюрократии неэффективной.[229] Все это свидетельствует о том, что высшее руководство страны не обладает должным контролем за деятельностью бюрократии, а сама бюрократия часто не в силах обеспечить эффективное техническое исполнение решений.

Насколько успешно правящая элита использует свою власть? Дает ли власть желаемый результат? Ответы на данный вопрос раскрывают *эффективность управления*, которое осуществляется на основе власти. Данный аспект не относится *собственно к власти*, но важен для понимания проблем, возникших в российской политической системе.

Исследователями предложены различные критерии оценки эффективности государственного управления.[230] Обычно эффективность государства определяется через его способность воплотить в жизнь определенный набор ценностей, например, как «максимизацию достижения целей путем использования ограниченного набора ресурсов».[231] В.А. Козбаненко выделяет два вида (ракурса) эффективности государственного управления: техническую эффективность (она определяется степенью достижения целей деятельности с учетом общественных целей) и экономическую эффективность (отношение стоимости объемов предоставляемых услуг к стоимости объемов привлеченных для этого ресурсов). А. Старостин оценивает управленческий аспект государственной власти по таким параметрам, как целеориентированность, социальная результативность, социальной затратность, качество выполнения основных государственно-управленческих функций.[232]

такая же. См.: Граждан В., Антибюрократическая революция. С. 45.

[229] Судя по данным социологического исследования бюрократии, так считает 57,1 процентов населения и лишь 9,6 процента оценивает ее деятельность в той или иной степени положительно. См.: Бюрократия и власть в новой России. С. 55.

[230] Здесь мы учитывали, что обычно в них не проводится четкого разграничения властного и управленческого аспектов.

[231] Саймон Г.А., Смитбург Д.Х., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. М., 1995, с. 270-271.

[232] См.: Старостин А.В. Указ.соч., с. 174, 225. Существуют и другие подходы к оценке эффективности государственного управления, но в любом случае эффективность увязывается с достижением целей государственного управления, полнотой и качеством выполнения государством его основных функций. Так, М. Макфол предложил три основных критерия силы (эффективности) государства: 1) внутренняя связанность государства – идеологическая и институциональная; 2) относительная автономия государства от общества, степень его независимости от частных интересов; 3) способность эффективно реализовать политику. Первые два критерия фактически относятся к властному аспекту государственного управления, и только третий касается как властного, так и управленческого аспектов.

Некоторые очевидные проявления слабости государства в области защиты прав и свобод граждан, борьбы с преступностью, обеспечением налоговых поступлений) свидетельствуют, как уже отмечалось ранее, в большей степени о слабости властной составляющей.[233] Однако целый ряд других проблем государственного управления обусловлены не столько отсутствием должных властных ресурсов, сколько ошибками в постановке и определении способов решения государственных проблем. К таковым можно отнести: (1) принятие законов, которые заведомо не будут выполняться,[234] (2) частые колебания курса, обусловленные сиюминутными соображениями, (3) принятие популистских решений; (4) неготовность осуществить модернизационный прорыв, включающий в себя, в том числе, переход к современным формам государственного управления, (5) консерватизм, нежелание менять традиционные (неформальные) способы властвования, и т.д. Все это имеет место в современной России.

В стратегическом плане наибольший ущерб интересам страны наносит сохранение старых форм и механизмов государственного управления. Последние десятилетия показали неспособность централизованной иерархически организованной системы государственного управления справиться с вызовами новой эпохи, ее неготовность адекватно реагировать на изменившиеся запросы граждан. Общий вектор реформирования задается новым пониманием роли и функций государства – превращением его из «верховного правителя» в «менеджера». Современная система государственного управления не может эффективно функционировать без взаимодействия с гражданами и их ассоциациями; только объединение усилий и ресурсов государственных и общественных структур позволит эффективно решать социальные проблемы. В условиях информационного общества «государство не снимает с себя ответственность за состояние общества, а разделяет ее с заинтересованными в решении той или иной конкретной проблемы общественными структурами. Фактически это означает, что государство де-

---

[233] На самом деле, ситуация может быть несколько сложнее. П. Моррис, скорее всего, обратил бы внимание на то, что у субъекта на самом деле может быть достаточно властных возможностей, но *нет достаточной мотивации к осуществлению власти*. Однако в моей интерпретации интенция субъекта является обязательным признаком власти, поэтому и данную ситуацию можно интерпретировать как отсутствие власти.

[234] Примеров принятия российской властью подобного рода законов очень много. Один из последних – запрет на распитие пива в общественных местах, который никто и не пытается по-настоящему реализовать.

лится своими властными полномочиями с общественными организациями».[235] Другое очевидное направление совершенствование механизма власти заключается в укреплении правовой системы и повышении роли формальных оснований государственного управления.

Однако движение в этих направлениях неизбежно затронет и приведет к разрушению нынешней весьма эффективной с точки зрения сохранения господства административно-политического класса системы власти, ограничивающей политический плюрализм, общественную инициативу и опирающейся на неформальные и принудительные практики. Поэтому *изменение характера и направленности государственного управления находится в противоречии с системой власти, на которой держится нынешнее российское государство*: сильная власть, успешно обеспечивающая свою собственную монополию на принятие стратегических решений и эффективно подавляющая альтернативные проекты оппозиции оказывается слабой в реализации базовых прав и потребностей граждан и неспособной совершить модернизационный прорыв. Выстраивание «вертикали власти», в которой ее высшие звенья оказываются вне сферы правового контроля, закрепляет неэффективные (с точки зрения выполнения государством своих обязанностей перед населением) и ущербные в правовом и моральном плане формы общения. От того, как будет преодолеваться данное противоречие – через движение к новым основаниям и формам власти, их институционализацию или закрепление старых механизмов господства – будет во многом зависеть вектор развития российского общества.

***

Таким образом, именно *административно-политический класс является субъектом политического господства в современной России*, поскольку существующая социальная система и избранный курс воспроизводят выгодные для него условия жизнедеятельности и он контролирует данный процесс, имея возможность (власть) определять стратегию общественного развития, повестку дня и ключевые государственные решения. Административный класс обладает, по крайней мере, тремя из четырех оснований господства по Домхоффу: он занимает ключевые институциональные позиции, успешно инициирует или блокирует определенные политические альтернативы и стабильно извлекает выгоду из сво-

[235] Комаровский В. Административная реформа в Российской Федерации» // Полис. 2005, № 4, с. 172-173; 177).

его положения, используя общественные ресурсы для реализации корпоративных и личных интересов. Труднее оценить (без соответствующих эмпирических данных) степень мобилизации корпоративных ресурсов, уровень классового сознания и «контроль за идеями»; но очевидно, что во всех этих компонентах он вряд ли (серьезно) уступит своим «визави» в других странах, а скорее превзойдет их, поскольку члены административно-политического класса объединены не только общностью интересов и корпоративным сознанием, но и совместным выполнением управленческих функций, предполагающих организацию, иерархию и обязанность (разумеется, в определенных пределах) действовать как единое целое.

Социологические исследования подтверждают, что административный класс постепенно превращается в особое сословие, заинтересованное главным образом в обеспечении своего богатства и является наиболее влиятельной силой в российском обществе. Сами государственные чиновники видят специфику интересов российской бюрократии как особой социальной группы «*в сохранении и постоянном увеличении своего влияния и власти, защите собственных интересов*». При этом, как отмечают социологи, «мы сталкиваемся с феноменом сформировавшегося классового сознания, в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества».[236]

Конфигурация форм власти в российской политической практике характеризуется слабостью легального авторитета и, соответственно, возрастанием роли иных форм властвования, прежде всего принуждения. Данная ситуация обусловлена как объективными (авторитарные традиции, превалирование пассивных типов политической культуры, слабость законодательной базы, кадровые проблемы), так и субъективными факторами (стремление правящего класса сохранить возможность использования формальных норм по своему усмотрению, заинтересованность в сохранении статус-кво ряда социальных групп, в том числе высоко-ресурсных, высокая доля (бывших) военных в составе правящей элиты). Данная конфигурация форм власти соответствует (конгруэнтна) доминирующей роли административно-политического класса в современном российском обществе.

Сложившаяся система власти административно-политической элиты является одновременно и эффективной, и неэффективной.

---

[236] Бюрократия и власть в новой России, с. 95.

Она эффективно обеспечивает воспроизводство режима, ограничивает притязания на власть со стороны других групп и позволяет правящей элите реализовывать свои стратегические цели. По сравнению с предшествующим десятилетием государство в России стало внутренне связанным, дееспособным и значительно укрепило свои ресурсы, а его низовые звенья, в существенно большей степени, чем в ельцинский период находятся под контролем федерального центра. Вместе с тем, оно остается слабым в сфере реализации базовых прав и потребностей граждан, а многие его функции не реализуются должным образом – либо в силу неадекватных управленческих действий, либо в результате того, что характер и специфика используемых властных ресурсов препятствует решению стратегических задач модернизации общества, укреплению правовых основ и расширению социальной базы государственного управления. В какую бы сторону ни эволюционировала российская политическая система в ближайшем будущем, в интересах россиян сделать ее эффективной не столько в сохранении и воспроизводстве власти правящей элиты, сколько в создании условий для успешного развития личности в свободном динамично развивающемся обществе.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

В.В. Вольчик

Институт власти-собственности существует в рамках российского хозяйственного порядка не одну сотню лет[237]. В нашей стране многочисленные попытки реформ, направленные на изменение ситуации, при которой доминируют институты условной собственности, в конечном итоге не позволяли свернуть с траектории развития, что неоднократно приводило к эффекту блокировки, закрепляющем неэффективные институциональные ограничения. Для проведения действенных институциональных реформ необходимо понимание механизмов эволюции российского института

[237] Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/

власти-собственности; для этого данная проблема должна рассматриваться в связи с эволюцией российского хозяйственного порядка и ролью групп специальных интересов как институциональных инноваторов. Для этого необходимо учитывать исторические, культурные и другие институциональные особенности развития хозяйственных систем.

Теория хозяйственного порядка является разновидностью институционального подхода к анализу формирования и развития институциональной структуры экономики с учетом специфики конкретных исторических, национальных и политических условий. Теория хозяйственного порядка разрабатывалась экономистами, которые не входили в мейнстрим экономической теории. В основном это были представители немецкого ордолиберализма[238]. Однако рост интереса к неортодоксальным (в научной литературе также присутствует термин «гетеродоксальные теории») течениям в современной экономической теории делает актуальным изучение проблемы формирования хозяйственного порядка в контексте институциональных изменений.

Важнейшим моментом при исследовании хозяйственного порядка в тех или иных исторических координатах является вопрос о роли государства при его формировании. Фактически данная проблема является частью более широкой – о роли государства при формировании институциональной структуры экономики. Не вызывает сомнений тот факт, что государство как институциональный инноватор создает формальные институты, которые, в свою очередь, могут относиться к политическим и экономическим институтам, в разной степени влияющими на хозяйственные процессы.

Качество государства также часто ассоциируется с политическими институтами, которые определяют объем политической власти[239]. Узурпация власти группами специальных интересов, которые могут представлять, например, земельную аристократию[240], обусловливает деградацию политических институтов, в конечном итоге оказывая негативное влияние на формирование и

---

[238] Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995; Ойкен В. Основы национальной экономии. М., 1996

[239] Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. P. Aghion, S.N. Durlauf (eds.). Handbook of Economic Growth. Vol. 1. New York, 2005.

[240] Acemoglu D., Robinson, J.A. Political Losers as a Barrier to Economic Development // American Economic Review. 2000. Vol. 90. № 2.

функционирование экономических институтов, и ведет к отставанию в темпах экономического роста по сравнению со странами, имеющими более либеральные политические институты.

Формирование эффективного хозяйственного порядка с соответствующей институциональной структурой экономики является целью большинства хозяйственных реформ. Однако история дает много примеров, когда процессы институционального импорта и модернизации хозяйственных порядков не приводят к росту благосостояния общества, а создают устойчивые неэффективные экономические институты. Возникает вопрос, какие же причины и закономерности определяют формирование, отбор и функционирование эффективных (неэффективных) хозяйственных институтов вообще и института власти-собственности в частности?

Формирование хозяйственных порядков вследствие инерционной природы институтов, подверженных инкрементным изменениям, представляет собой чаще всего эволюционный процесс. Поэтому при анализе институтов, функционирующих в рамках того или иного порядка, важно проследить их эволюцию. Это позволяет понять причины эффективного (неэффективного) институционального регулирования хозяйственных процессов, а также учесть их эволюционно-генетические особенности при разработке программ реформ.

Принципы эволюционной теории наиболее разработаны в биологии. Однако применение «эволюционного языка» в экономике детерминирует расширительную трактовку этого термина, в противоположность его узко-специфичному использованию в биологии[241]. Поэтому в целом эволюционная экономика может идентифицироваться как применение общей эволюционной концепции к экономическим феноменам. При этом важно подчеркнуть, что экономическое развитие и технологические изменения подвержены воздействию эволюционных сил, которые не только во многом сходны с биологической эволюцией, но и во многих отношениях различаются[242].

Основные различия между физическими и биологическими системами состоят, во-первых, в различной природе «частиц», и, во-вторых, в различной природе процессов, протекающих в данных системах. Экономическое пространство может характеризо-

---

[241] Nelson R.R. Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. № 1.

[242] Hodgson G. Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Cambridge, 1993.

ваться различными параметрами и структурными характеристиками. В общественных системах агенты ведут себя не так, как атомы, их склонность к ассоциированию в решающей степени будет зависеть от фенотипических характеристик их поведения[243]. Концепция «институционального человека» отличается от концепции «неоклассического человека» тем, что она признает историческую изменчивость предпочтений и поведения экономических агентов[244]. Существует тесная связь между способностью экономических агентов к ассоциированию и формированием их предпочтений и поведения, зависящих от привычек. Если бы индивидуум существовал в одиночестве, то его предпочтения формировались бы в моральном вакууме. Но предпочтения поддерживаются окружающими условиями, обществом и некоторыми группами людей. Поведение всегда изменяется, в этом и состоит различие между ним и физиологическими процессами.

Современная эволюционная экономика неоднородна. Она может быть разделена на два направления: 1) конвергентная с неоклассикой эволюционная экономика и 2) неоэволюционная экономика,[245] рассматривающая не только эффективные, но и субоптимальные и неэффективные институциональные и технологические изменения в рамках концепции зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence).

Неоклассический подход к анализу эволюции связан с исследованием определенного процесса, который приведет к прогрессу, и в результате которого устанавливается единственное оптимальное равновесие[246]. Это доказывается эволюционной теорией игр, в рамках которой определяются параметры равновесия, и которую иногда называют теорией равновесного выбора. Если отбор осуществляется достаточно долго на основе имеющихся вариантов, то в отсутствие каких-либо инноваций в конечном счете система достигнет состояния с минимальным отклонением, т.е. равновесия. Очевидно, эта концептуальная позиция не является завершенным состоянием взгляда на эволюцию в экономике, технологических

---

[243] Dopfer K. Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // Journal of Economic Issues. 1991. Vol. 25. № 2.

[244] Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.

[245] На существование данного направления указывают Н. Флигстин и Р. Филанд. См.: Fligstein N., Feeland R. Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21, P. 21-43

[246] Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. Т. 2. Вып. 4. 1994.

или природных системах. Тип эволюции, особенности ее структуры и формы проявляются во взаимодействии между отбором и инновацией.

Необходимо отметить, что фундаментальной единицей анализа в традиционной эволюционной экономике выступает не популяция и не индивидуум, а то, что могло бы быть широко описано как информация в той или иной форме. Общей для любой эволюционной системы является идея развития информации во времени. Популяции фирм, рутины, управление есть способы распространения этой информации, формирующей основу успеха или неудачи того или иного экономического действия. Также необходимо учитывать, что социальная эволюция осуществляется через передачу навыков и информации не от одних только биологических родителей индивида, но и от несметного числа его предков[247].

Эволюционная экономика основывается на принципах изменения, отбора и наследования, а также на объяснении процесса наблюдаемых изменений в системе взаимодействием этих трех характеристик. Другими словами, если система допускает разнообразие этих элементов, то сохраняются только те из них, которые наилучшим образом соответствуют окружению, поскольку отбираются согласно этому критерию[248]. Понятие наследования употребляется в том смысле, что те элементы, которые выживают, продолжают проявлять свои положительные свойства в следующем периоде времени (между тем как свойства, принадлежащие не выжившим элементам, вымирают вместе с ними).[249] Это характеризует перенос смысла старой идеи Г. Спенсера[250] «выживания самого приспособленного» на экономическую теорию. Поэтому самым распространенным в экономической научной литературе является отбор наиболее эффективных фирм и форм хозяйствования в процессе конкуренции на продуктовых рынках. Некоторые фирмы выживают, а другие умирают, это зависит от прибыли, связанной с индивидуальной стратегией. Если давление отбора достаточно высоко, то выживут только самые эффективные или лучше всего приспособленные к данным институциональным ус-

---

[247] Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992, с.47

[248] Powell J. H., Wakeley T. M. Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach, Journal of Business Research. 2003. Vol. 56. № 2.

[249] Данная точка зрения разделяется не всеми представителями эволюционной экономики и берет свое начало с широко известной работы Армена Алчиана. См.: Alchian A.A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. № 3

[250] Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 1. Минск, 1998, с.388-465

ловиям ведения хозяйственной деятельности. Выжившие фирмы, следовательно, действуют эффективно, даже если выбор стратегии не совсем хорошо обдуман. Однако такая точка зрения является примером трюизма о том, что выжившее фирмы наиболее эффективны, так как эффективные выживают[251]. Здесь необходимо обратить внимание на тавтологичность основного принципа Дарвинизма «выживание наиболее выживаемых (или приспособленных)». На этот факт указывали как первые критики дарвинизма, так и создатели синтетической теории эволюции К.Х. Уоддингтон, Р. Фишер, Дж. Б.С. Холдейн, Г.Г. Симпсон[252].

Согласно конвергентному с неоклассикой подходу к исследованию экономической эволюции в условиях конкуренции, преимущества получают фирмы, реализующие принцип максимизации в своих рыночных взаимодействиях, что позволяет им успешно проходить эволюционный отбор и вытеснять фирмы, характеризующиеся отличными от них поведенческими предпосылками и рутинами. Следовательно, будут отбираться технологии, рутины и институты, наиболее благоприятствующие реализации принципа максимизации прибыли, снижающие трансакционные издержки. Однако в рамках новейших направлений эволюционной экономики данное положение не всегда выполнимо, вследствие чего может происходить отбор и сравнительно неэффективных институциональных структур.

Напротив, согласно неоэволюционной парадигме, вследствие зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence) могут отбираться и быть устойчивыми неоптимальные варианты технологического институционального развития. Зависимость от предшествующей траектории развития является феноменом, объясняющим, почему настоящие акты выбора агентов ***могут*** зависеть от актов выбора, сделанных ранее (случайных, незначительных исторических событий и т.д.). Для анализа в рамках данной концепции важна сама последовательность исторических событий и те институциональные рамки, в которых предыдущие акты выбора, и соответственно, отбора производились. Чем дальше развивается система, в случаях, когда наблюдается феномен «path dependence» (а он, конечно, существует не всегда), тем

---

[251] Knudsen T. Economic selection theory // Journal of Evolutionary Economics. 2002. Vol.12. № 4, p.446

[252] Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005, с.62

сильнее прошлые акты выбора влияют на настоящие. После прохождения некоторой границы процесс становится необратимым, т.е. альтернативные акты выбора становятся невозможными (по Б. Артуру, в условиях возрастающей отдачи[253]). Наступает эффект блокировки, т.е. система замыкается на исторически определенных альтернативах актов выбора.

Отбор институтов может зависеть от типа взаимодействий экономических субъектов, которые детерминируют образование института. Эти типы взаимодействий зависят от исторического контекста культурных и иных институциональных особенностей развития того или иного хозяйственного порядка. Следовательно, отбор институтов осуществляется по критерию соответствия текущих взаимодействий с прошлыми, что зависит от качества социального капитала. Это определяет формирование и отбор неэффективных институтов и технологий, которые, будучи сравнительно неэффективными (согласно концепции эффективности рыночного процесса), закрепляются, соответствуя предыдущим взаимодействиям, сформировавшим настоящие институциональные структуры. Это означает, что тип взаимодействий экономических субъектов закрепляется в «исторической памяти» (функционировании) института и определяет его эволюцию.

В результате рыночного отбора информационные сигналы приобретают те свойства, которые были заданы начальным распределением информации; начальные условия зависят от социальных институциональных рамок, а также от познавательных возможностей индивидов, последние же, в свою очередь, зависят от качества человеческого и социального капитала. Такой отбор приведет к результатам, не поддающимся точному прогнозу, но в направлении, заданном первоначальными информационно-институциональными рамками, что отражает информационную природу институтов. Здесь необходимо отметить, что начальные институциональные условия формируются спонтанно, часто под воздействием незначительных (с точки зрения современников) или даже случайных факторов. В этом случае, как обосновано выше, полезно применение методологии неоэволюционной экономики, в частности, зависимости от предшествующей траектории развития.[254] Как показал ведущий представитель этого исследователь-

---

[253] Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.

[254] Основные положения данной концепции содержатся в работах: Arthur W.B. Increasing

ского направления Б. Артур, незначительные исторические события не могут быть опущены или усреднены в долгосрочном процессе, так как они могут предопределить наступление того или иного последствия[255]. Эти исторические события и есть первоначальные институциональные ограничения, которые вследствие инертности политических, технологических и институциональных структур могут, в зависимости от различных факторов, приводить систему к ситуации расширения или свертывания обменов.

Также необходимо учитывать, что сами по себе институты – как правила и механизмы, обеспечивающие их выполнение, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми[256] – только тогда имеют значение в исторической эволюции хозяйственных порядков, когда их сигналам следуют значительные количества индивидуумов, включенных в социальные экономические отношения. Поэтому именно группы интересов являются теми инноваторами, которые инициируют создание новых институтов и поддерживают функционирование уже существующих. Следовательно, можно сделать вывод, что устойчивое воспроизводство групп интересов позволяет поддерживать и развивать институты того или иного хозяйственного порядка.

Функционирование того или иного института связано с текущими взаимодействиями экономических акторов: организаций, групп специальных интересов и индивидов. Эти взаимодействия могут быть направлены на изменение существующих институциональных ограничений. Как уже отмечалось, технологические и институциональные изменения необязательно приводят к возникновению эффективных институтов и технологий.

В процессе отбора институтов важнейшую роль играют устойчивые группы интересов. Причем такие группы могут преследовать как узкие (специальные), так и всеохватывающие интересы. В экономической теории возникновение и развитие теории групп специальных интересов связано, в первую очередь, с именем М. Олсона[257]. Им разработаны основные положения теории кол-

---

Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor, 1994; David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

[255] Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.

[256] Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2, с.73

[257] Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998; Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

лективных действий и показаны направления ее применения для анализа проблем, входящих в сферу современной экономической теории.

Под группами специальных интересов обычно понимают совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов, и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага. Группы с особыми интересами могут создавать структуры для лоббирования политических и экономических решений и нормативных актов, олигархические и монополистические структуры, а также участвовать в перераспределении.

Группы с особыми интересами замедляют экономический рост, снижая скорость перераспределения ресурсов между сферами деятельности или отраслями в ответ на появление новых технологий или условий. Один из очевидных способов, которым они добиваются этого, – лоббирование помощи для выхода из затруднительного положения фирм, потерпевших фиаско, что приводит к отсрочкам и затрудняет перемещение ресурсов в те сферы деятельности, где они имели бы большую продуктивность. Другие способы замедления скорости перераспределения ресурсов, возможно, не столь очевидны. Пусть, например, по какой-то причине значительно возрос спрос на труд в отрасли или по профессии, в которой он контролируется единым профсоюзом или профессиональной ассоциацией. Картелированная организация способна из-за сдвига спроса потребовать более высокой оплаты, а новая, более высокая монопольная цена снизит количество труда, используемого в переживающем подъем секторе, снижая тем самым рост и эффективность экономики[258].

Для того чтобы группа со специальными интересами включилась в производство какого-либо коллективного блага, необходимо наличие избирательных стимулов. Избирательные стимулы – это стимулы, которые применяются к индивидуумам избирательно в зависимости от того, вносят они вклад в обеспечение коллективным благом или нет[259]. Социальные избирательные стимулы могут быть сильными и слабыми, но доступны они только в определенных ситуациях. Обычно они малоприменимы для больших

---

[258] Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 2, p.22-27

[259] Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998, с.44

групп, за исключением тех случаев, когда большие группы могут быть союзом малых групп, способных к социальному взаимодействию. Внедрение институциональной инновации группой специальных интересов, той или иной политической элитой, олигархами почти всегда предполагает получение каких-либо выгод и осуществляется с этой целью. Часто эти выгоды связаны с процессами распределения собственности. Поэтому институт власти-собственности является логическим результатом или даже индикатором действия узких групп специальных интересов.

Часто в институциональной и эволюционной экономике единицами анализа, с которыми ассоциируются изменения в экономических системах и порядках, наряду с информацией признаются институты или рутины. Здесь уместны биологические аналогии, согласно которым рутины и институты выполняют в экономике роль генов, передавая информацию в ходе эволюционного развития[260]. Однако институты непосредственно не участвуют в процессе отбора. Отбираются группы интересов, включенные в действие того или иного института. Необходимо отметить, что такие группы могут выражать как узкие, так и всеохватывающие общественные интересы, и каждая из таких групп может поддерживать формирование и функционирование нескольких институтов.

Для иллюстрации отбора институтов с учетом формирования групп интересов можно использовать аналогию модели «бутылочного горлышка» из эволюционной биологии. Если экономическую эволюцию трактовать как процесс роста многообразия, сложности и продуктивности экономики за счет периодически происходящей смены технологий, продуктов, организаций и институтов[261], то модель «бутылочного горлышка» дает релевантное объяснение смены одного экономического порядка другим[262].

В биологии «эффект бутылочного горлышка» и «эффект основателя» используются как частные случаи более общей проблемы «дрейфа генов». Если провести аналогию между дрейфом генов в биологии и процессами в социальной и экономической жизни, то

---

[260] Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.

[261] Маевский В.И. Эволюционная экономическая теория и некоторые проблемы современной российской экономики // Вестник молодых ученых. Сер. Экономические науки. 2001. № 2, с.9

[262] Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005, с.185-204

аналогом будут масштабные институциональные изменения. Согласно эффекту «бутылочного горлышка» (т.е. очень маленькой популяции), можно наиболее вероятно идентифицировать возникновение нового вида, когда мутация закрепляется с течением времени в поколениях. Малые популяции являются более вероятными кандидатами на микроэволюцию и видообразование, чем большие, потому что в больших популяциях редко какая мутация просто так закрепляется. Иными словами – если вид процветает, имеет много особей и размножается хорошо, то ему, чтобы «эволюционировать», нужно гораздо больше времени (миллионы поколений), чем виду, которого мало и которому плохо живется (так как требуется гораздо меньше поколений)[263]. Те признаки, которые были присущи малой популяции (в момент прохождения точки «бутылочного горлышка», с большей вероятностью будут мультиплицированы в последующем развитии популяции. Возникающие многочисленные популяции воспроизводят генетическую структуру их основателей. Это явление американский зоолог Э. Майр, один из основоположников синтетической теории эволюции, назвал «эффектом основателя»[264]. На рисунке 1 «эффект бутылочного горлышка» изображен применительно к социальным изменениям; следовательно, ось ординат отображает *n* количество групп интересов, включенных в действие того или иного института, а ось абсцисс *t* – время.

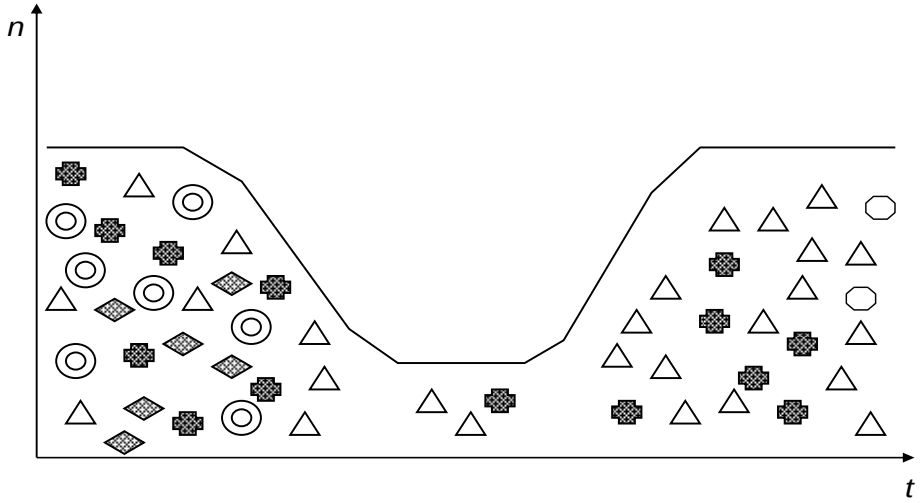

Рисунок 1. Эффект бутылочного горлышка

[263] Айала Ф., Кайгер Дж. Современная генетика. Т. 3. М., 1988, с.128
[264] Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968; Mayr E. Toward a New Philosophy of Biology: Observations of an Evolutionist. Cambridge, 1988.

Момент радикальной трансформации того или иного экономического порядка приводит к так называемому трансформационному кризису[265]. Во время этого кризиса резко сокращается количество обменов в экономике и происходит деинституционализация и, следовательно, разрушение старых групп специальных интересов. Следовательно, момент перехода от одного экономического порядка к другому аналогичен «эффекту бутылочного горлышка» в биологии и, таким образом, может быть назван так же при описании экономических процессов. Именно институты, которые остаются от старого порядка и первыми создаются (или импортируются) для нового, т.е. существуют в начальный момент развития новой экономической системы, и приобретают особое значение для дальнейшего развития этой системы. Здесь вступает в действие «эффект основателя». Следовательно, очень трудно изменить вектор экономического развития системы, только что прошедшей через «бутылочное горлышко» кризисной трансформации. Если набор институтов вследствие случайных или незначительных[266] исторических событий оказался сравнительно неэффективным, то система будет воспроизводить эти неэффективные состояния до тех пор, пока не возникнет новая ситуация, которая может быть отнесена к «эффекту бутылочного горлышка».

Именно в процессе прохождения через кризис, характеризующийся «бутылочным горлышком», проходит разрушение, в первую очередь, старых групп специальных интересов, что согласуется с подходом М. Олсона[267]. Фактически, в такие исторические моменты национальный хозяйственный порядок может быть кардинально преобразован или даже заменен на новый вследствие импорта или трансплантации институтов[268]. Однако полная смена социального и хозяйственного порядка будет маловероятной из-за существующего в обществе социального капитала, определяющего фундаментальные социальные связи, а также связанного с нацио-

---

[265] Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М., 2000, с.31-54

[266] Артур Б. определяет незначительные исторические события как события, которые обычно не берутся наблюдателем в расчет, т.е. не включаются в стандартный анализ как условия, обладающие способностью влиять на что-либо. См.: Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.

[267] Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.

[268] Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М., 2000.

нальными ментальными и поведенческими моделями. Оставшиеся после прохождения «бутылочного горлышка» группы интересов будут инициировать сохранение старых и формирование новых институтов, в сферу действия которых они включены. Именно в зависимости от выгодности для тех или иных групп и будут формироваться эффективные, субоптимальные и вовсе неэффективные институты[269]. От качества социального капитала будет зависеть и состав и разновидность групп интересов – это могут быть узкие группы со специальными интересами или группы со всеохватывающими интересами[270]. Доминирование групп с узкими специальными интересами в большинстве случаев будет приводить к созданию субоптимальных и неэффективных институтов.

В момент прохождения «бутылочного горлышка» и в ближайшие временные интервалы возможность «институциональных мутаций» будет более вероятна. В это время создается большинство социальных, в том числе и экономических институтов, которые будут определять тип и качество хозяйственного порядка до прохождения системы к новой точке системного кризиса.

Созданные институты включаются в процесс отбора, который может происходить на институциональном рынке. При отборе вновь созданных институтов важно учитывать два фактора: зависимость от предшествующей траектории развития [58] (path dependence) и экзаптацию (exaptation) институтов[271].

Как уже отмечалось, формирование хозяйственного порядка осуществляется при участии государства. Именно государство выступает организующим элементом институциональной структуры (institutional arrangement) или институциональной среды (institutional environment).[272] Но действия государства во многом зависят от доминирующих во властных структурах групп специальных интересов. Таким образом, государство является основным институциональным инноватором, который создает и поддерживает институциональную структуру того или иного хозяйственного порядка.

---

[269] Вольчик В.В. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов-на-Дону, 2004.

[270] Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 2, p.22-27

[271] Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394; Mokyr J. Evolutionary phenomena in technological change // Technological innovation as an evolutionary process. Ziman J. (ed). Cambridge, 2000.

[272] О.Уильямсон использует оба термина. См.: Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996

В исторических рамках российского хозяйственного порядка неоднократно осуществлялись внедрение и импорт институтов, что происходило в результате трансформационного кризиса, описываемого моделью бутылочного горлышка. Мы хотим акцентировать внимание лишь на одной институциональной инновации, связанной с институциональным импортом – институте власти-собственности.

Объяснение устойчивости института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка можно дать на основании гипотезы о зависимости от предшествующей траектории развития. Институт власти-собственности не одну сотню лет доминирует в российской экономике. Более того, именно доминирование института власти-собственности во многом является важнейшей характеристикой российского хозяйственного порядка. Причем этот институт эксплицитно является неэффективным по сравнению с абсолютной частной или индивидуализированной собственностью. Формирование институтов собственности в России можно считать исторически обусловленным процессом, который не укладывается в модель традиционной эволюционной экономики, предусматривающей развитие экономических институтов от менее эффективных к более эффективным. Если учитывать последовательность исторических событий с позиций неоэволюционной экономики, то можно выделить примеры зависимых от предшествующего пути развития событий, а также эффекта блокировки, закрепляющего неэффективные и субоптимальные экономические институты[273]. Однако в научной литературе присутствуют альтернативные точки зрения. Согласно С. Кирдиной, формирование институтов собственности имеет естественно-исторический характер. Условиями выбора тех или иных форм является реализация принципа экономической эффективности. Следовательно, чем эффективнее – по критерию снижения издержек и повышению результатов – будет санкционированная обществом структура прав собственности, тем более велика вероятность ее закрепления[274]. Относительно эволюции института российской собственности мы сталкиваемся с эволюцией наоборот – долгое время существовал неэффективный институт «верховной условной собственности»[275]

---

[273] Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.
[274] Кирдина С.Г. X- и Y- экономики: Институциональный анализ. М., 2004, с.114-115
[275] Кирдина С.Г. Указ.соч.

(или власти-собственности), который на протяжении столетий так и не эволюционировал в более эффективный институт абсолютной частной (индивидуализированной) собственности[276].

Механизм действия института власти-собственности не является уникальным для российской экономики. В Западной Европе в раннее средневековье также наблюдался феномен единства политической и экономической сфер, который опирался на институт власти-собственности[277]. Однако развитие собственности в России значительно отличалось от классического феодализма. В классическом феодализме собственность, преимущественно земельная, рассматривалась двояко: она давала владельцу определенные права и накладывала на него соответствующие обязанности. Элита исполняла обязанности вассальной верности и военной службы, а крестьяне несли трудовые, а иногда и военные повинности. Постепенно в Западной Европе с исчезновением обязанностей военной службы и ослаблением уз личной верности обладание собственностью стало рассматриваться как абсолютное право, с которым могут быть связаны лишь договорные обязанности. Распространение римского права еще более укрепило этот подход, и обычное право, например, в Англии, тоже стало признавать за собственностью абсолютный характер[278]. И главное, эволюция отношений собственности не привела к формированию абсолютного права собственности, как это было в большинстве европейских стран.

Власть-собственность возникает в условиях, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии[279]. Монополизация должностных функций для большинства стран Европы была характерна до XII века. Также подобные способы монополизации связываются с экономико-институциональной организацией стран Востока, причем как относящихся к периоду средневековья, так и к временам нового времени. Например, в истории Китая были периоды, когда прави-

---

[276] Вольчик В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // Историко-экономические исследования. 2005. Т. 6. № 2.
[277] Розенберг Н., Бирдцел-мл. Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск, 1995, с.43-50
[278] Кёнингсбергер Г.Г. Средневековая Европа 400-1500 годы. М., 2001, с.283
[279] Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6, с.12

тели поощряли развитие торговли, но чаще правители устанавливали контроль над правами собственности и занимались конфискацией[280]. На Западе состояния создаются на рынках и затем используются, чтобы купить власть или воздействовать не нее. На Востоке власть захватывают и используют для того, чтобы делать деньги. С точки зрения морали разницы здесь нет, но воздействие на экономику и на государственное устройство очень различно[281]. Поэтому формирование института власти-собственности часто связывают с длительным господством властных институтов Золотой Орды. Историками права отмечается, что после татаро-монгольского нашествия в России устанавливается монгольское государственное право, согласно которому вся вообще земля, находящаяся в пределах владычества хана, была его собственностью[282].

Институт власти-собственности показывает свою относительную эффективность в периоды мобилизационного, нестабильного[283] развития общества, ведения войн и расширения территории государства. Однако в более спокойные периоды функционирование института власти-собственности не приводит к формированию стимулов к накоплению и инвестированию в объекты собственности, которые возникают при абсолютной частной (индивидуализированной) собственности.

Если эволюционное формирование института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка описывается моделью зависимости от предшествующей траектории развития, то можно найти те исторические события, которые позволили данному институту закрепиться (lock in) благодаря возрастающей отдаче от масштаба. Таким историческим отрезком можно считать время царствования Ивана IV Грозного. Необходимо отметить, что в XVI веке институт власти-собственности лишь окончательно закрепился, но начал формироваться он несколькими веками раньше. Данному институту в то время существовали альтернативы даже в рамках российского хозяйства, например, новгородская модель собственности в XIII–XV вв.

---

[280] North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981.

[281] Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М., 2003, с.67

[282] Неволин К.А. История российских гражданских законов // Неволин К.А. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1858, с.136

[283] О стабильных и нестабильных состояниях российской модели государственного управления см.: [39].

В российской истории можно найти пример одновременного существования различных институциональных режимов собственности. В начале XV в. сформировались две модели собственности на землю как доминантный для того время хозяйственный актив, которые нами различаются: новгородская и московская. Московская модель характеризуется вотчинным землевладением, которое послужило в дальнейшем основой формирования института власти-собственности. Новгородская модель, напротив, отличается либеральным характером, фактически абсолютным правом собственности и многосубъектностью землевладения[284]. Относительно перспектив институционального развития экономики новгородская модель была, конечно, более предпочтительной.

В рамках новгородской модели важнейший актив того времени, земельная собственность, мог принадлежать следующим категориям граждан: боярам, монастырям, житьим людям и земцам (или своеземцам), причем последние две категории собственников фактически отсутствовали в московской модели землевладения.

Важной особенностью новгородского землевладения был класс крестьян-собственников, которые назывались земцами или своеземцами. Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных землях. Своеземцы меняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали в приданное за дочерьми; даже женщины, вдовы и сестры являлись владелицами и совладелицами таких земель. В отличие от княжеской Руси, в Новгородской и Псковской земле право земельной собственности не было привилегией высшего служилого или правительственного класса; оно было усвоено и другими классами свободного населения[285]. С последующим доминированием московского варианта вотчинного землевладения крестьяне постепенно теряют свои земли. Земля сосредоточивается в руках крупных землевладельцев, духовных и светских, а с землей переходит к ним власть; сила покоится на богатстве[286]. Потребовалось почти четыре столетия, чтобы класс крестьян-собственников снова возник в Российской империи. Но, как показывает история, влияние этого класса было невелико, что является одной из причин российских революций.

---

[284] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1995, с.395-401

[285] Ключевский В.О. Указ.соч., с.400-402

[286] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004, с.51

Эволюция московской модели собственности привела, по выражению Р. Пайпса[287], к формированию вотчинного государства, которое базировалось на институте власти-собственности. Таким образом, власть московских князей, а впоследствии российских царей и императоров, имела характер вотчинной власти, следовательно, они не только управляли страной, но и владели ею[288].

Замыкание российской экономики на институте власти-собственности произошло вследствие возрастающей отдачи от внедрения данного института, т.к., согласно подходу Б. Артура, в случае возрастающей отдачи возникновение эффекта блокировки и закрепление субоптимальных институтов возможно с высокой вероятностью. Поскольку московская армия комплектовалась воинами, получавшими служебные имения, то вотчинно-помещичья система давала растущий эффект от масштаба: чем больше земель присоединяла Москва, тем многочисленнее была ее профессиональная армия. Бояре и помещики присоединяемых княжеств либо изъявляли покорность Москве и вливались в ее армию, либо, если они успели зарекомендовать себя противниками Москвы, подвергались репрессиям, а их земли раздавали лояльным к новой власти воинам[289].

Вотчинная форма землевладения, характерная для московской модели, не позволяла формироваться устойчивым группам интересов, которые были бы заинтересованы и имели возможности внедрить институциональные инновации, способствующие индивидуализации собственности. Блокировка на институте власти-собственности объясняется не только зависимостью от предшествующего пути развития, но и тем фактом, что такая система собственности, служа интересам государства (в лице верховной власти), не позволяла сформироваться устойчивым группам интересов, заинтересованных в иных институциональных альтернативах. Устойчивость и экспансия государства сочеталась в этой модели с нестабильность и условностью прав собственности (в основном, собственности на землю).

Согласно современным работам российских историков, поместная система землепользования была заимствована у Османской империи. Таким образом произошел институциональный импорт,

---

[287] Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000.
[288] Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004, с.17
[289] Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 4, с.117-118

который позволял верховной власти осуществлять как внешнюю, так и внутреннюю экспансию, что согласуется с гипотезой о возрастающей отдаче института власти-собственности. Более того, реформы, в результате которых окончательно сформировался устойчивый институт власти-собственности, были сознательным импортом норм иного хозяйственного порядка. Известно, что Иван Грозный в целом следовал определенному проекту преобразований; также известен человек, предложивший этот проект. Этого человека звали Иван Пересветов. 8 сентября 1549 года в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил царю челобитную с проектом реформ. Иван Пересветов был русским дворянином из Литвы, многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки и советовал царю брать пример с Турции[290].

Схожесть российских политических институтов с османскими отмечали и иностранные современники. Так, посланник английской королевы Елизаветы I Джон Флетчер отмечал, что образ правления у русских весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических[291]. К XVI веку поместная система существовала в двух странах: в России и в Османской империи (в Турции поместье называлось тимаром, а помещик – тимариотом или сипахи).

В XVI в. институт власти-собственности, выросший из поместной системы землевладения, видимо, не был абсолютно неэффективным и позволял создать крупное централизованное государство. Поэтому эволюция российского института собственности воспроизводит власть-собственность, которая наблюдается на всех этапах истории, например, в рамках социалистического хозяйства[292], изменяясь и приспосабливаясь к трансформирующимся политическим институтам. Доминирование института власти-собственности приводит к тому, что обладание значительным богатством напрямую зависит от отношений субъектов собственности с действующей властью. Однако Ф. Хайек отмечал: «общество,

---

[290] Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11.

[291] Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002, с.40

[292] Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

в котором власть сосредоточена в руках богатых, существенно отличается от общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках находится власть»[293]. Таким образом, формирование эффективной институциональной структуры российского хозяйственного порядка во многом зависит от того, как будут эволюционировать институты собственности, а также от преодоления инерции власти-собственности.

Доминирование и закрепление института власти-собственности вследствие зависимости от предшествующего пути развития и эффекта блокировки не позволяет включиться механизмам отбора институтов и сформироваться рынку институтов. Ограничение в сфере институциональной эволюции непосредственно сказывается на показателях благосостояния, человеческого и социального капитала. Необходимо отметить, что в научной литературе существуют две противоположные точки зрения относительно причинной связи между институтами, человеческим капиталом и экономическим ростом. Согласно первой, именно качественные политические и экономические институты детерминируют экономический рост и долгосрочные тенденции роста благосостояния всех групп населения, что положительно отражается на показателях человеческого и социального капиталов[294]. Согласно второй, именно накопленный человеческий и социальный капитал позволяет тому или иному социуму создавать те экономические и политические институты, которые способствуют долгосрочному экономическому росту[295]. Данные две точки зрения на причины формирования эффективных институтов имеют право на существование, так как они акцентируют внимание на различных аспектах внедрения и эволюционного формирования институциональной структуры. Важно учитывать именно эволюционный характер возникновения и развития институтов.

Устойчивость и доминирование условной формы собственности может быть объяснено тем фактом, что в России политическое устройство и специфика социального капитала не позволяла сформироваться группам со всеохватывающими интересами по

---

[293] Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7, с.224

[294] Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. P. Aghion, S.N. Durlauf (eds.). Handbook of Economic Growth. Vol. 1. New York, 2005.

[295] Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. Do Institutions Cause Growth? // NBER Working Paper 10568. June 2004.

М. Олсону[296], которые были бы в состоянии выступить институциональными инноваторами структур способных изменить траекторию институционального развития, замкнутую на институт власти-собственности. Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию рутин технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка.

Институционализация социального капитала приводит к формированию такой институциональной структуры, которая, кроме снижения (повышения) трансакционных издержек, создает стимулы у экономических акторов для участия в хозяйственных процессах. Однако необходимо отметить, что российский институт власти-собственности сформировался в коллективистском обществе, отличительными признаками которого являются соборность и господство общественных интересов над индивидуальными. С большой долей условности можно сказать, что социальный капитал, способствующий формированию института власти-собственности, основывается на коллективизме несвободных людей, в отличие от которого институт абсолютной частной (индивидуализированной), собственности основан на солидарности свободных людей.

Многие социологи и историки отмечают, что особенности институциональной организации общества в России базировались на коллективистском менталитете и мышлении, где индивидуальный интерес и, следовательно, индивидуальные свободы личности не имели безусловной ценности, но без последних формирование и доминирование абсолютной частной собственности невозможно. Так, например, И.Б. Чубайс, отмечает, что на протяжении многих столетий Россия выстраивалась на трех китах, на трех фундаментальных началах - православии, собирании земель, переросшем в имперскую политику и на общинном коллективизме. Это и есть

---

[296] Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998; Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 2; Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association. Washington, DC, 1995. January 6–8.

главные составляющие русской идеи. Отмеченные особенности являются глубинными характеристиками российскости, задающими три ее направления - духовность (в традиционной форме православия), государственную стратегию (собирание земель и охранение собранного) и социально-экономическую ментальность (ориентацию на общинный коллективизм)[297].

Здесь необходимо провести различия между понятиями коллективизма и солидарности, используемыми в данной работе. Под коллективизмом понимается сознательное подчинение личных интересов общественным, а солидарность связывается с общностью интересов и активным содействием чьим-либо действиям. Именно солидарные действия групп интересов, способствовавшие внедрению института абсолютной частной собственности (например, в 1215 г. принуждение баронами Иоанна Безземельного принять Великую Хартию вольностей) позволили внедрить институциональную инновацию, которая в долгосрочном периоде явилась выражением всеохватывающих общественных интересов по М. Олсону. В России, наоборот, коллективистский менталитет и действия власти не позволяли сформироваться группам интересов, заинтересованным и способным к внедрению индивидуализированной собственности. Также необходимо отметить, что российский коллективизм сформировался в ходе длительной эволюции экономического и внеэкономического принуждения. Несколько утрировано В. Кантор отмечет, что хваленый коллективизм и соборность русского народа мгновенно рассыпается в прах, когда нет внешней принудительной силы. Если, разумеется, не считать общиной бандитские шайки[298].

Российский коллективизм является отрицанием свойственной Западу нравственной легитимации частной пользы и выгоды, которой на Руси не было до Петра, но и при нем не появилось тоже[299]. В отечественной традиции частным интересам отводилась производная, вспомогательная, обслуживающая роль – личные интересы должны быть подчинены общественным. В таких условиях институт власти-собственности больше всего подходит для

---

[297] Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10, с.31

[298] Кантор В.К. "...Есть европейская держава". Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997, с.105

[299] Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

реализации «общественного интереса» применительно к хозяйственной жизни.

Если утверждение института власти-собственности в России было связано с условным владением землей, то развитие этого института в XIX веке и начале XX века является отражением объективных процессов индустриализации. Необходимо отметить, что роль государства в процессе индустриализации была ведущей и именно решения государственной власти, например, в строительстве и эксплуатации железных дорог, способствовали созданию и накоплению промышленных капиталов, созданию и распределению объектов промышленности и транспорта.

Во второй половине XIX века и начале XX века в Российской империи наблюдалась тенденция огосударствления многих ключевых для экономики объектов собственности. Государство не только контролировало как собственник значительную долю промышленного производства и природных ресурсов, но и постоянно расширяло свое интервенционистское воздействие на хозяйственные процессы. Процессы индустриального развития повлияли на эволюцию власти-собственности, которая все больше стала распространятся на промышленные предприятия.

В дореволюционной России государство было одним из крупнейших собственников. Более того государственное регулирование способствовало накоплению и перераспределению капиталов в те отрасли и предприятия, собственники которых были так или иначе аффилированы с властными структурами[300]. Динамика государственных расходов в Российской империи направленных на развитие экономики отражает их рост с 45,5% в 1861 г. до 55,2% в 1914 г.[301]. В таблице показана динамика прибыли государства и ее доли в государственном бюджете от государственных имуществ и предприятий. И хотя существует точка зрения, что цифра в 60% доли прибыли в государственном бюджете завышена, однако признается что она была велика. Также необходимо отметить, что государство значительно влияла на экономику путем распределения государственных заказов, которые в отдельных отраслях составляли до 40% от всего объема производства[302].

---

[300] Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов-на-Дону, 1998.

[301] Black C. Transformation of Russian Society. Cambridge (Mass.), 1960, c.217

[302] Лапина С.Н., Делюхина Н.Д. Государственная собственность в России: некоторые

Таблица 1

Прибыль государства от государственных имуществ и предприятий в государственном бюджете[303]

Год	Прибыль государства от государственных предприятий, млн. руб.	Доля данной прибыли в государственном бюджете, %
1877	51,4	8,7
1897	484,8	34,2
1908	1470,8	–
1914	1964,0	Около 60

Государственный контроль над экономикой выражался также в высоких административных барьерах при создании крупных промышленных предприятий в форме акционерных обществ. На протяжении XIX века и вплоть до 1917 года создание промышленных акционерных общества было сопряжено с разрешительным порядком регистрации, которая заканчивалась утверждением устава общества Императором. Следует отметить, что сам устав создаваемого акционерного общества составлялся по выработанным в министерствах образцам и вместе с прошением подавался в заинтересованное ведомство для получения конфирмации императора[304]. В промышленности вообще существовал более строгий порядок открытия новых производств. Этот порядок был связан с обязательной санкцией начальства губернских и уездных городов и округов. Для предприятий, которые не входили в особый список Министерства внутренних дел, согласованный с Министерством финансов порядок регистрации был более сложным и требовал, например, в Санкт-Петербурге санкции градоначальника[305]. Данные правовые институты в начале XX века негативно сказывались на развитии промышленности, но вследствие институциональной инерции власти-собственности не были изменены.

Защита и спецификация прав собственности связаны с трансакционными издержками. Поэтому функционирование современной абсолютной частной (индивидуализированной) собственности связано с наличием соответствующего трансакционного сектора.

исторические уроки // Собственность в России в XX столетии. М., 2001, с.221

[303] Лященко П.И. История народного хозяйства в СССР. Т. 2. М., 1952, с.390

[304] Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000, с.308

[305] Поткина И.В. Указ.соч., с.310-311

Д. Норт подчеркивает, что возникновение политических институтов, определяющих «эффективные» права собственности и обеспечивающих все более надежную защиту этих прав, неизбежно влияет на развитие экономических институтов, способствующих рыночному обмену. В результате издержки осуществления каждой отдельной трансакции сокращаются, но в целом доля трансакционного сектора в ВНП все более возрастает по мере того, как растущая специализация и разделение труда умножают совокупный объем меновых операций. Именно это происходило в США, где оцененный размер трансакционного сектора в 1870 г. составлял около четверти ВВП, а в 1970 г. – почти половину[306]. Наряду с трансакционным сектором в развитых странах с эффективным институтом абсолютной частной (индивидуализированной) собственностью существует большой и дорогостоящий государственный аппарат. Большие затраты на содержание государственного аппарата являются противоположностью ситуации когда низкие зарплаты чиновников компенсируются «кормлением от дел».

Парадоксально, но царская Россия обладала слабой административной сетью. Бюджет административных расходов скрывает под собой, скорее, «повесть о недофинансировании», чем о перерасходе средств[307]. Относительная слабость административной сети России обусловливала и дополнялась произволом лиц, наделенных административной властью на всех уровнях. Незначительное жалование чиновников в царской России компенсировалось «кормлением» с занимаемой ими во властной иерархии должности. Тенденция к превалированию произвола заполняла «вакуум», порождаемый относительной нехваткой администраторов. Эта тенденция была не столько результатом чрезмерного огосударствления, сколько «функцией» от российских территориальных масштабов и связанного с этим «недоуправления», рудименты которого, видимо, сохранились и поныне в современных властных структурах России.

Иллюстрацией слабости административной системы при относительной нехватке администраторов может служить сравнительная численность государственных служащих в России и развитых странах Запада. Как видно из таблицы, относительная численность государственных служащих на 1000 человек населения и

---

[306] Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2, с.78

[307] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004, с.388-390

1000 занятых в современной России ниже, чем в остальных приведенных в таблице экономически развитых странах.

Таблица 2

Численность работников федеральных органов исполнительной власти[308]

Страна	Год	Всего, тыс. человек	На 1000 человек населения	На 1000 занятых
Россия	2002	446,8	3,1	6,8
Великобритания	1999	308,8	5,2	11,3
Канада	2001	160,0	5,1	10,6
США	2001	1050,4	3,7	7,8

В советский период развития Российской экономики функционирование института власти-собственности было единственно возможным, так как собственность на средства производства принадлежала государству. В Конституциях СССР 1936 и 1977 годов декларировалось, что основой экономической системы является социалистическая собственность в двух ее формах – государственной и колхозно-кооперативной. На законодательном уровне устанавливалось, что личная собственность граждан не могла использоваться для получения нетрудовых доходов, а ведение предпринимательской деятельности было уголовно наказуемым преступлением. Таким, образом советская система хозяйствования может быть отнесена к ультравластно-собственнической, где полностью отсутствовала индивидуализированная частная собственность, а следовательно персонифицированное наделение органами власти собственностью. Государство в таких условиях является единственным полноправным субъектом института власти-собственности. Необходимо отметить, что в 70-80-х годах властно-собственнические отношения реализовывались в разрастающимся теневом секторе[309]. Однако, как уже отмечалось, путь к огосудар-

[308] Российский статистический ежегодник - 2004. М., 2004, с.659
[309] Тимофеев Л. Институциональная коррупция. М., 2000.

ствлению экономики был начат задолго до 1917 года. Советская власть лишь реализовала а радикальных формах тенденции, которые формировались веками в традициях эволюционирующего института власти-собственности.

Существовавшие в советское время системы материального поощрения номенклатуры в виде дач, машин, пайков, премий, и других привилегий может быть также отнесена к институту власти-собственности в его социалистической модификации. Также немаловажным фактором способствующим функционированию института власти-собственности является «институциональная коррупция»[310] или «кормление от дел»[311], которые характеризуют ситуацию когда принадлежность к власти открывает большие возможности как для легальных раздач благ, так и для теневых доходов разного рода.

Современное состояние российской экономики позволяет сделать вывод, что в результате трансформационного кризиса институт власти-собственности благополучно сохранился и с некоторыми мутациями продолжает доминировать в хозяйственной жизни[312]. Сложность ситуации с российскими институтами собственности заключается в том, что «благодаря» проводимой экономической политике в самом начале реформ (т.е. «эффекту основателя») возникла ситуация, в которой роль групп со всеохватывающими интересами незначительна (если такие группы вообще существуют), а новорожденный российский капитализм унаследовал «социальный склероз» от советской экономики. В свою очередь, узкие группы специальных интересов сильны, организованы и постоянно эволюционируют. Для того, чтобы в результате институциональных реформ сформировалась эффективная система собственности, необходимы стимулы. Эти стимулы должны соотноситься со всеохватывающими общественными интересами, но роль групп со всеохватывающими интересами в российском обществе незначительна.

---

[310] Термин институциональная коррупция используется Львом Тимофеевым для характеристики всеобъемлющих теневых рынков в Советском Союзе. См.: [45].

[311] Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI-XX вв. М., 2006.

[312] Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. Т. XV. № 3.

Приватизация государственной собственности, проводимая в постсоветский период дает много примеров функционирования власти-собственности[313]. Одной из самых ярких иллюстраций функционирования института власти-собственности можно считать проведение залоговых аукционов в преддверии президентских выборов 1996 г. Многочисленные нарушения тогда действующих законов позволили реализовать принцип наделения собственностью лиц, связанных с властными структурами. Так вопреки статье 12 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1995 год», устанавливающей, что в текущем году при приватизации досрочная продажа закрепленных в федеральной собственности пакетов акций нефтяных компаний, созданных и создаваемых в соответствии с указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, не осуществляется, Госкомимущество России выставило в 1995 г. на инвестиционные конкурсы (торги) и залоговые аукционы пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и других[314]. Фактически произошла классическая для института условной собственности сделка – власть в обмен на собственность, а обладание властью позволило включится в новые процессы перераспределения собственности.

Сформировавшая в результате приватизации 90-х годов XX века структура собственности в российской экономике не является стабильной и может быть подвержена процессам деприватизации и реприватизации. Соответственно, деприватизация будет осуществляться в рамках заданных институтом власти-собственности скорее бюрократическим, чем демократическим путем. Реприватизацию, пользуясь предложенным Р.М. Нуреевым подходом[315], также можно разделить на государственно-бюрократическую и демократическую. В сложившихся институциональных условиях доминировать будет также государственно-бюрократический вари-

---

[313] Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

[314] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М., 2004, с.52

[315] Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/

ант. Формирование демократического варианта как деприватизации, так и реприватизации возможно при формировании мер экономической политики, которые отражают всеохватывающие интересы. Если, наоборот, доминируют узкие группы специальных интересов, то результатом этого является социально-неэффективная политика и бедность[316].

Важным фактическим материалом, характеризующим эволюцию постсоветских власть-собственнических отношений, могут служить процессы, связанные с приватизацией земли сельскохозяйственного назначения бывших совхозов и колхозов. К 1994 году формально все совхозы и колхозы были преобразованы в различные хозяйственные общества (ТОО, АОЗТ, КСП), но они не были собственниками земли. Формально собственность стала принадлежать работникам таких предприятий, которые получили государственные документы о собственности на земельные доли. Но почти десять лет не существовало эффективного прозрачного механизма выделения таких долей в виде конкретных земельных участков. Все сделки с землей (включая аренду) зависели от решений земельных комитетов различного уровня. Более того были сформированы значительные фонды распределения земли, получение земли из которых также зависело от отношений с властью. Сложившийся порядок позволил чиновникам влиять на процесс распределения наиболее ценных земель, а также извлекать из этого административную ренту и самим или аффилированными с ними лицами становится новыми собственниками[317].

Дело даже не в том, что реализация власть-собственнических отношений при приватизации в целом неэффективна, а в том, что по другому, при существующих институциональной структуре хозяйственного порядка и социальном капитале, и быть иначе не могло. Российский хозяйственный порядок пройдя через «бутылочное горлышко» радикальной институциональной трансформации 80-90х годов XX века сохранил институт власти-собственности, который ему традиционно присущ. Более того, этот институт включает в себе признаки, приобретенные в ходе социа-

---

[316] Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 2, p.24

[317] Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М., 2000, с.27-40

листического периода развития. Социальный капитал, основанный на коллективизме несвободных людей не позволяет в ближайшем будущем сформироваться группам со всеохватывающими интересами, в то время как группы узких специальных интересов, заинтересованные в сохранении института власти-собственности сохранились и постоянно эволюционируют и демонстрируют свою устойчивость. Поэтому быстрая трансформация неэффективного института власти-собственности невозможна и в лучшем случае это будет вариантом традиционной для России «экстенсивной модернизации»[318], которая не приводит к существенному улучшению социальных и экономических институтов. Но понимание исторической бесперспективности замыкания на власть-собственнических институтах и социальном капитале может способствовать формированию групп со всеохватывающими интересами, которые включатся в эволюционный процесс создания более эффективных институтов.

При разработке программ реформ, подразумевающих институциональные инновации, необходимо учитывать, что отбор эффективных институциональных альтернатив осуществляется в соответствии не столько с их экономической эффективностью, как устойчивостью[319]. Длительное доминирование института власти-собственности сформировало устойчивые стереотипы хозяйственного поведения, которые, в свою очередь, препятствуют эволюционному развитию институтов, благоприятствующих развитию рынков и конкуренции. Поэтому важно учитывать фактор сложившихся стереотипов поведения хозяйствующих субъектов и действия групп интересов, которые могут в конкретных исторических условиях выступать институциональными инноваторами.

---

[318] Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.
[319] Саймон Г.С. Науки об искусственном. М., 2004.

ПАМЯТЬ РУССКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ, ТРАНСЛЯЦИИ, АКТУАЛИЗАЦИИ

И.И. Глебова

В последние годы существенным образом изменилась тональность политических исследований, посвященных новой России. «Сегодня уже совершенно очевидно, ...что политическое развитие посткоммунистических стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий...», – пишет А.Ю.Мельвиль[320]. Вполне возможна «трансформация одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией «новой автократии»[321]. Похоже, что именно по этой траектории и движется современная Россия. Недостаточность объяснительного потенциала «парадигмы транзита» заставляет политологов обращаться к иным схемам, иным ценностно-концептуальным подходам. Широкое распространение получила, в частности, концепция предопределенности русской жизни ее прошлым[322]. Вероятно, мы подходим к завершению того этапа отечественной истории, когда общество пыталось самоопределиться и идентифицировать свою политическую систему по либерально-западному образцу. В превращенном виде возрождаются прежние страхи, предрассудки, иллюзии, усиливаются мифологизм и утопизм, вообще свойственные отечественной политической культуре.

---

[320] Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. М., 2004. № 2 (79). С.64.

[321] Там же. С.71. Здесь хочется процитировать немецкого исследователя Герхарда Зимона. Еще в начале 90-х он отмечал: с развалом СССР у новых государств, возникших на его месте, появились шансы на демократию и рыночное хозяйство. Однако шансы – это еще не демократия и рыночное хозяйство, а только шансы (Simon G. Entstehung neuer Staaten auf dem Territorium der frьheren Sowjetunion // Russland und Deutschland: Nachborn in Europa. Baden-Baden, 1992. S.13-26).

[322] Вот несколько типичных суждений: вместо перехода к демократии в России происходит «реконфигурация с элементами прежнего режима и плюрализма» (White S. Russia's new politics: The management of a postcommunist society. L., 2001. P.289); ограниченная, верхушечная демократия «органично вписалась в традиционно российский способ правления» (Пантин И.К. В чем же заключается выбор россиян? // Полис. М., 2003. № 6. С.158); «общество в полном смысле слова устремилось в прошлое» (Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. P.117); «Путин усилил традиционализм, начав восстанавливать обвалившееся при Ельцине государство привычного русского типа»; «в ближайшее время нас, скорее всего, ожидает своего рода постсоветский брежневизм» (Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т.8. № 3. С.51, 52).

Одну из причин тому видят в прошлом, истории, накладывающей отпечаток на (в определенном смысле предустанавливающей) настоящее. Действительно, любая политическая система испытывает влияние различных традиций, ценностей, образов мыслей, присущих каждой стране[323]. Наверное, в политической культуре присутствует некая субстанциальная подоснова. Поэтому она обладает «лишь ей присущим «генетическим кодом» и ее бытование во времени в значительной степени предопределено»[324]. Однако как происходит «восстание прошлого» в мире политики, социальной жизни? Действительно ли традиция, как отрефлексированные знания и опыт, транслируемые во времени, определяет собой русскую жизнь, сбивает ее с «правильного» течения? На мой взгляд, это сейчас один из наиболее острых и принципиальных вопросов, не имеющих однозначного ответа и требующих систематического исследования.

В этой работе прослеживается, как происходит трансляция власти в моменты подрыва оснований политической легитимности, угрожающие полным преобразованием условий доступа к власти. Кроме того, на примере партии власти выявляется, как накапливается и используется в актуальных политических практиках исторический опыт власти, пребывающей в состоянии кризиса легитимности. Все это вместе позволяет выявить специфику «памяти» власти, влияющую на характер политического наследования в России.

Роль политического опыта в процессах трансляции власти в России

Важный аспект изучения темпорального бытования политии – характер трансляции верховной власти, интегрирующей и символически обосновывающей (оправдывающей) систему государственной власти вообще. «Каков бы ни был идеологический контекст, – пишет Т.Нобль, – правящая группа всегда озабочена, прежде всего, своим увековечиванием, удержанием собственных привилегий, и, что самое главное, своей продолженностью во власти»[325]. Если поместить тему «продолженности во власти» правящей группы во временнуй контекст, она выступает как составляющая сложной проблемы «продолженности» самой власти (ее трансляции и обес-

---

[323] Aron R. Democratie et totalitarisme. P., 1965. P.92.
[324] Цит. по: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. М., 1996. С.34.
[325] Noble T. Social theory and social change. N.Y., 2000. P.115.

печения ее легитимности). Преемственность власти есть условие не только стабильности элит, но и поддержания динамического равновесия политической системы в целом. Вследствие нарушений «продолженности» появляется напряженность, возникают угрозы кризисов легитимности, ведущих к колебаниям и изменениям оснований властного устройства[326].

Эта проблема имеет особое значение для России с ее «властецентричной» политической культурой – и, тем не менее, она остается на периферии современных исследований[327]. Мы предлагаем для ее изучения подход, в фокусе которого находятся символическая природа власти, символический аспект ее воспроизводства. В качестве аналитического материала привлечены символические системы оправдания господства, лежащие в основании легитимации и определяющие порядок трансляции русской власти. Они составляют конгломерат постоянно рекомбинирующихся смыслов, одновременно формирующих восприятие власти, отношение к ней граждан и формируемых ими[328]. С трансформацией легитимирующих (и способствующих властному воспроизводству) символических систем изменяются престиж власти, ее общественное восприятие.

Борьба за «продолженность во власти» предполагает (в том числе) апелляцию правящей группы к управляемым (актуализацию коммуникации «власть»–«народ»), завоевание их доверия, эксплуатацию веры в идеальную власть – а значит, использование символического ресурса. Известная гармония или, напротив, конфликт общества с властью во многом объясняются гармонией или конфликтом доминирующих систем значений–смыслов, опреде-

---

[326] Здесь мы исходим из следующей теоретической посылки: один из источников социальных изменений (и связанной с ними дезорганизации) заключен в напряженности между организационными и легитимизационными аспектами социального порядка (См. об этом: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ... С.61-79).

[327] В работах, посвященных политической легитимности, не акцентируется вопрос трансляции власти в его связи с проблемой обеспечения преемственного движения политии во времени. Уточним: под политической легитимностью понимается «признание правомерности политического господства со стороны общества» (Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. Darm. stadt, 1980. S.81).

[328] По мнению одного из самых известных теоретиков немецкой политической науки М.Хеттиха, распространенные в обществе представления о правомерности политического господства, имеют решающее значение для стабильности политической системы; чем выше уровень согласия, отраженный в легитимирующей идее, тем стабильнее эта система. Данное поле исследования охватывается понятием политический консенсус, посредством которого «осуществляется реальная, фактическая легитимация политического господства». Изучение этих представлений, в конечном счете, позволяет понять, «как легитимируется политическое господство и какое самопонимание политического союза проистекает отсюда» (Hattich M. S.28, 57).

ляющих публичный образ власти, со сбалансированным «мнением» социального большинства, налагающего вердикт соответствия или несоответствия власти обобщенным идеальным о ней представлениям (символическому универсуму «русская власть», со временем сложившемуся в обществе и достаточно консервативному[329]). Собственно, тестирование на «соответствие» – «несоответствие» есть своего рода «символический контроль» социума над властью. Совпадение или «рассогласованность» властных самоощущений и ее общественного восприятия свидетельствуют о том, насколько сходятся определенное властью и отводимое ей обществом место в общесоциальном контексте.

Важное измерение проблемы трансляции власти – статус памяти, возможности ее актуализации для поддержания устойчивости властной системы. По точному наблюдению А.В.Дахина, «один из... индикаторов ослабления социально-исторической памяти системы власти – кризисное протекание процесса политического наследования. Когда структуры социально-исторической памяти находятся в активном состоянии, наследование власти протекает без кризисов. Если же кризисом оборачивается каждый акт политического наследования, то это свидетельствует о развитии склеротических явлений. Новая власть как бы «забывает», что было до нее, и ведет свой собственный отсчет политического времени... [Тогда] акт политического наследования влечет за собой «сброс» весомой части политической культуры и политического опыта»[330]. Недопущение властью перерывов в преемственности (кризисов наследования) за счет изменения (или сохранения) символических оснований легитимации и трансляции позволяет характеризовать ее как динамичное и хорошо адаптируемое к внешней среде образование. Изучение же символических значений, апелляция к которым позволяет стабилизировать власть, дает возможность понять (в герменевтическом смысле слова) не только власть, но и общество: ведь это пространство их взаимодействия[331].

---

[329] Так проявляется феномен, на который указывал Г.Зиммель: «Повсюду линия реальности скрыта под покровом социального обобщения» (Зиммель Г. Как возможно общество? // Избранное. М., 1996. Т. 2. С.516). «Социальные обобщения» (роли, о которых пишет Зиммель, а также общепринятые символы, «нормативные» образы) обладают тенденцией к авторитарности, т.е. в определенной степени диктуют членам того или иного сообщества стиль поведения, способ реакций на внешний мир, образ мышления. Или, если быть более точным, задают их параметры.

[330] Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3. С.32.

[331] Здесь обнаруживается связь двух основных измерений феномена политического:

Самодержавие – против «властесмуты»: характер воспроизводства

«Вопрос о закономерной постановке верховной власти» еще В.О.Ключевский называл «старым и коренным вопросом русского государственного порядка»[332]. Обращение к нему позволяет понять, как происходит самопорождение власти, на чем основываются ее претензии на легитимность, как обеспечивается властная стабильность и устойчивость в те моменты, когда легитимность подорвана. Он обостряется и становится болезненным в смутные времена, разрушающие властную преемственность и сам «властепорядок». Для русского самодержавия такими были 1598–1798 гг. Фактически на два столетия, с короткими перерывами, смута поглотила власть. Тогда практически все ее персонификаторы были одновременно самодержцами и самозванцами. В такой ситуации, угрожающей самому ее существованию, верховная власть прибегает к сложным, синтетическим моделям воспроизводства[333].

Избранная – и в этом смысле врйменная – верховная власть в России с момента своего появления (в Смуте конца XVI – начала XVII вв.) базировалась на сложном сочетании противоречивых принципов – договорного, выборного, наследственного. Постепенно она сосредотачивалась на том, что позволяло вернуться к ее естественному состоянию – самодержавию, причем не формальному: стремилась не только называться таковой, но и на деле «государство свое править по своей воле»[334]. Системообразующим (не

субъективных установок по отношению к власти и институтов как «системы правил политического поведения» (эти измерения понятия политического выделяются, например: Berg Schlosser D., Maier H., Stammen Th., Einfьhrung in die Politikwissenschaft. Mьnchen, 1974. S.40).

[332] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С.135.

[333] Вот как описывает их Ключевский: «Под действием политических понятий и потребностей, вызванных Смутой, которые не погасли и по ее прекращении, власть царя получила очень сложную и условную, сделочную конструкцию. Она была двойственна, даже двусмысленна и по своему происхождению, и по составу. Действительным ее источником было соборное избрание, но она выступала под покровом политической фикции наследственного преемства по родству. Она была связана негласным договором с высшим правительственным классом, который правил через Боярскую думу, но публично, перед народом, в официальных актах являлась самодержавной в ...неясном, скорее, титулярном, чем юридическом смысле... Таким образом, власть нового царя составлялась из двух параллельных двусмыслиц: по происхождению она была наследственно-избирательной, по составу – ограниченно-самодержавной» (Там же. Кн. 2. С.195–196).

[334] Странная (с точки зрения обычной логики) «...постановка верховной власти не могла быть окончательной и прочной, – утверждает В.О.Ключевский, – она могла держаться только пока не улеглись противоречивые интересы и отношения, встревоженные и перепутанные Смутой... Постепенно верховная власть упрощалась, разнородные элементы в ее содержании ассимилировались, поглощались одни другими» (Там же. С.196).

единственным, но главным, подчинявшим себе остальные) принципом «постановки» верховной власти являлась династическая преемственность[335]. При этом единственно правильным способом «отправления» верховной власти считалось – и ею самой, и народом – едино- и полновластие[336].

Путь, пройденный в XVII в., наша власть в сходных (не внешне – по существу) обстоятельствах каждый раз проходит заново. С ослаблением «родовой» легитимации (и с прерыванием «династической» преемственности), под давлением «боярства» (аристократического, «привластного» элемента) она обращается к демократическому способу утверждения. Однако использует его, чтобы вернуться к единственно органичному основанию трансляции: от самой себя, власти от власти, кратократическому. При этом ведет себя осторожно, проявляя гибкость и чрезвычайную адаптивность. Стремясь восстановиться во всей полноте, она при необходимости отступает, возобновляя сложные конструкции собственного устройства[337].

Случайностью выглядело в XVIII–XIX вв. петровское нарушение «правильного» (если так можно назвать тот условный порядок, который установили первые Романовы – неустойчивый, достаточно случайный, вариативный) наследования российского пре-

---

[335] Показательно, что первого выборного царя Смутного времени – Бориса Годунова – старались пристроить к «племени» Калиты «всякими способами, юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением». Родственная связь со старой династией делала «природных государей» из Романовых. «Недаром Авраамий Палицын зовет Михаила «избранным от Бога прежде его рождения», а дьяк И.Тимофеев в непрерывной цепи наследственных царей ставил Михаила прямо после Федора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйского, и всех самозванцев» (Там же. С.171, 182-183).

[336] Даже Василий Шуйский, «формально ограничивший свою власть, в официальных актах писался «самодержцем», как титуловались природные московские государи» (Там же. С.171). Второй Романов, Алексей Михайлович, принимал власть по двум «юридическим титулам» – по наследству без завещания и по соборному избранию, это завещание заменившему. При этом собор только подтверждал право наследования, а «закулисная сделка» с боярством, с которым царь жил в «большом ладу», не была возобновлена. Дальше – больше. «В то время как незаметно исчезали следы политических обязательств, под гнетом которых начала действовать новая династия, царь Алексей сделал попытку и Соборное избрание превратить в простой символический обряд» (Там же. С.197). Незадолго до смерти он торжественно объявил народу старшего царевича как наследника престола – этот акт и придал законный вид воцарению Федора Алексеевича (Там же. С.197-198).

[337] В конце XVII в., после смерти Федора Алексеевича, не оставившего прямого наследника, «явочный» способ передачи власти («в присутствии народа с его молчаливого согласия») не удался. Пришлось прибегнуть к «активному избранию», «но в упрощенной, точнее искаженной, форме» (Там же. С.198). Так был избран Петр I – «мимо слабоумного старшего Ивана», а затем (актом «вторичного, революционного выбора») – оба брата «учинились на престол царями». В.О.Ключевский называет все эти метаморфозы «случайным эпизодом в истории Московского государства». Он не мог знать, какое значение обретут эти случайности в будущем.

стола. Реформатор «отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде (и завещание, и соборное избрание), заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя»[338]. Закономерно, что Петр, демиург Нового порядка, пожелал сам определить наследника, способного распорядиться Россией, продолжить его дело. И не смог – вовсе не потому, что не успел. Второго Петра не создала природа; у творцов (как и разрушителей) такого масштаба просто не может быть сопоставимых преемников (участь сына «творца» – быть принесенным в жертву отцовским идее, делу). Не оказалось такового и у Ленина, демиурга иного порядка – его конец в этом смысле подобен петровскому. Вероятно, они сознавали невозможность для себя определить наследника; свидетельство тому – завещания Петра I и Владимира I. Оба фактически отвели все кандидатуры возможных наследников. Петр (внешне) ненамеренно, а Ленин явно с «умыслом» «стравил» их, обрек на борьбу (победить в которой должен был самый беспринципный и беспощадный). То есть оба «создателя», первоисточника русско-советской государственности, спровоцировали новый виток Смуты (во)власти.

После Петра престолом долго правил случай – точнее, его судьба решалась в «придворной смуте» (дворцовым переворотом, придворной интригой)[339]. Тогда императорская власть, временность, случайность которой была понятна всем (и привластным силам, знати, и народу), снова приобрела «очень сложную и условную, сделочную конструкцию». Она устроилась – ненамеренно, «случаем», не копируя «старый обычай» (тем более, что обычая как повторяемого, нерушимого, всем известного и охраняемого порядка, не сложилось) – подобно московскому самодержавию XVII века. Интересно, что правовому урегулированию верховной власти непосредственно предшествовала ее явная (непривычная

---

[338] Там же. С.102. В этом Петр, в общем-то, следовал за отцом, Алексеем Михайловичем. Однако в целом в петровской системе властный порядок определяла ничем и никем не ограниченная государственная воля, персонифицированная в воле государя. Демократический (равно как и аристократический) принцип во внимание не принимался, был вынесен за рамки властной системы.

[339] В.О.Ключевский считал удивительным, что сам преобразователь лишил верховную власть «правомерной постановки», пожертвовав своему «делу» и сыном, и «естественным порядком престолонаследия». «Престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой», политическое следствие этого – «государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро менявшимися хозяевами». Преемники и преемницы Петра – «случайности на русском престоле» (даже те из них, кого назначала на престол в силу петровского закона «предыдущая случайность») (Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С.103, 170). Это придавало верховной власти значение самозванной.

даже для XVIII века) узурпация, прямой захват. Екатерина II – единственная абсолютная случайность на русском троне. Понятно, почему случайно (в том смысле, что отстранил преемника, определенного матерью) наследовавший ей Павел узаконил не носителя, а самое власть.

Павел I ограничил верховную власть изнутри, юридически установив «правильный» порядок ее трансляции. Она из личной воли превращалась в государственное учреждение, руководствовавшееся точным и постоянным законом. Правда, и это не оградило ее совершенно от случайностей. Тем не менее, восстановление династической преемственности способствовало изживанию во власти качеств временщика, самозванческого комплекса. Показательно, что во властном окружении «злых» временщиков XVIII века в XIX-м сменяют временщики «служилые». А.А.Аракчеев, М.Т.Лорис-Меликов, К.П.Победоносцев или Д.Ф.Трепов только казались самостоятельными, полновластными политическими фигурами (диктаторами, как их называли в обществе). В действительности, они были ограничены и ведумы волей монарха. Их роль в самодержавной системе функциональна, хотя и чрезвычайно велика.

Новым испытанием для русской монархии стал переворот конца XIX – начала XX в., в ходе которого неизбежно менялась не только форма, но и сущность правления, характер верховной власти. Внедрение демократического принципа в управление поколебало ее основания, заставило с 1906 г. искать новые способы самоутверждения. Свою ограниченность власть пыталась преодолеть усилением «народно-сакрального» обоснования, подчеркивая в своем образе начала «потустороннее» и «народное». Тогда впервые всерьез обратились к идее «народной монархии»[340]. Проба, проводившаяся по сценарию новой византинизации власти, оказалась неудачной. Может быть, потому, что (внешне) выводила царскую власть за пределы современного ей мира, архаизировала ее. А еще из-за того, что требовала актуализации, интенсификации отношений власти и народа. Однако власть от Бога и от народа не могла самоосуществляться, соприкасаясь с этим народом. Реаль-

---

[340] См.: Уортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 г.: Новые способы репрезентации // «НЛО». 1999. № 38. В этом смысле точным представляется наблюдение Б.Парамонова: «Распутинщина была трагической неудачной попыткой русской монархии обрести национальный стиль. В этой попытке она и сама кончилась, и нацию отдала во власть враждебным силам» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.232).

ная непосредственная связь между ними невозможна – это показало 9 января 1905 г. Их природа предполагает единственный вариант коммуникации – дистанционное управление и дистанционное подчинение. Действительное единение заменяет «прямой контакт» образов, воображаемых «народного самодержавия» и «самодержавного» народа. Эта воображаемая связь – основа идеологии «народной монархии». Тогда, в начале XX в., власть не располагала технологиями, которые позволили бы ей представить эту связь – в информационно-символическом пространстве – реально существующей.

Кризис династической легитимности в тех условиях предрекал (хотя и не предрешал) близкий крах власти. Ответом на него стала «дворцовая смута», «замутившая» общество. Казалось, последнюю точку в ней поставил Николай II, удовлетворивший требования заговорщиков, использовавших массовое движение в Петрограде в качестве рычага давления на власть. Однако своим отречением последний император разрушил ту устойчивую правовую и политическую форму, в которую более чем за столетие отлилась верховная власть[341]. «Измена» правильному порядку воспроизводства власти стала концом самодержавия и началом всеобщей Смуты. Властная субстанция, отделившись от своего носителя, застыла в ожидании нового персонификатора, через которого она смогла бы выразиться. В лице Временного правительства Россия получила «фетиш», призрак власти, не отвечавший ее природе.

Пытаясь удержаться, Февральская революционная власть перепробовала все старые способы, технологии «установления», но не смогла преодолеть (в самоощущении и народном сознании) своей случайности, врйменности, самозванчества. Став властью «захватом», «случаем» (поэтому источником и главным основанием ее легитимности была сама Революция), она перестала быть таковой в результате переворота. Его легкость обусловлена тем, что большевики только внешне, формально брали власть из рук Временного правительства. Ее там давно не было. Революционеры-«ленинцы» сделали «заявку» на овладение сутью, душой, субстанцией власти, «оформив» ее уже в гражданской войне.

---

[341] См. об этом: Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М., 1994. С.148–154.

Советская власть и проблема политического наследования

Как ни парадоксально, «народная власть» воскресила старые, открытые самодержавием, «сделочные» властные конструкции. Вся история советской системы может быть сведена к поиску путей «правильной» трансляции верховной власти. Власть постоянно пыталась примирить разные начала, в ней заложенные, (неожиданно для нее) пробуждавшиеся, восстававшие. Действительным ее источником был захват (прямое насилие), но она выступала под покровом революционно-демократического принципа. Постоянно прибегала к выборам, прикрываясь всенародным одобрением и демонстрируя единство «властенародия»–«народовластия». В ней вечно боролись «самодержавие партии» и самодержавие лица, ее представлявшего, претензии «партийного боярства» на «коллективное руководство» и самодержавные инстинкты. Ограниченный (в смысле возможности удовлетворения народных интересов) характер ее отправления приходил в противоречие с потенциалом и публичным имиджем «власти массы» («властепопуляции»). Она была народно-партийной, ограниченно-самодержавной, наследственно-избирательной и сделочно-договорной.

Советскую власть в течение всей ее истории определяли эти противоречивые принципы. Их невозможно было окончательно примирить, ассимилировать – и тем самым упростить властную конструкцию. Это придавало власти неустойчивость, которую она преодолевала насилием (физическим или информационно-символическим), способствовало сохранению в ней элементов случайности, самозванчества. Поэтому тотальная и всепоглощающая Советская власть воспроизводила себя через «дворцовые смуты», а все ее персонификаторы были законными «монархами» и самозванцами «на троне» в одно и то же время.

Большевики сконструировали партийно-вождистскую и идеологическую преемственность власти: партии – от партии, Вождя (персонализированного воплощения) Партии – от Вождя Партии, Верховного жреца Учения – от Верховного жреца Учения. Власть осенял демократический принцип: «воля партии» символизировала «волю народа», партсъезды – соборы, их решения – соборные избрание и одобрение. Разделение партийной и советской демократии придавало этой конструкции еще бульшую двусмысленность и условность, дробя демократическое начало, увеличивая

значение партийно-демократической легитимации власти в ущерб народно(советско)-демократической[342].

Власть над партией–государством–народом передавалась в соответствии с политическим обычаем – по «наследству» и избранию партийной верхушкой («боярством»-номенклатурой из Президиума ЦК и Политбюро), заменявшему завещание. Этот порядок, определившийся при Сталине, стал признанным прецедентом, но так и не был узаконен. Не утвердился и «персонализированный» принцип трансляции Советской власти – по личному усмотрению «правящего государя». Источником власти в большевистском варианте могла быть только партия, коллективная воля (в определенном смысле партия заменяла династию как учреждение, институт). Правда, материализовалась она чрезвычайно узким кругом «партийных олигархов»[343], выделявших из своей среды одного - чаще всего, «не способнейшего, а удобнейшего». И всегда этот один, побеждавший в кровавой внутрипартийной борьбе или «византийской» номенклатурной игре (формат схватки за власть со временем менялся), становился единственным – по соответствии историческому моменту, народным ожиданиям, властным потребностям. При том, что он был «сделан» человеческими руками, его как бы избирала, назначала для себя власть. Ее избранники в «партийной борьбе» и государственных трудах проявляли гениальный властный инстинкт.

Партийно-советский вождизм: «монархия трудящихся»

С момента утверждения во власти начинался процесс эволюции ее персонификатора из партийного лидера в Вождя, накопления, консолидации в его руках самодержавного потенциала[344].

---

[342] Противоречивость можно было устранить только в случае совпадения партийной и общественной воли, реализации лозунга «народ и партия едины». Т.е. если бы народ и был партией, партия поглотила народ. Без этого сохранялась опасность растворения, поглощения партии народом в критические, кризисные моменты. Эту угрозу партийные «верхи» стремились нейтрализовать путем формализации и символизации демократического принципа и практик (любых выборов, представительных учреждений, органов самоуправления, общественных организаций).

[343] Это партия в партии, «внутренняя партия», если пользоваться терминологией Д.Орвелла. Принцип ее организации схож с устройством современных «элит»: «Номенклатура состоит из взаимоподдерживающих групп, вступающих в союзы или конфликты. Ее можно сравнить с вассально-сюзеренной системой, типичной для феодального общества. Каждый номенклатурный работник имеет своих вассалов, в то же время являясь вассалом вышестоящего руководителя. Больше всего вассалов у генерального секретаря – у него нет сюзерена, но он не может не учитывать желаний своих вассалов» (Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000. С.617).

[344] Вот что пишут об этом М.Геллер и А.Некрич: «...как обычно после прихода к власти

Этого требовала логика русской власти, необходимость соответствовать взглядам на нее народа[345]. Лидер советского государства (как до- и послесоветского) не мог позволить себе сделать достоянием публики ограниченность и «партийность» (в том смысле, в каком «партийна» власть В.Шуйского) своей власти. Здесь всегда была органична идея и практика «народной монархии», а в условиях массового, «демократического» общества актуализировался социальный императив, выражавшийся в программе «надклассовой монархии, монархии трудящихся». Поэтому партийный вождь неизбежно обретал «качество» «народного монарха», олицетворявшего не только (и не столько) партию, но народ, державу. Это был способ обретения и подтверждения Советской властью статуса народной.

Установление «самодержавия» лица, временной «монархии» партийного Вождя (кстати, так оценивали его власть в самой партии – недаром Хрущев говорил о «царстве Сталина»[346]) требовало актуализации «внепартийных», «самодержавных» источников верховной власти, нейтрализации (символической и управленческой – партийно-бюрократическими средствами) сделки с «олигархами», превращения коллектива «руководителей страны» в управленцев, покорных воле первого лица. Избрание генсека партийной верхушкой обязательно подкреплялось актом публичного всенародного одобрения. Эксплуатируя демократический принцип, превращая (на время) «народную волю» в главный источник власти, новый партийный вождь преображался в народного монарха, непосредственно (помимо партии и государственных структур) связанного с народом, выражающего и представляющего общие (а не «узкосословные», «клановые», идеологические) интересы. Необходимостью обеспечения «лицу» (и только через его посредство – всей партии) широкой социальной поддержки были вызваны многие действия претендентов на власть и новых «царей»[347].

нового руководства – оно коллективное... В конце 70-х годов завершился (очередной – *И.Г.*) процесс перехода от «коллективного» к единоличному руководству... Карьера Брежнева, повторяющая в главных чертах карьеры его предшественников – Сталина и Хрущева, позволяет сделать вывод о невозможности для государства советского типа обойтись без Вождя» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.615, 666).

[345] Напомню, с XVII в. стало очевидным: «в выборном царе с ограниченной властью видели партийного государя, орудие боярской олигархии» (Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.194).

[346] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.536.

[347] Вспомните заботу «о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей» первого послесталинского триумвирата (Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов) (См. об этом, например: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.519–

Теми же задачами определялась внутрипартийная политика по консолидации личной власти. Она предполагала избавление от действительных и потенциальных соперников в «верхах», изменение состава руководящих органов (устранение «чужих» и «замещение» их «своими»), что автоматически вело к «перебору людишек» на всех этажах партийно-государственной системы, ее перелицовке под новое первое лицо. Партийный вождь – «народный монарх» замыкал на себе все ветви власти, решение важнейших дипломатических и военных вопросов[348]. Поднявшись над любой другой властью в стране, будучи собственно властью в полном смысле слова, он выступал как социальный координатор и модератор. В этом – залог устойчивости власти (и стабилизации, упорядочивания общества) в русском варианте.

Положение Вождя обеспечивалось также за счет конструирования наследственной легитимности. Придание верховной власти характера наследственной, усиление кратократической легитимности (в том числе, созданием «культа» очередной «личности») символически выводило ее за формально-правовые рамки, снимало с нее всякие ограничения. Наследственная модель строилась на сложном сочетании (псевдо)династического и (псевдо)сакрального: наследование устанавливалось по линии «институциональной» (от партии – как раньше от династии), персональной (от Вождя) и трансцендентной (от веры–идеи – воплощения современной, «по-

527). Осуждение сталинского культа и реабилитационный процесс, инициированные Хрущевым, служили (в том числе) созданию опоры верховной власти в народе – как противовеса ограничительным претензиям партийного «боярства» и гарантии против «дворцовой смуты». В хрущевские времена угроза заговора в высших партийно-бюрократических кругах была особенно велика. (Именно потому, что памятуя о сталинских диктатуре и терроре, партийное «боярство» жаждало спокойствия и гарантий – как когда-то беспартийное после грозненской опричнины.) В процессе десталинизации самой надежной опорой Хрущева служила интеллигенция. Потом другой реформатор, Горбачев пытался найти в ней поддержку и противовес партийно-консервативному давлению. По признанию А.Ципко, одним из мотивов перестройки для Горбачева и его окружения было «желание завоевать популярность в интеллигентской среде» (Завтра лучше, чем вчера?: за «круглым столом» журнала // Мир перемен. 2005. № 1. С.16). Вообще, к «народной воле» не только советская, но и царская власть подходили очень прагматично, по деловому: «говорить от имени всей земли было привычкой московских правительств... Челобитье «всяких чинов людей» сделалось стереотипной формулой, которой хотели оправдать всякое большое правительственное дело» (Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.245).

[348] Так, при Брежневе ключевые посты в партии его люди заняли к концу 70-х. В центральном аппарате – Политбюро и Секретариате ЦК – расположились члены «днепропетровской мафии»; посты на нижних ступенях системы отошли уже к их людям (См.: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 615, 666–667; Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева: Политические этюды. Frankfurt a.M.: Possev, 1980. 2-е изд. С.33-36).

стрелигиозной» «псевдоцерковной», облаченной в научные формы, Истины).

Новый Вождь становился главный наследником – продолжателем дела партии, «отвечающим» за (гарантирующим) торжество Учения, полученного «из рук» Учителя. Для («под») него моделировалась «правильная» очередность наследования. Это предполагало пересмотр земного порядка, обнаружение и разоблачение властных самозванцев[349]. Однако главным обоснованием очередной власти была апелляция к сакральному: ее источником служил родоначальник, демиург, от него (как бы) получал власть истинный вождь[350]. В результате она приобретала характер изначально-предопределенной, власти по природе, данной свыше, а значит, непогрешимой и неограниченной. «Мистическая передача символа власти» в позднесоветские (казалось бы, совершенно не мистические) времена совершилась внешне просто и обыденно[351].

Еще одна необходимая составляющая легитимации Вождя – придание власти народного характера через апелляцию к историческим корням, создание исторической преемственности. «Исто-

---

[349] Показательно, что Хрущев после своего свержения практически сразу был переведен в разряд самозванцев, уподоблен Василию Шуйскому (См.: Кочетов В. Записи военных лет // Октябрь. 1965. № 5. С.97).

[350] Ленину принадлежит особая роль в советской политической культуре. «Точнее, у этой символической личности целый ряд ролей: пророк, герой, учитель, образец, первоисточник власти и др. Все последующие коммунистические вожди (Сталин, Хрущев, Брежнев) черпали свою легитимность именно в Ленине» (Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. М., 1996. С.51). «Каждый… очередной наследник начинает с того, что объявляет самого себя «Лениным сегодня» (Авторханов А. Указ. соч. С.63). Подобную роль выполнял Петр I в политической культуре империи.

[351] «2 марта 1973 года все советские газеты сообщили о том, что Брежнев начал очередную чистку в партии – обмен партийных документов, вручив 1 марта, в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК, партийный билет нового образца за № 00000001 Ленину Владимиру Ильичу. Билет № 2 получил Брежнев Леонид Ильич» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.668). То, что Брежнев был объявлен «ведущим и единственным теоретиком партии», – вполне естественно и закономерно. Партократия, по определению А.Авторханова, – «не только полицейский, но и идеократический режим. Вождь такого режима должен быть одновременно и вероучителем. Это его привилегия и прерогатива» ((Авторханов А. Указ. соч. С.36-38, 170). Немного позже, 21 апреля 1979 года, «по требованию трудящихся» Л.И.Брежневу была присвоена Ленинская премия по литературе: «Верховный Жрец Учения объявлен Хранителем Слова» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.668). И все это совсем не случайно и очень всерьез: и сам акт, который сложно объяснить рационально, и форма – приобщение к «высшей» власти первого лица сопровождалось «очищением», освобождением партии от накопившихся у нее «грехов». И, наконец, объявление монополии на слово, информацию, т.е. на «производство» «священных текстов» и определение апокрифов, «еретических писаний». Кстати, получив партбилет № 2, Брежнев вступил с Лениным в такие же отношения, как Екатерина II с Петром I. Помните надпись на знаменитом памятнике демиургу империи: «Петру I – Екатерина II». Вслед за гениальной (во властно-русском отношении) немкой и Брежнев мог сказать: Владимиру I – Леонид I. Истинной власти – истинная власть, преодолевшая и перечеркнувшая все смуты.

рия занимает в советской идеологии центральное место. Телеологичность идеологии делает историю фактором легитимности, – отмечают М.Геллер и А.Некрич. – История дает легитимность партии и вождям... «Марксистско-ленинская история» объявляется «научной правдой о прошлом»[352]. Партия присвоила себе право быть монопольным держателем исторической, т.е. народной, национальной истины (тем самым преобразовав революционный принцип легитимации – из него изымалось случайное, самозванческое начало). В связи с этим в середине 1930-х годов реабилитируется русский патриотизм, русский национализм.

Власть, воплощенная в партийном вожде, - узурпатор и интернационалист в прошлом, превратилась в подлинного наследника русской истории. Она «...выбирает из русского прошлого то, что нужно: героев, черты, характеры, врагов, которых следует ненавидеть, друзей, которых нужно любить». Сталин (и каждый из его наследников) «выдает народу его прошлое как подарок от себя лично, он выдает его по каплям: сегодня одно имя, завтра другое, послезавтра запрещенный ранее факт»[353]. «Воплощением прогрессивных сил истории становятся герои, вожди – князья и цари»[354]. Власть в разные моменты находила себе подходящих предшественников. По мере необходимости «...генеральный секретарь ЦК ВКП(б) назначал себя Петром, Александром Невским, потом – Иваном Грозным»[355]. Он же определял народное предназначение: «народ – согласно власти – «прогрессивен», когда он поддерживает царя»; даже народные выступления объявлялись реакционными, «если они мешали «прогрессивным действиям князя или царя». Впрочем, в советской истории народ, как правило, «поддерживает царя и выступает вместе с ним против феодалов-реакционеров». Так «схема ортодоксального марксизма о борьбе классов хитроумно увязывается со схемой ортодоксального нацио-

---

[352] Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.286, 289. Об этом писал и Э.Морен: «Партия присвоила Историческую истину. Это присвоение касается не только будущего, которое будет триумфом социализма, но и прошлого. Партия присвоила прошлое не только национальное (эпоху царизма), но философов просвещения, самого Маркса, в зависимости от текущих политический соображений история беспрерывно переписывается, над прошлым осуществляется постоянный полицейский контроль, сопровождаемый чистками и ликвидациями... Как говорит Оруэлл, «кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое...». Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С.60.

[353] Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.289–290.

[354] Там же. С.290.

[355] Там же. С.291.

нализма»[356], с государственными интересами. Это крайнее проявление традиционной для России политизации истории, «служебного», функционального характера прошлого, назначенного к эксплуатации политикой.

«Старение» советской власти / Попытка демократического «омоложения»

Все эти политические, аппаратные, информационно-символические действия легитимировали власть. Со временем они обретали некую устойчивую конфигурацию, а в деле трансляции власти установился (хотя бы внешний) порядок. После смерти Брежнева «впервые в истории КПСС и советского государства сработал принцип преемственности власти»[357]. «Подковерная борьба» – пародия на «дворцовую смуту» – завершилась на следующий день после смерти Брежнева избранием Ю.В.Андропова по предложению его «соперника» (на него указал старый генсек) К.У.Черненко. И именно в тот момент, когда все, наконец, устоялось и упорядочилось, сложившаяся властная конструкция продемонстрировала свою нежизнеспособность, фактически рухнула.

---

[356] Там же. С.290. «Партия/Государство содержит две субстанции в Одной, двойной миф – в Одном: в ней объединяются, взаимопроникая, две Религии – Коммунизма и России, – отмечал Э.Морен, – она несет в себе отныне две Истины – универсальную социалистическую и Истину этно-социо-центрическую – Советской Родины, в которой выражено глубинное единство идей Нации и Коммунизма». Указ. соч. С.87.

[357] «Механизм перехода власти от умершего генерального секретаря к новому был отлажен и действовал, по-видимому, без особых сбоев… Не было разногласий в выборе пути, как то было после смерти Ленина, ни драматической борьбы внутри правящей верхушки с арестами, казнями, использованием вооруженной силы, как это случилось вскоре после смерти Сталина, ни заговора, устранившего еще живого вождя – Хрущева («бескровный переворот» в октябре 1964 года)» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.709). Правда, некоторые странности в процедуре передачи верховной власти все же были. «Объявление о кончине Брежнева было удивительным образом задержано на 24 часа, а объявление о назначении Андропова было удивительным образом ускорено. Москва в этот момент была полностью блокирована войсками, как если бы надо было кого-то защищать или устрашать» (Цит. по: Морен Э. Указ. соч. С.183). Кстати, взгляд Э.Морена на проблему трансляции Советской власти таков: «Единственное, что в советском тоталитаризме не функционирует по четким правилам, это как раз наследование и преемственность высшей власти… При аппаратном коммунизме формальные выборные правила только комуфлируют кооптацию, и вопросы перехода власти регулируются посредством заговоров, сговоров, убийств» (Указ. соч. С.181-182). Этот взгляд столь же верен, сколь точна оценка А.Авторханова – при том, что они кажутся противоречащими друг другу: «Смена личностей, стоящих у власти в СССР, не приводит к смене коммунистического режима именно потому, что существование этого режима зависит не от одной личности, даже такой сильной, как Сталин, или от ряда выдающихся личностей, как при классической олигархии, а от беспрерывно функционирующей структурной системы и ее массовой базы (т.е. первичных ячеек власти). Здесь большевики достигли той степени быстроты и автоматизма безболезненной смены своих правителей, которая свойственна только абсолютным монархиям» (Авторханов А. Указ. соч. С.53).

Внешне это выглядело вполне понятно и даже естественно – как следствие старения партийных лидеров, стремившихся сохранить власть до своего биологического конца. Казалось, выход прост – «старики», «выбывавшее» поколение, должны пропустить к власти «молодых». Однако последующие события показали, что все было гораздо сложнее. Речь шла о биологическом старении системы, порожденной и породившей «стариков», начале какого-то нового цикла в жизни страны. Под влиянием времени, естественных причин формализовались все способы легитимации, основания устройства верховной власти, кроме одного – «закулисная сделка с боярством». Но и она имела, скорее, символический смысл. Дело «избрания» решалось в соответствии с «Табелью о рангах», выслугой лет, дававшей чин в партийной иерархии (это также чем-то напоминает очередной порядок наследования киевских времен). Так (в «очередь», определенную партийно-родовыми счетами) стали генсеками «безнадежные» (в смысле биологическом) Андропов и Черненко. Вкупе с Брежневым они дискредитировали возможности «внутрипартийного воспроизводства» верховной власти в глазах народа. Новое время требовало актуализации демократической легитимации.

К этому и прибег Горбачев. Недостаточность кратократической легитимации он попытался компенсировать демократической. От внутрипартийного «отбора» (подобного выбору с участием Боярской думы, Верховного тайного совета, Сената) Горбачев ушел к «Земскому собору». Апелляция к народу, президентский пост позволяли перейти от «долевой» (ограниченной Политбюро) к полной власти, сузить возможности «дворцовой смуты»[358]. Все это – на фоне демократизации общественной жизни; создание «нового самодержавия», соответствующего вызовам современности, требовало раскрепощения народа. Пересмотр оснований властной легитимации сопровождался «вызовом» партийного Демиурга-Спасителя; Ленин должен был обеспечить непогрешимость власти Вождя. Однако история не отпустила последнему генсеку достаточно времени для укрепления власти на новых основаниях, формирования иной, соответствующей современности, «сделочной»

[358] Однако парадокс ситуации заключался в том, что смута возникла и в тех выборных структурах, что были созданы властью. Ярчайший тому пример – Съезд народных депутатов СССР. Вместо «дворцовой смуты» (точнее, вместе с ней) Горбачев получил смуту народную, общесоциальную.

властной конструкции. Неопределенность положения верховной власти стала одной из причин распада всей системы.

Народно-самодержавный президент: «выборная монархия» нового типа

Сам того не желая, Горбачев помог Ельцину – тот воспользовался его находками, как когда-то Екатерина II эксплуатировала «наследие» низверженного ею Петра III. Новации Горбачева, его разрыв с прошлым, развязали руки Ельцину, и он пошел еще дальше – к всенародному избранию. Выборные правила прихода к власти и ее преемственности – фундамент современной демократической власти, главное ее основание. Но не единственное. В 1990-е годы верховная (президентская) власть обрела какую-то новую неустойчивую, условную конструкцию. Особенный отпечаток накладывает на нее персональное начало: она очень зависима от лица, ее держащего и представляющего; он во многом определяет властный образ. В то же время она основывалась на «старых» (традиционных) началах.

Ельцинская власть балансировала между демократическим и самодержавным (лица – без партии) принципами. В эпоху расцвета «ельцинизма» «всемирное» («всей землей») избрание подкрепляло, обосновывало «самодержавные претензии» областного первого секретаря, не получившего СССР, но отхватившего «кусок поменьше» – Россию. Вынужденный исполнять вторые роли в партии, Ельцин подтвердил свою избранность (прежде всего, самому себе), развалив и партию, и советскую империю. Именно исполнение миссии разрушения, роли Анти-Творца (в ней когда-то выступал и Ленин) позволило этому «народному царю» эпохи «победившей демократии» захватить и удерживать власть.

Разрушив страну, прежнюю жизнь, Ельцин созидал, творил новую власть. Как показывает история, одно из обязательных измерений этой власти – идеологическое. Еще в начале 1990-х гг. западные исследователи указывали: распад СССР, гибель коммунизма означали и потерю идеологической легитимности, что требовало поиска государственностью новой идентичности и иных оснований легитимации. Тогда казалось, что они будут синтезированы из либерально-демократических ценностей и философии русского национального интегрализма, которую образуют две основные компоненты – национально-коммунистическая и националь-

но-религиозная[359]. Немецкий ученый К.Шлегель квалифицировал новые типы политических идеологий, складывавшиеся в России, как весьма опасную комбинаторику советского и западного, современного и архаичного. Он считал их одновременно продуктом распада советского сознания и попыткой ответа на вызовы переломного времени[360]. Некоторые исследователи предрекали утверждение в «новой России» «ретроградных иррациональных идеологий» (возможно, и тоталитарной утопии). Так, А.Игнатов указывал на подъем консервативно-националистического фундаментализма, напрочь отвергающего ценности либеральной демократии и рыночного хозяйства и утверждающего великодержавность и богоносность русского народа[361]. Прогнозы во многом оправдались[362]

Процесс властетворения прошел несколько стадий, в каждую из которых преобладали разные принципы самоутверждения. Едва придя к власти (за счет эксплуатации народной веры не столько в демократию, сколько в саму власть), президент новой демократической России начал создавать модель, казалось бы, полностью отрицавшую идею демократии – государя–народного избранника. Демократический принцип должен был подкреплять, обосновывать самодержавные претензии, т.е. занял функциональное, подчиненное положение в системе властной легитимации. Конструирование (внутренне необходимой самодержавию) псевдодинастической преемственности – в отсутствие династии и партии как учреждения, ее замещающего – требовало обращения к историческим корням русской власти.

Большевистская власть фактически объявлялась самозванной, а демократическая напрямую связывала себя с монархией (не формально-юридически, конечно, а символически). Человек, уничтоживший последнее пристанище самодержцев и самого русского самодержавия – Ипатьевский дом, фактически инициировал реабилитацию Романовых, примирение с имперским прошлым, романтизацию «белой идеи» и эмиграции. В этом смысле гораздо

---

[359] См.: Timmermann H. Was erwartet Europa von Russland // Russland und Deutschland. – Nachbarn in Europa. Baden-Baden, 1992. S.13-36.

[360] Schlцgel K. Das sowjetische Erbe lцst sich in tausend Stьck auf // Politische Studien. Mьnchen, 1992. Jg. 43, N 321. S.4-12.

[361] Ignatow A. Die “russische Idee” in der gegenewдrtigen Diskussion: Die russische Identitдt und die “Neue Ideologien”. Kцln, 1992.

[362] См. об этом: Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2(29). С.6-24.

естественнее выглядит Путин в роли лидера, с которым связано возвращение советского прошлого (заметим: для русской власти не существует категории «прошлое-невозвращенец»; она способна вызвать и эксплуатировать любое воспоминание). Тем самым власть замыкает цепочку наследственной легитимации: от царей – через генеральных секретарей – к президентам.

Был дан шанс и русской церкви – не ради нее самой, но во имя власти. Введение религиозного начала во властную легитимацию придает современной власти характер богоустановленной, традиционной. А также разрывает связь с советской эпохой: большевики дискредитировали идею светского спасения, что делало естественным возвращение к спасению религиозному[363]. «Смычка» с православной церковью – символом державности, традиции – наделяет власть символическим значением инструмента спасения. Эта конструкция вовсе не есть пародия на прошлое или оживление подлинно христианского естества власти (и народа), но явление постхристианской современности. Однако определенная десекуляризация (точнее, дерационализация) властной модели вновь «заколдовывает» верховную власть и порожденный ею политический порядок, наделяя их отчасти даже «магическими» чертами. Надо признать: эта «сакрально-магическая» трансформация президентской власти вполне отвечает особенностям ее восприятия гражданами.

Идеальная модель российского президентства

В ельцинской власти отчасти воплотились идеальные черты самодержавия, позволяющие ему соответствовать современности. Президент (в постсоветской России) выступает единственным гарантом и источником гражданских свобод (интересно, что так представлял себе роль самодержца К.Д.Кавелин), а также арбитром в социально-политической борьбе, конкуренции и конфликтах разных сил. Его назначение – поддерживать равновесие во власти, эффективное развитие политической системы в целом, не связывая себя напрямую с политическими игроками, элитными груп-

[363] И отечественные, и зарубежные исследователи неоднократно отмечали: «ключевое слово русской политической культуры – спасение, как в его религиозном, так и профанном измерении» (См.: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. С.39-42).

пами. Этот идеал – царя (правда, наследственного монарха) как социального модератора – описан еще М.М.Сперанским[364].

Собственно, это традиционное место и назначение власти в русской системе. Такова была роль большевистских вождей – и, прежде всего, Ленина. Он, «будучи председателем Совнаркома, председателем Совета труда и обороны, вождем партии, обладал неограниченной властью и непререкаемым авторитетом, позволявшими ему выступать арбитром, иметь решающий голос во всех спорах. Для сохранения равновесия Ленин нередко поддерживал одну враждующую сторону (в партии, в «споре» партийных и военных руководителей – *И.Г.*) против другой, а затем поддерживал другую против первой»[365]. Более примитивную, силовую модель «внутриэлитного государственного взаимодействия» (по эксплуатационному варианту, воспроизводящему элементы «татарщины» и государственного крепостничества) предложил Сталин. В дальнейшем все советские лидеры тяготели к авторитарно-арбитражному типу влияния. Неустойчивое равновесие «в верхах» нарушил Горбачев. Тем не менее, он и в новом для «элиты» пространстве публичной политики пытался утвердить «арбитражную» модель. В интенции, в замысле такой должна была быть ельцинская власть; так формировался ее образ, «съеденный» затем «семьей», «семибанкирщиной».

Таков образ верховной власти в представлении второго президента России – В.В.Путин обрисовал его в недавней, в декабре 2004 г., встрече с российскими журналистами. Так понимают символическое и политическое назначение президентской власти и наши граждане: «...власть практически не включает ни судебную, ни законодательную ветви. Она не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами... Единственная фигура, как-то удерживающая эту непрочную и нелегитимную конструкцию, – это легитимный президент, с которым и связаны надежды на исправление несправедливостей и наведение порядка»[366]. Непопулярность Ельцина только усилила эти представления, ожидания, спроецированные на его преемника. Мощный заряд надежды «подтянул», возвысил Путина до «идеального прототипа» верховной власти. Ведь только идеальный (в русском вари-

---

[364] См. об этом: Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997. С.86-88.
[365] Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.81.
[366] Образы власти в постсоветской России... С.148-149.

анте – «иконический») президент мог реализовать (т.е. представляться и восприниматься большинством общества в качестве реализатора) «совмещенный» социальный запрос конца 90-х: на реформы («перемены и развитие») и на эффективное государство, порядок и стабильность[367].

Итак, «...вся политическая система... сфокусирована на личности В.Путина»[368] – как раньше Б.Ельцина, М.Горбачева, т.е. в персонализированном моносубъекте. Интересно, что после дефолта 1998 г. «общественное мнение, испуганное ситуацией фактического безвластия, стало все более активно формировать «вектор ожиданий» в направлении альтернативы Б.Ельцину... в составе тогдашней партии власти»[369]. Общество искало альтернативу действующему персонификатору не в самом себе, а в привластной среде, как бы солидаризируясь с властью в понимании властной преемственности: власти от власти. Стоит ли удивляться, что оно приняло политический проект «Ельцин–Путин».

Такое «одиночество» президента таит в себе опасности – не только для самого президента, но и социального порядка. Персонификатор становится адресатом неисполненных надежд, неся ответственность за всю систему. Лишенная базы общественных симпатий, поддержки, лояльности, верховная власть может превратиться лишь в символ, удерживаемый силой инерции. Достаточно толчка, «дворцовой смуты» – и он падет. А вслед за ним – та система, которую он скрепляет, гарантирует, представляет. В этом, вероятно, одна из разгадок русской революции: она происходит, когда нет персонификатора. Он исчезает, (физически или в глазах народа) перестает соответствовать идеальному («иконическому») образу, «наложенной» на него (символической, прежде всего) миссии – вести и «спасать» страну.

---

[367] Изменяющаяся Россия... С.103. Идеализация каждого очередного правителя, его оценка в идеальной проекции суть проявления русской «утопии о «совершенной» (абсолютной во всех смыслах) власти. В этих условиях правители вынуждены не просто управлять, но и соответствовать магическим представлениям о собственных возможностях» (Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904-1921 и 1985-2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. С.97). Больше всего шансов на доверие и любовь – у того, кто “производит впечатление лидера, который существует в воображении масс» (Цит. по: Булдаков В. Указ. соч. С.113). Поэтому особое значение и сейчас имеет «взаимодействие лидеров с людским хаосом – «вождь» становится заложником «разрухи в умах», а затем надежды масс на «чудо власти». Лидер, не оправдавший ожиданий, выбывал» (Цит. по: Булдаков В. Указ. соч. С.114).

[368] См.: Изменяющаяся Россия... С.108-109.

[369] См.: Там же. С.102-103.

«Путинизация» власти: выборно-преемническое самодержавие

Момент торжества ельцинского «выборного самодержавия», на который пришлась церемония захоронения останков царской семьи, неожиданно оказался концом царистских иллюзий Бориса II. Творца новой русской власти подвела природа. По поведению он часто не соответствовал типу и чину самодержца[370], а затем перестал отвечать им «по здоровью». Болезнь заставляла Ельцина сдавать власть; выборы 1996 г. явили народу ее «сделочно-договорное» лицо. Ответом стал рост «антиаристократических» настроений и критики верховной власти. Растрата энергии народной поддержки усугубила ситуацию, заставив власть замкнуться в себе (в Кремле, Подмосковской резиденции, ЦКБ). В отсутствии слаженной бюрократической машины, она могла искать поддержки только у окружения (близких, доверенных лиц). Это, в свою очередь, совершенно лишало ее обоснования в глазах народа. Чтобы избежать «дворцовой смуты» и угрозы «революционного перевыбора», власть прибегла к средству, по западным меркам, антидемократическому – поиску наследника. Эта акция (казалось, не современная, но очень своевременная), усиливавшая кратократическую легитимацию, спасла власть – но не ее персонификатора.

«Путинизация» власти не отменила той конструкции, которую она приобрела при Ельцине. Особое значение для власти и ее понимания народом возымела процедура передачи власти. В ней советский и самодержавный опыт был синтезирован с демократической практикой современности. «Явочный способ» передачи власти – от неспособного править «государя» «наследнику» – предшествовал «активному избранию». Под занавес Ельцин разыграл драму с комедийными, шутовскими «кувертами» (вроде пересаживания министров «под» Степашина), завершившуюся чем-то похожим на трагедию. Его телеобращение к гражданам России 31 декабря 1999 г. выглядело как завещание и покаяние. Тогда Борис Николаевич в последний раз проявил свой гениальный властный инстинкт. Через публичное покаяние он вошел в череду

---

[370] В этом Ельцин походил на Хрущева, который «...своими частыми публичными выступлениями, речами, интервью иностранным корреспондентам, даваемыми иногда в подпитии, неуместными заявлениями подрывал в глазах народа не только свой личный престиж, но и авторитет Власти. Над выступлениями Хрущева начали посмеиваться, его перестали воспринимать всерьез» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.608). Явным несоответствием «чину» дискредитировали себя и другие национальные лидеры – Лжедмитрий I, Петр III.

каявшихся перед народом и тем самым «самочинно» снявших с себя все грехи великих государей[371].

Ельцин установил порядок трансляции новой русской власти – «личным назначением, усмотрением царствующего государя». Эта пока единожды удавшаяся в современных условиях старая идея (вспомните «задумку» Петра или сталинские попытки определить наследника, брежневский ход с «кронпринцем» Черненко), придает постсоветской власти условно-наследственный характер. Наша «выборно-преемническое самодержавие» представляет собой какой-то новый вариант очередного порядка наследования: очередь устанавливает действующий президент, а публичное народное одобрение (т.е. выборы) придает законный вид «посажению» нового. Тип властной трансляции искажает саму идею свободного выбора, «президентской гонки» с конкурирующими кандидатами. Но соответствует русской традиции, формировавшейся веками. И подтверждает: в русских условиях недостаток кратократической легитимации восполняется демократической – а не наоборот.

Верховная, президентская власть базируется на разных, до крайности противоречивых принципах, что придает ей неустойчивость и условность. Сохранение демократического принципа организации в качестве формально основополагающего не позволяет ей до конца ассимилировать разнородные начала, поглотить то, что мешает ее привычной, традиционной реализации. Это делает ее положение весьма неопределенным, открывает перед ней целый набор вариантов самоосуществления. Что, собственно, и продемонстрировали два первых российских президентства; поэтому они и оцениваются большинством граждан диаметрально противоположно.

Современная демократическая власть (вовсе не странным, неестественным, а закономерным образом) приняла вид всенародно

---

[371] В России акт покаяния, в котором через выговаривание (в слове и словом) с человека снимается грех, вообще, играет важную роль. Царское же публичное покаяние имеет значение символическое. К покаянию прибегали крупнейшие персонификаторы русской власти; так с ними примирялся народ. Каялись Грозный – за жертвы опричнины, Сталин – за жертвы войны (такой смысл имеет его знаменитый победный тост за многотерпеливый русский народ), Хрущев – за сталинские ошибки. На короткой народной памяти – Ельцин. Причем, его покаяние с признанием собственных ошибок по существу очень схоже с ленинским. Ведь родоначальник русского XX века тоже каялся – перед партией, а, значит, перед народом, на X партсъезде, в 1921 году. Политический смысл этого акта достаточно очевиден: «признание вождем ошибки делает эту ошибку как бы небывшей, зачеркивает ее, вождь остается непогрешимым» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.109). То есть покаянием человек власти не столько признает, сколько «отменяет» свою вину. А исправлять ошибки, в которых каялся, оставляет преемника: Ленин (фактически) – Сталина, Ельцин – Путина.

избранной («народной») «временной» монархии и «договорного» (ограниченного «закулисной сделкой» господствующих групп) «самодержавия». Две эти «условности», «несообразности» и определяют ее лицо. С укреплением самодержавия, его корпоративно-бюрократической основы эта сложная конструкция несколько упрощается. Власть стремится придать исключительно символическое значение и «олигархическому», и демократическому принципам, на которых базируется. Пытаясь освободиться от тех ограничений, которые они накладывают, она утверждает естественный для нее способ воспроизводства – власти от власти, «родовой», «династический». Он, по существу, не требует юридического определения; благодаря ему верховная власть как бы пребывает вне права, закона (точнее, над ними). В этом стремлении ее, кстати, поддерживает народ.

Демократические выборы в России трансформировались в акт народного избрания уже «назначенного государя» (т.е. одобрения, подтверждения права «временного занятия престола»). Очередность смены лиц во власти определяет уже не родовой порядок или номенклатурные (очень схожие с местническими) счеты, а случай – воля «действующего государя», подтвержденная договоренностями («сговором») элитных групп. Это самой власти придает характер случайности, оттенок самозванчества, что позволяет в любой момент пересмотреть «правильность» «очереди». Подтверждение тому: фактическое признание при Путине самозванцем «родоначальника» демократической власти, демонстративное отрицание ельцинского наследия. Инструментами преодоления ограниченности, слабости верховной власти, как и раньше, служат усиление бюрократического начала, насыщение власти «своими» (при очередной смене власти «милитократия» Путина может так же легко уйти в прошлое, как «олигархический режим» Ельцина), наделение ее имиджем народной («своей» с точки зрения народа) и получение народной санкции.

В этих условиях актуализируется потребность сакрализации и народного выбора, заменяющего Божественное утверждение, и самого избранника. Последнему придается значение «истинного» (единственно возможного, предопределенного «свыше» – недаром выборы безальтернативны) царя, символизирующего единство власти и народа. В связи с этим совсем не случайными представляются отсылки нынешней власти к началу XVII в., истокам романовской «выборной монархии», где царь представлялся порождением народа («всей земли»), ведомого волей Божьей. А также к

«началу» демократической России: 12 июня – показатель соответствия современности, безусловности перерождения (конечно, к лучшему) нашей власти.

Природа верховной власти: конфликт «народности» и «беспочвенности»

Вероятно, одно из главных противоречий современной власти – в том, что будучи совершенно «беспочвенной», устремленной «ввысь» и «на запад», она принуждена постоянно апеллировать к «корням», соответствовать определению «народной». Это вечная трудность русской власти, обусловленная, вероятно, двойственностью ее природы. Ей всегда была необходима не только «внутренняя», «корневая», но и «внешняя» легитимация, обеспечивавшая ее воспроизводство. Власть московских князей-царей черпала легитимность в самой себе (вотчине, прародителях Рюриковичах) и в то же время нуждалась во внешней и высшей легитимации – сначала от монгольского «царя», затем от византийских и даже римских «корней»[372]. Петербургскую монархию питала принадлежность к европейскому властному и идеологическому пространству; в XIX в. снедало стремление первенствовать в европейских делах, направлять Европу.

На заре Советской власти «внешняя линия» – от Маркса, интернационализма и мировой революции – была гораздо важнее внутренней укорененности. Зрелую власть Советов поддерживало лидерство в международном социалистическом движении, влияние Москвы в Третьем мире. Хотя с укреплением «государственного социализма» в СССР сложилась настоящая культура изоляции – экономической и политической (а изоляционизм, вообще, присущ национальной политической культуре), советская история, по мнению ряда исследователей, «может быть интерпретирована и как непрерывная, но не слишком удачная попытка» из нее вырваться[373]. Уже при Брежневе в определенном смысле созревало намерение «присоединиться к Европе»[374], накапливался потенциал нового витка вестернизации.

---

[372] См. об этом: Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России... С.43–54. О европейском аспекте легитимности императорской власти см.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Екатерина II, Самодержавие и русская власть // РИЖ. Т.1, № 4. Осень 1998. С.233–236.

[373] См.: Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С.128.

[374] Там же. С.129–130. По наблюдению Т.Крауса, «евро-американская ориентация Горбачева стала однозначной. Не случайно, что Запад почти до последней минуты поддерживал Горбачева против Ельцина» (Там же. С.130131). По словам А.Ципко, для Горбачева главным стимулом преобразований быстро стало «желание получить признание у лидеров ведущих

Современная власть, отягощенная наследственным комплексом «европейца», одержима стремлением на Запад, желанием быть в числе восьми «самых западных» стран, стать «своей» в сообществе избранных. В поисках дополнительной легитимности, восполняющей недостаток «домашней» – проявление неоднородной, двойственной идентичности, потребность в которой вообще свойственна русским. Г.Г. Дилигенский писал: «Можно утверждать, что определенное восприятие «другого», и прежде всего западного (в той же мере, что когда-то восточного – Византии, Орды – *И.Г.*), мира образует органический структурный компонент национального самосознания, идентичности русского народа. Возможно, оно отличается в этом отношении от «самодостаточного» самосознания многих народов Запада и Востока, вырабатывающих собственную идентичность без особой оглядки на «других»[375].

Россия, будучи обременена стремлением к восприятию западного опыта, впитывая и перерабатывая, превращает его в нечто противоположное (во всяком случае, непохожее) исходному. В результате усвоенное «чужое» только усиливает «исконно русское»[376]. Для нашей власти двойная самоидентификация с таким своеобразным результатом имеет особое значение. Она нуждается в подпитке чужим опытом, в усвоении иных политических моделей, порожденных современностью технологий (информационных, PR-, бизнес и др.). Они придают власти новую определенность, позволяют ей принять современные формы. Но не меняют ее по существу. Напротив, дают ей возможность выжить, приспособиться к другим условиям существования, правилам игры[377].

стран мира, стать «другом Буша», «другом Коля» (Завтра лучше, чем вчера? // Мир перемен. 2005. № 1. С.16). Такое желание «дружить» (и, по возможности, семьями) отличает и его преемников.

[375] Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформации: Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2002. Выпуск № 24. С.52.

[376] Б.А.Успенский писал: попадая на русскую почву, чужие культурные модели, как правило, «получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, – непохожее ни на заимствуемую культуру (т.е. культуру страны-ориентира), ни на культуру реципиента. В результате – пусть это не покажется парадоксальным – именно ориентация на чужую культуру в значительной степени способствует своеобразию русской культуры» (Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С.397). Что касается власти, то именно усвоение чужого, восприятие западных технологий, потребительских стандартов, концептуальных схем, придающих ей современный облик, и позволяют ей существовать и действовать в соответствии с ее природой, самореализовываться в течение столетий как русской власти.

[377] «Природа русской власти «предполагает» заимствования и, прежде всего, того, чего в русской жизни нет вообще. Но заимствования функциональные, а не субстанциальные. То есть от западной субстанции отрывается функция и приспосабливается к обслуживанию

Русская власть – между «властесмутой» и «властепорядком»

Итак, подводя предварительные итоги, отметим. За свою долгую историю русская власть накопила целый арсенал конструкций, схем организации, технологий – в том числе, трансляции самое себя во времени. По мере необходимости она прибегает к ним, обновляет их, создает их разные, не сводимые к прошлым, сочетания. Порой модели властного воспроизводства очень узнаваемы, порою поражают своей новизной. Но в большинстве своем они создаются из уже отработанных, опробованных (пусть, и забытых, отложенных «про запас») элементов, складывающихся в совершенно новую мозаику.

Характер трансляции верховной власти – и в дореволюционные, и в советские, и в нынешние демократические времена – нельзя назвать внутренне стабильным. Опыт, казалось бы, самой непротиворечивой в этом смысле системы – самодержавия – свидетельствует: здесь порядком была упорядоченная смута. Власть все время пересматривала основания собственного воспроизводства, ощущая недостаточность одних и излишнесть других. В критические моменты формировались сложные, неустойчивые конструкции «постановки» и передачи верховной власти, в которых сочетались разнородные элементы, взятые из прошлого и «изобретенные» современностью. В большинстве случаев такие модели обеспечивали устойчивость данного правления, а в дальнейшем требовали пересмотра. Каждый новый период порождал какой-то свой mixt, сочетавший переработанные элементы (или их имитацию) «старого порядка» и «новизну». В отношении советской и постсоветской власти об устойчивой традиции можно говорить с еще бульшей долей условности.

Однако модели трансляции, способы установления верховной власти базируются на неких определенностях. Источником, высшей санкцией русской власти была и остается самое власть. Опыт современности свидетельствует, по крайней мере, о двух важнейших вещах. Первое. Для реализации самодержавного потенциала русской власти вовсе не нужны условия монархии. Наше самодержавие вполне уютно чувствуют себя в новых, соответствующих современности, формах, декорациях. Властная самореализация предполагает преодоление ограниченности, зависимости от иных социальных сил, стремление от «долевой» к «полной» власти, т.е.

русской субстанции. Именно поэтому «технология» в Европе улучшает и облегчает жизнь индивида, а у нас – укрепляет Власть», – полагает Ю.С.Пивоваров (О некоторых «истоках» и «смыслах» русской публичной политики // Политическая наука. 2005. № 1. С.154).

к самодержавной норме. Не случайно в конструкции властной преемственности постоянно возобновляется так или иначе модифицированный «династический», наследственный принцип, а укрепление власти связано с усилением кратократической легитимации (власти – от власти). Не случайно также властное воспроизводство требует актуализации сакрального начала (русская власть всегда – апостол или творец некоей религии), создания культа «корней», связывающих власть с «почвой» и в то же время придающих ей внешнее измерение.

И второе. Наше общество не может функционировать без и вне самодержавной власти. Она скрепляет социум, являясь одной из его несущих конструкций, создает рамочные условия существования. Роль общества – точнее, народа как политического сообщества, коллективной социальной воли – служебная, функциональная. Власть достаточно свободна в своих действиях, так как от граждан не поступает новых импульсов политического участия. Они по прежнему сотрудничают с нею, даже противостоя, и противостоят, сотрудничая. Своеобразная роль народа – как своего рода политической случайности – подтверждает факт сохранения низкого уровня политических понятий, привычек и потребностей, «как бы сказать, политической температуры социума»[378]. Иных ограничителей (институциональных, гражданских, религиозно-нравственных), кроме привластных сил, у нашей власти нет.

И, наконец, проведенный анализ позволяет утверждать: в процессах воспроизводства русской власти мало значимы институциональные механизмы; властная трансляция происходит через внешнее отрицание традиции («сбросы» социокультурной памяти) и воспроизводство специфических трансляционных конструкций, отличающихся преемственностью на глубинном уровне. Результатом этого являются постоянные кризисы наследования, которые преодолеваются «включением» преимущественно рефлекторной (социобиологической) памяти, имеющей защитно-компенсаторную природу. Этим обусловлена чрезвычайна хрупкость всей системы, где власть имеет системообразующее значение; кризис преемственности может обернуться крахом политического порядка.

[378] Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.312.

ПАРТИЯ ВЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ «ПАМЯТИ» И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

И.И. Глебова

Прошлое и современность имеют особую, чрезвычайно сложную связь на русской (как, впрочем, и на любой другой) почве. Здесь настоящее не предопределено прошедшим – в том смысле, что не восстанавливает его в качестве известных, опробованных и оправдавших себя, социально эффективных схем, моделей, конструкций. Очень велика зависимость каждой новой русской современности от текущего момента, условий, человеческого потенциала. В этом проявляется одна из главных национальных особенностей: русская социальность лишена своего отчетливого, устойчивого стиля; четких ярких форм, в которые отлился бы исторический опыт. Она хаотична, не определенна, противоречива, находится в постоянном движении, как само русское пространство. Здесь очень трудно говорить о традиции (как о чем-то известном, устойчивом, преемственном) – разве только в смысле предпочтения существующего порядка вещей (в чем бы он ни состоял) нововведениям.

В действительности мы, русские, очень мало знаем о нашем прошлом – и все-таки воссоздаем в социальной практике «то, что было»; часто – практически «дословно», как будто «читаем с листа». Получается какая-то несообразность: на реальность воздействует и даже формирует ее «то, чего не было», и «то, что было и о чем мы не знаем». Здесь традиция каждый раз изобретается, подгоняется к настоящему. В то же время социальное развитие в чем-то очень последовательно. История «выкладывает» перед русским социумом набор возможностей, путей движения – и, бульшей частью, выбор делается в пользу наименее социально ориентированных, но властно эффективных. Это само по себе ограничивает возможности выбора в дальнейшем.

Природа партии власти в России: типичное и особенное

Когда-то Н.М.Дружинин отмечал, что в начале XIX в. «российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохра-

няющую единоличную власть государя»[379]. Опираясь на эту мысль известного историка, сегодня можно сказать: в начале XXI в. российская демократия пытается создать новую формулу монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть президента. Вообще же в определенном смысле имеется лишь два «идеальных типа» организации власти – «монархия» и «полиархия». То есть власть, сосредоточенная в одном «лице» (органе), или власть рассредоточенная, разделенная в различных институтах. В нашей стране, несмотря на троекратную за последнее столетие трансформацию политической системы, сохраняется монархическая власть (в идеалтипическом смысле). Подтверждением этому моему тезису является история современной партии власти. В ней как в капле воды отразилась природа русского кратоса.

В науке это явление рассматривается как типическое (не только и не столько российская особенность), своеобразно проявившее себя на нашем – и не только на нашем – политическом пространстве. Для российских политологов партия власти остается характерным для элит новейшего времени способом реагирования на ситуацию «переходного периода». Долгое время природа этого явления выводилась из «партийной», а не «властной» составляющей. В отечественной политологии партия власти нередко рассматривалась как партийное образование, участвующее в электоральном процессе, но решающее специфические задачи, которые возникают у исполнительной власти в период «демократической трансформации»[380]. Однако этот исследовательский подход пришел в явное столкновение с российской реальностью.

Испытание реальностью заставило российских политологов пересмотреть традиционный взгляд на это политическое явление. Сейчас партию власти характеризуют как «один из важнейших политических институтов правящего режима», инструмент его внутреннего укрепления (консолидации элиты, включения в по-

---

[379] Цит. по: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.37.

[380] Обзор подобных точек зрения можно найти в работах современной петербургской исследовательницы А.Лихтенштейн. Как мне представляется, эта позиция релевантна по отношению к партийным образованиям восточноевропейских государствах, проходящих стадию демократической трансформации. Партии власти «переходных» обществ Восточной Европы имеют, в первую очередь и в основном, партийный характер. Понятие «власть» в их определении вторично – в том смысле, что партии суть только инструмент достижения власти в электоральной борьбе. Это европейский опыт, отражение европейской традиции отношения к власти. Мы же с Европой (как, впрочем, и с Азией) – «два разных человечества».

литическую жизнь «значительной части госаппарата и всех тех «нужных» людей, кого не переварила исполнительная власть»), а также механизм «управления системой представительства гражданских интересов»[381]. Партия власти определяется «...как прямой клон исполнительных органов, непосредственно позиционирующих режим на политическом рынке, но в партийной форме», «... агент государства, строящий свою деятельность на чисто административных ресурсах», «кусочек» самого государства, продолжение его политического «тела», адаптирующегося в нехарактерном для себя сегменте политического пространства»[382]. Этот «клон» воспринимается политологическим сообществом в качестве серьезной угрозы – преграды на пути становления «эффективной, сбалансированной плюралистической» партийной системы[383]. Его появление дает основания оценивать современные российские партии как «недоразвитые» варианты известных западных моделей», «имеющие скорее архаичные, чем современные характеристики», а партийную систему – как «прото» – или «квазимногопартийную»[384]. Представляется, что этот подход, низводящий партию власти до положения русской «анти-нормы» (или «вырождения» нормы) и отрывающий ее от реалий электорального процесса, нуждается, как минимум, в уточнении.

Партия власти приобрела значение одной из «цитат», формирующих «текст» современной политики. С моей точки зрения, системообразующий элемент этого феномена – власть; его природа – не партийная, а властная. Специфика русской власти предполагает появление подобных партии власти «привластных» структур. Они необходимы для самореализации этой власти в обществе. Иными словами, для контроля над социумом.

Современные исследователи квалифицируют русскую политическую культуру как «властецентричную»; полагают власть если не единственным, то доминирующим субъектом русской истории[385]. В том смысле, что у других похищена их субъектная энергия. В этих условиях власть становится главным дейст-

---

[381] См.: Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004. С.321-328.
[382] Там же. С.325.
[383] См.: Кулинченко А.В. Политические партии и развитие демократии: Опыт России и Германии // Полис. 2004. № 2. С.156-157.
[384] См.: Там же. С. 156, 162, 164-166.
[385] См.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система // Политическая наука. М., 1997. № 2, 3.

вующим лицом на политическом поле. И в этом своем качестве она не нуждается ни в ком и ни в чем.

Что же касается «партии», то, как известно, она есть продукт европейской политической истории, а само понятие происходит от латинского pars (часть). Но если это так, то по-русски (не только в языковом, но и в социально-политическом смысле) это – contradictio in adjecto. Не может быть в русской системе «партии власти». Ведь власть – все. Однако в некоторые исторические периоды русская власть вынуждена играть в такие игры, в которых она становится – пусть на время, пусть вынужденно – похожей на обычную европейскую власть. Как правило, модификация происходит в те эпохи, когда ресурс русской власти, по той или иной причине, на время оскудевает. И тогда власть вынуждена – опять же на время – допустить на историческую сцену других, пусть гораздо более слабых, чем она, и даже еще не вполне состоявшихся, игроков. В этой ситуации она и создает в обществе партию власти.

Так было в 1906 г., когда самодержавие, наиболее устойчивая и совершенная форма русской власти, было вынуждено пойти на создание парламента (впрочем, ограниченного в своих полномочиях). Так было и в 1993 г., когда во второй раз в XX столетии, пытаясь погасить огонь гражданской войны, русская власть вновь дарует стране конституцию и парламент. И вновь начинает конструировать партию власти. С тех пор уже целое десятилетие власть только этим и занимается. Каждый новый созыв Думы – новая партия власти. Это стало способом отстаивания властью собственных интересов[386].

Сначала это было похоже на отступательные бои власти, пытающейся перегруппировать свои силы для последнего наступле-

---

[386] Сейчас предпринимаются весьма интересные попытки вписать российский партийный опыт в мировой контекст; наша партия власти характеризуется как элемент доминантной авторитарной системы. См.: Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: Сб. науч. трудов. М., 2006. С.136-162. При этом указывается на такие особенности доминирования «Единой России», которые опровергают тезис о ее партийной природе и подчеркивают ее специфику («особость»): для обеспечения господства нашей партии власти используются недемократические средства; она не является правящей, т.е. не влияет на состав исполнительной власти и не несет ответственности за проводимый политический курс; ее доминирование предполагает подавление возможностей представления различных групповых интересов (внутрипартийной функционной борьбы, малых партий и др.); логика ее создания прямо противоположна нормальной партийной – она возникла «в помощь президентской администрации» для оказания влияния на население и «облегчения законодательного процесса», «работает» на «консолидацию недемократического режима». Указ. соч. С.159-162. Все это подтверждает наше исходное положение: «ЕР» не есть порождение партийно-властной системы; она – продукт властно-политической системы, один из инструментов власти.

ния и возвращения на утраченные позиции. «Выбор России» – «Наш дом Россия» – «Единство» – таков неполный перечень российских партий власти (при том, что «властный» компонент присутствовал во многих других партиях). Однако они не проявили себя эффективными инструментами структурирования политического пространства, серьезной силой. До сих пор причины прежних неудач партий власти исследователи склонны искать в партийно-политическом измерении. В их числе называют неспособность эффективно использовать имеющиеся ресурсы в коалиционных взаимодействиях, ненужную (власти) идеологическую самостоятельность многих членов партии, нестабильность опоры на рыхлое центристское большинство в Думе.

Но вектор поиска был задан неверно. Причины низкой действенности бывших властных политических образований – в слабости власти, а не в слабости партии. Победы «Единой России» связаны с усилением власти; ее стремлением преодолеть свою «разделенность» (в смысле Монтескье), собраться, «сосредоточиться» - и занять свое привычное место: единственного источника и субъекта социальной действительности. Создание партии власти – это показатель высокой степени адаптируемости русской власти к меняющимся историческим условиям. Партия власти выступает в качестве инструмента преодоления Смуты (когда – в том числе – происходит социальная самоорганизация «снизу»), создания предсказуемого, контролируемого («сверху») политического пространства.

«Партии порядка» во властной традиции

Для понимания природы партии власти необходимо обратиться к русской истории начала XX века. Тогда практически одновременно выдвигаются два конкурирующих политических проекта: в 1903 г. – партии нового типа, в 1905 г. – партии власти. Показательно, что инициатива их создания принадлежит персонификаторам русской власти: Ленину, олицетворявшему будущую власть, и ближайшему (тогда) сподвижнику Николая II – Д.Ф.Трепову. Эти проекты появляются в момент зарождения российской многопартийности, когда в России еще не было партий в европейском (т.е. классическом) смысле слова. Они определяют происхождение, а, значит, и судьбу в истории русской партии власти.

24 сентября 1905 г. Д.Ф.Трепов пишет письмо императору, в котором и формулирует идею партии власти («твердо сплоченной

консервативной парии порядка»)[387]. Это обращение было связано с обсуждением в политических кругах Манифеста 6 августа 1905 г., где «населению» была обещана Государственная дума («булыгинская») с законосовещательными правами. Треповский проект сводился к следующему: образовать в Думе «партийное» большинство «верноподданных» депутатов; включить в партию власти генерал-губернаторов, градоначальников, «которые, в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц»; для организации партии командировать в провинцию «особо доверенных лиц»; поставить под контроль партии периодическую печать и с ее помощью формировать «проправительственное» общественное мнение. По мнению Трепова, «партия порядка» должна была принципиально отличаться от «обычных» партийных образований; она выражала фундаментальные интересы подавляющего большинства народонаселения Российской империи, а все остальные партии – эгоистические интересы мелких социальных групп.

Судьба этих проектов – ленинского и треповского - была различна. Старой русской власти не удалось реализовать идею создания своей партии. Объясняется это, прежде всего, квалитетом той власти, ее слабостью, растратой ею своей субъектной энергии. Она была мало приспособлена к политической деятельности нетрадиционного для нее (европейского) толка; не понимала, в какую эпоху она входила. Здесь показательна позиция Николая II. Думу, политические партии, выборы и т.д. он рассматривал как лишнюю, ненужную, избыточную возню; как некую помеху, с которой приходится до поры - до времени мириться. Если треповский проект предполагал «завоевание» Думы с целью сохранения исторической власти, то последний русский самодержец фактически придерживался той точки зрения, что в России наилучший вид политики – это отсутствие политики. Д.Ф.Трепов «догадался»: настали времена, когда, если хочешь остаться у власти, следует превратить конституционно-представительный механизм в механизм упрочения собственного влияния. Иного пути нет. Как раз этого и не понимал Николай II...

Правда, в России были люди, осознававшие необходимость поиска новых политико-властных технологий. Причем, были еще

---

[387] См. об этом подробнее: Глебова И.И. Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (Из официальной переписки Николая II и Д.Ф.Трепова) // Россия и современный мир. М., 2003. № 3 (40). С.180-197. В этой работе впервые опубликовано цитируемое письмо Трепова императору. См.: ГА РФ. Ф.543. Оп.1. Д.645. Л.10-12об.

задолго до появления в России публичной политики (1905 год). Так, в 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А.Милютин в письме своему брату Д.А.Милютину (военному министру) выдвинул идею организации «правительственной партии»: «...необходимо создать... партию, срединную, говоря парламентским языком: le centre, которой у нас нет, но для которой элементы очевидно найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения»[388]. Разумеется, Н.А.Милютин, живший в «допарламентский» период русской истории, использовал слово «партия» в традиционном для его времени смысле. Под «партией» он понимал группу единомышленников, проводящую в обществе определенную политическую линию. Что же касается «правительственной партии» или «партии центра», то это должна была быть «серьезная часть образованного общества», сгруппированные «около правительства лучшие люди, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции»[389].

Безусловно, Н.А.Милютин лучше многих его современников и российских государственных деятелей следующих поколений понимал и необходимость, как уже отмечалось выше, выработки нового властно-политического инструментария, и то, каким он может и должен быть. В этом смысле идею Милютина необходимо включить в «родословную» русской партии власти. Кстати, поразительно, что уже в милютинском варианте «правительственная партия» есть главное оружие власти против оппозиции. Это означает: проект партии власти предполагает не только превентивно-охранительные меры, но и активную, наступательную политику уничтожения реально влиятельной оппозиции. Следовательно, появление партии власти (хотя бы ее идеи) свидетельствует о том, что в России существует нечто принципиально независимое от власти, а потому и опасное ей.

Представляется далеко не случайным, что проект партии власти (в том или ином его виде) рождается в дореволюционной России в переломные, наиболее опасные для ее социального развития, моменты. Напомним: Милютин выступил с ним в 1861 г., Трепов – в 1905 г. Вновь мы сталкиваемся с этой идеей за три месяца до Февраля 1917 г. В ноябре 1916 г. в право-консервативном кружке

---

[388] Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII-XX вв. М., 1991. С.97.
[389] Там же.

Римского-Корсакова была составлена и передана князем Голицыным императору записка, в которой предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов плана - организация партии власти: «Правительство во что бы ни стало должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью и притом без всяких иллюзий и предубеждений... В распоряжении председателя Совета министров должно состоять особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству»[390].

Показательно, что авторы партпроектов, ничего не зная о других предложениях, воспроизводили специфическую логику: предлагали власти использовать конституционно-представительные механизмы для упрочения собственного влияния и сохранения (хотя бы и в несколько усеченном виде) политической монополии. То есть понимали власть как явление субстанциальное, «изобретая» специфические инструменты и функции для ее приспособления к новым условиям существования. Такая логика, на которой и строится русский социально-властный порядок, прямо противоположна западной, так как нацелена на подмену социальной самоорганизации и самоуправления («снизу») властной организацией («сверху»). Она просматривается и в ряде эмигрантских проектов, где «правительствующая» партия считалась единственным способом структурирования «постбольшевистского» правящего слоя, а также выражения народной «бессознательной» воли[391].

...Итак, в начале XX в. проект партии власти провалился, возобладал же проект партии нового типа. Своеобразие отечественной истории XX в. состоит в том, что после крушения традиционной власти (самодержавия) следующая сформировалась посредством партии нового типа. Но она, в свою очередь, перестала существовать как партия (в смысле «pars»), как только пришла к власти, переродившись исключительно во властную субстанцию. Властное начало победило в ней партийное. И она стала властью, «оправленной» в партийность.

---

[390] Архив русской революции. М., 1991. Т.5. С.343. См. также: Последние дни императорской власти: По неизданным документам составил А.Блок. Минск, 1991. С.93.

[391] См. об этом: Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С.160-162.

Через сто лет идея партии власти реализовалась (как, впрочем, и многие другие идеи в русской истории, осуществлявшиеся спустя век после их появления). Сегодня партию власти нередко называют новым изданием КПСС, но это совсем не так. КПСС пронизывала и контролировала абсолютно всю социальную ткань СССР. Она была системообразующим элементом той системы, основой тотальной власти. Называть «Единую Россию» КПСС-2 (равно как и правящей партией) – значит, придавать несвойственное ей значение.

Тем не менее, связь современной партии власти с советским политическим опытом неразрывна. Закономерно, что «публичная политика – 2» практически ничего не воспроизвела из практики начала XX в. – ни партий (близких по социальной «ориентации», способам самоорганизации и обеспечения, идеологии), ни самостоятельного движения крупных промышленников и предпринимателей, ни независимых от власти общественных организаций, профсоюзов, кооперативов. И это понятно: иные люди (высокообразованная, утонченная элита и практически неграмотный народ), условия, возможности (в том числе, обеспеченные существованием наследственной монархии), средства. А самое главное: публичная политика начала XX века фактически была ограничена и ограничивалась элитой.

Общественные ожидания и властные потребности: место встречи – партия власти

Российская партия власти конца XX-начала XXI столетий – это не штурмовой отряд, завоевывающий общество. Это – часть власти, исполнитель очередного властного заказа, инструмент ее приспособления к новой реальности. Наконец, это инструмент народной легитимации власти. И вот эта роль партии власти нуждается в особом осмыслении.

В условиях «переходного» периода власти приходится интегрировать плохо сочетаемые задачи: выстраивать электоральную поддержку на конкурентной основе и стремиться к достижению максимальной управляемости общества. Наша партия власти вынуждена участвовать в выборной борьбе. Но суть этого участия нельзя свести к такому понятному западному homo politicus и российскому исследователю явлению как артикуляция интересов граждан. В современной отечественной политике партия власти выполняет уникальную роль представительства, «продвижения»

власти. Действуя в партийном обличии в рамках состязательной партийной системы, партия власти представляет собой инструмент, который власть использует для получения электоральных преимуществ и приобретения доминирующего положения в политике. И в этом смысле здесь все происходит иначе, чем в западной политической игре.

Окрепшая российская власть снова претендует на безусловное право быть единственным источником и регулятором политических процессов. В своем продвижении к этой цели она и использует партию власти (с ее помощью – народонаселение). Голосование на выборах как наиболее распространенная форма гражданского участия в российской системе становится не столько формой влияния на политический курс, сколько способом легитимации власти, ее символической поддержки. Поэтому очевидна взаимосвязь между получением электоральной поддержки партией власти и шансами на выборах действующего президента как персонификатора власти (т.е. победы самой власти). На выборах российская партия власти демонстрирует свое участие. Она участвует, но не борется. Эта стратегия аналогична той, что была избрана для В.В.Путина – стратегия победителя. Она определяется самой природой партии как элемента власти, делегированного «отрабатывать» представительскую функцию в условиях российской «представительной демократии»[392]. Поэтому партия власти – вне реальной партийной конкуренции.

---

[392] Кстати, и сами граждане особым образом понимают демократию и гражданское участие. Еще «в опросах середины 90-х годов определение демократии формулой «власти избираются народом» поддержало только 5-7% опрошенных, а формулу «соблюдаются права человека…» – 29%. Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. № 24. М., 2002. С.58. По оценкам некоторых исследователей, значительная часть россиян воспринимает политические партии в контексте «традиционного для российской политической культуры патерналистского дискурса, безоговорочно отторгающего идею народного суверенитета и интерпретирующего любые политические процессы и институты сквозь призму бинарной оппозиции «власть» (субъект) – «народ» (объект). В рамках этой оппозиции любая партия… априори рассматривается как принадлежащая к миру «власти» и несущая непосредственную ответственность за положение дел в стране» (Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1. С.120-131. «Средний россиянин» в массе своей не полагает за партиями собственно политических функций (консультирование правительства, лоббирование интересов соответствующих социальных групп, участие в определении текущих приоритетов государственной политики, осуществление контроля за властью и др.), считая их специфическими, «периферийными» структурами государственной власти. Последняя видится как некое единое (не поддающееся «расчленению» – на какие-то структуры (институты) и уровни со своими специфическими задачами) образование, не зависящее от народа, но несущее тотальную ответственность за него». Там же. С.124. Интегрированные в это образование партии должны осуществлять общие для всей системы функции – управлять страной и опекать («попечительствовать»)

В особенностях электоральной борьбы «Единой России» есть еще один, глубинный смысл. Партия власти – способ приспособления власти к эпохе публичной политики. Власть в России традиционно тайная – в смысле поддержания «тайны Власти» как важнейшего качества, измерения русской власти. Став публичной и открытой для общества, наша власть, формирующаяся вне общества, управляющая им «извне», дистанционно (и в этом ее главное отличие от западноевропейской власти, порожденной обществом, в нем укорененной и ему подотчетной), перестает быть самой собой. Партия власти – публичный инструмент «непубличной» русской власти. Но и она, единственная из всех наших партий, должна демонстрировать свою сопричастность к «тайне власти». В такой логике понятно, например, почему «Единая Россия» не выставила участников публичных предвыборных дебатов в 2003 г. (она вполне могла это сделать) и почему наши граждане решили, что она в этих дебатах победила.

«Единую Россию» упрекают в отсутствии программы. Сразу после декабрьских выборов 2003 г. в СМИ звучали такие оценки: победила партия без обещаний, кроме одного – быть с президентом; это нарушает законы избирательного жанра. Или: голоса «Единой России» - это голоса президента; здесь нет массовой базы под единый политический курс. Эти упреки – следствие непонимания природы российской партии власти. У нее и не должно быть «партийной» программы. Ее программу формулирует, представляет и выполняет власть. Основное электоральное преимущество партии власти обеспечивается не партийной программой, а фактом принадлежности к власти. Да и, кроме того, нашим обществом никакие программы, обещания, декларации давно не принимаются всерьез. Вспомните, у В.В.Путина тоже не было программы – и это ему не помешало, а, возможно, и помогло стать президентом.

Современной партии власти нет нужды в разработке и предъявлении обществу «идеологии» (она и в этом смысле не КПСС). Важно, чтобы с внятной идеологией, приемлемой стратегией социального (и любого другого) развития выступила власть. Партия

население. «Такая интерпретация с неизбежностью порождает тотальную неудовлетворенность деятельностью любой партии в пространстве публичной политики – в силу изначального несоответствия данной деятельности тем критериям, которые применяются для его оценки». Там же. С.125. И в этом контексте понятно, почему, голосуя за партии, большинство наших граждан выбирает власть.

власти должна быть эффективным инструментом позиционирования власти. Ее роль, скорее, представительская, мобилизационная, чем «рабочая», технологическая (в смысле определения основ политического курса и его реализации). Поэтому не правы те ее лидеры, что заботятся о программе партии и предъявлении обществу инициатив социального порядка. Это – прерогатива власти. «Партийцы» в России не вызывают доверия общества (как и объединяющая их лучших представителей выборная законодательная структура)[393]. Зачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты? Главная «публичная» забота партии власти - заботиться об имидже власти, особенно в кризисные для нее периоды. В России уважают сильную власть (даже вызываемый ею страх готовы принять как порождение и проявление этой силы)[394]. Поэтому ре-

---

[393] Показательно, что «в 1994 г. лишь меньшинство (29%) опрошенных считали свободные многопартийный выборы положительным результатом реформ, относительное большинство (33%) полагали, что эта новация принесла больше вреда, чем пользы». Дилигенский Г.Г. Указ. соч. Через десять лет «более половины россиян не высказали симпатий ни к одной из действующих политических партий, а уровень доверия к партиям как общественному институту находится на рекордно низком уровне – 5,7%». См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С.108-109. Многопартийность сейчас поддерживает 24% россиян. Кертман Г.Л. Указ. соч. С.122. Причем, это не обязательно предполагает приверженность принципам народного суверенитета и политического плюрализма. Полагая, что партии должны нести коллективную ответственность за положение дел в стране, соучаствуя в управлении и попечительствуя о народе, «средний россиянин», как правило, не видит пользы в межпартийном соперничестве (конкуренции) и наличии оппозиции. Как показывает, например, опрос Фонда «Общественное мнение» (июнь 2006 г.), многие граждане «трактуют межпартийные «споры» не столько как политическую борьбу, в которой кто-то одерживает локальные победы, а кто-то терпит поражения, сколько как некие экспертные сессии, ориентированные на совместный поиск «истины»... Причем, очевидно, нередко подразумевается, что партии должны обладать скорее совещательным голосом, тогда как решающее слово должно принадлежать правительству или главе государства». Там же. С.127. По мнению значительного числа опрошенных, партии «мешают нормальному функционированию государственной власти»; апеллируя к избирателям, втягивают их в «свои разборки»: «баламутят народ», «вносят в людей разброд и шатание, разобщают». Там же. С.131. Интересно, как реагировал на многопартийность простой русский человек в начале XX в. (из письма в Совнарком, декабрь 1917 г.): «Народ наш так запутался в паутине, выпущенной вождями различных партий, что он совершенно не понимает за кем идти и кого слушать. Каждая картия убеждает народ по-своему. Все тянут и разделяют народ во все стороны... Больше двух партий у нас не должно быть. Должны быть только угнетаемые и угнетатели» (Цит. по: Лившин Б. Общественные настроения в постсоветской России 1917-1929 гг. М., 2004. С.143). Очевидна преемственность в политических предпочтениях. Особенно интересны представления о партийной системе. Сейчас социологи считают, что «концепт двухпартийности в российском массовом сознании специфичен»: двухпартийность «позволяет реализовать плебисцитарную модель электорального выбора – голосование за единственную оппозиционную партию трактуется здесь как вотум недоверия партии правящей. Такая модель избавляет избирателя от необходимости ориентировать в политическом спектре и вообще не требует от него ни политической рефлексии, ни каких-либо политических установок, но дает ему возможность выразить свое отношение к действующей власти» Кертман Г.Л. Указ. соч. С.122.

[394] Вот что пишет об этом первый президент России: «Власть всегда воспринималась как образ какой-то невероятной, тотальной силы, настолько устрашающей и несокрушимой, что

альные шансы в борьбе за голоса избирателей имеет партия сильной власти. Или: голосов будет тем больше, чем качественнее представлен в обществе образ сильной власти.

В этом и состоит привлекательность электоральной политики партии власти. При том, что исследователи отмечают факт сохранения в обществе чрезвычайно низкого уровня доверия к различным институтам власти, а также эффекта «обманутых социальных ожиданий», на выборах 2003-2004 годов наш народ вновь продемонстрировал наличие громадного ресурса доверия власти. Можно не соглашаться с народным выбором, но приходится признать, что партию власти люди видят иначе, чем другие партии.

Только власть строит, обеспечивает, поддерживает жизнь; она в этой стране хотя бы за что-то отвечает. Власть, укрепившаяся и подтвердившая свою силу – единственный гарант относительной стабильности, порядка, безопасности для граждан. В этом смысле народ и власть (а, значит, и ее партия) едины. Поэтому у нас всегда побеждает Власть. Любой выбор «против нее» невозможен, потому что он «антинароден». В этом предсказуемость, «понятность» российского избирателя, вообще российского человека[395]. О котором еще в середине XIX века совершенно справедливо писал выдающийся политический мыслитель Л.В.Дубельт: «Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен»; «не избалован свободою и ни с чем не сообразными правами человека»[396].

Опросы общественного мнения, проведенные фондом «РОМИР» весной 2004 г., подтверждают эту оценку «нашего народа». Респондентам был задан вопрос: «Кто из этих реальных людей и вымышленных героев мог бы стать лидером партии

даже сама мысль о попытках переворота, путча, мятежа казалась достаточно абсурдной. Власть может рухнуть только сама собой» Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С.129. Верховная власть в представлении «среднего россиянина», есть субстанция (организующее и направляющее начало) всей государственной системы. Причем, не обезличенная, а персонифицированная, воплощенная в конкретной личности. Поэтому «персоналистский режим» (термин, которым всё чаще определяют правление В.В.Путина) есть непреходящее качество русской власти. Иными словами, у нас любой режим «персоналистский». Именно с этим субъектом (а не государством как таковым) наши граждане «входят» в символические отношения, во многом определенные идеальными образами и устойчивыми коммуникативными схемами, заложенными в традиционной политической культуре.

[395] Имидж «Единой России» конструировался в расчете на такого «среднего россиянина»: подчеркивая свою функциональную роль в политике, свою «вписанность» во властную систему и ориентацию на верховную власть (в лице ее пресонификатора), «ЕР» демонстрирует свою удаленность от «сомнительной» сферы публичной политики. Самопрезентация в качестве «партии реальных дел» работает на образ прагматичной, реалистической силы.

[396] Цит. по: Ерошкин Н.П. Указ. соч. С.41-42.

«Единая Россия»?»[397]. Выбор персонажей более, чем показателен. Определяющими, формирующими их образ, являются два основных «качества», дефицит которых, видимо, особенно ощутим в современной русской жизни. Первое – это борьба со «злом», победа над ним или героическая смерть в противостоянии ему. Второе – благородство характера, бескорыстие. Обращает на себя внимание то, что люди, олицетворяющие первое качество, являют собой пример железной воли, сильного характера. Второе – «блаженные», персонифицирующие идеал непротивления злу насилием, но преодолевающие зло смирением и благородством.

Из всего этого можно составить некий идеальный, «очеловеченный» образ партии власти, а также идеальных представлений «усредненного» избирателя. Партия и ее лидеры видятся российскому гражданину как сила, преодолевающая социальное зло, наказывающая носителей этого зла (партия «народной расправы»). И в тоже время волевой, героическо-искупительный образ сдобрен элементами благородства, привлекательности, доверительности. Попутно заметим, что среди этих персонажей нет ни одной женщины. Это партия «настоящих» (по-разному) мужчин.

О чем, на наш взгляд, свидетельствуют эти опросы? В представлениях людей о партии и ее вождях проявляются как фундаментальные черты сознания российских людей, так и качество самого проекта, его реализации. Русская власть, по-прежнему не современная (в смысле modernity), архаичная, неполитическая, использует для выживания современные технологии. Одним из способов этой адаптации является создание партии власти. Причем, и власть, и ее партия действуют в социальной среде, в которой также господствует не современный, архаичный, неполитический тип сознания. И в этом смысле власть, партия власти и электорат вполне соответствуют друг другу. Правда, в идеальном смысле, в замысле. Это ведь россияне хотели бы видеть «Единую Россию» таковой. Более того, таковой они хотели бы видеть и русскую власть.

Вот здесь и кроется «гениальность» современных кремлевских треповых – милютиных. Они поняли, что партия власти должна быть сконструирована «по образу и подобию» самой власти. То

---

[397] Вот некоторые ответы: маршал Жуков – 27%, Штирлиц – 15 %, Глеб Жеглов – 14 %, Чапаев – 9 %, Павел Корчагин – 8 %, Данила Багров («Брат») – 8 %, Ш.Холмс и герой фильма «Москва слезам не верит» Гоша – 5 %; от 4 до 2 % набрали Атос, Шурик («Кавказская пленница»), Пьер Безухов, Юрий Деточкин («Берегись автомобиля»), Печорин, Женя Лукашин («Ирония судьбы»), Дон Кихот, С.Есенин (См.: http // www.monitoring.ru; www.romir.ru).

есть «по образу и подобию» «мечтаний» о ней русского общества. Можно сказать: они встретились. Они – это ожидания россиян от «своей» власти и расчет власти в отношении «своих» россиян. «Местом встречи» стала идея (а не практика, конечно) партии власти.

Кратократический транзит конца XX – начала XXI веков и партия власти

Современная политическая ситуация свидетельствует: российскому обществу, российской политической культуре не органична «демократия», т.е. система устроения власти, «опосредованная» обществом, гражданами. Победы партии власти еще раз обнаруживают и подтверждают кратократическую природу русского социума. Здесь все происходит «для, через, посредством» власти. Даже партии, которые вроде бы представляют собой независимые политические образования и должны артикулировать и агрегировать разнообразные политические интересы, в российской системе перерождаются, «приватизируются» властью.

Когда в 1990-е годы в России происходило становление партийной системы, возникло две доминирующие группы партий: организованные на партийный лад обломки структур старой, коммунистической, власти и партии новой, посткоммунистической, власти. Третью группу составляли партии, более всего похожие на западные партийные образования – в силу того, что были лишены русско-властной природы. Они и являлись порождением самого процесса «перехода» от «старого» к «новому».

Здесь, кстати, возникает вопрос: в чем она, «переходность» современного российского общества, каковы векторы этого «перехода»? В настоящее время все более очевидным становится, что существо пережитых нами с конца 1980-х годов изменений невозможно описать в терминах модернизационной теории демократического транзита. «Демократический переход» предполагает возникновение в социальном пространстве элементов «демократии». У нас если они и существуют, то, в основном, по форме, внешне. По сути подавляющее большинство «новаций» традиционно автократично. То, что это не был «демократический транзит», свидетельствует (в том числе) судьба «вне-властных» партий – растеряв свою влиятельность и независимость, они превратились в политических аутсайдеров или вошли в партию власти.

Ситуацию нашей «переходности» невозможно описать ни в терминах «возврата» (в «старое», к «коммунизму», «тоталитариз-

му»), ни в терминах «гибридности» (сосуществования и взаимовлияния «старого» и «нового»). Для понимания пережитого Россией в 1990-е годы «перехода» мы предлагаем идею «кратократического транзита» – движения от одних властных структур, одного способа «организации» власти, к другим, соответствующим новым социальным условиям. Очевидно: сейчас власть ищет формы восстановления традиционных российских способов своего существования, органичных нашей социальной природе; пытается преодолеть те «недостатки», восполнить те «дефициты», которые порождены новой социальной реальностью. В качестве одного из инструментов она и использует партию власти (не будем связывать ее исключительно с «Единой Россией», рассмотрим как политический проект, который может принять разные формы). Это не узко партийная, а широкая многоцелевая задача, предполагающая создание нового «социально-властного» организма. У нее есть несколько измерений.

Прежде всего, партия выявляет и отражает обновленную природу современной власти. Она уже не может устранить из жизни публично-политическое – напротив, ей требуются демократические формы, процедуры, способы легитимации. В этом смысле XX в. стал свидетелем сокращения «дистанции» между русской властью и русским обществом. Партия нужна власти для того, чтобы поддерживать принцип разделения властей, саму законодательную власть, наличие которой закреплено в Конституции. Это обязательный элемент, «формат» существования современного государства, а Россия не может себе позволить быть не современной.

Демократические свободы, процедуры нужны российскому обществу, которое теперь вряд ли захочет с ними расстаться. Но они необходимы и власти, так как дают легальную, правовую возможность замены «плохой» власти на «хорошую» («слабой» – на «сильную», «порицаемой» – на «любимую»), скажем, Ельцина – на Путина. Это своеобразный социальный клапан, способ организации мирной реакции граждан на не удовлетворяющие их условия существования. Но способ ограниченный – самими же гражданами: они могут отказаться поддержать кандидата или партию власти. Тем не менее, таким образом можно осуществить процедуру передачи власти лидеру, более соответствующему современному состоянию и запросам общества.

Ограничение формально-правовых процедур, публичного пространства опасно для власти: ее замыкание «в себе» (в атмосфере всеобщего недоверия или в силу «головокружения от успехов»)

чревато как угрозой «дворцового переворота», так и социального взрыва. Власть в этом случае перестает «слышать» общество: при исключении всякой публичной критики, кроме «дозволенной» (разрешенного «многоголосия на один голос»), она не замечает наиболее болезненных проблем и критических точек развития, не ощущает общественного давления. Все это резко снижает возможности ее адаптации к социальным изменениям.

Партия для власти есть способ упорядочивания политического пространства – для облегчения управления им, но и в соответствии с «запросами» граждан. 90-е годы продемонстрировали, что публичная политика, многочисленные партии, лица, структуры – это слишком сложная игра для России. Вся эта «множественность» избыточна для нее. В обществе существует потребность к упрощению – жизни вообще, политики, в частности[398]. Она определяет «общественный дух», (массовую) волю «среднего», «простого» человека. С ним не «справились», не смогли увлечь и повести за собой публичные политики недавнего прошлого. Партийные образования тех лет, ушедшие сейчас с политической сцены, так и остались, в известном смысле слова, «партиями Садового кольца». За дело взялась власть – и дала гражданам партию, выражающую не частные, партийные, а общие (народные) интересы[399]. При этом она заполняла собою не занятые участки политического поля или вытесняла с него тех, кто оказался не способен (используя электоральный процесс) ей противостоять.

Однако, монополизировав политическое пространство, власть вынуждена считаться с общественными запросами, приспосабливаться к ним. В конце XX в. русское общество стало дискретным, сегментированным, его невозможно свести к одному, общенародному интересу. Множество социальных интересов не способно

---

[398] См.: Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С.184-202, 440, 548 и др.

[399] Подчеркивая свою роль – уполномоченных власти в деле «защиты народных интересов», «ЕР» «отстраивается» от негативного образа политических партий, сложившегося у избирателя. В ходе общероссийского опроса ФОМ (август 2001 г.) 52% респондентов заявили: партии приносят России больше вреда, чем пользы (противоположную позицию заняли 22%). Кертман Г.Л. Указ. соч. С.130. Претензии граждан в основном сводятся к следующему: партийцы «болтают» и бездействуют («между собой грызутся», «много говорят, а помощи народу нет»); постоянно конфликтуют («никак не договорятся», «раздор, споры, нет единства»); борются за власть («между ними идет борьба за власть, в результате – меньше порядка»). Там же. Принадлежа к публичной сфере, но вставая над межпартийным соперничеством и демонстрируя участие в повседневной практической работе по решению социальных проблем, «ЕР» указывает на свою продуктивность для интересов страны (в отличие от остальных «контрпродуктивных» партий, ориентированных на «партикулярные», «клановые» интересы). В этом смысле, в восприятии значительной части населения, «ЕР» сливается с властно-административной системой.

представлять одно партийное образование. Не случайно в это время была создана серия разных партий власти. Нынешнему состоянию общества больше соответствует идея партийной системы власти, а не партии власти. «Центровые» этой системы сосредоточены в «Единой России». Она и есть та питательная среда, в которой (возможно) будет формироваться властная партсистема. Ее составят массовые партии, способные представлять разные интересы постсоветских граждан, переплавлять их в символическое единство[400].

«Антинародная» власть – «народная» партия: основания виртуализации партийного проекта

Общественную ситуацию, социальный «климат» 1990-х гг. определяли ожидания от власти, носившие преимущественно стабилизационный характер: «...политическая элита надеялась на изменение стиля управления, масса – на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о «наведении порядка»[401]. Резко отрицательное отношение граждан к власти было обусловлено ее слабостью, а значит, неспособностью «обеспечить свои функции по отношению к населению. Более половины россиян характеризовали политическую ситуацию как «безвластие и анархию»[402]. Массовый политический человек был готов (и воспринимал это как благо) к «усилению» (вплоть до демонстрации силы), консолидации власти, преодолению «разболтанности и расхлябанности» государственного механизма, децентрализации, сепаратизма («удельщины»). Хотя «при всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок» порядок неизменно одерживал верх[403], граждане хотели сохранить свои свободы (прежде всего, передвижения, а также гласность и минимальный политический плюрализм). Интерпретируя социальный запрос, «стабилизационная власть» (термин Ю.Левады) могла предложить обществу переход от чрезмерного многообразия к консолидации всех политических сил, от разобщенности – к единству, интеграции на уровне «большого общества» под эгидой «верхов-

---

[400] Если ориентироваться на предпочтения социального большинства, оптимальным было бы создание двухпартийной властной системы: «ЕР» оставалась бы «правящей» партией, «Справедливая Россия» имитировала оппозиционную партию – но не верховной власти, а той линии, которую проводили единороссы, Дума в целом и правительство. Тем самым власть структурирует политический класс, создавая условия для контролируемой борьбы в «верхах» и возможности для организованного «сверху» выражения общественного мнения.

[401] Левада Ю. Указ. соч. С.182.

[402] Образы власти в постсоветской России... С.74.

[403] Левада Ю. Указ. соч. С.182.

ной» (президентской) власти. Это она, собственно, и сделала. – И была встречена гражданами «с пониманием».

В конце прошлого столетия подавляющее большинство населения страны считало, что проиграло от изменения экономической системы, но уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам[404]. Массовые экономические ожидания носили патерналистский характер; исследователи отмечают доминирование в обществе «патерналистских конструкций социальной реальности»[405]. Это объясняет, почему в народной «картине мира» современная власть оценивается как антинародная. По мнению большинства граждан современной России, интересы власти и народа совершенно разошлись, обычные люди нужны власти только для выполнения определенных функций (голосование) и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия; власти нет дела до простого человека и его проблем[406]. Желая «ощущать присутствие власти в повседневной жизни», граждане в то же время воспринимают ее как «чужую», «далекую» – и противопоставляют «своей», «при которой простым людям жилось лучше всего». А своя, «народная» – это Советская, эпохи «брежневского застоя»[407].

С таким социальным фоном, народными ожиданиями столкнулась новая, путинская, власть. Исследователи характеризуют этот запрос к власти как «некий гибрид (или химеру?) более жесткой политики и относительно либеральной экономики»[408]. На самом деле, в представлениях российских граждан о материальном благополучии и социальной защищенности нет ничего от «экономического либерализма». В социальном и политическом народных идеалах ощущается влияние традиционных представлений, пристрастий и исторического опыта. Одну из центральных «народных» идей выразил когда- то К.Д.Кавелин в концепции «самодержавной республики»[409]. Ее отголоски слышны в определениях российского «переходного политического режима» как «выборного самодержавия». Свой социальный идеал воплотило советское государство. Вот как описывал его Н.Н.Алексеев: «народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с на-

---

[404] Там же.
[405] См.: Образы власти в постсоветской России. С.67.
[406] Там же. С.163.
[407] Там же. С.67, 74.
[408] Левада Ю. Указ. соч. С.183.
[409] Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии истории и культуры. М., 1989. С.436, 440.

родным представительством»[410]. Очевидна близость этого идеала – идей демократии, диктатуры (демократуры) и социальной справедливости, «исправленных» и «преображенных» в примитивном, безрелигиозном и материалистическом смысле – постсоветским гражданам. Столь же очевиден интерес, который проявляет к этому идеалу (не зная определения Алексеева, придя к нему инстинктивно) власть. Если идеи демократии и диктатуры она реализует на практике, то «социальная справедливость» может быть воплощена ею только в сфере слов, образов, символов.

Именно поэтому современная власть так нуждается в информационном ресурсе. Партия власти является одним из инструментов ее выхода в публичное информационное пространство. Власть неизбежно будет использовать медийную среду для реализации своих целей. Партийный проект есть одно из средств «приватизации» этой среды, навязывания определенных политических смыслов «массовому зрителю». По законам современной глобальной политики, «политический синтез социального пространства закрепляется посредством коммуникации», а потому «...контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникаций становится основным предметом политической борьбы... Переход к постсовременности... являет коммуникацию, производство и жизнь как одно сложное целое, как открытое поле конфликта»[411].

Это определяет характер «отношений» власти и мира коммуникаций: «Индустрия коммуникаций объединяет воображаемое и символическое внутри биополитической ткани, не просто ставя их на службу власти, но и фактически встраивая их в само ее функционирование»[412]. В современном мире коммуникации не просто опосредуют политику. Они суть форма ее осуществления. Особенность нашей политии состоит в том, что коммуникативный мир языка, информации и символов является не формой реализации власти, пространством решения ее «очередных задач», но интегрирован в «мир власти», определяя его «содержательно», по существу. В мире коммуникации вырабатываются социальные зна-

---

[410] Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С.115.

[411] Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С.44, 372. Современность не только не может противостоять, но и предполагает «информационную колонизацию бытия». При этом речь идет уже не о виртуализации реальности, а создании (виртуальной) реальности со своими смыслами, кодами, сообществом пользователей. Медиа-реальность способна быть имитатором реальной (в том числе, политической) активности, задавать параметры мира политики, для массового человека, формировать (индивидуальные и коллективные) реакции на него.

[412] Там же. С.44.

чения, позволяющие существовать и воспроизводиться власти (демонстрируя, в том числе, как посредством новейших технологий обществу навязываются архаические образцы, смыслы, символы); там снимаются или редуцируются социальные противоречия. В этом смысле, русская власть в любое время имеет качества «медиакратического режима», а назначение информационно-символической деятельности состоит в преоделении (или его демонстрации) отчужденности власти и общества, моделировании их единства.

Роль партии в накоплении субъектности власти

Но вернемся к партии власти. Это попытка создания некоей привластной группы, с помощью (и посредством) которой власть будет управлять обществом. Вспомните: в Московской Руси реализовывался боярский принцип управления, в имперской России – дворянский, в СССР - номенклатурный. Какой у нас сегодня? Назовем его условно «партийно-властным». Для управленцев, «вышедших» из партийно-коммунистической советской системы, это вполне органичная находка.

Сейчас принято характеризовать «Единую Россию» как партию бюрократии, чуть ли не государственную структуру, составленную из представителей исполнительной власти[413]. Тем самым партии придается самостоятельное значение; она становится одним из главных оснований для характеристики современного режима как бюрократически-авторитарного[414]. Это не точно по существу. Во властном партийном проекте власть отделена от партии – в том смысле, что «Единая Россия» только представляет власть, является одной из ее функций. Власть субстанциальна, а партия – функциональна[415]. Как, собственно, и бюрократия – та ее часть, которая «служит» в партии. Эта «диспозиция» не изменится, даже если условием «государевой службы» станет партбилет (какой-нибудь из) партий власти. Что же касается определения существа «режима», то в русских условиях любой режим можно характеризовать как бюрократический. Это – бытийственная, а не переменная характеристика властной организации.

---

[413] См.: Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. М., 2004. Том 8. № 3. С.55.

[414] См. об этом: Там же. С.40-46.

[415] Партия власти может служить и для «перевода» народного недовольства с власти на партию. Власть вполне может дистанцироваться от «использованной» партии – и создать какую-то новую.

Специального обсуждения заслуживает состав партийцев. В известном смысле, «Единая Россия» действительно является партией «новой» власти[416]. Путинский «служилый класс» обладает характеристиками и советской номенклатуры и дореволюционного чиновничества (того же дворянства на гражданской службе). От первой у него – зависимость от власти и характер организации; от второго – разрешение владеть собственностью, богатством.

«Служилых людей» путинского порядка объединяет еще одна черта, которая, скорее, приписывается им гражданами, чем существует в реальности. Это бульшая близость (или мйньшая удаленность) от идеала социальной справедливости, народной морали. Большинство граждан упрекают власть в жадности, коррупции, стремлении «подмять всё под себя»[417]. «Лицо» нынешней власти – В.В.Путина – они склонны характеризовать иначе: его воспринимают сквозь призму модели «вынужденного властвования» («власть не нужна, власти не добивался»); он – вне рамок «грязной политики»; стремился к власти ради общезначимого дела, а не для материального обогащения[418]. Окружающих его силовиков, сотрудников спецслужб значительная часть населения тоже «видит» в несколько романтическом ключе: в КПСС они принадлежали к «вооруженной партийной гвардии, обладавшей правами надзора за всеми кадрами и организациями и – по легендам – не причастной ко всепроникающей коррупции, в том числе нравственной»; их меньше, чем остальные государственные структуры, затронули разложение и распад 1990-х годов.[419]. Этот образ «спасателей» распространяется на всех путинских выдвиженцев.

Возрождая проект «партия власти», власть признает усложнение социального организма и наличие в обществе конфликтов, с которыми надо что-то делать. С признанием социальных конфликтов было связано создание партии власти в начале XX века. Партия нового типа была нацелена (и в теории, и на практике) на изживание, уничтожение конфликтов. Новый проект партии вла-

---

[416] Прежние властные партийные образования формировала «старая», ельцинская, власть. Те партии принадлежали Смутному времени, породившему «бояр-олигархов», «удельных князьков», публичных политиков из среды «приватизаторов», демократов, реформаторов. В эпоху Порядка произошел «перебор людишек»: «чужаков» во власти, пытавшихся ее приватизировать, сменили «свои» – «государевы люди», бюрократы. В который раз в русской истории дворянский, служило-бюрократический принцип одержал верх над боярским, удельно-олигархическим (правда, больше внешне, чем по существу).

[417] См.: Образы власти в постсоветской России… С.167.

[418] См.: Там же. С.188-189.

[419] Левада Ю. Указ. соч. С.189.

сти свидетельствует о том, что власть не только «принимает» сложную конфликтную природу общества, но и не может справиться с ней старыми советскими методами. Партия власти – это способ преодоления властью социальных конфликтов с помощью новых технологий[420].

Введение принципа партийного управления на некоторое время поможет снять остроту конфликта между ведомственным и «территориальным» (областным, краевым, республиканским) управленческими принципами. Через партию как синтез партийно-учрежденческого, партийно-государственного начал возвращается «единая, неделимая» власть. Недаром лидеры наиболее влиятельных государственных структур современной России возглавили партию «новой» власти. Партия власти – это не способ отмены, но – преодоления системы разделения властей. Русский вариант приспособления к современным формам организации власти предполагает ликвидацию самостоятельности отдельных властных образований. В той же мере партия власти есть способ преодоления «удельной» разобщенности, приближения к идеалу «Единой России».

И, наконец, партия власти может быть инструментом восстановления традиционного принципа российской Власти – соединение в одних руках административных и хозяйственных функций, единство властесобственности. Оно было разрушено в 1990-е годы, в период нового накопления капитала (за счет ограбления не крестьянства, как в конце 1920-х – 1930-е годы, но прежде всего городского населения) и господства конкурентно-властной системы. Формирование монопольно-властной системы предполагает возвращение властью утерянных позиций и в «бизнес-пространстве».

Объединение в одной партии и олигархов, и чиновников во многом снимает противоречие между властью и собственностью. Пытающаяся сохранить свою независимость и влияние собственность будет «приватизирована» (уничтожена) властью[421]. «Допускаемая» в обществе собственность попадет под контроль власти. Через свою партию власть пытается реализовать идею нового «общественного договора», достичь базового социального консен-

---

[420] В связи с этим нельзя не вспомнить концепцию «властной плазмы» Ю.С.Пивоварова. (См.: Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С.162-164).

[421] Потому были совершенно не оправданы (и не оправдались) надежды на «представителей класса предпринимателей», которые, выйдя на политическую арену для защиты корпоративных интересов, вернут российским партиям функции артикуляции и агрегирования интересов (См.: Кулинченко А.В. Указ. соч. С.162).

суса. Только не поводу общества и личности, как это всегда происходит на Западе, а по поводу и с позиций власти.

Подводя итоги, укажем: создание партии власти не было связано с обращением к актуальной политической традиции, использованием сохраненного и критически «проработанного» опыта. Напротив, это одна из забытых политических идей, смутный образ (из) прошлого, о котором современная власть не знает и, видимо, не хочет вспоминать. При этом, реализуя собственный проект, воспроизводит в основных чертах «находки» предшественников. Так проявляется специфика отношения русской власти к своему наследию: политические идеи и практики, отработав свое, отбрасываются, забываются, а затем, по мере надобности, изобретаются вновь. Воспроизводя традиционную логику политической преемственности в России, ориентирующую не на развитие через критическую саморефлексию, а на выживание, самосохранение, власть обрекает себя на хаотические, судорожные действия (по типу «вызов»–«реакция»), во многом повторяющие прежние, уже предпринимавшиеся в сходных условиях. Это демонстрируют как практики властной трансляции и легитимации, рассмотренные в ретроспективной проекции, так и история партии власти. В конечном счете, традиционный тип наследования (среди прочего) препятствует обновлению природы власти, преобразованию ее отношений с обществом.

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ЗАХВАТА И ПРИСВОЕНИЯ ВЛАСТИ В СТРАНЕ

С.А. Денисов

Основным принципом конституционного строя является суверенитет народа. Правовой гарантией реализации этого принципа является запрет отнимать власть у народа, в какой бы форме это не происходило.

Для исследования феномена отнятия власти у народа в первую очередь следует выявить субъектов, которые обычно претендуют на власть в стране и подчиняют себе ее население. В доконституционном государственном праве иногда прямо декларировалось, что суверенитет в стране принадлежит главе государства.

История полна примеров, когда отдельные личности захватывали власть в стране и становились диктаторами. Присвоение власти одним человеком получило название монократической формы правления, внутри которой выделяют монархию и диктатуру одного человека, не имеющего династического обоснования своей власти.

Один человек (даже, если это восточный деспот, тиран), конечно, не может захватить всю власть над страной. Он вынужден опираться на какую-то группу (клику)[422] или социальный слой. При олигархической форме правления высшая власть в стране принадлежит группе людей (комитету, хунте). Человек или группа людей, захватывающих власть, могут составлять какой-то орган государства. Полномочия, не принадлежащие ему, может присвоить себе глава государства, глава правительства, какой-то иной государственный орган (например, Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР – ГКЧП СССР в 1991 г.)[423].

При социологическом анализе ситуации в стране мы можем обнаружить, что власть над населением страны осуществляет какая-то большая группа людей: аристократия (боярство, дворянство), этническая социальная группа (правление маньчжуров в Китае с XVII по XX в.)[424], группа военных (в течении XX в. военных находились у власти во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки), класс (рабовладельцы, феодалы, буржуазия). Теория административного общества говорит о том, что власть в стране может захватить класс государственных управленцев или иначе называемый административный класс. Отмечается, что в Иране после 1979 г. духовенство превратилось в правящий класс[425]. Большая группа людей, удерживающая власть в стране, может быть объединена в какой-то формальный союз, например, политическую партию. Так, Конституция СССР прямо указывала,

---

[422] Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1.– Ростов-на-Дону. Изд. Март, 2013, с.324-327

[423] Заявление советского руководства от 18 мая 1991 г. // Советская Россия. 1991. 18 августа.

[424] Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. – М.: Наука. 1985, с.8-18

[425] Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005

что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, является КПСС (ст. 6)[426].

На субъектов, опасных с точки зрения захвата власти в стране, указывают конституции разных стран. Ч. 4 ст. 3 Конституции РФ говорит, что никто не может присваивать власть в России. Конституция Турции 1982 г. более конкретна. Она запрещает присваивать суверенитет какой-либо личности (помня власть Кемаля Ататюрка), группе или социальному классу (ст. 6). Ч. 4 ст. 68 этой Конституции запрещает политическую деятельность партии, если она наносит вред суверенитету и преследует цель установления господства одного социального класса или группы или диктатуры[427]. В Конституции Франции 1848 г. было записано, что никакой отдельный гражданин, никакая часть нации не может присваивать осуществление суверенитета (параграф 1).

Установление власти над населением страны возможно в разных формах. Властный субъект может закрепить свою власть в конституции и законах. Например, правитель может ввести в конституцию право на пожизненное занятие должности главы государства. Ст. 5 Основного закона Саудовской Аравии гласит, что она является монархией и власть в ней принадлежит сыновьям Абдель Азиза и их сыновьям[428]. Пожизненное правление может не закрепляться прямо в конституционном тексте. Устранение ограничения сроков занятия должности главы государства обычно указывает, что правитель намерен пожизненно занимать свою должность. Так, устранение из Конституции Беларуси ограничения сроков занятия должности Президента Беларуси является скрытой формой, обеспечения пожизненной власти А. Лукашенко. Пожизненная власть правителя и передача ее по наследству (или назначенному преемнику) может быть правовым обычаем страны. Такой обычай сложился в Северной Корее[429].

Неконституционный (незаконный) захват (присвоение) власти может быть легитимным (одобренным населением страны, не спо-

---

[426] Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерки истории советской Конституции. – М. 1987, с.319

[427] Шафиров М.Ш. Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2009, № 19, с.4

[428] Александров И.А. Монархии Персидского залива. – М. 2000, с.144

[429] Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. – М.: «Русская панорама», 2006, с.55

собным на самоуправление) или нелигитимным, не одобренным населением.

На захват власти в стране какой-то группой указывает изменение фактической формы государства: демократический режим сменяется авторитарным или тоталитарным, республиканская форма правления заменяется монократической, на смену федеративному государственному устройству приходит унитарное. Отказ от власти народа означает замену правового государства на государство произвола, полицейское государство. Власть могут потерять какие-то органы, представляющие разные группы населения: органы местного самоуправления, органы власти в регионах, парламент страны, суды. Государство, находящееся в руках какой-то группы общества, неизбежно становится либо государством-насильником либо государством-мошенником.

Законы разных стран обычно запрещают захватывать власть с помощью насилия, незаконным путем. Меньше внимания уделяется на захват (присвоения власти) ненасильственными методами. По аналогии с хищением имущества, можно выделить такие ненасильственные способы завладения властью, как кража ее (тайное присвоение), мошенничество (захват путем обмана населения или злоупотребления его доверием), присвоение (неконституционное удержание власти, полученной первоначально конституционным путем, с целью распоряжения ею как своей собственной). Ч. 4 ст. 3 Конституции РФ говорит о захвате и присвоении власти. Слово захват в русском языке обычно связывается с овладением тем, чего раньше у субъекта не было[430]. Присвоить, согласно языку уголовного права, можно то, что получено правомерным путем, находилось ранее во владении (но не в собственности) субъекта[431].

В юридической и политологической литературе высказывается мнение, что власть фактически никогда не принадлежала и не может принадлежать народу. Суверенитет народа – это юридическая фикция, обеспечивающая легитимацию государства и позитивного права. Марксизм утверждает, что власть всегда принадлежит какому-то классу. Самое демократическое государство остается буржуазным государством, где власть принадлежит классу частных собственников. Никакого народного государства быть не

---

[430] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.1993, с.228
[431] Юридический энциклопедический словарь. 1987. – М., 1987, с.384

может, - пишет К. Маркс[432]. Теория элитаризма доказывает, что власти в стране всегда принадлежала и будет принадлежать каким-то элитам. В Средние века доказывали, что не может быть иной формы правления, чем монархия.

Другая позиция заключается в том, что человечество может перейти к власти народа, если население страны становится способным к сознательным, организованным действиям, направленным на реализацию своих интересов (население становится народом). Очевидно, что это еще не произошло в развивающихся странах, в том числе в России. Здесь класс управленцев, его верхи, правитель делают все возможное для того, что население не стало народом, чтобы власть и далее оставалась в их руках. Нетрудно указать на те неконституционные действия (в том числе правовые), которые они осуществляют в целях сохранения своей власти. В экономической сфере они стремятся удержать в руках недемократического государства право собственности на основные богатства страны (природные ресурсы, предприятия, являющиеся естественными монополиями и т.д.). В этом случае административный класс, представляя государство, оказывается коллективным собственником основных общественных благ, а значит остается экономически господствующим классом. Правитель выступает в роли верховного собственника этих благ. Зависимость значительных групп общества от государства и его бюрократии поддерживается за счет распределительного характера экономики (редистрибуция). Государство отнимает с помощью налогов и сборов у общества значительную часть производимого им продукта и затем, опираясь на принцип справедливости, распределяет блага между людьми. Оно становится кормильцем и хозяином для значительных групп общества, которые теряют способность и желание самостоятельно создавать блага для своего существования. В России ситуация усугубляется тем, что большую часть общественного продукта составляет природная рента, получаемая от добычи и продажи за рубеж нефти, газа, леса, иных полезных ископаемых. Эта рента присваивается государством и распределяется среди населения по воле государственной бюрократии. В руках Правителя, государственных органов, их клиентелы концентрируются огром-

[432] Маркс К. Критика Готской программы. – М, 1975, с.21

ные богатства, с помощью которых они легко подкупают разные группы население страны, в том числе при проведении голосования. Естественно, «Единая Россия», как организация бюрократии и ее клиентелы, в отличие от других политических организаций, не испытывает трудности в финансировании. Власть общества над бюрократией (социократия) возникает только при переходе к капитализму, когда возникает независимый от государственной бюрократии класс буржуазии. Только он способен с помощью имеющихся у него материальных средств объединить людей вокруг себя (создать сильное гражданское общество) и превратить административный класс в социальную прослойку бюрократии, работающую на благо общества. В свою очередь, административный класс пытается превратить буржуазию в свою клиентелу и использовать ее для поддержания своей власти над страной.

В политической сфере для удержания власти административный класс и группа, которая его возглавляет, принимает меры, не допускающие возникновение в обществе сильных организаций, способных конкурировать с партеобразным объединением бюрократии. В России на это нацелены нормы ФЗ «Об общественных объединениях» (1995 г. с изменениями и дополнениями), «О политических партиях» (2001 г. с изменениями и дополнениями). За последние годы правящая группа сумела маргинализировать всех своих политических оппонентов. Они потеряли всякую надежду прихода к власти в ходе выборов в органы государственной власти. Выборы стали полностью управляемыми, подчас превращаются в плебисциты о доверии Правителю и его ставленникам. Например, ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и прав на участие в референдуме» так забюрократизировал весь процесс выборов, что бюрократии не составляет труда устранить из избирательного процесса неудобных для нее лиц, не допустить общественного контроля над процессом голосования и подсчетом голосов. Превращение средств массовой информации в подконтрольные государству средства массовой пропаганды позволяет манипулировать сознанием большей части избирателей и получать итоги голосования, нужные бюрократии. С помощью управляемых выборов формируются послушные Правителю и его наместникам в регионах представительные органы.

Для того, чтобы удерживать власть над населением административный класс должен быть единым. Для поддержания этого единства управленцы нуждаются в едином правителе, в иерархии и строгой дисциплине. Хорошим изобретением XX в. стало партеобразное объединение бюрократии и ее клиентелы. Недаром оно было принято на вооружение в большинстве стран «третьего мира». Подорвать единство административного класса может федеративное устройство государства, при котором рождается конфликт между управленцами центра и регионов. 1990-е гг. в России хорошо показали, что разрушение единства административного класса грозит ему потерей власти над страной. Россия чуть было не перешла к демократии и республике.

Подкуп интеллектуального класса, контроль за сферой образования позволяет административному классу управлять общественным мнением страны. Обычно он объявляет себя носителем какой-то идеологии (национализма, коммунизма, реваншизма), с помощью которой объединяет вокруг себя население страны. При ненасильственном захвате власти обман населения становится важнейшим средством осуществления государственной политики. Для ее реализации создаются особые органы государства или близкие к нему организации. В орудия обмана населения превращается церковь, органы образования, науки и культуры, средства массовой пропаганды.

Признаком того, что власть присвоена административным классом, его высшим слоем и правителем является наличие в стране недемократического политического режима, монократической формы правления, устранения возможности для населения в регионах и на местах самостоятельно решать свои дела (устранение федерализма в большой стране и местного самоуправления). Степень присвоенности власти может быть различной. Сегодня в России отдельные представители административного класса и служилой интеллигенции призывают Правителя добить оппозицию и перейти от мягкого авторитарного режима к жесткому тоталитаризму.

Захват власти (полномочий) отдельным человеком или группой людей имеет свою специфику в отличие от захвата власти целым классом. Он происходит путем совершения конкретных действий: нарушения демократических норм избирательного процесса

(например, отказ допустить к выборам представителя оппозиции, создание не равных условий для ведения агитации во время избирательной кампании, фальсификации итогов голосования), роспуска конституционных органов (чаще парламента), призванных реализовать волю каких-то групп населения, присвоение каких-то полномочий конкретным лицом или органом власти. Например, важным мероприятием в захвате власти в России В.В. Путиным было создание так называемой партии власти, которая позволила восстановить единство государственной бюрократии страны. С ее помощью Верховная власть сумела установить контроль над представительными органами, как центра, так и регионов. Законодательные органы были превращены в законорегистрационные[433] при Правителе и его наместниках в регионах. Контроль над общественным сознанием был восстановлен в результате захвата основных каналов распространения информации: телевидения, радио, крупнейших газет. Восстановление имперского управления в России было обеспечено посредством перехода к фактическому назначению глав регионов Президентом РФ[434]. Они перестали быть органами власти субъектов Федерации, из публичных политиков превратились в обычных чиновников, судьба которых полностью зависит от свободной воли их патрона[435]. Назначаемые главы регионов сумели поставить под свой контроль представительные органы регионов. Так удалось создать «вертикаль власти» и устранить федерализм в России. Президент РФ превратился в подобие императора.

Давно известно, что для сохранения власти необходимо ослабить своих оппонентов, внести раскол в их ряды. Это хорошо получается у правящей группы современной России. Сеять рознь удается как среди «левой», та и среди «правой» оппозиции. Избирательное законодательство сегодня запрещает партиям создавать предвыборные блоки.

---

[433] Денисов С.А. Федеральное Собрание: Нотариальная контора при российском президенте? // Россия и современный мир. 2006, № 4 (53), с.104-108

[434] Федеральный закон РФ «О внесении изменений в ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

[435] Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» // СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3256.

Ненасильственный захват (присвоение) власти часто осуществляет медленно, через ряд мер, путем постепенной концентрации полномочий в руках правителя или группы с одновременным ограничением прав граждан. Правящая группа (правитель) похожа на удава, который медленно удушает гражданское общество. Каждый шаг при расширении власти должен быть как-то оправдан, иметь прикрытие. Так устранение в России свободы массовой информации шло под прикрытием хозяйственных споров между субъектами предпринимательства. Расширение контроля правящей группы над экономикой шло под лозунгом возврата государству незаконно отторгнутого у него имущества, борьбы с олигархами. Выполоть слабые ростки гражданского общества в виде независимых от государства НПО удалось под прикрытием борьбы со шпионами и укрепления суверенитета России.

Правящие группы могут достаточно эффективно использовать стадные инстинкты населения. Для того, чтобы люди как бараны при запахе волка сбились в кучу, объединились вокруг правителя обычно их пугают внешней угрозой, которую намеренно провоцируют или просто выдумывают. Например, в России в последние годы было принято ряд мер для обострения конфликта с США и со странами Европы. Достаточно успешно удалось сформировать в сознании населения образ страшного врага. Это позволило объединить массу населения вокруг вождя, а его противников объявить предателями Родины, «пятой колонной». На внешних врагов сегодня можно свалить всю ответственность за провалы в экономической политике правящей группы, за резкое падение жизненного уровня населения.

Обычно правитель или правящая группа в целях присвоения власти старается «усыпить» население, сделать его пассивным, терпеливым. Но история знает и другие примеры. Мао Цзэ-дун не боялся активности масс и с их помощью успешно укреплял свою власть, расправлялся со своими оппонентами в бюрократическом аппарате страны (лозунг «огонь по штабам»).

В демократических странах мира создаются механизмы, предотвращающие концентрацию власти у одного лица или группы лиц. Конституции этих стран запрещают одному лицу занимать должность главы государства больше 8-12 лет. Если этот ограничитель отсутствует, то лицо, получившее власть законным путем

на время постепенно присваивает ее и использует в своих интересах пожизненно. Консервативное население привыкает к своему хозяину. Правитель постепенно расставляет на все должности преданных ему людей. «Кадры решают все». Одинаковые институты в демократических и недемократических странах работают совершенно по-разному. В США и в России судьи высших судов назначаются президентом. Но в США каждый новый Президент должен работать с судьями Верховного суда, получившими должность до него. В России уже больше половины судей Конституционного Суда и все судьи Верховного Суда получили свою должность от Правителя (или его ставленника Д.А. Медведева) и, естественно, должны испытывать чувство ответственности перед ним. Это легко объясняет их позицию по поддержанию расширения полномочий Президента РФ и превращения его в Императора.

Способы и приемы захвата власти в стране, в том числе без применения насилия, давно известны. Их хорошо описал Н. Макиавелли. Макиавеллизм заменяет нормы конституции в недемократических странах.

В современных условиях субъекты, захватывающие власть в стране, обычно стараются скрыть этот факт и выдать свое правление за правление народа. Сокрытие захвата власти в стране позволяет именем народа творить полный произвол. Грабеж объявлять национализацией имущества, убийство своих оппонентов – защитой народа от преступников. А. де Токвиль писал: «Воля народа есть, пожалуй, один из тех лозунгов, которым интриганы и деспоты всех времен и народов наиболее злоупотребляли[436].

Имитация власти народа обычно осуществляется с помощью октроированного конституционного акта, декларирующего суверенитет народа, демократию, республику, федерализм, правовое государство, местное самоуправление, политические права и свободы граждан. Наряду с этим актом вводится в действие механизм нейтрализации его норм, который включает в себя средства экономического, социального, политического, идеологического и правового характера[437] [Денисов 2007: 2-8]. Как уже отмечалось, неимущее население, нуждающееся в помощи со стороны государства, не

[436] Токвиль Алексис де. 1992. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992, с.62

[437] Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007, № 6, с.2-8

стремится к свободе. Отсутствие развитой партийной системы не позволяет разным группам общества активно участвовать в управлении общественными и государственными делами. Конституционные свободы урезаются с помощью регулятивных норм законов и подзаконных актов. Граждане имеют право использовать свои политические права с разрешения государственных чиновников, до тех пор, пока это не становится опасным для сохранения власти административного класса и его элиты.

Целям имитации суверенитета народа служит дозированное допущение реализации политических прав и свобод. Административный класс может позволить выход нескольких свободных средств массовой информации, которые охватывают своим влиянием 10 - 15 % населения страны. Дозволяется деятельность слабых оппозиционных партий, которые не могут отнять власть у правящего класса и его элиты. Даже при Мао Цзэ-дуне в Китае не прекращали функционировать еще 8 (кроме Коммунистической партии Китая) политических партий, полностью зависимых от руководства страны[438]. Сегодня в России допущена деятельность оппозиционных партий, которые не имеют большинства ни в одном представительном органе страны. Время от времени бюрократия может разрешать оппозиции проводить публичные мероприятия. Все это создает видимость наличия демократии в стране, но не подрывает власть административного класса и ее высших слоев. Власть народа часто путают с патерналистской политикой, осуществляемой административным государством. Если население находится в плену «философии свиньи», то оно вполне удовлетворяется тем, что государство проявляет заботу о росте его благосостояния и не требует себе властных полномочий. В 2008 г. В.В. Путин сделал вид, что передал власть главы государства Д.А. Медведеву. Это создало видимость того, что он не является пожизненным правителем России.

Сокрытие наличия захвата власти в стране обеспечивается организацией массовой пропаганды, которая доказывает, что государство, административный класс, его верхи, правитель служат

---

[438] Политическая система и право КНР. Процесс реформ (1978 – 2005). 2007. М.: Русская панорама, 2007, с.6

народу. Если что и делается не на пользу общества, то по ошибке. «Хотели как лучше...».

Обвинить правителя или группу лиц в захвате власти наиболее трудно, если этот захват произведен путем мошенничества. Население, введенное в заблуждение, само передает власть мошеннику в процессе выборов органов власти (плебисцита). Конечно, такие выборы не являются свободными и честными, но формально, все процедуры передачи власти соблюдены. Мошенник утверждает, что он представляет народ. Его пропаганда доказывает, что обманутое население приняло мудрое решение, передав ему власть над собой. Тех, кто призывает население очнуться, одуматься обвиняют в неуважении к народу, к выбору народа. Выступление масс против диктатора рассматривается как попытка свержения законного правительства, как государственный переворот.

Наиболее виртуозным, с точки зрения искусства мошенничества является захват власти чужими руками. Борис Годунов долго делал вид, что не желает стать царем и принял корону только после длительных уговоров бояр и жителей Москвы. Как уже отмечалось, важнейшей задачей для правителя, стремящегося монополизировать власть в стране является установление контроля над представительным органом страны. Это позволяет ему далее устранять конституционный строй в стране и двигаться к единоличной власти посредством принятия законов представительным органом. Большой победой А. Гитлера было принуждение рейхстага принять закон о предоставлении ему чрезвычайных полномочий (23 марта 1933 г.). На основании этого закона вся его дальнейшая деятельность приобрела законный вид. Формирование полностью подконтрольного ему рейхстага позволило создавать видимость того, что Германия остается республикой. Контроль над высшими судебными органами позволяет признавать любые неконституционные акты правителя и его марионеточного парламента конституционными. В отличие от Б.Н. Ельцина, который расширял свои полномочия с помощью собственных указов, В.В. Путин делает это с помощью законов, которые принимает послушное ему Федеральное Собрание. Увеличение конституционного срока пребывания его на должности Президента РФ с 8 до 12 лет формально

произошло отнюдь не по его инициативе, а по предложению Д.А. Медведева.

Законы большинства стран устанавливают юридическую ответственность только за насильственный захват власти. Так, Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ (ст. 280). Ненасильственный захват власти путем мошенничества, присвоения ее в уголовном порядке не преследуется.

Типичным для демократических стран мира является установление возможности отрешения главы государства от должности за действия, направленные на присвоение себе полномочий, не предусмотренных конституцией. Российская Конституция 1993 г. только имитировала эту возможность (ст. 93). Процедура отрешения Президента РФ от должности настолько усложнена, что реализовать ее на практике невозможно. Кроме того, на помощь к главе государства пришел Конституционный Суд РФ, который заявил, что у Президента РФ и других государственных органов есть скрытые полномочия, не записанные в Конституции РФ [Постановление... 1995]. Это открыло широкую дорогу для присвоения Президентом РФ все новых и новых полномочий, не предусмотренных Конституцией РФ, и позволило ему приобрести верховную власть в стране, встать над всеми иными органами государства, заменить разделение властей разделением труда между подконтрольными ему органами. В конституциях ряда стран запрет захвата власти имеет такой же декларативный характер, как декларации о демократии, республике, правовом государстве. Это всего лишь декорация, создания видимости конституционности существующего строя, не имеющая никакого отношения к реальной жизни страны.

Глава государства или глава правительства, наверно, в любой стране стремятся сконцентрировать в своих руках побольше власти. Этому препятствует разделение властей, парламентские и судебные сдержки. Как уже отмечалось, в России они устранены. Президент РФ подчинил себе Федеральное Собрание, высшие судебные органы. На всех высших должностях в стране находятся преданные ему люди.

Присвоение отдельных полномочий чиновниками разного ранга в некоторых случаях можно было бы рассматривать как уголовно наказуемое превышение власти. Построенная в России вертикаль власти позволила устранить независимость суда, прокуратуры, Следственного комитета. Без команды «сверху» они не могут привлечь высоко поставленных чиновников к уголовной ответственности. Иммунитет к юридической ответственности присутствует не только у Правителя, но и у его номенклатуры.

На борьбу с захватом власти отдельными людьми и их группами нацелена доктрина Ж.-Ж. Руссо, которая говорит о праве народа на восстание против тирана. Эта доктрина в определенной степени нашла отражение в конституциях отдельных стран. Ст. 20 Конституции ФРГ 1949 г. гласит: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить этот строй, если иные средства не могут быть использованы»[439]. Параграф 2 Конституции Венгрии в редакции 1990 г. говорит о том, что граждане имеют право и обязаны защищать конституционный строй и народную власть[440]. С 1975 г. в мире распространяется практика свержения диктаторов посредством ненасильственных революций («бархатные», «цветные»). Первая удачная революция «гвоздик» произошла в Португалии. Затем таким путем свергли диктатора на Филиппинах. Ряд цветных революций, направленных против режимов советского типа произошли в странах Восточной, Центральной и Южной Европы. Правящая группа России принимает все возможные меры для того, чтобы здесь этого не случилось.

Ненасильственные формы захвата (присвоения) власти в стране какой-то группой (одним лицом) не сопровождаются таким кровопролитием, как насильственные, но они не менее опасны для конституционного развития страны и нуждаются в изучении.

---

[439] Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов. 1999. – М., с.64

[440] Енгибарян Р.В. 2007. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. – М.: Норма. 2007, С. 181

Часть 3. Этатизация общества и бюрократизация государства

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

О. И. Шкаратан

Вводные замечания

Я попытаюсь ответить на вопрос, заданный более 10 лет назад Д. Лэйном (Кембридж): «...ведут ли революции в посткоммунистических режимах к успешному транзиту в направлении стабильных либеральных демократий, и действительно ли движутся общества государственного социализма к капитализму, или история будет побуждать их в сторону формирования новых форм социализма, или к перманентному состоянию запаздывающего развития?»[441].

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась *этакратическая societалъная система* (советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с ее собственными законами функционирования и развития[442]. Об этом социально-экономическом порядке размышляли многие авторы, но можно считать, что его латентные характеристики и поныне недоста-

---

[441] Lane D. The Rise & Fall of State Socialism. Indastrial Society and the Sociaslist State. Cambridge: Polity Press, 1996, p. 194. Многими годами позднее изданная под его редакцией книга получила название «The Transformation of State Socialism. System Change, Capitalism or Something Else?» *[Lane* 2007].

[442] Концепция этакратизма, как объясняющая природу обществ советского типа, была раскрыта автором в книге: Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита Пресс, 2004.

точно осмыслены. Одна из наиболее удачных попыток оценить накопленные в науке идеи по проблеме отношений «власть-собственность», образующих ядро социально-экономической системы этакратизма, была предпринята Н. М. Плискевич[443].

Как писал М. Кастельс: «В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: *капитализме и стэйтизме* [в моей терминологии - *этакратизме* - О. Ш.]... Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания»[444].

Это суждение авторитетного автора приведено здесь для объяснения качественных различий между социально-экономическим и политическим порядком в современной России, носящим черты преемственности по отношению к советскому этакратизму, и современным либеральным капитализмом.

Проблема состоит в том, что в то время, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как *неоэтакратизм.* Другими словами, России не удалось выйти из ограничившего ее включение в мейнстрим мирового процесса развития состояния этакратической закрепощенности. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функциони-

---

[443] Плискевич Н. М. Мутации «власти - собственности»: проблемы и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2007.

[444] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. (Пер. с английского под ред. О. И. Шкаратана). М.: ГУ ВШЭ, 2000, с.38

рует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

Тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно о немедленном складывании конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством и демократического государства не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения. В противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу.

Каковы же новые черты социальной действительности, те социальные инварианты, в которых выразился характер социальной системы и присущей ей социальной стратификации, и которые были предопределены, прежде всего, воздействием всей совокупности исторически складывавшихся факторов, а также влиянием политики национальных правящих кругов? Начнем рассмотрение этой непростой проблемы с анализа подспудных процессов предыдущего периода, трансформировавших изнутри советскую (этакратическую) систему.

Административный рынок и преприватизация

С начала 1990-х годов стало общеупотребительным высказывание: «Номенклатура обменяла власть на собственность». Это выражение неверно хотя бы потому, что, став частными собственниками, представители господствующего слоя не перестали быть и властвующей элитой. Но, кроме того, номенклатура (или в другой терминологии, - этакратия) в условиях расцвета системы при Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо владела государством, которому, в свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно- частной. Индивидуальная собственность действительно была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом, кстати говоря, и было одно

из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного («азиатского») способа производства.

Такой глубокий знаток советского режима и его бюрократии как Л. Д. Троцкий еще до Второй мировой войны раскрыл «тайну» нашей бюрократии, ее тогда невыполнимую мечту. В книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» он писал: «...бюрократия СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собой национальной буржуазии. В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе». Более того, в номенклатурных привилегиях Троцкий усматривал зародыш капиталистического перерождения советского общества: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»[445]. Это, кстати говоря, и произошло после 1991 г. Недаром Е. Т. Гайдар позднее отмечал, что номенклатура стремилась к передаче по наследству своих привилегий. Другими словами, потребность в индивидуальной частной собственности связана с таким безусловным инстинктом как родительский[446].

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию, как только господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т. д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств - вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 50-х годов.

Однако ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок, весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют «эконо-

---

[445] Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. М.: НИИ культуры, 1991, с.206, 210

[446] Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995, с.114

микой согласований», сложный бюрократический рынок, построенный на обмене - торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на этом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, т. е. всем, что имеет какую-либо ценность. Особенно ценился на этом своеобразном рынке социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги. Директор завода или института понимал, что получить потребные ресурсы будет неизмеримо легче, если он (она) станет депутатом Верховного Совета, Героем социалистического труда или лауреатом Ленинской премии[447].

Директора предприятий из «винтиков» государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активных субъектов торга. Но «торговали» они не столько между собой, что было бы залогом нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали - от рядового рабочего до членов политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменять, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства заводского жилого дома. Поскольку в Центр пробиваться становилось все труднее, то стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты - директора и чиновники начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев.

Таким образом, в 1953-1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались свое-

---

[447] См.: Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма / Погружение в трясину. М: Прогресс, 1991; Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: О.Г.И, 2000.

образные латентные процессы зарождения «квазичастной» собственности, шел процесс преприватизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший перестройке и реформам, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система стала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки, исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или ее демонтажу.

Приватизация и складывающийся социальный порядок

В 1985-1991 гг. подспудные процессы предыдущего периода вышли наружу. Началась открытая номеклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова-Горбачева, вся выгода от которых досталась «своим» - хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации госсобственности и раздаче ее в «полное хозяйственное ведение» соответствующих должностных лиц (1987— 1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосударственные формы и таким способом еще более надежно закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России, которые только укрепили свои позиции.

Это объясняет бескровность «антикоммунистической революции». Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало открыто бога-

тым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом.

Номенклатурная приватизация не была единственным источником складывания слоев собственников. Был еще один канал преемственности в системах социального расслоения между «коммунистическим» прошлым и постсоветским настоящим. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 1980-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20-30 млн человек как полностью (вероятно, до 3 млн), так и по большей части - от случая к случаю. Слои предпринимателей, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро выраставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т. д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики[448].

Эти две прослойки собственников – легально-административная и теневая – вступили в противоборство за овладение собственностью и каналами получения доходов. Борьба разворачивалась за распоряжение средствами производства и за контроль над сферами распределения и обращения. Занимая выгодные исходные позиции в сфере обращения и частично - в сфере распределения, теневая прослойка стала постепенно наращивать позиции в сфере распоряжения средствами производства. Легально-административная прослойка была вынуждена делать уступки, корректируя законодательно-правовую основу бизнеса, в то же время сохраняя свои преимущества в административно-государственной сфере. В итоге борьбы обе прослойки к середине 1990-х годов практически слились. Но, следует добавить, слились на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры.

Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата, Е. К. Лигачев. Началось создание раз-

---

[448] Кочетов А. Истоки «новой» социальной структуры // Свободная мысль. 1993. № 9, с.66-73

нообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации практически не платили налоги, они имели право перекачки безналичных денег в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному официальному курсу (0,56 рубля за 1 доллар) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 рублей за доллар). Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продукции, которые они тут же продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Эти же люди создавали благотворительные фонды, неподконтрольные налоговой инспекции и позднее в своем большинстве таинственно исчезнувшие. И, наконец, все эти «свои» люди были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения «зачинателей» этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя «Менатеп», длительное время пользовавшаяся особой благосклонностью уже новых властей.

В 1988-1992 гг. на месте министерств были созданы концерны, на месте госбанков - коммерческие банки, на месте Госснабов и торгов - биржи, СП и крупные торговые дома. Это был этап латентной (номенклатурной) приватизации. Шел процесс, по выражению О. В. Крыштановской, «приватизации государства государством». В итоге были присвоены в частную собственность финансовые и управленческие структуры, произошла концентрация финансового капитала. Именно номенклатурным частным структурам давалась чиновничеством привилегия делать большие деньги. Формой доверия государства к коммерческой структуре было присвоение статуса уполномоченного. Государство уполномочивало привилегированные банки осуществлять самые выгодные операции. Именно в них государственные организации размещали свои расчетные счета. Лидерами «уполномоченности» были банки «Менатеп», «Инкомбанк»; за ними следовали «ОНЭКСИМбанк», «Мосбизнесбанк», «Мостбанк» и другие. Коммерческие банки разделились на уполномоченные, т. е. устойчивые, быстро растущие, обслуживающие государственный бюджет и бюджетные организации, и все остальные. Из общей численности примерно в 2000 коммерческих банков, возникших в 1990-е гг., к уполномоченным относились на 1994 г. - 78. Это были, как правило, банки, созданные при содействии партийных органов («Инкомбанк», «Мена-

теп») или под эгидой правительственных структур (Международная финансовая компания, ОНЕКСИМбанк) еще в конце 1980-х годов[449].

Приватизация советской распределительной системы закончилась созданием «комсомольских» бирж (МТБ, МЦФБ и др.), множества торговых домов, СП по международным торговым операциям. Тогда же, т. е. до легальной, публично объявленной приватизации, произошел переход в частные руки ряда рентабельных производств. Так возникли концерн «Бутек», МНТК «Микрохирургия глаза», объединение известного предпринимателя М.Юрьева «Интерпром» и т. д. Были приватизированы и некоторые министерства. Наиболее общеизвестный пример - концерн «Газпром». Но можно вспомнить и о концерне «Тяжэнергомаш» - приватизированном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения; о созданной на базе министерства корпорации (с 1993 г. - АО) «Трансстрой». Многие министерства выделяли в своем «хозяйстве» наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли Концерн «Норильский никель», крупнейшая компания «Алмазы России». Какое-то время они формально существовали в оболочке государственных компаний, корпораций, но довольно быстро были преобразованы в частично или преимущественно приватизированные.

Таким образом, в 1988-1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный псевдокапитализм в чрезвычайно выгодном варианте - лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. По идее, можно было ожидать, что фиговый листок лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники продолжат пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не будет платить по их долгам, и они как собственники станут нормально выплачивать рабочим заработную

---

[449] Крыштановская О. В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002(2). № 4.

плату. Другими словами, должен был бы начаться переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

В жизни процесс пошел преимущественно по другому вектору. Целью номенклатуры и соединившихся с нею новых крупных собственников было законсервировать отношения «ничейной собственности», чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной. Эта незавершенность, неопределенность отношений собственности сказалась, как это будет показано ниже, решающим образом и на социальной структуре общества.

Другой источник формирования крупных капиталов, а, соответственно, и крупной буржуазии - льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения «новых русских» возникли в 1988 г. и приняли небывалые масштабы, начиная с 1992 г. По мнению Андерса Ослунда, экономического советника правительства при Е. Т. Гайдаре, «в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах» и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. А на разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье), благодаря экспортным квотам и лицензиям, сколотили огромные состояния, как выразился тот же превосходно информированный Ослунд, «люди с большими связями - должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники». Также воздействовали на складывание феерически возникавших состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортеры платили всего лишь один процент действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам, а субсидия пошла в карман импортерам. И Ослунд считает, что именно такими путями «в прошедшие несколько лет в России появились по-настоящему богатые люди. В их числе банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников. Некоторые из этих людей сумели сделать более одного миллиарда долларов». Основная часть их вышла из рядов прежней советской номенклатуры[450].

Однако и в пределах предопределенного варианта развития были возможности увеличить долю неноменклатурной приватиза-

[450] Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. 20 июня 1996.

ции. Такой авторитетный и либерально ориентированный автор как академик Н. Шмелев считает, что в этом отношении самой тяжкой ошибкой была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен на свободу без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. На момент реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 триллиона рублей. Все основные фонды страны оценивались тогда в сумме 2 триллионов рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300-400 млрд рублей. Иными словами, если бы не конфискация, «15-20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992-1993 гг. выкуплено, т. е. приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги... Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности - раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам»[451].

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь, ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа - ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992-1993 гг., то залоговые аукционы - это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО «для своих» со 100-процентной доходностью в год; характерно, что длительное время иностранцы не были допущены на этот рынок. Добавим так же отсутствие контроля за вывозом капитала, передачу электронных и самых влиятельных бумажных СМИ в руки придворных олигархов, и картина социальных приоритетов ельцинского правления становится до

[451] Шмелев Н. Пять лет реформ - пять лет кризиса // Свободная мысль. 1996. № 7, с.65-66

прозрачности очевидной. Предполагалось, без всяких обоснований, что эти нувориши каким-то образом одномоментно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Только на первом этапе массовой приватизации под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд долл. за 7,2 млрд долл[452]. И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995-1997 гг.) «продажа акций нефтяных компаний... была чистым надувательством - их стоимость на рынке была в 18-26 раз выше уже через полтора года после аукционов». «Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима - интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов... Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали подельниками в грабеже». Так, рыночная стоимость «ЮКОСа» на 1 августа 1997 г. составила 6,2 млрд долл., а проданы были пакеты акций, исходя из стоимости компании в 353 млн долл. По «Лукойлу» соответственно - 15,8 млрд долл. и 700 млн долл[453]. «Норильский никель», который был куплен компанией «Интеррос» за сумму несколько меньшую 300 млн долларов, был тогда же застрахован в западных страховых компаниях на сумму 30 млрд долларов, то есть в 100 раз большую[454].

Россия оказалась чемпионом мира по скорости проведения приватизации, А. Б. Чубайс совместно с другими организаторами этого процесса и стоявший за ними президент Б. Н. Ельцин этим гордились и выдавали за великий успех. Но они обычно скромно умалчивали о символических суммах, полученных за проданные предприятия. В течение 1992–1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов, за которые Россия получила 9 млрд 250 млн долл., или в среднем по 69,5 тыс. долл. за каждое из них. Среди приватизированных предприятий находились комбинаты-гиганты черной и цветной металлургии, крупнейшие предприятия машиностроения, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, морские и речные пароходства, часть собственности «Газпрома» и РАО «ЕЭС» и многое

---

[452] Полеванов В. П. Технология великого обмана. М., 1995, с.50
[453] Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. (Пер. с английского). М.: «ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС», 2001, с.207-210
[454] Новая газета, 29-31 октября 2001

другое. Всего доходы России от приватизации 22 402 промышленных предприятий составили 347,2 млн долл., или по 15,5 тыс. за единицу; 8110 строительных организаций – 56,8 млн, или 7,0 тыс. долл. за каждую; 3184 предприятия транспорта и связи - 49,4 млн, или 15,5 тыс. долл. за каждое; 43 530 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения – 453,6 млн, или по 10,4 тыс. долл. за точку. Стоимость одного приватизируемого предприятия промышленности, строительства, транспорта и связи, сферы обслуживания находилась порой на уровне не самой престижной модели, а порой даже подержанного иностранного автомобиля.

То, что огромная государственная собственность России за короткий промежуток времени не просто сменила владельца, а была бездарно разбазарена и разграблена, подтверждается результатами приватизации, проходившей в эти же годы в других странах мира – бедных и богатых. Россия, приватизировавшая в течение 1990–1998 годов больше всех других стран собственности, по доходам от ее реализации заняла среди них всего лишь 20 место. Подавляющее большинство развитых и развивающихся стран, в которых государственная собственность в экономике исторически никогда не занимала преобладающего положения, получило от ее реализации огромные доходы. Так, Бразилия в 1990–1998 годы от приватизации получила 66,7 млрд долл., Великобритания – 66 млрд, Италия – 63,5 млрд, Франция – 48,5 млрд, Япония – 46,7 млрд, Австралия – 48 млрд долл. Даже Венгрия, где государственная собственность была намного меньше российской, в эти годы получила от ее приватизации на 2,1 млрд долл., или в 1,6 раза больше, чем Россия. Из 9 млрд 250 млн долл., полученных от приватизации, в бюджеты различных уровней было перечислено 7 млрд 628 млн долл. (82,5 %), в том числе в федеральный – 5 млрд 545 млн (60 %). Не остались внакладе и государственные органы, осуществляющие приватизацию. За свою фактически посредническую деятельность они получили 577,6 млн долл., или более 10,4 % всей суммы перечисленной от приватизации в федеральный бюджет.

О полнейшем провале и бездарности проведенной в России приватизации свидетельствуют не только полученные ничтожные суммы в целом, но и особенно - на душу населения. От приватизации на душу населения в России было получено всего 54,6 долл.,

в то время как в Австралии - 2560,3 долл., Португалии - 2108,6, Венгрии - 1252,8, а в Италии и Великобритании более чем по 1100 долл. Доходы от приватизации на душу населения в подавляющем большинстве стран в десятки раз превышают российские.

Особенно показателен в этом отношении опыт бывших советских республик Балтии. Во всех этих республиках, как, впрочем, и у их западных соседей (например, Польши) процесс приватизации шел последовательно, без поспешности, переходя от одной стадии к другой. Так, в Литве на первом этапе рынку отдали все то, что непосредственно работало на массового потребителя, т. е. сферу торговли. Затем то, что работало на тех, кто работает на тех, кто непосредственно обслуживает потребителя и т. д. Стадийность диктовалась уже тем, что эффект рыночных зависимостей распространялся волнами, с определенным шагом между ними. В отличие от других постсоциалистических государств, включая Эстонию и Латвию, здесь не использовалась напрямую процедура банкротства, а основной акцент был сделан на реструктуризацию государственных предприятий до начала приватизации. Начальный этап приватизации давал возможность персоналу покупать относительно дорогие средние, а иногда и крупные по размеру предприятия за персональные (именные) приватизационные чеки - ваучеры. Поэтому в Литве почти 75 % работников промышленных предприятий являются их миноритарными акционерами. Это – социально ориентированная и наиболее солидаризирующая общество модель приватизации.

Пик этого этапа процесса разгосударствления пришелся на 1992 г., а его завершение – на конец 1994 г. И лишь с 1996 г. специально образованное Литовское приватизационное агентство приступило к открытой (на тендерах) продаже крупных предприятий за деньги. Но к этому времени в стране образовался широкий слой собственников, часть из которых стала, естественно, постепенно и цивилизованно концентрировать в своих руках значительный капитал. Остальные же во многих случаях продавали свои акции. Покупатели не располагали собственными необходимыми средствами и обращались за кредитами в национальные банки. Те, поскольку располагали недостаточными активами, обращались за кредитами в западные банки. Поэтому многие предприятия были по существу куплены на зарубежные деньги. Иностранные инвесторы также приняли участие в этом втором (денежном) этапе разгосударствления, но при праве на долю ак-

ций не свыше 49%. К этому следует добавить, что в исключительных случаях в Литве, как и в других странах Балтии, случаи недобросовестной приватизации всегда пересматривались. И это не вызвало каких-либо эксцессов со стороны прежних владельцев, еще более стабилизировало общество и укрепило авторитет политической власти.

Такой же подход к приватизации был реализован и в Польше. Начав эти преобразования задолго до наших реформаторов, она постепенно и успешно их осуществляла. Многие крупные предприятия еще и в начале XXI века находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности не должны находиться в частных руках[455]. Лишь в апреле 2008 г. польское правительство приступило к массовой приватизации наиболее значимых объектов государственной собственности.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Подчеркивалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. На самом же деле только в такой торопливой сумятице узкой группе лиц можно было безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны. Размышляя о феномене ускоренной российской приватизации, видный польский экономист экс-вице-премьер правительства Г. Колодко подчеркивает, что «... основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укрепления финансового баланса или повышения уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен»[456].

В 1993 г., когда в России началась чековая приватизация, по мнению академика В. М. Полтеровича, в стране не было ни пред-

---

[455] Колодко Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «ЖУРНАЛ ЭКСПЕРТ», 2000, с.67-71

[456] Колодко Указ.соч., с.199

принимателей, способных приобрести предприятия, ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. К этому добавилась криминальная обстановка, продажность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли.

«Была ли возможна менее затратная стратегия? - задает вопрос высококомпетентный автор. - *Я* склоняюсь к положительному ответу на этот вопрос. Приватизации должна была предшествовать коммерциализация. Начинать следовало с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизацию средних по размеру предприятий надо было отложить на 5-6 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20. Вложив средства и усилия, затраченные на приватизацию, на совершенствование управления государственными предприятиями, можно было избежать и спада в 40 % ВВП, и проблем нелегитимности частной собственности, которые терзают нас до сих пор». К этому выводу он добавляет: «...и эксперты, и, тем более, политики должны принимать во внимание предпочтения граждан, а не только свои собственные. Весьма правдоподобно, что подавляющее большинство россиян предпочло бы уменьшить общественные потери от приватизации ценой некоторого увеличения "риска возврата [прежней советской системы - О. Ш.]". На мой взгляд, этот риск в начале 1992 г. был незначительным»[457].

К суждениям только что цитированного автора я бы добавил следующее. Чтобы адекватно реагировать на политику правящих групп, россиянам и нужно было стать гражданами, т. е. социально структурированным гражданским сообществом, а не населением, позволяющим манипулировать собой. Но этого гражданского общества как не было, так и поныне нет в России.

Идейную базу под такую приватизацию, приведшую к коллапсу экономики подвели неолибералы, американские специалисты, которые были привлечены для работы в правительстве Гайдара и Черномырдина. В частности, они сыграли ключевую роль в деятельности правительства по приватизации. Так, приказом председателя Госкомимущества РФ А. Г. Чубайса от 31 июля 1992

[457] Полтерович В. М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Общественные науки и современность. 2005. № 5, с.10-11

года был создан состоящий из американских экономистов «Отдел технической помощи и экспертизы» во главе с Джонатаном Хэем. Этот отдел занимался накоплением и обработкой данных о хозяйственном комплексе России и консультировал российских реформаторов[458].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц во время своего визита в Москву в 2004 г., когда проявились уже все положительные и отрицательные стороны постсоветского развития страны, отметил, что принятая российским руководством за основу базовая экономическая модель, разработанная международными финансовыми институтами «несет в себе очень глубокие недостатки». По его мнению, «позиция МВФ вообще никогда не имела ничего общего с экономической наукой и настоящей рыночной экономикой, она в основном несла в себе идеологический заряд. Эта модель основана на убежденности в том, что рынок сам по себе решит все проблемы... но рынкам присуща масса серьезных проблем. И если мы говорим о необходимости успешного роста, стабильного общества, нужно обеспечить баланс между рынком и государством».

В частности, приватизация, по его словам, не может быть самоцелью. Он, как и многие другие авторитетные экономисты, опирается при этом на пример Китая, который выбрал свой путь, а не следовал советам МВФ и достиг при этом феноменальных темпов роста. Относительно России, считает Стиглиц, «сейчас приходится говорить о недостаточно законно проведенной приватизации, недостатке инвестиций, несправедливом распределении ресурсов. Проблема в том, что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду». В противовес российским неолибералам этот выдающийся ученый, бесспорный сторонник рыночной экономики, предлагает «восстановить веру в государство». Одной из задач государства он считает принятие «философии», заключающейся в том, что «естественные ресурсы принадлежат народу»[459].

Его рекомендации состоят не в деприватизации. Он предлагает не вмешиваться в вопросы права на собственность. В одной из своих статей, опубликованных в конце 2003 г., он предлагает, что

---

[458] Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. (Пер. с английского). М.: Экономика, 1994.

[459] Стиглиц Дж. Интервью российским СМИ. 2004 (http://www.rusref.nm.ru/ stvis.htm)

в России «можно было бы ввести "чрезмерный налог на прибыль с капитала". Скажем, налог в размере 90 % может быть установлен на "чрезмерную" прибыль, заработанную в результате приобретения государственной собственности. Это значит - на доходы, которые превышают 10 % от суммы выручки от первоначальных инвестиций собственного капитала»[460].

С учетом мнения других аналитиков необходимо принять во внимание различие между формальной законностью приватизации и ее общественной признанностью. Законность обеспечивалась соответствующими законодательными актами и указами президента. Признанность зависит от существующих традиций и сложившихся в обществе ценностей и норм. Тем не менее, данные наиболее авторитетного в России Центра общественного мнения, возглавлявшегося покойным Ю. А. Левадой, показывают, что большинство русских не признает законности проведенной приватизации. Согласно данным опросов, 37 % респондентов в 2003 г., 43 % – в 2005 г., 37 % – в 2007 г. поддерживали идею ренационализации приватизированных крупных компаний. Соответственно 31 %, 32 % и 37% согласились, что ренационализацию нужно провести в тех случаях, когда доказано, что компании были приватизированы незаконно[461]. Эта проблема низкой легитимности возникших в результате приватизации структур собственности, включая устойчиво негативное отношение к крупной собственности, в последние годы все чаще обсуждается в литературе[462]. Авторы признают невозможность процесса массовой деприватизации, хотя многие из них отмечают, что приватизация, проведенная по принятой в России схеме, стала тормозом экономического развития, что она не решила важнейшей задачи создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики страны (в отличие от других стран ЦВЕ).

Глава Счетной палаты РФ С. Степашин, выступая в феврале 2006 г. на заседании Президиума Российской академии наук, подробно рассмотрел вопрос о характере и последствиях прошедшей в

---

[460] Стиглиц Дж. Обложить олигархов налогами! (Перевод статьи из «Der Standart»). 11 декабря 2003. (http://www.rusref.nm.ru/indexpubstol.htm)

[461] Общественное мнение - 2007. Ежегодник. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2007, с.141

[462] См.: Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008. № 3, с.85-105; Петраков Н. Укрепление прав собственности: трансформировать, не разрушая // Вопросы экономики. 2008. № 3, с.64-67

стране приватизации. Он отметил, что масштабы российской экономики резко занижены из-за недооценки стоимости активов в процессе приватизации. По оценке экспертов, в сумме такое занижение может составлять от 40 до 400 триллионов долларов. Кроме того, огромен объем нелегитимных активов, который образуется незарегистрированной (неоформленной) собственностью. Три четверти предприятий были проданы вообще при отсутствии какого-либо внешнего финансового контроля. А впоследствии приватизаторы старались не допустить представителей Счетной палаты к анализу условий приватизационных сделок, к оценке стартовой цены. В докладе приведены примеры просто чудовищной распродажи крупных предприятий за цену в 10-30 тыс. долларов («Авиационный комплекс им. С. В. Ильюшина»; «Московский вертолетный завод им. М. JI. Миля»), хотя на момент приватизации на этих заводах имелись в наличии изготовленные самолеты и вертолеты на десятки млн долларов.

Выводы Счетной палаты подтверждают материалы, обобщенные в докладе Всемирного банка «Приватизация: тенденции и недавние события». Эксперты МБ поставили Россию на 24-е место среди 120 государств по отношению доходов от приватизации. Доходы России от приватизации за 13 лет составили лишь 0,2 % от объема ВВП за этот же период. От приватизации 145 тыс. предприятий бюджет пополнился только 9,7 млрд долларов. Столько в настоящее время оставляют наши туристы за год за границей. С учетом этих обобщенных данных Счетная палата признала оправданными меры по возврату в бюджет сверхприбыли, которую новые собственники получили вследствие крайне низкой оценки активов или искусственно созданных преференций, путем обложения специальным четко фиксированным налогом[463].

Эта идея подкрепляется и позитивным опытом такой образцовой в смысле защиты прав собственности страны как Великобритания. Там парламент в июле 1997 г. утвердил новый налог, который должны были выплачивать компании, получившие крупную выгоду от приватизации государственного имущества в 1980 г. Размер единовременной выплаты составил 23 % от разницы между стоимостью приватизированной собственности в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г. Доходы в британский бюджет со-

[463] Степашин С. Принесенная ветром // Поиск. 10 февраля 2006.

ставили тогда 5,2 млрд фунтов. По существу это налог на незаработанные сверхдоходы.

Ввести такой компенсационный налог в России было предложено партией «ЯБЛОКО» еще в 2003 г., т. е. до сходных предложений Счетной палаты. Очевидно, что подобный налог не только и не столько фискальная мера, а, прежде всего, инструмент решения двух проблем:

а) сокращения аномальных масштабов социального неравенства;

б) возрождения духа национальной солидарности, снятия социально- психологического напряжения, моральной и материальной компенсации за варварскую приватизацию, наконец, легитимации капиталов[464].

Сопоставление нравственно-психологической ситуации в России и в странах, «неспешно» и социально ориентированно проводивших приватизацию, явно и определенно не в пользу нашей страны. Вывод ясен. Так же как ясен и ответ на вопрос: в чьих социальных интересах была устроена вся эта гонка по дележу национальных богатств.

Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствовало формированию цивилизованной рыночной экономики и вело к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. Надо заметить, что радикальные либералы, контролировавшие в 1990-е годы и реальное управление и СМИ, так же как и прагматики – представители крупных финансово-промышленных групп, не скрывали во многих случаях ни той системы ценностей, которую они реально защищали, ни своих собственных интересов, ни явного равнодушия к интересам простых людей. Менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролировали к концу 1990-х годов примерно 70 % экономики России. По данным председателя объединения предпринимателей «Деловая Россия» Б.Титова, успехи в развитии национальной экономики в 2000-е годы – это прежде всего успехи крупных государственных и частных компаний, у которых нет конкурентов на внутреннем рынке, как, впрочем, и нет самой конкуренции. В 2000 г. 80 % ВВП у нас производили 1200 компаний, а в 2007 г. – всего 500 компаний[465]. Как справедливо заметил известный эко-

---

[464] Явлинский Г. Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ, 2003;

[465] Титов Б. Стабильность закончится кризисом // Новая газета. 9-11 июля 2007, с.13

номист и экс-министр правительства Е. Т. Гайдара С. Ю. Глазьев: «...если в нормально организованной экономике путь к богатству лежит через добросовестный труд, добросовестное предпринимательство, через инвестиции, новые технологии, то у нас путь к богатству лежит через присвоение чужого»[466].

Неоэтакратизм как социально-экономическая система современной России

Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы - этакратизм в новой фазе его развития. Капитализм - царство частной собственности. Что касается неоэтакратизма, то в нем господствует принципиально другой тип собственности. Ее называют «приватизированной», что по смыслу слова является синонимом «частной», однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна. Частная собственность носит производительный, созидающий характер. Частным здесь является не только присвоение собственности, но и ее производство. При этом нормой является преобладание производства над присвоением. В современной России принцип «частности» действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства. Ничего удивительного в том, что нашим олигархам было практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность была ничьей, как в советское время.

Капиталистическая частная собственность универсальна. Она является достоянием всех - будь то хотя бы собственность на свою рабочую силу, на свои интеллектуальные способности, на свое жилище и т. д. «Приватизированная» собственность - достояние немногих. Как и ее предшественница, корпоративная собственность советской номенклатуры, она представляет собой сословную привилегию правящего слоя. Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы.

---

[466] Цит.по: Лукьянова Е. Страна вне конкуренции // Новая газета. 9-11 июля 2007, с.14

Деградация малого и среднего бизнеса, постоянное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, незащищенность труда - главную собственность рабочих - не случайные факты. Они являются не ошибками государственной политики, а органичной чертой экономической системы, либеральной по форме и стейтистской по содержанию, с ограниченной независимостью частных бизнесменов.

Устойчивость неоэтакратических отношений отражена в функционировании институтов собственности, где отношения «власть-собствен- ность», весьма характерные для данного типа общества, проявились в новой оболочке. Еще в ранние времена президентства Б. Н. Ельцина приватизация собственности и финансов причудливо сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Не в силах в течение 1990-х годов легально конкурировать с частным бизнесом по уровню заработной платы, государство воссоздало систему привилегий для высшего и среднего управленческого звена. Так, владения Управления делами президента значительно превысили собственность Управления делами ЦК КПСС, а степень контроля за использованием дач, автомашин, учреждений медицины, охраны и т. п. значительно снизилась[467].

В годы правления Путина окончательно сформировались новые доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии так называемых отношений «власть-собственность» и «приватизированной собственности». Одним из таких явлений можно назвать возникновение компаний с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Это так называемое «частно-государственное» партнерство. Привлечение частного капитала (часто символическое) используется этими корпорациями для управления огромными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца - российского народа, чьи интересы должна представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (другими словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров - менеджеров этих корпораций[468].

---

[467] Вишневский В. Пятый вид собственности: президентская // Новая газета. 21 августа 2006.

[468] Илларионов А. И. Победа ГЧП // Новая газета. № 57. 31 июля - 02 августа 2006.

Правящий слой бюрократии намеренно укрепляет свои позиции как собственника в стратегических отраслях экономики. Этот процесс начался в 2003-2005 гг. с применения судебных процедур, согласованных действий налоговых органов и прокуратуры (пример - ЮКОСа) и путем покупки ранее приватизированных активов (примеры - «Сибнефть», ОАО «АвтоВАЗ»). Тогда же, в 2005 г. Президент выступил с инициативой о формировании закрытого перечня отраслей или объектов, которые должны находиться под «преимущественным контролем отечественного, в том числе государственного, капитала»[469]. По оценке известного экономиста, ректора Академии народного хозяйства В. А. Мау: «...трудно трактовать случай ЮКОСа как менее затратный для государства. "Дешевая" покупка "Юганскнефтегаза" породила намного более негативную реакцию среди инвесторов и граждан, чем "дорогая" покупка "Сибнефти". Если учесть потери в репутации, то издержки данной "дешевой" покупки могут оказаться весьма значительными»[470].

Особенно активно работа по созданию огромных государственных корпораций развернулась в 2007 г. В мае 2007 г. был принят закон о создании Банка развития с капиталом в 250 млрд руб. В функции банка вменено управление внешним и внутренним валютным долгом и пенсионными накоплениями, поддержка приоритетных отраслей экономики, инвестиционная деятельность (ФЗ № 82 «О Банке развития» от 17 мая 2007 г.).

19 июля 2007 года был принят Федеральный закон № 139 «О Российской корпорации нанотехнологий» для реализации проектов создания перспективных нанотехнологий и наноиндустрии с первоначальным капиталом в 130 млрд руб. В том же месяце, 21 июля, был принят Федеральный закон № 185 «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», чьей задачей является стимулирование реформирования жилищно-коммунального хозяйства, расселения ветхого жилого фонда. Первоначальный капитал, выделенный государством этой корпорации, - 240 млрд руб. В том же году было запроектировано создание таких гигантских госкорпораций как «Росатом», «Ростехнологии» (задача - обеспечение разработок, производства и экспорта

---

[469] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005. с.22-23

[470] Мау В. А. Экономическая политика в 2005 году: определение приоритетов // Экономическая политика. 2006. № 2, с.17

высокотехнологичной продукции), «Автодор», «Росрыбфлот» и других.

Устроение этих госкорпораций не нашло еще глубого анализа и исследования в отечественной литературе. Сторонники ранее доминировавшего в политике неолиберального направления отнеслись к процессам огосударствления столь значимых блоков национальной собственности весьма критически. Так, профессор Е. Г. Ясин, считает, что чем больше подобных явлений, тем меньше у страны шансов стать развитой. Его, не без основания, беспокоит, что в стране сложилась кланово-копоративная структура, в которой высшие слои бизнеса и бюрократии переплетены. Эта структура закостенела и чувствует себя гарантированной от потрясений на ближайшие 15 лет[471] [Новая газета, 2-5 августа 2007 года]. Оппоненты (М. Г. Делягин, С. Ю. Глазьев и другие) считают, что только усилия государства и массированное государственное вмешательство помогут России достигнуть наибольших экономических успехов. Их аргументы основаны на опыте «нового курса» Ф. Рузвельта, стран ЮВА, особенно Китая. Опросы населения, проведенные «Левада-центром», показывают доминирование в общественном мнении второй точки зрения[472].

Выводы одного из аналитиков, осуществившего серьезные межстра- новые сопоставления, показали, что «...в настоящее время основные рецепты экономического роста представляют собой столь сложные комбинации вмешательства и невмешательства государства, что его корреляции с каждой отдельной формой регулирования стали почти незначимыми»[473].

Другой аналитик убедительно доказал, что в современной России только государство в состоянии осуществить крутой поворот в сторону технологической модернизации отечественной экономики, поскольку оно продолжает выступать в роли «верховного» капиталиста и может позволить себе сконцентрировать крупные капиталы в руках немногих корпораций. Автор напоминает, что сложившийся в России за период праволиберальных реформ капитализм, основу которого составляют связанные с государством крупные сырьевые монополии, пока демонстрирует себя только с худшей стороны, особенно если анализировать его влияние на процес-

---

[471] Новая газета, 2-5 августа 2007 года

[472] Общественное мнение 2007, с. 19, 31

[473] Цирель С. Влияние государственного вмешательства в экономику и социального неравенства на экономический рост // Вопросы экономики. 2007. № 5, с.109

сы технологического обновления национальных производительных сил страны[474].

По мнению известного французского экономиста, специалиста по российской экономике профессора Жака Сапира, на конец 2007 г. «в отличие от прежних времен в стране сложился определенный консенсус между, скажем так, "интервенционистами", то есть сторонниками государственного вмешательства в экономику, и теми, кого можно назвать "либералами". Чувствуется, мысль о том, что государство должно играть весомую роль в этих вопросах, достаточно глубоко пустила корни в России»[475].

Генеральный директор одной из новых госкорпораций («Ростехно- логии») С.Ремезов следующим образом аргументировал целесообразность их деятельности: «Создание госкорпораций и госхолдингов - это не панацея даже в оборонно-промышленном комплексе. В экономике страны есть такие сектора, где реальна быстрая окупаемость вложенных средств и получение немалых прибылей. Туда охотно идет частный бизнес, и госкорпорации там не нужны. Однако существует ряд отраслей: авиация, судостроение, машиностроение, где процесс окупаемости вложенных средств и тем более получение дивидендов растягивается на многие годы. Вот здесь и необходимы госкорпорации и крупные холдинги. Иного пути у нас просто нет. Без концентрации всех ресурсов эти отрасли не выживут. Прежде всего предприятия ОПК должны прочно встать на ноги и конкурировать не между собой, а с ведущими мировыми призводителями, чтобы закрепиться на мировом рынке со своей продукцией не только военного, но и гражданского назначения»[476].

Но есть в жизнедеятельности российских госкорпораций аспекты, которые тревожат в равной степени и либералов, и государственников. Бюджетные деньги, которые попадают в госкорпорации, становятся частью их уставного капитала и переходят в частную собственность. На этом по существу государственный контроль заканчивается. Очевидно, что мы имеем дело со структурами, уже не принадлежащими государству. Бюджетные средства, которые попадают в госкорпорацию, фактически «растворяются» в ней. Это позволяет руководству корпорации самому выби-

---

[474] Карачаровский В. Концентрация капитала и технологическая модернизация российской экономики // Свободная мысль. 2006. № 9-10, с.115-130
[475] Российская газета. 17 ноября 2007 года
[476] Известия, 28декабря 2007года

рать, на что и сколько тратить денег, отчитываясь перед властью только по самым крупным проектам. То есть менеджмент практически свободно распоряжается ресурсами госкорпорации, как если бы они были частными.

Реально госкорпорации - это частная собственность. Согласно определению из Общероссийского классификатора форм собственности, «частной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности гражданам или юридическим лицам». При этом получение прибыли не является основной целью деятельности госкорпораций. Их задача - стимулирование развития соответствующего сектора экономики. Согласно законодательству, они носят некоммерческий характер. Госкорпорации никоим образом не замещают частный бизнес.

Добавим к этому, что по Федеральному закону №7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях»: «Государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона.

Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации.

Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, **если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное** (подчеркнуто мною - О. Ш.)»[477]. Вполне оправданно называть современное российское государство корпоративным. Не случайно, что известный американист, заместитель директора Института США и Канады В. Кременюк на вопрос журналиста: «А на кого Путин больше похож - на Рузвельта или на Махатму Ганди?» ответил так: «...Он - лидер корпоративистского типа, который в своей политике, в своем политическом и социально-экономическом строительстве не отрицает элементы свободного рынка и демократии, хотя и не любит их. Но создает корпоративную систему, где доминируют политические и экономические

[477] http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_2.htm

корпорации, объединенные мощными интересами типа силовиков, либеральных экономистов, олигархов, губернаторов... Ни на Рузвельта, ни на Ганди это не похоже. Это другой тип. Это больше аргентинский лидер Перрон»[478].

С особой прозрачностью сохраненность этакратических отношений сказалась на функционировании института собственности, где в новой оболочке проявили себя ключевые для данного типа общества отношения «власть-собственность». Ни для кого не секрет, что идет процесс прямого сращивания власти и собственности. Третий президент Д. А. Медведев являлся председателем совета директоров «Газпрома», одним из директоров которого состоит и бывший премьер-министром В. А. Зубков. Руководителем другой крупнейшей национальной корпорации «Роснефть» в течение длительного периода являлся заместитель руководителя администрации президента России И. И. Сечин и т. д.

Природа формирующейся социетальной системы проявилась и в политике по отношению к профессионалам - потенциальному ядру нового среднего класса. Во время путинского периода и экономического роста ресурсы государства и общества увеличились. С 2000 года стала проявляться устойчивая тенденция в государственной политике, основанной на советской традиции взаимодействия между элитой и слабыми социальными группами в ущерб интересов среднего слоя. Дополнительные ресурсы были частично использованы для стабилизации и улучшения положения низших групп.

Подтверждением неэффективности социально-экономической системы позднего этакратизма, закрепившегося в России, являются основные экономические показатели. Попробуем сопоставить итоги 2005 г. с последним уже не самым благополучным предрепредреформенным – 1990 г. В этом случае картина выглядит следующим образом. Объем ВВП (здесь и далее – по паритету покупательной способности) в 2005 г. составил по отношению к 1990 г. – 88,6 %. Данные по промышленному производству выглядят еще менее впечатляюще: 73,2 % к уровню 1990 г. По инвестициям ситуация особенно удручающа. Хотя в 1999–2005 гг. инвестиции росли сравнительно высокими темпами, в итоге страна получила инвестиций всего лишь в объеме 36,6 % по отношению к 1990 г. Реальные доходы населения именно в 2005 г. приблизились к

[478] Новая газета, 28 июня - 1 июля 2007 года

уровню 1990 г[479]. По 2006 г. мы можем сопоставить объем ВВП по отношению к более успешному, чем 1990 г. – 1989 г. Общий объем ВВП достиг 93 % от уровня 1989 г. В 2007 г. экономический прирост составил еще 8,1 %, что дало, наконец, возможность достигнуть уровня 1989 г[480].

Для сравнения приведем всего лишь один показатель. В 2006 г. все посткоммунистические страны Восточной и Центральной Европы превзошли ВВП предреформенного 1989 г. (Польша – на 58 %, Словения – на 41 %, Словакия – на 37 %, Венгрия – на 34 %, Чехия – на 30 % и т. д.); в среднем по этой группе стран прирост ВВП за 2007 г. составил 5,8 %[481]. Еще более обескураживающи сопоставления с Китаем, где ВВП с 1978 г. по 2006 г. увеличился более, чем в 9 раз; темпы экономического роста на протяжении последних 20 лет составляли 9,4 % в год, а доходы на душу населения выросли почти в 6 раз[482].

Все эти показатели, особенно реальные доходы населения, оценивались в канун реформ их сторонниками как совершенно недостаточные, которые должны быть в ближайшее же время существенно повышены. И в этом виделся смысл реформ. Что же касается приватизации государственной собственности, открытия отечественной экономики по отношению к внешнему миру, введения рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях и т. д., то все эти меры по либерализации экономики предполагались лишь как средство, а не цель развития России. После 15 лет трансформаций можно уверенно сказать, что Россия не совершила переход к либеральной капиталистической экономике.

При этом трансформационный период 1990-х годов привел нашу экономику не только к резкому уменьшению ее масштабов, но и к сильнейшим структурным деформациям. Спад производства в 1990-х гг. превысил аналогичные показатели Великой Отечественной войны. В стране оказалась подорванной база высоких технологий и фундаментальной науки, прошла волна деиндустриализации, причем в ключевых отраслях промышленности спад превысил 70 %. К концу 1990-х по объему внешнего долга страна вышла на первое место в мире (более $1 тыс. на душу населения)

---

[479] Делягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005, с.49. Пересчет за 2005 г. автора по данным Росстата.
[480] Transition Report 2007; Известия, 15 февраля 2008 года
[481] Transition Report 2007
[482] Иноземцев В. Западный мир и Китай: партнеры или соперники? // Свободная мысль. 2007(1). № 8, с.187

при федеральном бюджете, уступавшем в долларовом исчислении бюджету Греции или Финляндии, и при уровне федеральных расходов на образование, сопоставимом с бюджетом одного крупного американского университета[483].

Оживление нашей экономики, начиная с 1999 г., обеспечивалось преимущественно экспортом энергоносителей и ростом торговли, а не наращиванием производства продукции с высокой добавленной стоимостью. По мнению многих аналитиков, технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в деградации ее научно-производственного потенциала. Если в конце 1980-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений, составляла около 2/3, то в 2002 г. она упала до 9,8 % (типичный для развитых стран показатель - 70 %). Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности снизилась до 1 %, а уровень инновационности продукции составил примерно 10 %. Доля России в мировом наукоемком экспорте продукции гражданского назначения ныне составляет 0,5 %, тогда как доля США -36, Японии – 30, Германии – 16 и Китая – 6 %[484].

В итоге по общему (сводному) индексу мировой конкурентоспособности Россия в 2002 г. находилась на 41-м месте (этот индекс отражает затраты страны на достижение включая открытость экономики, роль правительства, развитие финансовых рынков, качество инфраструктуры, технологии, управления бизнесом, юридических и политических институтов и т. д.) По качествам деловой среды Россия находилась на 46-м месте (этот индекс отражает возможности и препятствия для руководства бизнесом и строится на комбинации таких показателей как рыночный потенциал, налоговая политика, политика рынка труда, политическая обстановка и т. д.).

По инновационному индексу Россия находилась на 27-м месте (это показатель изобретательности людей, способности стимулировать рынок и взаимодействие делового и научного секторов). По индексу развития информационно-коммуникационных технологий (показатель использования средств коммуникации, включая пользование телефонными линиями, сетью Интернет, персональными

---

[483] Смолин О. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10, с.55

[484] Группа восьми в цифрах 2006, с.88, 92

компьютерами и мобильными телефонами на душу населения) России вообще нет в списке из 44-х стран. По числу патентов в действии в расчете на 100 тыс. жителей России опять-таки нет в приведенном списке из 20 первых стран. По общим расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторс- кие разработки в % от ВВП Россия занимала скромное 21-е место (данные за 2002 г. взяты из «Pocket World in Figures», ежегодно подготавливаемым «The Economist in Association with Profile Books LTD»[485]. К сожалению, в отечественных статистических справочниках эти данные не приводятся. В 2006 г. по показателю уровня конкурентоспособности Россия опустилась на 62-е место среди 125 государств мира[486].

Экономическая политика руководства страны в 2000-е гг. и подходы к формированию федерального бюджета на 2008-2010 гг. демонстрируют стремление сосредоточить всю нефтегазовую ренту в специальном Нефтегазовом фонде и направлять в Стабилизационный фонд (с 1 января 2008 г. разделен на два фонда - Резервный фонд и Фонд будущих поколений) все сверхдоходы нефтегазового происхождения. Между тем, в течение 15 лет в России практически не осуществлялось строительства и модернизации автомобильных и железных дорог, генерирующих энергетических мощностей, сетевого и аэропортового хозяйства и т. д. Так, износ основных фондов на железнодорожном транспорте в 2001–2005 гг. увеличился с 54,1 до 63,9 %. С 1992 г. количество аэродромов сократилось более чем в 3 раза, а износ взлетно-посадочных полос достиг 80 %. Таким образом изфраструктура российской экономики в условиях гигантски возросших доходов от эксплуатации природных ресурсов продолжала во многом разрушаться. Такой экономической политики не встретишь в мировой практике[487].

Приведу следующую обширную цитату из статьи известного независимого аналитика профессора А. Кивы: «Не случайно среди экономистов появился термин "неразвитие". Притом, что причины его не совсем ясны. Например, директор Института экономики РАН профессор Р. Гринберг считает, что за этим стоит договоренность между развитыми странами и генералами нашего ТЭК. Научный руководитель того же института академик Л. Абалкин по-

---

[485] Русский перевод: Мир в цифрах 2005, с.46-49

[486] Рукавишников В. О. Насколько сильна Россия? Комментарий к геополитическому дискурсу // Социологические исследования. 2007. № 10, с.36

[487] Лавровский Б. Не ведают, что творят // Вопросы экономики. 2007. № 6, с.153-154

лагает, что министры экономического блока правительства, в частности министр финансов А. Кудрин, следуют предписаниям Вашингтонского консенсуса (разработанного Мировым банком и МВФ), в пух и прах раскритикованным нобелевским лауреатом по экономике американцем Дж. Стиглицем. Директор Института океанологии РАН академик Р. Нигматулин основную причину видит в элементарном непонимании властями законов развития экономики.

Однако есть и более спорные точки зрения - вплоть до экзотических. Согласно одной из них, чиновники высокого ранга имеют свой интерес в сырьевом секторе экономики и потому вполне открыто лоббируют его развитие в ущерб реальному сектору. Некоторые аналитики считают, что на "бешеных деньгах" от продажи сырья, которые питают коррупцию и криминал и разными способами перераспределяются среди довольно широкого круга связанных с "новым классом" людей, только и держится наша политическая стабильность. Другие аналитики делают предположение, что тут не обходится без саботажа чиновников со счетами в западных банках на крупные суммы неизвестного происхождения, которые боятся как-либо противостоять силам на Западе, в глобальной экономике отведшим России место производителя сырья. Хотя они хорошо помнят, как легко был преодолен принцип банковской тайны, когда в мировых СМИ в 1999 году появились сведения о коррупции в высших эшелонах российской власти. Слышал я и такое мнение, что поскольку Путин пришел со своей командой, определявшей экономический курс страны, с нею давно сработался, ей доверяет, то перевод хозяйства на другие рельсы означал бы смену не только этого курса, но и команды, чего он делать не желает. Что ж, как говорится, сколько людей - столько и мнений»[488].

Либерализированная экономика постсоветской России на данном этапе своего развития приобрела неадекватную, архаическую социальную и политическую «оболочку». Столь неблагоприятный вариант трансформационных процессов явился следствием сложного переплетения исторических факторов, внутренней социально-политической ситуации и неблагоприятных внешних воздействий.

Для того, чтобы добиться такого «успеха», правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию

[488] Кива А. Фальшивый патриот опаснее врага // Свободная мысль. 2007. № 9, с.6-7

от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Б. Н. Ельцин: «В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции»[489].

Вернемся в этом контексте к событиям 1991-1993 гг. По форме они выглядели как захват власти буржуазией (или протобуржуазией). Лидерами выступали группы неолибералов во главе с Е. Гайдаром, А. Чубайсом, П. Авеном, К. Кагаловским и другими молодыми неофитами, зачислявшими себя в стан демократов. Но почему-то и вчерашние диссиденты, и демократы-шестидесятники оказались на обочине событий в отличие от вчерашних вполне благонамеренных представителей младшего поколения кандидатов в номенклатуру. Отечественные неолибералы своими героями и моделями политического поведения видели М. Тетчер и чилийского диктатора генерала А. Пиночета. Так что демократами они именовали себя безо всяких на то оснований. Воспользовавшись неопределенностью в расстановке сил в ходе противостояния президента и парламента в августе - октябре 1993 года, неолибералы вооруженной рукой разгромили (разогнали) Московский, Петербургский и районные советы этих городов, средоточие неорганизованных и неопытных демократов. Однако процесс пошел даже не в сторону прихода к власти термидорианской буржуазии. Проблема была в доминирующей линии развития. Неолибералы и «назначенные олигархи» были использованы властными структурами, контролируемыми вчерашней советской номенклатурой, для укрепления позиции этой восставшей из руин советской системы властвующей элиты. Одни из них даже пополнили номенклатурные ряды, другие послужили «кошельками» для подлинных хозяев страны на переходный период, т. е. до прихода к руководству России В. Путина и выходцев из силовых структур.

Не случайно, что контрольные позиции в процессе принятия решений и их осуществления на высших этажах власти в стране достаточно быстро заняли представители динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Ельциным, Черномырдиным +

[489] Российская газета, 20 августа 1992 года

Ко (Петров, Шумейко, Скоков, Лобов ит. д.). Вчерашние секретари обкомов КПСС, офицеры КГБ оказались в ближнем окружении первого президента России. Через несколько месяцев они заняли позиции вице-премьеров и министров, руководителей администрации президента. Символичным стал приход в качестве утвержденного парламентом и полностью поддержанного президентом премьер-министра страны В. С. Черномырдина. Это был крупный советский чиновник, в прошлом член ЦК КПСС, министр нефтяной и газовой промышленности СССР, однозначно показавший себя сторонником приватизации государственной собственности в пользу номенклатуры.

Таким образом, после разгрома парламента осенью 1993 г., после принятия новой конституции стал оформляться социально-экономический и политический порядок - неоэтакратизм.

Основные этапы становления неоэтакратизма

Неоэтакратизм прошел три основных этапа своего становления. Первый этап начался еще в поздние времена существования СССР, когда начался процесс захвата номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Как известно, если оставить в стороне предысторию этого процесса, сам он активно развернулся в 1987 г. с момента организации ЦК КПСС так называемого комсомольского движения в рыночную экономику. Были созданы разнообразные коммерческие центры, непосредственно возглавленные молодыми партийными и комсомольскими работниками, но контролируемые высшими партийными и правительственными чиновниками. Первые выступали в качестве доверенных (уполномоченных) лиц. Процесс завершился созданием как концернов типа «Газпром», так и коммерческих банков, бирж, торговых домов. Собственность не была окончательно оформлена как частная, контролировавшие ее лица были свободны от ответственности за нее, но неограниченно ею распоряжались, включая присвоение доходов и бесконтрольную продажу имущества. В этот первый период этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом. Приватизация собственности и

финансов органично сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти.

Российская бюрократия, как показали все обследования, сохраняла определяющие позиции в государственной власти. Так называемые свободно-рыночные силы были зависимы от государственной бюрократии, но их роль и влияние постепенно нарастали.

Временной точкой, определившей завершение этого периода противоборства и одновременно взаимодействия этих субсистем протовластных групп в системе слабеющей государственности, были выборы президента в 1996 г. Наступил этап, когда так называемые «олигархи» захватили определяющие позиции в государственном управлении; как тогда выражались, олигархи «приватизировали государство». Этот период продлился примерно до 2000-2001гг.

На словах пришедшие к власти лица и организации заявляли, что они выражают свободно-рыночное направление развития страны, что они носители демократических и либеральных начал в развитии общества, что они создают условия складывания гражданского общества и его организаций. Однако государственная бюрократия и подведомственные ей структуры сохранили свои властные и управленческие функции, но оказались в теснейшей взаимосвязи и зависимости от узкой группы олигархов (шестибанкирщина и т. д.). В этот период под видом власти бизнеса страной управляла кучка беспринципных «прихватизаторов», тесно переплетенная с высшим политическим руководством, совместно игнорировавших интересы среднего и малого предпринимательства, поделивших между собой природные ресурсы страны, особенно энергоресурсы, вывозивших за рубеж свои многомиллиардные доходы и спокойно наблюдавших за деградацией науки, культуры, высоких технологий и за вымиранием, в прямом смысле слова, своих соотечественников. Отношения «власть-собственность» оставались примерно прежними, с той разницей, что в связке «олигарх-чиновник», установилось более тесное взаимодействие. Российский бизнес в широком смысле так и не стал полноценным политическим актором, так и не стал подлинно частно-капиталистическим. Контракт-отношения между бизнесом и чиновничеством вели к деструкции бизнеса и продолжению упадка экономики страны.

Третий этап пришелся на 2000-е годы и связан с именем президента В. В. Путина. Это этап придания неоэтакратизму и в сфере экономики, и в сфере политики адекватных его имманентной сущности институциональных и ценностно-мотивационных форм. В течение весьма короткого периода времени жестко и четко основными акторами и на экономической, и на политической сценах стали представители силовых ведомств, бюрократия и объединяющая их «вертикаль власти». Как писал блистательный молодой экономист А. А. Яковлев, «модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств»[490]. В подтверждение этой мысли автор приводит следующие аргументы. Оставаясь неподконтрольным не только обществу, но и высшей политической власти, государственный аппарат стал играть все более важную роль в экономической жизни. Данные опросов руководителей российских предприятий показали, что вопреки широко распространенному мнению, арбитражные суды достаточно эффективны при разрешении споров между предприятиями, но, напротив, вероятность выиграть иск и добиться исполнения судебного решения в случае конфликта с государственными органами мало вероятна. «Это означает, что угроза нарушения прав собственности в России сегодня исходит скорее не от инсайдеров, а от государственного аппарата, преследующего свои бюрократические или политические цели»[491].

В итоге существенно изменились отношения чиновничества и бизнеса. В 1990-е годы бизнесмены покупали чиновников. Тем самым они обеспечивали себе конкурентное преимущество – доступ к ресурсам, возможность снизить издержки. Именно бизнесмен был главным бенефициаром сделки. В 2000-е годы в характере коррупционной сделки произошли качественные иерархические изменения. На каждом этаже коррупционной пирамиды чиновник стал могущественнее бизнесмена. Он более не проситель, он хозяин. Чиновничье сословие предъявило и получило право на ту прибыль, которая ранее принадлежала бизнесмену. Оно стало бенефициаром этих коррупционных сделок. Если раньше сделка дава-

[490] Яковлев А. А. Агенты модернизации М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006, с.132
[491] Яковлев А.А. Указ.соч., там же

ла возможность улучшить конкурентные преимущества, то теперь это лишь способ минимизировать потери, но без гарантии сохранить бизнес.

Символом изменения позиций крупного преимущественно рентопо-лучающего бизнеса в конфигурации социальных сил в обществе и власти стало так называемое «дело ЮКОСа». С осени 2003 г. ведущие частгные корпорации и их руководство лишились возможности напрямую участвовать во власти, и в том числе и путем поддержки по собственному выбору оппозиционных режиму политических партий. Под все более жесткий контроль начала ставиться деятельность организаций гражданского общества, образующих естественную жизненную среду конкурентно-рыночных отношений и служащих для бизнеса каналом реализации себя как субъекта властных отношений. Широкое развитие получили компании с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, вновь сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников - менеджеров этих корпораций.

Итак, преодолев сложности переходного периода, достигнув определенных успехов в востановлении и развитии экономики, в социально-экономическом отношении Россия после определенных колебаний исторического маятника как бы вернулась назад, к застойным формам этакратизма, правда, в новой оболочке. Присущие этакратическому обществу слитные отношения «власть-собственность», хотя и сосуществуют с частно-собственническим бизнесом, но по существу остаются неизменными. В России продолжились и восторжествовали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи) или раздатка (в терминах О. Бессоновой), а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями частной собственности. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений, подмят под себя государственно-бюрократическими структурами. Последние упешно взаимодействуют как с государственными монополиями, так и с частными, обеспечивающими государственно-бюрократический порядок («вертикаль» неоэтакратического устроения страны). Не случайны

«успехи» власти по умножению числа миллиардеров и фантастическому росту их активов. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что уполномоченные властвующими быть миллиардерами, променяли возможность напрямую участвовать во власти на положение политически немощных богатейших в мире людей - социальную опору режима.

Таким образом, Россия не стала типичной рыночной и либерально- демократической европейской страной. В ней продолжились и восторжествовали отношения раздатка, а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения, с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями собственности. Несколько выше цитированный аналитик нашей современной экономики А. А. Яковлев обескураженно констатировал: «Складывается ощущение, что в России постепенно восстанавливается – хотя и в более «рыночных» и «демократических» формах – та иерархическая система, которая была характерна доя советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками»[492].

Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества. Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей, на новый этап ее эволюции.

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через «вертикаль власти», вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес, который утратил свою частную и капиталистическую сущность. Более привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из управления. Основная часть национального богатства сосредоточе-

[492] Яковлев А.А. Указ.соч., с.345

на в руках государства. И, тем не менее, несмотря на столь ярко выраженные черты этакратизма, в стране одновременно сосуществуют зачатки частной собственности и рыночной экономики.

Другие определения российского социума

Есть, конечно же, и другие оценки и определения современного российского социума. Возьмем, к примеру, получившую обширные отклики на Западе, но не замеченную нашими аналитиками, книгу шведского ученого Стефана Хедлунда под весьма определенным названием «Русская "рыночная" экономика: скверный случай грабительского капитализма» (1999 г.) Автор подчеркивает, что корни современных российских бед следует искать в «древней Московии». Относительно ельцинского режима он замечает, что в ситуации, когда наступил коллапс советской системы, новый режим занялся не созиданием, а разрушением и искоренением всех остатков прошлого. В условиях разрушения государственности клепток- раты столь успешно разграбили остатки советской экономики, сосредоточили столь значительные богатства, что даже после коллапса августа 1998 г. они оставались победителями, правда, находящимися перед дилеммой оказаться заключенными[493].

По мнению профессора Кембриджского университета Дэвида Лэйна, в России проводилась неолиберальная политика «в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма». Результат: «...можно определить Россию как "хаотическое" социальное образование. Это образование может быть определено как социальная и экономическая система, которой не хватает институциональной координации и которая способствует социальной фрагментации: целям, праву, правящим институтам и экономической жизни недостает согласованности. Ее отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного класса – посредника, смесь из различных каналов обмена, криминализации и коррупции; предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли; неадекватное выражение политических интересов; экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью. ...

[493] Hedlund S. Russia's «Market» Economy. A bad case of predatory capitalism. L.: UCL Press Limited, 1999, p.338

хаотическая социальная формация – это какая-то аномалия. Стабильность такой системы сомнительна.

...Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен (подчеркнуто мною – О. Ш.)... Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность»[494]. Очевидно из приведенных слов, что Лэйн, по сути дела, близок к позиции автора. К этому можно добавить суждение М.Кастельса, который оценил пореформенное российское десятилетие как «бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму»[495].

Известный американский экономист, директор Центра по изучению России и Евразии при Гарвардском университете Маршалл И. Голдман выпустил в 2003 г. (русское издание 2005 г.) книгу под характерным и недвусмысленным названием «Пиратизация России». Он посвятил ее одному из ключевых моментов российской истории - приватизации и появлению на сцене истории нового «старого» класса - крупных дельцов - «олигархов». Компоративный анализ на основе данных по Чехии, Польше, Китаю приводит автора к неоспоримому выводу об уникальности трагического российского эксперимента над страной и людьми, явившегося результатом ошибочных решений, принятых на основании фальсифицированных оценок ситуации в стране. Эти оценки принадлежали начинающим западным и отчасти русским экономистам - рьяным сторонникам частной рыночной экономики, «больше, чем многие западные экономисты». Сами реформаторы Гайдар и Чубайс «многое прочитали.... но их контакт с рынком был скорее теоретическим, чем практическим». И советники, и реформаторы «приняли за аксиому, что существование прав на собственность автоматически гарантирует, что государство и общество будут проводить в жизнь эти права». И хотя на практике ни одного из необходимых институтов не было, а «государство находилось в состоянии, близко к анархии», они двинулись создавать владельцев частной собственности. Не было учтено, что 70 лет коммунистического режима «создали окружающую среду, ко-

---

[494] Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? (Пер. с английского) // Мир России. 2000. № 1, с.15-16

[495] Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1, с.46

торая была враждебна и способна исказить любой процесс приватизации».

Все же небольшое число людей поняли, что можно сделать состояния «за одну ночь». В это время и вышли на поверхность почти всех новые русские миллиардеры, которых, по мнению Голдмана, «объединяет одна общая черта, отличающая их от миллиардеров каких-либо других стран. Богатство всех, кроме разве что двоих-троих, появилось почти целиком в результате присвоения того, что еще каких-то десять лет назад принадлежало государству»[496].

Академик Н. А. Симония разрабатывает концепцию бюрократического капитализма, чье становление в России, по его мнению, приходится на 1992-1998 гг. Он пишет: «И в стране, и за ее пределами идет ожесточенный спор между сторонниками "западной" и "азиатской" ориентации. Раздаются, правда, и голоса, ратующие за "особый" российский путь развития (я бы сказал точнее - за особый синтез отдельных элементов западных и азиатских моделей развития с российской "почвой"), но активных сторонников подобного подхода немного, и голоса их обычно тонут в шумном хоре адептов крайних позиций. Сформировавшийся феномен российского бюрократического капитала своими предшественниками имеет страны "с богатыми историческими традициями бюрократического управления" (гоминьдановский Китай, Индонезия, Южная Корея ит. д.)».

В этом перечне у Симонии мы не находим стран европейского цивилизационного ареала. По мнению автора, толчком к массовому, практически безграничному формированию бюрократического капитализма послужила гайдаровская либерализация...

Важной особенностью становления этой формы капитализма в России явилось то, что «отсутствие консолидированной и сильной государственной власти имело своим следствием, во-первых, полную свободу рук для бюрократии, ее фактическую неподконтрольность верховной власти и, во-вторых, фрагментарность бюрократического капитала»[497].

---

[496] Голдман М. Пиратизация России. (Пер. с английского). Новосибирск/Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2005, с. 115-157, 376 и др.

[497] Симония Н. Становление бюрократического капитализма в России // Свободная мысль. 2000. № s, с.42, 45

РОССИЙСКОЕ БЮРОКРАТИЧЕСКО-ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС

А.В. Оболонский

Поскольку речь пойдет о главном предмете нашего беспокойства и озабоченности – очевидном и серьезном неблагополучии состояния тех институтов российской государственности, которые непосредственно связаны с их «нанимателем» – гражданами, то без краткого ретроспективного взгляда на их историю не обойтись. Тем более что наша сверхзадача – познакомившись с западными стандартами в рассматриваемой области, подготавливать почву для инкорпорирования некоторых из этих общечеловеческих достижений в нашу реальность. В этом, насколько я понимаю, во многом и состоит интеллектуальная альтернативная повестка дня «Либеральной миссии» – в формировании альтернативы ведущему лишь в цивилизационный тупик «особому пути». При этом она формируется не на пустом месте, а на базе собственных ростков европейских ценностей, которые хотя неоднократно и выжигались системоцентристским антиличностным деспотизмом российской власти, но вновь и вновь возрождались и пробивались на поверхность общественной жизни. Во всяком случае, так видится мне драма отечественной истории. Здесь и основа моего осторожного исторического оптимизма, надежд на наше «светлое будущее».

А теперь обратимся к истории российской государственной службы.

Предыстория российского чиновничества

Выделение управления в самостоятельную сферу деятельности, появление самого слоя государственных служащих связано с появлением централизованного русского государства с центром в Москве в XV столетии и формированием самодержавной царской власти. Она изначально строилась не как в Западной Европе, т.е. на принципах вассалитета, а позднее хоть и абсолютизма, но ограниченного, а на основе безграничного деспотизма власти и полного бесправия подданных. В дополнение к этому к концу XV века произошла ее сакрализация с использованием православ-

ных постулатов. Великий князь, а затем царь рассматривался как наместник Бога на земле. Сакрализация власти полностью выводила властителя из-под контроля общества, исключала какую-либо его ответственность перед подданными. Любое несогласие, а тем более выступление против власти рассматривались как выступление против Бога.[498] Московское государство всегда старалось максимально подчинить себе «все силы и средства общества, не оставляя простора частным интересам отдельных лиц и классов»[499].

Органы центрального управления в те времена именовались «приказами», а высший слой «служилых людей» – «государевым двором».

Формируются виды придворных (дворцовых) должностей – окольничие, конюшие, стольники, постельничьи... Функции этих людей не ограничивались только обслуживанием царевых личных и бытовых нужд, как можно было бы предположить из названий должностей. Благодаря «близости к государеву уху», они играли при дворе и значительную политическую роль, а иногда даже назначались воеводами.

В период становления Московского государства наместничество и воеводство держались на кормлениях – системе содержания и материального поощрения государственной бюрократии, занятой в органах управления на местах. Наместник или воевода получали не жалование, а «корм», т.е. все необходимое от местного населения. Кормленщик получал территорию на «корм» на год-два, редко на более длительный срок (вспомним китайскую модель). Он управлял территорией, судил население и «кормился», взимая поборы в свою пользу. Это открывало безграничные возможности для грабежа населения, а отсутствие долговременной перспективы «кормления» подталкивало к грабежу беспредельному и торопливому.

Высшие государственные служащие рекрутировались преимущественно из боярства по критериям древности рода и его знатности – «породы». Титулованное боярство занимало все высшие должности в государственном управлении. Делами служилых людей: назначениями, выдачей жалованья за службу, ведением разрядных книг и т.д. – ведал специальный Разрядный приказ,

---

[498] См.: Герберштейн С. Записки о московитских делах. В кн.: Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 23–24

[499] Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 462.

учрежденный Иваном Грозным еще в XVI веке. «Разряд» в середине его царствования вел «личные дела» 22–23 тыс. человек. Из них 2–3 тыс. были внесены в московские послужные списки, т.е., говоря современным языком, составляли некое подобие столичной номенклатуры, а прочие входили в списки других городов, т.е. в местные номенклатуры[500]. Разумеется, основная часть этих служивых людей привлекалась государством для военных нужд. Но, поскольку тогда не делалось строгого различия между военной и гражданской царевой службой, из списков черпались «кадры» для любых царских назначений. Существовали и аналоги чинов. Правда, тогда их иерархия была меньше: судья, думный дьяк, дьяк, подьячий[501].

Правило преимущества породы при занятии государственных должностей очевидным образом негативно сказывалось на эффективности управленческой деятельности, на качестве корпуса чиновников. Б. Годунов, сам принадлежавший к «худому» роду и лишь обманом получивший боярский титул, став царем, попытался ограничить наследственные привилегии родов на занятие должностей. Он временно объявил военную службу «без мест», т.е. посылал служилых людей туда, куда считал нужным, без учета родовитости и заслуг предков. Естественно, новая система назначений по деловым качествам вызвала недовольство родовых корпораций. Борис, как известно, правил недолго. А высший слой государственной бюрократии формировался родовыми корпорациями знати (т.е. как своеобразная родовая номенклатура) до конца XVII века.

При такой системе замещения должностей профессиональные, деловые качества не имели существенного значения. Более того, часто хорошие профессионалы имели печальную судьбу. Но Смута начала XVII столетия, в которой дворянство принимало активное участие, показала, что в государственной службе необходимы изменения. Царь Алексей Михайлович хотя и нерешительно, но пытался модернизировать систему власти. В частности, он приближал и пытался опереться на умных, сведущих людей независимо от их происхождения. В его царствование выдвинулась целая

---

[500] Это сходство средневековой российской предбюрократии с номенклатурой отмечает, например, Л.И. Семенникова. См.: Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 110.

[501] См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

плеяда талантливых государственных деятелей: Ф.М. Ртищев, А.Л. Ордин-Нащокин, А.С. Матвеев и др. Доминирующая роль «породы» несколько ослабла. Стала больше приниматься во внимание иерархия чинов согласно разрядным спискам. Положительным явилось и то, что во второй половине XVII века взаимоотношения власти и общества регламентировались светскими законами, закрепленными в Соборном уложении 1649 года.

При этом аппарат государства существенно вырос. «В середине столетия существовало уже около 40 приказов, а в 1690 г. – 50. За полвека – с 1646 по 1698 годы – количество дьяков и подьячих выросло почти в пять раз – с 845 до 4646 человек... Бюрократизация шла и "внизу": в 200 с лишним уездов стали присылаться из Москвы воеводы, сосредоточившие в своих руках военную, административную и судебную власть над местным населением... Но и воевода не мог управлять уездом без поддержки местного населения и его выборных органов, т.к. они раскладывали и собирали налоги... В глазах служилых людей назначение на административный гражданский пост воспринималось как отдых от боевой службы, и дворяне не стеснялись просить государя "отпустить на воеводство покормиться"...Но дело не только в "наглых" действиях воевод... Последствием "кормления" всего аппарата управления было его влияние на сознание и чиновников, и зависимого от них населения, которое привыкло видеть во власти прежде всего источник личных доходов. Мздоимство при исполнении должностных обязанностей выглядит в источниках делом привычным. Насилие, воспринимаемое как имманентный фактор властных функций, пронизывало психологию всех социальных слоев и групп населения»[502].

Для контроля и борьбы со злоупотреблениями чиновников был учрежден приказ Тайных дел. В его функции входило обеспечение слаженной работы механизма самодержавной власти, контроль за точным выполнением царских приказов, пресечение казнокрадства и других злоупотреблений властью. Подьячие Тайного приказа сопровождали бояр-послов за границу, следя за точным соблюдением инструкций, данных царем. Они ведали политическим сыском, расследовали дела о злоупотреблениях и т.д. Тайный приказ подчинялся непосредственно царю. Через него тот мог осуществлять контроль за деятельностью государственных слу-

[502]Курукин И. Блеск и нищета отечественного народоправства // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 68–69.

жащих сверху донизу. Думаю, можно считать его прообразом всех последующих институтов и учреждений политической полиции в нашем отечестве вплоть до настоящего времени, а также избрания именно такого, пережившего века и все перемены, приоритета в борьбе с беззаконием и преступлениями «государевых слуг».

Однако назревали и глубокие реформы государственной системы.

Табель о рангах как зеркало российской бюрократии: назначение, эволюция, попытки отмены

Сущность Табели, ее недостатки и достоинства. Как известно, в отечественном массовом сознании прочно укоренен стереотип – все благие и вообще крупные начинания в российской истории связывать с именем и царствованием Петра I. В полном соответствии с этой традицией и начало государственной службы в России тоже часто отсчитывают от Петра, а именно от 24 января 1722 года, когда он ввел в действие подготавливавшуюся несколько лет знаменитую Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины (таково ее с трудом воспринимаемое современным ухом полное наименование).

Табель установила три иерархические, как бы параллельные лестницы чинов для гражданской, военной и придворной служб, по 14 ступеней в каждой. Основная речь о Табели, ее роли, исторической судьбе и порожденных ею последствиях пойдет ниже. Пока же лишь заметим, что, как и в большинстве других случаев исторического мифотворчества вокруг петровских деяний, приписывание Табели какого-либо революционного значения если и справедливо, то лишь отчасти. Представляется, что это был лишь очередной шаг в деспотическом стремлении власти регламентировать, подчинить единому распорядку всю жизнедеятельность общества.

Выше было рассказано, что еще задолго до Петра существовали и предтечи чиновничества (служивый класс), и предтечи номенклатуры (разрядные списки). Равно и другое приписываемое Петру изменение – отмена безоговорочного приоритета породы перед службой – в основе своей было сделано до него. Еще в 1682 году по представлению Комиссии под председательством В.В. Голицына было отменено «богоненавистное и враждотворное местничество». С этого момента, как отмечает Ключевский, «совершенно изменилось отношение сословного положения служиво-

го лица к служебному чину. Прежде этот чин определялся принадлежностью лица к известному генеалогическому слою служивого класса; теперь, наоборот, приобретение известного служивого чина вводило в состав высшего служивого класса, какого бы оно ни было происхождения»[503]. Эта мера разрушила прежнее – родовое – основание лестницы чинов. А Петр своей Табелью лишь завершил дело, к тому же внеся в него, как и во многих других случаях, свое тоталитаристское стремление максимально поставить подданных под контроль полицейского государства[504].

Более того, именно Петр обеспокоился тем, что гражданская служба может стать слишком легким путем для перехода людей из «подлых» классов в дворянское сословие и своим Указом от 31 января 1724 года предписал «в секретари не из шляхетства (дворянства) не определять, дабы потом не могли в асессоры, советники и выше происходить»[505]. Впрочем, лазейку в виде производства особо отличившихся из «подьяческого чина» с предоставлением им шляхетства он оставил. Его наследники усовершенствовали механизм регулирования ограниченного доступа представителей низших классов в дворянство через государеву службу: так, Екатерина II своим Указом 1790 года «О правилах производства в статские чины» установила, что право на потомственное дворянство дает лишь 8-й класс Табели, для перевода в который недворянам надо было прослужить в чине предыдущего класса не менее 12 лет. Упомянутый Указ вместе с Указом Павла I от 1797 года «О наблюдении, при избрании чиновников к должностям, старшинства мест и чинов» и изданием уже при Александре, в 1801 году, так называемых чинопроизводственных правил в определенной мере подытожили продолжавшуюся в течение всего XVIII столетия шлифовку Табели, правил поступления на службу и прохождения по ее ступеням. Основным путем продвижения являлась выслуга лет, досрочный же перевод в высший класс был исключением из правила, как бы наградой за особые заслуги, присуждавшейся по личному решению монарха. Впрочем, верхней ступенькой для продвижения по принципу выслуги был 5-й класс;

---

[503] Ключевский В.О. Указ соч. С. 455.

[504] Симптоматично, например, что именно при Петре исчез, слившись с крепостными, извечный дотоле на Руси класс «гулящих людей»".

[505] Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 48.

пожалование в более высокие чины производилось лишь по усмотрению императора.

К началу XIX века Табель приобрела следующий вид[506].

Класс	Чин	Титулование
1	Канцлер, действительный тайный советник	Ваше высокопревосходительство
2	Действительный тайный советник	
3	Тайный советник	Ваше превосходительство
4	Действительный статский советник	
5	Статский советник	Ваше высокородие
6	Коллежский советник, военный советник	Ваше высокоблагородие
7	Надворный советник	
8	Коллежский асессор	
9	Титулярный советник	Ваше благородие
10	Коллежский секретарь	
11	Корабельный секретарь	
12	Губернский секретарь	
13	Провинциальный секретарь	
14	Коллежский регистратор	

При этом первый класс был исключительным: за всю историю он был пожалован лишь 11 человекам. Чины 11-й и 13-й существовали лишь номинально, а в 1811 и 1834 годах были и формально упразднены. Так что реально лестница состояла из 11 классов.

Дополнительно к Табели о рангах существовали еще и высшие почетные звания: статс-секретарь его Величества, член Государственного совета, сенатор, почетный опекун, а также так называемое внетабельное чиновничество – низшие канцелярские служащие (копиисты и пр.). Сетка должностей корреспондировалась с лестницей чинов, но не жестко, а допуская определенный люфт, так что чин мог как бы опережать должность, а мог и отставать (примерно как в нынешней военной службе). Соответственно, и шкал привилегий было две – по должностям и по чинам. Форма

[506] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 116.

обращения к чиновнику – титулование – также подчинялось табельной иерархии. По своей многомерности, детализированности и дробности система была беспрецедентной. Тут мы определенно переплюнули Запад, хотя и заимствовали у него ряд названий.

Все чиновники носили мундиры, а зимой и шинели, по которым можно было установить ведомство, где они служили, и чин. При этом чиновников разных ведомств можно было различить и по пуговицам, и даже «с изнанки»: сановники первых пяти классов имели цветную подкладку шинелей, цвет которой зависел от ведомства: в телеграфном – желтая, путейском – зеленая, внутренних дел – красная...[507]

В своем стремлении к оказениванию всего общества правительство распространяло чиновничье-мундирные «привилегии» даже на те профессии, которые, казалось бы, по самому смыслу своей деятельности должны иметь независимый статус. Так, Павел I ввел почетные звания мануфактур-советника и коммерции советника для лиц, успешно занимавшихся промышленностью и торговлей; они были приравнены к 8-му классу гражданской службы. Ученые ценились дешевле: «профессорам при Академии» и «докторам всяких факультетов» давался чин 9-го класса т.е. титулярного советника (которого в известном романсе прогнала генеральская дочь, сочтя его объяснение в любви дерзким нарушением социальной иерархии). Сам Ломоносов, высказывавший обиду за отнесение российских ученых к столь низкому рангу, был в конце своей жизни пожалован либеральной Екатериной II в статские советники, т.е. «аж» в 5-й класс. Правда, немного забегая вперед, скажем, что в XIX веке, с распространением на Руси образования, университетскую профессуру и ученых «повысили» в чинах и, соответственно, титулах. Чины присваивались и выборным деятелям органов самоуправления – предводителям дворянства, а позднее и городским головам и председателям земств.

Мундиромания, оказенивание общественного сознания дошли до такой степени, что мундиры в XVIII веке носили даже служители муз – члены Академии художеств. Ношение мундиров было обязательным. Разработка их эскизов, периодическая перемена фасонов в соответствии с веяниями моды, детальная регламентация знаков различия и правил их ношения всегда считались одним из важнейших государственных дел, в подробности которых

[507] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 149.

лично вникали сами императоры. Любое, даже мельчайшее изменение в форменной одежде требовало высочайшего утверждения. И это было далеко не формальностью. Императоры, как правило, помнили детали форменной одежды всех высших и средних чинов и замечали малейшие отклонения от регламентов, причем наказания за отступления от правил раздавали не только самодур Павел и символ «мундирной России» Николай I, но и «либерал» Александр I. Существовало семь (!) вариантов форменной одежды: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя – и подробное расписание, чту в какие дни надлежит носить.

Свои – еще более сложные и гораздо более престижные – шкалы чинов и мундирных различий между родами войск и даже полками были также в придворной и военной службах (последняя подразделялась на армейскую и флотскую). Неслучайно статские чиновники хотя бы по внешним атрибутам стремились походить на офицеров: правительству неоднократно приходилось издавать специальные указы, запрещавшие штатским лицам именоваться военными чинами. И все-таки мания казаться военными была непобедима. Даже на исходе XIX века многие чины высшей гражданской иерархии велели прислуге именовать себя генералами[508].

Иногда гражданские чиновники получали в виде особого отличия свитские, т.е. придворные, чины. Известный американский исследователь России Р. Пайпс, думается, справедливо замечает, что «Табель о рангах превратилась в настоящую хартию служивого сословия... Поступление на службу и служебное продвижение сделались в России родом национальной одержимости, особенно в низших классах. Импульс, который в странах коммерческих устремлялся в накопление капитала, в императорской России направлялся обыкновенно на обзаведение чином»[509].

Петр I «обогатил» отечественную, почвенную традицию необузданного деспотизма власть имущих западными рационализаторскими механизмами. Таким образом, сам деспотизм в полной мере сохранился, но при этом стал более эффективным с точки зрения интересов власти. Петровским «идеалом было, как он сам выражался, регулярное – правильное – государство, где вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным, однолинейным от-

[508] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 115.
[509] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 168.

ношениям... Идеал "регулярного государства"... очень скоро породил одно из основных зол и вместе с тем основных характерных черт русской жизни – ее глубокую бюрократизацию»[510]. Это обстоятельство имело для российского общества глубокие и устойчивые, даже до сих пор далеко не преодоленные последствия, в том числе нравственно-психологического характера.

Гипертрофия чина. Чувства чести, личного достоинства, уважения подменил ЧИН, а богатство и полутона социальной структуры, даже межличностные отношения людей втискивались в ячеи наброшенной на всю страну сети – ранжиров единой Табели о рангах. «Один из западных путешественников, посетивших Россию в царствование Павла I, метко заметил: "Здесь все зависит от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин". Положение в обществе, измеряемое классами чинов, получило значение главной жизненной ценности»[511]. Пушкин точно выразил эту ситуацию формулой: «У нас не ум ума почитай, а чин чина почитай».

Человек без чина считался неполноценным, причем порой дело доходило до абсурда: так, никогда не служивший князь Голицын, подписывая бумагу, всю жизнь должен был вместо указания чина (что считалось обязательным), ставить перед своей фамилией слово «недоросль». Даже лошадей на почтовых станциях давали по чинам – от 12 для чиновников трех первых классов до 1–2 для титулярных советников. По чинам, как известно, обносили блюдами и на званых обедах.

По мнению Ю.М. Лотмана, понятие чина приобрело в петербургской имперской культуре почти мистический характер[512]. Такого в рационалистической Европе, пожалуй, сыскать нелегко, разве что в какой-то мере в гофмановском «Крошке Цахесе».

Чин не только формировал личность и строго указывал на место человека в общественной иерархии, не только определял стиль его жизни и поведение вплоть до мелких деталей. Порой он как бы отделялся от своего материального носителя, начинал самостоятельную жизнь. Хрестоматийный литературный пример подобной материализации – нос коллежского асессора Ковалева, принявший образ статского советника, т.е. чина, на три ступени более высокого, и благодаря этому холодно третировавший своего

---

[510] Лотман Ю.М. Люди и чины. В: Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 22.
[511] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С.23.
[512] Лотман Ю.М. Цит. соч. С. 33.

бывшего «хозяина». «Расколдовывание» же подобной псевдореальности воспринималось как отклонение от социальной нормы. Неслучайно рассуждения о фиктивности разделения людей по чинам привели Поприщина – героя другой из «Петербургских повестей» Гоголя – в известный дом. Другой хрестоматийный пример недопустимого диссидентства, отклонения от нормы – «не признающий чинов» грибоедовский Чацкий. Норма же, соответственно, все прочие персонажи «Горя от ума», оценивавшие окружающих на основании их места в формальной чиновной иерархии.

Человек при поступлении на службу становился как бы казенной собственностью и так и оставался ею на протяжении всей своей жизни. Добро бы еще это приводило к уменьшению злоупотреблений и произвола чиновников, к возникновению честной и эффективной администрации. Увы, нет. «Злоупотребления росли с необыкновенной быстротой. Они были практически неискоренимы, так как государство, хотя и боролось с ними, но, по существу, само же их и порождало»[513].

Регламентация формальных правил прохождения службы отнюдь не устранила общего духа государственного произвола, сформировавшего и продолжавшего «подпитывать» (в разных смыслах этого слова) российский чиновничий аппарат, и, по мнению современных исследователей, раздув его размеры и повысив уровень его коррумпированности, не повысила его эффективности.

«Стремительная трансформация патриархальной московской монархии в бюрократическую империю вызвала резкое возрастание численности бюрократии: только за 1720–1723 гг. число приказных увеличилось более чем в два раза. Результатом стали разрыв традиции и государственной службы и снижение уровня профессионализма – при возрастании амбиций и аппетитов чиновников. Проще говоря, дьяки и подьячие XVII в. брали умереннее и аккуратнее, а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным “бесстрашием” по части злоупотреблений»[514]. Так что «порядка» (ключевое слово наших «государственников» в их апологетике властного деспотизма) в управлении построение петровской «вертикали» особо не добавило.

---

[513] Там же. С. 44.

[514] Серов Д.Ф. Строители империи: очерки государственной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 264; Курукин И.В. Бирон. М., 2006

Впрочем, было бы односторонним считать, что Табель о рангах не принесла совсем уж ничего хорошего. К положительным чертам рассматриваемой системы, думается, можно отнести то, что она все-таки расширила возможности для вертикальной социальной мобильности, для возвышения при соблюдении определенных условиях людей из низших классов. Правда, это не диктовалось какими-либо демократическими идеалами, а было во многом вынужденным: во-первых, после освобождения дворян от обязательной службы многие из них стали ограничивать свое «служение отечеству» несколькими годами в молодости, а затем выходили в отставку, предпочитая проводить жизнь в родовых имениях либо за границей; во-вторых, по мере разрастания «государева хозяйства» и, соответственно, увеличения чиновного аппарата, обнаружилось, что без широкого привлечения на статскую службу не дворян не обойтись.

Доля поместных дворян в составе гражданского чиновничества неуклонно сокращалась. Это весьма беспокоило власть, всегда, как известно, отрицательно относившуюся к размыванию межсословных барьеров. Поэтому правительство периодически предпринимало различные ограничительные меры, главным образом повышая уровень класса, дававшего право на наследственное дворянство. Так, к середине XIX века это право было ограничено уже лишь пятью, а при Александре II – четырьмя высшими классами. Однако саму тенденцию «дедворянизации» госслужбы правительство было вынуждено принимать как данность.

В результате к началу XIX века сформировался особый социальный класс низшего и среднего чиновничества, в рамках которого «фомы опискины» воспроизводились от поколения к поколению. Юридическое регулирование их статуса осуществил Николай I законами от 1827 и 1834 годов, первый из которых определял порядок поступления на службу, а второй – условия дальнейшего продвижения по лестнице чинов. В основу продвижения был положен принцип выслуги, обеспечивавший почти автоматический медленный переход с одной ступени на другую, причем скорость этого продвижения лишь в очень незначительной степени зависела от квалификации и иных профессиональных достоинств чиновника.

При этом роль чиновников в государстве все более увеличивалась. Николай говорил, что на самом деле «моей империей управляют двадцать пять тысяч столоначальников». Маркиз де Кюстин

в своих знаменитых записках о России так описал эту ситуацию: «Здесь имеется особый класс людей, соответствующий нашей буржуазии, но не имеющий ее твердого характера – следствия независимости, и ее опытности – следствия свободы мысли и образованности ума; это класс низших чиновников, как бы второе дворянство... они самые жестокие деспоты в этом деспотическом государстве; выходцы из народных училищ, вступившие в статскую службу, они правят империей вопреки императору. <...> Из своих канцелярий эти незаметные тираны, эти деспотичные пигмеи безнаказанно угнетают страну, даже императора, стесняя его в действиях; тот хоть и понимает, что не столь всемогущ, как о нем говорят, но, к удивлению своему, (которое желал бы сам от себя скрыть), порой не вполне знает, насколько ограничена его власть. Болезненно ощущая этот предел, он даже не осмеливается сетовать, а ставит ему этот предел бюрократия, страшная всюду, ибо злоупотребление ею именуют любовью к порядку, но в России более страшная, чем где-либо. Видя, как тирания чиновников подменяет собою деспотизм императора, содрогаешься от страха за эту страну»[515]. И это говорилось о временах правления не какого-нибудь безвольного, порабощенного собственным окружением царя типа Николая II, а самого жесткого, авторитарного и по-своему весьма эффективного властителя послепетровского времени, который стремился сам, лично вникать во все дела, контролировать и решать все вопросы!

При этом любопытно, что слова Николая I о 25 тыс. столоначальников в количественном плане были не более чем метафорой: точное число чиновников в середине его царствования не было известно ни ему, ни его канцелярии, и его не смогли установить даже позднейшие кропотливые исследователи[516]. Есть данные о числе обладателей классных чинов на 1847 год – 61 548 человек[517]; однако к ним надо прибавить еще внетабельное чиновничество, составлявшее по разным оценкам и в разное время от 2/3 до 1/4 всего чиновничества.

Попытки отмены или ограничения Табели. Нельзя сказать, что правительство не пыталось бороться с порожденным им самим

---

[515] Де Кюстин А. Россия в 1839 году. Т. 2. М.,1996. С. 214–215.
[516] См. об этом, напр.: Ключевский В.О. Соч. Т. 5. С. 271. Это подтверждает и Зайончковский, специально занимавшийся нашим госаппаратом XIX века. См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 67.
[517] Ключевский В.О. Указ. соч. С. 218.

«гомункулусом» чиновничества. Уже Павел в конце своего царствования, в 1800 году, издал указ об отмене наименований гражданских чинов, сохранив, впрочем, саму шкалу, только за номерами. Однако этот указ постигла судьба большинства павловских начинаний, как правило, импульсивных, плохо продуманных, хотя часто имевших в своей основе не только самодурство, но порой и прогрессивные в своей основе намерения. Последующую, занявшую целый век историю событий вокруг Табели можно рассматривать как борьбу и поражение концепции «административного романтизма» Сперанского в противостоянии с бесплодным «реализмом» царских комиссий.

Итак, первая серьезная программа и попытка рационализации российской статской службы была предпринята в царствование Александра I и связана с именем М.М. Сперанского. Сперанский – личность для российской государственной машины исключительная. Как писал Ключевский уже в самом конце XIX века: «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум, после Сперанского, не знаю, появится ли третий. Это была воплощенная система»[518]. (Запомним не только восторженную оценку ума Сперанского, но и последние слова характеристики.) Став одним из ближайших сподвижников молодого царя, Сперанский предложил, как известно, полную реформу всей структуры государственной власти на базе передовых идей XVIII века. Известна и печальная участь как реформы, так и ее идеолога. Из того немногого, что удалось довести до хотя бы частичного воплощения, были перестройка центрального управления – образование министерств и Государственного совета, и введение в систему чинопроизводства критерия образования. Согласно царскому Указу от 6 августа 1809 года для производства в чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс) требовалось, помимо соответствующей выслуги лет, свидетельство об окончании курса в одном из российских университетов либо сдача экзамена по прилагавшейся к Указу программе. Программа была довольно обширной и предполагала знание русского и одного иностранного языка, основательных знаний в областях права – естественного, римского, уголовного и гражданского, отечественной истории, экономики и статистики, а также общих познаний по

[518] Ключевский В.О. Указ. соч. С. 220.

ряду других предметов[519]. Обращает на себя внимание акцент на отечественное образование и знание российской действительности.

Помимо прагматической задачи повышения образовательного уровня чиновников, Указ преследовал и более широкую социальную цель – стимулировать в нации интерес к получению образования. Ведь в начале позапрошлого столетия, с открытием гимназий, увеличением числа университетов, других учебных заведений исчезли технические препятствия для распространения в стране просвещения и предполагалось, что проблема тем самым решена. В свойственных началу царствования Александра I романтических планах даже виделось, что уже через пять лет можно будет заполнять все требующие квалификации должности в государственном аппарате лицами, окончившими учебное заведение. Однако надежды не оправдались: россияне отнюдь не ринулись изучать науки. Причем исключения не составили даже дворянские семьи, где попрежнему предпочитали традиционную форму найма домашних учителей, которые, как известно, учили «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Правда, именно в александрово и николаевское царствования патриархальная российская подозрительность и нелюбовь к «многознанию» и «высокоумствованиям» ушли наконец в прошлое. Но первоначальная реакция на стремление правительства сформировать корпус образованных служащих была крайне негативной.

Сперанский, при всем его блистательном рациональном, системно-аналитическом уме, похоже, не очень понимал не укладывавшийся в рациональные философские схемы характер российской реальности и, в частности, менталитет российского служивого класса. В сущности, и сама идея как бы принудить дворян к получению образования угрозой в противном случае закрыть перед ними перспективы карьеры – тоже отражение перевернутой ценностной шкалы, в рамках которой образование не самостоятельная, а всего лишь инструментальная ценность. Но даже такой утилитарный подход к образованию тоже натолкнулся на сопротивление, причем не только со стороны закосневших в невежестве провинциальных «столоначальников» и обитателей поместных медвежьих углов, но и со стороны петербургской элиты.

Например, сам Карамзин представил царю записку, в которой дал волю сарказму относительно Указа: «...отныне никто не дол-

[519] Цит. по: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 120–121.

жен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства своей учености... председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства оксигена и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни сорокалетняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга узнать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь не согласного с их целью»[18520]. В пародийной молитве того времени есть такие строки:

А что мы не знаем астрономии
и по-французски «прости»,
И предки наши сего не знали,
А дела вершили по справедливости.
Но по простоте нашей завидумке
Умилосердись и в ученые классы
И нас и профессоров не введи.
Нас от разорения, а профессоров от обогащения
Да избежим тем все лукавого[521].

(Последние строчки, очевидно, содержат намек на получение аттестата за взятку.)

Но дело не ограничилось ерничаньем. Министры один за другим начали «пробивать» для своих ведомств исключение из правил, причем каждый доказывал, что именно для его «отраслевой специфики» опыт важней знаний. Царь дрогнул и начал дозволять отступления от установленного порядка для отдельных ведомств и категорий чиновников. Это вызвало новую волну ходатайств об исключениях, так что уже через несколько лет исключением стало соблюдение требований Указа. К тому же «под давлением общественности» царь вынужден был уволить реформатора.

В марте 1812 года Сперанский – человек уникальной работоспособности, честный и преданный идее повышения эффективности российской государственной машины, был отправлен в отставку и «сослан в Нижний, напутствуемый самой искренней бранью со стороны высшего общества и ожесточенной озлобленностью со

[520] Зайончковский П.А. Цит. соч. С. 32.
[521] Ключевский В.О. Указ. соч. С. 225.

стороны народа. Причины ненависти первого легко понять; менее понятен был ропот, поднявшийся против Сперанского в народе»[522]. Избегнем соблазна порассуждать на предложенную Ключевским тему народной нелюбви к эффективным реформаторам, а также начать искать аналогии в нашей современной политической жизни и завершим изложение этой первой серьезной попытки создания в России цивилизованной гражданской службы указанием на упоминавшиеся выше николаевские законы 1827 и 1834 годов, даже формально похоронившие начинания Сперанского и в полном объеме восстановившие принцип выслуги. Об экзаменах уже и не вспоминали, а уровень образования сохранился лишь в качестве одного из критериев производства в чины, причем в ряде случаев критерия менее важного, нежели происхождение.

О крахе мечты Сперанского дать России образованное чиновничество свидетельствует проведенный П.А. Зайончковским анализ статистики образовательного уровня чиновников, привлеченных в 1840-е годы к уголовной ответственности. Избрать столь оригинальный способ получения образовательной статистики ученого заставило отсутствие общих данных. Так вот, из низших чиновников (10–14-й классы Табели), попавших под уголовное преследование, высшее образование имели лишь 3,2%, среднее – 11,36% зато низшее – остальные 85,5%. По средним чиновникам (5–8-й классы) эти цифры составляют соответственно 6,4, 26,0 и 67,6%[523].

Разумеется, подобный метод исчисления уязвим для иронической критики: дескать, более образованные либо меньше воруют, либо реже попадаются. Но общее представление о ситуации они, несомненно, дают, тем более что даже полвека спустя, в 1890-е годы, процент лиц, принятых на государственную службу без высшего образования был весьма значительным, а с высшим – не дотягивал и до 1/3. Особенно низким уровень образования был у чиновников Министерства внутренних дел, т.е. тех, кто по роду службы был призван обеспечивать соблюдение законности, «нести в массы» идею права. Неслучайно в русской литературе трудно припомнить положительный образ представителя полицейской власти. Все больше держиморды да взяточники попадаются. В 1856 году критерий образования при чинопроизводстве и вовсе был отменен под тем предлогом, что он затягивает в государствен-

[522] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 33.
[523] Цит. по: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С.126.

ную службу всех образованных людей, обескровливая тем самым другие сферы общественной жизни. Зато сословные привилегии продолжали цвести пышным цветом: дворянину для перехода из 9-го в 8-й класс достаточно было четырех лет выслуги, тогда как недворянину нужно было прослужить все 12.

На смену административному романтизму Сперанского пришел охранительный административный реализм николаевского времени. Первое десятилетие царствования Николая I было отмечено двумя упоминавшимися выше законами и утверждением Устава о службе гражданской, который установил примерное соответствие между шкалами чинов и должностей в том виде, в каком они с небольшими изменениями просуществовали вплоть до 1917 года. Правда, в 1840-е годы Николай задумал более радикальную меру – упразднить систему чинов и приоритет выслуги, поскольку в этом ему мнилась угроза возникновения относительно независимой от высшей власти бюрократии и, как следствие, вставал вечно мерещившийся ему призрак покушения на ее безграничные прерогативы. Был создан специальный комитет для быстрого решения вопроса. Однако бюрократия нашла серьезную и весьма убедительную для престола охранительную аргументацию в пользу сохранения чинов. Ее выразил в двух записках на высочайшее имя министр народного просвещения С.С. Уваров.

Он четко обосновал пользу чина как имеющего «фантастическую силу» инструмента власти, который к тому же ничего ей не стоит. В своей апологетике Табели о рангах он апеллировал к разным ценностям: к «идее чести» служения государству, что якобы компенсирует в сознании чиновников их более скромные по сравнению со сферой частного предпринимательства доходы; к соображениям экономии, ибо поощрение усердия государевых слуг не деньгами, а «моральными стимулами» – чинами, орденами, почетными званиями – позволяет казне сэкономить деньги; к элитарно-сословному сознанию правящего слоя, подчеркивая, что существование лестницы чинов позволяет «не распространять до излишества класс потомственных дворян» и в то же время избежать «пролетаризации» государственной службы; к базовой монархической ценности, утверждая, «что укорененная в общем уважении и совершенно согласная с монархическим духом гражданская иерархия России, оставаясь неприкосновенною, послужи-

ла бы к вящему укреплению твердыни русского самодержавия»[524].

Более того, Уваров подвел под чины столь модную и тогда, и в последующие времена националистическую панславистскую риторику и идеологию: «Россия любит в табели о рангах торжественное выражение начал славянским народам драгоценного равенства перед законом, дорожит знамением мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы. Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества настоящего усердия...»[525].

Естественно, при этом декларируемая идея правового равенства как бы незаметно подменяется идеей всеобщей обязанности «усердного служения» престолу, т.е. всемогущему государству, и, соответственно, всеобщего бесправия. (Как видно, во все времена «патриоты-государственники» используют, по сути, в неизменном виде все тот же переживающий века и формации трюк.) Истинную же цену этой демагогии обнаруживает ее сосуществование с сословными привилегиями и ограничениями. Разумеется, эта аргументация убедила Николая, что чиновная Табель со всеми ее атрибутами не только не угроза, а, напротив, вернейшая опора власти, а уваровская апология чинов на десятилетия стала классикой охранительной аргументации российской чиновной бюрократии.

Однако далеко не все общество разделяло эту логику. Так, Пушкин в своей записке царю в 1826 году обращал внимание Николая на издержки системы чинов: «Чины сделались страстью русского народа. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником». Правда, при этом у правительства вечно не хватало толковых чиновников, а престиж чиновной карьеры был довольно низок. Но оставим анализ этого парадокса любителям порассуждать о «загадочной русской душе» и психологам. Так или иначе, карьера офицера, особенно гвардейского, либо придворного ценилась в обществе выше. В кругах же нарождавшейся российской интеллигенции служение власти стало считать-

[524] Цит. по: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 45.
[525] Цит. по: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 24.

ся после 1825 года дурным тоном и явное предпочтение отдавалось свободным профессиям. Как писал Белинский: «Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров»[526].

Так что относились к Табели о рангах разные слои общества по-разному. Одно, однако, стало, по крайней мере к середине XIX века, очевидным: продвижению достойнейших она не способствует. Поэтому при каждом новом царе, начиная еще с Павла, вставал вопрос о ее отмене. Встал он, разумеется, и в начале царствования Александра II.

При этом суровая критика системы чинов исходила не только извне, но и из самих правительственных кругов. Трудно удержаться, чтобы не повторить обширную выписку из записки барона М.А. Корфа, поданной им в Совет министров в 1862 году: «...по единогласному признанию, вредное влияние чинов состоит особенно в том, что они образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет своею собственной жизнью, считает себя выше остального общества и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышениям и внешним отличиям... Человек, который мог бы с успехом заняться любимым ремеслом или промыслом, поступает на казенную службу и бедствует на ней десятки лет единственно потому, что эта служба ставит его на искусственные ходули в обществе и ласкает его воображение обманчивой картиной иногда отдаленных, но все-таки возможных повышений и отличий. Однажды предавшись этому влечению, однажды надев виц-мундир, он с трудом снимет его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок. Редко решатся на то и сын, и внук его, и таким образом размножаются целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке»[527]. Иными словами, Корф считал серьезным пороком то же самое, что принадлежавший к одному с ним правительственно-придворному кругу Уваров полагал достоинством.

Знаменитый диссидент той эпохи, политический эмигрант князь П. Долгоруков изъяснялся еще резче: «Император... лишен права... выбирать себе чиновников. Чтобы занять в России некую должность, надобно обладать соответствующим чином... Это уч-

[526] Цит. по: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 129-130.
[527] Цит. по: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 182-183.

реждение являет собою крепчайшую гарантию ничтожества, низкопоклонства, продажности, посему изо всех реформ эта более всего ненавистна всесильной бюрократии. В России достоинство человека есть великое препятствие в его служебном продвижении... тогда как негодяй или полукретин, который ни разу не покинет службы, в конце концов достигнет в ней чинов высочайших»[528].

Разумеется, Александр II начал с образования «комиссии» – особого Совещательного собрания. Собрание осудило манию чинов, рост числа и влияние бюрократии, взяточничество и другие ее пороки, а также предложило реформу всей системы управления, включавшую, в частности, желательность отмены Табели, но лишь после значительного увеличения жалованья чиновников. В результате жалованье за время царствования Александра возросло в среднем в два раза, но Табель осталась в неприкосновенности.

То же повторилось и при его сыне – Александре III. Он также учредил в начале своего царствования Особое совещание, которое признало необходимым отменить чины, поскольку они стали явной архаикой, утратившей всякое положительное значение, и лишь стимулируют уродливое чинопочитание, не стесняющийся в средствах карьеризм, приводят в госслужбу людей беспринципных, обладающих, вместо необходимых деловых и моральных качеств, только неукротимым желанием любым путем «выбиться наверх». Главным выводом Совещания стало предложение о слиянии чинов с должностями. Царь поначалу поддержал его. Помимо прочего, у него были свои счеты к чиновничеству: он считал, что реформы отца способствовали распространению в бюрократических сферах антиправительственных настроений и либеральной крамолы. При этом опасения Александра, в отличие от аналогичных подозрений его деда Николая, который всюду видел призраки революции, имели под собой реальные основания. Александр, как и его дед, поначалу предполагал удобным выкорчевать чиновничий либерализм вместе с Табелью о рангах.

Но когда заключение Совещания было разослано на отзыв главам министерств и ведомств, все повернулось иначе. Подавляющее большинство министров высказалось против отмены чинов. При этом их аргументы, в сущности, повторяли доводы Ува-

[528] См.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX в.

рова: чин-де возвышает его обладателя над прочими подданными, а поскольку он дается за службу государству, то тем самым он укрепляет власть и поднимает ее престиж. Кроме того, в отзывах министров говорилось об опасностях «потрясения в умах» чиновников при отмене традиционного порядка[529].

И известный своей твердостью император, столкнувшись с оппозицией аппарата, растерялся. Об этом свидетельствует хотя бы его записка одному из наиболее влиятельных сторонников отмены чинов, члену Государственного совета А.А. Половцову, направленная после того, как царю доложили об изменении позиции Особого совещания под влиянием отрицательных мнений министров. Александр вопрошает: «По-видимому, чиновничество желает провалить дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести дело, чтобы добиться результата?»[530]. Решение найдено не было. Император оказался бессилен изменить систему, и вопрос опять заморозили... до следующего царствования. Сопротивление бюрократической корпорации оказалось сильней царской воли. Кастовое сознание чиновников препятствовало приливу в госаппарат свежей крови. Только С.Ю. Витте добился для своего ведомства – Министерства финансов – исключения, получив право принимать сотрудников, в том числе и на достаточно высокие должности, вне зависимости от их чина и происхождения, лишь при условии наличия у них высшего образования.

Новая же комиссия по совершенствованию гражданской службы была, по сложившейся уже традиции, образована в начале царствования Николая II, в 1895 году, на сей раз при Госсовете. Но в отличие от прежних она работала неспешно. Видимо, царь ее не подгонял. Свой доклад она представила лишь через шесть лет, в 1901 году. Содержавшиеся в нем предложения были наименее радикальными за все 100 лет работы подобных комиссий. На сей раз даже на этой стадии не был поставлен вопрос ни об отмене чинов, ни об упразднении сословного ценза. По существу, предлагалось лишь заменить при чинопроизводстве принцип выслуги лет принципом поощрения за заслуги, а также восстановить отмененный полвека назад образовательный ценз для чиновников. При этом Комиссия использовала в качестве аргумента довод, звучавший в начале XX века, т.е. почти накануне первой революции, вопиющим диссонансом с настроениями большей части

[529] Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 49.
[530] Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 216.

образованного общества: чин-де суть проявление царской милости по отношению к любому подданному независимо от его сословия. Общий дух выводов Комиссии отражал присущую тому времени высокую степень отчуждения власти от общества. Однако даже для принятия таких полумер у правительства не хватило политической воли. Лишь в 1906 году был принят закон об отмене сословного принципа при получении чинов и замене его критерием образования. Но сами чины опять сохранились.

Временное правительство в августе-сентябре 1917 года подготовило проект постановления «Об отмене гражданских чинов, орденов и других знаков отличия», но не успело его утвердить. «Окончательное решение вопроса» произошло лишь при большевиках. Но это уже другая тема.

Общая оценка досоветского российского чиновничества

История борьбы вокруг Табели о рангах весьма важна для понимания сущности и психологии российского чиновничества, а также его места в структуре общественной жизни. Поэтому обратимся на этой основе к более общим его оценкам.

Причины низкой эффективности аппарата. Итак, как можно понять из изложенной истории попыток реформировать гражданскую службу, недостатки чиновничества были достаточно очевидны и для общества, и для самой власти. Прежде всего, следует, очевидно, отметить традиционно низкую эффективность государственного аппарата, неразвитое и ничем всерьез не стимулируемое чувство ответственности чиновников за выполняемую ими работу, крайнюю медлительность «вращения бюрократических колес». Даже столь ярый охранитель «устоев» и антизападник, как К.П. Победоносцев, будучи членом Госсовета и преподавателем законоведения у наследника престола, писал своему венценосному воспитаннику: «В общем управлении давно укоренилась эта язва безответственность, соединенная с чиновничьим равнодушием к делу. Все зажили спустя рукава, как будто всякое дело должно идти само собою, и начальники в той же мере, как распустились сами, распустили и всех подчиненных... Нет, кажется, такого идиота и такого негодного человека, кто не мог бы целые годы благоденствовать в своей должности в совершенном бездействии, не подвергаясь никакой ответственности и ни малейшему опасению потерять свое место. Все уже до того привыкли к этому по-

ложению, что всякое серьезное вмешательство в эту спячку считается каким-то нарушением прав»[531].

При этом Табель с ее приоритетом принципа выслуги лет, в сущности, поддерживала эту обстановку бюрократической спячки и господства вялой, боящейся любых перемен геронтократии. Показательно, что во главе учреждения, призванного осуществлять контроль над гражданской службой и ее реформированием Собственной е. и. в. канцелярии (до 1865 года ее I Отделения) в течение 80 (!) лет, вплоть до 1917 года, стояли три поколения династии Танеевых – чиновники «исполинской посредственности» и подобострастия, о которых ни в одних мемуарах государственных деятелей нам не удалось обнаружить ничего, кроме самых уничижительных характеристик.

Здесь, наверное, кроется одна из причин описанных выше регулярных неудач с реформированием государственной службы, а также дополнительных сложностей, связанных с проведением более широких социальных преобразований, прежде всего при Александре II. Неспособность российской бюрократии к деятельному участию в общественном обновлении в силу ее кастовой отчужденности от общества отмечал один из самых глубоких наших аналитиков XIX века, Б.Н. Чичерин: «Бюрократия может дать сведущих людей и хорошие орудия власти; но в этой узкой среде, где неизбежно господствуют формализм и рутина, редко развивается истинно государственный смысл... Новые силы и новые орудия, необходимые для обновления государственного строя, правительство может найти лишь в глубине общества»[532].

Любопытной особенностью российской бюрократии было развитое чувство самоиронии. Как писал, например, в «Благонамеренных речах» М.Е. Салтыков-Щедрин, «еще на глазах у начальства она и туда и сюда, но как только начальство за дверь она сейчас же язык высунет и сама над собою хохочет. Представить себе русского бюрократа, который относился бы к себе самому яко к бюрократу, без некоторого глумления, не только трудно, но даже почти невозможно. А между тем бюрократствуют тысячи, сотни тысяч, почти миллионы людей. Миллион ходячих психологических загадок! Миллион людей, которые сами на себя без смеха смотреть не могут, разве это не интересно?»[533] В этой самоиро-

[531] Цит. по: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 131.
[532] Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Т. 2. М., 1883. С. 39.
[533] Салтыков-Щедрин М.Е. Соч. в 10 т. Т. 5. М., 1988. С. 47.

нии, впрочем, есть изрядная доля цинизма, подразумевающего, что человек не уважает, не воспринимает всерьез ни свои обязанности, ни свою социальную роль как представителя государства, а относится к ним отчасти как к игре, отчасти как к возможности поживиться под прикрытием якобы соблюдения государственного интереса, выполнения законов и начальственных предписаний.

Ведь, с одной стороны, нормой поведения в России всегда считалось формально беспрекословное подчинение начальству, особенно верховному: первые статьи Свода законов Российской империи возводят повиновение власти на уровень божественного закона, предписывая «повиноваться власти его (императора. – *А. О.*) не только за страх, но и за совесть, как Бог повелевает»[534]. Так что чиновник действовал как бы от Божьего имени, и потому с ним было бесполезно спорить. Зато, с другой стороны, неформальной, но общепринятой нормой поведения был обход закона, уклонение от его фактического исполнения, исходя из принципа «закон что дышло...». Одной из форм такого уклонения служила «договоренность» с чиновником. Кстати, именно «гибкость» исполнителей людодерских законов и распоряжений властей зачастую позволяла людям выжить под гнетом порой становившегося беспредельным деспотизма. В этом один из элементов действительной, а не придуманной российской специфики. Так или иначе, но это открывало для обеих сторон «правоотношения» (думается, без кавычек тут обойтись никак нельзя) морально-психологический простор для взяточничества как почти легитимного способа решения проблем. И здесь мы выходим на тему коррупции.

Специфика и причины российского взяточничества. Это классическая тема при любом разговоре о наших чиновниках, начиная со старины и кончая современностью. Образ чиновника-мздоимца – почти дежурный для русской литературы, населяет ее страницы от Гоголя до Чехова. А в массовом сознании причисление поголовно всех чиновников к взяточникам считалось само собой разумеющимся. И действительно, в России существовала не просто развитая, но изощренная «культура взяточничества» как по способам вымогательства и дачи взяток, так и по кругу решаемых за взятку дел. При этом масштабы и дел, и размеров взяток росли

[534] Свод Законов Российской Империи. 1906. Т. 1. Ст. 1 и 4.

прямо пропорционально чину взяточника вплоть до очень высоких уровней.

Тематика эта настолько многосторонне и в ряде случаев блистательно описана в нашей литературе, что не нуждается в моем пере. Отмечу лишь в качестве примера высокой «культуры взяточничества» распространенность косвенных взяток в формах подарков, пожертвований или приобретения по явно завышенной цене имущества лиц, каким-то образом связанных с «нужным» чиновником. При этом возникали устойчивые связи, система посредников и гарантий выполнения обещанного. Сложились определенные традиции и даже своего рода «этика» отношений в данной сфере. Именно существование таких неписаных правил поведения имел в виду Салтыков-Щедрин, когда говорил, что вкладывать капитал во взятки выгодней, чем в банк, ибо это дает гарантии от неизбежных иначе притеснений со стороны властей.

Всерьез бороться со взяточничеством пытались только наиболее решительные из царей, прежде всего Николай I. Однако лавров он на этом поприще не стяжал, хотя методы применял достаточно «современные», например анализ данных о приобретении чиновниками недвижимости. Но схватить за руку чиновника удавалось редко. Ведь, помимо прочего, во взяточничестве замешаны две стороны, ни одна из которых не заинтересована в разоблачении.

Поэтому, несмотря на все наше уважение к таким источникам, как художественная литература и народная молва, трудно судить о реальной степени распространенности взяточничества. Сколько-нибудь надежных данных на сей счет не существует. Думается, что масштабы его сильно колебались и по периодам, и по районам, и по сферам жизни. Во всяком случае, исходить из тотальной «презумпции виновности» по отношению ко всему чиновничеству достаточных оснований нет. Однако, поскольку отрицать сам феномен было бы нелепо, а подвергнуть его дифференцированному анализу невозможно, ограничимся суждениями о причинах коррупции в среде российского чиновничества. Здесь видятся три основных источника.

Во-первых, это источник «морально-идеологический» несовместимость самих основ идеологии и психологии абсолютной монархии с идеей гражданской службы как службы обществу. В России, как известно, от веку господствовало представление о

государстве как «царевой вотчине»[535], а о подданных как бесправных государевых холопах. Отсюда и роль чиновников понималась не как государственная, а как *государева* служба. Холопы же, как мы знаем, блюдут господский интерес лишь постольку-поскольку, норовя при удобном случае компенсировать свое бесправие материально. Потому и чиновники, служа царю больше за страх, нежели за совесть, стремились получить от службы максимум возможного для себя лично.

Во-вторых, это источник политико-организационный: централистская концепция организации государственной власти. Московские, а позднее петербургские правители обычно правили, исходя из принципа максимизации контроля над страной со стороны центра и его наместников. Масштаб контроля умерялся лишь техническими ограничениями (расстоянием, коммуникациями, ресурсами). И поскольку упомянутые «технические» ограничения в гигантской России всегда были велики, фактически в промежуточных звеньях системы, т.е. в руках чиновников разных уровней, оказывались огромные властные полномочия, осуществляемые как бы от лица высшей власти, но по собственному усмотрению и при полном отсутствии ответственности перед управляемым населением.

А чем была в руках российского чиновника возможность «действовать по усмотрению», думаю, излишне объяснять любому, хотя бы в пределах школьного курса знакомому с литературой XIX века. Злоупотребление служебным положением, прежде всего прямое или косвенное вымогательство взяток, было обыкновением, почти нормой поведения чиновников на местах и определенно в гораздо большей степени, нежели в центре. Кстати, давно подмечено, что в России произвол увеличивается пропорционально расстоянию от столицы.

Другим следствием централизма было то обстоятельство, что поскольку все, в том числе и благие, начинания правительства инициировались и направлялись из центра, то и лучшая наиболее компетентная и честная – часть чиновничества тоже концентрировалась в столицах. Провинция же оставалась в распоряжении корыстолюбивых посредственностей. Между чиновниками губернской администрации и управителями центральных канцелярий существовала почти непроходимая пропасть. Это одно из

[535] См., напр.: Ключевский В.О. Т. 3. С. 16 17, 51, 67 и др.

принципиальных отличий российской администрации от чиновничества таких стран, как, скажем, Германия и Швеция, не говоря уж об англосаксонской традиции построения всей системы не «сверху», а «снизу».

Наконец, в-третьих, это источник чисто финансовый. Низшее и особенно внеклассное чиновничество жило в состоянии крайней бедности, почти на грани нищеты. Оклады были мизерны, к тому же выплачивались бумажными деньгами, что в периоды падения курса ассигнаций еще более уменьшало их покупательную способность. И происходило это на фоне весьма обеспеченной жизни чиновничества высших рангов. Оклады по шкале чинов увеличивались в геометрической прогрессии. Так, в 1842 году оклад действительного тайного советника 1-го класса составлял 21 тыс. рублей серебром, 2-го класса – 12 тыс., тайного (3-й класс) – 675 рублей, тоже серебром, действительного статского советника – 562,5 рубля, но уже ассигнациями, коллежского советника – 225 рублей... А в конце шкалы суммы измерялись уже десятками: титулярный советник получал 75 рублей, а чиновники 13 14-го классов – по 67 с половиной рубля и, разумеется, тоже ассигнациями. Таким образом, пропасть между 2-м и 14-м классами составляла более 600 раз![536]

Более того: и в XVIII, и в отдельные периоды XIX века выплата жалованья чиновникам постоянно задерживалась, особенно в провинции. Дело доходило до необходимости давать взятки другим чиновникам, чтобы получить свое жалованье! Естественно, все это, вместе взятое, воспринималось чиновничеством как приглашение «кормиться от дел». По сути, политика государства в этой области и состояла в том, что, оно, вместо того чтобы содержать своих служащих, предпочитало предоставлять им возможность использовать служебное положение, чтоб «кормиться» от общества. Даже «прогрессистка» Екатерина II не стеснялась объяснять иностранцам, как ловко она использует традиционный средневековый институт «кормления», чтобы получить требуемое в бюджет: «...покуда мне поставляют, качественно и количественно, что я приказала... я считаю себя удовлетворенной и мало беспокоюсь о том, что помимо установленной суммы от меня утаят хитростью

[536] Кодан С.В. Развитие и организационно-правовое оформление института государственной службы в дореволюционной России: исторический опыт // Правовое обеспечение государственной гражданской службы: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2005. С. 123.

или бережливостью»[537]. Тут опять возникают аллюзии с азиатской (имперской) моделью.

Думается, что анализ трех источников коррупции в определенной мере показывает, что ее размах в российском государственном аппарате вызван не какой-то особой порочностью или вороватостью русских, о чем порой любят порассуждать западные и наши собственные русофобы, а причиной более объективной тотальной отчужденностью власти не только от общества, но и от подавляющей части своих собственных слуг. Поэтому заслуживает особого уважения наличие у российского чиновничества, наряду с пороками, которым посвящена основная часть нашего анализа, и вопреки заданным системой правилам игры, также ряда несомненных достоинств.

Попытки реформ госслужбы. Мы уже говорили об «идеальном бюрократе» Сперанском и его стремлении поднять образовательный уровень чиновников. Но, кроме того, он вошел в историю российского управления своим всеобъемлющим планом рационализации государственной машины с целью придания ей большей эффективности. Так, по его проекту был в 1810 году образован Государственный совет с функциями «законосовещательного» учреждения, готовившего и представлявшего законопроекты царю на утверждение, а также осуществлявшего контроль над бюджетом и деятельностью министерств. Сами министерства также были коренным образом реорганизованы по плану Сперанского, причем именно тогда в России была заложена основа рациональной, во многом дожившей до нашего времени системы государственного управления. Увы, последующие проекты Сперанского не получили реализации, а «идеальный бюрократ» был принесен в жертву для поддержания имиджа Александра как «доброго царя». Лишь десятилетие спустя, пройдя школу ссылки и губернаторства, он вернулся в Петербург, но, не имея ни былого влияния, ни сил для кардинальных преобразований, ограничился кодификацией законодательства. Именно ему российское государство было обязано изданием полного свода законов империи.

Хотя реформы Сперанского не изменили существа российской госслужбы, они придали ей определенную функциональную эффективность, т.е. достигли того, чего веком ранее безуспешно до-

[537] Цит. по: Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 368.

бивался драконовскими мерами Петр. Колеса управленческой машины стали вращаться более слаженно, а сама она хотя бы внешне стала напоминать западноевропейскую бюрократию, сохранив сущностные отличия от нее. К тому же она по-прежнему оставалась с трудом управляемой и не слишком эффективной. Но все же на фоне предыдущего хаотического состояния прогресс был очевиден.

Наиболее существенные изменения в российском госаппарате начались во времена либеральных реформ Александра II. Как и в других областях жизни, поражение в Крымской войне послужило толчком к обновлению. Чиновничество, как и все вокруг, начало меняться. Новые времена и идеи призвали к механизму управления и новых людей. П.А. Зайончковский, посвятивший динамике российского чиновничества в XIX веке специальную работу, констатировал: «В связи с подготовкой как крестьянской, так и других реформ выдвигаются такие талантливые представители либеральной бюрократии, как братья Н.А. и Д.А. Милютины, А.В. Головнин, С.И. Зарудный, Н.И. Стояновский, В.А. Татаринов и др.»[538]. При этом процесс либерализации бюрократии не только затронул столицы, но и перекинулся в провинцию: «Среди губернской администрации появляются такие честные, образованные и либерального образа мыслей губернаторы, как В.А. Арцимович, К.К. Грот, А.Н. Муравьев (бывший декабрист. – *А. О.*), В.И. Ден. Однако число их было невелико»[539]. К этому списку можно добавить М.Е. Салтыкова-Щедрина вице-губернатора сначала в Рязанской, а потом в Тверской губернии, а также ряд других имен.

Думается, несмотря на пессимизм завершавшей цитату ремарки Зайончковского, движение вперед было очевидным. Реформы, в отличие от предыдущих царствований, носили не авторитарный, а либеральный характер. Потому и чиновничество даже без специальных мер просто вынуждено было меняться, причем изменения затронули не только высший уровень чиновной иерархии. Пришедшие к руководству ведомствами либеральные руководители нуждались в опоре и потому, вопреки сопротивлению инертной чиновничьей массы, стали и ближайших сотрудников подбирать из числа единомышленников. А те стремились распро-

---

[538] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 186 187.
[539] Там же. С. 190.

странить эту волну обновления еще дальше, на следующий этаж иерархии[540].

Увы, «розовый период» продолжался слишком недолго. Изменения не успели пустить глубокие корни. События 1 марта 1881 года и здесь сыграли свою трагическую роль. Рука Желябова со товарищи походя столкнула российскую бюрократию, только-только начавшую выбираться из авторитарного болота, обратно. Строго говоря, попятные движения начались еще раньше, но их можно рассматривать как борьбу старого с новым с неясным исходом. А после 1 марта исход этой борьбы определился. Стрелка вектора твердо показала назад. Россию, по совету Победоносцева, опять попытались «подморозить». Катастрофические результаты этого курса сказались в историческом смысле очень скоро – уже через два десятилетия.

Впрочем, даже реакционность высшей власти сама по себе полностью не закрывает возможности для административных, а то и для более широких реформ, лишь бы они непосредственно не «подрывали основ». Но для успеха здесь, как, впрочем, и во многих других подобных делах, нужны личности. И хотя авторитарная система в целом блокировала выдвижение на государственные посты талантливых людей, все же случались и исключения.

Наиболее ярким таким исключением последних двух царствований стал С.Ю. Витте министр путей сообщения, министр финансов, председатель Кабинета, а затем и первый председатель Совета министров «послеманифестной» (1905 год) России. Человек блестящих способностей, аналитического ума и кипучей энергии, резко выделявшийся на сером фоне, господствовавшем в окружении последних российских императоров, Витте сделал максимум возможного для того, чтобы предотвратить падение России в пропасть революционной катастрофы, он пытался заставить Николая принять институты ограничения монархии, уберечь его от пагубных влияний и распространенных при дворе настроений «православного язычества», предотвратить бессмысленную и пагубную войну с Японией, организовал строительство железнодорожной сети, до наших дней составляющей костяк транспортной системы России, провел блистательную финансовую реформу, обеспечившую устойчивость российского рубля на десятилетия вперед и вопреки авантюристической внешней политике, провел ряд мер по

[540] См., напр.: Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел; Милютин Д.А. Дневник // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

развитию отечественной промышленности, сумел, наконец, в обход правил Табели о рангах ввести в аппарат сначала Минфина, а затем и других ведомств свежих людей «со стороны», не растративших на ступенях чиновной лестницы талантов, знаний и присущего российским интеллигентам тех времен стремления «сделать жизнь лучше»[541]. Увы, его начинания общеполитического плана не могли остановить скатывание страны в пропасть, но заложенным им капиталом технической, административной и социальной модернизации общество пользовалось долго, невзирая даже на смену политического строя. Витте, этот «Сперанский времени заката» Империи, закончил жизнь в отставке и забвении и умер через несколько месяцев после начала Первой мировой войны, знаменовавшей окончательный крах режима.

Подытоживая, можно сказать, что наша государственная служба получила от прошедших столетий неоднозначное, т.е. не во всем плохое, наследие, заслуживающее серьезной аналитической «инвентаризации». В частности, ясно, что нам не обойтись как без пересмотра вековечной российской традиции доминирования государства над обществом, так и без отказа от традиции фетишизации чинов. Вместо этого нам нужно создать подлинно *гражданскую* (civil) службу, ответственную не перед партией, не перед «хозяином», пусть даже демократически избранным, а перед оплачивающим ее деятельность обществом, решительно противостоять тенденции возрождения духа и атрибутов традиционной российской «государевой службы».

Салтыков-Щедрин когда-то с горечью заметил, что из всех европейских достижений мы заимствовали лишь деление людей на ранги, от чего на самом Западе к тому же уже отказались. Прошел еще век с четвертью, но ситуация в этом отношении, похоже, не слишком изменилась. Думается, что устойчивость подобных традиций, переживающих радикальные изменения как в «базисе», так и в «надстройке», одно из серьезных препятствий на нашем пути к открытому демократическому обществу. Суждено ли нам пройти этот путь, во многом зависит от нашей решимости и умения эти традиции преодолеть.

---

[541] Витте С.Ю. Воспоминания : в 3-х т. М., 1960.

Советское чиновничество

Ранний этап. Летом 1917 года В. Ленин написал работу «Государство и революция», основным пафосом которой была необходимость упразднения – «отмирания» – государства как орудия эксплуататорских классов. Отсюда, соответственно, вытекала и необходимость упразднения чиновничьего аппарата с заменой его «выборными представителями трудящихся». Декрет ВЦИК и СНК от 24 ноября 1917 года ликвидировал прежнюю иерархию госслужащих и зафиксировал, что «все гражданские чины упраздняются... и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются»[542], фактически оформив подготовленный Временным правительством двумя месяцами ранее проект. Однако почти мгновенно выяснилось, что фразеология о государстве-коммуне, в котором не будет профессиональной бюрократии и все станут управленцами («каждая кухарка будет управлять государством») была не более чем популистской демагогией, имевшей целью захватить власть в собственные руки.

Новый госаппарат начал формироваться прежде всего из членов РКП(б). Принципы отбора были прежние: личные контакты кого-либо из руководства партии с будущим назначенцем по революционной деятельности; социальное происхождение и преданность целям партии. В результате к 1920 году более половины коммунистов стали служащими советских учреждений. Советы формально продолжали функционировать, однако постепенно теряли значение. Происходило сращивание большевистского и советского аппаратов с центром принятия решений в партийных органах. Вместо провозглашенного первоначально советского коллегиального самоуправления утверждается принцип единоначалия.

Однако быстро стало очевидным, что партийные кадры не обладают ни квалификацией, ни умениями для управления. Далеко не во всех управленческих ситуациях окрик, размахивание маузером, угроза репрессий (отнюдь не голословная) могут заменить обычные управленческие механизмы. Пришлось «смирить гордыню» и привлечь значительную часть старого чиновничества в государственный аппарат. Управленцы согласились работать не только из-за силового давления, а оно было значительным, включая методы ВЧК, но и в силу необходимости – госслужба была для них единственным источником средств для жизни. Согласно

[542] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 72.

первой переписи служащих, проведенной в Москве в августе 1918 года, удельный вес старого чиновничества среди служащих в советских государственных ведомствах составлял: в ВЧК – 16,1%, в НКИДе – 22,2%, во ВЦИК, Ревтрибунале при ВЦИК, Наркомнаце и Управлении делами Совнаркома – 36,5–40%, в НКВД – 46,2%, в ВСНХ – 48,3%, Наркомюсте – 54,4%, Наркомздраве – 60,9%, в Наркомате по морским делам – 72,4% и т.д. Среди руководящих сотрудников центральных государственных органов число служащих с дореволюционным стажем колебалось от 55,2% в Наркомвоене до 87,5% в Наркомфине[543]. Конечно, при этом так называемые буржуазные спецы работали под неусыпным контролем «комиссаров» – представителей большевистской партии.

Таким образом, в первые годы советской власти корпус государственных служащих состоял как бы из двух частей: новая, советская «идейная» управленческая бюрократия и бюрократия унаследованная, старая. Последняя постепенно размывалась, либо полностью адаптируясь к новым временам и принципам, либо вытесняясь, в том числе репрессивными методами, по мере того как управленцы советской генерации обретали квалификацию и знания. На «вымывание» кадров «буржуазных спецов» работала совокупность факторов, и они как статистически значимая группа исчезли в госаппарате к началу 1930-х годов.

Гораздо быстрее происходило разбухание аппарата. Вопреки собственной официальной идеологии, захватившие власть большевики, особенно на первом, донэповском, этапе так называемого военного коммунизма, стремились максимально подчинить всю жизнь страны государственному контролю. А для этого требовалось большое количество служащих, которые бы все учитывали, контролировали, распределяли и управляли. Госаппарат разбухал с ужасающей быстротой. В.Д. Бонч-Бруевич писал по этому поводу: «Не прошло и нескольких месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веси необъятной России битком были набиты новым чиновным людом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было нигде под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции». Согласно переписи 1920 года в Москве числилось не менее 230 тыс. служащих государственных учреждений. Правда, немалую часть этого слоя составляли занимавшие

[543] Ирошников М.П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974. С. 424–427.

низовые должности так называемые совбарышни, пришедшие на технические должности и готовые на любую работу, лишь бы как-то прокормиться в охваченной голодом стране. Но, так или иначе, в 1921 году бюрократия в Советской России составляла 5,7 млн человек[544]. Для сравнения: в 1913 году в Российской империи, при значительно большей численности населения – 174 млн человек, на государственной службе находилось 253 тыс. чиновников[545].

Население Советской России превратилось в подданных чиновников. Бесконтрольность бюрократии при отсутствии демократических институтов и крайней слабости нормативно-правовой базы для работы госорганов порождала злоупотребления властью, самоуправство, протекционизм, коррупцию, волокиту и другие неизбежные язвы. Уже в первые годы большевистской власти все это проявилось в полной мере.

Создание номенклатурного строя. Номенклатурный принцип начал складываться сразу после прихода большевиков к власти, но в полной мере оформился к концу 1930-х годов и просуществовал до конца 1980-х – полстолетия (номенклатура была упразднена Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 22 августа 1990 года). Он был всеохватным в сфере управления, хотя не имел правового оформления. Руководящие посты могли быть заняты только членами компартии, рекомендованными на эти должности соответствующими партийными комитетами. Вообще, *номенклатура* это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые рассматривались и утверждались партийными комитетами – от райкома до ЦК, а также список людей, из числа которых эти назначения производятся. Иными словами, это замкнутый социальный слой «начальников» всех уровней.

Так же, как сама партия делилась на «внешнюю», т.е. составлявших ее основную часть рядовых членов, и «внутреннюю», ее руководящее ядро («орден меченосцев», по выражению Сталина), так и аппарат советской бюрократии был неоднороден. Иногда всю управляющую бюрократию советского периода называют номенклатурой, но это неточно. Номенклатурой являлась лишь часть бюрократии, занятая на ответственной управленческой работе разно-

---

[544] Правительственный вестник. 1989. № 6. С. 10.

[545] Россия: энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 265. (Без военного и морского ведомств).

го уровня. Основная масса чиновников была занята на рядовой работе в отделах, канцеляриях и т.п.

Номенклатура начала формироваться еще при Ленине, который относился к этому противоречиво и даже в одном из своих последних текстов написал: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас и погубит, то именно это». Правда, не следует забывать, что он сам породил и выпустил из бутылки этого джинна.

Но, конечно, подлинным творцом «нового класса» стал Сталин. Он занял считавшуюся технической должность генерального секретаря партии в 1922 году, а уже в 1923-м были сформулированы в соответствующих документах, которые никогда не публиковались, основные принципы отбора и назначения работников номенклатуры. Списки номенклатурных должностей являлись строго секретными. Сталин так определил требования к номенклатуре: «..люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь"[546]. Недальновидные шутники того времени называли его «товарищ Картотеков». Но на самом деле он создал, отладил и постоянно использовал номенклатурную систему в качестве главного инструмента своей личной власти.

Критерии отбора в эту зловещую систему были противоположными принципам merit system. Явный приоритет отдавался так называемым политическим качествам. Квалификация, деловые качества, способности были отодвинуты на второй план, а порой даже служили факторами негативными. В условиях однопартийной диктатуры это открыло демагогам и карьеристам путь для рывка на место под солнцем. Возник ухудшенный вариант описанной нами в разделе о США spoils system – ухудшенный потому, что партия была единственной и несменяемой, о какой-либо политической конкуренции, не говоря уж о демократических процедурах, нельзя было и мечтать. «Классик» изучения проблемы номенклатуры М. Восленский видит исторический смысл сталинского периода номенклатуры в том, что «в правящем слое общества коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию»[547]. И в ходе этой смены руками чекистов был пролит океан

---

[546] Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 225.

[547] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 103. Желающим более полно познакомиться со сталинскими и вообще советскими властными механизмами рекомендуем классическую работу: Авторханов А. Технология власти. М., 1992.

человеческой крови. Как говорил со страшной откровенностью в разгар «сезона охоты» на первые поколения номенклатуры один из главных руководителей системы террора 1937–1939 годов Л. Каганович, «мы снимаем людей слоями».

При этом уровень управленческого слоя в результате этих «чисток» существенно падал. Один из наших величайших ученых XX века В.И. Вернадский писал в 1938 году в своих дневниках, что нравственный и умственный уровень лидеров вызывает его серьезную тревогу. «Дела идут все хуже, власть глупеет на глазах, при непрерывной смене функционеров уровень каждого следующего призыва все ниже. В партии собираются подонки и воры. Народ живет в неведении, верит всему, власть держится на терроре, делают дело только сознательные специалисты, масса ссыльных интеллигентов. В действительности верхушка – деловая – ниже среднего умственного и морального уровня страны»[548].

Сначала в составе новой элиты были отнюдь не только беспринципные карьеристы, но и подвижники (фанатики) коммунистической идеи. Но даже тогда они, за исключением самого высшего слоя, составляли хотя и яркое, но все же явное меньшинство. По мере же укрепления режима удельный вес и значение «идеалистов» в составе новой элиты и вовсе упали. Ведущие позиции захватывали разного рода приспособленцы-карьеристы. Создатели политической гильотины сами в конечном счете стали ее жертвами. Морально-этической основой такого развития событий стало торжество принципа морального релятивизма. Мораль стаи, как их тогда с подобострастием называли, «сталинских соколов», была довольно проста и функциональна, что обеспечивало ей живучесть.

Во-первых, ее характеризовало отсутствие каких-либо нравственных самозапретов, табу. Во-вторых, одним из фундаментальных принципов ее «морального кодекса» было нерассуждающее повиновение сильному, т.е. обладающему в данный момент реальной властью. Третьих принципом было расчетливое использование идеологических клише и политической демагогии в качестве оружия в борьбе за власть и жизненные блага. К этому можно добавить еще одномерность восприятия мира, отсутствие потребности в рефлексии и даже не очень массовое, но все же статистически

---

[548] Вернадский В.И. Дневники. М., 2001; цит. по рецензии: Аксенов Г.П. Последний деятель свободы // Отечественные записки. 2007. Т. 35. С. 355.

значимое вовлечение в ее состав людей с некрофильским психологическим типом личности.

Люди, сумевшие пробиться в новую политическую элиту, в большинстве были не деятелями, но дельцами, игравшими в страшную игру с высочайшими ставками и по правилам, близким к правилам преступного мира, мафии. В основном, в отличие от первой – ленинской – «команды», это были люди малокультурные, неотесанные и примитивные по стандартам цивилизованного мира. Однако с позиций установленных Сталиным правил игры они были весьма изворотливыми. Те же из них, кто отвечал общепринятым критериям культурности и образованности, либо довольно быстро вымерли (Чичерин, Красин, Луначарский), либо были оттеснены на периферию или уничтожены (Литвинов, Бухарин, Вознесенский), либо – самый страшный вариант – стали «интеллигентными преступниками», как Вышинский, т.е. полностью подчинили свои знания и способности достижению аморальных, преступных целей. Причем это относится и к тем «эквилибристам», кому всегда удавалось оказаться в русле «единственно верной генеральной линии» – распространенное клише советских времен, подразумевавшее способность мгновенно приспосабливаться к любым спущенным с политического «верха» лозунгам и командам, – и к членам различных оппозиций, иногда в какой-то мере действительных, а гораздо чаще мнимых, изобретенных противниками и конкурентами с истребительными целями.

Конечно, было бы неверно ставить под сомнение искренность веры многих людей сталинской эпохи в непогрешимую мудрость руководства страны (очень немногие достигали «вернадского» уровня понимания происходящего) и возможность сделать в те годы карьеру честными средствами, а тем более существование немалого числа таких честных карьер. Однако не такие люди были «козырными картами» режима, не они получали преимущество в игре по заданным властью правилам. Режим наибольшего благоприятствования действовал отнюдь не в интересах выдвижения наиболее способных и достойных. Атмосфера эпохи способствовала процветанию людей иного сорта[549].

Распределение управленцев по «этажам» было даже более жестким, чем в соответствии с Табелью о рангах. Номенклатура ЦК

[549] Подр. об этом см.: Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002. С. 339–345.

была высшим разрядом и насчитывала в 1980 году примерно 22,5 тыс. человек, но в «горбачевский период» сокращалась и к 1988 году «опустилась» до 18, а к 1990-му – «аж» до 15 тыс. Далее шла номенклатура обкомов, горкомов, райкомов. Точных данных о численности этих разрядов нет. М. Восленский оценивает общий размер номенклатуры в 750 тыс. человек. В Конституционном суде в начале 1992 года, во время «процесса над КПСС», называлась цифра до двух миллионов. Очевидно, справедливы соображения о колебаниях ее численности, но в целом этот вопрос еще ждет своих исследователей.

Разумеется, для управления подобным механизмом необходима соответствующая структура. Для этого в партийных органах: ЦК, губкомах (впоследствии обкомах), райкомах – возникли учетно-распределительные отделы, затем переименованные в оргинструкторские, а потом в отделы административных органов. Но суть самой модели от этого не менялась.

О привилегиях номенклатуры написано и сказано – особенно на рубеже смены эпох, в конце 1980-х – начале 1990-х годов – больше, нежели о каких-либо других чертах советской номенклатуры. Это позволяет нам быть в данном вопросе краткими. Привилегии как таковые возникли еще в самые первые – совсем голодные – годы, когда просто нормальное удовлетворение таких физиологических потребностей, как приличное питание, возможность жить и работать в тепле, медицинская помощь и т.п., уже было привилегией. Но постепенно они достигли масштабов, просто несопоставимых с уровнем жизни «простых» граждан. При этом одним из ключевых принципов раздачи «пряников» привилегий была их строгая ранжировка, что стало почти безотказным механизмом подчинения и воздействия на сознание их обладателей, средством манипулирования номенклатурной бюрократией.

Была создана развитая, строго ранжированная система привилегий, которая постоянно совершенствовалась. Для номенклатуры за счет государства строилось лучшее жилье, создавалось специальное медицинское и санаторное обслуживание, велось снабжение лучшим продовольствием, предоставлялись государственные дачи, устанавливались специальные пенсии (персональные пенсии союзного и республиканского значения), даже похороны производились на особых кладбищах и по особому разряду. Чтобы не потерять возможность жить в уютном «спецмире», надо было играть по правилам. Привилегии рядовых государственных слу-

жащих были гораздо скромнее и выражались прежде всего в «пакетах» с продовольствием, доступе к дефицитным товарам, возможности получать без очереди жилье, хорошие санаторные путевки и др.

На эти темы можно долго и «вкусно» рассуждать. Но здесь достаточно ограничиться описанием самого механизма этого сорта управления людьми, а не расписывать конкретные виды «пряников». Поэтому завершим речь об этом «аппетитными» заголовками нескольких параграфов книги М. Восленского: «Кому на Руси жить хорошо», «Невидимая часть зарплаты номенклатуры», «Номенклатурный бакшиш», «Социальный апартеид»; «По спецстране номенклатурии», «За семью заборами»...[550]

Но «пряник» привилегий сочетался в сталинские времена с «кнутом». Путь наверх по номенклатурной лестнице был в те годы связан с серьезным риском – не просто в одночасье быть выброшенным из системы, но и оказаться обитателем «страны ГУЛАГ», а то и быть физически уничтоженным по абсурдным обвинениям. Самыми популярными из них были шпионаж, вредительство, заговоры против руководства страны.

Частичную их «рациональность» с точки зрения манипуляции массовым сознанием можно объяснить намерением списать на чиновников ответственность за экономические и политические провалы. Так, Сталин в письме к В. Молотову писал: «Надо бы все показания вредителей по мясу, рыбе, консервам и овощам опубликовать немедля... а через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять»[551].

Репрессии особенно масштабно коснулись государственных служащих в годы большого террора. В 1937–1939 годах партноменклатура повсеместно обновлялась не менее 2–3 раз[552]. В те годы, в отличие от других волн государственного террора против своего народа, маховик репрессий больше всего прошелся по номенклатуре – совнаркомовским работникам, сотрудникам наркоматов, офицерскому корпусу Красной Армии, директорскому корпусу... Новая волна репрессий прошла по госаппарату в конце 1940-х – начале 1950-х годов, на излете сталинского правления.

---

[550] Восленский М.С. Человек и власть... Гл. 5 – «Номенклатура – привилегированный класс Советского Союза».
[551] Коммунист. 1990. № 11. С. 104.
[552] Советское общество. Возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. С. 418.

После смерти Сталина и особенно в брежневскую эпоху мнимого благополучия, а на деле застоя и постепенного гниения системы репрессивная машина была приостановлена и страх перестал довлеть над чиновниками. Они обрели бульшую самостоятельность и независимость, но одновременно некоторая гласность сделала их более уязвимыми, высветив некомпетентность, низкую культуру многих из них. Малоподвижная, законсервированная система отторгала все новое. Роль бюрократии во всех сферах жизни возросла, список номенклатурных должностей расширился, увеличились сроки пребывания в должности. Сформировались устойчивые группы управленцев, которые консолидировались вокруг чиновников, занимавших более высокие должности и выступавших в роли патрона. Система личного патронажа, строившаяся на базе личной преданности и сформировавшаяся в 1960–1980-е годы, охватила всю бюрократию сверху донизу. Решение того или иного государственного вопроса, занятие важного поста зависело от исхода борьбы между группами-кланами и степени влияния патрона.

Некоторые министры ставили рекорды пребывания в должности – 20 и более лет. Коррупция среди чиновников приобрела значительные масштабы, государственная бюрократия смыкалась с мафиозными группировками. Появились черты, свидетельствующие о превращении бюрократии в наследственную, возросла роль родственных связей. К концу жизни Л. Брежнева в составе ЦК КПСС оказались его сын (первый заместитель министра внешней торговли) и его зять (первый заместитель министра внутренних дел). То же происходило и на других этажах управления – родственники и близкие секретарей республиканских ЦК, крайкомов и обкомов получали престижные должности в госаппарате и преимущества при продвижении по службе.

Произошедшая на заре Советов отмена специального статуса чиновничества как агента публичной власти с заменой его кормушкой номенклатурных привилегий парадоксальным образом сочеталась с полным юридическим бесправием чиновников. С точки зрения трудового права они оказались еще более незащищенными, чем остальные категории населения. Если рядовые работники внеуправленческой сферы могли, в случае их произвольного увольнения с работы, обжаловать это в суде, т.е. хотя бы в относительно независимой инстанции, и во многих случаях добивались восстановления, то чиновники такой возможности были лишены.

Для этого существовал «список 1» – своего рода приложение к Кодексу законов о труде, в котором были перечислены практически все управленческие должности. Лица, их занимавшие, не имели права обращаться в суд в случае трудовых конфликтов. Отсутствие даже теоретической возможности судебной защиты делало их целиком зависимыми от администрации и партийных органов с очевидными последствиями такого бесправия. Псевдоальтернативой обычным для демократических стран административным судам и иным механизмам правовой защиты чиновников были все те же партбюро и партийные органы, от которых людям зачастую и надо было искать защиту.

После всех критических стрел, выпущенных в адрес номенклатуры на предыдущих страницах, следует, однако, сказать, что, при своих несомненных недостатках и даже пороках, она в персональном отношении, во всяком случае в постсталинский период, была не так уж катастрофически плоха – как минимум *лучше своей общественной репутации.* Достаточное число чиновников, в основном среднего уровня, были людьми более или менее квалифицированными, особыми привилегиями не обладавшими и работавшими, как говорится, не за страх, а за совесть. Благодаря этим рабочим лошадкам система во многом и держалась. А иногда им даже удавалось смягчать, как-то купировать негативные последствия неквалифицированных решений, принимавшихся партийными бонзами на высших уровнях власти. Другое дело, что возможности их обычно были ограничены. Не они заказывали музыку. Аппарат управления на 3/4 был лишь исполнительным органом аппарата партийного.

Дело было не в людях, а в системе. Сама система номенклатурного правления была в корне порочна и стала одним из значимых факторов банкротства советского режима и его последующего краха. А применительно к условиям современного, столь динамично меняющегося мира она просто контрпродуктивна, никак не соответствуя реальным требованиям к управленческим процессам и, следственно, объективным требованиям рынка труда. Поэтому любые тенденции «регенерации» номенклатурных принципов формирования управленческих кадров представляются абсолютно неприемлемыми, не отвечающими объективным общественным потребностям и потому просто опасными.

Новейшая история и status quo российской бюрократии

Раунды борьбы вокруг реформы. Необходимость серьезно реформировать существовавший в СССР государственный аппарат, пересмотреть его кадровый состав, цели, задачи, формы деятельности в соответствии с принципиально новыми экономическими, политическими, социальными основами российской государственности, складывавшейся на развалинах обанкротившейся советской системы, настоятельно диктовалась жизнью еще с перестроечных, позднесоветских времен. И дело отнюдь не в том, что советский аппарат был таким уж безнадежно плохим. Просто радикально изменились условия работы и требования к нему. Однако задача эта оказалась очень непростой. Поэтому, несмотря на относительную краткость постсоветского периода российской истории, можно насчитать уже, по крайней мере, пять попыток реформирования нашей государственной службы. И процесс пока весьма далек от завершения. Почему же он оказался столь долгим, мучительным и до сих пор мизерным по своим результатам?

С нашей точки зрения, в основе событий вокруг реформы госслужбы в течение всех этих лет лежала и лежит скрытая, закамуфлированная борьба между двумя тенденциями – либо осуществить псевдореформу, т.е. минимизировать практические изменения или даже по возможности сделать шаг назад, в брежневские, а то и в досоветские времена, максимально легитимировав привилегированный статус бюрократической корпорации, либо провести подлинную модернизацию администрации, сформировать ее новый тип, который отвечал бы нынешним потребностям страны, сегодняшним и грядущим вызовам времени. Другими словами, происходила и продолжается, в сущности, непримиримая борьба между двумя принципиально несовместимыми моделями госаппарата.

Первая модель – это извечная для России (включая советский период) *государева служба*, т.е. служба, ориентированная в первую очередь на обслуживание нужд «хозяина государства» независимо от его формального титула или даже от того, воплощена ли эта роль в одном лице либо группе людей (такую функцию играло в некоторые периоды нашей истории Политбюро), которой, уступая требованиям времени, достаточно лишь придать новую форму, некоторые новые черты. Вторая модель – это новая для России *публичная служба*, приоритетом которой является обслуживание нужд граждан, оказание им публичных услуг. Исходя из этой принципиальной посылки, приступим к краткому рассмотре-

нию основных черт, векторов следовавших одна за другой попыток реформирования госаппарата начиная с 1991 года.

Первый раунд (1991–1995). Несмотря на драматические заявления первой группы взявшихся за реформу лиц относительно того, что новый российский госаппарат якобы пришлось создавать практически заново, едва ли не с нуля, на самом деле он был не чем иным, как фактическим преемником своего советского предшественника, причем как в персональном отношении, так и в стиле, навыках управления. В перестроечные времена такой стиль называли «командно-административной системой». И тут, на наш взгляд, плохую службу ненамеренно сослужил указ о «департизации госаппарата» от июля 1990 года, запрещавший деятельность в последнем партийных организаций.

Указ преследовал благую цель – устранить из аппарата влияние КПСС, превратить его в нейтральный административный инструмент и казался естественным шагом в рамках логичного и казавшегося тогда самоочевидным стремления *декоммунизировать Россию.* Но на деле он парадоксальным образом практически закрыл возможности для изменения кадрового состава госаппарата, чего настоятельно требовала сама логика перемен, трансформация типа государства и его экономической базы. Жизненно необходимые кадровые перемены, замена лиц у рычагов управления, были подменены формальным актом упразднения парторганизаций в министерствах и других управленческих органах. В результате осуществлять реформы стали в основном те же люди, которые весь свой опыт приобрели в прежней, принципиально иной системе отношений и во многом выполняли роль приводных ремней монопольно правившей и принимавшей все основные решения КПСС-й системы власти.

Формально процесс действительно начался как бы с нуля. 28 ноября 1991 года президентским указом было образовано Главное управление по подготовке кадров при Правительстве Российской Федерации. Функции этой структуры были, однако, существенно шире. Фактически она монополизировала всю работу по формированию госслужбы, что достаточно точно отразилось в ее сокращенном названии – «Роскадры». Возможно, само по себе это было бы приемлемым вариантом, если бы новая структура действительно занялась реформой госаппарата. Однако ключевой вопрос – *какая госслужба нужна новой России* – не только не был решен, но

даже не был всерьез поставлен и хотя бы сформулирован. Не эта концептуальная проблема, а совсем другие вопросы оказались в центре повестки дня.

Помимо типичного для бюрократических структур вопроса «кто главный», или, другими словами, «кто заказывает музыку», главной оказалась борьба за контроль над весьма привлекательной и немалой по объему частью коммунистического наследства – за систему бывших высших партийных школ, во главе которой стояла проверенная десятилетиями кузница кадров для высших слоев партаппарата – Академия общественных наук при ЦК КПСС. На более низких, в частности местных, уровнях эта борьба трансформировалась в противостояние двух типов учебных заведений, претендовавших на роль главного поставщика кадров для государственного аппарата – упомянутой структуры АОН–ВПШ и соответствующих профильных учебных заведений общегражданской системы высшего образования, т.е. университетских факультетов и институтов соответствующего профиля. Победили «наследники партии». Они лучше понимали свой групповой интерес, были готовы бороться за него всеми средствами и к тому же сохранили больший доступ к верхнему слою нереформированной и потому поддерживавшей их бюрократии. Такой исход имел весьма негативные последствия для кадрового обновления всего госаппарата, поскольку преподавательский состав бывших учреждений так называемой партучебы носил весьма специфический характер. Он отбирался партийными органами по критериям идеологической преданности, по способности и готовности повышать квалификацию прежде всего партийных работников разного уровня, т.е. тренировать людей для выполнения функций защитников и проводников политики тоталитарного государства. И, разумеется, там, несмотря на определенную внешнюю модернизацию, тогда господствовали в основном ностальгически-антиреформенные, а то и реваншистские по отношению к посткоммунистической России настроения, что, разумеется, включало и антирыночную ориентацию.

Тем не менее именно туда пошли основные бюджетные потоки, выделенные для переподготовки кадров. Именно там в основном проходили курсы повышения квалификации администраторы для нового российского госаппарата. Более того, именно прямой наследник АОН – Российская академия государственной службы

(тогда – Академия государственного управления) заполучила роль главного советника по реорганизации госслужбы.

Представляется также весьма симптоматичным выбор советников при обращении к зарубежному опыту: роль ведущего авторитета играли тогда представители французской административной школы, А она, как было описано в соответствующей главе, при всех своих достоинствах, всегда отличалась консерватизмом, а в те времена явно была в арьергарде тех перемен в области модернизации госаппарата и попыток дебюрократизации государственной службы, о которых рассказывалось в предыдущих частях книги. У нас же стали извлекать орудия из давно устаревших арсеналов. В результате предлагавшиеся на этой стадии (и отчасти затем реализованные в Законе «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 31 июля 1995 года) изменения вносили мало нового, а отчасти – хуже того – возрождали архаичные модели. Реанимировались формы даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня.

Наиболее показательным в этом отношении представляется фактическое возрождение установленной без малого три века назад Табели о рангах. Думается, можно сказать, что отмена особого корпоративного статуса нашего чиновничества – одно из немногих реальных позитивных результатов большевистского переворота 1917 года. И вот горький парадокс – в числе первых шагов новой демократической России оказалось фактическое его возрождение.

Между тем, как было описано в предыдущей главе, в России не только столь выдающиеся и перспективно мыслившие государственники, как М.М. Сперанский, но и почти все без исключения монархи еще в XIX веке поняли, что позитивный потенциал лежавшего в основе Табели принципа выслуги почти исчерпан, тогда как ее негативные следствия все более сказываются. Неслучайно каждое новое царствование начиналось борьбой за ее отмену. На Западе всевозможные шкалы чинов и должностей всегда играли гораздо меньшую роль, чем у нас. Столь свойственная российскому «оказененному» сознанию особая «мистика чина» (выражение Ю.М. Лотмана), существовала еще разве что в Пруссии и Австро-Венгерской империи, да и то не в той мере как в России. Сейчас же практически вся мировая практика признает, что малоподвижная шкала рангов представляет часть доставшихся по наследству от прошлого, отживших моделей государственного устройства, которую пытаются если не устранить, то максимально

ограничить. Горькое замечание Салтыкова-Щедрина, что из всех европейских достижений мы позаимствовали лишь деление людей на ранги, от чего на самом Западе уже отказались, увы, и сегодня не потеряло актуальности. Более того, именно тогда в определенных кругах стала муссироваться идеологема о бюрократии как о своего рода «новом дворянстве» (позднее, в 2000-е, подобным сомнительным неформальным титулом главной скрепы государства были увенчаны «чекисты»). Таким образом, был возрожден институт, неадекватность которого стала многим очевидной еще в XIX веке.

Зато реальная и, может быть, даже ключевая проблема – вливание в аппарат новой крови, создание действующих механизмов отбора квалифицированных кадров, не говоря уж о возможностях их ротации, не была решена. До тех пор пока не заработали биологические факторы, связанные со сменой поколений, степень преемственности чиновников в аппарате достигала 60–70 (а в некоторых ведомствах – и более) процентов. Основная часть прежнего состава – советская номенклатура, формировавшаяся по принципу «приоритета политических качеств над деловыми», сохранила свои позиции. Таким образом, практические меры по кардинальным реформам, прежде всего в сфере экономики, досталось осуществлять тем людям, которые всю свою профессиональную жизнь работали в принципиально иной – антирыночной, административно-командной системе отношений. Думается, что многие сложности того периода объясняются этим обстоятельством.

И хотя весной 1994 года Роскадры были ликвидированы, политика в данной сфере мало изменилась. Это, в частности, отразил и упомянутый закон 1995г. Поэтому, давая общую оценку этому «раунду», можно заключить, что в целом происходил не прогресс, а, напротив, нараставшее отставание государственного аппарата от реформ в других областях экономической и социальной жизни общества.

Второй раунд (1997-1998). Поначалу он складывался более обещающе. По распоряжению президента Б.Н. Ельцина была создана Комиссия по государственному строительству (позднее переименованная в Комиссию по административной реформе). Инициатором и вдохновителем всей работы был тогдашний помощник президента М.А. Краснов, значительную роль сыграл и другой помощник – Г.А. Сатаров. Одним из центральных ее направлений

стала разработка концепции подлинной модернизации госслужбы, причем не столько в структурном, сколько в кадровом разрезе. Состав группы по реформе госслужбы был относительно небольшим, но, что важно, она в основном состояла из независимых специалистов в данной области. Возглавлял группу автор этой книги. В основе идеологии нашей работы лежало стремление создать впервые в истории России не какую-либо новую модификацию «государевой службы», а службу *публичную,* которая бы отвечала критериям не только прагматической, функциональной для политического руководства эффективности, но в первую очередь эффективности социальной, т.е. работала бы прежде всего не на «начальство», а на граждан, на налогоплательщиков. Концепция основывалась как на тщательном изучении российской специфики, так и на новейшем опыте реформ государственной службы в ряде ведущих западных стран, прежде всего англосаксонских, где были сделаны наиболее радикальные и решительные реформенные шаги. В своих принципиальных моментах концепция была разработана к осени 1997 года.

Ключевыми принципами идеологии реформы стали:

1) переход от «государевой службы» к службе публичной;

2) обеспечение открытости и прозрачности государственной службы, а также защиты граждан от давления и произвола государства;

3) применение системы оценки профессиональных заслуг и достоинств при формировании аппарата и в процедурах должностного роста;

4) разделение политических и карьерных должностей;

5) введение, с одной стороны, ограничений для лиц, находящихся на государственной службе, а с другой – предоставление им за это определенных социальных компенсаций, но не в форме советских закрытых спецпривилегий, а в открытой, прямой, преимущественно денежной форме;

6) выведение за штат части госаппарата и существенное ограничение функций государства в области регулирования поведения и действий физических и юридических лиц;

7) придание функциям по предоставлению гражданам и организациям государственных услуг (ориентация на клиента) приоритетного характера;

8) обеспечение служебной лояльности государственных служащих;

9) введение этических регуляторов служебного поведения, в том числе посредством создания этического кодекса государственного служащего и мер по преодолению конфликта интересов на государственной службе;

10) системность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров государственной службы [553].

Главные доминанты концепции, ее основные принципы и направления были провозглашены в Президентском послании Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию на 1998 год. Однако даже факт оглашения ее с высшего политического уровня не смог серьезно продвинуть дело вперед и не привел к практическим шагам по ее реализации. Напротив, фактически параллельно, в декабре того же 1997 года, был принят Закон о правительстве, который не только никак не корреспондировался с концепцией, но даже не отразил каких-либо намерений или планов реформирования госслужбы. Ситуация дефолта 1998 года и другие политические обстоятельства также способствовали тому, чтобы действия в направлении реформы были отложены в долгий ящик.

Таким образом, формально и второй раунд можно счесть неудачей и полной победой антиреформаторского крыла бюрократии. Однако, с нашей точки зрения, его результат нельзя признать однозначно негативным. Ведь именно тогда был сформулирован теоретический фундамент реформы, для которого, как вскоре постепенно начало выясняться, не существует удовлетворительной альтернативы. И он стал внедряться в сознание даже весьма далеких от либеральных идей представителей политико-административного класса, а также более широких слоев.

И последующие события показали, что основные положения концепции очень скоро были вновь востребованы.

Третий раунд (1999–2000). Осень 1999 года была отмечена новым, хотя и довольно коротким всплеском активности вокруг проблемы реформы. Правда, он больше стимулировался не серьезными реформаторскими намерениями, а конъюнктурными политическими обстоятельствами. Это было время борьбы за «ельцинское наследство» и стремления преодолеть последствия дефолта. В полном соответствии с давней и неизбывной российской традици-

[553] Подр. см., напр.: Государственная служба: комплексный подход. М., 2009. С. 259–269.

ей поиска козла отпущения, или, как теперь говорят, крайнего, основная вину за все неудачи была возложена на чиновников, причем в этом были едины и политические «верхи», и пресса, и общественное мнение. Поэтому антибюрократические шаги (или, по крайней мере, их имитация) стали естественной частью предвыборной стратегии для большинства политических сил. Практически все серьезные «игроки» не упустили случая хоть что-то изобразить на этой «сцене».

Достаточно серьезный аналитический доклад по рассматриваемой проблематике был подготовлен Центром стратегических исследований, возглавлявшимся Г. Грефом. Существенно отметить, что, по меньшей мере, половина участников этой работы были «людьми 97-го года», т.е. соавторами предыдущей попытки реформы. Да и сами принципы реформы, несмотря на декларацию о якобы появлении некоего нового варианта концепции, остались практически теми же. Изменения касались в основном расстановки акцентов и более детальной проработки некоторых пунктов концепции.

Пожалуй, наиболее существенным новшеством было значительное усиление критики status quo государственной службы. В частности, подчеркивалось, что современный российский государственный аппарат практически воспроизвел советскую административную систему, к тому же в ухудшенном виде, поскольку дополнил ее сильными элементами корпоративизма. В качестве наиболее негативного примера приводилось гигантское разрастание института (и, соответственно, штатов) представителей федеральных министерств в регионах: в некоторых случаях численное соотношение между числом региональных чиновников и представителей Центра достигло действительно шокирующего соотношения 1 : 10 и более!

Но по форме документ выглядел иначе. Он больше походил на техническое задание, а также предусматривал программу законодательных мер. В целом его можно рассматривать как более «инженерное» представление программы 1997 года.

Увы, до практических мер тогда дело опять не дошло. После того как избрание Путина президентом состоялось, интерес к программе существенно упал, другие дела вышли на первый план, и в то же время стандартная механика бюрократического торможения перемен вновь обрела свою силу. В итоге и третья попытка реформы разделила судьбу предыдущих.

Четвертый раунд (2001–2002). Однако вскоре настоятельная необходимость вынудила власти вновь обратиться к проблеме реформы. Уже осенью 2001 года была образована Комиссия по реформе, составленная из должностных лиц высокого ранга. На практике этими вопросами занимались несколько параллельно работавших групп – в президентской администрации, в Государственной Думе, в Министерстве экономического развития. К сожалению, в отличие от ельцинских времен в стиле работы этих групп возобладал старый советский дух закрытости работы от общественности.

В целом она двигалась неравномерно, со всплесками активности и периодами практического затухания. Тогда в «верхах» набирал силу откат от движения в сторону «культуры доверия» обществу, которое пусть недостаточно активно и последовательно, но все же происходило в горбачевско-ельцинские времена. Возрождался более привычный для России и расцветший за последнее десятилетие пышным цветом сугубо аппаратный способ подготовки каких-либо изменений, стиль так называемой работы над документами. Специалистами по анализу бюрократии он описывается как контрпродуктивная «антимодель»: «Вот антимодель (которой не надо следовать): составление отчета; затем создание без всяких согласований некой структуры и, по возможности, быстрое ее согласование на центральном уровне; после этого создание координационной структуры; составление акта; назначение ответственного за эту миссию и... наконец, постоянное использование одного и того же способа решения проблемы»[554]. Это написано, «глядя» на Францию. Но как все знакомо!

Тем не менее ежегодное послание президента Федеральному Собранию на 2002 год, в котором необходимость радикальной реформы государственной службы заняла едва ли не ключевое место, все же первоначально, казалось бы, давало, основания для некоторого оптимизма. Однако после него в самом процессе работы не произошло какого-либо серьезного ускорения или активизации. Она продолжалась в том же спорадическом режиме и попрежнему под занавесом полусекретности, что оставляло пространство для любых бюрократических манипуляций, причем да-

[554] Гроза С. Переосмысление роли государства, здесь и везде // Государственное управление : учебные материалы. М., 2005. С. 67.

же на уровне, далеком от «верха вертикали», на этаже клерков среднего звена.

Примером этого может послужить судьба и метаморфозы проекта Закона «О системе государственной службы», который разрабатывался достаточно долго и, прежде чем приобрести тот вид, в котором его предполагалось представить президенту для внесения в Государственную Думу, прошел через множество согласований со многими сторонами и должностными лицами, в процессе которых основные спорные моменты нашли то или иное разрешение. На стадии, рассматривавшейся его основными разработчиками как заключительная, он представлял собой довольно обширный текст размером около сотни страниц и включал немалое число инноваций, которые должны были послужить ориентирами при последующей разработке видовых законов для различных разновидностей государственной службы, а также соответствующих законов о госслужбе территориальных единиц. В таком виде он был передан для окончательной юридической «полировки» правовому управлению Администрации Президента РФ. Однако произошла неожиданная и слабо поддающаяся логическому объяснению вещь: некий среднего ранга чиновник управления (не его глава и даже не заместитель) произвел над законопроектом жесточайший «секвестр», сократив его примерно в шесть (!) раз и устранив из него большинство новаций. И именно в таком виде он был представлен в Думу, где был быстро принят в 2003 году без каких-либо серьезных дискуссий, поскольку содержательно был практически пустым и никого ни к чему не обязывал.

Как представляется, в данном случае даже не противостояние идей или борьба ведомств, а всего-навсего междепартаментская подковерная борьба внутри президентской администрации и, возможно, персонифицированная кем-то защита узких бюрократических интересов, по существу, перечеркнули итоги работы больших групп компетентных и глубоко вошедших в проблематику людей. Впрочем, этот пример дает почву также для различных интерпретаций подлинных приоритетов и более высокопоставленных лиц, риторически провозгласивших себя проводниками радикальной реформы. Думаю, есть основания сказать, что представители власти «украли» у общества подготовленный проект реформы.

Пятый раунд (ноябрь 2002 – ?). Началом этого раунда можно считать 19 ноября, когда был выпущен еще один документ с обе-

щающим названием «Федеральная программа реформы государственной службы на 2003–2005 годы». Да и сам текст был достаточно нетривиален с точки зрения обычных административно-бюрократических стандартов. Он включал в себя довольно подробный статистический анализ динамики государственной службы в постсоветский период, ее жесткую критику, главные приоритеты реформы, перечень подлежащих выполнению мер по их воплощению в жизнь, их последовательность и сроки выполнения, ответственность конкретных ведомств, размеры бюджетного финансирования по каждой из работ, а также перечень федеральных законов, президентских указов, постановлений правительства и других нормативных актов, которые должны быть приняты в рамках Программы. Констатировалось при этом, что общее число чиновников за 1992–2002 годы увеличилось в 1,8 раза, причем главным образом за счет прироста на региональном и муниципальном уровнях. Это, кстати, помимо прочего, подрывало распространенный миф о якобы гигантском количестве именно федеральных бюрократов, ибо число чиновников в стенах московских министерств составляло немногим более 20 тыс., т.е. немногим более 2% от всех служащих.

В целом Программа в определенном смысле возродила «дух 97-го года», т.е. идеологию второго раунда попыток реформы. Однако в то же время в ней явно просматривается как минимум компромисс со сторонниками «псевдореформы», а то и с откровенными хранителями устоев, которые сохраняли в своих руках контроль над процессами и максимально выхолащивали представляющиеся для них опасными моменты. В этом плане показательна судьба Закона «О гражданской государственной службе РФ», который после опустошения содержания Закона «О системе...» рассматривался проводниками реформы как ключевой документ.

Закон этот во многих отношениях был заметным шагом вперед. Подробней мы рассмотрим его ниже. Он наконец открыл возможности для серьезной, реальной и многосторонней реформы нашей госслужбы, хотя в процессе его доработки и согласований в некоторых отношениях были перейдены допустимые границы компромисса и возникли лазейки для всевозможных исключений. В частности, фактическое приведение военных и гражданских чинов к единому знаменателю открыло возможность для массового и не сопряженного с какими-либо квалификационными испытаниями перехода отставных военных чинов на достаточно высокие по-

сты в гражданской администрации, что представляется алогичным, противоречащим духу реформы и несущим потенциальную угрозу уровню компетентности отправления управленческих функций аппаратом гражданской государственной службы. Кстати, и по этому, и по другим параметрам законопроект довольно серьезно и аргументированно критиковался на публичных парламентских слушаниях в Думе весной 2003 года, где отмечалось, что в представленном виде он больше служит корпоративным бюрократическим, нежели публичным интересам.

К сожалению, прозвучавшая тогда критика никак не отразилась на тексте законопроекта. В результате он в практически неизменном виде и без обсуждения был принят в первом чтении на последнем перед декабрьскими выборами 2003 года заседании Государственной Думы, когда мысли депутатов были поглощены предвыборными заботами. В окончательной же редакции, без сколько-нибудь серьезной доработки он был принят 7 июля 2004 года. Но поскольку даже в таком виде он представлялся бюрократии опасным, то вступление его в силу было отложено более чем на полгода. Столь необычно значительный временной лаг представляется неслучайным. Это позволило бюрократии придумать и подготовить различные «заслоны» на пути практического воплощения в жизнь даже тех ограниченных прогрессивных новаций, которые в нем сохранились.

Подобные затяжки с рассмотрением и даже формальным введением в действие данного Закона, на наш взгляд, порождают, по меньшей мере, обоснованные сомнения в серьезности политических деклараций о якобы приоритетном характере проведения реформы государственной службы. А с позиций сегодняшнего дня это представляется индикатором того, что *политическое руководство страны тогда, как и теперь, явно избрало не демократический, а технократический вариант модернизации страны со всеми вытекающими последствиями.* И более чем сдержанное отношение к созданию в России подлинно *публичной* государственной службы – одно из следствий такого выбора.

Я не случайно поставил вопросительный знак вместо второй даты в хронологии этого, пятого по счету, раунда, поскольку ничего заслуживающего выделения в специальный раздел в последние годы не произошло и не происходит. Конечно, формально работа не затихает: приняты все 19 предусмотренных законами президентских указов, в некоторых министерствах сформированы

комиссии по служебной этике, постепенно внедряется конкурсная система отбора кадров (особенно преуспело в этом Минэкономразвития). Однако реальные положительные изменения в стиле и характере работы госаппарата заметить нелегко.

Гораздо больше бросается в глаза численный рост чиновничества, а также усиление общего бюрократического духа. Что же касается реформы в целом, то создается впечатление, что упомянутые действия происходят больше в силу бюрократической инерции и необходимости как-то формально отреагировать на инновации Закона (то, что в дореволюционные времена называлось «очистить бумагу»). Живо и противотечение, проявляющееся, в частности, в уже неоднократно звучавших предложениях ревизовать некоторые положения Закона о государственной гражданской службе в силу их якобы «невыполнимости». Знаменательно, например, что в первоначальном проекте Программы совершенствования госслужбы на 2009–2013 годы даже из его названия выпало слово «реформа», замененное на «резиновое» понятие «развитие». Правда, после того, как проект был подвергнут серьезной критике на конференции в Высшей школе экономики, слово вернулось, но сама подмена представляется симптоматичной. Суть этого документа, как и законов, мы также обсудим ниже, в отдельном разделе.

Если же вернуться к метафоре раундов, то концовка 5-го раунда представляется вялой имитацией действий бойцов, потерявших стимул и ждущих либо гонга, либо окрика тренера. Но «тренеры» явно не хотят нарушать стабильность и лояльность аппарата. В частности, это связано с тем, что их легитимность не в последнюю очередь держится на современной модели псевдовыборов, в основе которой лежит широчайшее использование так называемого административного ресурса. А используется он прежде всего госаппаратом, хотя Закон это прямо запрещает.

Подводя итоги нашему краткому обзору перипетий, происходивших с отечественной госслужбой в 1990–2000-е годы, приходится резюмировать, что в целом российское чиновничество если и отличается сегодня от чиновничества советского, то не слишком и, в общем, в худшую сторону. Его статус соответствует российско-советской традиции доминирования государства над обществом. А одна из главных угроз становлению в России гражданского общества – это государственная бюрократия всех уровней, унаследовавшая прежнюю систему властных отношений и не без успеха

старающаяся в новых формах сохранить максимальную опеку над жизнью общества

Причины неудач можно классифицировать по-разному, делить на объективные и субъективные, на политические, экономические, социальные и т.д. На этот счет немало написано. Поэтому в данном случае я не буду углубляться в эти сюжеты, а изложу их максимально конспективно:

1) существовавшая и продолжающая существовать идеологическая и политическая неопределенность и двойственность, связанная с тем, что не произошло явного и недвусмысленного отказа от советского наследия нашей истории;

2) боязнь затевать еще одну реформу в условиях общей неустойчивой ситуации;

3) чрезмерный экономический детерминизм лиц, принимавших решения, и связанная с этим недооценка самостоятельной роли культурных, правовых и административно-организационных факторов; вера в то, что «невидимая рука рынка» сама все поставит на место;

4) связанное с этим недопонимание необходимости реформы госаппарата, в силу чего она не вошла в число «реформ первого поколения»;

5) отсутствие гласности и обратной связи с населением при подготовке реформы, что обеднило ее содержание и, по сути, обрекло ее на неуспех, ибо развязало руки для подковерной борьбы мастерам этого жанра – консервативной, не желающей перемен части бюрократии[555];

6) отсутствие союза с «агентами изменений» как внутри аппарата, так и во внешних, но имеющих те или иные каналы влияния на него сферах, хотя такие люди могли бы стать союзниками, а впоследствии и проводниками реформы [556];

---

[555] А между тем история напоминает, что в России одним из самых серьезных препятствий на пути реформаторов всегда было «закоренелое равнодушие и недоверие, с каким население привыкло встречать правительственный призыв к общественному содействию, зная по опыту, что ничего из этого, кроме новых тягостей и бестолковых распоряжений, не выйдет» (Ключевский В.О. Курс русской истории : в 8 т. Т. 5. М., 1958. С. 87). Но в данном случае даже и внятного «призыва к общественному содействию» не прозвучало, ибо вряд ли таковым можно считать президентские послания и другие подобные «казенные» документы.

[556] Они, несомненно, существуют. Вообще, расстановка сил противников и сторонников реформы, а также мощного индифферентного слоя «болота» достаточно сложна и требует как эмпирического анализа (на этот счет см. работы М.Н. Афанасьева, Л.Д. Гудкова, О.В. Крыштановской), так и теоретических, «спекулятивных» конструкций, которые в конечном итоге также могут стать предметом эмпирической верификации. Для последнего

7) наконец, последнее по порядку, но отнюдь не по важности – отсутствие, несмотря на ряд полумер, четко выраженной политической воли и административной последовательности в проведении реформы.

Подтверждают глубоко неблагополучную ситуацию в связке общество – аппарат, на наш взгляд, следующие выводы авторов эмпирических социологических исследований. «Представления российской бюрократии о самой себе очень сильно отличаются от того, что думает о ней население страны. Для населения современная бюрократия – это особое сословие, объединенное общими интересами и образом жизни... Так думают примерно трое россиян из четырех. Многие чиновники тоже приходят к подобному выводу, но все же почти 60% из них такую точку зрения отвергают. Создана почва для довольно сильных патерналистских настроений, когда "простой человек" перекладывает ответственность за ведение дел на чиновника, а чиновник, в свою очередь, на политических лидеров и высших должностных лиц... Главным носителем той точки зрения, что от российского чиновника ничего не зависит, является не столько "рядовой" гражданин, сколько сам чиновник. В среде управленцев высшего и среднего звена такую позицию занимают 77% опрошенных»[557]. О резких, даже радикальных различиях в самооценке чиновников собственного положения, с одной стороны, и их оценке по этим параметрам со стороны населения на региональном и муниципальном уровнях свидетельствуют данные исследований, проводимых Институтом сравнительных трудовых исследований и фондом «Институт экономики города»[558]. Представляется важным, хотя и не бесспорным, следующий вывод: «Наиболее резко неприятие административно-политического строя постсоветской России выражено у представителей самой младшей возрастной группы – до 25 лет»[559].

автор может предложить следующую конструкцию: Оболонский А.В. Сторонники и противники реформы государственной службы (опыт классификации) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 43–50; Реформа государственной службы Российской Федерации / пред. редсовета Д.А. Медведев. М., 2006. С. 164–175.

[557] Андреев А.Л. Современная Россия: запрос на компетентного чиновника // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 60–61.

[558] Александрова А.Л., Бычков Д.Г., Гришина Е.Е. Кадровый потенциал гражданских служащих как ресурс реформ государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1. С. 53–70.

2 Андреев А.Л. Современная Россия... С.65.

Думается, уместно завершить данный раздел кратким перечислением основных групп, противодействующих реформам и госслужбы, и, в более общем плане, реформам нашего государства. Итак, противники реформы – это:

1) преобладающая часть связанного с командными и распределительными функциями административного аппарата, а среди нее прежде всего люди среднего и старшего возрастов;

2) криминальная и полукриминальная часть бизнесменов;

3) региональные и местные «элиты» и обслуживающие их (часто имеющие мафиозные связи) круги как внутри, так и вне аппарата;

4) идейные сторонники административно-командной системы независимо от их рода занятий;

5) традиционалистско-коммунистическая и близкая к ней часть политического спектра электората;

6) люди, по разным причинам разочаровавшиеся в реформах и ушедшие в ту или иную форму отчуждения.

Группы, обозначенные под пунктами 1–3, можно определить как «акционеров» существующего порядка, т.е. тех, кто преуспел и обогатился либо в результате недостатков проведенных реформ, либо в силу своей личной или групповой близости к каналам перераспределения национального богатства (например, значительная часть бывших высокопоставленных аппаратчиков, крупных функционеров КПСС и профсоюзов, верхушки служб КГБ и ее наследника ФСБ, часть представителей так называемого комсомольского бизнеса). Это те, кто удачно наловил рыбку в мутной воде полуреформированной системы и поэтому не заинтересован в изменении существующего положения. Парадоксальность данного обстоятельства видится в том, что *наиболее мощное и эффективное сопротивление продолжению реформ исходит не от тех, кто проиграл в ходе их первого этапа, а от тех, кто от него выиграл* и предпочитает продолжать игру по тем же правилам.

Так, на наш взгляд, выглядит «простая», т.е. первичная, «грубая», классификация противников перемен. Автор также проделал определенную работу по ее операционализации и сформулировал некоторые (но, возможно, не исчерпывающие) признаки как противников, так и сторонников, а также слоя «болота» на политико-государственном, социально-групповом и отчасти лично-

стном уровнях в надежде, что это может послужить теоретической основой для чьего-либо эмпирического исследования[560].

Современное законодательство: прогресс или имитация прогресса?

В настоящее время действуют два федеральных закона – «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 7 июля 2004 года № 79-ФЗ.

Первый из названных законов, как говорилось выше, был выхолощен на последней стадии подготовки законопроекта. Поэтому существенных реальных новаций в нем немного. Гораздо более заметно стремление к сугубо бюрократическому упорядочению структур, чинов, должностей и т.п. Так, даже в официозном комментарии к Закону в качестве новаций выделяются такие, в сущности, технические вещи, как замена буквенного (А, Б, В) наименования должностей на названия категорий и групп, замена понятия «квалификационный разряд» на «классный чин» и т.п. Установлено соотношение воинских званий и квалификационных разрядов, что, как уже отмечалось, выглядит сомнительным и даже опасным, позволяя военным отставникам переходить на высокие позиции в гражданской службе, никак не подтверждая при этом своей способности работать в принципиально иной сфере общественной жизни. Подтвержден принцип продвижения по должностной и чиновной лестнице в зависимости не от способностей и результатов деятельности, а от выслуги лет[561]. В общем, прямо скажем, особо прогрессивным этот Закон не назовешь.

Впрочем, ради справедливости следует отметить, что в Законе все же есть некоторые существенные позитивные моменты, хотя и выраженные лишь на уровне риторики, не подкрепленной конкретными механизмами их проведения в жизнь. Например, заявлен «приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты, открытость государственной службы и ее доступность

---

[560] См.: Оболонский А.В. Сторонники и противники реформы государственной службы (опыт классификации) // Проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 43–50; Он же. Сторонники и противники реформы государственной службы // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 97 102.

[561] О содержании и новациях Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» // Реформа государственной службы Российской Федерации. М., 2006. С. 110 119.

общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих» – статья 3 Закона. В сущности, эти нормы во многом являются лишь подтверждением, напоминанием о том, что общие конституционные положения в полной мере распространяются и на государственную службу. Вроде бы невелика заслуга. Но в реальных обстоятельствах конституционного нигилизма нашей бюрократии даже такого рода законодательное напоминание чиновникам о Конституции представляется отнюдь не лишним. И нормы эти действительно были бы принципиально важны, если бы они находили какое-то воплощение в реальной практике. Казалось бы, «видовой» Закон, принятый годом позже, и должен был это обеспечить, превратив общие пожелания в детализированные, регламентирующие стандарты поведения чиновников нормы. Однако этого не произошло.

Тем не менее по сравнению с рассмотренным общим Законом Закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» все же значительно содержательней и даже мог бы расцениваться как прорывной, если бы в нем столь очевидно не просматривалось стремление совместить две взаимоисключающие концепции госслужбы, а также если бы ему воспоследовало реальное воплощение заложенных в нем норм и стандартов. Но в любом случае он заслуживает более серьезного внимания и прочтения, чем мы сейчас и займемся.

В статье 4 среди принципов гражданской службы названы «приоритет прав и свобод человека и гражданина» (п. 1), «доступность информации о гражданской службе» (п. 6), «взаимодействие с общественными объединениями и гражданами» (п. 7). Статья 15 в числе основных обязанностей чиновника называет соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций (п. 4). Достаточно велико и количество запретов, связанных с гражданской службой. Они перечислены в статье 17. В частности, служащему запрещается «участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом» (п. 1.1), «осуществлять предпринимательскую деятельность» (п. 1.3), «получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц» (п. 1.6).

Принципиально важным представляется запрет «использовать преимущества должностного положения для предвыборной агитации, а также для агитации по вопросам референдума (п. 1.12), по-

скольку он *ставит вне закона использование так называемого административного ресурса.* Есть и запрет «создавать в государственных органах структуры политических партий... или способствовать созданию указанных структур» (п. 1.14), Критически важна также норма статьи 18, прямо адресованная к категории руководителей и гласящая, что руководитель «обязан не допускать случаи принуждения гражданских служащих к участию в деятельности политических партий» (ч. 2). Эта статья дает все основания считать циничным нарушением Закона ставшую почти обыденной практику мобилизации чиновников под знамена «Единой России». Инкорпорирует в нашу правовую систему «дух Нюрнберга» запрет на исполнение служащим неправомерных указаний начальства с возложением в случае нарушения полной ответственности за это на него самого (статья 15, ч. 2, 3). Впервые в нашем законодательстве дано определение понятия «конфликт интересов» и довольно подробно, хотя, на мой взгляд, и недостаточно, регламентированы связанные с его урегулированием вопросы (статья 19). Установлено и обязательство чиновника представлять сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (статья 20). Кстати говоря, эти нормы, в отличие от большинства других налагаемых Законом на чиновника обязательств и ограничений, получили определенное воплощение и даже развитие в антикоррупционном законодательстве последних лет.

Таким образом, рядом положений данного Закона, казалось бы, заложена нормативно-правовая основа для реализации современных стандартов взаимоотношений государства и гражданина, хотя, конечно, это в любом случае задача не одного дня и одним законом не решается. Однако наряду с этим в нем содержится и ряд положений, которые, как представляется, противоречат его реформенному вектору. К таким «контрреформаторским» положениям, в частности, относятся фактическое новое одобрение в измененной редакции пресловутой Табели о рангах (статьи 9–11); возможность зачета и сохранения воинских званий и милицейских чинов при переходе их обладателей на гражданскую службу (статья 11.12); лазейка, позволяющая обойти общие конкурсные процедуры, связанные с поступлением, для должностей, связанных с использованием государственных секретов (статья 22.3). А поскольку секретность по нынешним временам трактуется чрез-

вычайно широко, то эта лазейка превращается в широкие ворота в обход Закона.

На практике мало что из прогрессивных положений Закона воплотилось в жизнь в соответствии с их духом и заложенным в них реальным смыслом, а не лукавым их прочтением, явно имеющим имитационно-ограничительную направленность. В качестве примера назовем хотя бы отработанный механизм имитации конкурсных процедур, когда к реальному и единственному претенденту в качестве проформы подстраивают другого, очевидно непроходного, о чем тот даже ставится в известность.

Противоречит более чем насущной необходимости кадрового обновления госаппарата и «прочтение» исполнительной властью статьи 64 Закона о кадровом резерве. Лично у меня сама идея такого заблаговременного формирования пула чиновников-«допризывников» вызывает сомнение. Вряд ли она соответствует концепции модернизации государства, которая предполагает и серьезные персональные перемены в составе госслужащих. Скорее, она порождает аллюзии с принципами формирования корпуса янычар в Османской империи. Но даже если принять ее как таковую, то реальное воплощение ее на практике подтверждает худшие опасения и аналогии. Она попросту стала механизмом формирования новой версии номенклатуры, а на высшем, президентском, уровне – так называемой президентской тысячи и того хуже – корпусом «теневой опричнины». И ведь, казалось бы, всего пару слов из текста статьи «забыли» – о том, что кадровый резерв формируется «на конкурсной основе».

Впрочем, это лишь отдельные примеры нашей общей порочной практики. Ведь законы у нас, как правило, действуют не непосредственно, а через принимаемые, по идее, для их конкретизации, подзаконные акты. Так вот, практически ни один из обширного перечня последующих президентских указов и правительственных постановлений, посвященных этим вопросам, не содержит ничего в развитие названных прогрессивных положений Закона, например, относительно стандартов оказания государственных услуг. Совсем иные вопросы, связанные в основном с материальным окучиванием «государевых слуг», стали основным предметом этих актов[562]. А что никакой реформы нашей бюрократии реально не

[562] См. «Перечень основных законодательных и подзаконных нормативных актов в области государственной службы РФ», опубликованный как приложение к учебнику «Государственная служба: комплексный подход». М., 2009. С. 509–511.

произошло, думаю, самоочевидно и не требует особых доказательств.

В этом отношении весьма показательна подписанная на этапе передачи «эстафеты» от Путина к Медведеву федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)». Во-первых, представляется симптоматичным, что даже само слово «реформирование» в первоначальных, «аппаратных» вариантах программы отсутствовало; было лишь «развитие», что, очевидно, подразумевало, что реформа уже произошла и дальше надо лишь совершенствоваться. К счастью, эксперты Высшей школы экономики использовали свои возможности и в процессе доработки программы сумели «восстановить в правах» и само слово, и некоторые придающие ему практический смысл положения. Однако, во-вторых (что существенно важней), сама Программа в своей итоговой версии в основном состоит все из того же набора неплохих, но общих слов и столь же общих пожеланий «сделать все лучше». И даже данный в приложении к ней набор «целевых индикаторов» ее выполнения, по моему мнению, лишь создает некую иллюзию твердости намерений радикального реформирования, не более того. Зато гораздо серьезней и заслуживает, на мой взгляд, как минимум специального рассмотрения пункт, согласно которому на реализацию Программы из бюджета выделяется без малого 700 млн рублей!

Думаю, ситуация с этой реформой лучше и лаконичнее описывается строчкой из известной песни Высоцкого: «...бег на месте общепримиряющий».

Был, правда, один указ президента еще от 12 августа 2002 года под названием «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» и тоже содержавший немало «высоких» слов, которые стоит процитировать. Согласно Указу «государственный служащий призван... исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности органов государственной власти и государственных служащих... не оказывать предпочтения... исключать действия, связанные с вилянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов... соблюдать политическую нейтральность... проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами... воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнения в объективном исполнении служебных обязанностей... не использо-

вать свое служебное положение для оказания влияния... при решении вопросов, лично его касающихся» (п. 2), а также «не допускать случаев принуждения государственных служащих к участию в деятельности политических партий» (п. 3).

Не правда ли, формулировки достаточно четкие и, казалось бы, ставящие заслоны на пути большинства чиновничьих злоупотреблений своим служебным положением? Однако, как и в рассмотренных законах, в Указе нет даже намека на формы ответственности и способы привлечения к ней в случаях нарушений, хотя бы в виде отсылочных норм. Полагаю, не случайно, Поэтому, если сопоставить их с реальной практикой, то, думаю, не нужно ни особо глубокого анализа, ни знания деталей, чтобы увидеть не просто несоответствие записанных норм реальности, а их прямую противоположность. И, как говорится, ничего, все по-прежнему идет своим чередом! Так зачем изданы и этот Указ, и Закон 2004 года? Для риторики? Для «красоты»?[563] А может, тут есть что-то от уайльдовского «портрета Дориана Грея», только в перевернутом виде – красивый образ, скрывающий безобразную реальность?

Полагаю, любой живущий в России читатель без труда сможет и приводить бесчисленные примеры подобных вопиющих противоречий нормативной риторики, и множить возникающие в связи с ними метафоры. Я же ограничусь констатацией того, что, поскольку наши власти живут и действуют не по законам, ими же писаным, а по «понятиям», то, следовательно, *именно само государство является в современной России главным правонарушителем*. И, на мой взгляд, это объясняет очень многое в нашей жизни.

Выводы

Почему же в России так трудно реформировать и систему отношений общества и власти в целом, и госаппарат в частности? Надеюсь, первая и последняя главы книги содержат, по крайней мере, частичный ответ на этот вопрос, во всяком случае так, как он видится автору. Но в заключении хотелось бы взглянуть на проблему с более общих позиций. Максимилиан Волошин, по горячим следам оценивая последствия 17-го года, писал: «Все имена сменились на Руси, но выверты мышления все те же». Да, к со-

---

[563] Любопытную объяснительную конструкцию предлагает известный британский аналитик России Ричард Саква. Он фиксирует наличие двух сосуществующих, но живущих каждый по своим законам видов российской власти – «нормативного государства» и «административного режима». См.: Sakwa R. Dual State in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. N 3. P. 1–37.

жалению, современная Россия унаследовала, сберегла и даже усилила худшие черты советской бюрократии, утратив при этом ее немногие достоинства: неплохую исполнительскую дисциплину и не только вульгарно материальную трудовую мотивацию. И как-то не слишком утешает заметное невооруженным глазом измельчание бюрократической «породы», то, что былые «медные всадники» выродились в «медных мышей», в чичиковых, поскольку ухватки у них сохранились прежние. И довольно релевантными по отношению к нашему настоящему кажутся горькие строки Н.А. Бердяева, написанные им больше 90 лет назад и применительно к другому, еще более трагичному периоду нашей истории: «Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам... взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо. Происходит грандиозная нажива... Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним... Россия по-прежнему полна мертвыми душами, по-прежнему происходит торг ими»[564].

Я и сам отдал изрядную дань теории исторической колеи, согласно которой в России меняются лишь внешние атрибуты жизни и властных отношений, а их глубинная суть передается от поколения к поколению, от одного политического режима к другому как своего рода «социальная эстафета» – термин М.А. Розова[565]. Правда, моя версия этой теории отрицает фатализм, заданность, предполагая возможность перемены колеи, перехода на определенных исторических перекрестках на другую траекторию развития. Я даже обозначил и проанализировал каждый из таких перекрестков в российской истории. Последний из них пришелся, с моей точки зрения, на 90-е годы XX века.

Но сегодня теория колеи больше всего используется как некое обоснование якобы предопределенности нашей исторической судьбы и, соответственно, как оправдание невозможности повлиять на ее траекторию. Притом парадоксальным образом эта позиция исторической обреченности исходит от людей самых разных, порой полярно противоположных во всем остальном взглядов. Подобная позиция, на мой взгляд, независимо от мотивов ее выразителей, честность и искренность которых во многих случаях не подлежат

---

[564] Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Париж, 1967. С. 77.
[565] См.: Розов М.А. Теория социальных эстафет. Новосибирск, 2006.

сомнению, тем не менее объективно обезоруживает сторонников перемен. За ней, на мой взгляд, стоит некая подсознательная психология ухода от ответственности, своего рода самооправдание. Она подрывает потенциал действительного, а не имитационного, развития страны, Конечно, «проклятие ментальности» – вещь мощная, реальная и, увы, далеко не преодоленная. Но отнюдь не непреодолимая.

Одним из толчков движению в этом направлении может, как ни парадоксально, послужить извечная российская традиция недоверия к власти при всей ее имитационной «сакрализации» и кажущемся повиновении ей. Мне кажется, что, если мы признаем, что пресловутая сакрализация носит лишь имитационно-приспособительный характер, то *недоверие к государству можно рассматривать как культурный, человеческий потенциал для позитивных модернизационных изменений. И, используя потенциал массового недоверия к государству в его существующей форме, можно выйти на положительные перемены.* Обычно такое недоверие возрастает в моменты разного рода социальных провалов, катаклизмов, например при военных поражениях. Известно, каким модернизационным толчком для России послужила Крымская война, а для Германии, Японии, в меньшей степени для Италии – 1945 год. Но поражение отнюдь не обязательно должно быть военным. Не приведи бог, как говорится. Ситуация кризиса, по-моему, тоже может дать неплохой импульс для развития.

Я также не могу принять распространенный ныне тезис, что в нашем обществе якобы не существует серьезной востребованности перемен. Думаю, мы недооцениваем и общественную потребность в них, и готовый их проводить человеческий потенциал. К тому же наше общество обладает почти уникальным опытом выживания в самых неблагоприятных условиях, в том числе, и особенно, в нишах, наименее зависимых от государства. Классические примеры из советских времен – приусадебные участки, шабашничество, другие формы честных «левых» заработков. И наконец, мы почему-то легко забыли общественную атмосферу времен конца перестройки и начала 1990-х, когда именно этот якобы «консервативный, апатичный, холопский» и какой там еще народ после трех четвертей века репрессий и подавления любой несанкционированной активности вдруг распрямился и смирительная рубашка советского режима разлетелась как гипсовая оболочка на отливке статуи.

Разумеется, было бы нелепо отрицать блокирующее влияние культурных факторов или недооценивать их роль. Но так ли уж оно непреодолимо и фатально? Ведь мы знаем, что в России всегда, даже в самые тяжелые времена, не погибала, не переводилась и выживала неистребимая контркультура. Она была то сильнее, то слабее, но никогда не исчезала, даже несмотря на все усилия таких автократов, как Николай I, консерваторов, как Александр III, или таких преступных деспотов, как Сталин. А уж в современных условиях она тем более существует. Фатальный же пессимизм представляется некой вариацией тезиса о национальной неполноценности, своего рода расизмом наоборот, для чего, думается, нет особых оснований. Подобная формула весьма удобна как оправдание и социальной пассивности, и дефицита чувства социальной ответственности, и прямого приспособленчества к дурной реальности. Но она слишком удобна для того, чтобы быть правдой. Как справедливо заметил в своем анализе солженицынского идейного наследия М.А. Краснов, «Россия всегда беременна антиимперским трендом»[566].

Все мы, как говорится, «вышли из советской шинели», со всеми ее деморализующими как людей, так и общество в целом атрибутами. И тем не менее результаты выхода из общего советского наследия оказались существенно различны не только для таких очевидных полюсов, как страны Балтии и среднеазиатского региона, но и для таких гораздо более близких во всех отношениях стран, как Россия и Украина. Ведь опыт Украины последнего десятилетия, при всей его неоднозначности и авторитарных тенденциях нынешней политической власти, все-таки довольно сильно отличается от опыта российского.

Отнюдь не «народ» (да и что, в сущности, значит это хоть и привычное, но на самом деле несущее немного смысла слово?), а носители конкретных групповых интересов, по существу, узурпировавшие возможность выступать и действовать от лица государства, являются главным препятствием для перехода на другую колею. Не «народ», а чиновничий аппарат в кризисный год повысил себе в полтора раза зарплаты. Используя различные механизмы, в частности фактическую монополизацию основных каналов СМИ, они навязывают массовому сознанию некую псевдопатриотическую идеологию, «ложный пафос великодержавной гордости

---

566 Краснов М.А. Солженицынская парадигма государственного строительства // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 46.

за чуждые интересы»[567]. И какое-то время это может работать. Но отнюдь не бесконечно, а в нашем, столь быстро меняющемся мире, думаю, и не слишком долго. И уж тем более нет оснований полагать этот тренд фатальным, единственно возможным сценарием. Да, он существует и силен, но отнюдь не предопределен, в том числе потому, что катастрофичность его последствий становится понятной все большему числу людей, причем людей самых разных.

Конечно, гораздо комфортнее и безопаснее общаться с единомышленниками в эзотерических башнях из слоновой кости, чем выходить, причем с непредсказуемым исходом, на холод политической реальности, где делается, в конечном счете, история. Только правильно ли это, если исходить из презумпции повышенной социальной ответственности образованного человека? К тому же и прагматическая рациональность подобной позиции представляется совсем не бесспорной, во всяком случае в среднесрочной перспективе. Как писал один умный человек, «трудно предсказывать, особенно будущее». В самом деле, кто из всего сонма и западных, и наших, отечественных аналитиков, смог предсказать практически мгновенный по историческим меркам распад СССР и конец социалистического «содружества»? Разве что отчасти Андрей Амальрик, да и то в рамках совсем иного сценария, чем случилось в реальности.

Тут стоит обратить внимание на такой момент, как происходящее сближение двух, казалось бы, мало совместимых логик – «политического идеализма»[568] и эгоистического «просвещенного прагматизма» Realpolitik[569]. Сюжет этот требует специального рассмотрения, что отчасти и сделано в работах С.А. Ковалева и Л.Ф. Шевцовой. Я в данном случае лишь упоминаю о нем в силу его важности и в нашем конкретном контексте.

Возвращаясь же к теме «народа», хотел бы обратить внимание на некоторую ущербность, с моей точки зрения, нашей версии либерализма, пренебрегающей правом и делающей чрезмерный упор на экономические, материальные факторы как якобы главный и универсальный критерий успеха и даже, в подтексте, ценности человеческой личности. Не вдаваясь в причины этого перекоса, отмечу лишь его определенную отсталость от современной либе-

---

[567] Там же.
[568] Ковалев С.А. Прагматика политического идеализма. М., 1999.
[569] Шевцова Л.Ф. Одинокая держава. М., 2010. Особенно гл. 39 «Альтруизм и прагматизм». С. 193–198.

ральной мысли и практики. В странах с давней либеральной традицией уже довольно давно пришли к необходимости инкорпорировать в либеральную доктрину некоторые социал-демократические элементы, Это, например, четко и лапидарно выражено в Швейцарской Конституции: «...сила народа измеряется благом слабых» (преамбула) и «Швейцарская Конфедерация... заботится о возможно большем равенстве шансов для граждан» (статья 3)[570]. Мы же в процессе выхода из тоталитаризма пренебрегли этими правилами.

Возможно, это было вынужденным. Однако негативных последствий как для людей, так и для самой репутации либеральной идеологии это не устранило, что, увы, и наблюдается в нашей политической реальности. Между тем одной из приоритетных целей даже самого либерального государства является именно повышенная защита слабых, ибо сильный и так имеет преимущественные возможности для защиты себя и своих прав и интересов. А у нас государственные приоритеты и в недолгий либеральный период начала 1990-х, и уж тем более теперь совсем иные. Может, именно поэтому *произошел и нарастает опасный со всех точек зрения процесс отчуждения человека от государства*.

Конечно, для социального пессимизма есть множество оснований. Но не только для него. Да, крот истории роет медленно, и исторические изменения не всегда совпадают с циклами человеческих жизней. К счастью, в современном мире процессы ускорились, и моему поколению редкостно повезло – мы застали на своем веку разные эпохи. Известно знаменитое изречение Конфуция: «Не приведи Бог жить в интересное время». Лично я это мнение не разделяю. Другое дело, что «интересное время» может быть не очень удобным для жизни. Его ростки могут быть кривыми и уродливыми, но это все же ростки *нового*. Ведь те, кто прожил всю свою жизнь при советском режиме и не дожил до перемен, разделили судьбу бабочки-однодневки, имевшей несчастье родиться утром дождливого дня. Та бабочка ушла из жизни с представлением о мире, где всегда идет дождь и ничего, кроме дождя, не существует. Мы же застали пусть хмурое, но все же утро следующего дня. Каким он будет – во многом зависит от нас, и мы обязаны, сколько есть сил, стараться, чтоб он оказался лучше дня предыдущего.

---

[570] Конституции государств Европы. Том 3. М., 2001. С. 537.

Вспомним напоследок еще раз Ключевского: «История не учит, но она жестоко наказывает за невыученные уроки». Одним из таких уроков был призыв Салтыкова-Щедрина не путать слова «отечество» и «его превосходительство». Может, отчасти из-за невыученных исторических уроков Россия уже несколько раз проигрывала шанс стать полноценным обществом свободных людей. И было бы трагичным уже в новом, третьем тысячелетии, закрыв глаза на весь предшествующий негативный исторический опыт, опять угодить в очередной тупик, выбраться из которого, возможно, уже и не удастся. А не просто совершенствование, но и принципиальное изменение характера взаимоотношений между гражданином и государством, формирование новой модели государства, чему и посвящена основная часть книги, – одно из необходимых условий для того, чтобы это предотвратить.

«ДВОРЦОВОЕ ГОСУДАРСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.И. Глебова

Одна из задач современной политической науки – понять, как в 1990–2000-е годы трансформировалось государство в России. Для уяснения сути трансформации представляется возможным использовать политические метафоры. С моей точки зрения, вполне релевантна метафора, имеющая исторические «корни», – «дворцовое государство» (или «государство–Дворец»). Она принадлежит В.О. Ключевскому; в этой формуле зафиксирована («схвачена» и выражена словами) природа послепетровского государства.

Конечно, Ключевский не ставил перед собой задачи создания концепции, – налицо размышления, замечания, наблюдения и само определение («дворцовое государство»). Это лишь материал для теории. На него я, собственно, и опираюсь, пытаясь выявить смысл современного государства в России. Причем использую своего рода инверсионный исследовательский ход: говорю о современности «старыми» словами. (Историки, как правило, новый концептуальный аппарат применяют для изучения «старого» государства.) Но учитываю полное изменение контекста: XVIII и

XXI вв. по самым существенным параметрам – люди, тип общества, технологии, культура – несопоставимы. И в то же время связаны – как разные этапы реализации в истории одной социальности. Надо только обнаружить эту связь.

«Дворцовое государство» В.О. Ключевского

Собственно, вся послепетровская история XVIII в. у В.О. Ключевского связана с государством, рассматривается с точки зрения его эволюции[571]. При этом выделяется несколько ключевых (концептуальных) характеристик:

1) *о динамике государства:*

Петр «действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо – истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна из другой порываются, и среди этого разрыва *меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах*» (Здесь и далее выделено мною. – И.Г.)[572].

«Немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию в торговую лавку, даже в вертеп разбойников»[573].

«Правительствам после Петра было не до коренных вопросов, не до начал и задач реформ: они едва справлялись и с первыми встречными затруднениями»[574].

«Придворные интриги заменяли политику, великосветские скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли в жажде милостей и увеселений»[575].

«Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра... была недоступна его государственная идея... *Государство замкнулось во дворце*. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как *захват*, которого не умели оправдать перед народом, нуждались *не в народной, а в военно-полицейской опоре*»[576].

---

[571] Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993, с.101-140, 144-186, 294-296, 310-319
[572] Там же, с.170
[573] Там же, с.110
[574] Там же, с.147
[575] Там же, с.506
[576] Там же, с.195

Мысль о том, что «без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок», воспитана «всем складом русского быта»[577].

2) *о явлении «дворяновластия»:*

«...Крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это – начало дворяновластия... В сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом, зародилось стремление самому править обществом посредством правительства». Формировался порядок «должностного кормления сословия»[578].

Произошли «резкое юридическое обособление и нравственное отчуждение потомственного дворянства от прочих классов общества»[579].

«Правительство, прежде взыскательное к дворянам, как обязанным своим слугам, теперь старалось щадить их, как своих вольных агентов»[580].

Дворянство «к моменту воцарения Екатерины II... составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии *дворцовое государство преемников Петра I и получило вид государства сословно-дворянского.* Правовое народное государство было еще впереди и не близко»[581].

3) *об экономическом измерении государственного порядка:*

Екатерина I «...распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть»[582].

«При *разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами,* ...стая <иноземцев> кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, а скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, – писали послы, – нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». Между тем управление велось без всякого достоинства... Все казавшиеся опасными или неудобными подвергались изъятию из общества... Между тем народное, а с ним и государственное хозяйство

---

[577] Там же, с.113
[578] Там же, с.177
[579] Там же, с.163
[580] Там же, с.167
[581] Там же, с.196
[582] Там же, с.106

расстраивалось... Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогали... Устроена была доимочная облава на народ; снаряжались вымогательные экспедиции». Так действовали *«разнузданные народным бессилием пришельцы»*[583].

«...Правительство иногда не знало, сколько у него денег и где они находятся... Единственным деятельным и добросовестным контролером и будильником наклонных к дремоте правительств был постоянный дефицит. Он заставлял правящие верхи заглядывать вниз, в глубь управляемой ими жизни, и способные наблюдать люди увидали там полный хаос... *Пособницей дефицита была сама верховная власть.* Елизавета лично для себя копила деньги, как бы собираясь бежать из России, и забирала текущие казенные доходы, предоставляя министрам изворачиваться, как умеют»[584].

Собственно «дворцовое государство» Ключевского следует понимать как результат раскрепощения (эмансипации) «элит» от деспотизма верховной власти, утраты ими этоса службы и *обособления от остального населения в привилегированное сословие*, «приватизации» ими государства, *подчинения государственной идеи узкокорыстным сословным интересам.* Верховная власть была встроена в модель «Дворца», что сопровождалось мутацией ее природы (в направлении к ограниченной, «договорной»). В отношении государства речь также шла об абсолютизации им экономических интересов, его сосредоточении на «получении денег», «быстрых прибылей», конвертируемых в доходы дворцовых «акторов» – в том числе персонификаторов верховной власти и их ближайшего окружения («семьи»).

Фактически Ключевский считал, что «дворцовое государство» заинтересовано почти исключительно в обогащении тех, кто его составлял. То есть понимал его как сословное, нацеленное на удовлетворение чрезвычайно узких социальных интересов. И оценивал как своего рода *«изъян», исторический «вывих», случайное «отклонение» от «правильной» тенденции, обозначенной петровским государством «всеобщей службы»,* где «воспитательная диктатура» власти распространялась на все сословия «без изъятия». Уравнение в обязанностях Ключевский рассматривал в качестве гарантии последующего уравнения в правах[585]. То есть русский

---

[583] Там же, с.137, 138, 139

[584] Там же, с.151, 148

[585] Логика Ключевского такова: в «определении сословных отношений» Петр «...не был чужд

путь к «правовому государству», по мнению великого историка, прокладывало деспотическое «служилое» государство, основанное на равенстве в бесправии, крепостном праве.

«Разгосударствление» по-постсоветски

Одна из причин постсоветского «перехода» (транзита) заключается в кардинальном изменении отношений «общество/личность–государство». Они активно трансформировались с послесталинских (точнее, с послевоенных) времен; сейчас мы находимся на пике этих изменений. Нормативная советская модель отношений, в которой личные (а также коллективные, корпоративные, профессиональные и др.) интересы полностью поглощались государством (модель *тотального огосударствления*), в постсоветские времена сменилась моделью «разгосударствления».

Ее обычно характеризуют односторонне – как *тотальное «бегство от государства»*, т.е. поиск населением «теневых» ниш, независимых способов существования и минимизацию связей с государством (прежде всего, требующих исполнения социальных обязательств – уплаты налогов, службы в армии и т.п.). При этом представление о государстве как раздаточной и репрессивной инстанции в обществе сохранилось, более того, оно доминирует. Однако это, скорее, остаточное явление, навязчивый образ советского прошлого.

«Разгосударствление» включает в себя и обратный процесс: *«бегство» государства от граждан*, т.е. сворачивание им своих социальных функций, обязательств, и его «минимизацию», замыкание в себе[586]. Причем речь идет не о частичном уходе государства из некоторых сфер, минимизации мелочной опеки им социальной среды, характерных для развитых стран, а о *переориентации го-*

уравнительных стремлений именно на почве государственных повинностей. Он распространил некоторые специальные классовые повинности на несколько классов, какою была, например, податная, положенная им на все виды холопства, а воинская повинность стала даже всесословной. Это обобщение повинностей со временем должно было лечь в основу и правового уравнения общественных классов. Приступить к этому уравнению предстояло снизу, законодательной установкой крестьянских повинностей, особенно платежей и работ крепостных крестьян на господ». Ключевский В.О. Указ.соч., с. 171–172.

[586] Собственно, в описаниях российского общества эти процессы фиксируются: «В обществе сложился своеобразный замкнутый круг. Власть, чиновничий аппарат часто игнорирует интересы и права граждан. Значительная часть общества отвечает власти той же монетой, стремясь обходить стороной легальные и легитимные способы решения своих насущных проблем и свести общение с государственными органами к минимуму, обращаясь к ним только тогда, когда нет иных способов решения». Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40), с. 102.

сударства с общесоциальных интересов на «узкосословные». На смену тотальному, всепоглощающему советскому государству – террористу, модернизатору, морализатору, монопольному распорядителю «общенародной» собственностью – пришел «Дворец». Демонстрируемые им технологическое несовершенство и концептуально-идеологическая слабость создают у населения ощущение «дефицита» государства – его неэффективности, несправедливости, неспособности или нежелания исполнять свои обязанности[587]. Эксперты отмечают, что это государство не может обеспечить реализацию курса на модернизацию экономики, политики, инновационное развитие и т.п.[588] Результировать и концептуализировать массовые ощущения и экспертные оценки можно, на мой взгляд, в определении современного государства в России как «дворцового».

«Дворец» – это не отклонение от «дулжного» государства (советского «общенародного» или западного правового, социального и т.д.) и не его извращение/«ухудшение», которое при желании можно исправить. Это вполне самостоятельная форма правления, обусловленная новыми условиями и старыми государственными традициями. Здесь следует сделать две оговорки. Разумеется, современное «дворцовое государство», воспроизводя некоторые характерные черты «классического» (уже являвшегося в нашей истории), обладает и иными измерениями. Что связано и с другой исторической эпохой, и с иными потребностями современного социума и кратоса. Кроме того, предлагаемый концептуальный аппарат не отменяет все остальные. Это лишь одна из призм, через которую может рассматриваться современность.

---

[587] По социологическим данным 2008 г., на вопрос, способна ли административная система эффективно оказывать услуги обществу и отдельным гражданам, 18,9% респондентов ответили «в основном способна», а 59,6% дали отрицательный ответ. См.: Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110), с. 21.

[588] С.П. Перегудов еще в 1994 г. писал о феномене бюрократического корпоративизма. См.: Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. – М., 1994. – № 5. – С. 31–35. Сейчас исследователи говорят о «криминально-клановом государстве», напоминающем «институциональную анархию». См.: Пастухов В.Б. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – М., 2009. – № 6(114), с. 129. Расхожим стал тезис об административно-социальной неэффективности российского государства. См., напр.: Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. – М.: РОССПЭН, 2006.

«Дворец» как «сословие»

«Дворцовое» государство – не институты и процедуры (вся административно-управленческая система) и даже не бюрократический слой (при всей его влиятельности и сти[589]). «Дворец» – это форма (или организация), в которую отлилась постсоветская «цивилизация верхов», старые и новые господствующие группы, обособившиеся от населения в привилегированное «сословие» (1,5–2% населения[590]). Государственные интересы сейчас в основном редуцированы к интересам его представителей, т.е. «дворцового сообщества».

Конечно, фактически «Дворец» – это более широкая социальная среда. Ее составляет не только «дворцовое сообщество», но и тяготеющая к нему и его *обслуживающая прослойка*. Если принять для описания современного российского государства метафору «государства–корпорации», «сословие» следует рассматривать в

---

[589] «По данным Федеральной службы государственной статистики, только общая численность гражданских государственных служащих на начало 2005 г. составила 1 млн. 316 тыс. человек. И это не считая армии «обслуживающего» персонала, которая заметно превосходит численность самих чиновников. Для сравнения – в 1990 г. в СССР общее число бюрократов насчитывало 663 тыс. человек, а их «привилегии» были гораздо скромнее по сравнению с теми возможностями, которыми располагает нынешнее чиновничество». Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40).с. 90. По другим данным, численность российского чиновничества с 1991 по 2007 год выросла почти вдвое – с 950 тыс. до 1,75 млн. человек, а содержание госмашин обходится стране в треть ее бюджетных расходов или почти в 10% ВВП. См.: Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. – М., 2008. – № 10. – С. 57–70. с. 64. Замечу, что и население СССР было многочисленнее российского, что меняет соотношение чиновного и нечиновного элементов; в результате увеличивается непроизводительная нагрузка на социальную среду.

[590] Это слово, от которого отдает архаикой, так и просится в лексикон нашего постмодерного времени. Оно лучше всего подходит для характеристики высшего слоя российского общества – владельцев-распорядителей власти/собственности. Все они, конечно, вышли из народа, но уже перестали им быть. Они создали особый мир, закрытый, непроницаемый, живущий по своим правилам, - вне массы народонаселения, но за ее счет. Потому что их цель – вобрать в себя все ресурсы и возможности, отпущенные этому социуму. Количественные данные о «сословии» см.: Малева Т. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшие десятилетия: Сб. ст. – М., 2004.с. 77; 18; Итоги 2004 г.: Что дальше? // Экономическое возрождение России. – М., 2005. – № 1(3), с. 77. Один из главных признаков «сословия» – богатство. По социологическим замерам, разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями российского населения – 30-кратный и даже больше. См.: Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII).с. 12. Категория богатых и сверхбогатых стремительно растет: в 2007 г. в России было 60 миллиардеров (в 1997 г. – всего 6, в 2005 г. – 36) и более 500 тыс. миллионеров. И это только по официальным данным, – в действительности их гораздо больше. См.: Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса: широкий взгляд // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56), с. 135. Доходы бедных растут в три раза медленнее, чем богатых. В 2006 г., по данным Института экономики РАН, доходы половины граждан страны снизились или остались на прежнем уровне, а практически весь рост (11%) пришелся на высокодоходные группы.

качестве аналога узкого круга ее собственников и руководителей («работодателей»). Так как корпоративные интересы сведены в основном к интересам этого круга, можно говорить о торжестве в наших условиях «олигархического корпоративизма». Функции «персонала» («корпорации работников») выполняет прослойка «обслуги». При этом только «работодатели» обладают признаками «сословности»: четко осознают свои интересы, противопоставляют их всему обществу и нацелены на сохранение и дальнейшее наращивание социального влияния[591]. Но самое главное: *ощущают себя не в структуре социума, а над ним*. К этому мировоззрению тяготеют и «работники», стремящиеся укрепить связи с «Дворцом» и как можно дальше оторваться от массы[592]. При этом свои отношения с ней строят по «дворцовым» принципам.

«Верхи» современного российского общества – уже не элита «условного держания» (на время «службы»), как советская, а элита «наследственного владения», перераспределившая в свою пользу «общенародную собственность». Это *закрытое сословно-статусное сообщество, «сбродное» по составу*. В нем смешались выжившие кланы «фамильных людей», т.е. советской номенклатуры; «новики» («новые худые люди»), «случайно выплывшие наверх» в «смутные» времена, – «новые русские», разрушившие номенклатурный порядок и давшие язык, «прикид», организацию правящему слою (среди них – «народные избранники», бизнесмены, государственники и интеллигенты нового типа); повязанные с первыми и вторыми советские «теневики» и верхушка советско-постсоветского криминала – создатели «финансового рынка», «се-

---

591 Очевидно, что это не только бюрократия и не вся бюрократия. Тем не менее, постсоветское перерождение государства принято связывать только с эволюцией бюрократии: по мнению исследователей, она «использует рычаги государства для достижения сугубо партикулярных (групповых) задач, целей в противовес общегосударственным». Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: Отечественный и зарубежный опыт // Полис. – М., 2007. – № 4, с. 35. Основываясь на данных социологических опросов, исследователи говорят о феномене сформировавшегося «классового сознания» бюрократии как особой социальной группы. См., напр.: Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40), с. 100–101. На мой взгляд, точнее было бы говорить о *корпоративной (или, скорее, клановогрупповой) солидарности*, учитывая, что она ограничена иерархичностью устройства этой «корпорации» и различием потребительских возможностей ее разных «эшелонов». Чиновничество среднего и нижнего уровней относится, скорее, к прослойке между «высшим сословием» и остальным населением. При этом ментально в основном «совпадает» с «патронами» и действует *по единой «дворцовой» схеме: всё – только для себя*.

592 Показательно, что именно эти, самые благополучные в материальном отношении, группы в социологических опросах демонстрируют наибольшую лояльность по отношению к государству, власти и госслужащим. См.: Бюрократия и власть в новой России. С. 93.

рых» бизнес-схем, особой «деловой» культуры, силовой фактор российской экономики; новая «культурная элита» – духовные «генералы», творцы и властители «масскультовых дум» (зрения/слуха), мастера высокого искусства, спорта, авторитеты медицины, образования, даже науки и проч.

У представителей этого «сословия» высокие потребительские запросы, постоянно растущие аппетиты, удовлетворяемые в разных социальных сферах. Одни хотят больше власти, другие – больше денег (показательно, что Москва, где находится «дворцовая Ставка»[593], заняла при Путине–Медведеве второе место в мире по числу миллиардеров, а само это число в последние годы едва ли не удвоилось); одни нацелены на самую престижную в мире собственность, другие собирают русское/советское/современное (или какое-то другое) искусство; одни ведут борьбу за души, другие – за бюджет и месторождения, за право «постмодернизировать» реальность или «поддавать» в нее оптимизм, быть «в экране», светской хронике, международных новостях и т.д. И все получают желаемое, чтобы потом хотеть бульшего.

Собственно, всему «сословию» (а не только высшему чиновничеству) можно адресовать определение В.В. Путина – *«надменная каста».* Это «сословие» счастливчиков, «субъективных материалистов»-победителей, вполне удовлетворенных своим положением, профессиональной и жизненной успешностью и через эту (счастливую) призму воспринимающих внешний (для них) мир. «Корпорация победителей» обременена жаждой большого (чтобы «грохнул» на весь мир) успеха, желанием побеждать. Именно это (и ничто другое) – двигатель модернизационных проектов, причина государственных вложений в разного рода победы страны (внешнеполитические, спортивные, исторические и др.). Национальные успехи (если они случаются) рассматриваются как «дворцовые» (корпоративные) победы, служащие самоутверждению «Дворца». В то же время любой «нацуспех» «работает» на его легитимацию, оптимизируя социальный фон и заглушая (шумом:

---

[593] Кстати, одно из главных противоречий Дворца, в том, что Москва, являясь политическим центром государства, не стала центром обширного хозяйства «самодержца» (как центром частной вотчины являлся хозяйский двор). *Это показатель трансформации природы «Дворца»: страна–территория уже не является больше монопольным владением персонификатора верховной власти.* Москва, имеющая некоторые черты большой усадьбы, не есть исключительно «княжеско-царское» хозяйство. – В ней «работают» разные «хозяйствующие субъекты». Кстати, результаты хозяйствования одного из субъектов (не моно-, но все же) в июне 2010 г. зафиксировал журнал Forbes: в рейтинге богатейших бизнес-вумен мира третье место с состоянием в $ 2,9 млрд. заняла Е. Батурина.

«Ура, Россия!») ропот недовольных «надменностью» «сословия» и «сословностью» социума.

Главный принцип жизни «сословия» – устроиться в стране как за границей, в обеспеченном, комфортном, безопасном евроатлантическом мире. (При этом, конечно, устроиться и за границей – лучше заграничных.) Причем жить так в стране должны только они, – высокий социальный статус поддерживается ощущением избранности. «Дворец» явился вследствие торжества «сословного» эгоизма, игнорирования «сословием» интересов большинства. Разрыв «русского мира» на победителей и проигравших – во всеобщей схватке за «доходное место» – вот основной итог постсоветского транзита[594]. И в этом смысле, выйдя на рубеже 80–90-х из точки «А», мы не вернулись к прежнему, а явно попали в какую-то другую точку.

Вопрос о собственности: «кормящееся» государство

Оформление «дворцового» государства непосредственно связано с решением вопроса о собственности. На переходе от советской эпохи к постсоветской «общенародная» (или государственная) собственность была превращена в ограниченно-коллективное («дворцовое») доходное владение. Владельцы и составили «Дворец». Они живут переделом и эксплуатацией «дворцовых» владений.

Интересы «Дворца» по существу «сословны»: он создан для управления «сословной» собственностью. К «сословным» владениям относятся как старые (советские, прежде всего ресурсные: топливно-энергетическая, золото-алмазная, а также химико-металлургическая, военно-промышленная), так и новые доходные отрасли: банковско-финансовая система, сфера обслуживания, информсреда (компьютерные сети, мобильная связь и др.). *«Дворцовая» экономика и есть современная российская экономика*; только то, что в ней работает, принося прибыль, и имеет будущее.

---

[594] Именно здесь проходит фундаментальная «линия напряжения» в российском обществе. Как показывают социологические данные, к числу основных межгрупповых противоречий россияне относят противоречия между богатыми и бедными (его отмечают 63,4% опрошенных), между олигархами и остальным обществом (39,1%), между чиновниками и рядовыми гражданами (34,9%). См.: Бюрократия и власть в новой России. С. 96. Достаточно очевидно, что все эти оппозиции могут быть сведены в одну: богатые, олигархи, чиновники (победители)/бедные, остальное общество, рядовые граждане (проигравшие). Причем, социальную успешность меряют соответствием ближайшим богатым и властным, а также обобщенному массмедийному образу «победителя», сконструированному в 2000-е.

Она предельно и очень своеобразным образом интернационализирована[595].

«Дворец» – структура по преимуществу властесобственническая, направленная на перераспределение львиной доли общественного продукта в пользу господствующих групп. Главное назначение «дворцовой» экономики – обогащение; она нацелена не на всемерное умножение ресурсов страны, а на рост индивидуальных и коллективных доходов «дворцовых» акторов. И в рамках этих задач «Дворец» достаточно эффективен. От населения, живущего за пределами замкнутого «дворцового» мирка («не-Дворца»), требуется лишь определенная сумма «налога». Можно сказать, что политическая власть в рамках «Дворца» в основном понимается как привилегия – право «налагать дань». При этом плательщикам «дани» не указывают, как им жить, – они являются вольноотпущенными людьми. В этом принципиальная новизна постсоветской системы.

Тотальное (советское «общенародное», ставшее в новых условиях «избыточным») государство ужалось до пределов «дворцового» хозяйства, управляемого на основе – вновь скажу метафорически – «владельческого» (частного, а не публичного) права[596]. Частный характер «дворцового» владения, организованного *по «путям»*, пришел в противоречие со всеобщим характером государства. Управление за пределами «дворцово-вотчинного» хозяйства сведено до минимума – постольку, поскольку существует необходимость отправлять определенные публичные функции. Поэтому все внешние коммуникации «Дворца» приобретают, скорее, част-

---

[595] Вот некоторые данные на этот счет: «По состоянию на начало 2010 г., Россия – единственное из постсоветских государств, инвестиции которого за рубеж практически равны накопленным иностранным инвестициям внутри страны, а с учетом неофициально выведенных денег превышают последние как минимум вдвое; даже сейчас инвестиции КНР за рубежом меньше накопленных в китайской экономике иностранных инвестиций в 16 раз. Около 56% российского ВВП создается в компаниях, которыми владеют собственники, зарегистрированные в оффшорных юрисдикциях; этот показатель соизмерим с данными по самым неблагополучным странам Африки». Иноземцев В.Л. История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67), с. 13–14.

[596] Используя термин «владельческое» право, я понимаю, что он в той же мере условен и метафоричен, что и «сословие», «дворцовое государство». Повторю, речь не идет о прямом заимствовании понятий из прошлого и смешении разных эпох в некую вневременную реальность. Обращение к «историческому словарю» было необходимо, чтобы указать на сущностное сходство некоторых явлений настоящего времени с прошедшим и несовременность этого настоящего. В том смысле, что оно явно не согласуется с евроамериканским настоящим, куда мы себя упорно относим. Это темпоральное несовпадение объясняется не отставанием (а, значит, непреодолимо бегом вдогонку), а действием каких-то важных социокультурных механизмов.

ный (хозяйственный), чем публичный (т.е. собственно политический в классическом понимании) характер.

С этим связан и «владельческий» подход к политической власти; *«владельческое» мировоззрение* пронизывает сейчас все ее институты. Современные «элиты» не различают политические и экономические интересы; точнее, делают акцент на вторых. Этим объясняется и подавление публичной сферы; она сведена к одной из функций «Дворца», к области «дворцового обслуживания». Народонаселение понимается «Дворцом» как объект политической власти, а не субъект политических прав. (Справедливости ради следует признать, что оно и само себя так понимает.) И именно в этом качестве – объекта – оно и используется «Дворцом».

Административная деятельность все больше походит на *«кормление»* с доходов от выделенного «участка» («наказа», «пути») «дворцового» хозяйства. Каждый администратор – «сам себе» частный «теневой» предприниматель (взятки, «откаты», «разборки» и т.п. – его ежедневная «деловая» жизнь). При этом включен в систему легальной (собственно социально-управленческой) деятельности. Каждый «дворцовый» актор ведет такую же двойную жизнь; причем, легально-процедурная – только оболочка («прикрытие») подлинной, неформально-теневой, покрытой бизнес-тайной. В целом «Дворец» противоречит современным политико-правовым представлениям, в соответствии с которыми имущество и права государства имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной.

«Дворец» как случай государственно-монополистического капитализма

В момент разрушения советского мира речь шла о выводе из-под контроля государства всех сфер, о возбуждении и полном раскрытии хозяйственной активности граждан. Однако цивилизованного «размежевания» государства и общества в экономической жизни не произошло. Напротив, социально-экономические интересы заставили эффективные государственные и общественные элементы слиться в «Дворец», подчиненный уже не воле первого лица, а хозяйственным интересам всего «сословия».

«Дворец» обслуживает интересы «высшего сословия» за счет собственности и ресурсов, находящихся в распоряжении государства или переданных им в распоряжение других экономических «акторов» (финансово-промышленных групп/кланов с разной сте-

пенью самостоятельности). Последние вносят установленную плату за пользование «участками» дворцовых владений. Причем, пользование монопольное – это соответствует «владельческой» природе «Дворца». В рамках «Дворца» слиты госмонополии/госкорпорации и монополии различных форм смешанной собственности с участием государства[597]. (Это не только бизнес-структуры, но и медиа, спортивные, культурные и т.п. институции.) В целом правовой статус монополий не ясен, что открывает простор произволу, манипуляциям и т.п. действиям, не регулирующимся правом. Монополии, пришедшие на смену советским ведомствам, позволили структурировать сложное экономическое пространство. В то же время господство монополий приводит к диспропорциям в экономике, ее дезинтеграции. Но *правительство/государство* не борется с монополистами и др. капиталистами потому, что оно и *есть монополист/капиталист – не единственный, но один из главных*[598].

---

[597] Вот только один пример: на долю четырех нефтяных компаний – ТНК-ВР, «Газпром нефть», «Роснефть» и «ЛУКОЙЛа» – приходится 73,44% российского рынка бензина и 80% авиационного керосина. Приоритеты наших монополистов известны: прибыль всё, отечественные потребители – ничто. Новые примеры действия этой стратегии дал экономический кризис. По оценке Федеральной монопольной службы (ФАС), цена на бензин в мире с середины лета по октябрь 2008 г. упала на 15–20%, а в России практически не изменилась. В 2008 г. В. Путин дал ФАСу команду «фас!»: возмутившись взлетом цен на авиационный керосин, приказал «наконец проснуться и активно исполнять свои функции». ФАС начал судебные тяжбы с нефтяниками и добился определенных успехов. Общий размер претензий ФАС к нефтяным монополиям превышал 26 млрд. руб. Но 8 июня 2010 г. на коллегии ФАС первый вице-премьер И. Шувалов фактически отменил старый приказ. Назвав естественные монополии «крупными движущими силами» экономики, призвал ФАС бороться с нарушениями на рынке, а не с самими компаниями. Посыл был принят адекватно. См.: Двойной стандарт // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23, с. 34–35. Общую стратегию наших монополистов очень точно определил венгерский социолог П. Тамаш: *национальные нефтяные, газовые, торгующие алмазами и т.д. фирмы функционируют не как отечественные капиталисты, а по логике межнационального концерна, занимающегося добычей сырья в чужой стране*». Тамаш П. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // Конец ельцинщины. – Будапешт, 1999, с. 120. (Выделено мною. – *И.Г.*). Этой же логикой руководствуется весь «Дворец», в том числе правительство как «дворцовый» актор. Правда, стратегия его продвижения основана на сокрытии такой логики – ведь оно все-таки правительство.

[598] Государство не превращается, как бывает на Западе, в инструмент проведения интересов крупных корпораций (правда, в условиях их конкуренции между собой). У нас *государство само стало такой корпорацией*. По оценкам экономистов, «будучи регулятором рынка, государство одновременно является, в том числе из-за гипертрофированной системы госмонополий и госкорпораций, активным его игроком, что создает на нем совершенно нездоровую обстановку, в которой фактически игнорируются подлинные нужды и не только потребителей, но и огромного числа производителей разного рода благ». Шелов-Коведяев Ф.В. Природа кризиса в России и в мире: Общее и особенное // Полития. – М., 2009. – № 3, с. 111. Ярчайший пример: «продолжается активный вывоз за рубеж зерна, молока, сыра, хотя значительная часть той же товарной номенклатуры встречным потоком импортируется, почему и внутренние цены на них продолжают расти – при тревожном... падении доходов и

Здесь следует отметить: «Дворец» – это, прежде всего, неформальные связи, личные отношения[599]. Именно эти сети стали основой, на которой сформировался «Дворец»; неформально-непубличный тип управленческой деятельности, вообще ведения дел способствовал *воспроизводству советских клановости и патрон-клиентельных отношений в новых, постсоветских условиях*. Постсоветские кланы и клиентелы, связанные деловыми и личными отношениями, «зачастую опираются на государственные корпорации или отдельные ведомства и соперничают между собой в борьбе за распоряжение ресурсами»[600]. Патрон-клиентельные, клановые сети имеют и пространственное измерение: они не укладываются в простейшую дихотомию «центр-регионы»; в качестве «дворцовых» акторов выступают «вертикально интегрированные» группы интересов и группы давления, включающие участников как федерального, так и регионального уровней (представителей органов власти, финансово-промышленных групп, политических

потребления граждан».

Для оценки эффективности «дворцовых» монополистов важен такой факт: «к 2008 г. корпоративный внешний долг российской экономики достиг 500 млрд. долл. (против 30 млрд. к началу кризиса 1998 г.)... Даже «Газпром имеет долгов чуть ли не на 50 млрд. долл.». Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 г. // Полития. – М., 2009. – № 3.с. 92. По оценкам специалистов, «внешний корпоративный долг составляет в настоящее время около 32% ВВП России, тогда как доля внешнего государственного долга составляет около 4% ВВП. Уровень совокупного внешнего долга составляет около 36% ВВП, а его объем осенью 2008 г. оказался сопоставим с величиной официальных валютных резервов Центрального банка РФ. Преобладающая часть внешнего корпоративного долга сформирована государственными корпорациями за 2005–2008 гг. В числе этих корпораций «Роснефть», «Газпром», «Русал», «Лукойл», «РЖД», «Норильский никель» и др. Поэтому этот долг является, по существу, *превращенной формой внешнего государственного долга РФ*, обслуживание которого в условиях глобального кризиса эти корпорации не смогли бы осуществить без финансовой помощи правительства и ЦБ». Агапова Т.А. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67), с. 27. Фактически *внешний долг стал не государственным, а «дворцовым»* («сословным»), но расплачиваться за «Дворец» будет то, что мы называем государством (из бюджета, резервов и т.п.).

[599] В этой «сетевой» среде и решается все в стране – «дворцовые» вопросы, общесоциальные проблемы. Только в этом смысле можно принять положение С. Кордонского: представители «титульного сословия», «оказывая друг другу услуги даже в пределах должностной компетенции, связываются в прочнейшую и невидимую сеть неформальных связей административного рынка, которая по факту и представляет наше гражданское общество. Существует множество институтов этого гражданского общества, таких как совместная охота, рыбалка, ресторан, баня или «открытый дом для своих»... Это общество... единственная реальность, так как любые ведомственные интересы и амбиции, планы государственного развития, инновационные проекты и бизнесы должны быть в первую очередь согласованы – «протерты» в банях, ресторанах, на рыбалке или охоте. Иначе их ждет печальная судьба». Кордонский С. Россия: Поместная Федерация. – М.: «Европа», 2010. с. 138, 139

[600] Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. № 2(110), с. 16

партий и движений, СМИ) в формате политико-финансовых кланов»[601]. «Клановость» же соответствует «*до*политическому» состоянию власти, когда она *еще* не способна выразить общий (публичный) интерес, а «политика» сводится к примитивной борьбе кланов за ресурсы[602] (Выделено мною – *И.Г.*). Видимо, это состояние у нас устойчиво воспроизводится. Точнее, речь идет об *определенном типе самоорганизации «высшего класса» поздне- и послесоветского времени*. Поэтому сущность власти следует определять как *не*политическую; она *вообще* не способна выразить общий интерес.

Постсоветский «Дворец» – это еще и институты; государственные учреждения его организуют, структурируют, придавая ему современную форму. В то же время государственные структуры (в том числе выборные, соответствующие демократической современности) суть крупнейшие экономические предприятия – прежде всего, по освоению бюджетных денег. (Вообще, высшее «сословие» так или иначе связано с бюджетом: им управляет и/или пользуется. Иначе говоря, имеет *административно-экономическую подоснову*.) В них встроены лоббистские сети; многие их связи – как внутренние, так и внешние – не вполне законны или вовсе нелегальны. То есть речь идет о фактическом *удвоении неправовой среды*: неформальные сети накладываются на неформальную активность институтов.

Собственно, в случае «Дворца» мы имеем дело с государственно-монополистическим капитализмом, лишенным, однако, главного измерения капитализма – свободной конкуренции на правовой основе. Видимо, наш бизнес с такой нагрузкой не справляется; свобода экономической деятельности вызывает у него, скорее, опасения (неопределенность и риски оцениваются как слишком высокие). Свобода предполагает поиск самим бизнесом продуктивного варианта взаимного сотрудничества в рамках существующего права. У нас же нет традиций такого взаимодействия; зато в советские времена сложилась привычка работать в «тени» и под покровительством (защитой/«крышей»). А это требует больших денег; поэтому в теневой экономике, большая часть которой связана

---

601 Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: Портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004.с.171

602 См.: Пастухов В.Б. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – М., 2009. – № 6(114), с. 129

с уклонением от налогов, хорошо себя чувствуют только крупные компании[603]. В силу этих причин и склонности к монополизации доступного пространства наш большой и очень большой бизнес (а это, собственно, и есть русский бизнес) соглашается на ограничение своей свободы – «сверху».

С нагрузкой свободы/конкуренции не справляется и правительство/государство: для него наиболее естественно подавление плюральности как в экономике, так и в политике. Правительство разрешает или организует конкуренцию (можно говорить об *«управляемой конкуренции»*), сохраняя при этом «монополизм» как основополагающий принцип функционирования «Дворца». Тем самым, кстати, придает конкуренции по-русски более или менее цивилизованный вид, минимизируя применение насилия внутри бизнес-сообщества. Репрессивно-контрольная функция в целом принадлежит государству. Но главная задача правительства как «дворцового» актора состоит не в регулировании таким образом экономики и социальных отношений, а в получении прибыли от процесса «управления конкуренцией».

В целом наши бизнес-гиганты не только симулируют конкуренцию (хотя внутри страны большей частью происходит именно так[604]), но и участвуют в реальной конкурентной борьбе – прежде

---

[603] См. об этом: Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. – М.: ОГИ, 2003, с. 23–67

[604] В рамках симулятивной конкуренции у монополистов рождаются странные (но только на первый взгляд) инициативы. Вот один – но яркий – пример. На всероссийском совещании Федеральной службы по тарифам 1 апреля 2010 г. глава РЖД Владимир Якунин пожаловался, что железнодорожный и автомобильный транспорт находятся в неравных конкурентных условиях. Чтобы ликвидировать преимущество последнего, он предложил сделать автодороги платными. В железнодорожный тариф, по его словам, включена «инфраструктурная составляющая», то есть плата за поддержание и развитие железнодорожной сети. «Возникает вопрос, почему такой платы нет для пользователей услуг автомобильного транспорта, – возмущался Якунин. – У нас дороги бесплатные, и с конкуренцией с железнодорожным транспортом порядок нужно наводить». Награда недели // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 5 апр. С. 24. Это обращение («челобитье») одного из конкурирующих между собой «дворцовых» монополистов к верховному арбитру – правительству: даешь «добро» на максимизацию прибыли? Оно в очередной раз подтверждает заинтересованность «Дворца» лишь в собственных доходах. При этом, заметим, «если в мире расходы на транспортировку в экспортной цене товара составляют в среднем не более 7–8%, то в России, из-за монопольного положения... РЖД, – все 30–40%». Шелов-Коведяев Ф.В. Природа кризиса в России и в мире: Общее и особенное // Полития. – М., 2009. – № 3, с. 111. Такова же логика других «дворцовых» акторов: «Газпром», например, «затевает все новые экспортные проекты, хотя совершенно ясно, что собственную промышленность и ЖКХ ожидает скорый и острый дефицит газа, не говоря уже о позорной для нас статистике негазифицированности домашних хозяйств» (Там же). Российские энергетические монополии провоцируют (требуют) выравнивания внутренних и мировых цен на энергоносители. См.: Иноземцев В.Л. История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67), с. 17.

всего на международной арене. Однако в любом случае главным конкурентным преимуществом крупнейшего российского бизнеса оказывается принадлежность к «Дворцу», гарантирующая разного рода «дворцовые помощи». Последнее тому подтверждение – экономический кризис, когда выживание «равноудаленных» корпораций было обеспечено правительством[605]. «Дворец» помог «Дворцу».

В определенном смысле *«Дворец» можно считать корпорацией, так как он преследует не общественные цели (не работает на «народное благо»), а собственные экономические выгоды.* «Дворец» проявляет явный интерес к «зарабатыванию денег», действуя на внутреннем и внешнем рынках в качестве экономического игрока. При этом *нацелен на минимизацию издержек (т.е. общесоциальных программ развития) и максимизацию прибыли, львиная доля которой распределяется в пределах «Дворца» же.* То есть функционирует по законам частнокапиталистического предприятия. Однако природа «Дворца» прямо противоположна капиталистической: она – «владельческая», предполагающая монопольную эксплуатацию, а не собственническая, т.е. плюралистическая, конкурентная, договорная и открытая. Корпорация явилась у нас в совершенно ином историческом контексте и привела к другим, чем в исходных условиях, результатам. Перенесение на советское государство корпоративных методов управления (иначе говоря, модернизация государства за счет заимствования новейших тех-

---

[605] Основные средства антикризисной программы были направлены на поддержку банковской системы (более 1355 млрд.) и государственных или окологосударственных компаний типа ОАО РЖД или АвтоВАза (776 млрд.). При этом на усиление социальной защиты и борьбу с безработицей в 2009 г. намечалось выделить около 500 млрд. руб. См.: Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54), с. 69. Правительство рассматривало и персональные дела: с его помощью главный неудачник кризиса О. Дерипаска вышел из него, не потеряв ни одного ключевого актива. Особый интерес представляют следующие данные: «Если в 1998 г. часть издержек по стабилизации экономики после кризиса была профинансирована негосударственным сектором, то в 2008–2009 гг. это бремя в основном принял на себя государственный сектор, чьи денежно-кредитные издержки, а также бюджетные и квазибюджетные расходы значительно возросли. При этом непосредственные бюджетные затраты на антикризисные меры оцениваются всего лишь на уровне 0,58% ВВП России 2007 г., тогда как доля квазифискальных издержек стабилизации экономики может составить около 14,7% от его объема... В результате возрастает степень неопределенности возможных эффектов от принятых мер, а уровень прозрачности (транспарентности) бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики государства уменьшается». Агапова Т.А. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67), с. 25. Собственно, речь идет о том, что *выход «негосударственного сектора» из кризиса в «государственные 2000-е» был обеспечен «дворцовым» государством за счет бюджета*, в отличие от «олигархических» 90-х.

нологий) активизировало его «дворцовую» природу, спровоцировав явление «Дворца».

«Дворцовая» система против общества и против субъектности «дворцовых»

В основе «Дворца» лежат две «неправильности», придающие ему некую изначальную ущербность. Первая («большая») является «неправильностью» с общесоциальной точки зрения: «дворцовые» владения попали в распоряжение (управление) формально негосударственных и частных хозяйствующих субъектов не в результате открытой конкуренции, помимо и в отрицание любых правовых норм. Фактически они были распределены между «своими» («номенклатурными» и «деловыми») и/или захвачены, присвоены, что исключает соблюдение принципа социального партнерства (и в настоящем, и в будущем).

Вопрос о собственности был решен традиционным (т.е. неправовым и примитивным) способом: «общенародное достояние» заняли как никому не принадлежащее (пустое) пространство (напомню: занятие «пустошей» долго было господствующим способом приобретения земельной собственности на Руси). Это означает, что «дворцовые» субъекты не признавали (и не признают сейчас) за населением («не-Дворцом») право осуществлять контроль над производительным богатством страны. А, значит, постсоветский строй изначально не был нацелен на формирование общества. – Перераспределение в 1990–2000-е годы советской собственности предполагало появление привилегированного владельческого «сословия», распоряжающегося материальными ресурсами страны, но не обеспеченного в полной мере правовой, «моральной» легитимностью, общественным с ним согласием.

Другая («малая») «неправильность» вредит в основном «Дворцу», ограничивая его возможности, т.е. имеет узкосоциальное измерение. Особое своеобразие «дворцовому» типу хозяйствования придает то, что его определяющая черта – временность, условность: формально врйменной является политическая власть, фактически условна власть экономическая – отказ от участия в «дворцовой» системе или нарушение правил «дворцовой игры» могут повлечь наказание, т.е. запрет хозяйствовать. А потому характер «дворцового» владения близок к условному (поместному) держанию – только не земли, а имущества и ресурсов. *Безусловно до сих пор только владение личным имуществом; собственниче-*

ские права в любой момент могут быть оспорены. Не случайно «дворцовые» акторы просто зациклены на преумножении имущества, переводе средств, полученных от эксплуатации «дворцовых владений», в особняки, драгоценности, яхты и т.п. Показательно, как мутирует под влиянием ограничения прав владения определенным сроком владельческая психология верховной власти: идея государства воспринимается ею даже не сквозь «вотчинную», а через «поместную» призму. Все это сформировало «в верхах» *своеобразное «поместное умонастроение»*, окончательно вытеснившее представления об общем интересе, национальном благе. «Дворец» живет ограниченными, краткосрочными целями – погоней за сверхприбылями, хищнической («до истощения») эксплуатацией «дворцовых владений», громкими внутри- и внешнеполитическими PR-акциями.

«Сословие», представители которого не желали быть только распорядителями (временными держателями), с момента своего появления боролось за собственнические права. В 1990-е годы оно их добилось, следствием чего (среди прочего) стало *стирание грани между государственными и негосударственными (коммерческими) структурами.* Баланс сместился в сторону последних, как бы «пожиравших» государство[606]. Но тогда же выяснилось, что для *самореализации (прежде всего, вне страны) и защиты от страны («не-Дворца»)* «сословию» крупнейших собственников все-таки необходим какой-то вариант государства. Выбор был сделан в пользу «Дворца», в рамках которого примиряются «сословные» и национальные противоречия, бизнесмены становятся государственниками, а бюрократия коммерциализируется. То есть образуется mixt, единая социальная среда, «повязанная» одной целью – «обогащение».

Однако создание «Дворца» потребовало от «новых собственников» жертвы – нужно было поделиться собственностью с новым государством. Наверное, процесс *частичной деприватизации/национализации (а, по существу, второго «большого переде-*

---

[606] Об интеграции институтов власти (прежде всего высших) и крупных корпоративных структур (как и о действии тенденции к «сверх-(супер)-корпоративизму» в экономике) см.: Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003, с. 36. Процесс «олигархической минимизации» государства был по существу, как показывает Ю.С. Пивоваров, переделом/дележом: *«предметом передела стало государство».* То, что выглядит как восстановление государства 2000-х, является следующим этапом передела. См.: Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М.: РОССПЭН, 2006, с. 58–61.

ла») начала 2000-х, сопровождавшийся перераспределением денежных потоков в пользу «новых государственников», выделением им доли «дворцового имущества», прошел нелегко. Достижению «консенсуса» помогло то, что договаривались советские (по генетике, ментальности, инстинктам, навыкам) люди, приученные в позднесоветские времена, пользуясь государством, мыслить в категориях «большой государственности». Сработало и старое политическое мышление, «заквашенное» на страхе и привычке подчиняться власти/государству. Наконец, делились «старые» собственники тем, что «урвали» и присвоили в 90-е, а не наследовали по праву и не создали как «пионеры»-первооткрыватели. Легко пришло – не задержалось.

Итогом «передела»/«сговора» «нулевых» явилось не только то, что персонификаторы государства получили свой экономический плацдарм, а государство стало новым мощным коллективным бизнес-игроком, членом мирового бизнес-сообщества. В *результате такого усиления государства произошло* окончательное слияние государственной идеи с частным экономическим интересом, сращивание государственников с «олигархами» (в единый светский бизнес-культурно-политический бомонд), т.е. *окончательное оформление постсоветского «Дворца»*[607].

Хотя внешне ситуация, наверное, и выглядит так, как ее описывает значительная часть исследователей: «На рубеже 90-х годов Россия столкнулась с проблемой институциональной бессубъектности, общество атомизировалось... Институты власти оказались оторваны от социальной базы, перестали быть носителями и выразителями общественных интересов, быстрыми темпами стали расти коррупция и взяточничество. Произошло сращивание высшей государственной бюрократии и крупного капитала. В этих условиях центральная власть сделала ставку на государственную бюрократию как потенциального носителя новой национальной субъектности, противостоящего как бизнес-группировкам, так и политической элите. В рамках избранной стратегии начала проводить-

[607] В рамках «Дворца» действуют *тенденции и к национализации, и к приватизации*. Правда, первоначальный смысл этих явлений меняется: речь и в том и в другом случае идет *о переделах «дворцового» хозяйства*. На последние годы пришелся процесс очередной приватизации. Так, в ходе реформы РАО ЕЭС (последнее «дело» А. Чубайса) появились новые частные владельцы энергоактивов. И хотя с эффективностью у них не все в порядке, о чем заявил персонификатор государства В. Путин на совещании по энергетике в конце февраля 2010 г., они будут хозяйствовать. См.: Энергии не занимать (Выговор) // Newsweek. – М., 2010. – 1–7 марта. С. 8.

ся административная реформа... То есть была поставлена задача связать единым административным механизмом разрозненные бюрократические группы, как федеральные, так и региональные, ослабить давление на них со стороны бизнес-групп, региональных властей, криминальных структур»[608]. Этот *подход акцентирует идею «возвращения» государства.* Оно действительно расширило контроль над различными сферами общественно-политической, экономической и др. деятельности, но постольку, поскольку было нужно *этому* государству. Бюрократическая централизация 2000-х вовсе не предполагала восстановление социальной и национально-консолидирующей роли государства. Точнее, эта роль восстановилась настолько, насколько потребовалось для выживания и реализации «Дворца».

Включенность в «дворцовые» коммуникации, имеющие по преимуществу коррупционную природу, не позволяет крупным собственникам быть собственниками в полной мере (безусловными и независимыми – от «Дворца» – коммерческими субъектами). Как не дает стать и независимыми политиками; отказ от претензий на самостоятельную политическую роль – их плата за относительную свободу предпринимательства. В результате устранения большого бизнеса политика лишилась конкурентного измерения, отличавшего ее в 1990-е[609]. Ею завладели «административные элиты»; политика превратилась в отрасль администрирования. А верхушка группировок финансово-промышленного капитала была

---

[608] Бюрократия и власть в новой России. С.89

[609] В середине 1990-х речь шла о «семибанкирщине», на рубеже 1990–2000-х крупнейшие коммерческие структуры (напр., «Медиа-Мост») фактически играли роль (подменяли) политической оппозиции. Это не было просто политизацией бизнеса; монополистический капитал, стремясь к монополизации и политики, превратился в ведущего политического игрока. Политика приобрела отчетливо выраженное бизнес-измерение, превратилась в коммерческое предприятие; это качество сохранила и в 2000-е (Это фиксируют исследователи. См., напр.: 37, с. 72). Беда в том, что каждый бизнес-игрок отстаивал в политике только свои (а не общегрупповые, национальные) интересы, действуя неправовыми методами. В отсутствие корпоративной солидарности и механизмов защиты/представительства интересов бизнеса и в опоре на народ (постсоветское агрессивно-послушное большинство) власти легко было разобраться с «заигравшимися», «засветившимися» (известными «в лицо») «олигархами», скупив лояльность остальных, менее «буйных». *В ходе путинской «административной революции» зеркально поменялась диспозиция: выбив бизнес из политики и сведя ее до «теневых» технологий и управления «дворцовой» репутацией, административные элиты стали активными бизнес-игроками.* Понятно, что возвращение субъектности бизнеса (как и возвращение государства к административно-социальным ролям) возможно только на пути восстановления публичной политики (в т.ч. политических партий как институтов защиты и интересов бизнеса). Проблема в том, что *бизнес не стремится к субъектности, разменяв ее на гарантированные «Дворцом» сверхдоходы.*

интегрирована в систему бюрократического управления, «их экономические интересы внутри страны и за ее пределами стали частью государственных (точнее, «дворцовых» – *И.Г.*) интересов»[610].

В рамках «Дворца» не свободна и бюрократия: чиновник не может быть просто эффективным менеджером, – он должен участвовать в коммерческой деятельности «по-дворцовому». Так работает система; в ней *не могут возникнуть* независимые собственники, управленцы, художники, вообще самостоятельные социальные силы, – только «сословие», организованное статусно-иерархически и тяготеющее к «закрытию» в особый мир, живущий по своим законам в стороне от остального населения. Расширяя права и свободы «сословия», «Дворец» парадоксальным образом «гасит» его субъектность. Характерно, что к «сословию» неприменима такая характеристика, как гражданственность. В этой среде нет предпосылок для роста «я-субкультуры» в либерально-западном смысле слова. – Их «съедает» бесконтрольный и безграничный «субъективный материализм», разрывающий «сословие» на соперничающие кланы (прежде всего, по принадлежности к ведомствам – административным и коммерческим). Они сбиваются в «Дворец» только потому, что не выживут поодиночке. Это вынужденный «корпоративизм» без солидарности, открытой состязательности, инновационности (примитивный или *«корпоративизм простейших»*).

Следует отметить, что в рамках «Дворца» все же сохраняется напряженность по линии «формальный государственник» (государство) – «формальный бизнесмен» (бизнес). Это одно из правил «дворцовой» игры, условие «дворцового» существования. Размежевание имеет значение не только PR-средства: показать «не-Дворцу», что государство у нас есть, – и оно отдельно, а бизнес, как и положено в цивилизованном мире, отдельно. Такой PR действенен лишь отчасти: активно участвующая в постсоветской жизни часть граждан хорошо понимает его условность, а «Дворец» понимает, что они понимают. Размежевание важно, прежде всего, с экономической точки зрения: это основа для конкуренции и сотрудничества в рамках «Дворца». «Дворцовую» экономику создают и в ней соревнуются (на неправовой, нецивилизованной основе) формально государство и формально бизнес (большой и

---

[610] Цит. по: Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110), с.13

очень большой), – других акторов в ней нет[611]. Мелкий и средний бизнес, фермерство и т.п. – все это игры для «не-Дворца» (иначе говоря, игры с ограниченными возможностями).

Исторические причины «отмирания» государства в РФ

Модернизованный потсоветский «Дворец» кажется несовременным, архаичным типом государства. Отчасти это так. Прежде всего потому, что характеризуется глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В государстве и обществе отсутствует объединяющий, общий интерес, – они сосуществуют, не чувствуя каких-то обязательств друг перед другом. (Собственно, российская жизнь вообще не мыслится в коллективных категориях: это или индивидуальное выживание на грани возможного, или индивидуальное благоденствие. «Соборна» только ментальность: нам свойственно сливаться в большинство на уровне самых главных, «последних» ценностей – самоутверждения/ самовозвеличивания/«избранничества», имеющих терапевтический, компенсаторный характер. Их смысл можно передать формулой: мы – лучшие, победители; мы – можем!) Казалось, что такой тип отношений ушел в далекое прошлое – и не только европейское, но и наше, российское. Чтобы понять, почему он возобновился, да еще в таких ярких формах, следует обратиться к генезису государства в России.

Напомню, что «дворцовое государство» Ключевского – это историческая отсылка, указание на своеобразие государственной эволюции в России. Исторический Дворец сформировался в удельную эпоху; из него в XVI–XVII вв. выросло государство как социально-управленческая система (первое московское ведомство – Приказ Большого Дворца – появилось из дворцового управления князя, которое прежде всего представляло собой управление кня-

---

[611] Вот что говорят о специфике такой конкуренции бизнесмены: «…никакого противостояния и обособленности власти и бизнеса нет и, видимо, в ближайшие время не будет. Бизнес и власть переплетены теснейшим образом, все наше государство изрядно коммерциализировано. Бизнес связан как с отдельными чиновниками, так и с конкретными ведомствами. У чиновников есть свой бизнес, а у бизнеса – свои чиновники. И не бизнес противостоит власти или власть бизнесу, а одни государственно-деловые структуры – другим государственно-деловым структурам… Мы своим поведением развратили институты государственной власти до такой степени, что они уже не являются государственными институтами». Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. – М.: ОГИ, 2003., с. 40, 51. Можно, таким образом, говорить *о встречных процессах «захвата бизнеса» властью и «приватизации» бизнесом государства.* Вследствие чего в «верхах» сложилась определенная диспозиция, на которой и базируется «Дворец».

жеским имуществом[612]). Правда, в ходе эволюции российское государство полностью не «пережило», не «изжило» в себе «Дворец». То есть *сохранило идею государства как вотчины*: сначала – самовластного государя (самодержавие), затем – и именно на это указал В.О. Ключевский – сословия, которое выдвигает государя (самодержавие/дворяновластие). Черты «Дворца» (среди прочих и в смазанном виде) можно обнаружить и у дореволюционного, и у советского государства. Иначе говоря, они – среди прочего – были «Дворцом», включали коммуникации, имевшие «дворцовую» природу. Отсюда – их оценки как «сословных», «бюрократических», «номенклатурных», «антинародных» и т.п.

Но все же в относительно чистом виде «дворцовое государство» явилось, пожалуй, только в послепетровскую эпоху. («Расплавление» государства в Смутные времена, сопровождающиеся деинституционализацией, – явление другого порядка.) Тому было много причин; я укажу на одну, на мой взгляд, определяющую. Вспомним тезис Ключевского: «Московское государство – это вооруженная Великороссия». Он в полной мере относится также к Петербургской империи и СССР. Во все эпохи внешняя опасность, необходимость организации вооруженных сил страны требовали создания сильной централизованной власти, закрепощавшей сословия. *Военно-оборонный тип сознания стал определяющим для национальной ментальности*[613]. Более того, *национальное объединение происходило только на военно-оборонной основе*. В начале XVIII в. петровский милитаризм и имперство потребовали жертв

---

[612] Его описание см., напр.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993, с. 61–76, 91–100. «Дворец» был «следствием» вотчинного взгляда на государство как на частную собственность своего хозяина. До конца Рюриковой династии в московском государе, как говорит Ключевский, «борется вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». Цит. по: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. – М.: Наука, 1991, с. 108. Таким же было «понятие о власти», господствовавшее в «русском политическом мышлении»: «До 1598 г. на московского государя смотрели, как на хозяина земли, а не народа». Ключевский В.О. Указ.соч., с. 135–136. Петр формально отказался от вотчинника в пользу государя, модернизировав тем самым верховную власть. Однако вотчинник не исчез, а глубоко скрылся, растворился в государе.

[613] И.М. Клямкин указывает: отношения народного (прежде всего – крестьянского) большинства с государством исторически выстраивались в России по «военной модели»; «политической альтернативы этой модели в народной культуре изначально не было, а ее формирование властями блокировалось»; «в вопросах, касающихся отношений с государством, ... ценностно не отчленились друг от друга военная и мирная составляющие». Государственность приобрела милитаристский характер. Особость отношений государства и народа «рельефнее всего» проявилась в советскую эпоху: своеобразное «историческое и культурное содержание было облачено в советские институциональные и идеологические формы». Клямкин И. Постмилитаристское государство // Российское государство: Вчера, сегодня, завтра. – М., 2007, с. 14, 15.

от всех сословий; среди прочих – от дворянства. Его «впрягли» в службу, подобную крепостной (своего рода «элитарное» тягло) и требовавшей полного самоотречения. Петр не только перенапряг силы крестьянской России; он всячески (по-человечески, политически, экономически) истощил высшее сословие[614]. Единственной потребностью дворянства были отдых, расслабление; оно желало демобилизации.

Минимизировать претензии верховной власти к дворянству можно было только минимизировав саму верховную власть, поставив ее в зависимость от сословия. Возможности для этого создал сам преобразователь. Послепетровская эпоха стала временем борьбы дворянства за свои права и избавление от обязанностей, собственно оформления сословия – не как служилого, а как господствующего, привилегированного, управляющего. И ограничения в связи с этим верховной власти – не ее самодурства, но вотчинного потенциала. Момент был подходящий: европейская ситуация была такова, что Великороссия могла не вооружаться: она на время выбыла из большой европейской игры, о ней забыли[615]. *В период мирной паузы («передышки») и возник «Дворец»* как результирующая дворянского стремления к освобождению от службы государству и к материальному насыщению, жизни «для себя». *В нем реализовалась идея государства как царско-дворянской вотчины.*

В подобных условиях – отсутствия внешнего врага и очевидных внешних угроз в их традиционном понимании, эмансипации управляющих и расширения возможностей их самореализации

---

[614] Вот что пишет В.О. Ключевский о «следствиях безмерной работы», какую Петр «задал народному труду»: «Лихорадочная деятельность Петра до времени прикрывала крайнее истощение сил страны непосильными тягостями, наложенными на народный труд. Иноземные послы уже за год и больше до смерти Петра догадывались об этом платежном изнурении и писали, что страна не в состоянии ничего больше давать и что единственным еще способным к растяжению финансовым ресурсом остается деспотическая власть царя, не признающая за подданными права собственности». Ключевский В.О. Указ.соч., с. 146. Последняя фраза, пожалуй, самая важная в этой цитате. Отрицание за собственниками прав собственности, жертвование частными интересами во имя общих (национально-государственных), найденных «наверху», – вот что сближает мышление «лучших государственников» (царственных деспотов/любимых народных царей) с мировоззрением русского крестьянства, составившего количественную и качественную основу советского народа.

[615] «Для Петра важно было значение дворянства как орудия управления и еще более как военно-служилого класса… Хозяйственное положение дворянства занимало преобразователя только по связи его с военно-служебной годностью сословия. Военная служба дворянства стала менее нужна правительству благодаря затишью, наступившему в Западной Европе и в России после войн за испанское наследство и Северной» Ключевский В.О. Указ.соч,, с. 156.

вне государства – возник постсоветский «Дворец»[616]. Только в этом он и походит на «классическое», послепетровское «дворцовое государство». Которое, к слову сказать, «закончилось» в Отечественной войне 1812 г., вновь заставившей всю Великороссию вооружиться и служить – Отечеству. Тогда дворянство показало пример службы как самоотречения, что, видимо, есть единственная «площадка» для консолидации русского мира («элит» и народа). Об этом – «Война» (связанная с нею часть эпопеи) Л.Н. Толстого.

Трансформация советского «государства трудящихся» в постсоветское «дворцовое» происходила в исторических условиях, в каких-то основных чертах напоминающих послепетровский XVIII век. *Во многом это следствие* (реакция на) *эмансипации управлявших «верхов», закрепощенных в государстве, и эксплуатировавшегося народа, закрепощенного государством.* Эмансипация продолжалась весь послесталинский (вновь уточню: послевоенный) период: освободившие себя (после смерти «Хозяина») «верхи» инициировали и «низовую» (массовую) эмансипацию. Она, так же как и «элитарная», имела преимущественно частно-потребительский характер: не освободила «дух», но раскрепостила владельческие, материалистические инстинкты.

Процесс всеобщего раскрепощения сдерживался только военно-оборонными задачами: ситуация «холодной войны» не давала окончательно разрушиться «тюремно-крепостному» (или мобилизационному, требовавшему всеобщего напряжения и самоограничения) порядку. Тем не менее следствием постоянного «послабления режима» стало всеобщее бегство в потребительство и воровство. Последнее представляло собой единственно возможный в советских условиях (монопольного владения государством «доходной материей») вариант перераспределения наличной материаль-

---

[616] Об испытании России «невоенным» вызовом говорил И. Клямкин, правда, оценивая ситуацию как уникальную: «Россия впервые оказалась перед вызовом, с которым никогда раньше не сталкивалась: вызовом миром, т.е. отсутствием угрозы большой войны. По крайней мере – со стороны Запада. Жизнь в условиях мира трудно давалась России всегда, она не выработала необходимые для такой жизни способы консолидации общества. Но если раньше это компенсировалось войнами и военными угрозами, то распад СССР – первое, до конца еще не осмысленное проявление того совершенно нового вызова... России предстоит осуществить модернизацию при отсутствии угрозы большой войны». Экспериментальный диалог на заданную тему // Западники и националисты: Возможен ли диалог? Материалы дискуссии. – М.: ОГИ, 2003.с. 14, 15. Определяющим для И. Клямкина является вопрос: «В старой парадигме реального или потенциального военного противостояния конкурентоспособность обеспечивалась политическими, административными и прочими инструментами, в значительной степени насильственными. Чем они могут компенсироваться сейчас?» Там же, с. 39.

ной субстанции – *помимо государства, но используя возможности государства*. Бегство становилось все более явным по мере того, как девальвировался образа «врага». Он стал исчезать из ментального фундамента советского государства, изначально строившегося на «противостоянчестве», «вражеском» комплексе, эксплуатации массовых страха и агрессии, идеологии избранности (мы – вне и над остальным миром). «Враг» все больше становился образцом жизни «для себя», идеальной моделью современного потребления.

Исчез «Запад–Враг», оставив по себе только антизападнические комплексы, – *у государства отпала необходимость удерживать народонаселение в состоянии постоянной мобилизационной готовности, а значит, и обеспечивать его, о нем заботиться*. Вместе с тем, *не стало главной национальной задачи/идеи, интегрирующей население в народ и связывающей его с государством*. Процесс демилитаризации/«демобилизации» на рубеже 1980–1990 гг. принял обвальный характер, перейдя в распад/разложение[617]. В результате сворачивания военно-оборонной функции (более того, миссии глобального противостояния) *государство перестало работать как эффективный социальный механизм*, нейтрализующий угрозы/риски и направляющий/стимулирующий развитие. Оно сосредоточилось на себе, занято теперь только собой, приобрело узкосоциальное («сословное») измерение.

«Дворец» – «не-Дворец»: единство и борьба противоположностей

В результате «антикоммунистической революции» в России «элиты» сбросили с себя бремя забот о «народе», а народ избавился от необходимости трудиться на государство. Сосредоточение

[617] История страны в XVIII–XX вв., по мнению И.М. Клямкина, вообще, может быть, представлена как «циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада… Демилитаризация… начиналась с дозированного предоставления прав и завершалась юридическим самоограничением верховной власти в пользу выборного института народного представительства… Но тут-то и выяснилось, что при отсутствии укоренившегося невоенного понятия об общем интересе интересы частные и групповые, освобожденные от дисциплинирующей милитаристско-закрепостительной скрепы, оказываются непримиримыми. Институты народного представительства, созывом которых завершались оба демилитаризаторских цикла (и послепетровский, и послесталинский), не столько консолидировали общество, сколько выявляли его неконсолидируемость. Но и старые институты, будь то самодержавие (… монархическое или коммунистическое) или церковь (православная либо в виде коммунистической партии и ее идеологии), при трансформации военного понятия об общем интересе в невоенное обнаруживали в конечном счете свое бессилие». Клямкин И. Постмилитаристское государство // Российское государство: Вчера, сегодня, завтра. – М., 2007.с. 16, 18.

господствующих групп на личных интересах, торжество «наверху» ничем (правом, моралью, «мнением народным») не ограниченного «субъективного материализма» стало главной причиной трансформации «государства трудящихся» в «Дворец»[618]. Он нацелен исключительно на перераспределение власти и собственности, сохранение созданных для такого перераспределения условий. Это и есть стабильность «по-дворцовому».

Постсоветское государство не нуждается в предельной консолидации и принуждению к службе господствующих групп, создании условий для всеобщего принудительного труда, суровом режиме внутреннего подавления, жестком механизме извлечения и централизованного распределения совокупного прибавочного продукта. Оно *избавилось от бремени, отягощавшего российское государство во времена Московского Царства – Петербургской империи – СССР, т.е. почти всегда.* В современных условиях насильственно чрезвычайные способы контроля, интеграции и эксплуатации социума стали не целесообразны, излишни. «Освобожденное» государство живет для себя и «в себе», ограничив до минимума, необходимого для самооправдания, «несущие» функции управления (административное, хозяйственное и судебно-правовое регулирование, поддержание внутренней и внешней безопасности и

---

[618] Внешность этого новообразования говорит сама за себя. «Дворец» должен быть роскошен, – и средств на это не жалеет. Смелый до безрассудства и откровенный до бесстыдства, «Дворец» снабжен массой церемоний и презентаций (собственно, «Дворец» – это сплошная церемониально-презентационная часть, на фоне которой быт и нравы советских элит выглядят вполне «совковыми»). Прикрываясь тайной, этим необходимым атрибутом «деловой» жизни, «Дворец» в то же время не прочь себя показать – для полноты самоутверждения требуются зрители. Роскошен «Дворец» не только в домашне-семейно-праздничном быту, но и на работе. Вот один из характерных фактов: «1 июня 2010 г. на сайте госзакупок появилась информация о госзаказе. Заказчик – Министерство финансов – информировал о том, что ему нужны два стола (компьютерный и переговорный) и двадцать стульев из дерева, инкрустированных позолотой, на общую сумму 2,5 млн. рублей! В требованиях к изделию было указано, что «поверхность рамки столешницы должна быть отшлифована и окрашена в цвет ореха ручным способом, что позволяет сохранить уникальность текстуры и неповторимость узора дерева». Кроме того, предполагалось наличие кожаной вставки в столешнице с золотым тиснением по периметру. Для позолоты планировалось использовать золотую фольгу высокой пробы. На фоне заявлений ... о намерении экономить – в ближайшие три года ведомство планирует сократить число федеральных чиновников на 20% – подобный заказ выглядел совершенно скандально. Видимо, это поняли и в Минфине. 15 июня заказ был отменен, а само его появление ведомство объяснило случайно вкравшейся ошибкой. К слову, Минфин не единственное ведомство, имеющее вкус к дорогой обстановке. Золоченую мебель в прошлом году также покупало Министерство внутренних дел. В августе 2009 г. на сайте госзакупок появилась информация о конкурсе на приобретение мебели и предметов интерьера на 24,4 млн. рублей. В заказе МВД ... фигурировала кровать из массива европейской вишни, декорированная «тонким слоем золота – 24 карата». См.: Стулья из дворца // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23, с. 14.

т.д.)[619]. Вследствие этого *нарастает неуправляемость, а государство все больше уподобляется спасателю* (становится чем-то вроде «большого МЧС»), вынужденно реагируя на чрезвычайные ситуации[620]. Это обессмысливает его существование как социально-управленческой структуры: государство как бы сворачивается, отменяет себя. Или, как предрекали классики марксизма-ленинизма, «отмирает». Кажется, что «Дворец» – это форма «отмирания» в России государства как социального института, обслуживающего нужды всего общества и определяющего его перспективы.

Главный «raison d'ктre» современного российского государства – в том, что на наших пространствах оно всегда гарантировало порядок и стимулировало развитие, обеспечивало внешнюю, оборонительно-наступательную функцию, а до недавнего времени воспринималось как «общенародное» (а отчасти и было таковым). То есть *основания легитимности «Дворца» – в прошлом*. Кроме того, «Дворец» не жалеет средств на продвижение собственного образа, сконструированного в соответствии с воспоминаниями и актуальными «пожеланиями» граждан, – как раз тех, которые «свободны», т.е. брошены им на самообеспечение. *«Дворец-medium» пытается замаскировать реальность, имитируя «кормящее», социально справедливое и ответственное государство.*

С точки зрения «Дворца» социум ужался до «ограниченного контингента», необходимого для «дворцового» обслуживания[621]. Это по разным подсчетам, от 10 до 15–17% населения, связанных с относительно эффективными хозяйственными секторами, в которых фокусируется экономическое оживление[622]. То есть с тем,

---

[619] О впечатляющих результатах его деятельности много писали. Из обобщающих (и лишенных каких бы то ни было псевдонаучных спекуляций) работ последнего времени см., напр.: Галкин А.А. Смутные времена: Последствия и уроки // Полития. – М., 2009. – № 3(54), с. 16–23; Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54), с. 67–74.

[620] Это со всей очевидностью продемонстрировала ситуация с аномальной жарой, лесными пожарами и экологическими кризисами в мегаполисах европейской России в июле-августе 2010 г.

[621] Хотя обслуживание – общая функция прослойки, значительная ее часть занята этим прямым и непосредственным образом. Так, по данным Министерства здравоохранения и соцразвития России, в стране около 20 млн. человек являются домашними работниками. Они занимаются вовсе не только уборкой и часто высоко оплачиваются: например, труд нянь в Москве стоит от 20 до 40 тыс. руб. в месяц, семейных водителей – от 30 до 60 тыс. См.: Няня в законе // Итоги. – М., 2010. – 8 марта, с. 7. Большая часть таких нянь и водителей, а также врачи, репетиторы, повара, парикмахеры, банщики и т.п. являются «дворцовой» обслугой, работают в сфере «элитарных» услуг.

[622] Как выясняется, определить «прослойку» в количественном отношении довольно сложно.

что составляет «дворцовые» владения. Достаточно аморфная «придворцовая» прослойка, создающая доходы «Дворца», но с них и живущая, – не просто сфера «дворцового» обслуживания. Это своего рода «подушка безопасности» «Дворца», его социальная база, придающая ему устойчивость. Сюда он может расширяться, – правда, до определенных пределов. Чрезмерное расширение, видимо, ведет к перерождению «Дворца» – во что-то другое. *Остальное население (не «Дворец» и не сфера его обслуживания)*[623] *свободно – и от государственной службы, и от государст-*

Понятно, что по своим параметрам она должна принадлежать к российскому среднему классу. Однако вопрос о том, что это такое, нашей социологической мыслью пока не решен. Наиболее авторитетные мнения на этот счет таковы. Институт социологии РАН считает «среднеклассовость» массовой, определяет эту массу как «средние слои», «относительно благополучные на общероссийском фоне», и относит к ним не менее трети или 33% населения (данные 2008 г.). См.: Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII), с. 6, 10–12.

По самым общим подсчетам ВЦИОМ, в этот слой входит не больше 16% населения, имеющих очень странные для классического среднего класса потребительские параметры – «денег хватает на все, кроме новой машины, квартиры и дачи». Кризис в головах: Интервью с гендиректором ВЦИОМ В. Федоровым // Итоги. – М., 2008. – 15 дек., с. 64. Ту же цифру – 16% населения (2007 г.) – называют исследователи Независимого института социальной политики (НИСП), указывая, что границы среднего класса с 2000 г. не расширяются. См.: Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. – М.: Гендольф, 2003, с. 432; Головляницина Е.Б. Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // Мир России. – М., 2009. – № 4 (Т. XVIII), с. 34.

Очевидно, что во всех случаях к «среднему классу» отнесены разные совокупности «срединных слоев», «не проигравших» (в той или иной мере и по сравнению с менее успешными) от социальных перемен. Тогда «прослойкой» можно считать выигравших в «страте» не проигравших. Это те, кого Институт социологии называет «верхним слоем среднего класса» – 6–8% населения (2008 г.). ИС РАН устойчиво (с 2000 г. по 2007 г.) относит к «ядру» среднего класса 7% российских домохозяйств с наиболее высокой концентрацией признаков «среднеклассовости». По подсчетам Левада-Центра, группа «выигравших» в 1990-е и в начале 2000-х стабильно составляла 7–8% населения, а за последние годы выросла до 11–12%. «Выигравшие» «стоят» за тот порядок, который сложился на настоящий момент, – лишь бы он не слишком сильно им докучал. См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII), с. 28.

Итак, от 6–8 до 11–12% (в среднем – 10% населения) «выигравших» («авангардный сегмент» «не-Дворца» или новый средний класс) – это «прослойка» между «срединными» слоями (большинством населения России) и «Дворцом». Экономически она явно тяготеет к «Дворцу» (не случайно, общественным мнением относится к богатым). А поэтому вряд ли целесообразно приплюсовывать ее к «срединным», т.е. основе «не-Дворца». «Прослойка» не обладает явно выраженными признаками гражданственности, а потому весьма сомнительна ее способность реализовать инновационный сценарий развития страны.

[623] «Недворцовую» массу составляют «срединные» слои, более или менее благополучное большинство социума, и «очень нуждающиеся». Все они в той или иной мере обездолены, что и объединяет их в «не-Дворец». Их главная жизненная установка – «как бы не было хуже». Гудков Л.Д. и др. Там же. Кто же составляет эту «недворцовую» массу?

По данным ВЦИОМ, «численное большинство нашего населения» – порядка 45–55% – «до среднего класса не дотягивает по материальным показателям, но и бедными их тоже трудно назвать. Им хватает и на еду, и на одежду, но покупка бытовой техники, скажем,

венных забот. Оно «Дворцу» просто не нужно, так как не рассматривается им в качестве мобилизационного и трудового ресурса. (Соответственно, «Дворец» отказывается от обслуживания в полном объеме разных сфер социальной деятельности: от «больших» искусства/культуры – в пользу «дворцовых», «большое» сельское хозяйство заменяют пригородные экологически чистые

холодильника или электроплиты, для них уже проблема. При этом они ориентируются на образ жизни, стиль потребления среднего класса как на образцовый» (22, с. 64). ВЦИОМ выделяет также «многочисленную группу бедных (их примерно 24–28% от всех россиян) и тех, кто за чертой бедности (их еще от 7 до 10%)». То есть «не-Дворец», по показателям ВЦИОМ, – это от 76 до 93% населения (или, в среднем: порядка 10% – «за чертой», около 25% – «бедные» и 50% – «срединные». Остается, напомню, еще 16% – на наш странный средний класс).

Еще один вариант стратификации предлагает Институт социологии РАН. Прежде всего, выделяет 33% «срединных слоев», что есть предельный уровень благополучия в современной России (ресурс их дальнейшего расширения «практически ограничен»). Следующий уровень – обездоленные. По данным ИС РАН, весной 2008 г. 59% населения России характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности» (16%), балансирующие «на грани бедности» или «нуждающиеся» (16%) и в состоянии «малообеспеченности» (27%).

Как видите, цифры расходятся, причем значительно: «не-Дворец» – это, скорее всего, от почти 60% до более, чем 80% населения. Из них от 30% до почти 40% – бедные и очень бедные слои. В любом случае, оставить за «бортом» *такую* массу – это очень сильная государственная стратегия. В основном мирно согласиться остаться за «бортом» – не менее сильная человеческая стратегия. Применить ее способна только дезорганизованная и деморализованная, атомизированная, анархо-государственническая масса. *Она – «не-Дворец» именно потому, что она такова.*

Для характеристики «не-Дворца» с качественной точки зрения важны следующие обстоятельства. Социологи констатируют факты «консервации бедности» и формирования «субкультуры бедных», отсутствия у «нуждающихся» свободных денег (т.е. какого-либо «запаса прочности»), концентрации малообеспеченных в «малой России» (так, 67% малообеспеченных и 75% нуждающихся «из числа работающего населения» сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения таких городов среди работающих составляет около 60%). См.: Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII), с. 5–10. Что касается *«срединных» (или промежуточных: уже не «низших», но еще и не «дворцовой обслуги»)* слоев, то их перспективы исследователи описывают так. Если экономический рост укрепляет материальное положение наиболее обеспеченных доходных групп, а прямое регулирование доходов дает некоторый результат в зоне бедности, то «промежуточные» оказались за кадром экономической и социальной политики; «импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни населения, сюда либо вообще не доходят, либо доходят в усеченном виде… Представители этой страты не участвуют в экономическом росте и не ощущают его результатов, а лишь наблюдают за ним. Это означает, что для абсолютного большинства граждан экономический рост – не панацея. Возможности прямого регулирования доходов в действующей парадигме не безграничны, и ее сохранение означает в лучшем случае стабилизацию доходов, но не существенное улучшение материального положения основной массы населения». Малева Т. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшие десятилетия: Сб. ст. – М., 2004, с. 81. И последнее. Судя по описаниям, перспективы «не-Дворца» таковы: при малейших неблагоприятных экономических колебаниях, скорее, «срединные» пополнят «зону бедности», чем наоборот. В целом *ситуация может не восприниматься как катастрофическая только очень закаленным человеком. То есть нашим человеком.*

«дворцовые» хозяйства, «большая» наука редуцируется до Сколково и т.д.) – Это совершенно особый случай в нашей истории. Государство в России всегда – по разным (но чаще военно-оборонным) причинам – нуждалось в населении: «догоняло» и закрепощало, использовало и вовлекало, просвещало и воспитывало его. Но не игнорировало. Сейчас государство – само по себе, основная масса народонаселения – сама по себе. У государства для населения нет больше ни идей (предлагаются только старые, «потерто-заношенные»), ни занятий. У населения к государству остались только претензии – социально-экономического характера.

В этой диспозиции явно проигрывает «не-Дворец». Все, что сейчас в России «Дворцом» не является, обречено – во всяком случае, в ближайшей перспективе. По существу, для выживания «не-Дворец» должен искать независимые от государства источники самообеспечения (в том числе «кормовые» на старость, временную нетрудоспособность), что чаще всего достигается неправовыми способами[624]. Следует отметить, что у населения богатый опыт такого рода: при «избытке» или «недостатке» государства в России в дефиците всегда была его социальная функция. Люди исторически приучены выкручиваться как умеют. Сейчас общение с государственными органами сведено до минимума; к ним обращаются вынужденно, когда нет иных вариантов решения проблем.

В конечном счете, *нынешняя обреченность «не-Дворца» не является фатальной*; воля – это его шанс стать обществом, сформировать запрос на отмену «дворцового государства». Но пока «не-Дворец» остается дезорганизованной, атомизированной, «асоциальной» массой, занятой выживанием и обучающейся современному потреблению. Для этого применяет в основном незаконные и нецивилизованные стратегии. В этих условиях запрос на то, чем нам быть, за массу формирует «Дворец». И масса не возражает. Если это и кажется странным, то только на первый взгляд.

---

[624] Социологический факт: большинство сложившихся в России социальных сетей, которые были и остаются важным дополнительным ресурсом выживания, носит неформальный характер. В этом «проявляется явное недоверие значительной доли российских граждан к формальным институтам». Горшков М.К. Указ.соч., с. 14, 15. Закономерно, что только 26% опрошенных в июле 2005 г. во всех территориально-экономических районах России разделили следующую точку зрения: во всем и всегда следует соблюдать букву закона. Кстати, среди госслужащих ее поддержали 58% опрошенных. См.: Бюрократия и власть в новой России. С. 101–102. Очевидно, что приверженность правовой дисциплине – не личная установка и не просто декларация: скорее, предписание рядовым гражданам, с которыми чиновники себя не ассоциируют. *Закон выглядит как формальное ограничение для «резервации»; те, кто стоят над ней, – выше закона.*

Это массовое согласие на «Дворец» объясняется не только «хорошими» воспоминаниями и всеобщей усталостью/безразличием. Отношения массы «недворцовых» россиян с государством чрезвычайно сложны: противостоя ему (как враждебной, внешней, подавляющей их силе, не способной наладить механизмы социальной защиты, справедливого распределения ресурсов, благ), она в то же время настроена на сотрудничество. Многочисленные постсоветские социологические опросы показывают, что «государственные и общественные институты не пользуются поддержкой и доверием россиян. Они не рассматриваются ими в качестве инструментов реализации общественных и личных интересов»[625]. При этом, по данным тех же опросов, и сегодня понятия «государство» и «государственные служащие» вызывают у наших граждан скорее позитивное чувство (тогда как «власть» и «чиновничество» – негативное)[626]. Любопытно, что и «у самой бюрократии термин «чиновники» связан с негативными ассоциациями. Ей больше по душе, когда ее представителей называют государственными служащими»[627].

Получается, что у людей есть четкие представления о том, каким должно быть государство, которое они сочли бы «своим». И именно эти представления их объединяют, – здесь расхождений у абсолютного большинства граждан нет. Более того, по их мнению, государство в принципе должно быть «своим» (народным) и никаким другим, – отсюда позитивное отношение к «госслужащему» как «единице» народа, интегрированной в государство. В конечном счете, *наш идеал – не отделение от государства, его дополнение гражданским обществом, а неразделимое единство народного государства и народа-государственника.* В этой логике восстать народ может только против «неправильного» («самозваного») государства, что, по существу, есть восстановление справедливости, а потому ненаказуемо. Другой вариант отношений с таким государством – обман, «кидук», отчуждение. «Власть и бюрократия» – «маркёры» «чужого», «не нашего» («переродившегося», «ненормального») государства, которому что-то (точнее, кто-то – «враги», «заговорщики», «мировое закулисье», т.е. персонифицированное зло, вечные спутники русского человека – «темные силы») мешает быть «народным».

---

[625] Бюрократия и власть в новой России. С.97
[626] Там же, с.92
[627] Там же

Устойчивое ощущение государства как ценности воспитано историей и навязано властными репрезентациями о государстве трудящихся, где совпадали коренные интересы государства и населения. Перенесение восприятия с советского государства на постсоветское выглядит как ошибка атрибуции. Представляя государство по воспоминаниям (т.е. усвоенным в прошлом представлением о «дулжном»), постсоветские граждане в действительности имеют дело с совершенно иным, чем представляется, феноменом – «Дворцом», основанном на коренном несовпадении интересов. Конфликт между реальным и дулжным/идеальным снимается применением двух стратегий. Во-первых, массовое отчуждение от «Дворца» компенсируется ростом потребности в «дулжном» государстве. Как свидетельствуют опросы, «социальная и правовая незащищенность... усиливает роль государства и его институтов для значительной части общества. Более 60% населения утверждает, что без помощи и поддержки государства им не выжить»[628]. И это уже не ошибка восприятия, а правда. Этим объясняется «поддержка большинством населения различных вариантов национализации крупных «олигархических» бизнес-структур... Консенсусной социально-политической ценностью последних лет является усиление роли государства во всех сферах жизни, его социальная ориентированность»[629]. Более того, «чиновники и рядовое население едины в одном, что защита гражданских прав россиян, в первую очередь от произвола государственных органов, должна находиться под «патронажем» самого государства»[630]. Такое «мирское согласие» напоминает единство овец и волков: овцы делегируют свои права и обязательства их защищать волкам. Правда, в оправдание «овец» следует сказать, что они отказываются от малозначимых (на их взгляд) для выживания прав в пользу «хороших волков» – такого государства, каким оно должно быть.

Вторая стратегия демонстрирует жесткий прагматизм постсоветского массового человека: четверть трудоспособного населения желала бы сейчас стать госслужащими, обеспечив себе «надежность работы и заработка, возможность попасть в круг «нужных»

---

[628] Там же, с.88. Показательно, что по данным опроса Левада-Центра весны 2009 г., 54% респондентов убеждены: возможности выхода России из экономического кризиса полностью зависят от действий правительства. См.: Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54), с. 72–73.
[629] Там же
[630] Там же, с.100

людей, получать социальные льготы и гарантии»[631]. Приблизиться к «Дворцу», хотя бы на уровне «обслуживания», – так население пытается в новых условиях сблизить свои интересы с государственными. Иначе говоря, предполагает «попользоваться» если не самими «дворцовыми» возможностями, то хотя бы их остатками (своего рода согласие на существование по «остаточному» принципу). Это малопривлекательная с морально-этической точки зрения, но вполне расчетливая жизненная стратегия. Правда, эффективно применить ее смогут немногие.

Обе стратегии выживания – «фантазера»-бунтаря, исправляющего реальность в воображении и ожидающего претворения в жизнь воображаемого, и пассивного пользователя – скорее ориентируют на сотрудничество с тем, что есть, чем на активное переустройство. Точнее, не оставляют места перестроечной инициативе. «Общество охотно, по крайней мере без значительного сопротивления, передает государству свои прерогативы, такие, например, как выборы местной власти, формирование партийной системы, социальная и трудовая защита». Государство наделяется гражданами значением «компетентной» инстанции, единолично отвечающей за положение коллективных дел («коллектив» при этом не «сведущ», не влиятелен – бессубъектен)[632]. Отчуждение основ-

---

[631] Там же, с.102-103

[632] Многие российские социологи и политологи выделяют в российском обществе несколько «мировоззренческих» групп: «традиционалистски и патерналистски настроенные» слои (за 2006–2009 гг. их доля возросла с 41 до 47%, в молодежной среде – с 29% в 2004 г. до 39% в 2009 г.); «модернисты», «в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы» (этот слой сократился с 26% до 20%; в возрастной категории до 25 лет – с 37% в 2004 до 27% в 2009 г.); «носители промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма (их доля устойчива – 33%). Главное «мировоззренческое» различие исследователи видят в отношении к всевластию государства и свободе личности. Если «модернисты» предпочитают индивидуальную свободу, то «традиционалисты» и «промежуточные» (порядка 80% населения, т.е. абсолютное большинство) – «этакратическую модель», с всевластным государством, в идеале выражающим интересы общности в целом и обеспечивающим ее безопасность. Однако всех примиряют экономические воззрения, *представления о роли государства в социально-экономической жизни, являющиеся несущей конструкцией мировосприятия россиян*. Здесь даже «модернисты»/«инноваторы» солидарны с остальным населением. Главная массовая установка – «доминирование государства в экономике, в управлении собственностью»: по общему мнению (оно разделяется большинством в любой демографической и социально-профессиональной группе), все отрасли «стратегического» характера (добывающие, электроэнергетика, транспорт и др.) должны быть «в руках» государства; в «нестратегических» возможна смешанная экономика, но под государственным контролем (его цель – согласование интересов частного капитала с интересами общества в целом). См.: Горшков М.С. Указ.соч., с. 17–19. Российская рыночная экономика («реальный» капитализм, пришедший на смену «реальному» социализму) большинством россиян отторгается как не соответствующая идеальной модели. *И сам идеал, и отношение к реальности (отчуждение от нее в ожидании чуда), в конечном счете, ориентируют нашего*

ной массы населения от властных функций принимается как факт – «то ли как естественное следствие разделения труда, неизбежность, то ли как удобное положение вещей, позволяющее большинству людей заниматься своими делами»[633]. И, добавлю я, не чувствовать персональной ответственности за происходящее.

При этом большинство глубоко переживает несправедливость государства (точнее, своего положения в системе, созданной государством), продуцируя постоянно высокий конфликтно-протестный социальный фон[634]. Его, кстати, поддерживает сам «Дворец» – прежде всего, информационными средствами. Симуляция общего – государства и народа – переживания несправедливости, затушевывание сущностной порочности «Дворца» риторикой несовершенства государства и недостатков отдельных государственных лиц снимают напряжение, не позволяя недовольству превысить социально допустимую норму. В итоге *сопротивление перерабатывается в сотрудничество*; «не-Дворец» оказывается неспособным изменить социальную диспозицию, а время делает ее привычной. «Недворцовая» масса, главный адаптационный механизм которой – жизнь «по привычке», по принципу «стерпится», со временем все больше свыкается с «Дворцом».

Зачем «Дворцу» президент?

В отношениях «сословие–народонаселение» «Дворец» – сильнейшая сторона. По праву сильного он и снял с себя всякие обязательства, оставив их при этом за слабейшим. Вроде бы преобладание «Дворца» бесспорно и не ограничено; составляющему его «сословию» не о чем беспокоиться. Однако неопределенности и

массового человека на попустительство произволу государства, а не на его ограничение. Единственный выход, который оставляет для себя русский человек, – бунт: тихий, индивидуальный («уход в себя») или карнавально-массовое буйство. И то и другое – стихийно, не формализуемо, не способно преобразоваться в социальную альтернативу. И предполагает появление лидеров-бунтарей (атаманов-царьков), но не эффективной оппозиции.

[633] Бюрократия и власть..., с.88, 97, 102

[634] На таком фоне вполне естественной, скажем, выглядит реакция граждан на убийства в Приморском крае в июне 2010 г. милиционеров. Преступники вызвали не осуждение, а массовое сочувствие. См. об этом, напр.: Уссурийские игры // Русский Newsweek. – М., 2010. – 14–20 июня. – № 25(293), с. 12–16. Еще не разобравшись в происходящем, граждане назвали мифических злодеев «приморскими партизанами», и злорадствовали, когда во Владивостоке милиционеры перестали ходить поодиночке – только группами и в зеленых армейских касках. Это очень походит на отношение «аборигенов» к оккупантам. Уссурийские «партизаны» явно рассматривались как управа на милицию, а убийства – как справедливый самосуд. Стихийная массовая антигосударственная реакция – серьезный сигнал «дворцовому» государству.

риски в рамках такой – несправедливой, неэффективной, с нормальной точки зрения противоестественной (т.е. антицивилизационной, отрицающей культурный опыт, современные культурные достижения и нормы) – системы так велики, что для обеспечения максимально благоприятных условий существования «сословие» готово идти на самоограничения. «Дворец» нуждается в налаженных внутренних коммуникациях (для предотвращения войны в «верхах» за «место» – доступ к «дворцовым» прибылям) и хотя бы символическом внешнем представительстве. Для этого господствующие группы «призывают» верховную власть.

Наше «выборно-преемническое самодержавие» и в начале XXI в. – после всех усилений, «вертикализаций», борьбы с «аристократическим» элементом за свои права – остается «договорным». Оно, прежде всего, – результат «сговора» (закулисной «сделки») «элит», т.е. «дворцовых» акторов[635]. При этом, чтобы эффективно служить «Дворцу», верховная власть должна быть (или хотя бы выглядеть) самостоятельной («не сделочной»), сильной, стабильной и национальной (точнее, национально-религиозной – как «борец» за «русскую народность» и православную веру). Ее возвышение – в интересах «дворцовых» акторов.

«Договорно-самодержавный» президент – глава корпорации «Россия–Дворец», ее охрана/«крыша», арбитр/модератор. В то же время – лидер одной из дворцовых «группировок», делегированный на самый верх с целью создания льготных условий для «своих». Экономическое могущество верховной власти основывается

---

[635] «Договорное» означает ограниченное – не столько с формальной точки зрения (по Конституции), что для России не существенно, сколько по факту: прежде всего, бизнес-«аристократией» («олигархами»), отчасти демократическими структурами (партиями, парламентом), «клановой» конкуренцией и т.п. Ограничение «по факту» напоминает ограничения, навязанные власти в XVII–XVIII вв. Характеризуя положение самодержавия после 1598 г., В.О. Ключевский пишет, что в XVII в. боярство («знатные фамилии» или «фамильные люди», «родовая аристократия») «...освоилось с мыслью о договорном царе; но, исходя из правящего класса, а не из народной массы, заслуженно ему не доверявшей, эта мысль всегда стремилась отлиться и... отливалась в одинаковую форму закулисной сделки, выступившей наружу в виде добровольного дара власти либо проявлявшейся в ослабленных браздах правления. *Такая форма была выходом из положения между двух огней, в которое попадали люди, чутьем или сознательно пытавшиеся исцелить страну от болезненного роста верховной власти.* Дело 1730 г. было седьмой попыткой более или менее прикрытого сделочного вымогания свободы правительственным кружкам и четвертым опытом открытого, формального ограничения власти. Негласное вымогание свободы вызывалось нравственным недоверием к дурно воспитанной политической власти и страхом перед недоверчивым к правящему классу народом; формальное ограничение не удавалось вследствие розни среди самих господствующих классов» (Выделено мною. – *И.Г.*) . Ключевский В.О. Указ.соч., с. 136. В конце XX в. состоялись и «сделка», и «формальное ограничение», но и они не стали окончательными.

на размере и доходности ее доли «дворцового хозяйства». Бюджет – это те материальные средства, которые позволяют верховной власти «держать под своей рукой» других экономических акторов. (Кстати, бюджет страны очень походит на «дворцовый» общак; те, кто его держит, видимо, в большом авторитете.) *Аппарат верховной власти (Администрация президента) регулирует внутренние (т.е. собственно «дворцовые») коммуникации, а персонификатор представляет «Дворец» «не-Дворцу»* – исторически он является для граждан гарантом реализации государством его социальной функции.

«Царско-боярский сговор», лежащий в основе «Дворца», понимается народом («не-Дворцом») как «заговор против народа» или «коренная ложь» нового социального порядка[636]. Преодолению «лжи» (переводу ее в статус как бы «не бывшей», не существующей) служит имидж «народного» (избранного для и «под» народ) президента, «прессующего» «сильных людей» и потому противостоящего «Дворцу». *Президент* – народный покровитель и защитник – *единственная точка пересечения народа и «дворцового государства», воплощенное преодоление их противостояния.* Президент символизирует «народное» начало государства, обеспечивая «Дворцу» легитимность. Этим, с точки зрения господствующего «сословия», оправдывается президентская власть.

Симптоматично, что по данным социологических исследований «главную роль в повышении действенности отечественной бюрократии население отводит президенту страны». При этом «многочисленные опросы показывают, что в последнее время в

---

[636] Характерно, что «многие наши сограждане не вполне уверены в том, что и президент России и другие федеральные органы власти (правительство, парламент) обладают всей полнотой власти. Власть в стране, по мнению населения, достаточно равномерно распределена в своеобразном треугольнике: «федеральная власть (президент, парламент и правительство) – бюрократия – «олигархи». Так, 28,8% в 2006 г. полагали, что власть находится в руках президента и других федеральных органов. Примерно столько же (28,2%) считали, что ею обладает «гражданская» и «силовая» бюрократия, и 32,3% – олигархи. «Если население в целом чаще считает, что реальную власть в стране имеют олигархические кланы, то респонденты-чиновники полагают, что она находится в руках легитимных органов власти – президента, парламента, правительства (45,3% против 28,8%)... Единственное, в чем единодушны практически все респонденты, – это в том, что «российский народ» не оказывает никакого влияния на функционирование российской власти» (4, с. 93–94). Лишь 11% россиян, опрошенных рабочей группой Института социологии РАН в 2008 г., заявили, что знают, как сделать, чтобы их голос был услышан при принятии важных политических решений. Для сравнения: в Германии, Франции, Великобритании, Италии эта доля превышает 30%, в Швейцарии равна 45%, в Дании – 52%, в Голландии – 67%. См.: Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад Рабочей группы ИС РАН // Полис. – М., 2008. – № 1, с. 76–77.

российском обществе как никогда сильны антибюрократические умонастроения... Они сочетаются с запросом на сильное государство, справедливость и порядок». Добавим также, что в «унии» крупного олигархического капитала и властвующей элиты россияне видят главный «механизм торможения», препятствующий выходу России на траекторию устойчивого развития[637]. Если обобщить эти данные, получается, что президент выводится гражданами за пределы российской бюрократии и как бы ставится над ней, – ведь именно ему отведена роль ее «перевоспитателя»/контролера. Не связывается он и с «олигархами», не вписывается в их союз с административными элитами, – президент выше всех «аристократических», узких и корыстных, интересов. (Понятно, что «антиаристократическая» риторика двух последних президентов совсем не случайна. Это сигнал об их соответствии массовым ожиданиям.)

Только президента граждане считают ответственным за справедливость, порядок, усиление государства и вполне способным их обеспечить[638]. *Президент является* персонификатором этих традиционных ценностей, обязательно коррелирующих друг с другом, – и, следовательно, *точкой пересечения воображаемого (дулжного) и реального государства. Граждане отводят ему роль идеального государственника (точнее, он – опора воображаемой конструкции «идеальное российское государство»),* а пороки системы склонны списывать на реальность (тех государство и государственников, с которыми имеют дело). Таким образом, в пользу президента, персонифицирующего идеальное государство, добровольно отчуждается функция общесоциального (коллективного, национального) жизнетворчества. При этом, делегируя на «самый верх» ответственность за налаживание общей жизни, россияне явно снимают ее с себя, а персонифицируя ответственность, по существу, *отрицают*

---

[637] См.: Бюрократия и власть..., с.103, 88, 91

[638] Как показывают опросы, «большинство россиян основную ответственность за дела в стране возлагают на главу государства и подконтрольные ему федеральные органы власти. Лишь четверть населения убеждена в том, что центральная власть не должна отвечать за все, что происходит в стране». Интересно, что высоко оценивая политическое влияние президента, граждане склонны занижать возможности его экономической власти: 42,8% опрошенных в 2005 г. полагали, что В. Путин оказывает решающее, по сравнению с бюрократией, влияние на политическую жизнь страны, и только 18,3% считали, что его влияние так же велико в экономике. «Мнения чиновников распределились сходным образом: 52,9% отметили доминирующую роль В. Путина в политической сфере и... 26,1% – в экономической». Там же, с. 100, 95. Это, своего рода, способ «оберегания» президента (точнее, своих представлений о назначении русской верховной власти) – от подозрений в корысти, потакании частным интересам, а, значит, – жертвовании общими.

идею государства как обезличенного, регулятивно-административного, правового механизма. Фактически речь идет о зафиксированном социологически *взгляде на государство как на вотчину – правда, вотчину идеального государственника*, способного дать то, чего в жизни нет, да и никогда не было (понятно, что сверхинтенсивный запрос на порядок/справедливость и обеспечивающее их сильное государство имеет компенсаторный, «замещенный» характер). Коллективное воображаемое становится питательной почвой для создания в реальности совсем другой, прямо противоположной модели, которая отторгается массовым сознанием как антиидеал государства как «сословной» вотчины/«кормушки».

Вообще постоянное сопоставление постсоветским массовым человеком реального с идеалом, острый конфликт реального с воображаемым заслуживают особого внимания. Сопоставление и перенос («хороших» ментальных конструкций в «плохую» жизнь») – это способ преодоления разрыва между «дулжным» и реальностью, который ощущается как радикальный. Представления получают в массовом сознании статус «хорошей реальности», противопоставляемой жизненному миру по принципу «свет»–«тьма» и служащей образцом его переделки, улучшения. Причем, только в воображении (это традиционный тип коллективного действия – за пределами реальной жизни). Так в нашей культуре компенсируются дефициты действительности, снижается уровень массовой тревожности от столкновений с нею.

Подобный тип разрядки (и высокая потребность в ней) свидетельствуют о том, насколько жизнь – внешние по отношению к частному мирку, коллективно создаваемые условия существования – подавляет нашего человека, как глубоко им переживается ее стрессогенный накал (действительность фактически воспринимается как одна сплошная угроза существованию), каким незащищенным и несамостоятельным он себя чувствует. Отбиться от жизни можно только в опоре на «своих» (семью, ближайшее окружение), через коррупцию, неформальные связи и еще цепляясь за идеальные опоры – мудрую и справедливую верховную власть, народное государство. Идеальная же модель государства – явление, исторически, культурно и ментально обусловленное. Можно сказать, что свои отношения с государством-идеалом большинство современных граждан строит подобно тому, как это делали дореволюционный крестьянин и простой советский человек в обозри-

мой для исследователей ретроспективе (во всяком случае, в XIX–XX вв.). А президент в идеальной модели государства занимает приблизительно то же место, что царь и генеральный секретарь.

Причем речь идет о социальном явлении и его понимании, а не о конкретной личности и ее качествах. Иначе говоря, социальная нагрузка фигуры президента не меняется в зависимости от того, кто сейчас президент. *Харизма персонификатора русской власти – это харизма «места», а не лица, его занимающего.* Правда, *люди оценивают, насколько персонификатор подходит к своей социальной роли (соответствует ли «месту»).* В этом смысле современный исполнитель рассматривается ими, скорее, как «и.о.» президента, временно перешедшего на другую работу, или, если воспользоваться традиционной терминологией, *«местоблюститель»*[639]. Именно нынешний премьер выглядит как персонификатор и защитник народных интересов, – потому так и воспринимается народом. При этом восприятие определяет не видимость (или не только она), а «правильное» наложение видимого (публичного образа персонификатора/защитника, представляемого подходящим, органично «вжившимся» в образ лицом) на соответствующую ментально-культурную матрицу.

Повторю, отношения «сословия» с президентской властью оформились в постсоветские времена как «договорные», а не «служебные». Однако в 2000-е верховная власть накопила достаточный ресурс, чтобы выступать в этих отношениях с позиции силы. *Создание путинской «вертикали» следует понимать не только как процесс «собирания» (отъема и накопления) и «роста» за этот счет политической власти, но и укрепления механизмов контроля «дворцовых» собственности/собственников.* Очевидно, что заста-

---

[639] *Ситуация «соправительства»* дает уникальную возможность наблюдать процесс перераспределения верховной власти. К.Г. Холодковский обращает внимание на факт полного или частичного перемещения реальной власти в новое место вслед за лицом. См.: Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110), с. 18–21. Причем в рамках такой комбинации лицу удалось подтвердить свою безальтернативность как главы страны. Интересна интерпретация В.Б. Пастухова, который считает Д. Медведева не политическим, а юридическим преемником В. Путина: ему отведена роль «трасти», доверительного управляющего. «Вполне возможно, – отмечает исследователь, – ...что широкая вовлеченность российской политической элиты в оффшорный бизнес подсказала ей методологию решения возникшей перед Путиным «проблемы 2008». Привлечение доверительных управляющих экономическими активами так прочно вошло в русскую бизнес-практику, что использование этого механизма для решения политических задач казалось делом совершенно естественным». Пастухов В.Б. Указ.соч., с. 121. Доверительный управляющий, обладающий лишь правом подписи, – находка в духе «Дворца», интернационалиста, коммерсанта, советского «делового», не доверяющего никому и ничему.

вить такие механизмы эффективно работать могли только представители советской госбезопасности («силы порядка» русской системы, т.е. всегда полицейщины/террора), которые в 90-е приобрели опыт коммерческой деятельности (в основном – разрешения коммерческих споров и охраны/«крышевания»). Поэтому сейчас они – «центровые» «Дворца», его арбитражно-контролирующая основа. «Высшая власть», по точному выражению К.Г. Холодковского, выступает как «верховный арбитр теневой ресурсной конкуренции»[640].

«Рост» верховной власти в 2000-е был во многом обеспечен запросом на нее «не-Дворца», отягощенного потребностью в идеальном государстве. *Самим «Дворцом» политическая власть в значительной мере воспринимается как один из «путей» «дворцового» хозяйства, а также товар, который имеет свою цену (т.е. определенные условия владения).* Наращивание ее престижа (внутреннего и международного) служит доказательством ее эффективности в рамках «Дворца». В этом смысле президент, действительно, напоминает управляющего корпорацией, а его окружение, вся политическая «элита» – корпоративный топ-менеджмент. Но это, подчеркну, скорее, самопонимание, образ «Дворца» для «Дворца» (для «служебного пользования»). Народу он давно уже не предлагается, так как никак не способствует решению «дворцовых» задач. *Во внешних/публичных коммуникациях подчеркивается независимость верховной власти, ее удаленность от «Дворца». Только прикрываясь этим традиционным образом она может представлять и защищать «дворцовые» интересы (т.е. и свои интересы тоже).*

В то же время верховная власть все больше демонстрирует, что видит себя иначе, чем просто «наемным работником» на службе у «государства/корпорации». Это, прежде всего, означает, что амбиция у нас всегда далеко опережает наличные возможности. *Персонификатор верховной власти больше не владеет «Дворцом» единолично. Но долгое пребывание на должности («магия места») активизирует властные владельческие инстинкты.* «Дурно воспитанная» политическая власть стремится пересмотреть ограничившие ее «сделки», вернуть себе привычный самовластный

---

[640] Холодковский К.Г. Указ.соч., с.16. Для определения роли верховной власти очень подошел бы криминальный термин, использованный О. Крыштановской для описания «коалиции Путина»: она говорила о «смотрящих Кремля», я бы сказала – *«смотрящий Кремль».*

(или «безотчетный», по Ключевскому), надправовой статус – «царя по Правде». Это представляет собой очевидную угрозу интересам других «дворцовых» акторов. И еще бульшую – народонаселению: самовластие – самая дурная и опасная русская болезнь. Но «не-Дворец» не хочет признавать, что инфицирован ею. Самовластие он трактует как благо для себя, рассчитывая, что царская «гроза» и «опала» коснутся только «аристократических», чуждых и враждебных ему, элементов. То есть «не-дворцовые» «неакторы» верят, что накажут «по заслугам» и по справедливости, – а, значит, не их, бессубъектных и безвинных. «Не-Дворец» ждет ограниченных (выборочных) репрессий так же напряженно, как и «царских» милостей (милостыни).

От номенклатуры – к «Дворцу»: элитарная логика

Кажется, что постсоветский опыт позволяет сформулировать один из «законов» «русской системы». Чем больше ослабевают репрессивный накал государства и страх перед ним населения, тем более очевидными становятся «убегание» от него граждан и его замыкание в себе, сопровождающееся минимизацией социальных функций и гипертрофированием личных и корпоративных (в том числе ведомственных, региональных) интересов в рамках государственной системы. По мере расширения объема общественных свобод (а происходит это «сверху» вниз – от «элит» к массам, причем определяющее значение имеют свободы социально-экономические, не установленные правовым порядком, а вырванные по «праву сильного», «захватом») государство все больше приобретает черты «дворцового». У государства должны быть сильные противовесы («переросшие» «дворцовую» логику элиты, гражданские силы), чтобы сопротивляться давлению этого внутреннего «механизма».

В позднесоветском государстве главным сдерживающим фактором была партия – партийные нормы, дисциплина, контроль, репрессия. Когда партии не стало, государство редуцировалось до «Дворца». Смысл деятельности постсоветского «дворцового государства» – самообеспечение. Государственные собственность и бюджет рассматриваются как «корм» «Дворца»; внутренние (непубличные, в основном нацеленные на согласование интересов между разными «дворцовыми» группировками) и внешние (их можно трактовать как платные услуги и разного рода «связи с общественностью») коммуникации все больше основываются на

коррупционных механизмах[641]. Причем, коррупция – это проявление свободы/автономии, на которых строится «Дворец». *Не случайно советское государство (т.е. прежде всего ЦК–ГБ) боролось не с коррупцией как таковой, а с коррупционерами* как свободными, автономными от партии/государства людьми (в том смысле, что поставили свои интересы выше партийно-государственных). *Коррупционеры победили; ЦК–ГБ их возглавили.*

Почему на «переходе» «от советского» сработал именно этот, «ущербный» с общесоциальной точки зрения вариант? Ведь он не был предопределен: *в подобных условиях – последовательной всеобщей эмансипации (60-е годы XIX – начало XX в.) – не произошло трансформации государства в «Дворец».* Вероятно, в основном потому, что правившие тогда не желали быть только «Дворцом», просто «Дворцом». Их интересы были неизмеримо шире и сложнее, потребности не ограничивались потребительскими (за них жажду материального, потребности низшего порядка

---

[641] По современным подсчетам, к «теневой экономике», возросшей на коррупции, на излете существования СССР принадлежало около 18 млн. человек. Врастая в «теневые» связи, все больше криминализировались средние и низовые уровни советской власти. Постсоветский «Дворец», безусловно, имеет здесь свои корни. – Его (среди прочего) продавила «теневая» масса, желавшая легализоваться и определять собой жизнь в стране. Ее главный жизненный принцип: «теневая» практика обслуживает частные интересы, т.е. используется «для себя». Этот принцип стал определять и «дворцовую» жизнь.

Здесь следует сделать существенную оговорку: то, что в нашей обыденной жизни принято называть коррупцией (в том числе обмен возможностями, услугами), не есть проблема «карающих» органов. Это не отклонение от нормы, болезнь, сопутствующее нормальной жизни частное явление, а способ существования социума. (Именно в такой интерпретации тема коррупции легализована в публичном пространстве. Сам президент, обсуждая антикоррупционную программу, назвал коррупцию одним из исторических механизмов осуществления власти в стране. См.: Холодковский , Указ.соч., с. 12. Однако следует понимать: публичные разговоры «верхов» о том, что все равно разворуют и иначе мы не можем, – не что иное, как легитимация коррупционности «Дворца»). И здесь главный вопрос: почему социум допускает существование такого механизма, более того, нуждается в нем? На него есть ответы, причем, на мой взгляд, взаимодополняющие. С.Г. Кордонский характеризует коррупцию как «систему связей по перераспределению ресурсов». По его мнению, «принципиальная непубличность в распределении и освоении ресурсов… есть имманентное свойство… системы сословно-ресурсного общественного устройства. Оно повсеместно и неискоренимо…». Кордонский С.Г. Россия: Поместная Федерация. – М.: «Европа», 2010, с. 136. Ю.С. Пивоваров видит «корни» этого явления в передельной природе крестьянской дореволюционной, а затем советской социальности: «…коррупция советского периода есть наследник (по прямой) социальных отношений, господствовавших в передельной общине… Русское общество… по своей природе… перманентно-передельное. Переделы происходят периодически, с тем, чтобы имущество не превратилось в собственность». В современных условиях коррупционный механизм или «механизм передела финансовых и материальных средств» явился, как считает автор, важнейшим измерением «властной плазмы» – социально-властной среды, пришедшей на смену советской «властепопуляции». В этой среде «локализуются и минимизируются конфликты постсоветского общества» – отсюда и название, возникшее по аналогии с «социальной плазмой» Р. Дарендорфа. См.: Пивоваров Ю.С. Указ.соч., 55-56, 42–45.

удовлетворили предки). Достаточно широкий слой вполне европейской, культурно рафинированной элиты стал гарантией от появления «Дворца». *Видимо, главная страховка от сползания к «дворцовому государству» в России – окультуривание элит, их дисциплинирование и гуманизация в рамках европейских ценностей.* Только прививка «антропоцентричной» культуры способна привести к внутреннему самоограничению, укрощению «изнутри» (не царской дыбой и не народным бунтом) эгоизма «правящего сословия». Правда, в массовом, урбанистическом и образованном, обществе *эволюция элит должна быть поддержана и направлена соответствующей социальной эволюцией.*

Рождение «Дворца» (элитарного, «сословного» государства, понятного в XVIII в., но вроде бы несовместимого с условиями массового общества, глобального мира), повторю, обусловлено позднесоветским опытом. То есть опытом трансформации русского массово-мобилизационного общества в массовое потребительское и соответствующего «переформатирования» социального пространства. Инициаторами «перехода» от мобилизующего советского «общенародного» государства к демобилизованному «Дворцу» были позднесоветские «элиты». В советских условиях «наверх» попадали и там выживали сначала самые безжалостные, потом самые ловкие и всегда – самые беспринципные. Условием советской «элитарности» было поведение, противоречащее тому, что можно назвать народным интересом. В рамках «Дворца» оно получило иную, чем в советские времена, и притом самую естественную (а, значит, и самую примитивную) реализацию – материалистическую, потребительскую.

На раскрепощение и выхолащивание из советской системы высшего смысла (осознание всеми – и, прежде всего, «верхами» – бессмысленности советской идеологии и советского порядка) «элиты» ответили единственным, чем могли ответить, – поставили себя, собственные потребности и интересы выше системы. И это понятно: она не оправдала себя – ни экономически, ни идеологически[642]. (Единственным ее оправданием сразу и уже навсегда стала война.) Ей не стоило служить, – но можно было использовать ее возможности для себя. *В позднесоветское время сформировалась критическая номенклатурная масса, которая захотела «Дворца».*

---

[642] См.: Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008.

Она и начала его созидать. (*Ю. Андропов и М. Горбачев, по существу, пытались переломить тенденцию эволюции позднесоветского государства к «Дворцу»:* первый – репрессией, в логике «полицейского» государства; второй – стремясь легализовать и цивилизовать «теневую» экономику, в логике рынка, правового государства. Обе попытки не удались. В 1990-е годы еще сохранялся выбор в определении направления государственной эволюции: «Дворец» или нечто более современное, адекватное идее государства. Удачная экономическая конъюнктура, открывшая новые перспективы передела, окончательно смела «антидворцовые» перспективы.)

Потом инициативу перехватили «неноменклатурные пришельцы» – более «голодные», народные и соответствующие моменту выходцы из «низов», прорвавшиеся «наверх» в жестокой конкурентной борьбе «на уничтожение». Они придали творению новый смысл – модернизация быта (за счет заимствования улучшающих его западных технологий) и всеобщее потребительство. Привлекли еще национализм, призванный заменить советскую идею социальной справедливости и компенсировать великодержавные комплексы. Однако он, скорее, имитационен, – *у «Дворца» нет и не может быть высокой идеи, высшего смысла. Он их не приемлет*. Потребительский эгоизм и инстинкт насыщения «правящего класса», не сдерживаемые ограничителями советских времен, – этим исчерпывается «Дворец». Поэтому он в принципе не способен предложить гражданам такой проект общества, который вызвал бы у них доверие, сформировать систему ценностей и норм солидарности, создать основу для роста коллективной ответственности и ощущения общей судьбы.

В конечном счете, *«Дворец» возник в ситуации «переопределения» позднесоветских «элит», их адаптации к новым историческим условиям*. В государстве же «дворцового типа» по-иному проявилась варварская природа советского государства, очевидная во всем: хозяйствовании, администрировании, но главное – в отношении к человеку. Преемственность очевидна: и в том и в другом случае человек (не ЧеловекоВласть, а просто человек со своими потребностями и интересами) не рассматривается в качестве главной социальной перспективы. Наши системы строятся не для него. А он, движимый культурно-исторической логикой, парадоксальным образом соучаствует в их строительстве.

Исторические модели «Дворца»

Исторический опыт не берется из ничего и не может пройти бесследно. При всех изменениях в определенном социокультурном типе сохраняются некие определяющие для него черты, «технологии» самовыражения. Казалось, уже пережитые и забытые, они – при исчерпании каких-то функций и возможностей, в типологически сходных с прежними исторических условиях – возобновляются, начинают работать. Конечно, попадая в новую социальную, темпоральную, пространственную конфигурацию, ведут себя иначе. Но являются вполне узнаваемыми.

Таков феномен «Дворца». Это не случайность и не «вывих», – здесь не прав В.О. Ключевский. И не явление общего порядка, характерное для «большинства обществ переходного типа, в которых проводится авторитарно-бюрократическая модернизация»[643]. Видимо, в недрах российского государства заложена «дворцовая программа» (или *«дворцовый код»*), – иначе она не срабатывала бы. По существу, это *«код» элементарности/упрощенчества*, ориентирующий на существование по линии «наименьшего сопротивления». Он (среди прочего) составляет качество русской культуры, русской государственной традиции. В процессе исторического «оцивилизовывания», «окультуривания» наше государство преодолевало в себе «Дворец», переставало быть только «Дворцом», приобретая черты «регулярного», «полицейского», «правового», «социального». В какой-то мере «дворцовые» инстинкты ограничивала религия, затем – коммунистическая идеология.

Однако в разные периоды своего существования русское государство, повторю, сохраняло (среди прочего) черты «дворцового». В истории заметны, по крайней мере, два варианта «Дворца»:

– *«большой Дворец»* (это «классический вариант», следствие демобилизационного беспорядка) – его составляет достаточно большой круг людей, допущенных к элитарному «перемолоту» наличной доходной материи. Чем шире этот круг, тем больше имущественное неравенство, – но и пространство общественных

---

[643] Готовность списать всю «неудобную» российскую специфику на «переходный период» и «модернизацию» вообще характерна для современных исследователей. В эту специфику попадают и особые отношения нынешнего государства и граждан: «патерналистские представления о «должном» государстве, способном защитить своих граждан и реализовать их интересы», – и «сложившаяся практика подчинения интересов государственной бюрократии частным и корпоративным интересам, ее неспособность к реализации общественных запросов, общая неэффективность». Бюрократия и власть..., с. 88–89.

свобод. Это времена дворянских вольностей, усиления аристократии, требующей себе не только имущественных, но и личных прав. Отказываясь платить по общесоциальным счетам (служить и жертвовать во имя национальных интересов), «элита» «большого Дворца» «скатывается» к «римско-ренессансному» типу.

И здесь действует интересная закономерность. Правящее сословие всегда тяготило желание расширить «Дворец», как наиболее естественную для себя форму существования. Делая это, оно невольно увеличивало объем общественных свобод, а значит, способствовало росту субъектности общества. То есть *свобода в России – «незаконное дитя» растущего «Дворца».* Эмансипация предполагает и снятие ограничений с передельных инстинктов социума, что выражается в росте коррупции.

Самые яркие примеры «большого Дворца» дали послепетровский XVIII в. с его «верхушечной» («элитарной») коррупцией и закрепощением основной массы населения, а также рубеж XX–XXI столетий, когда в коррупционные процессы включились освобожденные все. Не умея и не желая согласовывать свои интересы правовым порядком, «вольные субъекты» вступили в войну друг с другом за доступ к «зонам» передела. Чем больше субъектов, – тем масштабнее военные действия.

Становясь массовым, «Дворец» способен переродиться в нечто иное – возможно, более современное, даже гуманное и цивилизованное. Но перерождение сопровождается явлениями развала/распада/анархии, этими спутниками русской свободы. Не будучи ничем (даже логикой самосохранения) ограничены, они могут привести к полной дезорганизации. И тогда явятся или новая деспотия в условиях тотальной варваризации, – или какое-то другое государство;

– *«малый Дворец»* (соответствует периоду «сползания» к мобилизационному порядку) – «дворцовое государства» ужимается до узкого круга «избранных» («опричных», «петровских», «ордена меченосцев»), а общество становится более эгалитарным. Это понятно: потребляя меньше, «Дворец» больше оставляет народу. При этом наблюдает за поддержанием относительного равенства в распределении. Однако с усилением контроля «сверху» сужается зона общественных свобод. Урезается и свобода внутри «Дворца»: получив всё и став всем в русском мире, «дворцовые» вынуждены

от многого отказываться. Платой за «избранность» становится участие в мобилизационном развитии.

Немногочисленная «элита» в такие моменты тяготеет к военно-монастырскому, «орденскому» типу. Консолидируясь вокруг верховной власти, она решает национальные задачи (прежде всего, экспансии в пространстве), удовлетворяет национальные интересы. Метод решения – террор, в рамках которого вполне эффективно борются и с коррупцией, накидывая узду на передельные социальные инстинкты. Во имя общего подавляются интересы личные, корпоративные, общественные. *Это путь перерождения государства «дворцового» в «служилое»,* деспотизм которого оправдан идеей всеобщей службы. На этом пути могут быть эксцессы варварско-криминального характера (как грозненский и сталинский террористические режимы).

Именно «служилое» государство, «кормящее» только «служивых», *понимается и принимается как «дулжное» основной массой народонаселения. То есть получает в народном восприятии статус «государства правды»:* поравнение социума в службе, потреблении и уязвимости перед государственным насилием воспринимается как реализация принципа социальной справедливости. В ходе такой реализации все социальные силы – добровольно или насильственно – отказываются от собственной субъектности в пользу верховной власти. Государство в таких условиях становится монополистом, распределяющим блага и наказания, военизируется и приобретает идеократический характер.

Конечно, это только один из возможных взглядов на историческую динамику нашего государства. И фиксирует он крайние варианты его самореализации. Действительность сложнее, – в ней нет «чистых» типов, действуют разные тенденции. Но *такая оптика позволяет несколько сместить акценты в суждениях о современном государстве. От него не следует ждать самореализации в режиме демократического, правового, социального*, приписывать соответствующие этому режиму потенции. Хотя наше государство, безусловно, имеет эти черты, т.е. в нем заметны сопоставимые с современным западным элементы, которые – сами по себе – могли бы дать соответствующее качество. Однако попадая в иной контекст, элементы современного государства начинают вести себя иначе, в основном подчиняясь господствующей в данной системе логике. Ее я и предлагаю называть «дворцовой».

Эта логика не архаична, а сам «Дворец» – не неожиданный кратковременный выплеск архаики. *Постсоветский «Дворец» есть наложение особой (назовем ее патримониальной, «вотчинной» и «ресурсной») природы нашего государства* – никогда не исчезавшей, дремавшей, но активизировавшейся – *и передельной (а также «сословно-иерархической») природы нашей социальности на современный момент*: свободы, плюральности (сравнительно с советским временем), выхода из-под государственного контроля частной сферы, открытости миру, интернационализации потребления, отсутствия реальной военной угрозы. В «дворцовом» государстве смешалось многое: «родовые» черты, воспоминания о советском и советские практики, представления о западном и западные технологии и т.д. В «постмодернистском» «Дворце» 2000-х неожиданным образом совместились даже разные «дворцовые» логики – «демобилизационная» (среди прочего – освободительная), возобладавшая в 1990-е, и мобилизационная, ограничительная. Причем совмещение дало эффект, наиболее опасный с общесоциальной точки зрения.

Преодолевая «разброд» 90-х, дисциплинируясь и подавляя «властесмуту», «Дворец» «нулевых» не желает отказываться от завоеваний тех лет – богатства и социальной безответственности. Усилив контроль над обществом (насколько было нужно) и нагнетая «мобилизационную тревогу», не идет на самоограничение. Что по-человечески понятно: крайне трудно делиться (денег всегда не хватает) и служить, особенно если и нынешняя служба тяготит как рабский труд на галерах. Наконец привыкнув к отсутствию всяких внешних ограничений и не имея внутренних, путинско-медведевский «Дворец» живет по принципу: «сегодня можно все». При этом продуцирует соответствующую общественную атмосферу: раз «верхним» позволено, то и всем разрешено. Главное – нажиться, как – не важно. Сейчас это главные принцип и норма, на которых строится социальное взаимодействие. Правда, так взаимодействовать можно лишь «при условии неумеренного разрастания «пирога» доходов, создаваемого высокими ценами на углеводороды и вообще сырье»[644].

Это уникальная даже для России ситуация навязчиво провоцирует вопрос: «дворцовый режим» функционирования государст-

[644] Холодковский К.Г., Указ.соч., с.13

ва есть «временная передышка» – или расслабление/распад, на которых паразитирует и которые катализирует «Дворец», непреодолимы? Каков бы ни был ответ, очевидно, что социальные перспективы располагаются в следующей вилке: выход из «паузы», где весьма вероятен террористический сценарий, – одряхление/умирание.

Наши перспективы: куда идем мы за «Дворцом»?

Сегодняшний – динамичный и веселый, талантливый и роскошный, торгующий и празднующий, во всем этом самоутверждающийся – «Дворец» окружен грозными опасностями. И он их, вероятно, – хотя бы интуитивно – ощущает.

Начнем с «внешней» опасности: «Дворец» не соразмерен современному миру, не способен справиться с сокращающимися географией и демографией – главными проблемами нынешней России. Мир давит на «Дворец», заставляя его искать ответы на современные вызовы. Для этого – усмирять хищнические владельческие инстинкты. А он – не хочет; возможно, уже и не может. В созданных – до него и им самим – геополитических условиях у него почти нет игры. Нет друзей – и возможностей стать центром новой гегемонистской системы, втянуть в свою орбиту новых саттелитов; нет очевидных врагов, – зато масса новых угроз (на одну из них указывает анекдот – национальный лидер в середине XXI в. отчитывается перед вдруг материализовавшимся «вождем народов»: на китайско-финской границе все спокойно); воспоминания о недавнем прошлом не позволяют смириться со статусом региональной страны, – но нет и ресурса для сверх- (или велико)державности[645]. Ситуация почти тупиковая: единственный выход – умерить внешнеполитические амбиции, отдав приоритет наращиванию экономики и созданию человеческого капитала. Но здесь «Дворец» – нам не лидер; он слишком богат, жаден, самоуверен и амбициозен, заворожен образами собственного успеха.

Главная «внутренняя» опасность для «России–Дворца» – в том, что он обслуживает чрезвычайно узкие социальные интересы. Возможны разные сценарии как ее обострения/разрастания, так и гашения/нейтрализации. Причем, сценарии одинаково малопри-

---

[645] См., напр.: Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества // Полис. – М., 2009. – № 4(112), с.84-98

ятные – уже не только для «Дворца», но и для всех нас. Речь идет о националистической реакции – «сверху» или «снизу».

Первый сценарий обусловлен тем, что «низы» в какой-то момент могут отказаться жить так, как устроил их «Дворец». О радостях жизни «недворцовой» России «Дворцу», в общем-то, известно. Потому что значительная часть «Дворца» сама еще вчера была «не-Дворцом». Но ему так хочется поскорее о них забыть, что он не воспринимает их всерьез, гася воспоминания и тревогу PR-ом и подачками. А радости эти кого угодно способны не только утомить и обессилить, но и озлобить. При всей усталости, безразличии, социальной неэффективности «не-Дворца» (при том, что «настоящих буйных мало»), он вполне еще может тряхнуть «дворцовой» стабильностью. – Если доведут до предела.

На взрыв (или цепь локальных взрывов) «недворцовую» массу постоянно провоцирует «Дворец», в поисках новых источников передела реформирующий ЖКХ, добивающий «социалку»[646], приватизировавший энергосистему, грозящий приватизацией метро и т.п. Катализатором предельного обострения социального напряжения могут послужить экотехногенные катастрофы и масштабные теракты – особенно в мегаполисах. При изношенности нашей инфраструктуры и способности государственных органов к их предотвращению приходится только удивляться, что такого рода ситуации нас до сих пор миновали. Если гром грянет, возможно, поминовений и ликвидации последствий окажется недостаточно, – придется вспомнить о «дубине народного гнева».

Заметим, «Дворец» практически не ищет путей купирования протестно-анархическо-криминальной энергии, не пробует вовлечь население в производительный труд. Постсоветские «верхи» полностью положились на эффекты масскультуры и потребитель-

---

[646] Один из последних шагов на этом пути – законопроект 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Разработчик законопроекта – правительство, сокращая бюджетные расходы, идет на приватизацию «социалки» (поликлиник и больниц, школ и вузов, театров и музеев, т.е. бюджетной сферы, где занято 14 млн. человек, предоставляющих «услуги» всей стране). Для этого меняет схему их финансирования: малая часть («казенные») получит стопроцентное бюджетное финансирование, прочие («бюджетные нового типа») – госзаказ на выполнение определенных работ, а остальное должны будут взять с населения (в «формате» оказания платных услуг). См.: Автономное плавание // Newsweek. – Москва, 2010. – 11–16 мая. – С. 26–27. Таким образом, «Дворец» избавляется от государства советского типа (идеи и структур), иссекает его из себя. Для примитивных «дворцовых» задач советское государство избыточно, современное западное – еще и опасно (сами разговоры о «демократическом и правовом» искушают, рождая ненужные иллюзии).

ства, игнорируя даже советский опыт социального управления[647]. А ведь советская власть располагала богатым и достаточно эффективным арсеналом средств не только насилия, но и вовлечения/интегрирования. И ее «социальные завоевания» – вовсе не пустой звук (пусть завоевала по минимуму, но сейчас ушло и это). Не случайно люди характеризуют власть советскую как «народную», в противоположность нынешней. Конечно, в чрезвычайной ситуации у «Дворца» есть выход, – граница открыта. Для тех, кто успеет. Ближайшая перспектива для остальных (уже без различия на «Дворец»/«не-Дворец») – да здравствует русский бунт!

Вероятен и другой сценарий – опять-таки по Владимиру Ильичу: когда «верхи» не смогут «верховодить» по-«стародворцовому». Мы по-прежнему живем в дефицитарном обществе, – здесь запас материи, подходящей для передела, ограничен. А «Дворец» разросся – скоро не станет хватать даже тем, кто внутри него (при их непомерных аппетитах). Тем более не останется средств на реализацию «Дворцом» функции «собеса». Так долго продолжаться не может. Здесь для «верхов» возможны два – не исключающих друг друга – пути террористического свойства: сокращение/урезание «Дворца» (по типу грозненской опричнины – поэтому так завораживают фантазии В. Сорокина); сворачивание остатков советского «государства–собеса» и дополнительная формализация или полная отмена соучастия населения в выборе

[647] За одним исключением – активное использование репрессивно-охранительных структур для ликвидации самих возможностей выступлений на социальной почве. Характерный факт: в июле 2010 г. Госдума силами парламентского большинства утвердила новую скандальную редакцию Закона о ФСБ, расширяющую его полномочия. Правительственные поправки наделяют спецслужбу правом выносить «официальные предостережения» за намерения, штрафовать и даже арестовывать обычных граждан. Под пристальный надзор службы, если верить пояснительной записке правительства, попадут в первую очередь активисты радикальных молодежных движений и критически настроенные журналисты и их редакции. Высокопоставленный источник журнала «Профиль» в ФСБ на условиях анонимности пояснил, что «новые права службе понадобились вовсе не для гонений на оппозицию, а для работы с теми, кто подстрекает россиян выходить на митинги протеста в регионах. Например, после повышения транспортного налога или увеличения стоимости услуг ЖКХ. В ФСБ уверены, корни социального напряжения не всегда связаны с тяжелой экономической обстановкой на предприятии или в конкретном городе. Зачастую, уверяет высокопоставленный источник, обстановку накаляют намеренно для расшатывания правопорядка во всей России и нередко – вообще извне» (26, с. 22–23). Очень знакомое обоснование очень привычных действий. Однако смысл их иной, чем в советские времена: тогда государство нападало, терроризировало, теперь «Дворец» готовится к защите (от граждан). А значит, чувствует себя неуверенно, понимает свою чуждость «недворцовой» массе.

власти. И это логично: начисто лишенный «дворцовой» помощи, народ вряд ли станет голосовать правильно.

Оба пути связаны уже не с народной революцией, а с властным террором как против элит (с целью их минимизации), так и против народонаселения (прежде всего, для его устрашения). То есть дальнейшее самоосуществление современного российского государства как «дворцового» может привести к террору власти с целью полного замыкания во «Дворце», присвоения себе права перераспределения наличной (доступной социуму) материальной субстанции, не ограниченного ни «элитными сговорами», ни народным выбором. Конечно, полная реализация этого сценария возможна только в том случае, если государство замкнет внутри себя всю (или, как, минимум, экономическую) свою деятельность и перестанет нуждаться в связях с внешним миром. Это почти невозможно в условиях глобализации и «интернационализации» наших «элит». Но это «невозможно» не отменяет сценария вовсе: в том или ином ограниченном варианте он может реализоваться.

С формальной ликвидацией политического выбора (и, соответственно, выборов) граждане почти наверняка легко смирятся[648]. Террор же против элит неизбежно будет воспринят популяцией как долгожданная справедливая «народная война» против «врагов народа», которую за народ ведет власть. Ее тут же провозгласят «справедливой», «народной» и полюбят «по-русски», «взасос» и всепрощающе. Точкой пересечения реальности «дворцового государства» с идеей «государства трудящихся» в этом случае станет «народный царь» (самодержец от всех трудящихся), возвращающий вместе с угрозой расправы страх как стимул для труда. И мы опять сольемся в единый народ в экстазе всеобщего оптимизма. Хайль, товарищ Сталин!

***

Главная проблема нашего общества – неспособность совместить свободу с порядком и социальными гарантиями. Как показал XX век, в ситуации выбора мы скатываемся к одному из крайних

[648] Об этом свидетельствуют, например, данные опроса ВЦИОМ (апрель 2010 г.): на вопрос «что сейчас важнее для России» 72% респондентов ответили «порядок, достигнутый даже с нарушением демократических принципов», 16% – «демократия, даже если она предоставит определенную свободу криминалу», 12% затруднились с ответом. См.: Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 19 апр. – С. 12. Кстати, показательно некорректно поставлены вопросы: респондентам навязывается антагонизм порядок/нарушение демократии – демократия/свобода криминала.

состояний: воли/смуты, в которой исчезает государство вместе с нормативно-регулятивной функцией и потенциалом социальной защиты, или дисциплинирующей полицейщины, где государство-деспот гарантирует минимум, необходимый для выживания. И то и другое одинаково не комфортно и опасно для человека, так как связано с насилием над человеческой природой, ее искушением и развращением.

Сейчас мы пребываем в «фазе» воли, специфика которой выразилась (в том числе) в явлении «дворцового государства». Это такой же яркий показатель несправедливости нашего социального устройства, как крепостное право (дореволюционное или советское). Поэтому эволюция «Дворца» в современное социальное, правовое государство – вроде бы, в интересах нашего человека.

Очевидно, что для изменения ситуации – оказания влияния на политику «государства-корпорации» для придания ей бульшей социальной ответственности – необходимо сильное давление извне. Позицию «верхов», вполне удовлетворенных «дворцовым» режимом функционирования государства, способен изменить только интенсивный и внятный запрос «низов». А это означает переориентацию хотя бы части социума (наиболее активной, креативной) с «дикого» индивидуализма, нацеленного на удовлетворение собственных материалистических потребностей – как правило, за счет другого, на индивидуализм «либерального» типа, требующий уважения интересов и прав Другого, осознания своей включенности в социальные связи и собственной в них ответственности. А, значит, – и на определенный тип государства, обслуживающего таких индивидуалистов и порожденные ими социальные отношения.

Пока признаков такой переориентации, значимого запроса на правовой порядок (иначе говоря, появления заинтересованного в нем субъекта) в российском обществе не наблюдается. Скорее, становятся все более интенсивными неудовлетворенность значительной части населения (в первую очередь активного меньшинства) собственным положением в «дворцовой» системе, что является главным основанием его оценки как несправедливого, и желание это положение изменить, – т.е. *самим стать «Дворцом».* В такой ситуации речь может идти о смене лиц «наверху» под напором «снизу», а не об изменении системы как таковой. Получается, что главным стабилизатором «дворцового» порядка является массо-

вый постсоветский человек. То есть прямой и ближайший наследник человека советского с его опытом, ценностными и нормативными ориентирами, стратегиями самозащиты и социального продвижения, иллюзиями, комплексами и фобиями[649].

В постсоветской истории действует «этнос», родившийся в 1917 г., – «новая историческая общность людей», ведомая КПСС–КГБ–комсомолом и т.п. в разных их модификациях. Советско-постсоветский человек ведум потому, что раздавлен (создавшей его и одновременно им санкционированной) системой – ее насилием, своим перед нею страхом, общим лицемерием, привычкой жить в системе и списывать свое бессилие, удовлетворенность тем, чем нельзя быть довольным, на обстоятельства, внешние условия. В подавлении и развращении человека – порочность той, советской системы. Порочность этой – в том, что она ей наследует, воспитывая человека, согласного с тем, с чем нельзя соглашаться (коррупция – это наше всё, с ней и бороться надо осторожно; власть должна быть в руках одного человека; всё – путём – и нет причин сомневаться в «основах»; каждый должен быть из большинства – один как все). Стратегии адаптации «постоктябрьского этноса» к несоветским (точнее, послесоветским) условиям почти неизбежно вели его к согласию с тем социальным порядком, одним из знаковых элементов которого стал «Дворец». Парадокс заключается в том, что перспективы человека в этом порядке аналогичны тем, с которыми связывали выборы 1996 г.: голосуй, – все равно проиграешь.

---

[649] Это социологический факт, подтвержденный множеством исследований: «Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания не столь велики, как об этом принято говорить и писать; слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость». Она определяет ценностно-смысловое ядро российской ментальности, делая нас такими непохожими на других – во всяком случае, на европейцев. Именно поэтому «даже в условиях системной трансформации… практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством – получают в России специфические звучание и окраску». Горшков М.С. Указ.соч., с. 16-17.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПРОБЛЕМА БЮРОКРАТИИ

Б.А. Камкия

В 1999 г. был издан перевод на русский язык книги «Политическая наука: новые направления» под редакцией Р.Гудина и Х.Д. Клингеманна. На английском языке книга выпущена в 1996 г. издательством Oxford и сразу стала одним из самых читаемых в мире учебников по политологии. В предисловии к русскому изданию научный редактор перевода Е.Б.Шестопал сопоставила мировой и российский уровень политической науки и отметила, что книга поможет российским политологам продвинуться по пути создания более высоких научных стандартов. В России существует тенденция пренебрежения к западному опыту развития политической науки, отказа от эмпирического исследования политического процесса и замене его схемами цивилизационных циклов. Провинциализм – важная характеристика политических процессов в России, поскольку власть во всех ее формах и на всех уровнях с недоверием относится к гражданам. Это выводит российскую политику за рамки современности. Эклектизм - главная характеристика российского политологического общества, методологическая рефлексия встречается редко. В российской политической культуре господствует традиция зависимости ученых от власти. Большинство российских политологов привыкло обслуживать интересы власти. Однако польза для практики от политической науки прямо пропорциональна ее независимости и неангажированности[650].

Констатации Е.Б.Шестопал фиксируют зависимость политической науки России от контекста ее существования. Эта проблема дала толчок нашим размышлениям. Прошло уже пятнадцать лет со времени выхода книги «Политическая наука: новые направления», но выработка независимой от русской власти политической науки остается по-прежнему актуальной. Можно привести множество примеров для доказательства такого вывода. Укажем два.

---

[650] См.: Шестопал Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: новые направления. Под ред.Р.Гудина и Х.Д.Клингеманна. Научн.ред. русского изд. проф. Е.Б.Шестопал. Вече, Москва, 1999, с.9-18

В середине нулевых годов журнал «Полис» провел научный семинар, посвященный прошлому, настоящему и будущему политической науки в России. На семинаре было показано, что политология в СССР развивалась как элитарная и полупротестная наука. Тогда как в Российской Федерации обнаружились иные тенденции: традиционно российское использование научного знания для получения личной выгоды; подмена политологии пиаром (под вывеской политических технологий, политического менеджемента и пр.) и государственным управлением; потеря позиций в сфере политической теории. Для противодействия этим тенденциям была сформулирована главная задача российской и мировой политической науки – поиск альтернатив российскому и глобальному обществу и развитие протестной политической мысли[651]. Однако выполнение этой задачи осложняется многими факторами.

В настоящее время члены Российской ассоциации политических наук обсуждают проблему профессионализма в политической науке. А.Ю.Мельвиль опять отмечает, что в мировой политической науке сложилась устойчивая традиция теоретико-методологических исследований, опирающихся на строгие методы и базы данных. Таких исследований в России до сих пор нет. «Родовая травма» российской политологии – незнание строгих методов и неумение работать с эмпирическими базами данных[652].

Чтобы изменить ситуацию, надо осваивать теоретико-методологические исследования, которые опираются на синтез строгих методов с эмпирическими базами данных; а затем сопоставить выводы данных исследований с трудами, в которых содержится анализ различных сфер современного российского общества, государства и политического режима. Такова общая посылка, которой мы руководствуемся.

Для реализации данной посылки мы опирались на определенные тенденции мировой и отечественной политической науки. В 2000-е годы издана новая серия Оксфордских учебников по различным аспектам политической науки. Авторами отдельных томов являются известные ученые из различных стран мира. В этой серии вышел капитальный том под названием «Контекстуальный

---

[651] См.: Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара // Полис. 2006, № 1, сс.145-155

[652] См.: Мельвиль А.Ю. Политическая наука узнаёт больше, но о меньшем // http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623&d=4874&n=35&p=0&to=

политический анализ», редакторами которого являются Роберт Гудин и Чарльз Тилли. Они же написали введение к книге[653]. Никакой реакции на эту серию в политической науке России мы пока не встречали. Поэтому первая наша задача состоит в описании смысла понятия политический контекст.

Воплощение этой задачи происходит в определенном когнитивном контексте. На протяжении последних тридцати лет в отечественной политологии складывается тенденция, которая близка к традициям аналитической политической философии. Эта тенденция способствует разработке теоретико-методологических исследований, которые опираются на синтез строгих методов с эмпирическими базами данных.

Мы имеем в виду прежде всего серию книг, изданных под рубрикой «Новая наука политики». В этой серии изданы также труды В.П.Макаренко по проблеме политической концептологии, идеи которой мы использовали в качестве методологии анализа понятия «политический контекст»[654].

В.П.Макаренко разрабатывает политическую концептологию как междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности. По его мнению, для конституирования политической концептологии главной является процедура методологического выбора. Этот выбор предполагает определенную когнитивную установку - дистанцирование исследователя от реальных политических процессов, систем, конъюнктуры и всего корпуса социогуманитрных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что указанные феномены являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном и мировом измерениях. Иначе говоря, концепт дистанции предполагает определенную степень свободы исследователя от контекста, в котором складываются обозначенные варианты зависимости полити-

---

[653] См.: Tilly Ch., Goodin R. It Depends // Charles Tilly & Robert E. Goodin (Ed.). Contextual Political Analysis. Oxford University Press. Oxford-New York, 2006, p.3-34

[654] См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. – М., Праксис, 2002; Он же. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М., Праксис, 2005; Он же. Политическая концептология. Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2011; Он же. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009, № 6 и др.

ческой науки от господствующих традиционалистских, экономических, политических и идеологических стереотипов и трендов массового и элитарного сознания[655]. Но эта степень свободы нуждается в конкретном учете и практической реакции отдельных исследователей и всего научного сообщества на множество существующих форм несвободы.

В заключительной главе книги «Аналитическая политическая философия» В.П.Макаренко показал, что проблема контекста возникает в процессе анализа отношения между историей политической мысли и политической философией, и описал различные тренды в трактовке этого отношения в современной аналитической политической философии[656]. В 1950-60-е гг. началась и продолжается до сих пор дискуссия о предмете, методах и значении истории политической мысли для современности. Дискуссия концентрируется вокруг вопроса: действительно ли классические тексты политической мысли представляют лишь исторический интерес и бесполезны при решении сегодняшних проблем? На этот вопрос даются разные ответы, но все они связаны с анализом контекста появления классических произведений политической мысли и их функций в политической борьбе своего времени.

Проблемы контекста разрабатываются не только в политической науке, но и в социальной эпистемологии и лингвистике. И.Т.Касавин пишет: «Проблемы, над которыми задумываются социальные эпистемологи, являются философскими в той степени, в какой они оказываются неразрешимыми; специальные же задачи могут успешно решаться в рамках исторического, социологического, психологического и других способов исследования знания»[657]. Иначе говоря, надо учитывать степень неразрешимости и разрешимости множества проблем. Отсюда вытекает, что контекстуальный анализ является одним из способов исследования существования и функционирования знания.

---

[655] См.: Макаренко В.П. Власть, оппозиция и выбор политолога // Проблемы и перспективы развития политологии в вузах России: Тезисы докладов Всероссийской конференции (г. Ростов н/Д, 23–25 мая 1991 г.). Вып. 2. Ростов н/Д, 1991; Он же. Власть и нейтралитет // Дон. 1992, № 10-12; Он же. Проблема дистанции при описании социально-политической динамики России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 1

[656] См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. С. 311-369

[657] Касавин И.Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы. Под ред. И.Т.Касавина. М.: «Канон+», 2010. С.14

Это подтверждается филологическими исследованиями. К.А.Богданов включает в состав содержательных и формальных референтов общего понятия контекст следующие прилагательные: эксплицитный, имплицитный, вербальный, невербальный и паравербальный, непосредственный и опосредованный, линейный и структурный, вертикальный и горазщонтальный, акциональный и прагматический, физический и психологический, поведенческий и фольклорный, метафорический и мифологический, поэтический и мифопоэтический, социальный, бытовой, гендерный, театральный, топонимический, климатический, политический и экономический. Все эти референты описываются в категориях «порядка» и «беспорядка» и объясняются с акцентом на коммуникативную, сигнификативную и генеративную сторону[658]. Отсюда ясно, что политический контекст является референтом общего понятия контекст. Как эту констатацию можно использовать при анализе политического контекста?

Частично на вопрос позволяет ответить В.Н.Порус[659]. Он определяет социальную эпистемологию как свод попыток придать философский смысл социологическим исследованиям познавательных процессов в их социальном контексте. Контекст – ключевое слово для понимания специфики социальной эпистемологии. Она претендует на контекстуальное исследование познания и знания. Контексты многообразны и переменчивы, поэтому результаты их исследований не могут быть истолкованы раз и навсегда, исходя из априорных установлений. Априорность противоречит контекстуализму как концептуальному основанию социальной эпистемологии. Контекст постоянно проблематизируется, т.е. проблема, якобы разрешенная в одном контексте, вновь обретает свой прежний статус уже в другом контексте. Изучение познания в контексте – это встреча двух плюрализмов: веера философских концепций познания и спектра контекстуальных описаний и объяснений познавательных ситуаций. Взаимодействие данного веера и спектра нуждается в анализе.

Отсюда вытекает, что политический контекст есть элемент социо-природного контекста, поскольку политика прямо или кос-

---

[658] См.: Богданов К.А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // НЛО. № 102 (2010), с.12-30

[659] См.: Порус В.Н. Выбор интерпретации как проблема социальной эпистемологии // В кн.: Порус В.Н. Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013, с.285-300

венно вызывает изменения в обществе и природе. Одновременно политический контекст есть часть политической эпистемологии, изучающей условия генезиса и функционирования политического знания. Такой подход позволяет сделать конкретизацию нашей исходной посылки по отношению к многообразному социально-историческому контексту России.

Наша конкретизация опирается на идеи одного из основателей современного социального и политического знания. В начале XX века Макс Вебер написал несколько статей о России, в которых обсуждались русские революции 1905 г. и 1917 г. как первая попытка перехода России к демократии. Эта попытка не увенчалась успехом – в России установилась диктатура. Причины краха первой попытки указаны выдающимся социологом по горячим следам событий[660].

Первой и главной причиной является *специфика российской бюрократии*. Вебер определял ее как паразита, единственный смысл которого состоит в поддержке баланса политических сил в обществе. Царь Николай 11 никогда всерьез не думал превратить Россию в правовое государство и обеспечить гарантии личной свободы. Царь понимал только интересы полиции и полицейской бюрократии. В России власть может официально даровать свободы, но едва ими хотят воспользоваться граждане, становится ясной иллюзорность свобод. Неискренность русского правительства возбуждает ненависть населения и приводит к повторяющимся конфликтам между властью и обществом. Это создает ситуации, более опасные, чем открытые репрессии.

Вебер подчеркивал, что повторяющиеся на протяжении целых столетий конфликты в российском обществе обусловлены спецификой правительственной машины России, которая разделяла страну на министерские сатрапии. Они оспаривают сферы влияния и живут в атмосфере постоянных административных интриг. Перепалки чиновников порождали необъятную переписку. Ее вели обученные в Германии ученые-эксперты, изучавшие для этого всю российскую и иностранную литературу по государственному праву, экономике и истории. При такой государственной машине продажность и халатность чиновников приходится рассматривать как положительный элемент. Российский свод законов - это бес-

[660] См.: Вебер М. О России: избранное. Перевод А.Кустарева. – М.: РОССПЭН, 2007

порядочная груда статей, которую невозможно считать эффективным правовым источником. Их соблюдение привело бы государственную систему к полному абсурду. Поэтому любой способ ускользнуть из сетей бюрократии оказывался необходимым для защиты человеческого достоинства подданных. Система самодержавия могла функционировать только при условии правления спустя рукава. «Бюрократическая рационализация самодержавия во всей внутренней политике, – писал Макс Вебер, – теперь оказывается сферой специалиста, а это означает при недостатке независимости у власти исключительное господство бюрократии»[661].

Русская бюрократия обладает крестьянской хитростью и монгольским коварством. Она изощрена в каждом отдельном случае, но глупая с политической точки зрения. Всегда изыскивает юридические петли для бюрократизации парламента. А для оправдания полицейского произвола русская власть обычно ссылалась на террористов. Но бесправие лишь возбуждало симпатии к террористам и увеличивало число террористических актов. Поэтому Макс Вебер квалифицировал русское правительство как главного убийцу, который первым должен перестать убивать.

Российские чиновники не в состоянии выдвигать из своей среды «государственных деятелей», способных осуществлять реформы. Все документы российской государственной жизни всегда направлены к одной и той же цели – самосохранению полицейского режима. Против полчищ насекомых (под которыми Вебер имел в виду бюрократию и полицию) не помогут никакие великие дела[662].

Второй причиной краха первой попытки перехода России к демократии является *специфика политического режима в России, связанная с определенным отношением между бюрократией и политикой*: «Даже самый выдающийся чиновник, – писал Макс Вебер, – не годится для того, чтобы быть политиком, и наоборот. А царь был таким политиком еще меньше. От тех, кто действует на скользком льду политики, требуются особые качества: жесткий практицизм, точный глазомер, бесстрастное хладнокровие, способность действовать молча. Эти свойства не есть наследственное достояние Короны. Развить эти свойства трудно любому монарху, потому что само положение монарха располагает его к романтиче-

[661] Вебер М. Указ.соч., с.67
[662] См.: там же, с.56-103

ским фантазиям... Как раз в монархических государствах нужны сейчас сильные правители, способные в случае необходимости именно исключить из игры политически бездарного государя в интересах государства»[663].

Проблема *исключения из политического процесса политических бездарей* в России начала XX века тоже стала немаловажной: «Большая политика всегда делается в узких кругах. Но для успеха нужно, чтобы: 1) в их решения не вмешивался такой бездарный монарх, как нынешний царь; 2) им была обеспечена достаточно широкая общественная поддержка; 3) они знали, как ведется силовая борьба там, где в силу самой природы дела регламент, приказы и бюрократическое послушание непригодны как средства достижения цели, а именно так обстоит дело в большой политике. Так вот, исключить по практическим соображениям в его же интересах и в интересах страны бездарного монарха из политического процесса, не разрушая политической структуры, может только очень сильная и пользующаяся доверием широких слоев избирателей парламентская власть. Но такие тривиальные человеческие качества, как ревность профессионального чиновничества, льстивость напускающих на себя «монархизм» плутократов и эстетический снобизм образованных филистеров и литераторов (всегда пресмыкающихся перед тем, что теперь в моде и, стало быть, «благородно»), десятилетиями мешали установлению этого простого порядка вещей»[664].

Однако решить эту проблему мешает *взаимосвязь российского империализма, интеллектуализма и национализма*, которую Макс Вебер описал в статье «Русская революция и мир». Он исходил из того, что государственные интересы не могут быть объективными, поскольку они зависят от идеалов и ценностей. В результате реализации специфических идеалов и ценностей царизм построил в России самую страшную из мыслимых систему порабощения народов за всю историю[665]. Поэтому русский интеллектуал, к какой бы партии он ни принадлежал, становится не национально ориентирован, а националистически и империалистически ориентирован. Эта ориентация может принимать разный колорит, но суть остается неизменной. Империализм может выступать в деспотиче-

[663] Там же, с.111
[664] Там же, с.106-112
[665] Там же, с.157

ской, либеральной и социалистической формах. По определению Макса Вебера, империалист – это тот, кто за пределами сферы интересов свой нации силой вмешивается в дела других наций. На этой основе выдающийся социолог высказывал общую рекомендацию о взаимосвязи политики и демократии в России: «Русские политики должны забыть о делах чужих наций; только так они могут доказать, что они подлинные демократы»[666].

Таким образом, российские революции начала XX века обострили проблему бюрократии, составными частями которой являются подпроблемы повторяющихся конфликтов, специфики политического режима, политической бездарности первых лиц государства и взаимосвязи российского империализма, интеллектуализма и национализма. Можно ли считать эти проблемы общими характеристиками политического контекста в России на протяжении XX века? – таков главный вопрос, на который надо найти ответ.

В общем виде ответ на вопрос дается в громадном массиве научной и художественной литературы последнего двадцатилетия. В этой литературе описываются различные аспекты второй попытки России в конце XX – начале XX1 века осуществить реформы и перейти к демократии и неудачи этой попытки. Из всего массива данной литературы мы укажем здесь лишь три книги, в которых показана актуальность констатаций Макса Вебера для СССР/России конца XX-начала XX1 века. Речь идет о специфике персоналистского режима в современной России, его влиянии на высшую исполнительную власть и отношение между властью и законом на всем протяжении XX века и в начале XX1 века[667].

Наш подход к ответу на поставленный вопрос состоит в опоре на методы политической концептологии и на теорию бюрократии, разработанную в трудах В.П.Макаренко.

Методы политической концептологии разнообразны и критически осваиваются в литературе. Для нас особенно важны следующие приемы концептологической работы: связь с биографией; опора на предметное и методологическое содержание творчества Макса Вебера, Ханны Арендт и Михаила Константиновича Петрова; обсуждение конкретных научных проблем; понимание науки

---

[666] Там же, с.138

[667] См.: Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа/ М. А. Краснов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006; Воронцов В.А. В коридорах безвластия (Премьеры Ельцина). – М., Академический проект, 2006; Шейнис В.Л. Власть и закон: политика и конституция в России в XX-XX1 веках. – М., Мысль, 2014

как образа жизни, уходящего в бесконечность; расширение пространства дискуссий по мере создания новых научных трудов; стремление сочетать научный и художественный способ изображения действительности при описании и оценке любых объектов[668]. На наш взгляд, эти приемы можно применять при изучении политического контекста.

Что касается теории бюрократии, то В.П.Макаренко создал целую исследовательскую программу, в которой ретроспективно можно выделить ряд этапов. Первый этап начался в 1974 г. и завершился в 1982 г. публикацией первой концептуальной статьи в международном издании Академии наук СССР[669]. Второй этап составляют работы, опубликованные в 1985–1992 гг. На третьем этапе (1993–2000 гг.) теория бюрократии разрабатывалась в контексте анализа смежных проблем политической оппозиции, легитимности, власти, социальных интересов и современных идеологий. На четвертом этапе (2001–2010 гг.) были опубликованы книги по теме политической концептологии, в которых содержится разработка фундаментальных проблем политической науки, включая проблему государства и бюрократии[670].

В исследовательской программе В.П.Макаренко можно выделить историко-методологический, теоретический, политический и публицистический аспекты, которые могут составить предмет особого исследования в рамках истории политической науки в СССР/России[671]. На эту программу мы опирались при изучении взаимосвязи между политическим контекстом и проблемой бюро-

---

[668] См.: Константинов М.К. Концепт, логос и (не) много политики // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 4 http://politconcept.sfedu.ru/2014.4/08.pdf

[669] См.: Макаренко В.П. Ленинская методология анализа бюрократии и политических элит классово-антагонистического общества (на англ.,франц., испан., португ. языках) // Проблемы современного мира. 1982, №101

[670] См.: Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985; Он же. Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону, 1987; Он же. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, 1988; Он же. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989; Он же. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, 1992: Он же. Бюрократия и государственный формализм // Вопросы философии. 1993, № 2; Он же. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. Дисс. в виде научного доклада на соискание уч.степени докт.полит.наук. Санкт-Петербург, 1996

[671] См.: Кто есть кто в политической науке России. Справочник. М., Мысль, 1996; От политической мысли к политической науке. Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности / Автор-составитель Я.А.Пляйс. – М.: Изд-во МГУП, 1999

кратии. В.П.Макаренко проанализировал социологию Макса Вебера и его теорию бюрократии, сопоставил взгляды Вебера, Маркса, Ленина и других марксистов, на этой основе проанализировал политическую историю советского государства и пришел к выводам, с которых начинается первый том его капитального исследования и новый этап анализа бюрократии[672].

Выводы В.П.Макаренко таковы: ни политическое руководство бывшего СССР, ни правительство современной России даже не пытались извлечь практических выводов из теории бюрократии для преодоления тотальной бюрократизации государственной власти и управления; в России веберовская концепция «рациональной бюрократии» используется для апологетики существующего режима и манипуляции обществом; современное российское законотворчество не выражает интересы населения, а обслуживает произвол вершины и других звеньев государственного аппарата; этот аппарат раскололся на несколько клик, ни одна из которых не выражает общие интересы населения страны; политическая система российского государства устарела, а так называемая «оппозиция» была и остается частью властно-политического истеблишмента; сам способ постановки и обсуждения социальных и политических проблем в современной России является разновидностью манипуляции обществом со стороны власти, ее специальных и идеологических служб. Иначе говоря, бюрократический контекст политики является важным при обсуждении всех социальных и политических проблем.

Однако в трудах В.П.Макаренко не обсуждается специально взаимосвязь политического контекста с проблемой бюрократии, за исключением краткого обзора теоретических традиций, образующих интеллектуальный контекст аналитической политической философии. Но на основе изучения его трудов возникает вопрос: подтверждается ли теория бюрократии конкретными социологическими исследованиями властно-управленческого аппарата современной России и как они могут использоваться при уточнении понятия политического контекста?

На этот вопрос можно ответить положительно[673]. С 1980-х гг. в политической науке прослеживается тенденция отхода от общей

---

[672] См.: Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, Изд-во Март, 2013, с.7-15

[673] См.: Камкия Б.А. Политический контекст и проблема бюрократии: концептологический

теории за счет выдвижения контекста на первый план. Новое направление компаративистики ориентировано на культурную специфику различных стран и на контекст политических явлений и процессов. Этот способ сравнения больше подходит для решения проблем развития демократии и политической теории. В данном контексте происходит переосмысление роли государства.

Ярким примером такого переосмысления является концепция Джеймса Скотта. Она направлена против следующих феноменов современности: империализма как планировщика нынешнего социального порядка; имперского и гегемонического менталитета планирования; капиталистического рынка и бюрократического государства; упрощения социальной науки. Проекты упрощения окружающей среды и упрощенные проекты организации общества в равной степени подвержены риску неудачи. Д.Скотт отстаивает социальное и природное разнообразие и показывает ограниченность знания о функционировании сложных систем.

Неоднозначность государства определяется тем, что его институты образуют основу свободы и рабства людей одновременно. В XX веке ряд государств (особенно СССР) руководствовались утопическими планами и игнорировали ценности, желания и протесты своих граждан. Эти государства представляют смертельную угрозу человеческому благосостоянию. Такая ситуация сегодня стала обычной. Поэтому надо каждый раз взвешивать, насколько полезно и вредно любое вмешательство государства в социальную жизнь.

Джеймс Скотт создал парадигму анализа указанных проблем. На материале научного фермерства, индустриального земледелия и капиталистических рынков он показал, что рынок вслед за государством тоже является средством гомогенизации, усреднения, схематизации и упрощения. Сегодня глобальный капитализм — самая мощная сила гомогенизации, даже если государство иногда защищает местные особенности и разнообразие. Выводы из неудач модернистских проектов социальной инженерии применимы к рыночной и бюрократической стандартизации одновременно.

Джеймс Скотт систематизировал не решенные проблемы до сих пор проблемы, порождаемые рынком и государством как главными элементами социального контекста. Особенно опасно

подход. – Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2015

приписывать государству цивилизующую роль: «Простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть»[674]. Концепция Скотта позволяет осознать потерянную возможность и с подозрением относиться к государственному контексту социального бытия, а также к политике, если она исчерпывается государственной политикой.

В современной политической науке исходной проблемой разработки понятия «политический контекст» является описание и объяснение смысла краха Советского Союза. В бывших социалистических странах реализована вопиющая несправедливость, которую не в состоянии предотвратить системы существующего права. В постсоветском мире эта несправедливость воспроизводится, поскольку существует конфликт интересов между заверенными государством правами и обязанностями и местными социальными отношениями. Для описания данного конфликта надо рассматривать понятие собственности в категориях экономической антропологии, а не существующей системы законов. В постсоветском мире законы попираются властью и не соответствуют местным моральным устоям. Фактическая приватизация воспроизвела местную бюрократическую иерархию, установившуюся после краха социалистического строя. Во всех постсоциалистических странах воспроизводятся прежние отношения между жителями и государственными чиновниками. Поэтому властно-управленческие аппараты данных стран образуют важнейший элемент политического контекста.

Теория бюрократии В.П. Макаренко может использоваться для анализа данного контекста, поскольку она подтверждается конкретно-социологическими исследованиями властно-управленческого аппарата России. В исследованиях Левада-Центра и коллектива под руководством О.И. Шкаратана на основе применения всех методов социологического исследования показано, что элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых должностей в общественной, экономической и государственной службе,

---

[674] Сатухолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: колл. Монография / Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. – М.: Логос, 2000, с.131

которая проходит под контролем общественности, опирающихся на суд и политические партии[675]. Важнейшая задача элиты – формулировка целей общества и приоритетов развития.

Ни один из критериев элиты не работает в России. В советском и российском контексте элита, интеллигенция и бюрократия отождествились. Современная российская элита есть продукт разложения советского общества и элемент социальной мимикрии. Она не учитывает социально-исторический контекст и функциональные различия правящих групп в разных социальных системах. Современная российская «элита» есть продукт самоидентификации политтехнологов и политологов, обслуживающих власть или ее потенциальных конкурентов.

В России возник феномен «административного рынка». Процесс деидеологизации постсоветского общества прямо пропорционален его бюрократизации. Продолжается воспроизводство административного произвола и отсутствие контроля населения над властью.

Российская «элита» создана по шаблонам советской бюрократии. В России бюрократия взяла на себя задачу символической репрезентации власти для общества, а по отношению к массе играет роль тотальной бюрократической власти. Отсутствие механизмов представительства и дискуссии привело к парадоксальному распределению компетенции и квалификации, которое выражается в воспроизводстве дореволюционного принципа «еврей при губернаторе» как главного признака социальной морфологии российской элиты.

Российская политика есть воспроизводство предыдущих образцов. Политика в российской системе власти неэффективна, а околополитическая «элита» сервильна, коррумпирована и аморальна. Реакция системы на некомпетентность верхушки заключается в росте численности чиновников и бюрократизма в целом. Неизбежным результатом является нарастающий паралич и эффект «понижающего трансформатора». Главная особенность позднесоветской и постсоветской элиты – сохранение ее бюрократической организации.

---

[675] См.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007; Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009

Советская номенклатура и нынешняя «властная вертикаль» России не является элитой ни по профессиональным, ни по деловым качествам. Но она не является и бюрократией, поскольку не обладает компетентностью, рациональностью, ответственностью. Современная российская бюрократия и интеллигенция воплощает отказ от модернизации, а российская элита сращена с властью.

В России установилось полицейское государство. Российское понятие «элита» есть синтез прежних советских представлений о номенклатуре и интеллигенции и представляет собой государственную бюрократию. В комплектовании и формировании «элиты» участвуют только государственные органы. Отсюда вытекает тенденция к закрытости и изоляции власти от общества. Состав современной элиты смещен в сторону политтехнологов и чиновников. Это социальное образование является «полусветом» полицейского режима.

Аксиома об элите как агенте модернизации российского общества не подтверждается конкретными социологическими исследованиями. В середине 1990-х гг. политика реформ была свернута, власть побоялась опереться на гражданское общество и стала зависеть от силовых структур. С помощью силовых структур в России установлено полицейское государство, представители которого хотят любой ценой удержать свою власть. Тогда же оформились номенклатурно-державная и интеллигентски-просвещенческая модели модернизации. В каждую из них встроены контрмодернизационные элементы и основные идеологемы российской журналистики и политики («национальная идея», «российская геополитика», «евразийский проект», «национальная идентичность», «либеральная империя»). Все они стремятся соединить либерализм и западничество с национализмом. Аппаратно-силовой вариант «модернизации» связан с принудительной консолидацией вокруг единого лидера, усилением контроля над обществом и восстановлением административного произвола. Нынешняя власть не заинтересована в изменениях, диалоге с обществом и разделении власти и ответственности.

Рост коррупции выражает процесс устранения общества из публичного пространства, перевода всех связей и отношений в режим особых привилегий. В нулевые годы произошла персонификация власти и групповая самокастрация элиты. У власти нет оригинальных идей развития и способностей к выработке самостоятельных программ. Крупный бизнес в России труслив, не имеет

собственных политических амбиций, тесно связан с высшей властью или включен ею в свои структуры. Распад тоталитарной структуры организации общества-государства не сопровождается появлением новых представлений о социально-политической реальности, а усилением разочарования и утратой иллюзий в отношении способности государства отвечать патерналистским ожиданиям населения.

Наиболее острые проблемы современной России связаны с распадом государственно-централизованного устройства. Проявлением этого распада является разрыв между приватными коммуникациями индивидов и огосударствленными коммуникациями в отношениях просителей (бюрократические учреждения и социальные службы) и зрителей (массмедиа). Социум в России по-прежнему является патерналистским, образуя множество приспособленцев с различной тактикой приспособления.

Ведущая характеристика российского общества – двусмысленность его институтов. Приспособление остается базовой социальной стратегией, а заимствование-повторение – распространенной формой универсализации образцов поведения, культурных значений и символов.

Разрыв между словесной и реальной поддержкой В. Путина партийными элитами объясняется отсутствием у нынешней власти идеологических принципов. Ни региональные элиты, ни московский интеллектуальный контингент не обладают собственными политическими интересами, перспективным политическим видением, программой, инструментами реализации программных целей и идей. Те и другие выражают дистанцированно-критическую позицию, но не являются самостоятельными и влиятельными игроками на политическом поле.

Распад тоталитарной системы захватил лишь поверхность государственного управления. Почти не затронул его глубинной институциональной и человеческой основы, но обнажил слой домодерных традиций и партикуляристских представлений: аморализм, холуйство, беспринципность и цинизм, отсутствие универсальных ценностных регулятивов. Сложившаяся в России со второй половины 1990-х гг. система корпоративно-олигархической власти обеспечивается преобладанием в ее ведущих узлах представителей силовых структур и символизируется единоличной фигурой президента, выдвинутого данной средой. Центральная власть не опирается на эффективное функционирование социальных ин-

ститутов, обеспечивающих стабильное развитие и улучшение жизни большинства населения. Высшая власть России перекладывает функции элиты на нынешние околовластные группы. Но у этих групп нет необходимых социальных и интеллектуальных ресурсов, которые могли бы стать в обозримом будущем основой модернизации страны, нет символических и идеологических ресурсов для того, чтобы обеспечить легитимное признание верхов и массовую мобилизацию для поддержки власти. Они отличаются примитивностью, традиционализмом, эпигонством.

Нынешний политический режим в России держится на смеси массовой апатии и дистанцированности населения от политики в сочетании с условной поддержкой численно небольшой группы, выигравшей от происходящих в стране изменений благодаря своей близости к власти или сохраняющимся связям с распределительными механизмами прежней системы – государственными, полугосударственными или сросшимися с государством структурами бизнеса. Эти группы составляют примерно 10–15 % взрослого населения страны. Главный эффект функционирования этих групп сотрудники Левада-Центра предлагают описывать при помощи моделей «паразитарной кастрации».

Любая система устойчива, если она соединяет ряд человеческих типов. Для модерных обществ это носители знаний, ценностей, умений, квалификаций. «Если обобщить ответы респондентов, то в постсоветской ситуации существуют типы трудоголика, бюрократа, технократа, серого исполнителя-функционера, лизоблюда, карьериста, идеалиста, дурака. «Наверх» отбирается тип безынициативного приспособленца, лишенного достоинств и знаний. Этот тип производный от нынешнего «централизма», он выступает «клеем», связующим элементом власти и массы»[676]. Данный тип принципиально не способен на выдвижение стратегических целей развития.

Современная российская бюрократия не контролируется репрезентативными органами. Она зациклена на интересах самовоспроизводства. Она сосредоточена не на выработке и достижении стратегических целей и реализации поставленных задач, а на симулировании и разыгрывании, на понижении уровня сложности

[676] Гудков Л.Д. и др. Указ.соч., с.200

управления, нейтрализации конкурентов, могущих выдвинуть подобные задачи и требования.

Назначенное президентом окружение есть квазиэлита. Она сознает, что вылезать со своими идеями и инициативами опасно и неблагоразумно. Это оборачивается выхолащиванием продуктивных и инициативных индивидов, заменой их исполнителями чужой воли, рассчитывающими пересидеть начальнические инициативы и порывы к обновлению, циниками. В управлениии российским государством господствует новый тип низкоквалифицированного исполнителя. Он сознает свою ограниченность, но декларативно лоялен к хозяину, до тех пор, пока не изменится ситуация. В отличие от чиновника советского времени он лишен всяких элементов идеологии. Он может симулировать любую идеологию, хотя обычно ею оказываются разновидности «национальной идеи» – т.е. остатки старого комплекса великой державы. Это производитель актуальных идеологических суррогатов и политических проектов, «изобретатель слов», прагматически относящийся к любым ценностям и ресурсам. Власть не заинтересована в создании условий для более открытого и менее репрессивного общества. Она блокирует потенциальные источники модернизации, нанимает специалистов по имитации идеологической поддержки — поискам «национальной идеи», демонстрации «большого» имперского стиля.

Этот тип российской «элиты» связывает ряд других человеческих и социальных ролей в системе власти: идеалиста-государственника, технократа, силовика, функционера в общую систему функционирования правящего режима. Существующие политические институты производят определенный подбор людей на ролевые позиции, распределяют дураков, циников, идеалистов-экспертов и трудоголиков в соответствии с их «безопасностью» для структуры власти, нейтрализуя продуктивный потенциал самой системы власти, парализуя ее возможности обеспечивать развитие страны. Подобный эффект плохо осознается обществом, хотя ощущается им как нарастающее состояние деморализации в стране, усиление аномических процессов, увеличение массы немотивировапнной агрессии и произвола. Эти процессы вызваны тем, что символическая ось организации жизни в стране поражена аморализмом, ложью, корыстолюбием и воровством. Это приводит к странному общему эффекту: власть в целом отмечают и почитают, но не уважают, так как государственные институты лишаются

своего достоинства и ценности. Холуйство как тип господствующей политической культуры может на какое-то время обеспечить стабильное положение в стране, но не дает ей развиваться и не вызывает уважения у людей[677]. Несмотря на разговоры о модернизации, Россия оказывается обществом без будущего, обществом в состоянии разложения и гниения, заложником правящей группировки с ее клановыми интересами.

Ответы экспертов свидетельствуют, что единственным механизмом реальной работы власти на всех уровнях является «мягкая» коррупция – использование административной близости к первому лицу, возможностей закулисного влияния, «телефонного права» и капиталов. У нынешнего руководства отсутствует идея последовательной деэтатизации, высвобождения потенциала общественных инициатив и самоорганизации как единственной возможности дифференциации общества и движения страны. Основной идеологической составляющей ориентаций любых групп элиты является этатизм. Ни у кого из них не удается обнаружить идеи социального многообразия, самодостаточности и функциональной автономии различных общественных сил и форм, которые в их богатстве и динамике взаимоотношений и составляют «общество» в строгом смысле слова. Отсутствуют также идеи субъективности, выбора, ответственности, самостоятельных политических субъектов, их суверенитете, механизмов представительства и согласования интересов. Отсутствует все, что образует сферу политики.

В сегодняшней российской элите нет представлений о модернизации как социокультурном процессе, его составляющих, движущих силах и механизмах. Нет также программ реформаторских действий, групп их политического продвижения и технологического обеспечения. Такие идеи, программы, стратегии блокируются преобладающими интересами самосохранения и поддержания монопольной тотальной власти нынешней группировки на федеральном «верху», от которого зависят все элитные группы и население страны. Идеи и программы системных социально-политических реформ заблокированы у большинства представителей элиты идеологическими представлениями о приоритете и величии страны как «целого» и «державного целого». Любые начала

[677] См.: Гудков Л.Д. и др. Указ.соч., с.202-203

дифференциации, стоящие за ней претензии на автономию понимаются как прямая угроза правящим, целому России, величию державы.

Российская квазиэлита фактически не имеет программ развития и не обладает (по ее собственному признанию) способностью их выработать. В этих обстоятельствах можно говорить о кастрации элиты в сегодняшней России, об отсутствии в ней лидеров и даже самих представлений о лидерстве. Российская квазиэлита представляет собой замкнутое социальное множество. Она держится только на верноподданности начальству, от которого полностью зависит. В идеологическом плане это аморфная группа. Ее объединяет представление о том, что считает важным высшая власть, которая подбирает и назначает подчиненных на должности. Поэтому принцип конституции власти и управления сверху блокирует любые формы ответственности элиты перед обществом.

Положение такой «элиты» не зависит от компетентности и квалификации управленческого персонала. Из описаний и ответов опрошенных вырисовывается картина коррумпированной системы, пытающейся восстановить централизованный контроль над обществом и экономикой. Наиболее часто упоминаемые типы среди представителей нынешних элит – это временщик, циник, беспринципный и некомпетентный исполнитель чужой воли, а также идеалист, пытающийся провести свои идеи по улучшению государственного управления.

Внутри управляющей корпорации нет никаких связей солидарности, предполагающих общность интересов (кроме удержания нынешнего режима у власти, с чем правящая элита непосредственно связывает свое положение в настоящем и будущем). Идет жесткая внутрикоропоративная борьба за ресурсы влияния и доступ к президенту. Эта борьба лишена соображений об общих национальных интересах, программах развития, модернизации. В результате ни одна из начатых и провозглашенных реформ не реализована.

Информационная обеспеченность вершины власти является неполной и недостаточной. Она неадекватна ситуации в обществе. Поступающая наверх информация проходит жесткий селективный отбор, соответствующий интересам ближайшего окружения президента. В этом смысле администрация Путина полностью управляет им. Именно это делает высший эшелон власти неуверенным в

себе, напуганным событиями, связанными со сменой власти в странах СНГ, возможностями массовых выступлений населения. Более трети экспертов считают весьма вероятным внезапное развитие кризисной ситуации, вызванной внешними факторами, случайными обстоятельствами, внутренней борьбой кланов, техногенными катастрофами. Все это может обрушить нынешнюю систему власти. Однако подавляющая часть элиты полагает, что внешнеэкономическая конъюнктура позволяет администрации, используя легальные и нелегальные средства контроля и принуждения, обеспечивать внешний порядок и относительную удовлетворенность (по принципу «только бы не было хуже»).

Проблема преемственности власти представляется элите туманной и неопределенной. Это не просто область гаданий, но и пространство разного рода проекций, желаемых сценариев развития, страхов или ничем не подкрепленной уверенности в том, что «все будет хорошо». Чем больше Путин и его администрация концентрируют в своих руках средства управления и контроля, тем менее эффективным становится режим в целом, тем более проблематичными делаются перспективы модернизации страны, тем выше опасность нового кризиса власти, хотя когда этот кризис разразится, нет ясности ни у кого из представителей элиты. Их общее ощущение — собственная отчужденность от власти и нарастающая зависимость от воли последней, непредсказуемость развития ситуации для страны в целом.

Указанные выводы конкретно-социологического исследования проверены и подтверждены в материалах личных интервью с представителями российской квазиэлиты и бюрократии. В целом главную угрозу для России представляет власть. Феномен административного паралича механизма выработки политики объясняется тем, что в элите по-прежнему фигурируют две альтернативные стратегии относительно дальнейшего развития: создание благоприятных условий для частного бизнеса; усиление роли государства, которое должно компенсировать недостаток интереса со стороны частного бизнеса к инвестициям. Блокировка модернизационных идей и стратегий в России происходит через селекцию кадров. Этим обусловлены множество аспектов социального неравенства в стране. Таковы основные характеристики политического контекста современной России.

Часть 4. Привычные аномалии?..

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ

В.П. Макаренко

Неизученная сфера диалектики

Бюрократическое управление государством - это полновластие и монополия чиновников на выработку и проведение внутренней и внешней политики, отсутствие выборности, назначаемость сверху, привилегии чиновников и политическое рабство народа. Общие характеристики бюрократического управления государством определяются множеством факторов, из которых отмечу: соответствие между формой политического строя и приемами государственного управления; специфика политического строя и права страны; возможность конструирования мнимого противоречия между политическим строем и бюрократическим управлением; юридические и политические иллюзии; отношение между чиновником и гражданином; социальные и политические мотивации бюрократии как социальной группы; ее количественный рост (число чиновников, административных структур, нормативно-регламентирующих документов); расширение прав бюрократии; громоздкость административной машины; отождествление принципов гражданской, политической и военной организации; регламентация политической жизни и процессов производства и распространения знаний.

Эти характеристики бюрократического управления государством отражаются в деятельности всех звеньев государственной машины - законодательства, суда, прокуратуры, полиции, армии, хотя каждое из них претендует на относительную самостоятельность, собственную специфику и ведет скрытую борьбу с другими звеньями. Такова проза повседневной государственной жизни.

Все указанные характеристики и факторы существуют и в современной России. Поэтому современное российское государство является постмилитаристским или полицейско-бюрократическим[678]. Составным элементом данного государства является физическое, структурное и символическое насилие над гражданами. Само существование полиции невозможно без насилия. Полиция применяет насилие для защиты той версии политического режима и социального порядка, которые существуют здесь и сейчас. Но обычно эти действия мотивируются соображениями «защиты» государства, правопорядка, здоровья, жизни и безопасности граждан «как таковых». В результате насилие применяется в повседневной полицейской практике.

Можно исходить из факта: сотрудничество полицейских структур с обществом – необходимое условие полицейского бытия. Без социальной поддержки выполнение полицейских функций невозможно. Все полиции мира сотрудничают с населением. Мотивы сотрудничества индивидов с полицией могут быть разными – от страха перед полицейской машиной и стремления стать Держимордой для удовлетворения собственных материальных и властных интересов до превращения дяди Степы, майора Пронина, старшего лейтенанта Анискина в идеал гражданского поведения или иронического апофеоза милицанера, который «стоит средь жизни»[679]. Действительно, ни сталинский, ни гитлеровский террор не смогли бы осуществляться без комплекса мотивов добровольного сотрудничества с полицией «бдительных» граждан, без одобрения или пассивной поддержки такого сотрудничества большинством общества.

Значит, место полиции в обществе можно определить как диалектику принципов насилия и сотрудничества. Эти принципы по-разному проявляются во множестве сфер социальных отношений, деятельности и сознания. В истории не было полиции, действующей только с опорой на насилие. Но не было и полиции, с которой сотрудничает все общество, хотя некоторые страны стремятся к этому идеалу.

Отношение между принципами насилия и сотрудничества определяет место полиции в любом обществе – от древнего Египта и

---

[678] См.: Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ.ред. Клямкина И.М. М.: Новое издательство, 2007; Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства. М., Фонд «Либеральная миссия», 2011

[679] См.: Дмитрий Пригов. Апофеоз милицанера // http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera проверено 18.05.2014

Греции до США, СССР и современной России. Невозможно доказать, что чем больше полиция сотрудничает с обществом, тем меньше полицейского насилия. Такой процесс возможен только при эволюции монархий и диктатур в направлении гражданских обществ и правовых государств. В результате такой эволюции физическое насилие заменяется нормами права, сильным чувством правопорядка и связанным с ними давлением общества на индивидов. В таких обществах полицейское насилие направлено на асоциальных индивидов. Такое насилие одобряется большинством граждан и строго регламентируется законом. Но это не значит, что в отдельных случаях оно не может быть суровым и даже дискриминирующим.

Эти общие рассуждения я хотел бы проиллюстровать на конкретном историческом примере. Польша до 1918 года была разделена между Австрийской, Германской и Российской империями. Затем империи приказали долго жить, но в польских библиотеках осталось много литературы, изданной во время принадлежности Польши к Австро-Венгерской, Российской и Германской империями. Во время профессорства в Польше я систематически работал в разных библиотеках. Среди прочих своих штудий просматривал и конспектировал эту литературу. Здесь систематизирую заметки одного из конспектов.

Общее благо и традиционное понимание полиции

Предметом данной статьи является прусская полиция первой половины Х1Х в. Ее можно считать клиническим случаем переплетения полицейского насилия и сотрудничества населения с полицией на фоне распада старых социальных структур. На примере Пруссии можно изучать роль принципа сотрудничества в странах с развитым чувством легитимности существующей власти и социального порядка. Данный принцип имел большое значение в деятельности прусской полиции, хотя германские ученые обычно подчеркивают роль принципа управления посредством насилия[680].

Следует учитывать, что в ХУ1 в. термин «Polizej» означал общее благо (Gemeinwesen), а термин Gefahrenabwehr означал защиту государства и индивидов от угроз как элемент надлежащего правопорядка и заботы правительства о благосостоянии государства и его подданных[681]. Значение сотрудничества полиции с обще-

---

[680] См.: Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur poiltischsozialen Sprache in Deutschland. Schtuttgart, 1978, B.1У, ss.875,879,885,886

[681] См.: Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. B.2. Neuzeit bis 1806. Karlsruhe 1966, s.257

ством определялось рядом причин: широким пониманием задач и компетенции полиции, ее структуры и кадрового состава; правовой регламентацией насилия в отношении асоциальных лиц и групп. Такое насилие соответствовало традиции и одобрялось большинством общества.

Традиционное понимание роли полиции в обществе является предельно широким. В ХУШ в. полиция отождествлялась с внутренними делами. Она была обязана не только заботиться о спокойствии, безопасности и порядке (Ruhe, Sicherheit, Ordnung), но и о благополучии (Wohlstand) подданных[682]. Однако уже в 1794 г. был принят Всеобщий закон страны для прусских государств. В нем были сформулированы узкие задачи полиции: охрана спокойствия, безопасности и публичного порядка, устранение опасностей и угроз обществу и отдельным индивидам[683]. Так начался длительный процесс отхода от широкого понимания полиции. В первой половине Х1Х в. в Пруссии произошел переход от традиционного широкого к современному узкому понятию полиции. Но поворот к узкому пониманию полиции наступил во второй половине Х1Х в., а полное преодоление широкого понимания произошло уже при Веймарской Республике[684].

В первой половине Х1Х в. полиция занималась внутренними делами, которые отождествлялись с внутренней политикой (управлением) страны. Поэтому сфера задач и компетенции полиции была огромной. Например, в одном из учебников перечислено 602 задачи (49 групп) городской полиции, 148 задач (21 группа) полиции ландратов и 89 задач (15 групп) помещиков, обладающих полицейской властью[685].

Иначе говоря, не общество стремилось к сотрудничеству с государством, а государство навязывало населению сотрудничество при реализации полицейских задач. Правительственные вестники Прусских земель заполнены множеством инструкций о том, как бороться с эпидемиями животных и людей, как оборудовать ко-

---

682 См.: Geschichtliche Grundbegriffe, B.1У, s.891; Sieman W. Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung. Die Afgange der Politischen Polizej 1806-1866 // Studien und Texte zur Sozialgeschichte und Literatur. Berlin, B.14, s.6-9; Haupt H.G. Staatliche Burokratie und Arbeiterbewegung: Zum Einfluss der Polizej auf die Konstituirung von Arbeiterbewegung und Arbeiterklasse in Deutschland und Frankreich zwischen 1848 und 1880 // Schriften des historischen Kollegs. Kolloquin 7. Arbeiter und Burger im 19.Jahrhundert. Oldenburg, 1984, s.224-225

683 См.: Sieman W. Op.cit., p.8

684 См.: Haupt G.H. Op.cit., p.225

685 Heyde W.G. Landes und Lokal-Polizeiverfassung in der koniglichen Pryussischen Staaten. Magdeburg, 1843, B.1, s.157

лодцы и воздвигать дамбы вокруг водоемов, как сажать деревья вдоль дорог, как копать кладбищенские ямы. Выполнение этих задач возлагалось на население. Полицейские инстанции должны были только передавать инструкции о том, «что делать» и «как делать». Значительно меньше мне попадалось инструкций о том, как действовать полицейским инстанциям при осуществлении репрессий. Почти все задачи, которые мотивировались «благополучием подданных» должны были опираться на сотрудничество полиции с подданными. Иначе говоря, без сотрудничества с полицией «благополучие» становилось невозможным. Реализация таких задач занимала львиную долю времени полицейских чинов. Такое сотрудничество создавало естественные связи и базис для сотрудничества между населением и полицией при реализации уже чисто полицейских задач, к чему государство тоже призывало подданных.

Подданные знали, что полицейские чины должны выслеживать тайные заговоры, ловить воров и задерживать бродяг, заботиться о состоянии людей, лошадей, коров, овец, свиней, собак, дорог, об освещении улиц и защите от пожаров. Одни полицейские предпочитали бороться с заговорщиками, другие – руководить посадкой деревьев вдоль дорог, но по долгу службы обязаны были делать то и другое[686]. Так транслировался полицейский универсализм.

Важнейшей задачей прусской полиции в первой половине X1X в. был надзор за поведением иностранцев и паспортная служба. Полицаи выполняли эту задачу при поддержке хозяинов постоялых дворов, трактирщиков и дворников. Эти группы становились податливы для сотрудничества с полицией. Одновременно полиция курировала данные сферы общественной жизни. Государство призывало население к сотрудничеству в делах ловли преступников, дезертиров, перевозки бродяг, борьбе с чрезмерным оголением тела при купании. За донос на человека, который курил на улице, доносчик получал половину штрафа, наложенного на курильщика. А за участие в ловле дезертира, уклоняющегося от службы в армии, платили два талера[687].

Сотрудничество населения с полицией в процессе реализации чисто полицейских задач составило суть программы социализации полиции. Речь идет о создании такого принципа лояльности к

---

[686] Heyde W.G. Op.cit., s.158-160

[687] Generalinstruction fur die Verwaltung der Pass-Polizei in den Koniglichen Preussischen Staaten // Amtsblatt der Koniglichen Regierung zu Posen. Jahrgang 1819, s.169, 256

власти, когда лояльность отождествляется с подчинением ее приказам. С этой точки зрения социализацию полиции можно рассматривать как процесс воспитания верноподданных вместо граждан[688].

Сотрудничество полиции с населением базировалось на глубоко укорененном чувстве законности власти династии Гогенцоллернов, которая считалась монархами «Божьей милостью». Полиция реализовывала свои задачи от имени короля. Поэтому поддержка полицейских задач отождествлялась с поддержкой самого монарха. Назначаемые королем полицейские чины несли в себе часть его монархического величества[689].

Кроме этого общего правила сотрудничество полиции с обществом стремились усилить другим способом: некоторым сословным и профессиональным группам давали определенные права по выполнению полицейских обязанностей в помощью экономических стимулов. Сотрудничество при выполнении чисто полицейских функций базировалось также на повышении личной безопасности индивидов, поскольку во многих городах ее не могли обеспечить незначительные полицейские силы. На основе распоряжения от 14 декабря 1816 г. полицейский министр выплачивал особое вознаграждение за ловлю и поимку опасного преступника[690].

Итак, сотрудничество с обществом при выполнении полицейских задач вытекало из традиции, чувства легитимизма, места в социальной иерархии, обязанности. Население сотрудничало с полицией ради материальной корысти и страха перед наказанием за отказ от сотрудничества.

Но затем в научных и чиновничьих сферах государства сформировалось убеждение в двойственности полиции. Оно оформилось в 1840-е гг. и выразилось в разделении полиции на негативную и позитивную. К первой относилась полиция безопасности и порядка, которую определяли как полицию принуждения (Zwangspolizei). Ее цель заключалась в создании условий для выполнения позитивных функций, в которых выражалась забота го-

---

[688] Здесь я использую восходящее в работам Г.Алмонда и С.Верба разделение политической культуры на парохиальную, подданническую и участническую. См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992, № 4

[689] Das Polizeiwesen des Preussischen Staates: eine systematisch geordnete Sammlung aller auf dasselbe Bezug habenden gezetzlichen Bestimmungen, insbesondere der in der Gezetzsammlung fur die Preussischen Staaten und in den von Kampatzschen Annalen fur die innere Staatsverwaltung enthaltenen Verordnungen und Rescripte, in ihrem organischen Zusammenhange mit der fruheren Gezetzgebung // Die Verfassung und Verwaltung des Preussischen Staates. B.2. Breslau, 1841, s.503

[690] Amtsblatt..., s.91

сударства о благополучии подданных (национальное богатство, хорошее воспитание, социальная гигиена и мораль). Эта часть полицейских задач определялась как культурная полиция (Kulturpolizei)[691].

Теоретики утверждали, что при реализации этой части полицейских задач надо сотрудничать с уже полицеизированными гражданами. В этой сфере насилие не только не вело к цели, но и могло повредить. Насилию придавалась служебная роль в отношении сотрудничества с обществом как главного элемента полиции благополучия[692].

Но для большинства населения особенно острыми были задачи по участию в задержании преступников, предотвращении преступлений и надзору. Их реализация вела к полицеизации широких масс населения[693]. Поэтому большинство инструкций адресовалось высшим полицейским чинам, имеющим юридическое образование или большой опыт. В итоге общее благо населения как главный мотив деятельности полиции превратилось в пустую формулу, поскольку принятие решений об общем благе делегировалось вниз, на уровень каждого конкретного полицейского. Провести различие между его произволом и общим благом становилось невозможным. Строгое выполнение задач культурной полиции становилось невозможным без управления посредством насилия. Для этого требовался многочисленный эффективный дисциплинированный полицейский аппарат.

В период реформ Штейна и Гарденберга такой аппарат пытались создать в виде средства центральной бюрократии. В 1812 г. создали жандармерию численностью более 10000 человек. В каждом уезде размещался отряд жандармерии (от 10 до 50 человек), непосредственно подчиняющийся уездному руководителю. Предполагалось, что многочисленный и организованный по военному принципу полицейский аппарат станет средством управления посредством насилия и перестройки общества даже вопреки сопротивлению некоторых «несознательных» индивидов. Но реализация этой программы натолкнулась на сопротивление помещиков, поскольку именно на них возлагались большие расходы. Спустя 2 года программа была отложена, а в 1820 г. отвергнута. Силы

---

691 Ronne L., Simon H. Op.cit., B.1, s.1

692 Heyde W.G. Op.cit., B.1, s.1

693 Ludtke A. Polizeiverstandis preussischer Polizeihandbucher im 19.Jahrhundert. Zur Folgenlosigkeit akademischer Diskurse // Jus Commune – Veroffentlichungen des Max Planck-Instituts fur Europeische Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main, Sondergefte 21, 1995, s.322

жандармерии уменьшались почти в семь раз и составили примерно 1500 человек. Теперь 1 жандарм приходился примерно на 7200 жителей страны. Каждому ландрату выделялось 2-4 жандарма для выполнения полицейских функций. В итоге полицейская сеть государства стала редкой. В лучшем случае полиция оказывалась способной на спорадическое вмешательство в дела общества и осуществление общего надзора[694].

Сокращение кадров повлекло за собой сокращение задач и обязанностей полиции. Институт государственных директоров уездов ликвидировался. Эта функция передавалась уездным ландратам, избираемым местными сословными собраниями. Но ликвидированную жандармерию требовалось чем-то заменить. С учетом трудностей бюджета решили учредить тайную полицию. Она была доверена не только утверждаемым властью представителям, но целым сословиям[695]. В результате возникла сословно-государственная, пестрая и разделенная полиция. Низшие и наиболее существенные для повседневной жизни функции доверялись обществу и его полицеизированным представителям. Была создана полиция, основанная на глубоком сотрудничестве с населением.

В 1819 г. верховной структурой по управлению и контролю за деятельностью полиции стало Министерство Внутренних Дел и Полиции. Его советники Министерства тоже выполняли чисто полицейские функции в сфере непосредственного руководства и координации работы политической полиции. Это были хорошо образованные и обладающие большим административным опытом кадры. Политическая полиция Пруссии опиралась на малую группу профессионального персонала. На государственном уровне эта группа никогда не превышала 10-15 человек. Но в помощь ей предоставлялись следственные судьи (так называемые комиссары), высшие полицейские чины округов[696], директоры государственной полиции и ландратов[697].

Политическая полиция функционировала сверху и наряду со структурой общей полиции. Это способствовало относительной эластичности ее деятельности. Несмотря на небольшую численность, она получала неплохие результаты. Это было следствием

---

[694] Kosseleck R. Preussen Zwischen Reform und Revolution – Allgemeine Landrecht, Verwaltung und sociale Bewegung von 1791 bis 1848. Stuttgart, 1987, s.460-461

[695] Ludtke A. Op.cit., s.205

[696] В 1815—1816 гг. в Пруссии были введены административные единицы (*Regierungsbezirk* - административный округ) как опосредующий уровень между провинцией и уездом.

[697] См.: Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte. B.1. Stuttgart, 1961, s.150; Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte: 1803-1850. B.1. Stuttgart, 1961, s.152-158

эффективности преданного делу аппарата, добровольного сотрудничества с политической полицией большей части обычных полицейских и бдительности верноподданных, которые постоянно сочиняли доклады, писали доносы и анонимные письма. Без такой поддержки незначительный аппарат политической полиции не смог бы сделать и десятой доли того, что делал. Причем, он действовал в обществе, которое в либеральной атмосфере вынудило короля в 1817 г. распустить политическую полицию[698].

Этатизация полицейских органов

Полицейские органы создавались административными округами. Их чины состояли на службе в Министерстве внутренних дел и полиции и должны были надзирать за полицией всего округа. Полицейскими вопросами округа занималось несколько государственных советников и 10-15 человек подчиненного им персонала. После 1815 г. полицейские ощущали себя не только представителями государства в отношении общества, но и представителями данного округа в отношении центра. Это имело место не только в коренных провинциях, но и в Рейнской области. В польских районах прусской оккупации такой полиции не сформировалось. В 25 прусских округах было занято свыше 500 советников, в каждом округе примерно по 20 человек. Структура государственной полиции заканчивалась на уровне округа. Низшие уровни территорий доверялись сословной полиции[699].

На уровне уездов полицейские функции от имени короля выполняли выборные ландраты. Доверие к ним базировалось на убеждении в том, что сословная полиция будет реализовывать цели законодателя. Предполагалось, что при выполнении полицейских функций общество будет сотрудничать с государством через представителей государства, а не общества. В большие города назначались полицмейстеры и создавались государственные полицейские учреждения. Вместе с прилегающей территорией города составляли уезды. Это способствовало перекрещиванию компетенций и вытекающим отсюда конфликтам между полицмейстером, ландратом и бургомистром, которому подчинялся магистрат. В первой половине X1X в. эти конфликты не были решены[700].

---

[698] Obenaus W. Die Entwicklung der Preussischen Siecherheitsdienst. Bis zum Ende der Reaktionszeit. Berlin, 1940, s.107
[699] Bar M. Behordeverfassung der Rheinprovinz seit 1815. Bonn, 1919, s.193-195
[700] Huber E.R. Dokumente..., s.176

Полицейский штат городов обычно не превышал 20 человек. Ниже уездного уровня полицейская власть принадлежала выборным членам городских магистратов, а в сельских округах ее исполняли собственники на основе рыцарского права. Таких полицейских рыцарей в Пруссии насчитывалось около 12 тысяч. Их квалификация обычно не проверялась. Поэтому данная группа не только отличалась крайне низким уровнем полицейской компетенции, но зачастую была критически и даже оппозиционно настроена в отношении правительства. Вспомогательный персонал сельской полиции состоял из избираемых или назначаемых сельских старост и различных сторожей. Они выполняли свои функции на общественных началах или за мизерную плату из кассы собственника или общины. Полицейское судопроизводство выполнял назначаемый юнкером заместитель, если у него было надлежащее образование. Хотя грамотность всесторонне поощрялась, староста мог быть неграмотным. В маленьких городах государственной полиции не было. Полицейские функции выполнял бургомистр или другой уполномоченный член магистрата. В городах был также штатный аппарат (от 3 до 12 полицаев). В маленьких городах на службе магистрата состоял 1 полицай (как правило, отставной солдат-ветеран). Такая полиция была дешевой (экономически и служебно она целиком зависела от магистрата) и малокомпетентной, несмотря на служебное рвение. Материальное положение инспекторов было приличным. Они обычно имели образование, рекрутировались из отставных офицеров и находились в партнерских отношениях с магистратом. Низшие чины и полицаи получали маленькую зарплату, и потому были вынуждены подрабатывать (развешивали частные объявления, торговали в зарегистрированных на жен лавках и т.п.). Нередко после посещения городка ландрат писал в рапорте: из 3 штатных полицейских один сумасшедший, другой престарелый, третий негоден к службе.

Некоторые отличия в структуре местной полиции выступали в Вестфалии, где полицейские функции на территории общин бесплатно выполнял назначаемый Amtmann. Существенной новинкой в конце 1830-х гг. стало создание местных полицейских комиссариатов в Рейнской области (Landes-Polizei-Komissariate). Этот институт должен был бороться с ростом контрабанды и тайной торговли «чужаков»[701].

---

[701] Heyde W.G. Die Patrimonial- und Polizei-Gerichtsbarkeit beliehenen Rittergutsbesitzer. Magdeburg, 1842, s.54-89

Перечисленные факты свидетельствуют о неэффективности сословной полиции на территориях, в которых база сотрудничества государства с обществом была незначительной. Государство увеличивало полицейское вмешательство в дела общества, дополняя неэффективное сотрудничество с обществом управлением посредством насилия. Однако на германских землях это было исключением. Ситуация в польских провинциях значительно отличалась от положения в Пруссии. На протяжении первых 15 лет оккупации польских земель Пруссия пыталась наладить сотрудничество государства с обществом. Власть оставила на местах большинство полицейских чинов и сельских старост периода Варшавского княжества. Проверенные прусские чиновники назначались лишь на высшие полицейские функции на уровне округов и полицмейстера Познани. Однако недоверие немцев к польскому населению привело к тому, что городскую ординацию получил только онемеченный Бромберг (польский Быдгощ) в 1808 г. Такой порядок давал городам большую свободу в формировании полиции по сравнению с более этатизированными Французской республикой и Российской империей. В 1829 г. уездным ландтагам были предоставлены права выборов ландратов, но восстание 1830 г. привело к отмене этого права вплоть до конца господства Пруссии. Несмотря на отмену, с 1833 г. полицейские функции обычно выполняли поляки и авторитетные люди.

Восстание 1863 г. показало, что находящаяся в польских руках полиция была нелояльной в борьбе с движением независимости, хотя успешно занималась устройством дорог, здравоохранением, ликвидацией последствий наводнений и т.п. Ландраты и сельские старосты сотрудничали с повстанцами и парализовали действия верховной власти. Местная полиция себя не оправдала, а небольшая жандармерия не могла противодействовать повстанцам. Пришлось применить чрезвычайные меры: армия выводилась из казарм и использовалась для охраны границ, карательных операций и усмирения.

После проверки лояльности короне политика сотрудничества с польским населением была отменена. Особенно это относилось к магнатам и шляхте, которые Пруссия и Россия считали враждебным и подозрительным элементом. Ради минимализации влияния шляхты на деревню Германия и Россия отказались от политики сотрудничества и начали привлекать на свою сторону так называемый «народ». Местные ландтаги лишались права выбора ландратов, посты сельских старост становились платной номенклату-

рой округов. На них назначались только верноподданные короне немцы и поляки. Чаще всего это были отставные офицеры и унтер-офицеры. Расходы на их содержание возлагались на местных помещиков. В 1837 г. название полицейской должности было заменено на окружной комиссар. Окружные комиссары были постоянными, назначались уездными ландратами, их власти подчинялись также малые города. Для минимализации влияния шляхты на деревню сельские старосты избирались собраниями по предложению окружного комиссара.

Государственная полиция проникала исключительно глубоко: этатизация полицейских должностей в Великой Польше спустилась на уровень округов с населением 2-8 тыс. человек, тогда как в коренных прусских провинциях задержалась на уровне нескольких сот тысяч человек. Причем, акцию стремились удешевить: обязанность содержать полицейских была возложена на плечи общества, прежде всего на польскую шляхту. На протяжении длительного времени власть пыталась создать для себя партнера из онемеченной городской буржуазии и раскрепощенного крестьянства. Посредством воспитания и военной службы их пытались связать с прусским государством и монархом. Великая Польша была исключительным районом в Прусском королевстве, однако даже здесь рост этатизации не привел к радикальному росту насилия государства в отношении общества. Это вытекало из того, что социальная группа помещиков требовала особого надзора. Но применение физического насилия в отношении благородных людей не соответствовало обязательным нормам права и не помещалось в полицейском воображении[702].

Армия и полицейская практика

Уже в ХУШ в. прусская армия использовалась не только в целях защиты от нападений других государств, но и в повседневной полицейской практике - для подавления волнений и восстаний. Решения об использовании армии принимали военные коменданты городов независимо от местной гражданской власти.

Прусская армия в Х1Х в. стала уже не только социальным интервентом, но и элементом повседневности для 2 млн. жителей городов и местечек, в которых осуществлялось повседневное патрулирование. Армия размещалась в 200 постоянных гарнизонах, охраняла казармы и другие военные объекты, тюрьмы, городские

[702] Op.cit., s.216-218, 232-233

кассы и другие гражданские учреждения. В 26 городах-крепостях армия выполняла функции привратника-надзирателя - контролировала въезд и выезд у городских ворот, патрулировала улицы, охраняла порядок на рынках и ярмарках.

Попутно возникали добровольные полицейские формирования. Во многих городах гарнизонов не было. В период социальных потрясений 1840-х гг. по разрешению государства общество начало создавать собственную полицию для защиты от социальных низов. Возникали многочисленные отряды милиции из бюргеров, купцов, ремесленников. Они получали холодное и огнестрельное оружие и несли патрульную службу. Этот факт фиксирует размах сотрудничества государства с обществом при выполнении полицейских функций[703].

Власть сотрудничала со всеми социальными группами, которые получили ограниченное право гражданства. К ним относились землевладельцы, богатая и образованная городская буржуазия, раскрепощенное крестьянство. Такова была социальная основа прусского государства. Эти социальные группы не только сами были полицеизированными, но и оказывали полицеизирующее влияние на низшие слои. Вместе с полицейским аппаратом и армией они охраняли прусский правовой режим, авторитет монархии, сословную систему и повседневный порядок перед группами, которые по мере вступления страны на «прусский путь к капитализму» оказались вне сословного общества. Для полицеизации этих групп их принудительно направляли в работные дома, а добровольные рабочие подвергались полицейскому надзору работодателей и фабричному надзору начальства. Работодатели имели право физического наказания рабочих, которые отказывались выполнять их приказания. Среди рабочих были привилегированные группы, в отношении которых запрещалось физическое насилие (шахтеры и солдаты, направленные на работу в фабрики). Миграция из сел в города обычно связана с потерей корней, трудностями адаптации в новой среде, дезориентацией, крушением авторитетов. Поэтому указанные группы намного больше других вступали в конфликт с правом. В первой половине X1X в. их численность значительно возросла, они все более концентрировались вокруг возникающих промышленных центров. Чтобы удержать мас-

---

[703] Компетенции армии по подавлению беспорядков были установлены 17 октября 1820 г. С этого времени армия все чаще использовалась для усмирения. В 1840 г. в прусских городах жило около 3,8 млн. жителей. Почти половина из них жила в гарнизонных городах, где размещалось примерно 80-120 солдат. См.: Ronne L., Simon H. Op.cit. B.1, s.80

сы в подчинении, им надо было создать условия стабильного существования. А до этого полицеизировать их при помощи насилия – единственно эффективного средства для этих людей[704].

Теперь рассмотрим роль насилия в методах работы полиции. Законы запрещали применять телесные наказания в отношении свободных граждан государства (Staatsburger), к которым относились землевладельцы, образованные люди и богатые мещане. Но понятие гражданина оставалось неопределенным. Поэтому в городах возникали значительные трудности. На протяжении первой половины X1X в. расширялась категория социальных и профессиональных групп, не подлежащих телесным наказаниям. Телесные наказания были прежде всего средством удержания в повиновении так называемых внутренних врагов, к которым причислялись враждебные классы. Многие группы населения получили право телесной неприкосновенности. При определении телесных наказаний низших классов требовалось учитывать пол, физическое телосложение и оценку врача. В 1798-1805 гг. телесные наказания начали применяться и в отношении студентов[705].

Применялись также наказания за непослушание. Они рекомендовались при проведении следствия, когда подозреваемый или обвиняемый отказывался давать ясные ответы, выкручивался, а его ложь была доказанной. Такие наказания могли применять следователи. Полицейским чинам запрещалось принуждать подозреваемого к признанию путем угроз, битья, нанесения другого физического вреда, а также обещать обвиненному безнаказанность при условии его признания[706].

Эти запреты постепенно расширялись. В 1812 г. уменьшилось число социальных групп, которых было разрешено пороть. Полицейские имели право нанести не более 20 ударов хлыстом. В 1816 г. Военное министерство запретило применять физическое насилие к солдатам-отпускникам и резервистам. С этого года начался рост групп крестьянства и мещанства, освобожденных от телесных наказаний. В 1830 г. было запрещено пороть девушек старше 10 лет, от телесных наказаний освобождались также воры, немые, инвалиды, умалишенные, бродяги, нищие, беспризорные дети. С 1799 г. за воровство пороли пропорционально цене украденного.

---

[704] Ludtke A. Das Schwert der inneren Ordnung: Administrative Devinitionsmacht, Polizeipraxis und Staatloche Gewalt im vormarzlichen Preussen // Kriminalogisches Journal. 1987, 2 Bejheft, s.90

[705] Heyde W.G. Landes..., s.80

[706] Heyde W.G. Op.cit., B.1, s.67-69

В 1835 г. возобновлено предписание 1798 г, согласно которому разрешалось пороть участников беспорядков и сборищ. 12 августа 1841 г. Министерство внутренних дел и полиции запретило пороть людей за мелкие проступки. Но полный запрет телесных наказаний принесла лишь революция 1848 г. В новом полицейском уставе 1850 г. и уголовном кодексе 1851 г. порка целиком исключалась[707].

В соответствии с инструкцией 1820 г. полиция имела право применять оружие при следующих условиях: когда жандарм подвергался насилию при исполнении им служебных обязанностей; при задержании на месте преступления убийц, воров, контрабандистов, которые угрожают или оказывают физическое сопротивление конфискации у них товаров и средств передвижения; если только таким способом можно было защитить охраняемый пост или людей. В том же году были установлены правила применения оружия при несении охранной службы, разгоне толпы и подавлении беспорядков. Если полиция не справлялась с этими задачами, в дело вступала армия и руководство переходило в ее руки. Для подавления беспорядков обычно использовались небольшие отряды военных (от 40 до 100 чел.). При этом огнестрельное оружие старались не применять. В начале подавления беспорядков командующий офицер обязан был троекратно громко призвать к спокойствию и потребовать разойтись. После этого разрешались удары саблей (плашмя) и прикладом. Те же правила действовали при несении патрульной службы, поскольку патроны патрулям не давали[708].

Полицейская практика данного периода – это общий процесс сужения сферы применения насилия в отношении все более широких групп населения. Полностью исключить насилие из полицейской практики было невозможно, поскольку большинство прусского общества положительно оценивало пользу умеренных телесных наказаний. Порка (особенно в провинции) считалась домашним средством воспитания, если перед поркой жертве перечисляли ее грехи и проступки. Популярность телесных наказаний вытекала из общего убеждения: малые проступки должны наказываться немедленно. К тому же средства экономической репрессии (штрафы) в отношении неимущих были безуспешны, а лишение свободы требовало больших расходов, особенно если в данной

[707] Ludtke A. Die “gestarkte Hand” des Staates, zur Entwicklung staallicher Gewaltsamkeit – das Beispiel Preussen im 19.Jahrhundert // Levithan. 1989, nr 7, s.209
[708] Ludtke A. Op.cit., s.219

местности не было работных домов (трудовых лагерей). Поэтому мнимая строгость законодателя по сути смягчала местные правовые обычаи.

В Силезии в 1796 г. было запрещено применять для наказания палки, дубовые колодки и аналогичные средства воспитания. Рекомендовалось пороть плетью через одежду, а не по голому телу. Но даже берлинская полиция применяла порку как универсальное средство для наказания за мелкие проступки и ради принуждения к признанию. Служебное усердие и грубость полиции не уменьшались. Поэтому в 1818 г. началось плановое ограничение телесных наказаний. В учреждениях государственной полиции план был выполнен оперативно и телесные наказания исключены. Однако даже в 1840 г. Министерство внутренних дел и полиции давало округам премию, если они больше применяли денежные штрафы, чем порку. Наказание штрафом приносило доход казне, но исполнить его было намного труднее. В провинции телесные наказания не считались опасными, а центральная полицейская власть тоже нередко их одобряла. Правда, иногда выпоротые люди обращались в суд, который конкурировал с полицией и часто наказывал немецких Унтер-Пришибеевых большими денежными штрафами. Значительно чаще даже судебное наказание за необоснованное применение насилия не вызывало никаких служебных последствий. Если порки применялись редко и втихаря, власть относилась к ним терпимо. Поэтому почти все полицейские безнаказанно лупили цыган, евреев, бродяг, рабочих и прочую сволочь[709].

Военные часовые и патрули тоже имели право применять физическое насилие при исполнении служебных обязанностей, при поимке преступников, разгоне участников беспорядков, дебошей и трактирных драк. Хотя солдаты охотно вмешивались в эти события, они обычно встречали решительное сопротивление. Нередко мирные горожане избивали часовых и патрулей до потери сознания. Армия постоянно занималась разгоном участников беспорядков. Для этого использовались отряды пехоты и кавалерии, которые с оголенными саблями врезались на конях в толпу. На этом специализировалась берлинская жандармерия.

Огнестрельное оружие применялось в виде исключения (события в Бреслау 1817, Кельне 1846, картофельная революция в Берлине в апреле 1847, во время революции 1848 г.). Социальные

[709] Ibidem., s.209-210

изменения 1840-х гг. и наплыв больших масс населения привели к тому, что вмешательство армии стало единственной гарантией поддержания социального порядка в развивающиеся индустриальные центры.

Этот факт значительно повлиял на психику полицейских и большую часть прусского общества. Синдром осажденной крепости появился в сознании полицейских в 1840-е гг. Предполагалось, что общество находится под постоянной угрозой внутренних врагов – низших классов без корней и надлежащего чувства морального порядка. Это убеждение наиболее проявилось в период введения осадного положения 1849-1851 гг. Однако в период массовых беспорядков сотрудничающая с обществом полиция оказалась совершенно недостаточной не только на польских окраинах, но и в Берлине - столице государства. Взаимодействующая с обществом полиция могла быть успешной только в периоды социальной стабильности, когда роль стабилизатора выполняет давление общества, а не отряды жандармерии.

Иначе говоря, сформулированная в период реформ Штейна и Гарденберга модель полиции рухнула в период ускоренной индустриализации и миграции населения из села в города.

При анализе роли насилия надо учитывать также государственное понимание надзора. В повседневной жизни применять его было намного обременительнее, чем просто выпороть человека. Министерство Внутренних Дел и Полиции (а вслед за ним и авторы полицейских учебников) ставили на первое место проверку паспортов и надзор за иностранцами. Существовало правило: никто не должен находиться в городе без регистрации в полиции. Вначале (1809-1813 гг.) выполнение этой задачи ставилось перед политической полицией. Но после освободительной войны на большинстве территорий полицейский контроль паспортов и чужестранцев перестал выполнять роль средства против революционных эмиссаров, а направлялся главным образом против неимущих. Конечно, в столице и университетских городах 1830-1840-х гг. функции политической полиции имели смысл. Но в итоге ее главной задачей стал надзор за бедными бродягами.

Особое внимание полиции к низшим классам нарастало в 1830-е гг. и вытекало из прозаических причин: наплыв в города масс населения без средств к жизни и постоянных занятий рассматривался как очевидный рост угрозы преступлений (воровства и беспорядков); опасение перед болезнями, разносимыми бродягами, челядью и поденными рабочими, вытекало из страха эпиде-

мий и состояния финансов городских касс (неимущих надо было лечить за счет города). Чтобы сдержать мобильность населения, были введены путевые (Wanderbuchern, 1831 г.), служебные и трудовые книжки для железнодорожников (1846 г.). Надзор над чужаками вытекал из предрассудка: их наплыв увеличивает преступность, угрожает социальной безопасности. Этот предрассудок увеличивал насилие. Бдительность и превентивность вели к тому, что любой полицейский мог арестовать, обыскать, проверить (не совершил ли он преступлений), избить и выгнать со своего участка любого бродягу[710].

Широкое определение подозрительного иностранца привело к тому, что проблема превысила возможности полиции. Полиция вынуждена была контролировать перемещения путешествующих батраков и слуг, которые должны были иметь разрешение. Эта группа уже в 1830-е гг. составляла почти 1,2 млн. человек. Рост городов, большая группа путешествующих людей, ищущих работу и средства для жизни, способствовали появлению и углублению разрыва между требованиями властей и возможностями контроля. Самым обременительным следствием полицейского надзора стала возможность попасть в работный дом. В 1830-е гг. они начали создаваться в Пруссии по образцу Голландии. Но направление в работные и исправительные *дома* осуществлялось по полицейскому произволу. Самый длительный срок, на который туда можно было посадить трудоспособного нищего – 12 месяцев. Такие сроки давал только округ. Из-за малочисленности работные дома Пруссии обычно были переполнены. Поэтому большинство сидело в них не более одного-трех месяцев. С момента выхода из работного дома клиент попадал под постоянный надзор полиции. Надзору подвергались также все бывшие заключенные. Полиция должна была контролировать их средства жизни, они не могли оставлять место жительства без извещения полиции о месте и цели путешествия. Надзор как главный вид превентивной деятельности превышал реальные возможности полиции.

Особенно большая группа поднадзорных лиц оказалась в Берлине - столице государства. В сельской местности их было намного меньше. В 1838 г. статистика берлинской полиции указывает 7816 человек, находящихся под постоянным надзором, а в 1847 г. их было уже 13246 человек. Число жителей Берлина в это время составляло 380 тыс. жителей, а в Силезии постоянному надзору

[710] Ibidem, s.222-224

подвергались 3478 человек при почти миллионном числе жителей. Проблема состоит в сравнении социального состава надзираемых лиц. Большое различие вытекает из того, что в сельских округах было намного меньше преступлений и преступников, да и к тому же многие дела решались без их учета в статистике[711].

Надзор – полицейская категория, но она постепенно затрагивала самые широкие круги населения и охватывала другие сферы жизни. Полицейские были обязаны надзирать за библиотеками и своевременным возвратом книг. Но из-за невыполнимости этого требования ограничились запретом выдачи книг подозрительным лицам. Полицейские надзирали также за выполнением множества административных указаний, порядком и спокойствием на городских улицах и базарах, обязывались проверять торговые гири и аршины на ярмарках и в магазинах. Однако громадность задач по надзору обратилась против самих надзирателей. Они постоянно находились под грузом все большего числа задач и хронической нехватки времени. Бюрократическая тоска по эффективности надзора способствовала милитаризации мышления: моментальная рекогносцировка местности (т.е., быстрый обзор ситуации), приказ и (при реальном или мнимом сопротивлении) выполнение задачи по принципу военно-полевого суда[712].

Описанные процессы имели место в индустриализирующихся городах. Зато в глубине сельской Пруссии все оставалось неизменным: ландрат сидел в имении, уездный секретарь скучал на службе, а большинство собственников-рыцарей и тысячи сельских старост выполняли свои полицейские обязанности попутно, с меньшим и большим рвением или его совершенным отсутствием, ограничиваясь лишь выполнением важнейших распоряжений. Они просто посылали ландрату устное или письменное сообщение о факте совершения преступления и не пытались ни ловить преступников, ни расследовать преступления. Именно с такой полицией сталкивалось большинство жителей Пруссии в первую половину Х1Х в.

Резюме

Итак, место полиции в обществе можно определить как диалектику принципов насилия и сотрудничества. Обычно не общество стремится к сотрудничеству с государством, а государство само

---

[711] Ibidem, s.233
[712] Ibidem, s.234-236

навязывает населению сотрудничество при реализации полицейских задач. Сотрудничество населения с полицией в процессе реализации чисто полицейских задач мотивируется государством как программа социализации полиции. В состав программы входит выработка такого принципа лояльности к власти, когда лояльность отождествляется с подчинением ее приказам. Социализация полиции – это процесс воспитания верноподданных вместо сознательных граждан.

Двойственность полиции выражается в ее разделении на полицию принуждения и культурную полицию, которая транслирует христианское понимание государства как субъекта попечения о гражданах. В результате этих процессов общее благо населения как главный мотив деятельности полиции превращается в пустую формулу и подменяется созданием полицейского аппарата как средства центральной бюрократии. В любом случае надо учитывать полицейскую сеть государства, которая обычно ведет к отождествлению полицейских и общественных функций. По мере роста данной сети увеличивается полицейское вмешательство государства в дела общества. Внутренняя политика становится управлением посредством насилия.

Полицейское использование армии – существенный элемент такого управления. Организация добровольных полицейских формирований фиксирует размах сотрудничества государства с обществом при выполнении полицейских функций. Социальная почва государства – это полицеизированные социальные группы, которые оказывают полицеизирующее влияние на остальное общество. Чтобы удержать массы в подчинении, государство стремится полицеизировать общество при помощи насилия.

Полицейская практика – это регламентация применения насилия в методах работы полиции. По мере модернизации общества сфера применения насилия сужается, оно направляется преимущественно на стигматизированные социальные группы. Одновременно вмешательство армии становится единственной гарантией поддержания социального порядка в развивающихся индустриальных центрах. Возникает синдром осажденной крепости и концепт внутренних врагов, что способствует росту внутреннего контроля государства над населением. Урбанизация общества и связанная с ним миграция способствуют появлению и углублению разрыва между требованиями властей и возможностями контроля, который выражается в увеличении сферы полицейского надзора. Этот процесс обращается против самих надзирателей.

Стало быть, любую полицию можно рассматривать с точки зрения полицеизирующих и полицеизированных социальных групп, рост которых можно считать общей бюрократической характеристикой модернизирующихся обществ. Для конкретного представления о ней надо учитывать особенности полиций конкретных стран в условиях данного места и времени. Но остается открытым вопрос: насколько население ощущает недостатки, обременительность и болезни полиции как политического института?

ВОЕННО-ПОЛИЦЕЙСКИЕ СТРУКТУРЫ И ПОЛИТИКА

В.П. Макаренко

Анализ роли военно-полицейских структур в политике - важное направление разработки теории демократии. Роберт Даль считает, что период с 1980 г. по настоящее время особенно важен для демократической трансформации в мировом масштабе. Одним из главных условий этого процесса является гражданский контроль над институтами насилия[713]. Государство может использовать все экономические, социальные, психологические и физические средства насилия, но обычно доминируют физические средства насилия - армия и полиция. Вплоть до настоящего времени они используются для подавления демократии. В целях борьбы с этой традицией Даль предлагает: подчинить армию и полицию гражданскому контролю; подчинить гражданских контролеров над аппаратом насилия демократическим процедурам. Однако возможность контроля над армией и полицией зависит от двух факторов: организации аппарата насилия и состояния военной техники; использования средств контроля над ними.

Отсюда вытекает главная проблема: **развитие военной техники и организации увеличило угрозу в XX в. применения государственного насилия**. Профессионализм создает социальную и психологическую пропасть между военными и гражданскими. По мере роста и усложнения военно-полицейских структур затрудняется гражданский контроль над ними. Эти структуры стремятся воздействовать на другие звенья власти – парламент и бюрократию. Поэтому

[713] См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003, с.371-382

не существует однозначной связи между состоянием военной организации и техники и наличием (отсутствием) демократии.

В любом случае демократические государства заинтересованы в предотвращении военных переворотов. Чтобы лишить военно-полицейские структуры способности к насилию, они используют такие средства: ликвидируют вооруженные силы или оставляют небольшую армию с учетом соотношения сухопутных и морских сил; ставят армию и полицию под контроль местной власти; формируют вооруженные силы из людей с демократическими убеждениями; идеологически обрабатывают профессиональных военных.

Согласно статье 1 Конституции Российской Федерации, «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»[714]. Как решается в ней поставленная проблема?

Подходы к проблеме

Герберт Спенсер выделял два основных типа государственного устройства: *воинственный*, при котором все направлено на подготовку войны с другими государствами; *индустриальный*, когда нормы, законы и институты направлены на мирное совершенствование экономики ради блага членов общества. Спенсер считал Россию самым удобным примером обществ первого типа (наряду с Дагомеей, древними Перу, Египтом и Спартой).

Через полвека после Спенсера Гарольд Лассуелл написал эссе о «государстве-гарнизоне»: в результате развития военной техники и наступления эпохи тотальных войн главную роль в государстве начинают играть специалисты по применению насилия; организация экономики и социальной жизни систематически подчиняются потребностям вооруженных сил; доминирующее влияние находится в руках того, кто применяет насилие. Ласуэлл полагал, что практически все государства будут скатываться к гарнизонному типу. По отношению ко всем государствам мира эта теория не подтвердилась, но в отношении СССР оказалась правильной.

Чарльз Тилли тоже рассматривает формирование современных государств через призму противоборства тенденций – концентрации капитала и концентрации насилия. В Российской империи/СССР концентрация насилия опережала концентрацию капитала.

---

[714] См.: Конституция Российской Федарации. М., 1997, с.2

Итак, мнения классиков социологии и политической науки о преобладании в истории России/СССР военного типа организации общества **совпадают**. Обратимся к суждениям некоторых современных исследователей.

Дуглас Норт показал, что армия, церковь и бюрократия – главные действующие лица латино-американского пути зависимости экономики от траектории предшествующего развития. В результате такой зависимости испано-язычные страны навсегда отстали от других стран Запада[715]. Движение России по латиноамериканскому пути подтверждено конкретными исследованиями и ему уже дана оценка[716]. Значит, появились теоретические и практические предпосылки для анализа влияния военно-полицейских структур, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны.

Полицейская культура России базируется на культах репрессивного закона, военщины, политического сыска. Эти качества государства воспроизводились на протяжении столетий – от Тайной канцелярии до КГБ/ФСБ[717]. Армия и органы госбезопасности способствовали тому, что госаппарат России/СССР культивировал холопство[718]. В российском обществе до сих пор господствует репрессивное сознание, отождествляющее экономический и административно-полицейский порядок. Составным элементом такого тождества является «народная любовь к армии и чекистам», недоверие к суду, воздействие на власть через родственно-дружеские и криминальные сети: «В результате молодая Россия (слой современных российских предпринимателей, – В.М.) выступает сегодня ... в роли главной наследницы и продолжательницы советского образа жизни эпохи разложения»[719]. Стало быть, описание механизмов воспроизводства советского образа жизни тоже входит в предмет исследования.

Советская власть на всем протяжении своего существования усиливала авторитарно-бюрократические тенденции революций.

---

[715] См.: Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с английского А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», М., 1997

[716] См.: Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5-7; Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm

[717] См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. Новое литературное обозрение, Москва, 2001

[718] Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. Академия, Москва, 1998, с.19

[719] Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Смягчать или ужесточать законы? // Полис. 2000, № 5, с.129

В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики и политики. Под предлогом модернизации власть транслирует монархически-советскую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Главная драма посткоммунистической трансформации – борьба между сторонниками рынка и рантье. Последние поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты[720].

Вся история России/СССР – это процесс многократного образования и распада империи[721]. Но в рамках империй невозможно ни разрешить универсальные проблемы империй (появление класса государственных чиновников, торговля государственными должностями, конфликт центра и периферии, использование финансов и кредита для колонизации новых и удержания за собой прежде завоеванных пространств), ни устранить особенности распада империй: возникающие на развалинах империй государства обладают большой силой самосохранения даже при неблагоприятных обстоятельствах; на протяжении периода распада империй эти государства превращаются в «змеиный клубок интересов», зависимостей и карьер; государство становится самодовлеющей ценностью и теряет способность решения социальных проблем; зато оно удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; по мере распада империй новые правящие клики преобразуют государство в сословный институт[722]. Под углом зрения «змеиного клубка интересов» можно рассматривать деятельность всех государственных ведомств и институтов, включая армию и полицию.

В эпоху разложения СССР вне критики оставались деятельность органов управления высших уровней, госбезопасность, армия и внешняя политика. После 1991 г. шлюзы открылись. Теперь дипломаты критикуют военных и чекистов, военные и журналисты критикуют чекистов и дипломатов, чекисты критикуют дипломатов и идеологов, бывшие идеологи огрызаются на все стороны, почти все плюются вслед ЦК КПСС, а сыновья стремятся выгородить своих папаш[723]. Накапливается громадный эмпириче-

---

[720] См.: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Изд. Ростовского университета, 1989, с.42-102; Он же. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002, с.190-224

[721] См.: Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1-2. М., «МИК», 2001

[722] См.: Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001, № 12

[723] Приведу навскидку несколько симптоматичных публикаций: Гриневский О. Тайны

ский и антропологический материал для анализа «змеиного клубка интересов» главных государственных институтов и применения к российским процессам теории политической критики[724].

Перед перестройкой значительная часть комсомольских лидеров низшего и среднего звена перебежала в органы безопасности и более других воспользовалась (в личных целях) начавшимися в стране преобразованиями[725]. Вера в принцип военной организации как идеал для всего общества привела к тому, что в нулевые годы на всех уровнях управления оказалось непропорционально большое число отставных офицеров. О.Крыштановская ввела для этого термин «милитократия». Высокопоставленные военные и работники спецслужб стали главным кадровым резервом в системе «управляемой демократии».

Стало быть, поставленный вопрос можно конкретизировать: способствуют ли все перечисленные тенденции соблюдению Конституции РФ?

Суждение военного аналитика

Под таким углом зрения можно собрать целую библиотеку. Из нее я возьму лишь пару книг Александра Гольца. Они опираются на исследования Левада-Центра и потому могут считаться социологически репрезентативными[726]. В первой книге описаны перипетии военной реформы в России и история российского милитаризма. Во второй книге содержится анализ конкретных аспектов российского милитаризма (гражданский милитаризм, милитаризм российской власти, милитаризм и общественное созна-

---

советской дипломатии. М., Вагриус, 2000; Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000; Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005; Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004; Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003; Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002; Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М., Захаров, 2006; Протоиерей Георгий Эдельшейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005; Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997; Микоян С. А. Анатомия Карибскбого кризиса. М., Academia, 2006

[724] См.: Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Идея-пресс, Москва, 1999

[725] См.: Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., Прогресс-Традиция, 2006, с.863, 878

[726] См.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004; Гудков Л.Д. Абортивная модернизация / Л.Д.Гудков. – М.; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011

ние; милитаризм и армия; милитаризм и конкурентноспособность России). Рассмотрю лишь некоторые аргументы и выводы А. Гольца в соответствии с целью статьи.

Военная реформа и генералитет. Первый министр обороны России П.Грачев отличался глубоким недоверием к начальству. «К руководству российскими Вооруженными силами, – пишет Гольц, – в наиболее критический период пришел смелый, но ограниченный человек без каких-либо убеждений и глубоких знаний. Он твердо знал, что начальство всегда требует или невыполнимого, или преступного. И доблесть видел в том, чтобы уклониться от выполнения подобных приказов»[727]. В том числе от военной реформы.

Министерство обороны стало владельцем гигантских стратегических запасов оружия, военной техники, продовольствия, топлива и промышленного сырья. Грачеву удалось провести через правительство документы, позволяющие Вооруженным Силам избавляться от «излишков» имущества. Начался грабеж, а затем массовое оформление контрактниками жен офицеров и прапорщиков.

В основе всего учебного процесса Вооруженных Сил СССР лежал мифологизированный опыт Великой Отечественной войны. Из него был сделан вывод: Советская армия – идеал и реформировать в ней нечего. Правда, под влиянием политических изменений Россия отказалась от главной задачи Вооруженных Сил СССР – подготовки к ведению глобальной войны на всех направлениях одновременно. Но Россия унаследовала от СССР 85 % вооруженных сил и только 60 % экономического потенциала. Отсюда был сделан вывод: если грядущая война выйдет за рамки регионального конфликта, Россия должна использовать ядерное оружие первой для нанесения обезоруживающего удара.

В США над стратегическими концепциями трудились не генералы, а ученые-политологи. Они разработали теорию сдерживания, которая легла в основу американской ядерной стратегии. Кремлю потребовались люди, способные оценить эти теории и понять, как они реализуются на практике при создании систем ядерного оружия. Задача была возложена на Институт США и Канады РАН. После изучения вопроса российские ученые-политологи института вступили в конфликт с капитанами военно-промышленного комплекса. Последние грудью стояли за сохране-

[727] Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет. М., Захаров, 2004, с.23

ние советской практики, когда разные конструкторские бюро разрабатывали один и тот же вид оружия. В результате в войска поступали однотипные, но разные по конструкции системы.

В «Основах (концепции) государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 года» нет постановки вопроса о демилитаризации силовых структур России. В российской армии идет схватка между кланами сухопутчиков, ракетчиков и спецслужбистов. Эта схватка накладывается на два общих синдрома военно-полицейского сословия: сознание осажденной крепости и поиск врагов (это особенно характерно для деятелей спецслужб); призывной сидром выражается в том, что уже давно в армию призывают не для защиты Родины, а для выполнения подсобных работ. В целом стараниями российского генералитета военная реформа всякий раз заходила в тупик. «В оправдание выдвигалось несколько групп аргументов – отсутствие общей концепции военной реформы, отсутствие необходимого финансирования, вовлеченность армии в политическое противоборство, участие в войне в Чечне»[728]. Генералы сопротивлялись любым предложениям гражданских реформаторов, обвиняя их в безответственности, стремлении разрушить Вооруженные силы великой державы.

А. Гольц формулирует принципиальное положение: армия и в условиях демократии в силу своей специфики живет по совершенно недемократическим правилам (единоначалие, безусловное выполнение любого приказа, строгая иерархия званий). Система гражданского контроля над армией призвана разрешить противоречие – существование внутри демократического общества принципиально недемократического инструмента защиты этого общества.

Первый шаг в установлении такого контроля – это жесткое разделение функций и ответственности военных и политических руководителей. Должна быть в принципе исключена ситуация, когда генералитет принимает решение о том, что угрожает в данный момент государству. Военные должны только консультировать высшее политическое руководство, а после принятия решения неукоснительно его выполнять. Но политические руководители не желают нести свою долю ответственности за принятие решений в военной сфере. Если у военных нет права не выполнять приказ политического руководства, то они должны быть уверены,

[728] Там же, с.103

что этот приказ не будет невыполним или преступен. Однако от Карабаха до Чечни Кремль демонстрирует обратное[729].

Гольц считает армию инструментом для решения политических задач. Однако после очередной неудачи политики не спешат принимать на себя ответственность за провал. Единственная гарантия против ошибок политиков в отношении армии – публичное обсуждение всех случаев использования военной силы. Такая система требует от президента ответственности, а от парламента – вменяемости. Однако военно-политическое руководство России не считает нужным информировать общественность о том, что происходит в военной сфере. «В результате советская военная элита по-прежнему определяет российскую оборонную политику»[730]. Без общественного контроля коррупция еще больше, чем теперь будет разъедать военные круги. Это приведет к тому, что средства, направляемые на Вооруженные силы, и в будущем будут исчезать неизвестно куда. А генералы, как и прежде, будут саботировать военную реформу.

Чтобы приступить к военной реформе, генералы требовали создания всеобъемлющей концепции национальной безопасности, внешней политики и военной доктрины. Но им нужна не доктрина, а несколько строк с перечислением вероятных противников. Тезис о том, что у России нет военных противников, вызвал полное неприятие генералитета. Он занимался поиском глобального противника.

Доктрину ядерного сдерживания Россия списала в США. Эта концепция сформулирована в 4-м НИИ Минобороны, который в течение десятилетий разрабатывал ядерную политику СССР. Осенью 1998 г. этот институт представил в Совет по внешней и оборонной политике документ, в котором констатировалось: в настоящее время наши вооруженные силы утратили военно-технический паритет с традиционным противником (США) и постепенно утрачивают военно-техническое превосходство по отношению к вооруженным силам «третьих» стран. Поэтому надо понизить порог применения ядерного оружия. Это значит, что российские военные стратеги приняли на вооружение американскую и натовскую концепцию гибкого реагирования. Ее основа – избирательное, адекватное угрозе использование ядерных средств. На-

[729] См.об этом подробно: Жирохов М.А. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012
[730] Гольц А. Указ.соч., с.115

личие ядерного оружия – единственное на сегодня материальное свидетельство того, что Россия является великой державой.

Россия поставила рекорд: около дюжины министерств и ведомств обладают военными формированиями (внутренние войска Министерства внутренних дел, железнодорожные войска, войска гражданской обороны, инженерно-технические и дорожно-строительные воинские формирования, войска службы внешней разведки, войска органов ФСБ, федеральных органов государственной охраны, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ).

Все эти ведомства Гольц предлагает разделить на две группы:

1. Так называемые «правоохранительные органы». В советское время КГБ и МВД представляли карательные органы. Теперь КГБ разделено на ФСБ, СВР и Федеральную службу охраны. Здесь приказы не обсуждаются, и они строились по принципу военных организаций. Большинство членов данных структур не хотят демилитаризации. Служба для них связана не только с тяготами военной службы, но и привилегиями: ранняя пенсия, квартира при увольнении и пр.

2. Все остальные ведомства, деятельность которых фактически основана на рабском труде солдат срочной службы. Без демилитаризации этих структур о военной реформе говорить нет смысла. Генералитет изначально не хотел никаких реформ и стремился просто протянуть время.

Армия и политика. С первых дней существования Российской армии ее руководители жаловались на то, что разные политические силы пытаются заигрывать с военными, чтобы сделать их своими союзниками в борьбе за власть. Поэтому Кремль не проявил желания реформировать армию. Она осталась нетронутой гайдаровскими реформами. На деле Советская армия была одним из главных действующих лиц в политике: попытка путча в августе 1991 г.; Всеармейское офицерское собрание (январь 1992 г.) прямо обвинило Б.Ельцина в развале СССР и потребовало восстановить Советский Союз; но в конечном счете армия выступила на стороне Ельцина (октябрь 1993 г.).

Военное руководство намеренно преувеличивало степень вовлеченности армии в политическую борьбу и связанные с этим потенциальные опасности. Нежелание «реформаторов» трогать армию объясняется тремя факторами: Кремль сам намеревался использовать армию; опасениями, что армия выступит на стороне

коммунистической и националистической оппозиции; опасениями, что армия может выдвинуть своего лидера и установить военную диктатуру.

В СССР влияние военных на политику было скромное. Но в исключительных случаях военные участвовали во внутриполитической борьбе: летом 1953 г. преданные Г.К.Жукову офицеры из штаба Московского округа ПВО арестовали Л.Берию – руководителя спецслужб; в 1957 г. Жуков представил Хрущеву самолеты военно-транспортной авиации, чтобы экстренно доставить в Москву всех членов ЦК КПСС и помешать сподвижникам Сталина вернуть власть. Но это испугало Хрущева и он отправил Жукова в отставку.

При Брежневе генералитет имел решающий голос в вопросах внешней политики и безопасности, но не оказывал почти никакого влияния на внутреннюю политику. В СССР существовал контроль над армией – через политические органы до Главпура. Противоречий во взаимоотношениях высшей власти и военных не наблюдалось. Власть брала на себя ответственность за применение силы. Поэтому военные участвовали в грязных делах (расстрел мирной демонстрации в Новочеркасске в 1962 г., подавление революций в Венгрии и Чехословакии, давление на Польшу в 1980-81 гг.).

Кризис наступил, когда Кремль попытался использовать армию в подавлении национальных движений в Армении, Азербайджане, Грузии и Прибалтике. Впервые генсек КПСС и министр обороны побоялись признать, что армия действовала по их приказам. Высшее руководство предало армию. А.Лебедь рассказал, что с 1988 г. он не получал никаких письменных приказов, они отдавались по телефону.

Одновременно власть демонстрировала полную некомпетентность в использовании армии. «Секретные приказы, которые отдавали военным, были заведомо невыполнимы. Вводя войска в Баку и Карабах, советское руководство далеко не всегда стремилось урегулировать межнациональные конфликты. Оно, скорее, вело политические игры вокруг них, пытаясь через миротворчество укрепить роль Москвы в торге с республиками относительно степени их независимости»[731]. Пик кризиса советской системы отношений между политиками и военными – участие армии в по-

[731] Там же, с.151

пытке устранения Горбачева. В целом военные с одобрением приняли переворот, но когда дело дошло до необходимости использовать силу, они остановились потому, что не верили руководителям ГКЧП и опасались, что на армию в очередной раз возложат ответственность за кровопролитие.

После провала путча армия испытывала глубокое подозрение не к отдельным политикам, а к высшей государственной власти в целом. В свою очередь Ельцин, как и его предшественники, не отдал письменного приказа применить силу против Верховного Совета. Разгром базировался только на личной преданности Грачева. Кремль, коммунисты и националисты пытались использовать офицерство в своих целях. В 1997-98 гг. стало набирать силу «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». Это движение базировалось на принципах: армия - мистический «якорь спасения» и «залог процветания» Великой России; союз коммунистов всех оттенков с националистами, монархистами и прочими сторонниками сохранения советской системы. Это движение было создано Л.Рохлиным. Осенью 1997 г. он направил открытое письмо Б.Ельцину и разослал его во все части. Он прямо обвинил президента в развале армии и в действиях под диктовку ЦРУ, рекомендовал провести офицерские собрания, которые должны были направить коллективные требования в адрес президента, парламента, Верховного и Конституционного Судов. Но голодная и злая на власть армия проигнорировала рохлинские призывы. В июле 1998 г. Рохлин был убит. Его заменил В.Илюхин (коммунист, председатель комитета Думы по безопасности). Но армия продолжала безмолвствовать. В рядах движения не было офицеров, проходящих действительную службу.

Невмешательство вооруженных сил в политику во второй половине 1990-х гг. определялось тем, что офицерский корпус испытывал глубокое недоверие к оппозиции и исполнительной власти. Главные оппозиционеры вполне интегрировались в проклинаемый ими «ельцинский режим». Почему же армия сама не выдвинула харизматического лидера? - ставит вопрос Гольц. Потому что Р.Аушев, А.Руцкой, А.Лебедь полагали: высшая государственная власть ведет себя подло, делает из людей в погонах палачей и козлов отпущения одновременно. Почти все они пытались создать собственные политические организации, подвизались на политическом поприще. Но ни один из них не стал российским Пиночетом, поскольку они так и не поняли разницы между профессиями

политика и полководца. Победа на поле боя – завершающий этап работы военного, а победа в губернаторской гонке – только начало другой, еще более ответственной работы. Однако «...многие обладатели лампасов не имели вообще никаких сколько-нибудь устойчивых политических взглядов»[732]. Пример тому – А. Лебедь, который после занятия поста в 1996 г. спокойно распрощался со всеми, кто писал ему программу, и бросился в объятия людей с прямо противоположными воззрениями. Отсюда дистанция: прочтя программу, невозможно представить, что в действительности будет делать военный. Туманность политических деклараций вызывала подозрения: за ними скрываются истинные диктаторские замыслы.

«Один из главных факторов социальной напряженности в России – это результат непоследовательных попыток реформировать армию, а также провести конверсию ВПК, чему яростно сопротивлялся генералитет и директорский корпус. Но невозможно всерьез рассчитывать, что генерал, получивший неограниченную власть в стране, будет своими руками сокращать армию и военное производство»[733]. Одновременно ушедшие в политику военные не желали ответственности. Они не хотели уничтожить не только демократию, но и рынок, поскольку это ввергло бы Россию в хаос.

Офицерский корпус не является монолитной массой. У генералов и лейтенантов интересы разные. В армии представлены в тех же пропорциях все политические направления и позиции, существующие в стране в целом. Поэтому власть не опасается генеральской фронды. Военные и работники спецслужб стали главным кадровым резервом в системе «управляемой демократии». Власть их назначила в политики. Среди семи полпредов в федеральных округах – пять генералов.

Войны в Чечне оправдали отказ от военной реформы. Ельцин повторил ошибку Брежнева и Горбачева, которые видели в самом факте посылки войск в Афганистан и Нагорный Карабах окончательное решение политической проблемы. Первая война в Чечне велась во имя «восстановления Конституции», вторая – ради «борьбы с терроризмом». В обоих случаях военное командование само трактовало, что означает тот и другой термин. Разница между двумя войнами состоит только в том, что в 1999 г. военное командование получило карт-бланш на использование всех средств,

[732] Там же, с.159
[733] Там же, с.161

какие оно посчитает необходимым. «Боевые действия в Чечне в том виде, как они велись, стали следствием того, что Российская армия не была реформирована. Отказ от реформы делает эту войну практически бесконечной»[734].

Аргумент о недостаточном финансировании армии выглядит наиболее доказательным. В 1992-1999 гг. государство ни разу не смогло выполнить военный бюджет. До 2003 г. военные финансисты доказывали: денег не хватает даже на обеспечение необходимым существующих Вооруженных сил и потому военная реформа невозможна. «Но уловка заключается в том, что именно существующие Вооруженные силы и система их финансирования построены таким образом, что они могут поглотить без всякого положительного результата любую сумму»[735].

После прихода В.Путина военный бюджет за пять лет возрос более чем в пять раз - 109 млрд. в 1999 г. до 565 млрд. в 2005 г. (с учетом того, что инфляция составляла около 20% в год). Но дела в армии не пошли на лад. Военные избегают абсолютных цифр, а предпочитают вести речь о процентах ВВП. Теперь военные говорят, что военные расходы Ирана и Израиля превышают 5%, тогда как Ельцин в 1997 г. обещал не менее 3,5% ВВП. Существуют несколько «черных дыр», которые позволяют Министерству обороны требовать практически любые суммы:

1. Манипуляция с численностью Вооруженных сил (Гольц приводит цифры, фиксирующие прямую ложь военных). В одних случаях они называют реальную численность, в других – штатную. Точное количество живых людей, а не «мертвых душ», - один из самых больших секретов военного ведомства.

2. Призывная система. До сих пор неизвестно, во что обходится стоимость перевозки новобранцев и отслуживших солдат из одного конца страны в другой, а также содержание сети военкоматов, осуществляющих призыв. Таковы прямые расходы, связанные с сохранением нереформированных вооруженных сил. Есть и косвенные. Государство финансирует немалое число учебных заведений, которые из-за низкого качества образования никогда бы не собрали необходимого количества студентов. Они существуют лишь потому, что дают отсрочку от службы в армии. Есть целая криминальная индустрия из работников военкоматов и врачей, которые предоставляют отсрочку за взятки. Ее размеры в круп-

[734] Там же, с.167
[735] Там же, с.169

ных городах составляют 2-5 тыс.долл. По данным Министерства Обороны призыва избегают 87% юношей. Стало быть, речь идет об индустрии, с оборотом в десятки миллионов долларов.

3. Государственный оборонный заказ. Бюджет 2003 г. предполагал израсходовать 45,5 млрд.руб на НИОКР и 55 млрд. на закупку военной техники. Это составляет треть военного бюджета (110 млрд.). Они расходуются без всякого контроля со стороны общественности и даже парламента. В итоге Министерство Обороны само и неэффективно решает, как израсходовать деньги. При этом военное производство есть откровенное надувательство. ВПК периодически обманывает военное ведомство, предлагая ему вместо новой техники модифицированные серийные экземпляры.

4. Не предусмотренный бюджетом рост тарифов естественных монополий (платы за железнодорожные перевозки, газ и электроэнергию). В условиях экономического роста тарифы будут расти и тем самым вытягивать все больше средств из военного бюджета. Военные экономисты не хотят понять это естественное противоречие.

В целом, нереформированное Министерство обороны есть структура, которая способна поглотить любую сумму. При этом денег на военную реформу не будет хватать никогда. Поэтому ни вовлеченность армии в политику, ни война в Чечне, ни финансовые трудности не представляли фатального препятствия для проведения военной реформы. Ни одно из объяснений провала военной реформы не выдерживает критики.

Традиция «всеобщего тягла». Реформа проваливалась из-за противодействия генералитета. В этом смысле российские генералы ничем не отличаются от своих американских коллег, которые тоже вставляют палки в колеса любым попыткам реформы военного ведомства. Существует и ряд других причин.

Руководители и властно-управленческий аппарат России проявляют доверие к генералитету, неоднократно уличенному в корыстном вранье. «Оборона и безопасность» выглядят священной коровой. За термином «оборонное сознание» прячется идеология российского милитаризма, которая более живуча, чем коммунистическая и до сих пор пропитывает все поры российского общества. Даже интеллектуальная элита готова прослезиться при виде парадных «коробок», вышагивающих прусским «гусиным шагом». Большинство граждан уверены, что государство вправе тре-

бовать от них огромных жертв для укрепления пресловутой обороноспособности.

Большинство жителей России вдохновляется мифом: армия есть основа государства. Но сомнения в этом высказывались еще в середине Х1Х в.[736] Армия не является опорной точкой самобытности России. Но военная составляющая государства оказала ключевое влияние на российское национальное самосознание. Официальная пропаганда до сих пор распространяет миф: на протяжении истории Россия была вынуждена обороняться от бесчисленного множества внешних врагов и потому стремление ее защищать – врожденное качество любого достойного россиянина. На деле в 1700-1870-е гг. Россия воевала в 38 войнах и только две были оборонительными. Представление об армии как главном государственном институте – следствие связи между развитием Российского государства и реализацией интересов его служилого сословия. На этой основе сложилась своеобразная финансовая система, в основе которой лежит идея всеобщего тягла.

Петр 1 многократно усилил традицию тягла. Военная служба – главное тягло и самая тяжелая повинность для всех сословий. Европейские государи содержали наемные армии. Россия заимствовала у Швеции рекрутскую систему и могла содержать огромную армию. Успешные военные реформы шла параллельно с процессом полного и окончательного закабаления крестьян. В итоге созданная Петром 1 армия практически перемалывала мужское население империи. Почти все налоги использовались для обеспечения вооруженных сил. «Способность «расходовать» любое количество живой силы, чтобы одержать верх в битве, и стала основой русского военного искусства»[737]. Сбор налогов обернулся тем, что как раз армия отправляла на территории Российской империи основные функции государства. Полковникам предписывалось выполнять полицейские функции. Армия использовалась для строительства крепостей, прокладки каналов, расширения гаваней. От Петра 1 идет традиция стройбата. Отсюда же идет традиция назначать военных представителями высшей власти на местах.

---

[736] Например, начальник императорского Главного штаба Н.Обручев считал, что самобытность государства укореняется и развивается гражданской его жизнью, а не военною, иначе царства Чингисханов, Тамерланов и других были бы прочны и монголы до сих пор бы владели Россией.

[737] Там же, с.186

Эта традиция сохранилась и при советской власти. Вначале большевики в соответствии с социалистическими взглядами пытались формировать добровольческую армию милиционного типа. Но едва встал вопрос о выживании Советской власти, они прибегли к массовой мобилизации. Уже 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную армию». Со второй половины 1930-х гг. происходит переход к массовым вооруженным силам. С ростом армии одновременно шел возврат феодальных отношений в общество: крестьяне не имели права покинуть село и не могли распоряжаться результатами своего труда. «Безропотный крестьянин – идеальный солдат для армии такого типа. А победа над гитлеровской Германией ... на десятилетия ослепила советское военное руководство. В результате более чем на полвека была сохранена в неприкосновенности организационная структура Советской армии времен Великой Отечественной»[738].

СССР представлял собой огромный военный лагерь, который жил по законам войны. Целью образования и воспитания было растить не свободных людей, а солдат. Однако установка на всеобщую мобилизационную готовность предопределила банкротство советской промышленности.

На протяжении почти 300 лет главной задачей Российского государства было содержание огромной военной машины. Гольц отмечает общие черты германского и российского милитаризма: в основе важнейших политических решений лежат военно-технические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов, безусловное доминирование военных подходов в отношении народа к любым проблемам; глубокое проникновение военных отношений и ценностей в гражданское общество.

Об этом свидетельствуют следующие явления: генетическая связь петровских указов, николаевских военных поселений, трудармий Троцкого и советских стройбатов; человек интересовал российских руководителей в первую очередь как будущий солдат, а во вторую – как источник финансовых и материальных средств, необходимых для содержания огромных Вооруженных сил. В России высший администратор практически всегда был генералом. На этой основе возникал гражданский милитаризм.

---

[738] Там же, с.191

Артур Вагтс, автор классического труда «История милитаризма», разграничивает стремление укрепить обороноспособность и подготовить армию к возможной войне (естественное для любого государства) и милитаризм: «Это различие фундаментально, и оно имеет определяющий характер. Для военного подхода прежде всего характерно стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы с максимальной эффективностью решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересовы, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, построенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сути милитаристской». Вагтс указал наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображениям. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях, в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и на которые должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме, милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т.д.»[739]. Таков портрет советских руководителей от Сталина до Андропова.

Второй президент России В.Путин в полной мере проявляет свойства «гражданского милитариста»: безоговорочное предпочтение военных ценностей, манер, принципов и отношений и глубокое презрение к гражданской политике, институту выборов, парламентаризму и партиям. Он считает иерархическую вертикаль власти, построенную по армейскому принципу, лучшей моделью управления страной. В России до сих пор господствует военно-феодальный принцип: власть в представлении властителя безраздельна, парламент и судебная система низведены до роли марионеток, принцип разделения властей рассматривается как ересь, а принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

---

[739] Цит. по: Гольц А.М. Российский милитаризм – препятствие модернизации страны. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005, с.10

О милитаризации власти свидетельствуют: отмена выборности губернаторов ради укрепления системы прямого подчинения президенту всего и вся; представление о военной силе как панацее; предпочтение милитаристских стереотипов рационализму; «секьюритизация» (термин введен Д.Трениным) – профессия президента и его окружения определяет отношение к информации. Речь идет о профессиональной привычке к секретности, восприятие тайной стороны любой деятельности как наиболее важной. Вся остальная информация при этом рассматривается как обман и дезинформация. В результате происходит сужение каналов поступления информации, а в худшем – неадекватное ее восприятие. Пренебрегается гласность. Прямое и откровенное заявление о целях и задачах власти противоречит путинскому методу правления страной. При таком подходе Послание Федеральному Собранию есть не что иное, как ловко составленная дезинформация, цель которой - дезорганизовать противника: «По сути дела, российская власть превратилась в подобие человека, который не снимает прибор ночного видения даже днем, а потому и в яркий солнечный день видит мир серо-зеленым»[740].

На деле носители генеральских звезд не являют собой образец исполнительности и аккуратности. Высокие должности они рассматривают как место «кормления». Коррупция при В.Казанцеве (бывшем командующем СКВО) и В.Шаманове превысила даже российские стандарты. Военные не принесли ничего нового в традиции российской бюрократии.

В 1990-е гг. государственное устройство (т.е. кабинет министров) был разделено на две неравноправные части: 1. Руководители десятка военных и военизированных ведомств входят в Совет безопасности и подчиняются непосредственно президенту. 2. Остальные министерства отвечают за социальную сферу и подчиняются премьеру. Такой «двухъярусный» кабинет существовал в Пруссии и в Германском рейхе. Армия в глаза российских правителей – это символ высшей государственной власти. Такое преувеличение роли Вооруженных сил максимально облегчает генералитету защиту своих интересов.

В основе российской военной культуры лежит представление о том, что достижение победы в войне определяется: 1. Наличием многомиллионной армии в мирное время. 2. Наличием неисчер-

[740] Там же, с.20

паемых человеческих резервов и возможностью постоянно замещать выбывших солдат новым пополнением. 3. Способностью государства с помощью административных средств концентрировать все имеющиеся в стране ресурсы для обороны. При этом руководители военного ведомства не видят никакой необходимости в широком гуманитарном образовании офицерского корпуса.

Народ относится к армии двойственно: никто не оспаривает право государства призывать людей в армию и распоряжаться их жизнью, не неся при этом серьезной ответственности за их гибель; общество не осуждает тех, кто использует любые средства для избежания воинской службы. Этим объясняется то, что по данным ВЦИОМ есть следующие пять институтов, которым россияне в наибольшей степени выражают доверие: президент, церковь, армия, пресса, госбезопасность (на середину 2002 г.). Для большинства россиян армия – это некий символ государства.

Милитаризм представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Милитаризм отказывается от научного подхода, а опирается на кастовый и культовый подход, на власть и веру. Большинство милитаристов в политике консерваторы, но в философии антиматериалисты. Они всегда предпочитают расходовать людей, экономя на материалах.

Это противопоставление А.Гольц иллюстрирует борьбой между двумя школами российского стратегического мышления, которая тянется полтора века: 1. Технологи – это военные интеллектуалы, которые полагают, что традиционный российский способ ведения боевых действий (он базируется на расходовании живой силы, выносливости и отваге рекрутов-крестьян) не соответствует более требованиям современной войны. 2. Волшебники полагают, что особые качества российского солдата позволяют компенсировать техническое превосходство любого противника и победить, несмотря ни на что.

В России в 1870 г. технократ Милютин противостоял Драгомирову, Тухачевский – Буденному, Сергеев – Квашнину. «В России «технократы» всегда оказывались в проигрыше, а «волшебники» безнаказанно расплачивались чужими жизнями за собственные иллюзии»[741]. Большинство нынешних российских генера-

[741] Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет., с.201

лов защищают последний элемент советской тоталитарной системы, унаследованный ею от самодержавия. Военная каста способна на авантюру, которая ввергнет Россию в хаос.

Российская отсталость была источником огромной военной мощи. Считается, что общественное сознание России милитаризовано. Однако социологические исследования показали: с одной стороны, россияне всерьез верят в то, что более сильные государства всячески ущемляют «слабую» в военном отношении Россию, а с другой – не испытывают никакого желания сопротивляться «врагам», более того, заранее готовы сдать в придуманной войне на милость победителя.

В этом ситуации все большее значение приобретает мифологизированная история «великой державы», у которой «было героическое прошлое». Но этот героизм обнаруживается только в «победах русского оружия». Ни в чем остальном России похвастать нечем.

«Используя такую путаницу в умах, – пишет Гольц, – Кремль навязывает населению России собственную картину сегодняшней действительности: он стремится к тому, чтобы массовое переживание исторического поражения СССР, ощущение ущербности России в качестве его наследницы, своего рода комплекс милитаристской неполноценности обернулись верой в то, что национальные интересы могут заключаться только в усилении государства (его военной мощи)»[742].

Режим В.Путина пытается использовать остатки милитаристского сознания россиян для решения нескольких задач: 1. Навязать эрзац национальной идеи, сформулировать которую Кремль неспособен. Вся идея сводится к тому, что Россия обречена в одиночестве противостоять сонму врагов, а в противостоянии все средства хороши. Ностальгия по советским временам держится именно на культе великой войны. 2. Легитимизация самого режима. Граждан убеждают в том, что главным в оценке влиятельности государства является его военная мощь. 3. Армия до сих пор воспринимается как модельный государственный институт.

Процесс разложения армии продолжается все годы правления Путина. Никто из российских генералов всерьез не собирается воевать с американцами, но под прикрытием милитаристской риторики легче всего сохранять существующую структуру армии, а также не имеющую аналогов в мире военную организацию госу-

[742] Гольц А. Российский милитаризм – препятствие модернизации страны., с.26

дарства, когда помимо Вооруженных сил военная служба предусмотрена еще в добром десятке министерств и ведомств.

По армейской модели проводится внутренняя и внешняя политика. Путин и его окружение намерены модернизировать Россию «сверху», опираясь исключительно на административный ресурс. При таком подходе население страны уподобляется солдатам, обязанным слепо выполнять приказ. А те, кто сомневается в правильности и обоснованности приказа, объявляется трусом, паникером или вражеским агентом. Милитаризм превратился в важнейший элемент российской самоидентификации. Российский милитаризм выражается уже не столько в избыточных военных приготовлениях и особом влиянии военных на власть, сколько в стереотипах мышления элиты и отчасти народа. Страна в течение трех веков не знала иной организации, крое военной. Теперь она считается правильной и единственно возможной. Такой «гражданский милитаризм» является одним из главных препятствий на пути модернизации.

Анализ показывает, что принадлежность предприятия к военно-промышленному комплексу лишает его возможности создавать и выпускать конкурентноспособную гражданскую продукцию. «Создается впечатление, что, не переставая говорить о возрождении отечественного ОПК за счет новых технологий и инвестиций, нынешнее российское руководство ведет его к гибели»[743].

Милитаристская риторика служит ширмой, прикрывающей успешное расхищение военного бюджета. Модернизация России за счет милитаризации является совершенно невозможной. «Сегодняшняя идея превращения страны в супердержаву неизбежно обернется переходом к милитаризму нового типа – сырьевого. Для этого власть намерена использовать сырьевой мобилизационный ресурс, который достался ей в наследство от СССР, в качестве источника обогащения «новой» постъельцинской элиты, сформированной по большей части из представителей силовых структур. Роль армии, правоохранительных органов и спецслужб будет главным образом сконцентрирована на том, чтобы обеспечить этой элите постоянный доступ к источникам сырьевых богатств. В результате Россия может превратиться в дикое полицейское государство, подобное южноамериканским банановым республикам.

[743] Там же, с.48

Впрочем, просуществует оно не дольше чем до очередного кризиса перепроизводства»[744].

Гольц делает вывод: «Сегодняшней власти армия нужна вовсе не для обороны страны, а для решения совершенно других задач. И для их решения идеальна именно архаичная нереформированная армия»[745].

В настоящее время Вооруженные силы России являются «черной дырой», поглощающей без положительных результатов более пятой части бюджета. Настоящая военная реформа неизбежно подрывает милитаристскую идеологию, которая питает «силовиков» - выходцев из КГБ, которые все более влияют на путинскую политику. В ближайшие 10-15 лет будет продолжаться медленное разложение советской модели. Дореволюционная и советская военная историческая наука находились под жестким государственным контролем, не допускавшим критического анализа. Но надо разрабатывать альтернативную казенной историю и социологию, которой пичкают в военных вузах. Нереформированная армия – один из источников консервативной и националистической идеологии, которая и питает силовиков. Кардинальное изменение военной организации России означало бы полный и окончательный отказ от имперского наследия.

В заключение Гольц предлагает решать несколько задач: разъяснение того, что существующая система военного устройства не может быть реформирована в принципе; просвещение элит – создание с нуля основанной на реальных фактах, а не мифах, военной истории России, включая историю Великой отечественной войны; создание альтернативной системы военного образования при гражданских вузах. По его мнению, средства на это могут дать дальновидные представители финансово-промышленной элиты страны.

Вывод

Вернусь к поставленному вопросу: как решаются в России проблема, сформулированная Робертом Далем? Можно сказать совершенно определенно, что государство расходует огромные средства на институты, неспособные выполнять функции, для которых они предназначены. Эти институты превратились в острую социальную проблему, о которой я писал давно, едва на политическом

[744] Там же, с.48
[745] Там же, с.50

горизонте появились фигуры типа полковника Алксниса. Анализ ситуации в современной России позволяет заключить, что речь может идти пока только об осознании, а не решении проблемы. Ликвидации вооруженных сил еще не произошло. Соотношение сухопутных и морских сил еще не стало предметом публичного обсуждения. Армия и полиция подчиняются центру, а не находятся под контролем местной власти. Вооруженные силы не формируются из людей с демократическими убеждениями, поскольку таких людей в российском обществе пока меньшинство. Выработка демократических убеждений среди профессиональных военных пока еще есть дело будущего. Книги Александра Гольца могут служить хорошим введением во множество конкретных аспектов проблемы, характерных для современной России.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

В.П. Макаренко

Что такое кредо Гамлета

Все мало-мальски здравомыслящие люди моего поколения, которых «черт дернул» родиться в СССР, прожили свою жизнь в этой стране в качестве скрытых иностранцев или внутренних эмигрантов. Многие из них отличались своей собственной мерой иронии, дистанции, отстраненности и брезгливого любопытства ко всему, происходящему вокруг. На эту тему уже существуют целые библиотеки. Чтение можно начать откуда угодно. В том числе с книги Петра Вайля, который уехал из СССР по многим мотивам, в то числе ради возможности читать любые книги, а не только продукцию советской издательской машины[746].

Можно развить идею Вайля о свободе как точке отсчета. Всем известно кредо принца Гамлета «Весь мир тюрьма, и Дания – худшее из его подземелий». Я думаю, каждый житель нашей страны должен уточнить это кредо применительно к данному времени и обстоятельствам: «Весь мир тюрьма, а Россия – худшее из ее подземелий». Аргументов для такого уточнения тоже хватает. Упомяну два: на протяжении XX века СССР стал чемпионом мира

[746] См.: Вайль П. Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе / Петр Вайль; - М.: Астрель: CORPUS, 2012

по уничтожению собственного населения – и никто за это не понес моральной, уголовной, политической и метафизической ответственности (в соответствии с классической типологией Карла Ясперса). Значит, та же формула относится ко всем нациям, населявшим Российскую империю/СССР, а после 1991 г. создавшим свои государства. Все они стоят перед искушением старой формулы «Хороша или плоха – но эта моя страна», которая выводит свою страну за рамки морального и политического осуждения. Последствия тоже хорошо известны. Если судить от противного, то все остальные нации, входящие в советский блок, могут преобразовать кредо Гамлета в отношении собственной страны. Думаю, кредо Гамлета относится ко всем ныне существующим странам, становится, если угодно, принципом гражданского становления любого индивида. Ведь Гамлет выступал против всей системы повседневного поведения, прикрывающейся принципами христианского миропорядка.

Формулу Гамлета я предлагаю дополнить констатацией Эрнста Юнгера, высказанной после второй мировой войны: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда»[747]. Стало быть, анализ взаимосвязи здесь и сейчас существующих иллюзий свободы с деятельностью полиции и пропаганды - необходимый элемент гражданского и политического воспитания.

Теперь сошлюсь на максиму практической мудрости Нобелевского лауреата Льва Ландау, который был участником советского атомного проекта. Уже в 1950-е годы он пришел к выводу: «Ландау считает, что «целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которое ставит перед собой государство, тем более советское, которое построено на угнетении»[748]. Вот об этой мере индивидуального и массового осознания сути советского государства, способов его воспроизводства в современном российском государ-

---

[747] Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948). — СПб.: «Владимир Даль», 2007. — С. 202.

[748] Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев. Сост. Г.Е.Горелик и Н.А.Шальникова. М., Вагриус, 2009, с.561, 563

стве и выработке меры собственного самоотстранения от его главных и второстепенных задач и пойдет речь в этой статье.

Показательный пример «уроков истории»

При Ельцине военные во властных структурах составляли 6,7 %, при Путине – 26,6 %, а в высшем руководстве – 58,3 %[749]. Среди них находится А.И.Николаев – бывший Главком пограничных войск РФ (с 1993 г.), директор Федеральной пограничной службы России (с 1994 г.). В декабре 1997 г. он подал в отставку с поста директора ФПС, не согласившись с решением Президента РФ о неправовом переносе пограничного поста на российско-грузинской границе. Затем его избрали в Думу.

Между делом генерал издает книги под своим именем. Сам пишет или ему сочиняют – этот вопрос я здесь не рассматриваю, хотя чтение «Военно-исторического журнала» позволяет его поставить. В этом журнале появляются статьи о том, как генералы используют литературных слуг, а затем сами же рассказывают об этом. Так что профессия букрайтеров стала не менее универсальной, чем сочинение речей главам государства[750]. В предисловии к одной из книг генерала А.В.Ларионов характеризует автора как «заботника Отечества» и призывает за него молиться...[751]

Молиться я не умею, хотя в армии отслужил положенный срок. По роду службы имел опыт общения с генералами – от одно- до четырех-звездных. Но тогда я годился им в сыновья или внуки. И потому они были для меня отцами-командирами. Теперь я сам отец-командир. По классификации И.Бестужева-Лада, стал ученым такого ранга, который в России соответствует генерал-полковнику. А в Украине – маршалу рода войск. Независимо от моей родословной по возрасту постепенно перехожу в аксакалы. Поэтому имею право выявить структуру сознания генерал-писателя и члена парламента. При этом учту научный смысл ментальности в толковании А.Я.Гуревича: это использование литера-

---

[749] См.: Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3, с.13. Правда, точка зрения В.В.Согрина не является единственной. Другие авторы начинают отсчет упадка демократии в России с расстрела Белого дома. См.: Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., Яуза, Эксмо, 2008

[750] См.: Колесников А. Спичрайтеры. М., 2007

[751] См.: Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель. 1998

турных и иных текстов для изучения структур сознания, на которые опирается культура[752].

Генерал включает свое рассуждение о современной российской ментальности в «уроки истории»: Россия находится не в новой исходной точке, а по-прежнему «жестко закреплена» на оси предшествующего развития. Сегодняшний день – это общая равнодействующая усилий сотен миллионов россиян прошлых столетий. То, что Россия сегодня имеет, - не подарок судьбы, а результат неустанной борьбы народа за выживание. Почти все войны против России приходились на «смутные времена» - периоды становления государственности и неустойчивости ее международного положения. Но тяжелые испытания и потрясения часто приводили Россию к укреплению могущества страны. В советский период Россия создала сверхдержаву со всеми необходимыми параметрами политики, экономики, науки, культуры и военной мощи. СССР – это наша история. Ради выживания на протяжении веков Россия была вынуждена добиваться максимума государственной централизации. Такова основная традиция, которая не укладывается в рамки европейских представлений о демократии и абсолютизме. Правило России - режим осажденной крепости. Он требовал от народа пожертвовать в пользу государства всеми благами демократии: вольностями, вечевыми традициями, возможностями самостоятельного развития городов-республик.

Генерал-парламентарий трактует эти «уроки» как непреложные истины и предпосылки ментальности. А ее природу он выводит не из литературы, структур сознания и культуры (как предлагает историк А.Я.Гуревич), а из совсем другого вопроса: *почему у нас долго запрягают?* Для этого, по его мнению, надо понять национально-психологическое своеобразие – менталитет российских народов. Особенности исторического развития формируют менталитет, а менталитет выступает фактором исторического поведения и действия людей. Условия такого менталитета следующие: длительное существование России в режиме осажденной крепости; жесткая централизация; частое физическое и моральное перенапряжение; огромные лишения; безграничная вера в царей, «выдающихся руководителей» и героев. Все это, по авторитетному мнению генерала, сформировало у народа России качества высо-

[752] См.: Гуревич А. История историка. М., РОССПЭН, 2004, с.117

кой государственной дисциплины, жертвенности, выносливости и великого терпения[753].

Книжка А.И. Николаева вышла более 15 лет назад. В момент, когда я пишу эти строки, в русском Интернете висит более 1330000 сайтов, авторы которых понимают менталитет в соответствии с приказом генерала, хотя вполне возможно, что он его не отдавал... Иначе говоря, все мои соотечественники обязаны жить в режиме осажденной крепости и централизации, до предела напрягаться, быть всегда готовыми к тяготам и лишениям, верить в царей и героев.

Слова известные, как барабанная дробь. Во время службы в Советской армии я изучал устав внутренней службы и пособие для политзанятий. Все эти истины взяты генералом оттуда. Зачем же приплетать менталитет к солдатскому уставу и урокам армейской словесности? И неужели генерал сам все это сочинил? Тут мне помогла моя болезнь Гуттенберга. А.И. Николаев честно ссылается на книгу некого Ф. Нестерова. Я залез в свой архив, вынул ее конспект. И убедился: все перечисленные сентенции о русском менталитете списаны у кандидата филологических наук Ф. Нестерова. Тот еще в 1981 г. получил за свой опус премию ЦК ВЛКСМ. Видимо, поэтому его книга до сих пор висит в Интернете. Это избавляет меня от ее пересказа – любопытные могут проверить[754]. А я просто констатирую: точка зрения кандидата наук и комсомольского лауреата Ф. Нестерова на русскую историю в целом, Октябрьскую революцию, нынешнюю Россию и вытекающую из них ментальность *предвосхитила* позицию газеты «Завтра». Таково неожиданное следствие использования понятия «ментальность» при обсуждении истории и современного состояния России.

Иначе говоря, мнения некоторых генералов-парламентариев и комсомольских лауреатов (к тому же кандидатов наук!) о природе российской ментальности *совпадают*, а необходимым элементом этой ментальности полагается война как норма социального существования. Теперь посмотрим, как эта норма проявляется в современной российской реальности.

Дальнейшее изложение является развитием идей, уже высказанных при анализе первой российско-чеченской войны (1994-1996 гг.) через призму концептов «превращенного сепаратизма» и

---

[753] См.: Николаев А. Понять умом и сердцем // Слово. 1998, № 1, с.3-5
[754] См.: http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html

«колониальной войны»[755]. Подтверждаются ли эти концепты практикой второй российско-чеченской войны (2000-2002 гг.) и какие теоретические модели можно при этом использовать?

Электоральный процесс и война

В книге «Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье» собран материал о политической манипуляции выборами в Чечне. Весь материал опирается на общую характеристику ситуации: «События последних лет полностью преемственны – их объединяет следование сиюминутной политической конъюнктуре, а не желание урегулировать сложнейшую социально-политическую проблему»[756].

Во время выборов в октябре 2003 г. в Чечне 20 % населения (сторонники независимости республики) согласно социологическим данным были исключены федеральной властью из проводимого ею «политического урегулирования». Жители республики и служащие федеральных сил боятся кадыровской гвардии. На Северном Кавказе всегда действовали различные спецслужбы (от Британской и Османской империй до современной ФСБ), экстремистских и террористических организаций. Но это не объясняет и не определяет события последних лет.

На Северном Кавказе только в Чечне национальное движение провозгласило курс на отделение от России, в иных республиках это было лишь противостоянием местных элит с апелляцией к Москве как к арбитру. Однако «повышение статуса» во всех республиках сопровождалось занятием ответственных постов «национальными кадрами». Исход из Чечни русскоязычного населения начался еще в конце восьмидесятых, при Завгаеве. Здесь вытеснению русскоязычных способствовала и безработица. Криминальное давление было обращено на тех, кто не был защищен тейповыми, родовыми связями, - то есть на нечеченское население.

Экономическая политика режима Дудаева в 1992–1994 гг. не отличалась от большинства регионов России. Тут не было приватизации. Весь бюджет Чечни ушел на печатание собственной валюты, о которой мечтали также многие губернаторы «красного

---

[755] См.: Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия» (статья 1-2) // Sofia. Международный журнал философов славянских стран. 2003, № 3; 2004, № 4; Распад империй и проблема колониализма (статья 1-2) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 1-2

[756] Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье, Отв.ред. Лукашевский С.М. М., МХГ, 2004, с.10

пояса» России. Дудаев в октябре 1993 г. поздравил Ельцина с победой над Верховным Советом, поскольку собственный парламент он ликвидировал несколькими месяцами ранее. Переговоры между Россией и Чечней велись вяло, хотя они могли бы привести к урегулированию отношений, как с Татарстаном.

В Чечне ослаблялись властные структуры, усиливался криминал, узаконивались различные вооруженные формирования. Этому необходимо было противостоять. Но федеральные силовые структуры, напротив, активно использовали сепаратистский анклав в своих интересах, как «оффшорную зону» для подготовки спецопераций. В 1992-1993 гг. в ходе войны с Абхазией российские военные и спецслужбы готовили батальон Шамиля Басаева для действий против Грузии.

На российских парламентских выборах 12 декабря 1993 г. федеральная власть проиграла коммунистам и Жириновскому. После этого она решила уподобиться «национал-патриотам» – восстановить контроль над мятежной провинцией. Предусматривались «переговоры на фоне силового давления» и поддержка антидудаевской оппозиции. «Но вскоре контроль над операцией перешел к спецслужбам, которые вооружали антидудаевских «оппозиционеров», создавая на территории России незаконные вооруженные формирования, и раскручивалась спираль гражданской войны»[757].

Всего за первую и вторую войну в Чечне погибли около 70 тыс. гражданских лиц и около 12 тыс. российских военнослужащих и сотрудников федеральных силовых структур. Точные цифры неизвестны – мирных жителей никто, кроме правозащитников, не считал; потери военных до сих пор засекречены[758].

Российское и чеченское общества и государства в 1997-1999 гг. оказались неспособны защитить права граждан, противостоять экстремистам и криминалу и сползанию к новой войне.

Если соотнести число погибших и исчезнувших с населением республики, то за последнее 10 лет Чечня пережила половину второй мировой войны и целый «большой» сталинский террор. Преступления остаются безнаказанными, и это провоцирует новые преступления.

---

[757] Там же, с.12

[758] Другие авторы приводят иные цифры: за обе войны погибло примерно 300 тыс., 120 тыс. – в первой, остальные во второй российско-чеченской войне. См.: Политковская А. Вторая чеченская. М., Захаров, 2002, с.259

Конца насилию до сих пор не видно. Итогом первой войны – «наведения конституционного порядка» - стал разгул бандитизма и вал похищений людей. Вторая война – так называемая «контртеррористическая операция» - породила волну «шахидского» террора.

26 октября в ходе штурма Театрального центра на Дубровке российским спецназом было убито все 40 террористов, но погибло 130 заложников от использованного спецслужбами усыпляющего газа.

Российское государство использует силу. «Но результаты применения силы ставят под сомнение заявленные властью цели, и произносимые слова. За всеми словесными штампами («контртеррористическая операция», «точечные удары», «гуманитарные коридоры», «политическое урегулирование») оказывается обратный смысл. Словами о «борьбе с террористами» прикрывается реальная война с сепаратистами (с избранным в январе 1997 г. президентом Масхадовым). «Восстановление конституционного порядка» обернулось искусственно созданным правовым вакуумом, где силовые структуры действуют более жестоко и бесконтрольно, чем при Сталине»[759].

Россия – воюющая страна. Поэтому события в Чечне влияют на жизнь федерации в целом. Речь идет не только о террористах, способных атаковать «от Москвы до самых до окраин». Через Чечню проходят солдаты и сотрудники всех российских силовых структур из всех регионов. Опыт бесконтрольного и безнаказанного насилия над человеком, над правом и над смыслом и подмены понятий не проходит бесследно. «Россия сегодня не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого, обосновавшегося на тысячной части ее территории»[760].

Как происходит это возвращение?

Взгляд журналиста

В книге Анны Политковской описана чеченская жизнь на войне, современная российская жизнь на фоне войны, и поставлен вопрос: кому нужна эта война? Эпиграфом книги Политковская взяла слова Л.Н.Толстого, написанные 150 лет назад: «В войне русских с горцами справедливость на стороне русских. Но офице-

---

[759] Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье, Отв.ред. Лукашевский С.М. М., МХГ, 2004, с.16

[760] Там же, с.16

ры приезжают на Кавказ показать свою храбрость, получить поскорее чин и тепленькое местечко». Опишу самые показательные эпизоды, проблемы и констатации[761].

Согласно официальной информации, в спецоперации (т.е. второй чеченской войне) принимали участие: бойцы внутренних войск МВД РФ и ФСБ; сотрудники спецназа ГРУ МО РФ; представители Крчалоевской районной военной комендатуры и временных районных отделов ВД; лично генерал-лейтенант Молтенской, командующий Объединенной группировкой войск и сил; военные священники и прокуроры благословляли кровавое военное безумство и погромы. В сентябре 2001 г. в Чечню был направлен генерал-лейтенант А.Поздняков со специальным заданием президента: собрать факты о воинских преступлениях, сделать выводы и доложить главе государства. После выполнения задачи и направления с докладом к президенту его вертолет был сбит над Грозным, вместе с еще одним генералом и шестью полковниками Генштаба, со всеми материалами о военных преступлениях в зоне антитеррористической операции.

В каждой части есть офицер – посредник-финансист между военными и населением. Он занимается работорговлей арестованными. Каждый участник финансовой цепочки рассчитывает на свою долю. Офицер обычно сообщает женщинам, какой выкуп надо принести в комендатуру, чтобы их мужчин к вечеру выпустили. «Зачистки» для ловли боевиков завершаются примитивным торгом: товар-деньги-товар».

Российские солдаты стреляют в мирных жителей пулями с эксцентриком, которые запрещены к применению всеми конвенциями как бесчеловечные.

К началу третьего года войны оказалось, что бандитские группы, прочесывающие руины по ночам, - это «клуб по криминальным интересам»: уголовники из чеченских рядов, перемешанные с российскими военнослужащими, находящимися «при исполнении». Им на все наплевать – идеологическое, национальное размежевание, принадлежность к противоборствующим воюющим сторонам. «Истинный интернациональный криминал, и хоть без признаков ныне модного международного терроризма, но

[761] В качестве дополнения можно использовать: Анпилогов И. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней // Континент. 2002, № 114, с.204-270, а также более двух миллионов проправительственных сайтов, которые в настоящее время висят в Рунете.

сильнее штабов, стратегий и тактик, которые неспособны остановить кровавый поток»[762].

Военные стали хозяевами местной жизни. Они установили дикие порядки: носитель информации о реальном состоянии гражданского населения приравнен к вражескому лазутчику, с которым надо поступать по законам военного времени. Чечня наводнена добровольными помощниками «органов» из числа чеченцев. Поэтому практически невозможно отвертеться от военных. «Военные привыкли в Чечне не только убивать, грабить, насиловать и сколачивать чеченцев в криминальные группы под собственным руководством с целью совместной наживы, - они разделили страну на две части: тех, кто с ними, и тех, кто против них»[763].

Российская православная церковь оправдывает эту войну. Здесь она руководствуется взглядами царских генералов, книги которых в 2000 годы некоторые издатели квалифицируют как «бестселлеры». Например, один из них брал на себя смелость утверждать, что в исламизме отсутствует нравственный идеал: «Исламизм берет человеческую природу, как она есть со всем ее светом и со всею ее грязью, благословляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение умственное и невозмутимое довольство самим собою... Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы – разнузданности страстей, зверства, фанатизма, апатии... Когда нравственный пожар кончится, от мусульманства останется только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатия пьяницы с похмелья»[764]. По мнению этого завоевателя Кавказа, в целом азиатам чужды понятия об отечестве, об общественном интересе, о первых обязанностях гражданина, равнодушие к своей земле, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие, презрение к своим правительствам, не помышляя даже об их улучшении, безразличие к отечественным событиям. «Решение спора христианства с исламизмом, покинутое Европою с 14-го века, - вынес вердикт генерал, - с того же времени как бы свыше предоставлено

---

[762] Политковская А. Вторая чеченская. М., Захаров, 2002, с.82
[763] Политковская А. Указ.соч., с.84
[764] Фадеев Р. Кавказская война. М., Алгоритм, 2005, с.39

одной России и сделалось, сознательно или бессознательно, ее народным делом»[765].

И вот сегодня по адресу чеченцев российский солдат кричит: «Мы вас доведем до того, что вы сами в Сибирь будете проситься». В мечети российские солдаты стащили в кучу ковры, утварь, книги и Коран и наложили сверху свои «кучи». Во время цоцан-юртовской зачистки федералы уничтожили в домах все зерно, которое сотрудники совхоза получили как зарплату за летние труды, забрали все пенсии у стариков и пособия у инвалидов, все оборудование мебельной мастерской, начавшей работать в селе. Идеологический подход военной власти состоял в разгроме пищевой промышленности. Готовую промышленность разгромленного сахарного завода военные позже продавали в соседних селах по 180 руб. за мешок, при рыночной цене на сахар в Чечне раза в три выше. Те, кто видел, не могли дозваться прокуроров для ареста «продавцов» с поличным.

Военные грабят и продают трупы чеченцев. Сотрудник ФСБ С.Кошелев потребовал за труп односельчанина у старика Дагаева барана, видокамеру и «Жигули». По после этого труп не отдал. Все, кто привез выкуп в Ханкалу, бесследно исчезли. Беременную женщину поставили в позу пойманного боевика (руки вверх, ноги в стороны), и ребенок родился мертвым. Военные в молитвенном домике на кладбище унесли с собой специальную деревянную ванну для омывания покойников, сожгли погребальные носилки, своровали лопаты для рытья могил и Кораны.

Одновременно военные требуют у мирных жителей расписки, что у них нет претензий к военным. Господствует коммерческий принцип. Военные требуют денег за мужчин. Кто дал, фильтрации не подлежит. Ставки на живой товар колеблются от 500 руб. до 3-4 тыс. Берут также за ненасилие молодых девушек. Взамен сексуального удовлетворения берут 300-500 руб., серьги, цепочки.

«Военные в Чечне очень не любят прокуроров: преследуют, запугивают и никуда не пускают. В Старых Агатах прокуроры были и потом очень гордились, что сумели возбудить несколько уголовных дел... Вот документ, достойный Салтыкова-Щедрина: «...факты были предметом прокурорской проверки непосредственно в период проведения спецоперации». Это значит, сотрудники прокуратуры находились непосредственно на месте совершения

[765] Фадеев Р. Указ.соч., с.40

циничных и жестоких воинских преступлений. В момент их совершения. Наблюдали за ходом преступлений. Ни во что не вмешивались. И назвали все это «прокурорской проверкой в период проведения спецоперации»[766].

«В Чечне творится война, замешенная на лжи, - констатирует Политковская, - где все, кому положено, не договаривают всего, что обязаны, и в результате военной анархии на Северном Кавказе нет ни конца, ни края»[767]. Она называет войну «Чеченский 37-й»: «Несведущему это покажется наветом, но от того, что Путин по телевизору чеканит слова о наведении порядка – порядка в Чечне все меньше, а смертей все больше. Прокуратуры придавлены военными и работают редко. Милиция – сама же участница «процесса». Наконец, есть в стране специальная Комиссия по розыску пропавших без вести при администрации президента. Но Комиссия работает только опосредованно, из Москвы – что просто смешно в розыскных делах по Чечне. Сохранив Комиссию для красивой отчетности перед Западом, ее придушили деньгами, чтобы не рыпалась. В 2001-м воюющем году финансирование розыскных командировок было полностью прекращено, а деньги, ранее выделенные на эти цели, забрало себе Министерство обороны (одно из ведомств, бойцы которого и похищают тех, за «поиск» которых им потом платят из госбюджета). В 2002-м, на фоне кричащих фактов и острой необходимости работать, финансовая трагедия Комиссии повторилась»[768].

Живущие в России родственники не желают забирать и вывозить своих дедушек и бабушек подальше от войны. Семейная драма – исток русской национальной трагедии: «Здоровым русским больные русские не нужны... Это и есть фашизм в чистом виде – знаменитая гитлеровская идея уничтожения и выкидывания на обочину жизни немощных и убогих как балласта на пути к светлому будущему. Государственный фашизм, успешно пророщенный в семейные отношения»[769].

Чеченцы часто задавали А.Политковской вопрос: почему вы так плохо относитесь к своим? Как нам поверить, что новая власть пришла нам помочь, если даже русский старик и отставной офицер, при вновь установленной «русской власти», живет еще

---

[766] Политковская А. Указ.соч., с.107-108
[767] Там же, с.108
[768] Там же, с.114
[769] Там же, с.117

хуже, чем при Дудаеве и Масхадове? Сами местные русские говорят: «Непонятная война – за что, за кого и против кого. За кого угодно, только не за нас».

В Чечне находился почти 100-тысячный боевой контингент, противостоящий 600-тысячному населению Чечни и 2000 боевиков (официально объявленные цифры). Федералы первым делом забирают физически крепких, хорошо сложенных парней. К знающим турецкий язык и ученикам Стамбульского колледжа относятся репрессивно, поощряют доносчиков.

Правила игры для местных жителей неизвестны: «Россия делает нас быдлом. Россия гонит нашу молодежь в объятия тем, кто первым придет и скажет: «Будь с нами». Я думаю теперь так: пусть бы «бородатые» ваххабиты палками били нас за водку. Палка – все равно лучше, чем разрывная пуля. После палки выживают. Больше всего мы теперь хотим знать правила игры. Мы хотим понимать, что из нас вам не нравится? И по каким признакам? За что нас полагается пытать? За что приказано убивать? Похищать? Сейчас же – ничего не понятно, и уничтожают всех подряд: и того, кто был с ваххабитами, и того, кто был против них. А больше других – «серединных», кто был ни с кем»... Ответить нечего. Потому что страна времен Путина – это годы молчания о главном»[770].

Историю с полковником Ю.Будановым Политковская называет «смерть эпохи военного бандитизма», а его самого «русским Келли». С точки зрения большинства он борец-страдалец, гонимый за «патриотическую веру». С точки зрения меньшинства – убийца, мародер, похититель людей, насильник и лживая свинья. Процесс над ним стал яркой демонстрацией самых дурных сторон современной российской жизни – расколотого по отношению к войне общества, фантастического цинизма и лживости высшего путинского чиновничества, полной зависимости судебной системы от Кремля и явного неосоветского ренессанса[771].

---

[770] Там же, с.127

[771] 26 марта 2000 г. (день выборов Путина президентом) было также днем рождения дочери полковника Буданова. Он пригласил офицеров отметить это дело. После пьянки всех потянуло на «подвиги». Сначала решили пострелять по селу Танги-Чу из тяжелых орудий. Но дежурный по полку ст.лейт. Р.Бугреев отказался выполнить преступный приказ. За что был жестоко избит Ю.Будановым и его начальником штаба подполковником И.Федоровым. После избиения Р.Бургеева со связанными руками и ногами посадили в яму, сверху посыпали известкой, а Федоров помочился на него и укусил за правую бровь. Затем Буданов поехал в Танги-Чу за бабой. Солдаты схватили 18-летнюю Э.Кунгаеву, завернули ее на глазах четырех младших братьев и сестер в одеяло и повезли в помещение полковника. Там он ее избил до

«Эта будановская пока не-свобода – принципиальное событие нашего времени. Во-первых, для самой армии, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру… Во-вторых, для людей Чечни. Если победит полковник, а не правосудие, значит, нет надежд на то, что Чечня будет территорией, где действуют российские законы, она останется под пятой бандитов, и людям, там живущим, теперь нет разницы, какую форму и чью зарплату получают эти бандиты. Главное, что они убивают»[772].

С самого начала войны Ингушетия поставила себя особняком в отношении политики федерального центра и методов так называемой «антитеррористической операции»:

1. Открыла (по указу президента Р.Аушева) все свои границы для потока беженцев и очень быстро на ее земле оказалось почти 200 тыс., при том что население самой Ингушетии чуть более 300 тыс.

2. Ингушетия была единственной из всех близлежащих республик, которая оспаривала политику Москвы. Самый показательный пример прокремлевского поведения - Кабардино-Балкария. По приказу ее президента В.Кокова, полностью подконтрольного Москве, в сентябре 1999 г. на границах КБР выставили заградительные кордоны.

3. Ингушетия заботилась о беженцах почти три года, несмотря на беспрецедентные нападки подконтрольных Кремлю СМИ, давление и шантаж из Москвы на президента Аушева[773]. В конце

смерти, после чего приказал вывезти тело в лесопосадку и тайно захоронить. Трое солдат (ординарцы и денщики) выполнили приказ, а летом 2000 г. военная прокуратура их амнистировала как соучастников убийства и похищения в обмен на дачу нужных показаний за Буданова о том, что не было изнасилования. Солдат А.Егоров сообщил следователю, что он изнасиловал чеченку «черенком саперной лопатки» перед тем, как зарыть тело. За что и был амнистирован. Но после демобилизации в июле 2002 г. он публично признался, что показания дал под давлением и девушку саперной лопаткой не насиловал. Русские офицеры от высших до низших в общей массе поддержали Буданова с оговоркой следующего характера: «Что убили, понимаем… Чеченка, значит, боевичка. Но зачем было «мараться» - насиловать?» Там же, с.131. Насильником и некрофилом оказался элитный офицер российской армии, увенчанный самыми престижными наградами страны – два ордена Мужества. В отмывании Буданова от уголовной ответственности принимала участие профессор-психиатр Т.П.Печерникова, чья подпись стоит под «шизофреническими приговорами» самых знаменитых диссидентов 60-80-х гг. Стало очевидно, что репрессивная советская КГБ-психиатрия сохранена и отлично пристроена на «демократическую» службу». Но после запросов из Германии и Франции суд в Ростове-на-Дону 3 июля 2002 г. отменил чтение приговора, усомнился в правдивости экспертизы Печерниковой, назначили следующую и оставил Буданова под стражей.

[772] Там же, с.136

[773] Р.Аушев в интервью сказал: «Если в течение месяца антитеррористическая операция не удалась, оказались невыполнены поставленные задачи – то все! Ну не бывает антитеррористических операций на протяжении семи месяцев». Там же, с.145

концов он был отставлен, а на его место был поставлен генерал ФСБ М.Зязиков - ставленник Кремля и лично Путина, «...и в целом отечественных спецслужб, к этому времени окончательно, по прочному советскому образцу, окрепших по всех властных щелях нашей страны»[774]. После этого Москва стала насильно переселять беженцев обратно в Чечню, на пепелища и под пресс зачисток, похищений и бессудных казней.

В этой войне ненависть с обоих сторон бешеная. Военные люто ненавидят чеченцев и при первой возможности делают, что хотят. Чеченцы в ответ также ненавидят федеральные войска[775]. «Люди в погонах, - пишет Политковская, - абсолютно безнаказанно заняты не просто разжиганием межнациональной розни, что автоматически влечет за собой уголовную ответственность, - они инициируют моноэтничность в стране, а значит, дальнейший ее распад по национальным квартирам. Сепаратизм. Да. Тот самый, с которым якобы борется президент Путин, на службе у которого рубоповцы состоят»[776]. Если русские граждане имеют в паспортах строчку о регистрации в воюющей республике, это не дает возможности иметь легальную работу, медицинскую страховку и место для детей в школе.

14 июня 2001 г. в ингушской станице Орджоникидзевской сход принял обращение к мировому сообществу, президенту США Бушу, главам «семерки» с просьбой повлиять на Путина, в котором просил провести экспертизу и анализ ситуации в Чеченской Республике на основе международного права, с определением прав граждан ЧР на самооборону в случае бесправных действий военнослужащих и при отсутствии правовой защиты со стороны российского руководства. Однако обращение вызвало дурную реак-

---

[774] Там же, с.139-140

[775] В главе «Погром по национальному признаку» А.Политковская рассказала, как в Москве 28 марта 2001 г. в комнату студентов национальной чеченской студии «Нахи», созданной при Московском госуниверситете культуры и искусства для подготовки ядра будущей труппы грозненского театра, ворвался отряд СОБР. Они заставляли членов труппы ползать раздетыми из комнаты в комнату, ходили по кроватям в ботинках, называли чеченцев обезьянами, черными тварями, быдлом, чабанами, моджахедами, плевали в лицо, были по головам книгой «Судьба чечено-ингушского народа», драли волосы, травили собаками. Студенту-выпускнику Московской государственной юридической академии, который готовился к экзамену, сказали: «Ах, ты еще и гражданское право изучаешь, обезьяна! Твое место – в горах. Отправляйся туда!». Отца его, 55-летнего доцента стали избивать до потери сознания прикладами, ногами, плевали в лицо, ходили по спине, рвали одежду, выкручивали пальцы. Увидели пропутинскую газету «Державные ведомости» и закричали: «Что?! Антироссийскую пропаганду тут ведете!» Таков личный состав СОБРа - совершенно неграмотные люди, ничего не знают, не понимают и не читают.

[776] Там же, с.151

цию в российском обществе. Чеченцев обвинили в антироссийских настроениях, сепаратизме, желании оболгать Путина перед мировым сообществом.

А. Политковская показывает, что война перестала быть персонифицированной, превратившись в несколько говорящих генеральских голов на телеэкране». И приводит примеры того, как детей «замочили в сортире», заставляли девушку ползать на четвереньках по ступеньках вверх-вниз, держа в руках ведро с дерьмом. Даже трупы детей не возвращают матерям. Офицеры подряжаются за деньги найти трупы и даже ставят подписи. Но они анонимы. У офицеров в Чечне как у нелегалов-разведчиков по два-четыре комплекта документов на разные фамилии. Право скрывать свое истинное имя, представленное военнослужащим, чтобы боевики не отомстили семьям, постепенно стало одной из главных причин безобразий и преступлений военнослужащих в Чечне. Русский солдат умолял мать приехать и забрать его из Владикавказа. Он долго сидел на горе, не мылся несколько месяцев, и все время был в сапогах. Привезли его прямо в госпиталь. Где он лежал с гниющими по колено ногами. Мать начала умолять офицеров отдать ей сына, долечить его в деревне как-нибудь: «А те: давай разделим его «боевые» деньги, за участие в «антитеррористической операции» - 50 на 50, и получай сына». Офицеры бьют солдат и заставляют их пить дерьмо. Чечня как образ мыслей, чувств и действий гангренозной тканью расползлась повсюду и превратилась в общенациональную трагедию с поражением всех слоев общества[777].

«Из государственного пользования все более выметается милосердие в качестве системы внутригосударственных отношений, – констатирует Политковская. – Власть старается исходить из жестокости по отношению к своим гражданам. В чести – поощрение уничтожения»[778].

Причем, чеченские святые отцы не обращают внимание на трагедию народа. К ним не ходят. Правда, в селении Исти-Шу к мулле ходят за советом и просто поговорить. Но этот популярный чеченский мулла немец – бывший немецкий военнопленный, который женился на чеченке, принял ислам и вырастил детей. Те-

[777] Там же, с.154, 155, 157, 158, 159, 183
[778] Там же, с.187

перь они уехали в Германию, а он остался там. К муллам чеченского происхождения не идут люди.

Это объясняется следующим. Вирды более влиятельны в Чечне, чем муллы и официальный муфтият. Советская власть фактически сама отправила молодой чеченский ислам, и без нее к тому тяготевший, в подполье. После возвращения народа из депортации (1944–1957 гг.) им, в отличие от других северокавказских народов, вообще запретили возводить мечети. Это привело к тому, что в Чечне, во-первых, почти не было подконтрольного КГБ духовенства, и это лишь плюс, а во-вторых, укрепились свободные мусульманские религиозные общины. Так в каждом селе если и был, то исключительно свой собственный мулла, самодвыдвиженец, подчинявшийся селу и выдвигаемый селом. А если такового не находилось, то и ладно – старейшины почитались куда больше, существовало братство в вирде. Поэтому позднейшее появление муфтията было воспринято чеченцами равнодушно («все равно будем жить, как жили»), или раздраженно («руки КГБ»)[779].

А. Политковская ввела термин «кадыровщина». Это – мулла с небезупречным финансовым прошлым, организатор первого хаджа чеченцев в Мекку, присвоивший тогда собранные с людей деньги. Он является полковником Российской армии (присвоил Путин), участвует в нелегальном нефтяном бизнесе, люди его называют «предателем», а с его приходом еще больше пало уважение к муфтияту. «Бородачи» очень непопулярны, как и федералы, ибо те и другие делают ставку на силу.

Журналисты систематически подвергаются прессингу. «В стране продолжает утверждаться такая «демократия», когда абсолютно никому не нужна независимая журналистика»[780].

Чечня представляет собой настоящую кормушку и дойную корову. Здесь куются быстрые военные карьеры, выписываются длинные наградные листы, раздаются внеочередные звания и чины. «Главное – вовремя убить чеченца и предъявить труп в нужном месте и в нужное время»[781].

Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

---

[779] См.: там же, с.170-173
[780] Там же, с.180
[781] Там же, с.187

На основе детального описания ситуации А.Политковская заключает, что война нужна нескольким группам людей. Прежде всего генералам-олигархам (типа военных строителей). Генералитету отечественной военно-строительной верхушки чрезвычайно выгодны как сами продолжающиеся военные действия в Чечне, так и бесконечные «подрывы» силами боевиков тех объектов, которые они там только что возвели. Весь топливно-энергетический комплекс, в который входят девять отраслей, перешел в нелегалы. Обычно колонны с ворованным госимуществом движутся под охраной федералов-контрактников, которым все равно, чем промышлять. Эти тандемы полностью структурировались: федералы плюс чеченцы-воры и образовали устойчивые оргпреступные группировки. Власть не состоянии изменить ситуацию[782].

Следующая группа – многочисленная армия нового чеченского чиновничества в районных и городских администрациях, получающая должности по принципу кумовства, откровенно не желающая работать, но весьма заинтересованная, чтобы военная неразбериха продолжалась как можно дольше. Суть их жизни – приписки, подлоги, обман, вопросы без ответов, спекуляция на всем»[783]. Большинство нового чеченского чиновничества сложилось вокруг военных властей и мечтает как можно дольше сохранить положение «ни мира – ни войны»... Образовалась гремучая смесь: Чечня военная – там, где правит кулак, зиндан и автомат, - наслоилась на Чечню якобы мирную – где предпочитают обман, кумовство и бесконтрольность[784].

Среди полевых командиров произошел раскол. «Утки» СМИ о «слетах» полевых командиров с целью выработки единой страте-

---

[782] Статистика такова: в октябре-ноябре 1999 г. в Чечне горело всего три скважины, то потом, когда фронт ушел в горы и пришло время делить собственность, их стало 11, затем 18, а летом 2000 г. дошло до 34. Потом несколько снизилось и установилось на стабильной отметке 22-25, что свидетельствует об устойчивости притершегося нелегального рынка. О нефтяной спецзаинтересованности людей в погонах говорит тот факт, что в селах рядом со скважинами никогда не было боев. Тут нет разрушений. Эти населенные пункты хранят в неприкосновенности обе воюющие стороны. «Федералы» приходят слюда с «зачистками», когда начинаются массовые народные возмущения в связи с варварством криминальных нефтяных группировок. Все нефтяные деньги – в чулках или вне Чечни. Попытки наладить законную финансовую систему упираются в откровенный саботаж высшего федерального чиновничества. Там же, с.209-212

[783] Показательный пример – деятельность директора Курчалоевского дома-приюта для детей-сирот. Он присвоил 15 кроватей, 26 столов, 40 тумбочек, 48 мягких стульев, 40 покрывал, 40 ватных одеял, 40 ватных матрацев, 40 подушек, 100 комплектов постельного белья, 150 полотенец (с.216). Даже выплата детских пособий (58 руб. с копейками) происходит методом «50 на 50». Он относится ко всем взаимодействиям населения с чиновничеством.

[784] Там же, с.217-218

гии и тактики – дезинформация, которая распространяется федеральными спецслужбами, когда надо в очередной раз оправдать собственное существование, а также самими полевыми командирами, которые крайне заинтересованы в поднятии рейтинга и имиджа. В итоге интересы спецслужб затейливо сливаются с интересами «противника»[785].

Раскол среди полевых командиров связан с представлениями о будущем Чечни и проблемой добычи денег. По этому критерию в Чечне тоже образовалось несколько групп:

«Западники» смотрят прежде всего на Европу, стремятся добиться применения к Чечне европейских правил общежития, ориентированных на права человека в их традиционном западном понимании, апеллируют к Совету Европы и международным правозащитным организациям. Отсюда вытекает их стратегическая цель – Международный трибунал для тех, кто совершил в ходе войны преступления, сбор материалов для будущих судебных разбирательств, аналогичных тем, под каток которых попал Милошевич.

«Востоковеды» или «арабы» связывают свои планы с Арабским Востоком: исламизация Чечни по арабскому образцу с неизбежным отходом от старых чеченских обычаев, что принесет в республику немалые деньги.

Третья сила нынешнего чеченского военно-политического альянса – большое число мелких отрядов и групп, вставших под знамена уже в ходе войны ради исполнения личного плана мщения за убитых и исчезнувших родственников. Они не хотят никакой координации между собой и никакого руководства. Но если западники и восточники вооружаются из-за рубежа, то третья сила кормится прежде всего от военнослужащих внутри самой Чечни, оказывая им различные услуги и участвуя в их коммерческих проектах. Сегодня в Чечне образовался «клуб по интересам» (аналогичный нынешнему афганскому): это крепкий и вязкий конгломерат вооруженных до зубов людей, состоящий из боевиков (разряда «народных мстителей») и федералов, заинтересованных друг в друге и поддерживающих друг друга материально, несмотря на то, что вроде бы числятся они по разные стороны невидимой линии фронта. Все это можно назвать и по-другому: тайным спонсированием внутричеченской гражданской войны в связи с антитеррористической необходимостью. «В любой спецслужбе мира

[785] Там же, с.221

вам выдадут как аксиому, что куда лучше уничтожить врага чужими руками, чем своими»[786].

Анна Политковская показывает на конкретных примерах, что российские спецслужбы в Чечне демонстрируют «любовь» с «арабами». Категорически отвергая возможность переговоров с Масхадовым, они оказывают поддержку тандему Басаев-Хаттаб.

В целом в Кремле «...продолжает сохраняться ориентация на управляемо тлеющий конфликт на Северном Кавказе как главный политический резерв верховной власти»[787].

Политковская показывает, что время Путина – это реставрация времен Брежнева. В мае 2001 г. международная правозащитная организация (Human Rights Watch) обнародовала доклад лишь об одном из сотен массовых захоронений гражданского населения в Чечне. В докладе приводятся многие свидетельства о неадекватном поведении прокуратуры, российского правительства и президентских структур. Российская власть не желала никаких выяснений дела о массовом захоронении, полностью отрицая, что это дело рук военнослужащих. Сразу поднялась волна кремлевских опровержений. Несомненно, что была заключена бизнес-сделка на человеческих костях между Кремлем и первым лицом ООН К.Аннаном. Генсек ООН будет молчаливо «благословлять» войну на Северном Кавказе до тех пор, пока Россия поможет ему сохранять кресло (переизбрание на второй срок). США, Евросоюз, Европарламент и ОБСЕ фактически сделали все, чтобы затушевать эту историю. Фактически в Чечне противоборствуют не боевики и федералы, а федералы и гражданское население: «Но в данном случае гражданское население, принимающее на себя ежедневный удар нарушений прав человека, не может быть признано в соответствии с документами ООН одной из таких «противоборствующих сторон». Ну а о «согласии» российского правительства не приходится говорить»[788]. Мир, Запад, сообщество отступились и позволяют нашей власти творить в Чечне все, что ей хочется, одновременно выдав индульгенцию на официальную ложь и демагогию.

Судопроизводство стало органом политического регулирования; Южный федеральный округ протаскивает кандидатуры, угодные Кремлю; спецслужбы принимают участие в фальсифицированных выборах; главный федеральный инспектор Южного фе-

[786] Там же, с.225
[787] Там же, с.226
[788] Там же, с.231

дерального округа Келигов стал просто наемной бандой по устрашению всех несогласных[789].

«Военные диктуют России стиль поведения сегодня. Они хотят сохранить свои лидирующие позиции в стране путем создания новых локальных войн и конфликтов. Для такого государства, как Россия, которое еще не отказалось от имперских амбиций и еще не сформировалось как правовое государство, необходим враг. Для внешнего врага сил не хватает, а внутреннего всегда можно назначить»[790]. Персонификация политических проблем носит исключительно политический характер (типа был Дудаев – говорили, что не станет Дудаева и все будет закончено). Политическая проблема между Россией и Чечней не может быть представлена персонифицировано. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции. Российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии[791].

На основе обзора ситуации Анна Политковская формулирует общий вывод: кавказская кампания России рубежа XX-XX1 вв. вновь превратилась в хроническую и выгодную следующим военно-политическим группам России: военной верхушке, делающей карьеры на Кавказе; среднему и низовому военному звену, имеющему стойкий доход на войне за счет разрешения сверху повального мародерства, массовых поборов с населения и участия в нелегальном нефтяном бизнесе; новой чеченской власти – ставленникам России, наживающейся на средствах, выделяемых госбюджетом на восстановление и развитие экономики Чечни; высшему уровню политической иерархии во главе с Президентом: «Начавшись как стопроцентно пиаровская акция под выборы нового президента России, война впоследствии стала удобным средством лакировки реальной действительности вне территории войны – или увода общественного мнения от неблагополучного положения внутри руководящей элиты, в экономике, политических процессах. На российских штандартах сегодня – спасительная идея о необходимости защиты России от «международного терроризма» в лице чеченских террористов, постоянное подогревание которой позволяет Кремлю манипулировать общественным мнением как заблагорассудится. Что интересно: «вылазки чеченских сепарати-

[789] Там же, 234-243
[790] Там же, с.256
[791] Там же, с.258-264

стов» теперь возникают на северном Кавказе всякий раз «к месту» - когда в Москве начинается очередной политический или коррупционный скандал»[792].

Каждый читатель может сделать свои выводы из приведенного материала. Я же для дальнейшего обоснования применимости кредо Гамлета к России суммирую главные идеи книги А. Политковской.

Россия не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого. Армия превратилась в политическую репрессивную структуру. На территории Чечни пустил мощные ростки государственный фашизм, пророщенный в семейные отношения (когда здоровые русские люди совершенно не заботятся о своих родных больных и стариках). В России утвердилась такая «демократия», когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом власть не состоянии изменить ситуацию в стране. Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан. С учетом этой конкретной констатации перейдем к следующей теме.

ВНУТРЕННИЙ ШПИОНАЖ КАК ЭЛЕМЕНТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

В.П. Макаренко

Переплетение опыта и разброс мнений

Как показывают опросы Левада-Центра, на протяжении нулевых годов возрастал уровень доверия населения России к армии и органам госбезопасности (в 2001 г. 33 % и 22 %, в 2013 г. 43 % и 36 % соответственно[793]). Это свидетельствует о том, что значительная часть населения страны была и остается имперским людь-

[792] Там же, с.276-277
[793] http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti

ем, испытывающим любовь к армии и чекистам[794]. Такая оценка хорошо выражена в названии одной из книг Е.М.Стригина[795]. Эту тенденцию общественного мнения и политики можно назвать полицейско-охранительной.

Существует также Общество по изучению истории отечественных спецслужб. В первом выпуске трудов Общества А.А. Зданович и И.И. Васильев пишут, что надо осмыслить причины роста роли спецслужб в XX веке. При этом они приводят следующие аргументы: еще никогда в истории человечество не решало столь масштабных задач, в центре которых стояли бы спецслужбы; создание спецслужб было объективной исторической необходимостью; их функция в обществе и государстве равнозначна функции пахарей, строителей и воинов; в каждом обществе цель и функция самосохранения является главной; эта цель достигается в борьбе по принципу: сильный берет верх над слабым; у безопасности всех времен и народов есть единая составляющая – тайна, благодаря которой функция спецслужб является вечной; главная задача спецслужб – беречь и сохранять «свою» тайну и владеть тайной окружающих его социумов – прямых и потенциальных врагов; тайна – это слабости данного социума; масштабная тайна сосредоточена в недрах верховной власти и именуется государственной; на данном витке европейской цивилизации спецслужбы в любом международном конфликте выступают важнейшими ресурсосберегающими факторами; разрушительное воздействие внешних сил на центральную политическую власть является «инфекционным заболеванием» для государства; без получения информации о ближних и дальних соседях ни один нормальный правитель не мог успешно вести свои дела; эта функция являлась величиной постоянной для любого социума на всех стадиях его развития.

В заключение авторы ставят задачу вычленить внутреннюю логику развития спецслужб, особо отмечая роль социологии и политологии как интеллектуальной оснастки спецслужб. По их мнению, аналитическая мощь спецслужб возрастала многократно по мере того, как на вооружение брались объективные научные кри-

---

[794] См.: Никольский С.А. Русские как имперский народ // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 1 http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/04.pdf. Он же. О качестве человека // Политическая концептология: журнал метадисципалинарных исследований. 2014, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2014.2/06.pdf

[795] См.: Стригин Е.М. КГБ был, есть и будет. От МБ РФ до ФСК РФ (1994-1995). М., изд. Эксмо, Алгоритм, 2004

терии указанных гуманитарных дисциплин. А образцы системного подхода в организации и деятельности спецслужб в начале XX века показали немцы, явившие миру в X1X в. непревзойденные образцы философско-социологического мышления (Г. Гегель, К. Маркс, М. Вебер и др.)[796].

Я не немец и не собираюсь им быть. Всем остальным требованиям поставленной исследовательской задачи соответствую. В армии служил старшим специалистом спецсвязи, имел первую форму допуска к секретам. В армии начал читать Гегеля, после армии долгое время изучал Карла Маркса и Макса Вебера. О каждом из них написал книги. Но вначале скажу об одном секрете.

Я обслуживал спецсвязью руководство Ясненской ракетной дивизии. Недавно нашел о ней сайт в Интернете[797]. Вспомнил своих командиров и хороших ребят, с которыми пришлось служить. Но если о них пишут в Интернете, неужели мой секрет устарел?

В начале каждого года в части поступал строгий приказ начальника Генштаба Вооруженных сил СССР: не загружать спецсвязь несекретными сведениями. Мне приходилось передавать шифровки о том, что в части нет приличного сортира, а солдатские фекалии уходят неизвестно куда. Что солдаты вынуждены ходить мыться в поселковую баню и подхватывать лобковых вшей[798]. Что из-за обилия выпавшего снега надо прислать шнекороторные снегоочиститили. Эти сведения вполне можно было передать по обычному телеграфу. Но ни один из приказов не выполнялся, поскольку на следующий год поступал точно такой же. На основании собственного опыта могу утверждать: шифросвязь забита всякой ерундой, не составляющей никаких государственных секретов. Большинство начальников используют шифросвязь по причине особого тщеславия, которое окружает сам факт допуска к ней. Право подписи шифровок имеет строго ограниченное число лиц. Они считают «западло» пользоваться обычной связью. Не буду рассказывать о множестве фактов такого тщеславия и

---

[796] См.: А.А.Зданович, И.И.Васильев. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.1. М., Кучково поле, 2006, с.25-50

[797] См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/13-%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F

[798] Если кто-то думает, что в нынешней российской армии уровень санитарии выше – рекомендую прочесть записки И.Анпилогова. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней // Континент. 2002, № 114

приказов, которые лично наблюдал и вынужден был выполнять. Видимо, существует разновидность властной похоти, которую порождает сам факт причастности к секретам. Эта причастность дает возможность «чесать властную похоть» (если модернизировать терминологию героев В.Шукшина).

Для такого вывода не обязательно служить в армии. То же заключение можно вывести из чтения множества секретных документов по истории СССР, которые опубликованы в 1990-е годы и продолжают публиковаться. После их прочтения и на основании личного опыта я в большинстве случаев озадачивался: что же здесь секретного? К сожалению, в статье нет места проиллюстрировать это на конкретных примерах.

Короче говоря, мой армейский и научный опыт давно переплелись. Поэтому могу без труда оспорить все тезисы, высказанные А.А. Здановичем и И.И. Васильевым. Сделаю это, едва придет вдохновение. Для их опровержения буду опираться на цикл своих исследований по проблеме бюрократии. Уже в первой книге я показал, что внутренний шпионаж (т.е. надзор над гражданами) не является какой-то «объективной необходимостью», а является обычным элементом бюрократического управления государством. Провести различие между бюрократической тайной и государственными секретами весьма сложно. Недавно я описал действие этого закона в современной постсоветской бюрократии[799]. Такова печка, от которой я предлагаю плясать при обсуждении вопроса о силовых структурах.

Сейчас с удовольствием сошлюсь на коллег. А.Н. Олейник показал, что на протяжении последних десятилетий существования СССР надзор над гражданами возрос, институт «смотрящих» (т.е. надзирателей) преобразовался из тюремного феномена в универсальную характеристику российского общества[800]. Была ли в этом «объективная необходимость» или же эта тенденция объясняется просто интересами сословия самих смотрящих? – этот вопрос надо рассматривать в контексте общей проблемы генезиса и функционирования полицейского общества, элементом которого является бюрократическое управление[801].

---

[799] См.: Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, Март, 2013

[800] См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., ИНФРА-М, 2001

[801] См.: Макаренко В.П. Полицейское общество: к вопросу о генезисе // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 2

При анализе надо учитывать распространенность отрицательной оценки армии и спецслужб. Приведу примеры.

Писатель-фронтовик В. Быков пишет, что армия подобна звезде-пульсару, которая то сжимается, то расширяется, и в этом вся ее функция. «В спокойном состоянии она существовать не может, покой для нее – гибель. Вот она и пульсирует. Чтобы не погибнуть. Но при этом жаждет уничтожить как можно больше врагов, которые у каждой армии всегда найдутся. Зависимость существования армии от наличия врагов абсолютная. Как только создается армия, тут же обнаруживаются и враги. Проблема лишь в том, какой момент пульсации наиболее продуктивен в данный момент: сжатие (сокращение применительно к армии) или расширение? Выясняют это путем проб и ошибок. То увеличивают армию, то сокращают. То мобилизуют, ломая людям жизнь, то увольняют, опять-таки без малейшего внимания к человеческим судьбам»[802]. В советско-германской войне врагом был не только немецкий фашист, но и свой внутренний враг – преступник-особист и недотепа-политрук. При Андропове чекисты уже были образованы и умели сочинять. Они сами придумывали преступления, в отличие от прежних узколобых чекистов, которые заставляли подследственных, чтобы те сами придумывали себе преступления. Гонорары за публикацию книг советских авторов на Западе (через «Союзкнигу») шли на финансирование загранотделений советской разведки, которая в то время (1970-1980-е гг.) уже испытывала денежные затруднения[803]. Отрицательная оценка политруков и особистов содержится также во множестве книг другого писателя-фронтовика В.Астафьева.

Еще один писатель Б. Хазанов дает характеристику КГБ в контексте общей оценки СССР: «Ее деятельность принято называть противозаконной. Спрашивается, что такое закон. Как большой океанский корабль оснащен собственной электростанцией, так органы располагали собственной юриспруденцией. Они следовали инструкциям и законам, которые сами же изобретали. В этом специфическом значении закон есть не что иное, как совокупность правил, по которым надлежит творить беззаконие. Тайная полиция переросла сама себя. Это была поистине универсальная организация, выполнявшая сыскные, следственные, псевдосудебные и карательные функции, служившая одновременно инст-

[802] Быков В. Долгая дорога домой. Москва, Минск, АСТ-ХАРВЕСТ, 2005, с.172
[803] Там же, с.188-189, 261, 378

рументом тотального контроля и устрашения и рычагом экономики... В конечном счете вся государственная машина в большей или меньшей степени оказывалась в ведении тайной полиции. Такова была логика породившего ее строя. Но та же логика учреждения, которое стало выше себя самого, приводило периодически к самопоеданию... время от времени она отгрызала у себя хвосты, конечности и даже голову. Это было необходимо для регенерации... Некоторые считали этот режим насильственным внешним (чужеродным) порождением. На самом деле это был народный режим. Режим, где весь народ вовлечен в практику насилия. Начальство угнетает подчиненных, подчиненные друг друга...История России в XX веке – пример удручающей бесполезности жертв и усилий»[804].

Историк М. Геллер пишет, что Россией в XX веке управляли дегенераты. Эти люди желают улучшить систему, не меняя ее основ. Одной из таких основ является политическая полиция, которая продолжает лгать во всех направлениях. Романтическая фаза реформы КГБ состояла в попытке вылечить огромную раковую опухоль путем превращения ее во множество маленьких опухолей. Но ФСБ – прямой наследник КГБ. Она хочет контролировать, а не бороться с преступным миром. В мире нет такого демократического государства, в котором центральным органом власти является политическая полиция[805].

Можно привести ряд аналогичных суждений. Завершу их высказыванием историка А.В. Островского, который считает КГБ главной причиной распада СССР: «Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные конфликты? Кто выводил диссидентское движение из подполья? Кто готовил и осуществлял «бархатные» революции? КГБ. Учреждение, которое должно было стоять на страже интересов советской империи, вольно или невольно стало одним из ее могильщиков. И ведь никто не застрелился. Как академик Легасов. Как Зубатов»[806].

Итак, значительная часть населения России доверяет армии и спецслужбам; представители спецслужб считают своей главной

---

[804] Хазанов Б. Литературный музей. Из дневника писателя // Октябрь. 2004, № 11, с.162-163

[805] См.: Геллер М. История России. 1917-1995. В 4 тт. Т.4. Россия на распутье. 1990-1995. М., 1996, с.109, 48, 339, 439

[806] Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. М., Яуза, Пресском, 2004, с.570

задачей сохранение государства; часть писателей и профессиональных историков полагают армию и спецслужбы элементами тоталитарного строя и могильщиками государства.

Факт разброса мнений свидетельствует о существовании проблемы. Я предлагаю рассматривать полицию с точки зрения полицеизирующих и полицеизированных социальных групп. Их рост можно считать общей бюрократической характеристикой модернизирующихся обществ. Для конкретного представления об этой характеристике надо учитывать особенности генезиса и функционирования полиций конкретных стран, в том числе России/СССР.

Ветхий полицейский завет

А.Г. Чукарев детально изучил генезис тайной полиции России. На протяжении первой половины Х1Х в. в России развивались капиталистические отношения, начался промышленный переворот, усложнялась социальная структура общества, возникали первые элементы гражданственности. Для обеспечения этих процессов требовалась обратная связь между властью и обществом. В западных странах ее обеспечивали парламент, печать, суд присяжных, адвокатура. Россия отвергала эти институты. Николай 1 полагал, что обратную связь может выполнить секретная служба и сформулировал ее главную задачу - защита «сирых и угнетенных». Отсюда вытекали широкие социальные функции и парадокс российской политической полиции. Царь считал, что несмотря на отсутствие гласности, недостатки суда и общей полиции, тайная служба сможет устранить коррупцию, произвол, взятки центральной и местной администрации. Он хотел создать элитное учреждение, члены которого будут руководствоваться идейными мотивами и вберут в себя цвет аристократии.

Но дворяне презирали полицию и не пошли служить в жандармерию. Поэтому в новое ведомство пришлось набирать армейских и флотских офицеров, которые руководствовались материальными (а не идейными) соображениями. При Николае 1 сложилось несколько правил функционирования тайной полиции: анализ настроений разных групп и слоев (составление так называемых нравственно-политических обзоров) для выявления опасных для власти настроений; информация верховной власти о всех негативных фактах на данной территории для сведения и принятия мер в борьбе с носителями зла; преследование всех (а не только

революционных) направлений общественно-политической мысли и действия.

В целом создание Ш отделения и корпуса жандармов сыграло негативную роль в истории России. Тайная полиция загоняла вглубь общества все назревавшие болезни. А главная социальная задача деятельности – «защита сирых и угнетенных» оказалась не под силу тайной полиции[807]. В чем же причины ее бессилия? Пусть ответят на этот вопрос сами полицмейстеры. Для этого сжато воспроизведу основные идеи мемуаров А.П. Мартынова «Моя служба в Отдельном корпусе жандармов» и П.П. Заварзина «Работа тайной полиции». Первый был начальником Саратовского и Московского охранных отделений в 1906-1917 гг., второй - Донского и Варшавского охранных отделений в 1905-1910-е гг. (работал также в Кишиневе и Одессе). Написанные в эмиграции мемуары частично позволяют выявить специфику полицейского поведения и мышления. А.П. Мартынов надеялся «...помочь тем, кто будет в новой, возрожденной и опрокинувшей большевиков России организовывать дело внутреннего осведомления для будущего национального русского правительства»[808]. Теперь как раз это «новое время» наступило. Не зря герои М. Булгакова предсказывали общество, в котором рядом с каждым человеком поставят городового[809]. Но пока скажем о русском «старом добром времени».

---

[807] Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825-1855 гг. Жуковский-Москва, «Кучково поле», 2005, с.578-587. Причем, уже в конце Х1Х в. в России была высказана идея об универсальности полицейского надзора. Генеалогию этой идеи можно изучать на основе опубликованных документов. Вот один из них. П.И.Рачковский заведовал заграничной агентурой российской политической полиции в 1885-1902 гг. В докладной записке директору Департамента полиции П.Н.Дурново он высказал идею о создании в России революционного движения под прикрытием политической полиции: «Сколько бы ни возникало на пространстве России отдельных и замкнутых революционных кружков, политическая полиция данной местности всегда имеет возможность объединить их для безошибочного контроля и своевременно пресекать преступные замыслы. Сосредоточивая, путем внутреннего воздействия, самые разнородные революционные элементы в центральные группы, органы названной полиции должны сделаться распорядителями положения, а не быть рабами революционных предприятий. При известной настойчивости и такте они могут довести дело до того, что подпольные и, вообще, профессиональные революционеры должны будут сойтись под их прямым наблюдением с той или другой легальной средой, им сочувствующей. Каждый революционер, действующий, например, в Петербурге, на собственный страх, непременно примкнет к искусственному центру, находящемуся в ведении местного руководителя розыскной деятельностью, и наиболее опасные конспираторы всегда будут на виду для соответственных против них мероприятий». Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов 1880-1917. Сост. Е.И.Щербакова. М-СПб, Дмитрий Буланин, 2006, с.18

[808] «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004, с.170

[809] В «Аргументах и фактах» приводится цифра 5 миллионов – столько наших соотечественников служит в силовых структурах. См.: http://brikbotit.livejournal.com/1182.html. А индивидуальных предпринимателей 3,5

До революции политическая полиция контролировала все направления политической деятельности - от революционной до либеральной и кооперативной. Внутри политической полиции возникло три профессии: секретные сотрудники (сексоты), провокаторы и эксперты. В итоге Департамент полиции имел 100% сведения о всех революционерах. Все сексоты больше всего любили деньги. В МВД существовал «рептильный фонд» для органов «правой печати»[810]. Это порождало проблемы отбора сексотов и руководства сексотами.

Для анализа этих проблем следует учитывать три критерия:

1. Национальный критерий состоял в том, что в начале XX века на вершине корпуса жандармов преобладали немцы, греки, евреи, латыши, которых постепенно начали заменять казаки[811]. Среди сексотов преобладали евреи и великороссы.

2. По профессиональному критерию первое место занимали люди интеллектуальных профессий - врачи, инженеры, общественные деятели, литераторы, журналисты, студенты и даже «теоретики марксизма». Они пополняли ряды экспертов, которые хорошо знали политику, искусство, литературу, театр, прессу, включая внутренние отношения всех этих структур.

3. По политическому критерию в состав сексотов входили члены всех оппозиционных и революционных организаций, рабочие, офицеры и нижние чины армии.

Указанные три критерия определяют в первом приближении структуру полицеизирующих групп в России.

В отношениях между охранкой и сексотами Мартынов рекомендует вырабатывать «флюиды душевной расположенности и дружественной приязни, необходимые в столь тонких делах». Не исключено, что этот совет объясняется влиянием гендерного критерия. Руководители охранки привязывали к себе женщин-сексотов деньгами и романтическими чувствами – ради ликвидации опасной «бандитско-максималистской» деятельности «революционного отребья»[812].

Иначе говоря, деятельность политической полиции невозможна без специфического симбиоза своекорыстия, любви и задушев-

---

миллиона. См.: http://www.km.ru/economics/2014/02/12/pravitelstvo-rossii/732168-chislo-predprinimatelei-v-rossii-sokratilos-na-500-t Пусть читатель поразмыслит, сколько городовых сегодня на него приходится...

[810] «Охранка»., с.408

[811] Там же, с.302-305, 243

[812] Так же, с.306-307, 313, 420, 100,158

ности в отношениях между ее сотрудниками. Русская душа – это особая предрасположенность к сотрудничеству с тайной полицией. Для описания этого симбиоза можно применять анализ корпоративного сознания, поскольку в нем реализуется единство социальной и бюрократической организации государства[813]. Косвенным свидетельством необходимости такого анализа является квалификация обычных посиделок и пьянок как «корпоративок» после того, как бывший соглядатай стал президентом России.

Но вернусь к старому доброму времени. Отбор сексотов порождал трудности. Самыми конспиративными были национальные партии (еврейский «Бунд», армянский «Дашнакцютун», Польская социалистическая партия), которые крайне опасались провокаций. После каждой неудачи своих замыслов они подвергали друг друга тщательной проверке, усиливали конспирацию. При обнаружении сексота он предавался смерти, иногда невероятно жестокой.

В этой среде трудно было найти сексотов. На этом основании руководители охранки полагали: религия, народность, быт, национальная психология и воспитание сплачивают людей сильнее доктрин классовой борьбы.

Действительно, национальные партии возникали на основе симбиоза религии и политики. Например, армянские организации на территории России и Персии имели базы для нападения на турок. Эти действия осложняли международные отношения. Русское правительство начало преследовать не только «Дашнакцутюн», но и армянскую церковь: «...выяснилось, что духовенство снабжает партию оружием и деньгами, укрывает разыскиваемых и всячески содействует эксцессам. Репрессии против духовенства вызвали такое неудовольствие, что партия в ответ на эти мероприятия перешла к террору, убив массу должностных лиц русской кавказской администрации, от высших до низших чинов»[814].

---

[813] Разделение труда порождает корпоративные интересы, выражающиеся в корпоративном сознании. В нем фиксируются отличия интересов данной сферы разделения труда от другой и связанные с этими отличиями монополии и привилегии каждой профессиональной группы. Корпоративное сознание — духовно-практическая предпосылка бюрократии. Любые социальные и организационные формы не существуют изолированно от материальных интересов занятых в них людей. Эти интересы — главная социальная причина стабилизации организационно-управленческих форм. Ведущим мотивом корпоративного сознания выступает своекорыстие. Чем более развито своекорыстие, тем больше господство бюрократии и полиции над государством и обществом. См. об этом подробнее: Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского госуниверситета, 1989, с.14-28

[814] Там же, с.69

Не менее трудно было найти сотрудников среди идейных анархистов-коммунаров. Они культивировали «безмотивный террор» ради воздействия на «сытых буржуа», чтобы заставить их отдавать свои излишки голодным и неимущим людям и работать на пользу пролетариев. По этим соображениям бросали бомбы в Испании, России, Польше и др. Объектами нападения становились театры, рестораны, кондитерские, когда там находилось много разодетых и беспечных эксплуататоров[815].

Короче говоря, если политическая организация базируется на связи религии и политики, то это порождает террор против лиц другой нации и членов аппарата управления. Тогда как идейные соображения ведут к массовому террору. Такова исходная проблема деятельности политической полиции, противодействующая вербовке сексотов.

Не менее значимы проблемы взаимотношения армии и жандармерии. Военные противодействовали вербовке сексотов в армии. Генерал Деникин считал шпионаж нижних чинов за офицерами главным элементом разврата армии. Даже в разгар первой мировой войны он полагал, что в армии не должно быть никакой политики, «...а если на нее указывают шпионы и жандармы, то они врут или сами вносят разврат в солдатскую среду»[816]. При В.Ф.Джунковском (товарище министра внутренних дел) военное командование добилось упразднения сексотов в армии.

С другой стороны, руководители охранки выступали против всякого фразерства ради точных определений и фактов в деловой переписке. Требовали наиболее близкого к истине изложения агентурных данных, без прикрас, выкрутасов и добавлений от себя. Тогда как лица, пришедшие в охранку из армии, поступали совсем иначе: в деловой переписке все стремились приукрасить и выпятить личное участие в решении любого вопроса. Люди «искусственной военной аффектации и военной дисциплины» требовали вставать при проходе офицера, отдавать честь, оказывать другие знаки уважения. Руководители охранки выступали против внешней дисциплины в розыскном деле в пользу разумного порядка в «абсолютно невоенном деле»[817].

---

[815] Там же, с.102
[816] Там же, с.467
[817] Там же, с.325

Надежность сексотов зависит от непрерывности руководства ими со стороны конкретного начальника, гарантии политической полиции от провалов и заботы об агенте. Но пример с Азефом показал: политическая полиция не могла обеспечить этих гарантий[818]. При таких условиях руководство сексотами становилось специфическим. Большинство стремилось повысить свой денежный оклад. Для достижения этой цели самые напористые и бессовестные выдумывали факты и сведения. Связь своекорыстия со стремлением к сенсации порождало следующие явления: сексоты сами создавали группы для экспроприации контор и банков, подпольные типографии, писали революционные прокламации, сочиняли ложные агентурные записки, заставляли врать осведомителей для втирания очков начальству. Все это делалось ради прибавки к жалованию и опасений увольнения при отсутствии у них интересных сведений. Такие сотрудники быстро продвигались по службе[819].

При таких обстоятельствах охранка была вынуждена не столько искать злоумышленников, сколько осаждать зарвавшихся сексотов. «Задача эта отнюдь не была легкая, ибо, с одной стороны, желательно было удержать с секретным сотрудником по возможности более доверительные и теплые отношения и не ссориться с ним, а с другой – надо было, пользуясь более осведомленной агентурой, уличить и доказать сотруднику, что он если и не сфальшивил, то все же преувеличил факты. Однако, уличая сотрудника, заведующий политическим розыском как бы невольно приоткрывал пред ним то обстоятельство, что местный политический розыск имеет в своем распоряжении другого, более осведомленного и ближе к подпольному центру стоящего осведомителя.

---

[818] «Русская политическая полиция «провалила» Азефа чуть ли не в первые же месяцы его сотрудничества из-за небрежности, неумения и слабости техники розыскного дела. Произошло это так. Азеф из Ростова-на-Дону удрал за границу в 1892 году, так как в Ростове выяснилась его связь с местной подпольной революционной группой. За границей он сходится с русскими политическими эмигрантами и через «ростовских» продвигается в кружки активных эмигрантов. Он решает использовать свои связи и знания об эмигрантах и завязывает сношения с Департаментом полиции; последний принимает его предложения, но тянет дело, и Азеф анонимно присылает предложения и начальнику губернского жандармского управления в Ростове-на-Дону. Последний по почерку узнает Азефа, и по его данным производит ликвидацию; при неосторожных опросах арестованных вскрывается, что сведения у жандармской полиции идут из-за границы; в эмигрантских кругах сразу же настораживаются против «ростовских» товарищей, и один из них открыто указывает на Азефа. Первые подозрения возникли... Правда, они скоро отметаются». Там же, с. 83-84

[819] Там же, с.173, 264-267, 341, 389

Этого обстоятельства надо было всемерно избегать, и заведующий розыском обычно делал вид, что он, по крайней мере в данный момент, не имеет более «сильного» сотрудника, чем тот, с которым он в то время беседует»[820]. Так возникали предпосылки цепи всеобщей лжи.

Эта ложь усиливалась конфликтом жандармов и охранки. Правительство требовало объединить усилия розыскных сил для искоренения революционной активности подполья. На деле получалось обратное. Начальник жандармского управления мог заниматься розыском только на территории губернии, но не в городе, где существовало охранное отделение. Губернский жандарм вынужден был выдавать охранке ордера на производство арестов и обысков, не зная сути дела. Но на следующей фазе задержанные лица, вещественные улики и результаты следственных действий попадали в жандармерию. Тут выходило наружу недоброжелательство жандармов и охранки. Жандармы стремились отыскать ошибки охранки. Не доверяли ее данным относительно общей картины революционной активности. Опровергали даже бесспорные доказательства. И «не находили оснований» принимать меры к задержанным мелким и крупным революционерам[821].

Зато жандармы проявляли специфическую активность. Они сообщали о возможном террористическом акте не для его предотвращения, а чтобы создать себе репутацию осведомленного. Начальство запрашивало о причинах несерьезной тревоги. На это жандармы реагировали так: «Лучше на всякий случай предупредить начальство, пусть примут меры!» С такими ловкачами было бороться трудно: «Я, - пишет Мартынов, - отвечал кратко: «Передайте вашему сотруднику, сообщившему вам сведения о Поволжском областном комитете партии и другие данные, что все является плодом его вымысла для придания себе значения в ваших глазах и получения большего вознаграждения; в случае повторения таких попыток вводить нас в заблуждение ему будет отказано в продолжении сотрудничества, а имя его будет внесено в специальный циркуляр о шантажистах!»[822]. Но при реальной опасности

[820] Там же, с.236-237
[821] Там же, с.156-157
[822] Там же, с.262

жандармы спихивали с себя дело даже путем уничтожения агентурных данных[823].

Ради карьеры одни жандармы губили сексотов. Другие делали карьеру путем участия в нужных проводах, встречах, поддержании знакомств, стремились иметь покровителей в верхах, потрафлять царствующим особам. Для этого требовался специфический ум - пронырливость, неразборчивость в средствах при достижении цели, небрезгливость к людям, наклонность пользоваться услугами людей, годных на все руки. Этому способствовало множество подчинений. Кроме прямых начальников были косвенные (люди свиты). Служебное положение зависело от их мнения. Обилие реальных и предполагаемых начальников требовало приспособляемости, уменья проникать в характеры, отнимало время от дела. Зато при многовластии трудно было найти виновного[824].

В любом случае между охранкой и жандармами существовало недоброжелательство. Например, Мартынов сообщает: Спиридович научился фотографии не ради умения, а чтобы снимать членов Императорской семьи «чуть ли не на полуофициальном положении «своего» фотографа»; жена Заварзина негласно руководила делами мужа; В.Ф.Джунковский (товарищ министра, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов) «...был круглый и полированный дурень, но дурень чванливый, падкий на лесть и абсолютно бездарный человек»[825]. Таково отношение к коллегам в этой профессиональной группе.

Зато руководители охранки зафиксировали параллель между отношением сексотов к идеологии до взятия власти и отношением властно-упрапвленческого аппарата к идеологии после взятия власти. В истории русского революционного движения были две разновидности людей: «мученики» за марксистскую и эсеровскую веру; сексоты, которые не хотели быть «мучениками». Ради «революционного фасона» бандитские группы прикрывались максималистскими политическими требованиями. Все партии имели поверхностное представление о революционных теориях. Они интересовались теориями только как мотивами «эксов» или возможности сыграть политическую роль. При таких обстоятельствах сами

---

[823] Там же, с.264
[824] Там же, с.306, 322
[825] Там же, с.277, 280-281, 292-294, 316

руководители охранки учили сексотов марксизму ради поднятия партийного престижа.

Например, марксизм стал завоевывать сторонников в кругах русской интеллигенции, поскольку давал ей надежду на возможность сыграть политическую роль. Красин – типичная фигура марксистского интеллигента. В 1905 г. он руководил самыми опасными «предприятиями»: боевыми дружинами, приобретением оружия, заготовлением взрывчатки. «Он то принимал марксизм как средство для выдвижения на политической арене, то становился в ряды активных сторонников революционного отрицания капитализма; закончил же свою жизненную карьеру послушным выполнителем указаний Ленина, в то же время сомневаясь в октябрьской авантюре»[826].

Надо учитывать также поведение политической полиции в период политических изменений. После Манифеста 17 октября 1905 года наступил хаос. Растерянность, разноречивые толкования, непонимание направления правительственной политики привели к прекращению деятельности жандармского управления; находившиеся в производстве дознания оказались за амнистией ненужными; новых не возникало; некоторые офицеры просто уничтожили свои дознания: «Мы собирались, обсуждали слухи и ... ничего не делали!»[827].

Отсюда вытекает полицейская оценка роли подполья в подготовке революции. Подполье не было непосредственным фактором подготовки революции. Во время первой мировой войны противоправительственная деятельность перенеслась в иную плоскость. В нее включились оппозиционные (в том числе высокопоставленные) лица, а не революционеры. Местная власть на них воздействовать не могла. А верхушка МВД (включая политическую полицию) была скована «взаимодействием различных факторов, имевших решающее значение, из которых перенесение распорядительных функций из рук центрального правительства в военные руки Ставки сыграло главную, все тормозящую роль!»[828]. Иначе говоря, по мнению главного сыщика в революции виноваты парламент и военные.

---

[826] Там же, с.202, 200, 203, 153-155
[827] Там же, с.105
[828] Там же, с.391

С этим связана полицейско-диалектическая оценка революции: она безнравственная потому, что целиком построена на морализме; она безбожна и бесчеловечна оттого, что выросла из идеи человекобожества; она исказила и уничтожила материальные ценности потому, что материалистична; революция и революционеры омерзительно несправедливы потому, что одержимы идеей справедливости. В конечном счете революция – это реакция[829]. Эта оценка высказана в эмиграции.

Какие же материальные ценности следует причислить к «неискаженным»? Мартынов постоянно жалуется, что его обошли денежными наградами, детально описывает свое жалованье по всем статьям[830]. Но наконец ему повезло проявить монархическое чувство: «При отъезде Государя с семьей из Москвы я специально просил разрешения градоначальника встретить и посмотреть вблизи Государя и его семью. Разрешение было дано мне, и я имел счастье видеть в двух шагах от себя всю царскую семью. Я стоял отдельно у входа на вокзале. Государь, проходя в двух шагах от меня и видя отдельно от всех стоявшего жандармского штаб-офицера, приветливо улыбнулся мне и прошел мимо в сопровождении семьи. Помню хорошенькие лица Великих княжон. Помню так, как будто вижу их сейчас перед собой». Царь приехал в Москву на трехсотлетие и привез с собой кучу высочайших подарков. После проводов царя «...градоначальник говорит мне: «Выберите себе часы, там есть для вас, в коробке». Подхожу и нахожу коробку, в которой осталась бумажная лента с моей фамилией, но часов в коробке нет. Говорю об этом генералу Адрианову и получаю ответ: «Должно быть, кто-нибудь взял себе, выберите другие». – «Да как же я возьму чужие часы? – «Ну, хорошо, я выберу вам», - говорит недовольно Адрианов, подходит к подаркам, выбирает наудачу чьи-то золотые часы с цепочкой, рублей на 150, самое большее, и дает их мне. Я решил не возражать и не ссориться из-за часов, но прелесть царского подарка, первого моего подарка от Государя, была испорчена. «Мои» часы, вероятно, были вынуты из «моей» коробки и отданы кому-либо другому в градоначальстве. Я тогда был еще не в фаворе у Адрианова»[831]. Стало быть, истинные материальные ценности – это те, которые

[829] Там же, с.234
[830] Там же, с.169, 290-291
[831] Там же, с.322-323

стоят больше 150 рублей, даются царем, но разворовываются коллегами...[832]

Оценка политического розыска была подчинена конфликту между жандармами и охранкой. «Жандармские офицеры в политическом розыске, – пишет Мартынов, – применяли грязные и преступные приемы, сами, при посредстве своих агентов, ставили подпольные типографии, затем арестовывали «вовлеченных в ловушку» наивных молодых обывателей и затем получали награды, деньги и чины»[833]. Однако чистая работа охранки превращается в вечный вопрос: «Ликвидация подпольного революционного сообщества или «предприятия», им осуществляемого, является для лица, ведущего розыск, всегда задачей «со многими неизвестными» и потому со многими решениями. Можно решить в одном направлении, но потерять при этом кое-что; можно решить задачу и в другом направлении, но и тут потерять кое-что другое: то потеряешь сотрудника (а это – Боже сохрани!); то ликвидацией устранишь от активности не очень активную организацию, на место которой станет другая, куда более активная; то случайно при ликвидации будет отсутствовать руководящее лицо, из-за которого, собственно, и производишь такую ликвидацию. Решениям нет конца!»[834].

Зато вкусы, кредо, мировоззрение и политический идеал всех звеньев полиции совпадают. Перечислим главные из них: любовь к изящным искусствам; тяготение к государственности, порядку и отвращение к интеллигенции; в политическом розыске невозможно соблюдать конституцию и работать в перчатках; патриотизму

---

[832] Характерно, что та же традиция воспроизводилась и в СССР: «Эта традиция вручать сувениры пришла на нашу грешную землю из международной практики и нашла здесь такие благодатные условия, что расцвела махровым цветом. Благо привычки щедринских и гоголевских чиновников не исчезли... Л.И.Брежнев и его команда, собираясь в командировку, запасались многочисленными дарами от часов до золотых и серебрянных наборов, портсигаров и сервизов... Для последней поездки Брежнева в Узбекистан были выписаны подарки на всех руководителей республики, их замов, замов замов, стенографисток, машинисток и даже водителей машин, на которых ездили эти стенографистки. На это направлялись десятки, сотни тысяч партийных рублей». Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995, с.38. Но никакой новизны здесь не было. Обычай вручать подарки в честь заключенных экономических договоров распространен во всем мире. Правда, принятие таких подарков руководителями внешнеэкономического ведомства СССР могло быть истолковано как работа в пользу иностранцев – и тогда человек попадал за решетку. См.: Сушков В.Н. Заключенный по кличке «Министр». М., Изд. «Совершенно секретно», 1995

[833] Там же, с.399

[834] Там же, с.180

надо учиться у немцев (они сильно и возвышенно любят свою родину; эта любовь делает их работниками без устали; они спят и отдыхают не больше двух часов в сутки; только подъемом моральных сил можно объяснить немецкую неутомимость и трудоспособность); основанием решения социальных проблем является русский полицейский социализм по образцу Зубатова, который легализовал в рабочей организации социалистическую политическую и экономическую доктрину на основах Самодержавия, Православия и Русской национальности. Однако для спасения России не нашлось ни одного человека, который совмещал бы в себе идею крайнего национализма и дерзание ярого революционера[835]. Значит, эта перспектива остается пока открытой.

Выводы

Для изучения степени полицеизации общества надо учитывать следующие феномены и проблемы: отбора и руководства сексотами; структуру полицеизирующих групп в соответствии с национальными, профессиональными, политическими и гендерными критериями состава сексотов и системы полицейского управления; душевную предрасположенность к сотрудничеству с полицией; специфику корпоративного сознания и поведения; отношение армии и полиции к сексотам; связь в деятельности полиции своекорыстия со стремлением к сенсации; цепь всеобщей лжи в военно-полицейских структурах; степень конфликта между обычной и политической полицией; параллель между отношением сексотов к идеологии до взятия власти и отношением к идеологии властно-управленческого аппарата после взятия власти; поведение политической полиции в период политических изменений; полицейскую оценку роли подполья в подготовке революции и полицейскую оценку революции вообще; степень выраженности монархического чувства в военно-полицейских структурах; оценку политического розыска; вкусы, мировоззрение и политический идеал всех звеньев полиции. Каждая из этих тем может быть предметом особого исследования – вместо разговоров об «объективной необходимости» особых групп лиц.

---

[835] Там же, с.244, 302, 88, 443, 100

ДОНОС В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦИНИЗМА

В.П. Макаренко

Мемуары руководителей политического сыска Российской империи позволяют сформулировать гипотезу: русская душа – это особая предрасположенность к доносительству. Таков мой крохотный вклад в теорию русской души, о которой на протяжении последних двадцати лет пишут целые тома, но этот ее «заветный уголок» посещают мало. Теперь надо проверить гипотезу. Провести эксперимент в виде написания доноса ради практического обзаведения русской душой у меня духу не хватает. Приходится ссылаться на суждения «бойцов невидимого фронта» и научные исследования.

Потемки русской души

Бывший руководитель внешней разведки КГБ СССР отмечает, что с работниками КГБ делятся информацией две основных группы людей: те, кто давно привык доносить; те, кто не может найти выход сомнениям в новой обстановке и нуждается в надежном понимающем собеседнике. В составе второй группы он особо отмечает нынешних «народных избранников» и констатирует: «Доносительство было всегда неотъемлемой чертой российской политической и интеллектуальной жизни и, видимо, останется элементом «духовности», о которой сейчас так много и жарко говорят»[836].

Приятно, что мое отношение к проблеме «духовности» совпадает с мнением профессионального разведчика. Я уже почти сорок лет говорю профессору Игорю Дмитриевичу Коротцу, что от «духовности» дурно пахнет, поскольку я давно читаю газету «Советская Россия» и журнал «Наш современник». А теперь уже твердо знаю, что в феномене доноса мы сталкивается с современными духовниками и их паствой. Значит, для описания данного феномена надо углубляться в особенности первобытных форм религиозного отношения к действительности, среди которых особая роль принадлежит фетишизму. На это я тоже не способен по причине застарелой и безнадежной безрелигиозности, т.е. бездуховности.

---

[836] См.: Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2002, с.312, 319, 329, 377, 346

Зато давно умею читать. Прошлым летом проштудировал монографию В.Д.Игнатова на тему доносительства[837]. И накануне Рождества Христова спешу поделиться с читателями накопленной мудростью. В книге описана всеобщая история доносительства, стукачество в дореволюционной России и в СССР, нынешний уровень стукачества. На энциклопедию книга не тянет. Зато позволяет прочесть курс лекций для настоящих и будущих доносчиков, а попутно обосновать мою гипотезу. Для начала воспользуюсь аргументами В.Д.Игнатова.

В старом русском праве *донос* квалифицировался как сообщение властям о готовящемся или совершенном преступлении. Современное значение слова отрицательное. Поэтому В.Д.Игнатов поставил перед собой цель - реабилитировать донос и осудить стукачей. Посмотрим, как это ему удается.

На основе описания фактов доносительства и фигур доносчиков в Древнем Мире и в Древней Руси автор заключает: от доносов больше вреда, чем пользы. Но на Руси доносительство стало массовым явлением. Его основными причинами были рабство и полная зависимость людей от государства. Жестокими законами и репрессиями государство создавало условия, при которых бесправные подданные были обязаны доносить, боясь потерять свободу и даже жизнь. Донести мог каждый на каждого, это растлевало людей. У российских подданных закреплялся условный рефлекс: донесешь властям на кого-то – получишь в награду часть его имущества. В полной мере действие этого рефлекса проявилось в Советском Союзе.

Стукачество в дореволюционной России тоже было разнообразным. В.Д.Игнатов описывает работу полиции с осведомителями, знаменитых осведомителей и их кураторов, процессы разоблачения осведомителей. Позиция автора наталкивает на раздумья: «С увольнением Зубатова, - пишет он, - рушилось и его дело... В принципе верная его идея реализовывалась казенным, полицейским подходом. Для профессионального русского рабочего движения в нужный момент не нашлось национального, общественного вождя. Не выделило такого реформатора из своих рядов и правительство».

Иначе говоря, полицейский социализм в России квалифицируется как «верная идея». Такой вывод можно считать уже серь-

[837] См.: Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР. М., Вече, 2014, с.61, 79, 180-195, 410-414

езным вкладом в разработку идеологии доноса и вполне согласуется с «велениями времени», как писали в Х1Х веке.

Путеводной звездой здесь служит советская история, которая породила принцип: каждый коммунист обязан быть чекистом. В.Д.Игнатов описывает стукачество в годы Большого террора; поведение детей как доносчиков и преступников; стукачей в среде творческой интеллигенции; осведомительскую деятельность в армии; стукачество в местах заключения; агентуру в националистическом подполье. Надо признаться, что коммунистом я был, но ни чекистом, ни доносчиком, ни осведомителем, ни агентом не был. Достоинство это или недостаток? На вопрос в книге ответа нет.

Зато есть описание социального контекста вопроса. В книге приводится письмо Ежова Сталину об организации работы с осведомителями. В 1935 г. в СССР вплоть до каждого двора существовала сеть агентуры общего осведомления, насчитывалось примерно 500 тыс. сексотов. Сеть агентуры специального осведомления вербовалась в определенных слоях населения, которые знали специальные вопросы (данных о численности агентов автор не приводит). Сеть основной агентуры оплачивалась, сеть специальной агентуры работала бесплатно. Но автор не приводит сведений, сколько, кто и за что получал, а также не сообщает бухгалтерские статьи и количество расходов государственного бюджета на эту деятельность. В результате такое важное направление, как политэкономия доносительства остается неосознанным.

При вербовке агентуры господствовал количественный подход: некоторые чекисты докладывали, что в день вербуют по 15-20 агентов. Кадры чекистов законов не знали, были людьми бескультурными. Книг в руки не брали, не читали ни политической и экономической литературы, ни беллетристики. В целом для чекистов характерно пренебрежительное отношение к чтению, культуре и знаниям[838]. А «жены чекистов» стали нарицательным именем - по причине буржуазности и жадности.

Автор перечисляет причины массового доносительства: сведение счетов с неугодными людьми; решение служебных, личных и

---

[838] В пятом классе я прочел «Похождения бравого солдата Швейка». Там сообщается, что вахмистр Фландерка завербовал в платные доносчики и осведомители местного подпаска и кретина Пепка-Прыгни. А.Бовин тоже сообщает, что современные дипломаты и разведчики никакой литературой не интересуются, общая культура у них «ниже плинтуса». Нет ли в этом универсального закона, связывающего Австро-Венгерскую империю и СССР с современной Россией? На этот вопрос пусть ответят специалисты по сравнительной истории доносительства.

бытовых проблем с помощью доносов; страх; в доносах не видели ничего постыдного, поскольку они стали повседневностью; чекистам спускался план по посадкам, поэтому они заставляли писать доносы; коммунисты были обязаны проявлять бдительность в порядке партийной дисциплины; помощь органам безопасности считалась гражданским долгом.

В.Д. Игнатов приводит такую цифру: накануне распада в СССР с органами КГБ сотрудничало 2900000 человек. Одновременно он ссылается на публикации некого анонимного полковника КГБ в отставке. Тот считает, что примерно 30 % взрослого населения работало на КГБ. Статистические данные, – горюет Игнатов, – по такой интересной и деликатной проблеме не публикуются, поэтому трудно установить страну-чемпиона. К этому можно добавить, что из-за отсутствия компаративистики доносительства остается неизвестным, в какую сторону России модернизироваться...

В заключение автор неожиданно меняет пластинку. По его мнению, некоторые доносы в нашей истории играли положительную роль и способствовали власти более эффективно выполнять ее функции. Правда, автор не называет ни имен доносчиков и объектов доноса, ни времени и места, содержания и политических следствий доноса. Я думаю, что без таких данных трудно будет создавать геополитику доноса на евразийском пространстве.

В России до последнего времени, – сетует Игнатов, – не было ни дееспособного парламента, ни реально действующих органов местного самоуправления. Практически невозможно было демократическим путем исправить ненормальную ситуацию (заменить хамского секретаря обкома или вора-хозяйственника). Для среднего человека, – меланхолически констатирует В.Д.Игнатов, – твердая власть необходима, чтобы защищать одну часть общества от другой. Такая власть предпочтительнее безвластия и произвола. Она обеспечивает народу возможность выжить, а доносы служат ее укреплению. Иначе говоря, властно-государственные соображения оказываются средством реабилитации доноса. Надо будет предложить кому-то из аспирантов написать диссертацию для развития этой идеи.

Финальный аккорд книги ввергает нас в область нешуточной лингвометодологии. В.Д.Игнатов предлагает строго разделять понятия стукача и агента. Стукач – это человек, доносящий на ближнего с целью решить свои личные проблемы. Агент – это

гражданин, сообщающий властям о готовящемся или совершенном преступлении, что является долгом каждого гражданина в любой цивилизованной стране. Опрос фонда «Общественное мнение» показывает, что 56 % россиян готовы бесплатно представлять полиции информацию о готовящемся или совершенном преступлении, а 18 % не стали бы этого делать. По его мнению, в здоровом и справедливом обществе вертикальные связи должны быть крепче горизонтальных. Поэтому автор предлагает доносить на соседей по дому, нарушающих порядок, на бездельников и бракоделов на работе. Надо делать все, чтобы государство стало родным домом, - ставит точку автор.

У меня не хватает ума, чтобы понять этот вывод, поскольку сленговое слово отождествляется с понятием, хотя они означают одно и то же. Я прореферировал основное содержание книги В.Д.Игнатова, чтобы проиллюстрировать влияние массового искусства на мышление людей, пишущих об этой интересной и щекотливой проблеме. Осуждение доносов в начале книги привело к их полному оправданию в конце. Значит, не зря миллионы людей до сих пор вдохновляются образами российских и советских «моих друзей иванов лапшиных» и штирлицев, а также закордонных шерлоков холмсов, ежедневно маячащих на телеэкранах. Под пером В.Д.Игнатова властно-государственные соображения оказываются не только главным мотивом романтизации профессии агента, но и решающим аргументом при реабилитации доносов дома и на работе. Поэтому надо поискать другие ключи анализа проблемы. Я постараюсь развить метафору государства как родного дома.

Родной дом

Для начала пошуршу цифирью, которую приводит В.Д. Игнатов. В 1990 г. в СССР было 138,5 млн.человек трудоспособного населения. Если признать правоту некого полковника КГБ, то надо предположить, что с КГБ сотрудничало не около трех миллионов, а не менее 40 млн. человек. Целая страна. Тогда оказывается прав профессор Преображенский, который предлагал в первые годы советской власти поставить городового рядом с каждым человеком. Предчувствие М.Булгакова подтвердилось.

Переведем эту примитивную пропорцию на уровень города Ростова-на-Дону. Получается, что не менее 300 тыс. наших земляков – стукачи, доносчики и агенты. Тогда окажется прав герой

фильма «Ева хочет спать», который утверждал, что куда ни кинь – везде клин: «Враг подслушивает, подзуживает, подсматривает и подкапывается». Жителей нашего города придется квалифицировать как сплошных явных и тайных чекистов, милиционеров, доносчиков и преступников. Тогда придется передвигаться по улицам только ползком.

И *политические аргументы* для перехода в состояние пресмыкающихся есть. Л.А. Наумов показал, что инициатором преступлений 1930-х гг. был не только Сталин: «300000 репрессировано в результате превышения лимитов, принятого с санкции только руководства НКВД (или, что возможно, минуя эту санкцию»[839]. Иначе говоря, местное руководство органов НКВД (Северо-Кавказского, затем Азово-Черноморского края и Ростовской области) нередко оказывалось святее папы-Сталина, выступая инициатором превышения лимитов на репрессии. Но конкретных исследований в сфере политического регионоведения Ростова-на-Дону мне не попадалось[840]. Поэтому сошлюсь на сведения о других регионах СССР.

Дж. Бурдс изучил механизм советской вербовки агентов в целях дезорганизации сопротивления на Западной Украине[841]. Уже в 1947 г. в каждом селе было не меньше пяти информаторов НКВД. Значит, надо обращать внимание на численность агентов в каждом поселении (городском и сельском) и в профессиональных группах[842]. Механизм советской вербовки агентов был необходимой частью тактики дезорганизации сопротивления. Репрессивный аппарат использовал агентуру и сеть осведомителей для создания атмосферы всеобщей подозрительности среди повстанческих групп. Агентура стала тактическим оружием власти для провоцирования террора повстанцев, чтобы вбить клин между организо-

---

[839] См.: Наумов Л.А. Сталин и НКВД. – М.: Новый хронограф, 2010, с.15

[840] В изданной к 75-летию Ростовской области книге об этом ничего не сообщается. См.: Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней): Учебное пособие. – Ростов-н/Д: Изд-во «Ростовкнига», 2012

[841] Бурдс Дж. «Москальки»: женщины-агенты и националистическое подполье на Западной Украине. 1944-1948 гг. // Социальная история. Ежегодник 2004. М., РОССПЭН, 2005, с.300-338

[842] Между тем в «Донских рассказах» М.А.Шолохова ничего не сообщается о числе информаторов в донских станицах – районе, в котором Советская власть впервые столкнулась с не менее организованным сопротивлением, чем на Западной Украине. Не вытекает ли отсюда вопрос о том, что методы подавления сопротивления начали складываться на Дону? Эта мысль мне пришла в голову при изучении статьи Дж.Бурдса. Ведь Российская империя столетиями подавляла сопротивление казачества, в результате чего его представители уже в конце Х1Х века начали занимать ведущие посты в российской полиции и жандармерии. Исследований на эту тему мне не попадалось.

ванными силами повстанцев и их поддержкой среди гражданского населения. НКВД превращало непреклонных украинских националистов в своих агентов. Беспощадная логика операций агентуры была направлена на создание бевыходной ситуации у сопротивляющихся. У них оставался один выбор: сотрудничать с НКВД или умереть и подвергнуть репрессиям семью.

Удары имели гендерный характер. Вначале вся тяжесть режима обрушилась на мужчин. Женщины были более свободны в перемещениях. Поэтому подполье стало больше полагаться на женщин и девушек в выполнении своих задач. Так произошла феминизация украинского подполья. Однако женщины стали сотрудничать с НКВД и выдавать не только своих односельчан, но даже мужей и любовников. «Гендерный сдвиг в действиях повстанцев определял ответную советскую тактику: разрушать украинское подполье через их сети связи, состоящие в основном из женщин»[843]. НКВД использовало женщин и девушек для внедрения и последующей ликвидации повстанческих сил. При этом НКВД преследовало две цели: с помощью всеобщих арестов большевики подрывали повстанческий механизм проверки кадров, сея тотальное подозрение внутри подполья; они считали врагом каждую задержанную женщину, подвергая ее жестоким допросам, что способствовало превращению женщин в секретных агентов. Это сотрудничество вызывало ответную жестокость со стороны подполья. Любая капитуляция рассматривалась как акт предательства, за которым следовала смерть не только сдавшихся, но и членов семьи. Повстанцам запрещалось посещать своих жену, мать, детей, подруг.

«Организованный государством террор, с одной стороны, и репрессии повстанцев, с другой, оставили населению Западной Украины небольшой выбор, оно выработало тактику, общую для маргинальных групп, оставшихся в пограничных областях между двумя враждующими сторонами: в общественной сфере, по крайней мере, сотрудничать в любой из сторон как можно меньше»[844]. В этой ситуации женщины вели себя двумя способами: руководствуясь заботой и любовью, они давали информацию о тех, кого любили и с кем были тесно связаны, чтобы те остались живыми; доносы часто были сделаны по требованию мужчин, которые хотели быть высланными в Сибирь.

---

[843] Бурдс Дж. Указ.соч., с.316
[844] Там же, с.329

Таковы были основные мотивы и типы доносов. Благородные чувства преобразовывались в массовое доносительство. Не этим ли объясняется стремление определенных сил стимулировать сегодня регионализацию Украины?[845]

«Массовый террор, аресты, заключение пытки, насилие – все это было частью советской тактики «дезорганизации» базы врага. Советские репрессии были средством, но не целью: они не были ни результатом жестокости личностей, ни целью сами по себе, но были частью преднамеренной кампании, призванной разрушить *самоидентификацию местных жителей*, вбить клин между организованным сопротивлением и «обществом в целом, и предотвратить дальнейшие действия оппозиции» (курсив мой, В.М.)»[846]. Органы МВД/МГБ использовали насилие в собственных личных и оперативных интересах[847].

«Перед лицом организованного Советами массового террора местное население было лишено слова, запугано до покорности, часто оставаясь безмолвным десятилетия даже после прекращения насилия. Таков был весь смысл советского зверства: дезорганизовать местное население, лишить его любой надежды на эффективное сопротивление советской власти»[848]. Специальный замаскированный под повстанцев отряд МГБ регулярно терроризировал и насиловал местных украинских женщин.

Таким было «...институционализированное государственное насилие, в котором власть постоянно превращала абстрактную справедливость в конкретные акты насилия. Закон формулировался так, чтобы оправдать любой акт организованного государст-

---

[845] В книге Е.А.Глущенко показано, что Россия действовала в русле общеевропейской традиции колонизации. Туркменское племя иомудов отличалось свирепостью и наивностью. До выступления в завоевательный поход карательного отряда Головачева у них сложились дружеские отношения с оренбургскими казаками. Когда Головачев пошел на них войной, иомуды обратились за помощью к оренбуржцам: «Мы поклялись с вами в дружбе и считаем себя вашими союзниками, но другое племя русских из Туркестана затеяло с нами войну, и мы считаем, что вы должны помогать нам против них, как и мы стали бы помогать вам против ваших врагов». Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010, с.205. Остается добавить, что такие речи сегодня приходится слушать с самых высоких правительственных и думских трибун России, не говоря о СМИ.

[846] Бурдс Дж. Указ.соч., с.335

[847] Алина Полкз, венгерский детский психолог, рассказала в своих мемуарах, впервые изданных в 1991 г., что она была изнасилована сотни раз советскими солдатами в 1945 г. Советские солдаты применяли особенно зверские репрессии к женщинам, подозреваемым в сотрудничестве с немцами (отрезали груди после изнасилования, обезображивали половые органы и пр.).

[848] Бурдс Дж. Указ.соч., с.336

вом террора»[849]. Можно сказать, что таков общий закон деятельности советского государства, в котором осуществлялась вербовка агентуры для его потребностей.

С самого начала существования советской власти все сферы социальной жизни, социальные группы и государственные учреждения подвергались явному и тайному контролю. Как требовал Ежов, даже в сортирах (конечно, не во всех, а только в высокопоставленных, в соответствии с принципом: «Слово «частный» (privy) означало то место, куда даже короли ходят в одиночку»[850]) был представитель органов. Обычно через отделы кадров он сотрудничал с руководством и партийными органами предприятия. Этот человек руководил группой информаторов, обеспечивавших неофициальную информацию о множестве сфер социальной и учрежденческой жизни. Декларативной целью сети информаторов была борьба с экономической преступностью (со времени создания ОБХСС) и идеологическими диверсиями (со времени создания 5 управления КГБ).

И хотя эти конторы не устранили ни экономической преступности, ни идеологических диверсий, они имели своих осведомителей на каждом предприятии. Внутренний шпионаж стал звеном экономической жизни. Исследование советской/российской экономики как элемента системы внутреннего шпионажа позволит понять причины приспособляемости данных органов, механизмы преобразования ОБХСС в ОБЭП, в том числе нынешнюю моду на разговоры об «экономической безопасности».

С.Грибкаускас сообщает, что КГБ располагал подробной информацией о заводских администрациях и настроениях руководителей. Залогом благонадежности был высокий процент присутствия работников администраций предприятий в агентурном списке. В основном агентами были руководители (начиная с начальников цехов и отделов) и служащие, при минимальном участии рабочих. Эмиграция считала, что инженерные работники (по сравнению с гуманитариями) якобы плохо поддаются влиянию советской идеологии. Наоборот, представители администрации и ИТР сами искали пути сотрудничества с КГБ, надеясь извлечь из этих отношений административную пользу. Роли агента КГБ и представителя администрации завода были тесно связанными в одной личности в связи с личными надеждами на продвижение по служебной лест-

[849] Там же, с.337-338
[850] Мартин Ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М., ИРИСЭН, 2006, с.73

нице. Понятия «экономическая безопасность», «защита экономики», «идеологические диверсии» появились в риторике документов третьего отдела КГБ в конце 1970-х гг. Такова была реакция на деятельность «Солидарности» в Польше. Но реальные методы работы практически не изменились, просто структура начала расти. В целом вмешательство органов госбезопасности в работу промышленных предприятий не способствовало их развитию и процветанию[851].

А. Бовин отмечает, что в последнее десятилетие ФСБ и ГРУ стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены. С этой точки зрения идея повышения бдительности и безопасности есть «...возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями»[852]. Значит, поиск других направлений исследования необходим для уточнения подход к феномену доноса.

При этом надо учитывать причины и последствия доносительства в *уголовной сфере*. Ученые-юристы и адвокаты требуют запретить использование органами правопорядка «негласной агентуры», поскольку «агенты» провоцируют людей на преступление. Значительная часть граждан оценивает сотрудничество со спецслужбами как позорное явление. Россия здесь опирается на советский опыт. И.В. Говоров проанализировал положительные и отрицательные стороны агентурной работы в период наибольшего ужесточения тоталитарного режима и пришел к важным выводам, которые не учитываются в монографии В.Д. Игнатова[853].

При вербовке «негласных сотрудников» НКВД использовались три метода: идейное убеждение (при вербовке осведомителей среди работников торговли); материальный интерес (большинство осведомителей работало за продукты, карточки, деньги); компромат толкал на сотрудничество представителей «блатного сообщества» и «теневой экономики». Это порождало ряд негативных сторон всей агентурно-осведомительной сети: *неработоспособность* части ин-

---

[851] См.: Грибкаускас С. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965-1985 годах // Социальная история. Ежегодник 2008. Спб, Алетейя, 2009, с.253-278

[852] См.: Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003, с.293, 387

[853] Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах//Вопросы истории.2004,№ 4,с.109-119

форматоров отражала главный принцип ее формирования – количественный рост для галочки; *двурушничество* – преступники шли на вербовку с целью использовать покровительство милиции для прикрытия своей преступной деятельности и ликвидации конкурентов; многие осведомители были не просто преступниками, а главами уголовных банд; *провокация* – сами оперативные работники выступали организаторами преступления и пытались спасти агентов от уголовного преследования; *разврат органов* – присвоение средств для оплаты агентуры, пьянки оперработников с осведомителями, интимные отношения с женщинами-осведомителями, получение взяток за прекращение уголовных дел.

Административные меры борьбы с этими явлениями результата не дали. Такая ситуация сохраняется и сегодня.

Она объясняется *круговоротом насилия*, инициатором которого тоже стало государство. Граница между государственно-правовым насилием и частнопредпринимательской уголовщиной постоянно нарушалась следующими процессами: 1. Власть и государство делегировали кому-то часть своих силовых функций, которые не могли (или не хотели) выполнять сами (взимание налогов, торговые кампании, колонизация и пр.). Нормы и законность всегда относительны исторически, юридически и с точки зрения легитимности. 2. Соединение уголовного и революционного насилия в эпохи социальных потрясений. После победы революции это совпадение становилось основой силового сектора новой власти, социально-экономического уклада, государства. Социальной основой переворота могла быть только «тень», в прежней жизни использовавшая уголовный мир как средство силового теневого арбитража. 3. В периоды социальной нестабильности государство допускает «насилие снизу» (неформальные структуры под контролем полиции, службы безопасности крупных и транснациональных корпораций) для выполнения задач, которые по политическим и/или иным причинам не может (не хочет) брать на себя. Оно может служить прикрытием для деятельности и операций спецслужб, а при необходимости и/или желании выдаваться за стихийные акции народа, общественности, «достойные сожаления», но объяснимые эксцессы в сложных социально-политических обстоятельствах. Абсолютное большинство лидеров террора в свое время готовились спецслужбами государств для выполнения возложенных на эти службы задач. Затем они выхо-

дили из-под материнской опеки, переходили к другому нанимателю или пытались вести свою игру.

Третий аспект в последние 15-20 лет стал повседневной практикой. На этой основе складывается своеобразный «круговорот» государственных и частных, официальных и теневых, правовых и противозаконных форм насилия. Они могут и должны по-разному оцениваться с позиций действующих в данной стране и в данное время норм закона, морали, идеологии, политики. Но в совокупности и на значительной временной дистанции они обеспечивают протекание социально-исторического процесса.

Глобализация расширяет спрос на приватизированное насилие, которое может быть политически и/или психологически применено в интересах укрепления и продвижения политической глобализации против государства. Такова специфика современной фазы «круговорота» насилия в мире. Размывание роли государства – это перехват у государства его силовых функций и вынесение правового и политического арбитража по ним с внутригосударственного на глобальный уровень. Н.В. Косолапов требует поставить насилие и его использование под контроль гражданского общества[854].

Остается неясно, как это сделать. Видимо, здесь можно использовать различие между постмодернистским империализмом, природа которого вытекает из существующего добровольного империализма мировой экономики, и соседским империализмом, который отличается постоянным вмешательством в дела сопредельного государства[855]. Вмешательство России в дела сопредельных государств уже зафиксировано конкретными исследованиями[856]. В результате информационная политика России сегодня построена на сознательной лжи о процессах круговорота насилия, роли в нем определенных государственных и частных институтов, инициаторов и исполнителей, конкретных лиц и т.п.

---

[854] Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // МЭиМО. 2004, № 3, с.71-73

[855] См.: Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязана Британии. Пер. с англ. К.Бандуровского. М: АСТ: CORPUS, 2013, с.492

[856] Например, Р.Х.Симонян детально показал, что внешняя политика России в отношении стран Балтии – средоточие лжи и цинизма. Свидетельство объективности книги – не только академическая беспристрастность, но и тот факт, что некоторые прибалтийские политики оценивают книгу как «попытку восстановить СССР», а российские политики упрекают автора в том, что они писал книгу «под диктовку прибалтов». Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Изд.2-е. М., Институт социологии РАН, 2005. О войне России с Грузией см.: Илларионов А. Российско-грузинская война. Документы и материалы // Континент. 2009, № 140, с.189-387

Зато вполне ясно, что родной дом государства порождает всеобщую преступность, которую Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Речь идет о том, что чем большее число индивидов участвует в делах государства в качестве членов властно-бюрократической иерархии и исполнителей ее указаний, тем более юристы избегают постановки и обсуждения «...самого взрывоопасного вопроса – вопроса о почти поголовном соучастии в преступлении всего народа, а не только тех его представителей, которые были членами нацистской партии»[857]. Применительно к России и Германии XX века это значит, что феномен доносительства можно рассматривать в контексте дилеммы «коллаборационизм – сопротивление», причем коллаборантами люди становятся при сотрудничестве не с чужой, а со своей властью[858]. Возникающие при этом коллизии требуют объяснения доносительства в рамках общей политико-философской концепции.

Мир без моральной ясности

Концепт современного мира как «мира без моральной ясности» принадлежит Н. Шаранскому. Л. Гудков на основе данного концепта показал, что частным случаем этого мира является Россия и господствующий в ней массовый цинизм. В общем виде цинизм – это установка на сознательную девальвацию всего, что может придать человеческим действиям надындивидуальную значимость. Рафинированный цинизм появляется как запаздывающая реакция на социальные изменения, которая фиксирует непреодолимость дистанции реального и значимого. Вульгарный цинизм – это ироническое отношение к тому, что считается или проявляет себя в качестве «высокого» и «принципиального». Суть современных российских проблем состоит в том, что власть стремится адаптировать и сохранить унаследованную от тоталитаризма институциональную систему, отказываясь от кардинальных

---

[857] Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерасалиме. – М.: Изд-во «Европа», 2008, с.36

[858] Этот вывод я обосновал в книге «Русская власть». Ее сжатое содержание см.: Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010, № 2. Электронный ресурс http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf Проверено 12.12.2014. Для развития такого подхода можно использовать результаты исследования М.И.Семиряги: «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране». Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000, с.10

реформ постсоветского государства. Накоплено множество свидетельств массового цинизма, характерного как для властей, так и для населения. «Возможная когда-нибудь типология цинизма, - пишет Л. Гудков, - должна строиться применительно к тому, какая социально-институциональная сфера общества была нагружена особыми ценностными значениями и в процессе изменений и почему именно эти изменения вызывали массовую реакцию разочарования и депрессии. В наших условиях циническая реакция ... последовала на идеологические утопии и иллюзии, связанные с трансформациями властных отношений»[859].

Стало быть, изучение трансформаций властных отношений становится необходимым этапом анализа цинизма и вытекающей отсюда переоценки действий доносчиков. Для реализации этой задачи я реконструирую концепт политического цинизма Петера Слотердайка. Перечитывая «Критику цинического разума», я наткнулся на замечание, которое стало толчком для систематизации основных смыслов государственного цинизма[860]. Но для этого следовало бы написать особую статью. Я же пока отмечу, что в интервью Ханны Арендт с Гюнтером Гаусом высказано много идей[861]. Из них я буду развивать только идею о *параллелях между убийцами и доносчиками*. Эти параллели являются следствием множества феноменов, накопленных в политической истории. К ним относятся: героическая монархия; политическая идентич-

---

[859] Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2(76). Электронный ресурс http://ecsocman.hse.ru/data/675/930/1219/06_gudkov_43-62.pdf Проверено 25.11.2014

[860] «Я начал писать эти заметки о цинизме, - пишет он, - еще не ведая, что из них получится критика цинического разума, вскоре после того, как посмотрел по телевизору интервью еврейского философа и политолога Ханны Арендт, которое взял много лет назад Гюнтер Гаусс и которое повторяли в 1980 г. к пятилетней годовщине со дня ее смерти. Этот диалог, представляющий собою *недосягаемую вершину свободной беседы и философствования на публике*, а также один из немногих примеров интеллигентности на телеэкране, достиг своей кульминации, когда госпожа Арендт говорила о своей деятельности на Иерусалимском процессе над убийцей миллионов евреев Эйхманом. Нужно было слышать, как эта женщина уверяла, что при изучении многих тысяч страниц объемистых протоколов допросов то и дело разражалась громким смехом, который у нее вызывала *поразительная глупость*, распоряжавшаяся жизнью и смертью бесчисленных людей. В этом признании Ханны Арендт было нечто *фривольное и киническое* в самом точном смысле этого слова: это признание поначалу шокировало, но затем приходило понимание того, что оно выражает полную независимость в высказывании истины и оказывает воздействие на других. Когда госпожа Арендт вдобавок обронила замечание, что жизнь в изгнании иногда развлекала ее, потому что она была молода и могла в своем неведении импровизировать к собственному удовольствию, я тоже не смог удержаться от смеха, и с этого смеха *началась* эта книга (курсив везде мой. – В.М.)». Слотердайк П. Критика цинического разума. Пер. с нем. А.Перцева; испр.изд-е. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ Москва, 2009, с.372

[861] См.: http://gefter.ru/archive/9844. Проверено 27.11.2014

ность; первичное и современное христианство; формы протофашизма; макиавеллизм. Данные темы я вынужден только обозначить как генеалогию (в смысле М. Фуко) государственного цинизма, а сейчас сконцентрируюсь на обобщении основных идей Слотердайка о современном государственном цинизме.

По его мнению, европейский фашизм и российский социализм - это поздние комплексные формы (или «пируэты») цинического сознания, которые приобрели господствующее значение в XX веке. Ф*ашизм* признает себя чистой политикой насилия, отказывается от собственной легитимации, открыто провозглашает жестокость и «священный эгоизм» как политическую необходимость и историко-биологический закон. Гитлер резко высказывался против парламентаризма, Версальского договора, социалистов, коммунистов, профсоюзных деятелей, анархистов, деятелей современного искусства, цыган, гомосексуалистов, но прежде всего против евреев. В чем причина этой уникальной враждебности? – ставит вопрос Слотердайк.

Причина состоит в том, что *фашизм – это надутое ничтожество*, которое строило из себя героя. Евреи видели его насквозь, поскольку они иронично относились к любой власти. Антисемитизм выдает надлом в фашистской воле к власти; эта власть никогда не смогла бы быть настолько большой, чтобы преодолеть кинически-еврейское отрицание власти. «Ни одна воля к власти не выносит иронии воли, направленной на то, чтобы пережить и эту власть»[862].

Фашистское государство XX века представляет собой реализацию одной из скрытых возможностей народного государства. Фашизм выступает под лозунгом «Все для народа!», но полагает народ монолитом, гомогенной массой, которая повинуется одной-единственной воле («Один народ, один рейх, один фюрер»). Фашизм актуализирует склонность государства прибегать к «необходимому насилию» ради так называемого «общего интереса», который на деле определяется *частью* общества и противостоит интересам отдельных людей. В целом Слотердайк определяет фашистское государство как цинизм цинизма, в котором переплетены капитал, идеология народной собственности, идеализм и жестокость.

Второй пируэт современного государственного цинизма демонстрирует новейшая история России. В его рамках Слотердайк вы-

[862] Слотердайк П. Указ.соч., с.372

деляет следующие константы: государство как смирительная рубашка; переосмысление роли Троцкого; квалификация русского народа; государственный аппарат; разрушение языка; оценка конфликта между СССР и США.

Государство как смирительная рубашка. Слотердайк фиксирует зависимость между радикальностью социалистических движений и уровнем политического угнетения в стране. Чем сильнее в Европе становилось рабочее движение, тем более законопослушным оно становилось, тем больше верило в успех постепенного утверждения в борьбе с противниками. И наоборот: чем сильнее оказывалась деспотически-феодальная власть, тем с большим фанатизмом выступала против нее «социалистическая» оппозиция. На этой основе Слотердайк формулирует два правила: чем больше страна созревала для интеграции элементов социализма в свой общественный порядок (высокое развитие производительных сил, высокая степень занятости среди работающих по найму, высокая степень организации «пролетарских» интересов), тем с большим спокойствием вожди рабочего движения ждали своего часа; чем более незрелым было общество для социализма, тем неуклоннее социализм стремился возглавлять революционные движения.

Но из логики борьбы вытекает закон: противники становятся все более похожими друг на друга. Этот закон подтверждается примером конфликта между русскими коммунистами и царской деспотией. Слотердайк предлагает рассматривать период между 1917 годом и XX съездом КПСС партии как цинически-ироническое завещание и наследие царизма. Ленин стал душеприказчиком деспотии, представители которой ушли в небытие, но не ушли в небытие ее способы действия и внутренние структуры. Сталин поднял деспотию на уровень техники XX века и затмил любого из Романовых. Уже при царях русское государство было тесной рубашкой для общества. Советское государство полностью превратилось в смирительную рубашку.

Переосмысление роли Троцкого в советской истории. По мнению Слотердайка, Лев Троцкий является наследником древней традиции сопротивления. Убийство Сталиным Троцкого – это такая же циническая реплика власти, как и фашистский геноцид евреев. В обоих случаях власть отомстила тому, кто никогда не будет ее уважать. Троцкий развил идею «перманентной революции» Маркса. В ней содержалось знание того, что политическая власть в каждую секунду вынуждена заново оправдывать свои

действия, чтобы они отличались от действий преступных. Идея перманентной революции не есть призыв к непрерывному хаосу. Она просто скрывает политическую мудрость: любое государственное тщеславие будет преодолено благодаря тому, что воспоминания о его преступлениях не прекратятся, покуда оно будет существовать.

Квалификация русского народа. Русское сопротивление до сих пор говорит на языке прав христианина и прав человека. Это значит, что процесс самоосвобождения в России до сих пор находится на той же стадии, на которой он остановился между Февралем и Октябрем 1917 года: на стадии требования соблюдать права человека — общей формуле, выражающей буржуазные свободы. Страна, которая хочет перескочить через «либеральную фазу», приземляется при прыжке от деспотии к социализму снова в деспотии. Русский народ дал превратить себя в инструмент для построения будущего, которое все никак не желает наступать. После всего того, что произошло, это будущее никогда уже не сможет наступить в том виде, в каком оно было обещано. Он принес в жертву свои права на жизнь и на разумные требования, соответствующие моменту, совершив акт православного мазохизма и испытав муки раскаяния, — принес в жертву на потребительские алтари отдаленных поколений. Он растратил свои жизненные силы на погоню за безумным западным потребительством и западной военной технологией.

Советский государственный аппарат не имел за душой никакой идеологии, - констатирует Слотердайк. Между фразеологией ленинской традиции и повседневным опытом лежит пропасть. Реальность начинается там, где кончается государство и его терминология. Обычное понятие «ложь» больше не подходит к существующим в странах восточного блока состояниям незавершенной шизоидной диффузии реальности. Связь между «словами» и «вещами» нарушена, но это нарушение превратилось в новую норму. Люди определяются уже не с оглядкой на социалистические ценности и идеалы, а исходя из безальтернативности и безысходности данного в действительности. Советский «социализм» вместе со своей сияюще-истинной, но риторической стороной воспринимается и переносится как зло.

Разрушение языка. В истории о Великом инквизиторе у Достоевского описан переход цинизма в трагизм. Такой переход произошел именно в СССР. Во всем мире слово «социализм» выража-

ет надежду человека стать хозяином своей собственной жизни. В СССР оно превратилось в застывший символ безысходности и отсутствия перспектив. В СССР произошло циническое разрушение языка в эпохальных масштабах. Политика центральных властей не несет в себе социалистической надежды. Под прикрытием марксистско-ленинской терминологии Восток проводит политику гегемонизма в чистом виде. «Стоит ли для того, чтобы защищать эту ложную инаковость, создавать величайшую в мире военную державу?»[863] - такова реальная проблема, поставленная Слотердайком.

Оценка конфликта между СССР и США. Что сказал бы Макиавелли в конце XX века? – вопрошает Слотердайк. По его мнению, Макиавелли дал бы цинический совет сверхдержавам: открыто признать свои системы полностью обанкротившимися по всем статьям. Макиавелли констатировал бы, что большую часть так называемых политических проблем 2000 года составят «иллюзорные проблемы», возникающие из противоречия между двумя блоками власти, которые противостоят друг другу по глупейшей причине: руководители СССР пытались создать общественную систему, которая вывела бы за рамки капитализма, но при этом не знали действительного капитализма; руководители США представляют собой «перезревший» капитализм, который не может перешагнуть через себя и выйти к чему-то новому, поскольку дом под названием «социализм» уже занят. Стало быть, состязание Востока и Запада не является ни продуктивным соревнованием держав, ни классическим соперничеством в борьбе за гегемонию; это — совершенно бесплодный конфликт более сложного типа.

«Социализм» стал главным препятствием, не дающим капитализму перейти в социализм; «закосневший» капитализм Запада стал главным препятствием, мешающим восточным системам открыто присоединиться к капитализму. Восток выдает себя за социализм. Запад вынужден формулировать свое видение будущего оборонительно, прибегая к утверждениям, что он никоим образом не желает *этого* социализма. Ни одна система не может снова признать своей целью то, что она давно оставила в прошлом. Для капитализма не может быть идеей будущего замаскированный и изуродованный государственный капитализм восточного типа.

---

[863] Там же, с.377

Выбитая из колеи история. Для разрешения конфликта Слотердайк предлагает глубже разобраться в этом типе конфликтов. Он соединяет теорию Макиавелли с идеями Маркса, который наметил первые подходы к Общей историко-политической Полемике. Эта Полемика позволяет различать: конфликты соперничества систем одного и того же вида; эволюционно обусловленные конфликты систем различного вида, которые отличаются друг от друга степенью развития. Во втором случае речь идет о конфликте между менее развитой и более развитой системами. Идеальным примером конфликта второго типа является конфликт между капитализмом и социализмом. Он по логике вещей может быть только конфликтом преодоления, в котором старое противится новому. Новое становится необходимым, когда старое превращается в оковы. По мнению Маркса, такова суть полностью развитого капитализма: едва он достигнет полного развития, как сам станет препятствием для роста человеческой производительности, которому он доныне способствовал; это препятствие должно быть преодолено, а в итоге возникает социализм. Социализм освобождает человеческую продуктивность от границ капиталистических отношений собственности. Если мы теперь рассмотрим то, что изображается в области мировой политики как конфликт между капитализмом и социализмом, то сразу выяснится: это вовсе не тот конфликт между старым и новым, который исследовал Маркс, а конфликт соперничества между двумя империями. Новое возникает в процессе закручивания этого конфликта вокруг собственной социологической и исторической оси. Марксистская попытка управлять историей привела к тому, что все без исключения исторические перспективы будущего совершенно искажены. Притязания на управление историей систем вместо предоставления ей возможности идти своим ходом совершенно и в невиданных масштабах выбили историю из колеи. Как поставить ее на прежнюю колею? – неясно.

Ленинская фальсификация теории. В любом случае невозможно «подстегнуть» развитие на том основании, что ты изучил его взаимосвязи и взаимозависимости. Остается загадкой, по какому праву Ленин полагал, что Россия есть место, где можно применить марксистскую теорию развития и теорию революции. Загадка — не в подлинных мотивах, которые заставили Ленина совершить революцию. Загадка в том способе, каким он насильственно применил западную полит-экономическую теорию к полу-

азиатской аграрной империи, в которой едва началась индустриализация. «Я думаю, - пишет Слотердайк, - вряд ли возможен иной ответ: здесь абсолютная воля к революции находилась в поиске более или менее подходящей теории, а там, где оказывалось, что теория не совсем подходит (за недостатком реальных предпосылок для ее применения), от желания применить ее во что бы то ни стало возникла необходимость фальсифицировать, перетолковать и исказить ее»[864]. В руках Ленина марксизм стал теорией, легитимирующей попытку с помощью насилия заставить действительность развиваться в том направлении, на котором затем возникли бы предпосылки для применения теории Маркса. Как именно этого достичь? Путем форсированной индустриализации. Советский Союз по сей день ищет причины второй революции 1917 года. Он пытается «задним числом» создать необходимость социалистической революции и находится на наилучшем пути к ней. Если использовать формулировку Маркса, то в СССР, как ни в какой другой стране мира, производственные отношения стали тормозом для развития производительных сил. Если такое несоответствие есть общая формула, создающая противоречие, которое ведет к революции, то здесь оно налицо в образцовом виде.

Слотердайк заканчивает свой анализ государственного цинизма констатацией абсурдности конфликта между двумя системами. То, что в современном международном положении является конфликтом *внутри* системы, абсурдным образом преподносится как конфликт *между* двумя системами. Этот внутренний конфликт, превращенный во внешний конфликт между системами, представляет собой главное препятствие для освобождения человеческой продуктивности. Так называемый конфликт мировых систем — это конфликт между двумя мистифицированными мистификаторами. Посредством параноидной гонки вооружений два реальных мнимых противника заставляют себя поддерживать воображаемое различие систем. Таким образом стороны взаимно парализуют друг друга. На деле происходит борьба за гегемонию. Два гиганта производства расходуют чудовищную долю произведенного обществом богатства на военное закрепление такого разграничения систем, которое в принципе неверно и не выдерживает никакой критики.

---

[864] Там же, с.380

Макиавелли в конце XX века, рекомендовал бы системам объявить о своем полнейшем банкротстве. Именно такое объявление должно предшествовать разоружению. Системы заставляет вооружаться представление о фундаментальном противоречии между собой. Разрядка напряженности через разоружение — одна из крайне опасных для жизни мистификаций, при которых все видится шиворот-навыворот. Разрядка напряженности может произойти только изнутри, как *постижение* того факта, что больше нечего терять, кроме ставшей невыносимой вооруженной иллюзии различия общественных систем.

Заключительные суждения

Прежде всего отмечу, что концепт государственного цинизма позволяет выйти за рамки затянувшегося спора между сторонниками теорий тоталитаризма и модернизации при изображении истории России в XX веке, поскольку Слотердайк формулирует такие темы исследования, которые могут быть операционализированы в аппарате и программах всего круга социальных наук. Все намеченные Слотердайком темы и констатации подтверждаются целыми библиотеками литературы. Все они являются предметом дискуссии. Это значит, что идеи Слотердайка вводят в самый центр современных споров, помогают идентифицировать и объяснить личные и институциональные социальные роли и фигуры данных споров. Ни по одному вопросу здесь нет и не может быть общепринятых взглядов и казенных «мнений». Поэтому я предлагаю рассматривать феномен доноса в контексте множества нерешенных проблем XX века.

В любом случае сотрудничество конкретных лиц и целых организаций с аппаратами насилия главных политических конкурентов XX века надо рассматривать в контексте истории, теории и практики государственного цинизма. С этой точки зрения «Критика цинического разума» может рассматриваться как программа междисциплинарного исследования всех аспектов сотрудничества индивидов с государством посредством доноса в сферах военного дела, государственной администрации, полиции, отношений между полами, медицины, религии и знания. Деятельность доносчиков в данных сферах не изучена и не систематизирована. Тем большую значимость приобретает постановка проблемы. Современная Россия дает богатейший материал, позволяющий допол-

нить концепт Петера Слотердайка. Скажу только об идеологических сюжетах.

Если вернуться к началу статьи, то в состав современного государственного цинизма в России (или российской «духовности») входят «дешевые благонамеренные поделки» (по удачной квалификации В.В.Бибихина) типа русского космизма, эстетики лада, русского мира, а также русская религиозная философия с идеями всеединства, софийности, православного энергетизма, «синергизма» и других продуктов панического сознания[865]. Среди них следует особо отметить концепты российского традиционализма и евразийства, популярные среди политического руководства России, высших армейских чинов, офицеров Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности. «Высших армейских чинов, - пишет М.Седжвик, - может характеризовать профессиональный интерес к геополитике, но в равной степени и профессиональная тенденция к упрощению. Примерно то же самое можно сказать о СВР, хотя там тенденция может быть обратной: не к упрощению, а к усложнению. ФСБ кое в чем отличается от этих организаций. Когда вознаграждение за работу в органах внутренней безопасности снизилось, и в финансовом смысле, и в смысле престижа, упал и профессиональный уровень офицеров ФСБ. Среди них сейчас найдется не много интеллектуалов, зато очень многие лелеют полумистические представления о месте России в мире и своей собственной роли – возможно ... в качестве компенсации за низкие заработки»[866]. Следует упомянуть также политику ностальгии по СССР, идеологию «особого пути» России, использование советско-германской войны для легитимизации нынешней власти в России, концепт «Новороссии» и т.п.

Вся эта дешевка свидетельствует о глубоком провинциализме людей, занятых в данных сферах. Но она находит сбыт в качестве пропагандистского обеспечения внутри- и внешнеполитических акций нынешнего российского руководства и в этом смысле может рассматриваться как множество конкретных проявлений российского государственного цинизма в сфере идеологии. Требуется изучение и противодействие всей сфере политического и идеоло-

---

[865] См.: Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука, 2012, с.29

[866] Сэджвик М. Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. Пер.с англ. М.Маршака и А.Лазарева. Научн.ред. Б.Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014, с.412-413. См. также: Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: (биография Льва Гумилева). – М.: АСТ, 2014

гического китча, включая способы его использования для обоснования государственного цинизма в сфере общих и профессиональных, политических и уголовных интересов и связанных с ними доносов.

ВОЕННЫЙ ЦИНИЗМ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И КОНЦЕПТ ПЕТЕРА СЛОТЕРДАЙКА

В.П. Макаренко, Д.Н. Протасеня

В современном российском обществе сложился тотальный цинизм, а во властно-управленческой иерархии возник путинизм – преобладание военных и представителей спецслужб на всех уровнях властно-управленческой иерархии[867]. Взаимосвязь между данными явлениями нуждается в исследовании. Наш подход к проблеме определяется ранее сформулированными концептологическими посылками и исследованиями специфики российского милитаризма[868]. Надо вписать этот подход в общую социально-философскую концепцию. Начнем с кино.

Раскопка аргументов

Фильм «Семнадцать мгновений весны» был хитом советской телепродукции и популярен до сих пор. Его политическая идея известна со школьных учебников: Штирлиц занят разрушением возможностей закулисного сговора между гитлеровской Германией и США в последний период второй мировой войны. Однако недавно опубликована записка бывшего советского журналиста и разведчика Эрнста Генри. Он эту идею отвергает. Называет ее «продуктом творчества Вышинского по заданию Сталина». Однако фильм про Штирлица знают все. Он даже вошел в анекдоты, сработанные по шаблону анекдотов про майора Пронина. Нынешний

---

[867] См.: Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2(76); Он же. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. Т. 101. № 3; Травин Д.Я. Путинская Россия: от рассвета до отката. – СПб, «Дело», 2009

[868] См.: Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009, № 6; Он же. Современный российский милитаризм // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013, № 3-4

интерес к теме советского внешнего и внутреннего шпионажа подогревается политикой ностальгии по СССР[869]. Тогда как публичных дискуссий о записке нам не попадалось. Между тем в ней тоже есть сюжет для шпионского сериала.

Э.Генри написал записку в апреле-октябре 1966 г., но послал ее не в международный трибунал, а занес в ЦК КПСС. Там записку на пятьдесят лет положили под сукно. Советских бонз устрашила главная идея записки: вся внешняя политика Сталина – сплошной провал. Эта идея становится актуальной на фоне стремления политических сил из «Единой России» полностью оправдать сталинскую политику, особенно во время войны[870]. Значит, не мешает покопаться в аргументах заслуженного шпиона, да еще с фамилией Ростовский.

Однофамилец нашего города показывает, что у Сталина были устарелые представления о механизмах выработки политики. В 1944 году он запретил проводить революцию во Франции. Заключил сделку с Черчиллем и Рузвельтом о процентном соотношении влияния Британии и СССР в Румынии, Греции, Югославии, Венгрии, Болгарии для того, чтобы предотвратить вспышку гражданской войны в ряде стран. Но «предотвратить в ряде стран гражданскую войну», считает Генри, означало предотвратить социалистическую революцию. «Зная об известных всем нам теперь сделках Сталина с Гитлером, - пишет Генри, - «принципиально» отметать возможность его сделки с Черчиллем примерно на тех же началах не приходится». При заключении «процентного соглашения» с Черчиллем и Рузвельтом Сталин «продолжал изобретенную им политику, которую, надо думать, он считал гениальной, выдержанной на уровне самого Талейрана, - политику перекройки карты мира не путем революций, как это предвидел Ленин и как этого ожидало международное рабочее движение, а путем тайного, закулисного сговора с империалистами»[871].

Иными словами, Э.Генри подсказывает нынешним кинопродюссерам идею: создать фильм о сделке между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом по образцу Мюнхенского сговора 1938 года и советско-германского пакта 1939 года, послуживших толчком к развязыванию второй мировой войны.

---

[869] См.: Ганюшкина Э.А. Дискурсивная борьба с «травматическим прошлым» образа российских спецслужб // Конфликтология. 2014, № 2, с.170-179

[870] Примером могут служить книги В.Р.Мединского. См.: Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939-1945. – Второе издание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014

[871] Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (записка). Прометей. М., «Русский раритет», 2007, с.33.

Отправные точки для будущего киносценария таковы. Сталин отдал Париж за Варшаву. Между тем летом 1944 года именно столица Франции была главным международным рычагом, с помощью которого социализм действительно мог «перевернуть» континент». Ум Сталина был натренирован в тактике подспудной внутрипартийной борьбы с помощью репрессивных органов. В области международных отношений этот ум был разновидностью восточного талейранства. Сталин был утилитарен и слабо образован. Это объясняет ограниченность его политического зрения. Реальным во внешней политике Сталин считал только то, что лежало поближе к его огороду – то-есть, к государственным границам СССР. Сталин подходил к мировой политике по-хуторянски, хотя в середине XX века прежние измерения политической мощи и безопасности великих держав на основе ситуации у их непосредственных границ уже были аннулированы военной и политической техникой. Вместо большой международно-революционной политики он проводил малую великорусскую политику царей. Он не верил в рабочий класс, а верил только в себя, вооруженные силы, хитрость и репрессивные органы. «Полицейская точка зрения, - констатирует Генри, - всегда имела немалое значение в отношении Сталина к вопросам и людям международного коммунистического движения»[872].

Эрнст Генри описывает региональные и страновые следствия полицейского мышления Сталина. А в заключение подводит итоги внешней политики Сталина с 1944 года[873]. В итоге сталинской

---

[872] Генри Э. Указ.соч., с.73

[873] В актив он записывает: 1. Возникновение восьми новых социалистических государств в Европе, на территориях, уже оккупированных Красной Армией, или связанных с ней вооруженными силами. 2. Оттеснение германского милитаризма за Эльбу – по ту сторону оккупированной советскими войсками территории. 3. Возникновение в Азии КНР – новой социалистической великой державы, благодаря разгрому Квантунской армии советскими восками и вопреки расчетам Сталина на сделку с чанкайшистами. 4. Возникновение двух других социалистических государств в Азии: Северной Кореи (на территории, уже оккупированной Красной армией) и Северного Вьетнама (на территории, граничащей с Китаем). 5. Колоссальное усиление военно-политической мощи Советского Союза, вызванное победами Красной армии и достижениями советской науки в области атомной физики и ракетостроения. 6. Территориальное расширение СССР на западе и востоке. Но пассив намного внушительнее: 1. Запрет на народно-демократическую революцию во Франции. В результате – спад революционной волны по всей западной части европейского континента после разгрома фашизма. 2. Восстановление буржуазных режимов во всех находившихся в руках Гитлера европейских странах за пределами зоны советской оккупации. 3. Стремительное возрождение реваншистского германского милитаризма за Эльбой. 4. Заключение военного союза между Западной Германией и великими державами капиталистического мира. 5. Неудача попытки овладения Западным Берлином. 6. Спад послевоенной революционной волны в Италии и Греции, утрата важнейших позиций у Адриатического и Эгейского морей. 7. Распространение политики культа на новые социалистические государства в Европе. В результате – сотрясения внутри

внешней политики СССР попал в двойную осаду: антисоветский блок на Западе; антисоветский социализм в Азии. Никакой объективной необходимости попасть в такую осаду не было. Туда завела только внешняя политика Сталина, которую Генри называет социалистическим цезаризмом[874]. Но нетрудно увидеть, что упущенные возможности, о которых пишет Генри при критике Сталина, привели бы к многократному усилению этого цезаризма. Поэтому критика статус-кво со стороны действующих или отставных шпионов всегда должна восприниматься с подозрением[875].

Итак, внешняя политика Сталина базируется на полицейском мышлении, от которого несвободны и разведчики, критикующие Сталина на основе использования идей Троцкого. Тема генезиса полицейского мышления на вершине государственной иерархии уже поставлена в литературе. Например, в записках бывшего работника ЦК КПСС читаем, что заведующий международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев отличался полицейско-пропагандистским образом мысли и действия, для которого характерны: разврат и практика эксплуатации чужих мозгов; абсолютное пренебрежение к реалиям социально-политических процессов; политический оппортунизм и циничное самодержавие[876]. Эти феномены А.С.Черняев связывает с общим явлением отсутствия механизмов выявления кадров для государственной деятельности и общим процессом старения государства: «КГБ не то место,

---

новой социалистической системы в последующие годы: мятежи в Берлине и Венгрии, волнения в Польше, разрыв с Югославией, осложнения с Румынией, переход Албании в китайский антисоветский лагерь. 8. Прекращение сотрудничества военных лет между СССР и США, Англией, Францией, переход к длительной и изнурительной «холодной войне». 9. Распространение культа личности на Азию, поощрение маоцзедуновской диктатуры внутри китайской компартии. В результате – возникновение нового антисоветского лагеря в Восточной Азии и раскол мирового коммунистического движения. 10. Безуспешная атака на национальную буржуазию в Индии, Индонезии, Бирме, Малайе, на Филиппинах. В результате - отсрочка сближения между СССР и азиатским нейтрализмом. 11. Безуспешная атака на буржуазию Турции и Ирана. В результате – присоединение стран Ближнего Востока в антисоветскому Багдадскому пакту (ныне СЕНТО). 12. Безуспешная атака на японскую буржуазию. В результате – дальнейшее сближение Японии с США. 13. Безрезультатная война в Корее, способствовавшая новому сплочению антисоветских сил в капиталистическом мире. 14. Объединение всех империалистических государств в мировой антикоммунистический блок НАТО-СЕНТО-СЕАТО-АНЗЮС, вслед за окончательным провалом попыток антианглийских кругов в Вашингтоне договориться во Сталиным о прямом американо-советском соглашении относительно Германии. 15. Систематическое дальнейшее ухудшение советско-американских отношений. 16. Спад окрепших в годы войны просоветских настроений среди широких масс капиталистического мира в результате внутренней и внешней политики СССР.

[874] Там же, с.103-104

[875] Свежим примером может служить книга генерал-лейтенанта Н.С.Леонова. Лихолетье. М., Терра, 1997, в которой те же шаблоны политического мышления.

[876] См.: Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., РОССПЭН, 2008, с. 510, 520

где вырабатывается ... доверие как политическое качество государственного деятеля... При Брежневе и после мы гальванизируем память о войне. И это, скорее всего – старение государства, которому необходимо (сознательно или нет) эксплуатировать память о «величии»[877].

Политический идиотизм и феномен старения государства

Де Голль в 1957 г. сказал, что эпоха гигантов в политике прошла. Эйзенхауэра, Хрущева и Макмиллана он назвал идиотами[878]. В современных словарях термин *идиот* имеет двоякий смысл: частное лицо, не участвующее в общественной и политической жизни; человек с глубокой умственной отсталостью. Какой из этих смыслов более применим к теме нашей статьи?

Для ответа возьмем пару книг О.А. Гриневского. Он изнутри наблюдал советскую политику «мирного сосуществования» при Н.С. Хрущеве и политику «разрядки» при Л.И. Брежневе. Приведем несколько эпизодов.

Хрущев во время первого визита в США дал Джону Кеннеди визитную карточку с припиской: «Дорогой Джон... Может быть, эта карточка поможет вам выбраться из тюрьмы, когда произойдет революция»[879]. Его речи перед бизнесменами, конгрессменами и политиками были однообразны: «Из выступления в выступление он на разные лады назойливо разыгрывал один и тот же спектакль: вы капиталисты, а мы коммунисты – давайте дружить и мирно соревноваться, а потом мы вас все равно закопаем»[880]. Когда американцы предположили, что русские начнут строить огромный подводный флот (в ответ на его призывы к снятию крейсеров), Хрущев тут же отреагировал: «Как раз наоборот. Мы сейчас начинаем приспосабливать подводные лодки под ловлю селедки»[881].

Хрущев специально сорвал встречу в верхах: «Хрущев в это время отдыхал, принимая ванну, в резиденции советского посла. Накануне Виноградов (посол СССР во Франции, *В.М., Д.П.*) рассказал ему историю, как русский император Александр Ш ловил рыбу в пруду и кто-то из свиты прибежал к нему со срочным обращением от германского кайзера. Однако царь даже не обернул-

---

[877] Черняев А.С. Указ.соч., с.528, 604
[878] Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., Вагриус, 1998, с.255
[879] Гриневский О.А. Указ.соч., с.54
[880] Там же, с.55
[881] Там же, с.76

ся. «Пусть Европа подождет, пока русский царь рыбу ловит», - бросил он через плечо. Хрущеву эта история понравилась. Теперь, лежа в ванне, он кричал: - Пусть весь мир подождет, пока Первый секретарь ЦК КПСС помоется!»[882].

Эти факты позволяют усомниться не только в нормальности первого секретаря ЦК КПСС, но и всей российской традиции отношения к другим европейским государствам. В этой традиции ужение рыбы и посещение бани первыми лицами империи ставятся выше мировых событий. Но такая шкала ценностей частично определяется спецификой политического общения и риторики: «Нет ничего более банального и серого, чем беседы политических лидеров. И Хрущев отнюдь не отличался ни игрой ума, ни изяществом»[883]. Причины данной банальности и серости надо объяснить, поскольку здесь существует сходство между США и СССР.

Эйзенхауэр жаловался Хрущеву: «Наши военачальники приходят ко мне и говорят: «Господин президент, нам нужны такие и такие суммы денег на такие и такие программы. Если мы не получим их, то отстанем от Советского Союза». Я вынужден соглашаться. Так они вытаскивают из меня деньги. А затем требуют еще, и я даю снова. А теперь расскажите, как это происходит у вас? - Точно так же. Военные из министерства обороны приходят и говорят: «Товарищ Хрущев, посмотрите, американцы разрабатывают такую-то и такую-то систему. Мы можем разработать такую же, но это будет стоить столько-то и столько то». Я отвечаю, что денег нет, они все уже распределены. Тогда они говорят: «Если вы не дадите денег, то в случае войны противник будет иметь преимущество». Разговор продолжается, я сопротивляюсь как могу, но в конце концов приходится отдавать военным то, что они просят»[884].

Значит, при суждении о нормальности руководителей государства надо учитывать влияние на них военно-промышленного комплекса. Чем больше это влияние, тем больше шансов правоты у покойного де Голля[885].

---

[882] Там же, с.290
[883] Там же, с.75
[884] Там же, с.94-95
[885] Например, в результате влияния военно-промышленного потерпела крах советская крах политика «мирного сосуществования», которую пытался проводить Хрущев. Главной причиной краха было недовольство данной политикой со стороны военно-промышленного комплекса. Этот гигантский спрут охватывал восемьдесят процентов промышленных предприятий Советского Союза. Поэтому политические инициативы превращались в пропагандистские акции. Ни в Генштабе, ни в Министерстве Обороны, ни в научных институтах никогда не делалось детальных проработок сокращения и ликвидации

О.А. Гриневский показал, что главный секрет холодной войны состоял в том, что СССР далеко отставал от США по ракетно-ядерным вооружениям, хотя советские руководители и СМИ все преподносили наоборот. В этих условиях Министр Обороны Д.Ф. Устинов развернул производство ракет и боеголовок. Производители оружия стали самыми уважаемыми и преуспевающими людьми в СССР. Но дипломатия и военно-промышленный комплекс оказали роковую услугу стране. Малоэффективная советская экономика под гнетом гонки вооружений и силовой политики оказалась на грани краха. Непроизводительные военные расходы поглощали 15–20 % ВВП страны ежегодно, тогда как в США они составляли всего 6 % [886].

Ум Л.И. Брежнева был не менее банален, чем ум Хрущева. Каждый день Брежневу готовили 1-2 страницы всей мировой информации. Из нее отбирался десяток событий по темам: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился. Генсек реагировал только на элементарные житейские ситуации и сердился на любые умные и глубокие обобщения[887]. На этом фоне приобретали значение личные и институциональные отношения между Министерством иностранных дел, Комитетом госбезопасности и Международным отделом ЦК КПСС. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с международным отделом ЦК КПСС по причине личной неприязни между Громыко и Пономаревым, а с шефом КГБ Андроповым Громыко дружил[888]. При таких условиях Политбюро ЦК КПСС прикрывалось Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела – я не ле-

---

вооружений. Это Хрущев знал. «Поэтому для него всеобщее и полное разоружение было прежде всего красивой пропагандистской идеей, которая придаст новый привлекательный облик социализму, станет противопоставлением безудержной гонке вооружений, которую разжигают империалисты». Военные выступали за всеобщее и полное разоружение. Но за этим крылась хитрость. Она позволяла выступать против любых частичных мер в области сокращения или ограничения ядерных и обычных вооружений (которые предлагало Министерство иностранных дел СССР). По этим причинам пропаганда всеобщего и полного разоружения велась агрессивно, с шумом и бранью, так, что вызывала к себе инстинктивное недоверие и отторжение. Для среднего западного человека призывы СССР к борьбе за мир звучали так же абсурдно, как призывы трахаться во имя сохранения девственности. В выступлении перед учеными Хрущев говорил: «Вы должны понять, что мы просто обязаны вести политику с позиции силы. Мы не говорим этого вслух, но это так!»[885]. Гриневский О.А. Указ.соч., с.306-308, 358

[886] Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000, с.7-9

[887] Там же, с.128,14

[888] Там же, с.162

зу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе и определяли военно-политический курс государства.

Политические взгляды этой «тройки» были таковы: Устинов занимал левый радикальный фланг, уповая только на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, полагая, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился в центре. Практически это выглядело так: Громыко выступал генератором идей достижения компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не шел на конфликт с военными, особенно если видел, что Андропов на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с Министерством обороны и КГБ. Если не удавалось выработать совместную позицию, он соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны. А Брежнев их слушался[889]. В конце книги О.А.Гриневский ссылается на беседу с Огарковым, который говорил: «Бога надо благодарить, что при таком боярском правлении случился только Афганистан. А еще ведь могли быть и Польша, и Ближний Восток или даже ... страшно подумать – ядерная война... И такое обсуждалось»[890].

Стало быть, феномен политического идиотизма связан со старением государства и спецификой мышления профессиональных полицейских, военных и идеологов. Для анализа данной специфики оттолкнемся от констатации Петера Слотердайка: «Современная политика приучила нас считать гигантское взаимопровоцирующее безумие вершиной реалистического сознания. Тот способ, каким две или более державы в хитроумном и изощренном взаимодействии доводят друг друга до безумия, формирует у человека нашего времени его модель действительности. Тот, кто приспосабливается к сегодняшнему обществу, приспосабливается в конечном счете к параноидному реализму»[891]. В состав такого реализма входит военный цинизм, который детально описан в капитальном исследовании Слотердайка.

---

[889] Там же, с.333-334
[890] Там же, с.334
[891] Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринберг: У-Фактория, М.: АСТ, 2009, с. 349-350

Элементы реконструкции

Концепт военного цинизма можно разбить на четыре относительно самостоятельные проблемы: военный цинизм в контексте общих трактовок цинизма; критика героической этики; армия как социальная шизофрения; фашизм и атомная стратегия как формы параноидного реализма. Кратко рассмотрим эти темы.

Контекст военного цинизма. Петер Слотердайк оперирует тремя общими трактовками цинизма: как модернизированной формы просвещенного ложного сознания; как констант истории и типичных форм полемического сознания низов и верхов[892]; как продукта противоположности между официальной и неофициальной точками зрения на факты и события социального бытия. Третья трактовка цинизма входит в состав феноменологии полемических форм сознания. Циническое мышление проявляется только тогда, когда возможны официальный и неофициальный взгляд на вещи. Первый стремится завуалировать истину с позиции героя, второй желает ее видеть во всей наготе с позиции камердинера. «В культуре, в которой регулярно лгут, возникает желание знать не просто истину, а неприкрытую истину, истину во всей ее наготе»[893].

Феноменология кардинальных цинизмов – это анализ спорных форм сознания с кинической точки зрения. Таких форм шесть: военная, политическая, сексуальная, врачебная, религиозная и познавательная (теоретическая). Кардинальные цинизмы задают контуры истории войн в сфере духа. Слотердайк разрабатывает духовное оружие для этой цели.

Его *критика героической этики* базируется на определенных антропологических представлениях и включает анализ трех типов мужского характера, трех стилей ведения войны и трех позиций сознания. Военный цинизм появляется тогда, когда в обществе возникают три типа мужских характеров: «герой», «склонный выжидать» и «трус». Формируется иерархия ценностей, на вершине которой находится герой; такими, как он, *должны* быть все; геройство становится качеством, присущим мужчинам цивилизации, ориентированной на борьбу и войну. Но в силу этого возникает необходимость в дрессуре человека с целью получить не существующее в природе распределение военных темпераментов. Трусость должна быть переработана в геройство или в склонность выжидать. Эту противоестественную алхимию представляют собой

---

[892] Слотердайк П. Указ.соч., с.333
[893] Там же, с.334

все виды воспитания солдат. Культ агрессивного, победоносного воина проходит красной нитью через всю историю устных преданий и письменных источников. До сегодняшнего дня героика остается доминирующим культурным фактором.

Социальный смысл указанных типов характеров состоит в репрезентации трех стилей ведения войны. Герои считают нападение лучшим видом обороны. Склонные выжидать составляют массу «разумной середины», которая вступает в борьбу только при крайней необходимости. Трус иногда может спастись, когда все прочие обречены на гибель. Однако говорить об этом открыто не дозволяется. Уделом труса должно быть презрение, потому что в противном случае не подействует алхимия превращения трусов в агрессивных воинов. Образ героя навязывается как образец для подражания всем мужчинам.

По отношению к этому идеалу возникают три позиции сознания, избираемые в зависимости от того, кем являешься ты сам. Герой сознает и чувствует себя блестящим и уверенным в себе человеком, способным исполнить собственные мечты и мечты общества. Римляне устраивали возвращающемуся из похода победоносному полководцу триумфальное шествие через свой город, где он мог быть специальным государственным решением объявлен богоподобным, а вместе с ним и народ, который таким образом приучался «любить удавшееся». Этот апофеоз победителя, *культ успеха*, культ военного божества и культ удавшегося принадлежит к социально-психологическому наследию человечества. Сегодня этот опыт инсценируется на спортивных аренах, вплоть до чествования победителей олимпиад.

Вторую позицию занимает относительный герой, склонный к выжиданию. Он исполняет требования героической морали, но сражается и гибнет по необходимости. В современных армиях солдат воспитывается как воин, склонный выжидать. Только в определенных военных и политических группировках сохраняется агрессивный менталитет – таковы «ястребы», герои гонки вооружений, те, кто тоскует по гегемонии.

Третью позицию занимает трус. «В сознании труса содержится толика военного кинизма – и в то же время толика высокого критического реализма!»[894] Труса не может ни признаться, ни освободиться от своей трусости. В нем начинает копиться критический потенциал, направленный против героической этики. По-

[894] Там же, с.340

скольку трус вынужден притворяться сам, он становится более чувствительным к притворству других. Когда герои и склонные выжидать гибнут под ударами превосходящего противника, выживает только убежавший трус. Отсюда сарказм: лошади – это то, что остается от героев.

Армия как институт коллективной шизофрении. На основе этих рассуждений Слотердайк предлагает учитывать военные иерархии, которые соответствуют классовой структуре общества. В структуре феодальной армии сложились группы рыцарей-героев, наемников, слуг. Каждая из этих групп имеет свою особую боевую мораль, разновидности которой соответствуют трем военным темпераментам.

Рыцарь сражается за определенные материальные интересы, социальный статус и собственный образ аристократа. Поэтому в его боевой морали особую роль играет мотив «чести». Наемники превратили войну в профессию. Наемный солдат (итальянское *soldi* означает «деньги») смотрит на войну как на рабочее место, а не как на арену, где надо проявлять геройство. Наемники — это профессиональные «выжидатели», они ведут войну, потому что война кормит их, и рассчитывают выйти живыми из боев. На низшей ступеньке иерархии стоит слуга-оруженосец, воюющий прежде всего потому, что ему волею случая выпало родиться крепостным рыцаря. Оруженосцы – это военный пролетариат, невидимый труд которого включался в победы господ. У слуги не было никакого «собственного» мотива сражаться, кроме стремления сохранить свою собственную жизнь. Для него реалистично трусить всем сердцем.

Возможность для появления и развития военного цинизма открывается на самой нижней позиции. Его первый представитель – Санчо Панса. Этот маленький умный крестьянин знает, что имеет право на трусость, точно так же, как его бедный господин Дон Кихот исполняет долг быть героем. Санчо Панса видит сумасбродство и слепоту героического сознания. Это дерзкое военное Просвещение, которое неумолимо осуществляет Сервантес, позволяет постичь, что древняя страсть к героическим подвигам есть анахроническая дрессура и что все представляющиеся благородными поводы для вступления в борьбу не что иное, как чистые проекции, исходящие из рыцарской головы. Тогда ветряные мельницы оказываются великанами, проститутка – дамой, заслуживающей любви героя. Чтобы оказаться в состоянии увидеть это, самому

рассказчику нужен реалистический, пехотный, плебейский взгляд, а также социальное дозволение говорить на языке, который соответствует этому «взгляду».

Устройство армии вплоть до нынешнего времени обнаруживает парадоксальное переворачивание изначальной взаимосвязи между военной моралью и родом оружия. Античные и феодальные герои сражались один на один. Новый способ ведения войны обесценивает бой в одиночку; победа достигается благодаря строю и массовым передвижениям. Современная организация войск резко понижает значение героических функций – отчаянной атаки, удерживания любой ценой занимаемой позиции, боя один на один. Это значит, что требования быть героем предъявляются все чаще и больше к выжидающим или трусам. В современной пехоте приходится прибегать к шизоидной муштре, призванной воспитывать героев. Эта дрессура приучает к анонимной и неблагодарной храбрости перед лицом смерти. Высшие офицеры подвергаются меньшей опасности и все более перекладывают геройский риск смерти на солдат.

Эту модификацию Слотердайк называет циническим королевским реализмом. Властям предержащим известно, что у бедняг в военной форме не может быть никаких героических мотивов; но они все же должны быть героями и смотреть в лицо так называемой геройской смерти. Поэтому возникшие регулярные армии - «...это первые социальные органы, которые методично практиковали шизофрению как коллективное состояние»[895]. В этом состоянии солдат есть не «он сам», а Другой – частица героической машины. Фридрих 11 говорил прусским солдатам: «Собаки, вы что же, собрались жить вечно?» «Здесь мы слышим речь просвещенного господского сознания на второй ступени его развития, – замечает Слотердайк. – Оно разоблачило надувательство с героизмом, но до поры до времени нуждается в героической смерти как в политическом инструменте ради славы Пруссии. И потому солдат должен сдохнуть красиво! С этого момента такое циническое самоопровержение сводит на нет все благородные анонсы сражений»[896].

Современное развитие видов вооружений сильно повлияло на противоречие между сознанием героя и сознанием труса. В целом

[895] Там же, с.343
[896] Там же, с.344

верно правило: чем губительнее действует оружие на расстоянии, тем трусливее может быть тот, кто им вооружен.

После Средневековья возрастает значение видов оружия, убивающего на расстоянии, и превращение их в системы, предрешающие исход войны. С помощью ружья пехотинец без всякого риска мог уложить наиблагороднейшего из рыцарей; в этом причина всемирно-исторического выбора в пользу огнестрельного оружия; при помощи пушки можно разнести в клочья толпу пехотинцев. Это и определило стратегический приоритет артиллерии, то есть «научного» вида вооружений, который, в наилучшей шизоидной манере, с закрытых позиций и на большой дистанции способен произвести наикошмарнейший эффект. Сегодняшние военная авиация и ракетные системы – это развитие идеи артиллерии. Начиная с первой мировой войны война идет под знаком артиллерийских сражений. Так возникает загадка шизофрении «безымянного героя», который переносил ужасы войны и был больше техником и чиновником, чем бойцом и героем.

Буржуазия унаследовала из феодальной эры частицу героизма, чтобы нести ее в широкие патриотически настроенные массы. Но возможен ли буржуазный героизм? По мнению Слотердайка, ответы на вопрос содержится в солдатских традициях последних столетий: милитаризованная буржуазия ставила на карту все, чтобы развить собственную героику; а неокиническое буржуазно-пролетарское течение пыталось утвердить свой собственный взгляд, прямо противоположный этому. В наполеоновскую эру в Европе начинается беспрецедентная милитаризация масс. Буржуазное общество возникает не только как следствие распространения капиталистических форм торговли и производства, но и как следствие широкого, «патриотически» мотивированного саморекрутирования общества в армию. Нация становится вооруженным отечеством, превращается в род супервооружения и сверхвооруженный род, который сплачивает политические Я. В революционных войнах девяностых годов XVIII столетия впервые появились прототипы национальной добровольческой армии и массовый героизм.

Национализация масс означает не только идеологическое, но и величайшее военно-историческое событие Нового времени. При этом коллективная шизофрения достигает нового исторического уровня; целые нации сами приводят себя в движение в своих внешнеполитических войнах. Отсюда возникает тенденция к тотальной войне, в которой вся общественная жизнь может стать

средством для ведения войны – от университетов до госпиталей, от церквей до фабрик, от искусства до детских садов. На этой ступени кинизм труса и цинизм героя-буржуа вступают в еще более сложные и запутанные противоречия. «Трусливое» желание остаться в живых нашло в национальном государстве новые формы выражения: эксплицитно оно выступило в форме пацифизма или интернационализма (социалистического или анархистского типа), имплицитно – как принцип Швейка, как исполнение своего долга спустя рукава, как симуляция и уклонение от службы. Тот, кто в Европе между 1914 и 1945 годом хотел представлять «партию собственного выживания», неизбежно должен был воспринять что-то от социалистов, пацифистов или Швейка.

Параноидный реализм: от фашизма к атомной стратегии. Иллюстрацией описанных феноменов для Слотердайка служит ситуация в Германии после первой мировой войны. Здесь были представлены все типы характеров: солдаты-националисты – как герои, которые не желали видеть, что война проиграна; партии Веймарской республики – как выжидающие, которые желали предотвратить худшее; «спартаковцы», коммунисты, экспрессионисты, пацифисты, дадаисты и т. д. – как перешедшая в наступление «трусливая» фракция, проклинавшая войну вообще и требовавшая нового общества, построенного на новых принципах. Эти коллизии помогают понять, как немецкий фашизм обрел свое историческое качество. Гитлер – это адепт мелкобуржуазного героизма, который приобрел остроту в стычках с германскими «трусами» переломного времени между 1917 и 1919 годом. Этот героизм превратился в фашизм, который был результатом прогресса военного цинизма. Фашизм – это реакция демобилизованных немецких солдат на совокупность «разрушительных» реализмов тогдашних швейков, пацифистов, «проклятых штатских», социалистов, «большевиков». Фашистский военный цинизм – это последняя глава книги «Буржуа как герой». Он имеет своей предпосылкой высокий уровень шизоидных извращений, приведших к тому, что даже мелкие буржуа типа Гитлера смогли уцепиться за образ героя.

Данный процесс отражает полную дезориентацию стремления сохранить свою жизнь. Это стремление связывает себя с милитаризованными национальными государствами, от которых на деле исходит наибольшая угроза надежде на жизнь. В шизоидном обществе индивиды часто утрачивают представление о том, как они

могут следовать своему собственному и подлинному интересу жить, и сами превращают себя в составляющую оборонительно-разрушительной государственной и военной машинерии. Движимые желанием создать для себя защиту и безопасность, они связывают себя с военно-политическими механизмами.

Однако солдатский фашизм превзойден военным цинизмом в эпоху атомной стратегии. Появление глобальных средств массового уничтожения превращает героизм в иллюзию. Противоречие между героями, «выжидателями» и трусами вступает в фазу хаоса. Приоритет обороны признается теперь всеми. Каждая из ядерных сверхдержав включает в свои стратегические расчеты героические, выжидательные и трусливые мотивы другой. Противники строят свою стратегию в расчете на трусость другого. Но это трусость вооруженная, которая располагает готовым к бою героическим оружием. Трусливо-героические «выжидатели» не спускают друг с друга глаз, при этом отчаянно и стремительно вооружаясь. Место героя остается вакантным. Сегодня каждый знает о реальной и неизбежной трусости противника. Мир еще жив потому, что и Восток и Запад считают друг друга трусливыми, вооруженными до зубов швейками, у которых на уме только одно: как бы еще немножко пожить на этой земле. Но с тех пор как военный процесс спустился на дно долины героически-трусливых «выжидателей», вся прежняя система ценностей рассыпалась в прах. Противоречие разрешилось в равноценность всех темпераментов. Геройство – дело хорошее, но склонность к выжиданию ничуть не менее хороша, а трусость еще лучше. Прежнее негативное стало позитивным, а прежнее позитивное – негативным. Неужели теперь, когда военная эскалация достигла пика, действительная война стала излишней? – так ставит вопрос Слотердайк. По его мнению, на этот вопрос не смогут ответить одни военные, особенно в эпоху, которая провозгласила иллюзорное главенство политики над военным делом.

Ответ германского философа таков. Опасность будет расти до тех пор, пока политические системы порождают средства, цели и идеи для военной конкуренции и соперничества в борьбе за гегемонию. Динамика вооружений в стратегической и научной сферах доказывает, что ситуация не изменилась к лучшему. Каждая из сторон по-прежнему фантазирует, что способность выжить – это способность защитить себя с оружием в руках; то, что именно готовность защищать себя с оружием в руках стала наибольшей уг-

розой для выживания до сих пор ясно не видят. Каждый исходит из того, что только равновесие прогрессирующего устрашения может обеспечить так называемый мир. Это убеждение одновременно *и* реалистично, *и* абсолютно параноидно; реалистично, потому что сложилось как отражение взаимодействия параноидных систем; параноидно, потому что в перспективе и по сути своей полностью нереалистично. Каждый оказывается впутанным в современный военный цинизм – если он только не противостоит ему отчетливо и сознательно. Повседневные миры стали параноидными системами.

В заключение Слотердайк формулирует главный вопрос духовно-политической терапии. Как субъекты власти могут понизить свою деструктивность и использование образа врага, если взаимодействие в данных системах до сих пор доказывало, что проявление слабости перед лицом противника всегда использовалось как удобный случай для нанесения удара? В такой структуре снижение напряженности и разрядка невозможны *a priori.* В условиях, когда все помешаны на обороне, «реалистично» оставаться в напряжении и в готовности к войне. Ценой больших усилий противники вынуждены добиваться создания территории, на которой становится возможным нечто вроде самоограничения. Иначе говоря, возникает возможность проявить слабость при сознании своей силы, чувствуя свою несгибаемость и непреклонность. Эта крохотная территория самоограничения до сих пор остается единственным плацдармом разума в военно-циническом процессе. От его расширения будет зависеть все. Когда-то человеку было трудно научиться сражаться. Все, чего он достиг на сегодняшний день, он достиг как борец. Но научиться не бороться еще труднее по причине принципиальной новизны. Военная история будущего будет писаться на совершенно новом фронте борьбы за прекращение всякой борьбы. Решающими ударами станут ненанесенные. Они-то и сокрушат наши стратегические субъективности и наши оборонительные идентичности.

Злая тупость государства

Идеи Слотердайка позволяют развить ранее сформулированные одним из авторов этой статьи положения о феномене достижений и успехов и концепте когнитивного сопротивления[897]. Ис-

[897] См.: Макаренко В.П. Феномен достижений и успехов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 3; Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология. 2012, № 2

торию российских и советских войн надо писать не столько под углом зрения героизма и победы (как гласит официальная точка зрения), сколько как практическое воплощение трусости и наемничества. То же самое относится к группам, культивирующим агрессивный менталитет. Армия является институтом коллективной шизофрении. Чем губительнее действует оружие на расстоянии, тем трусливее является тот, кто им обладает. Первая мировая война заложила основу для шизофрении «безымянного героя» и трактовки нации как вооруженного отечества, в котором реализуется коллективная шизофрения. Фашизм есть результат военного цинизма. От милитаризованных национальных государств исходит наибольшая угроза надежде на жизнь, поскольку индивиды связывают себя с военно-политическими механизмами. Военный цинизм в эпоху атомной стратегии культивирует вооруженную трусость Востока и Запада. Эта эпоха провозгласила иллюзорное главенство политики над военным делом. Большинство людей впутано в современный военный цинизм. Поэтому повседневные миры стали параноидными системами. Главная проблема состоит в отчетливом и сознательном противостоянии данным системам.

Духовно-политическая терапия населения современной России может вдохновляться не только идеями германского философа Слотердайка, но и констатациями советского писателя, который зафиксировал феномен «злой тупости государства»: «Почти все советские люди – психические больные. Их неспособность слушать, темная убежденность в кромешных истинах, душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер... Идет великое мировое оглупление. Идиоты не только у нас, они завладели миром»[898]. В этой ситуации анализ ныне популярных кромешных истин, а также групп и институтов, их культивирующих и навязывающих всему остальному населению страны, приобретает практическое значение.

[898] Нагибин Ю. Дневник. М., Книжный сад, 1996, с.414, 418, 440

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МАССОВЫЕ ПРОТЕСТЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ

А.Н.Олейник

Введение

Состоявшиеся в конце 2011 – начале 2012 г.г. в ряде крупных городов России массовые протесты подняли целый ряд вопросов, которые выходят далеко за рамки оспоривания конкретных итогов парламентских и президентских выборов. Некоторые публицисты стали говорить в этой связи о «разрыве матрицы», понимая под этим разрушение основ российской институциональной матрицы («Х-матрицы», если использовать термин Светланы Кирдиной[899], и выход за рамки существующей колеи исторического развития России.

Опыт аналогичных но своей массовости протестов в ряде других пост-советских стран (прежде всего в Грузии, Украине и Кыргызстане), да и новейшая история собственно России (период конца 80-ых – начала 90-ых годов прошлого века), однако, требует осторожности в оценках. Даже когда массовые протесты приводят к смене персоналий в политической элите, нет гарантий против того, что новые лица используют полученную на волне протестов власть на общее благо, а не в своих индивидуальных и узкогрупповых интересах.

Данная статья представляет собой попытку осмысления массовых протестов с точки зрения основных элементов модели властных отношений, превалирующих в российском институтцио-

[899] См.: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001

нальном контексте. Вслед за Юрием Пивоваровым и Виктором Макаренко эту модель можно назвать «русской властью», делая акцент не на национальности ее обладателей, а на укорененности данной модели в российской институциональной среде[900]. В частности, в статье предлагается интерпретировать массовые протесты как выражение их участниками несогласия с рядом конституирующих принципов русской власти. Статья также призвана ответить на вопрос, при каких условиях массовые протесты могли бы привести не к простой ротации властвующих элит, а к преодолению отчуждения граждан от представителей государства посредством перехода от русской власти к иной конфигурации властных отношений.

Протест против русской власти

Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 г.г. отличают следующие характеристики. Во-первых, их непосредственным поводом стали сомнения в прозрачности и достоверности процедуры подсчета голосов на выборах. В этом смысле можно провести параллель с массовыми протестами в целом ряде других постсоветстких стран: Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь 2004 г.), Кыргызстане (март 2005 г.), Монголии (август 2008 г.) и Молдове (апрель 2009 г.). Во всех этих случаях массовой мобилизации граждан предшествовали выборы.

Во-вторых, в митингах участвовали представители самых разных слоев населения и частей политического спектра: либералы, коммунисты, националисты и анархисты. Взять распределение участников одного из наиболее массовых митингов (24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве; по разным данным в нем приняло участие от 40 до 100 тысяч человек) по возрасту (Рисунок 1). Несмотря на «конфликты поколений», все возрастные группы равномерно представлены среди участников митинга – и молодежь, и люди среднего возраста, и старшие поколения.

---

[900] См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006; Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011а

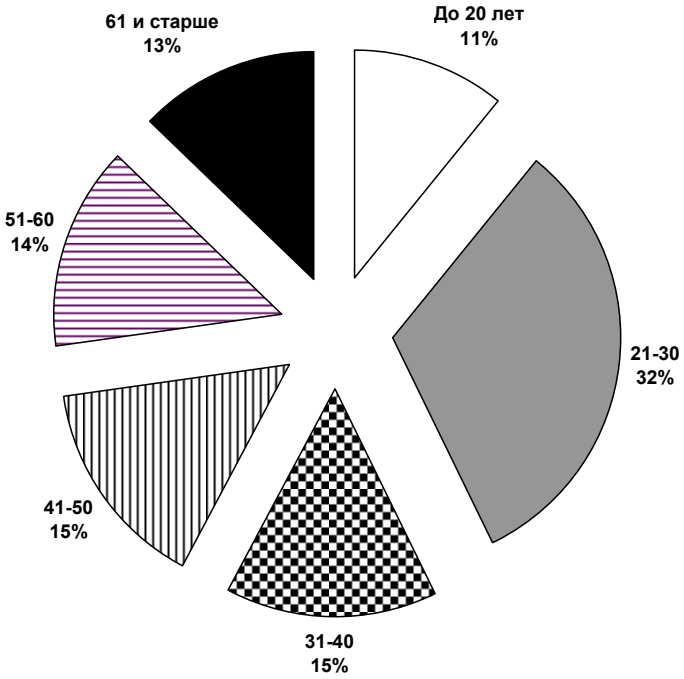

Рис. 1. Распределение участников митинга 24.12.2011 г. в Москве по возрасту

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве. Автор благодарен руководителю Левада-Центра д.ф.н. Л.Д. Гудкову и Д. Волкову за предоставление доступа к базе данных этого опроса.

Что стало объединяющим фактором для людей, которые в обычной ситуации имеют различные, если не сказать прямо противоположные интересы? Общая макроэкономическая ситуация оказывает влияние на всех граждан, вне зависимости от их возраста или уровня дохода. Однако сравнение основных макроэкономических параметров в странах, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (Таблица 1), указывает, что в их число попали как бедные, так и относительно богатые (если судить по показателю величины ВНП на душу населения). Экономический кризис также не является условием массовой мобилизации: во всех случаях наблюдался рост ВНП, от умеренного до высокого, выражающегося двухзначными цифрами.

Таблица 1

Основные показатели социально-экономического развития стран, в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (данные за год, предшествовавший массовым протестам)

	Связь с выборами(1)	ВНП на душу населения(2)	Темп роста ВНП,(3) %	Human Development Index(4)	Freedom House(5)	Failed States Index(6)	Transparency International(7)
Грузия, ноябрь 2003	Да	651	5,5	0,679	4	Н.д.	1,8
Украина, ноябрь 2004	Да	1028	9,4	0,681	3,5	Н.д.	2,2
Кыргызстан, март 2005	Да	369	7	0,571	5,5	80,4	2,2
Монголия, август 2008	Да	1620	10,2	0,605	2	58,5	3,0
Молдова, апрель 2009	Да	1695	7,8	0,620	4	85,7	2,9
Иран, июнь 2009	Да	4537	2,3	0,691	6	85,7	2,3
Кыргызстан, апрель 2010	Нет	881	3,1	0,594	5,5	89,1	1,9
Тунис, декабрь 2010	Нет	4171	3,1	0,677	6	67,5	4,3
Алжир, декабрь 2010	Нет	3926	2,1	0,671	5,5	81,3	2,9
Египет, январь 2011	Нет	2456	4,6	0,614	5,5	87,6	3,1
Йемен, январь 2011	Нет	1118	8	0,439	5,5	100	2,2
Ливия, февраль 2011	Нет	11314	4,2	0,755	7	69,1	2,2
Сирия, март 2011	Нет	2877	3,2	0,589	6,5	88,1	2,5
Россия, ноябрь 2011	Да	10437	3,95	0,719	5,5	79	2,1

Источники данных: (1) по информации СМИ; (2) World Bank (величина в US$), http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators; (3) United Nations Development Program (максимальное значение индекса равно 1): http://hdr.undp.org/en/statistics/; (4) Freedom House (указано среднее значение индексов Политических прав и Гражданских свобод, по 7-бальной шкале), http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/historical/FIWAllScoresCountries1973-2011.xls; (5) Foreign Policy & The Fund for Peace (индекс может принимать значения от 0 до 130), http://foreignpolicy.com/files/fp_uploaded_documents/100629_FSI%20Scores2010Clean.pdf; (6) Transparency International (индекс может принимать значнения от 1 до 10, где 10 означает полное отсутствие коррупции), http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi.

Другие показатели социально-экономического развития – индекс человеческого развития (при его расчете наряду с материальным благосостоянием учитывается средняя продолжительность

жизни и уровень образования населения), индекс степени защищенности политических прав и свобод (американская неправительственная организация Freedom House дает ежегодную оценку состояния формальных институтов демократии во всех странах мира) и даже индекс состоятельности государства (журнал Foreign Policy оценивает вероятность возникновения конфликтов и чрезвычайных ситуаций, а также готовность государства к управлению ими) – тоже не вносят ясности в вопрос об условиях, необходимых для массовой мобилизации.

Единственным индикатором, значения которого во всех затронутых массовыми протестами странах находятся приблизительно в одном и том же интервале (от 1,8 до 4,3), оказывается уровень восприятия коррупции. Даже верхняя граница данного интервала (4,3) соответствует уровню коррупции выше среднего по выборке международной неправительственной организации Transparency International. Коррупция обычно понимается как использование государственной должности в личных или узкогрупповых интересах. Высокий уровень коррупции означает, что представители государства ориентируются не на максимизацию общего блага, а на оппортунистическую реализацию своих собственных интересов. Россия не стала исключением из этого правила.

Коррупция соответствует конституирующим принципам русской власти. К их числу можно отнести самообоснованный характер власти (в отличие от авторитета как власти, обосновываемой ссылкой на высшие принципы – закон, традицию и т.д.), власть как самоцель (в отличие от власти как инструмента достижения иных целей), крайнюю асимметричность в распределении прав и обязанностей между обладателем власти и подчиненным лицом, отсутствие обратных связей между ними (все инициативы и указания исходят только от обладателя власти) и использование обладателем власти преимущественно насильственных техник навязывания воли[901]. Как верно заметил Александр Яковлев, «взятку дает тот, кто находится в подчиненной позиции и вследствие этого пытается уменьшить асимметрию в своих отношениях с лицом, обладающим бульшими полномочиями»[902].

Рассмотрение массовых протестов в контексте русской власти помогает и лучше понять их связь с выборами. Выборы представ-

---

[901] Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011а, глава 3

[902] Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988, с.150

ляют собой механизм обратной связи между членами властвующей элиты и обычными гражданами. По этой причине выборы подрывают один из устоев русской власти, а именно отсутствие у подчиненного лица средств для донесения своего мнения до обладателя власти, не говоря уже о возможностях для влияния на действия последнего.

При сохранении неизменными конституирующих принципов русской власти выборы неизбежно становятся поводом для манипулирования (как одной из насильственных техник навязывания воли[903], а сам процесс подсчета голосов остается непрозрачным и подверженым фальсификациям. При манипулировании «субъект осуществляет скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, делая объекту замаскированные «предложения» путем селектирования поступающей объекту информации, например, утаивая важную информацию, недоступную объекту из других источников. Этот вид манипуляции проявляется в рекламной деятельности и многих формах политической пропаганды»[904]. Протестуя против фальсификаций в ходе выборов, граждане тем самым пытаются подорвать одну из основ русской власти.

Результаты опроса участников митинга 24.12.2011 г. в Москве (Таблица 2) подтверждают, что главным объединяющим их фактором стало именно несогласие с отсутствием обратных связей в отношениях между властью и обществом – как собственно в период выборов (вариант ответа «Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов»), так и между ними (вариант ответа «Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я»).

Иными словами, отнюдь не экономические (две трети манифестантов относят себя к тем, кто не испытывает особых материальных затруднений при покупке дорогих вещей – холодильника, машины и т.д.) или политические (лишь 15% из них пришли на митинг из солидарности с позицией конкретной партии) факторы сделали возможным объединение представителей разных социальных и возрастных групп. Массовость протестов можно объяснить спецификой русской власти, ведь в повседневной жизни с ней сталкиваются и студент (поступая в вуз, сдавая экзамены и будучи призванным в армию), и предприниматель (оплачивая «вход-

[903] См.: Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT and London, 2005

[904] Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001, с.292

ной билет» на рынок), и пенсионер (имея дело с органами социального обеспечения).

Таблица 2

Причины участия в митинге 24.12.2011 г. в Москве, % упомянувших

Накопившееся недовольство положением дел в стране / политикой властей	72,6
Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов	72,3
Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я / основные решения в стране принимаются без нашего участия	51,6
Разочарование в обещанной политике модернизации / в Медведеве	41,6
Солидарность с позицией партий, участвующих в митинге	15,2
Симпатии организаторам митинга	13,1
На митинг пошли мои знакомые, друзья – и я с ними	9,5
Митинги – это интересно, это – тренд времени	5,9
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	0,6

Источник данных: опрос, проведенный сотрудниками Левада-Центра во время митинга 24.12.2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве (N=791). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Стоит еще раз уточнить использование прилагательного «русский» при описании той модели власти, против которой направлены протесты. С одной стороны, отсутствие обратных механизмов в отношениях между обладателем власти и подчиненным не является специфичным для России и для пост-советских стран (которые до получения независимости в начале 90-ых годов долгое время входили в состав российской и советской империй). Участники революций в арабских странах точно также протестуют против своей односторонней зависимости от власти, отсутствия механизмов обратной связи и так далее. Иными словами, модель властных отношений, названная ранее русской властью, превалирует и в целом ряде других стран. С другой стороны, ситуация в России наиболее близка к идеальному типу такой власти, что объяс-

няет добавление прилагательного «русский» при ее описании. По Максу Веберу, идеальный тип «не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено»[905]. Российская институциональная среда представляется особенно благодатной с точки зрения выработки и эмпирической проверки аналитических средств, позволящих описать лежащую в основе массовых протестов последнего десятилетия модель властных отношений.

Известен и ряд других, менее привязанных к определенной стране, терминов для описания такой модели властных отношений. Например, в теории внелегальности Эрнандо де Сото[906] акцент делается на институциональном исключении или отчуждении, под которым понимается неспособность граждан использовать закон для организации свой повседневной деятельности ввиду высоких затрат, связанных с испольнением его требований, и непониманием собственно закона ввиду его полного отрыва от повседневных практик. Институциональное исключение или отчуждение характерно и для русской власти – в той мере, в какой она предполагает крайнюю ассимметричность властных отношений, их самообоснованный характер, а также отсутствие обратных связей.

Теория конгруэнтности власти

Русская власть обычно ассоциируется с макро-уровнем: ее наиболее законченным воплощением является бюрократическое централизованное государство (что нашло отражение даже в названии данной конференции). Однако власть как один из наиболее универсалных механизмов координации человеческой деятельности структурирует отношения не только на макро-, но и на мезо (внутри крупных организаций: политических партий, университетов, корпораций) и микро (внутри семьи, дружеского круга) уровнях. Макс Вебер определяет власть как способность одного субъекта навязать свою волю другому субъекту вопреки возможному сопротивлению последнего и вне зависимости от контекста их

[905] Weber M. 'Objectivity' in social science and social policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL, 1949 (1904), p.90
[906] См.: Де Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. М., 1995 (1989)

взаимодействия, будь то политика или отношения внутри домашнего хозяйства[907].

Вопрос о соотношении моделей власти, превалирующих на макро-, мезо- и микро- уровнях, обычно остается вне фокуса внимания исследователя. Он изучает либо отношения власти в сфере политки (объект исследования политической науки), либо отношения власти внутри организации (объект исследования наук об управлении) и малых групп (объект исследования социальной психологии). Даже критическая социология Мишеля Фуко и Пьера Бурдье, признавая повсеместный характер властных отношений, специально не изучает их соотношение на макро-, мезо- и микро- уровнях.

Среди немногих исключений можно отметить работы Роберта Даля и Гэрри Экстейна. Первый является сторонником достаточно радикального подхода: полноценная демократия возможна лишь при реализации демократических принципов на всех уровнях социальной организации, начиная с государства и заканчивая семьей. На сегодняшний день ни одно общество не соответствует этому идеалу: «во всех демократических странах некоторые организации эксплицитным образом и совершенно легально управляются недемократически, к примеру коммерческие фирмы»[908].

Экстейн предлагает более прагматический подход, допуская невозможность воплощения демократической модели властных отношений на всех уровнях социальной организации, включая семью и школу (где, по его мнению, элементы недемократической власти просто неизбежны). Теория конгруэнтности власти Экстейна строится на основе следующих допущений[909]. Во-первых, стабильность правительства зависит от степени конгруэнтности лежащей в основе его функционирования модели власти с превалирующими в других сферах моделями власти (внутри политических партий, университетов, корпораций, домашних хозяйств). Конгруэнтность понимается Экстейном как подобие или сходство (как могут быть подобными, например, геометрические фигуры). Ины-

---

[907] Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. N.Y., 1968 (1922), p.53

[908] Dahl R. A. After the Revolution? Authority in a Good Society. New Haven, CT and L., 1990 (1970), p.1

[909] См.: Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. Lanham, MA, 1998

ми словами, стабильное правительство действует на основаниях, подобных тем, что и политические партии или корпорации в данной стране.

Во-вторых, демократическое правительство может быть стабильно только при наличии в его функционировании элементов недемократических властных отношений – как раз потому, что некоторые организации (школа, семья) по-Экстейну ни при каких условиях не могут воплощать модель полной демократии. Иначе говоря, стабильное демократическое правительство должно быть «сбалансированно неоднородным». При этом чем меньше контактов в повседневном фунционировании конкретной организации с правительством, тем меньше потребность в обеспечении конгруэнтности воплощенных в ней моделей властных отношений. Так, наиболее близки к демократическому правительству политические партии, а значит и степень конгруэнтности в этом случае должна быть особенно велика. А вот контакты правительства и семьи наименее интенсивны, поэтому семья может быть менее демократической, а правительство – ограничиться воплощением лишь незначительных элементов недемократической власти.

Данный подход предполагает более реалистичные требования к организации власти, чем тот, что предлагается Далем. Теория конгруэнтности Экстейна также позволяет объяснить устойчивость равновесия русской власти как особого случая недемократической власти. Власть на макро-уровне в российском случае вполне соответствует тем моделям, что превалируют на мезо- и микроуровнях. Скажем, факт воспроизводства ряда ключевых элементов русской власти в управлении российскими вузами достаточно хорошо задокументирован. «Управление в российских вузах в основном иерархическое», следует из результатов проведенного в 2006 г. опроса представителей 480 российских вузов[910]. Отсюда так называемый «эффект колеи»: устойчивость равновесия русской власти исключает возможность ее радикальных изменений. Альтернативные модели властных отношений при таких условиях могут быть привнесены только извне, а при их неконгруэнтности с какими-либо моделями власти внутри страны шансы «трансплантов» на выживание минимальны. Успех «стратегии трансплантирования демократических институтов, которые могут вполне успешно функционировать в иных условиях, в страны без де-

[910] Панова А. «О структуре управления и принятии решений в российских вузах» // Вопросы экономики. 2007, № 6, с.105

мократических традиций зависит от наличествующих в этих странах образцов власти»[911].

Теория конгруэнтности Экстейна имеет ряд слабых мест. Как признают даже ее сторонники, теорию конгруэнтности трудно подвергнуть эмпирической проверке, а значит и фальсифицировать. Принцип сбалансированной неоднородности (то есть наличие недемократических элементов в демократическом правительстве) не поддается количественному выражению: насколько недемократическим должно быть демократическое правительство, чтобы система власти оставалась устойчивой? Наконец, как именно можно осуществить переход от равновесия русской власти к демократическому равновесию? Ведь без внесения ясности в этот вопрос пар массовых протестов уйдет «в свисток».

Варианты перехода от равновесия русской власти к новому равновесию

Представляется, что для достижения своей основной цели – отхода от равновесия русской власти – массовые протесты могут быть ориентированы на решение как минимум двух практических задач. Обе задачи касаются подготовки новой властвующей элиты – внутри страны, но при этом расположенной к восприятию и реализации принципов властных отношений иных, чем те, что отражены в русской власти.

Первая задача заключается в демократизации муниципального и регионального управления. При выполнении этого условия появляется переходное звено, воплощающее в себе иные, чем заложенные в русской власти, принципы. Политики, прошедшие школу муниципального и регионального управления на мезоуровне, могут затем перенести этот опыт при переходе в правительство центральное. Таким образом обеспечивается привнесение на макро-уровень – при сохранении сбалансированной однородности – новых принципов власти. «История успеха» демократии в Норвегии во многом объясняется приобретением большинством политиков этой страны опыта демократического управления на муниципальном и региональном уровне до получения ими постов в центральном правительстве[912]. Демократию на локальном уров-

---

[911] Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. Lanham, MA, 1998, p.153

[912] Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton, NJ, 1966

не обеспечить всегда легче, а в российском случае представители властвующей элиты на федеральном уровне вполне могут позволить локальной демократии развиться в качестве одной из возможных уступок митингующим.

Вторая задача касается функционирования высшей школы, и прежде всего – университетов, готовящих представителей властвующей элиты завтрашнего дня (МГУ, МГИМО, СпбГУ, НИУ-ВШЭ). Опыт студенческой жизни является важным элементом вторичной социализации. От того, с какой моделью власти студент сталкивается внутри университета, зависит и его восприятие власти после окончания образования. Как отмечалось выше, большинство российских вузов управляются с использованием далеких от демократических принципов, и ведущие университеты здесь не являются исключением[913]. Иначе говоря, в качестве следующего шага участники массовых протестов могут сконцентрироваться на реформировании и демократизации университетской жизни посредством ее избавления от элементов русской власти. Задача вполне реальная, а ее решение вряд ли будет восприниматься представителями нынешней властвующей элиты как источник непосредственной угрозы. Зато в среднесрочном плане появляется шанс подготовить новое поколение политиков, не нарушая при этом принципа сбалансированной однородности.

[913] Олейник А.Н. «Underperformance в теории и университетской практике» // Социология науки и технологийю 2011, № 3

ЛИТЕРАТУРА

Автономное плавание // Newsweek. – Москва, 2010. – 11–16 мая.

Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева: Политические этюды. Frankfurt a.M.: Possev, 1980. 2-е изд.

Авторханов А. Технология власти. М., 1992.

Агапова Т.А. Экономический кризис в России и результативность государственной антикризисной политики // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов 1880-1917. Сост. Е.И.Щербакова. М-СПб, Дмитрий Буланин, 2006.

Адлер Н. Особенности исследовательской работы над биографиями жертв сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011.

Айала Ф., Кайгер Дж. Современная генетика. Т. 3. М., 1988.

Аксенов Г.П. Последний деятель свободы // Отечественные записки. 2007. Т. 35.

Александров И.А. Монархии Персидского залива. – М. 2000

Александрова А.Л., Бычков Д.Г., Гришина Е.Е. Кадровый потенциал гражданских служащих как ресурс реформ государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992, № 4.

Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (эксперт-

но-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М., 2004.

Андреев А.Л. Современная Россия: запрос на компетентного чиновника // Общественные науки и современность. 2007. № 1.

Андрески Ст. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология, 2011, № 1.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск в России. Новое литературное обозрение, Москва, 2001

Анпилогов И. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней // Континент. 2002, № 114, с. 204-270.

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерасалиме. – М.: Изд-во «Европа», 2008.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007;

Архив русской революции. М., 1991. Т.5.

Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М.: МОНФ, 2000.

Афанасьев М. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль» // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004.

Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства. – М.: РОССПЭН, 2006.

Афанасьев М.Н. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль» // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. Т. 1. (М.: Институт права и публичной политики, 2004.

Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

Ачкасов В. Российская правящая элита и построение «эффективного, конкурентоспособного государства» // Власть и элиты в российской трансформации. Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2005.

Балзер Х. Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // Общественные науки и современность/ 2004, № 4.

Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: (биография Льва

Гумилева). – М.: АСТ, 2014.

Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Париж, 1967.

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука, 2012.

Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношения с властью // История сталинизма.

Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. 2008. № 3.

Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003.

Бовин А. 5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника). М., Захаров, 2003.

Богданов К.А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // НЛО. № 102 (2010).

Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995.

Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22.

Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904-1921 и 1985-2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22.

Бурдс Дж. «Москальки»: женщины-агенты и националистическое подполье на Западной Украине. 1944-1948 гг. // Социальная история. Ежегодник 2004. М., РОССПЭН, 2005.

Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994;

Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001;

Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993;

Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб: Алетейя, 2005.

Быков В. Долгая дорога домой. Москва, Минск, АСТ-ХАРВЕСТ, 2005.

Быстрова А.С. Коррупция как элемент механизма осуществления власти в России // Власть и элиты в современной России. Отв. ред. А.В. Дука, СПб.: Социологическое сообщество им. М.М. Ковалевского, 2003.

Бюрократия / Онлайн-энциклопедия «Кругосвет» (Интернет-ресурс: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/

sociologiya/BYUROKRATIYA.html.

Бюрократия и власть в новой России / Институт социологии РАН. Центр комплексных социальных исследований // Полития. – М., 2006. – Весна. – № 1(40).

Бюрократия и власть в новой России. Аналитический доклад Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. М., 2005. Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf.)

Бюрократия и власть в новой России. М.: ИС РАН, 2005.

Вайль П. Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе / Петр Вайль; - М.: Астрель: CORPUS, 2012.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001;

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003;

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006;

Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003;

Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел; Милютин Д.А. Дневник // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Вебер М. История хозяйства: Город. — М., Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001;

Вебер М. О России: избранное. Перевод А.Кустарева. – М.: РОССПЭН, 2007.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2003;

Вебер М. Хозяйство и общество. М., Изд-во ГУ ВШЭ, 2010;

Вернадский В.И. Дневники. М., 2001;

Виола Л. Коллективизация как гражданская война // История сталинизма.

Витте С.Ю. Воспоминания : в 3-х т. М., 1960.

Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность бизнеса: широкий взгляд // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56).

Вишневский В. Пятый вид собственности: президентская // Новая газета. 21 августа 2006.

Власть, бизнес и гражданское общество: Материалы дискуссий. – М.: ОГИ, 2003. (Сер. «Дискуссии Фонда «Либеральная миссия»).

Волков В.В.. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

Вольчик В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // Историко-экономические исследования. 2005. Т. 6. № 2.

Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005.

Вольчик В.В. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов-на-Дону, 2004.

Воронцов В.А. В коридорах безвластия (Премьеры Ельцина). – М., Академический проект, 2006;

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 103.

Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995

Галкин А.А. Смутные времена: Последствия и уроки // Полития. – М., 2009. – № 3(54).

Гаман-Голутвина О. Политические элиты: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006 Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: Отечественный и зарубежный опыт // Полис. – М., 2007. – № 4.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: Портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004.

Ганюшкина Э.А. Дискурсивная борьба с «травматическим прошлым» образа российских спецслужб // Конфликтология. 2014, № 2.

Геллер М. История России. 1917-1995. В 4 тт. Т.4. Россия на распутье. 1990-1995. М., 1996.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000.

Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1-2. М., «МИК», 2001.

Гельман В. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2004, № 4.

Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (записка). Прометей. М., «Русский раритет», 2007.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. В кн.: Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 3(56).

Глебова И.И. Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (Из официальной переписки Николая II и Д.Ф.Трепова) // Россия и современный мир. М., 2003. № 3 (40).

Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010.

Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах//Вопросы истории.2004, № 4.

Голдман М. Пиратизация России. (Пер. с английского). Новосибирск/Москва: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2005.

Головляницина Е.Б. Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // Мир России. – М., 2009. – № 4 (Т. XVIII).

Гольц А. Армия России: 11 потерянных лет. М., Захаров, 2004, с. 23.

Гольц А.М. Российский милитаризм – препятствие модернизации страны. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII).

Госотказ: Спасутся не все // Итоги. – М., 2010. – 8 марта.

Государственная служба: комплексный подход. М., 2009.

Граждан В. Антибюрократическая революция: возможна ли она? // Власть, 2004, № 10.

Граждан В. Коррупция: одолеют ли ее россияне? // Власть. 2004, № 12.

Грибкаускас С. Деятельность КГБ на промышленных предприятиях Литвы в 1965-1985 годах // Социальная история. Ежегодник 2008. Спб, Алетейя, 2009.

Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус,

2000.

Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., Вагриус, 1998.

Гроза С. Переосмысление роли государства, здесь и везде // Государственное управление : учебные материалы. М., 2005.

Группа восьми в цифрах 2006.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 2. М., Прогресс-Традиция, 2006.

Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. Т. 101. № 3.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.

Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2(76). Электронный ресурс http://ecsocman.hse.ru/data/675/930/1219/06_gudkov_43-62.pdf Проверено 25.11.2014.

Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения. 2005, № 2(76).

Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2(29).

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007;

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация – М.; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Гудков Л.Д. Российский миф о Сталине // История сталинизма...

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. – М., 2009. – № 2 (Т. XVIII).

Гуревич А. История историка. М., РОССПЭН, 2004, с.117.

Даль Р. Демократия и ее критики. М., РОССПЭН, 2003.

Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3.

Двойной стандарт // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23.

Де Кюстин А. Россия в 1839 году. Т. 2. М.,1996.

Де Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. М., 1995 (1989).

Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

Делягин М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция? М.: Вече, 2005.

Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007, № 6.

Денисов С.А. Федеральное Собрание: Нотариальная контора при российском президенте? // Россия и современный мир. 2006, № 4 (53).

Депперт, В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., РХГИ, 1999.

Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформации: Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2002. Выпуск № 24.

Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. № 24. М., 2002. Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.

Дмитрий Пригов. Апофеоз милицанера // http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera проверено 18.05.2014.

Дробижева Л. Сталинское наследие национальной политики в массовом сознании современных россиян // История сталинизма,

Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3.

Дуглас Норт. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с английского А.Н. Нестеренко. Фонд экономической книги «Начала», М., 1997.

Енгибарян Р.В. 2007. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. – М.: Норма. 2007.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. – М.: «Русская панорама», 2006, с.55.

Жирохов М.А. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

Завтра лучше, чем вчера?: за «круглым столом» журнала // Мир перемен. 2005. № 1.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX в.

Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2003.

Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Отв.ред. Т.И.Заславская. М.: МВШСН, 2002.

Заявление советского руководства от 18 мая 1991 г. // Советская Россия. 1991. 18 августа.

Зверева Г.И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет). URL: http://www.situation.ru.

Зданович А.А., И.И.Васильев И.И.. Спецслужбы в зеркале социологии // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.1. М., Кучково поле, 2006.

Зиммель Г. Как возможно общество? // Избранное. М., 1996. Т. 2.

Зотов А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы // Вопросы философии, 2011, № 5.

Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011.

Зудин А. Взаимоотношения крупного бизнеса и власти при В. Путине и их влияние на ситуацию в российских регионах // Региональная элита в современной России. Отв.ред. Я.Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Иванов Вс. Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб.: Изд-во НУ «Центр Стратегических Исследований», 2005.

Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР. М., Вече, 2014.

Известия, 15 февраля 2008 года.

Известия, 28декабря 2007года.

Илизаров Б.С. Утопизм, новаторство и архаика в сталинском имперском строительстве (о социальном конструктивизме) // История сталинизма.

Илларионов А. И. Победа ГЧП // Новая газета. № 57. 31 июля - 02 августа 2006.

Илларионов А. Российско-грузинская война. Документы и материалы // Континент. 2009, № 140.

Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М., 1998.

Иноземцев В. Западный мир и Китай: партнеры или соперники? // Свободная мысль. 2007(1). № 8.

Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. – М., 2008. – № 10.

Иноземцев В.Л. История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 2(67).

Ионин Л. Г. Вебер / Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб, «Университетская книга», 1998.

Ирошников М.П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974.

История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011.

Итоги 2004 г.: Что дальше? // Экономическое возрождение России. – М., 2005. – № 1(3).

Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии истории и культуры. М., 1989.

Кадио Ж. От списка групп к индивидам: этническая идентификация в Российской империи при Сталине // История сталинизма.

Камкия Б.А. Политический контекст и проблема бюрократии: концептологический подход. – Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2015

Кантор В.К. "...Есть европейская держава". Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997.

Капелюшников Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008. № 3 Петраков Н. Укрепление прав собственности: трансформировать, не разрушая // Вопросы экономики. 2008. № 3.

Карачаровский В. Концентрация капитала и технологическая модернизация российской экономики // Свободная мысль. 2006. № 9-10

Касавин И.Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы // Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы. Под ред. И.Т.Касавина. М.: «Канон+», 2010.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. (Пер. с английского под ред. О. И. Шкаратана). М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.

Кёнингсбергер Г.Г. Средневековая Европа 400-1500 годы. М., 2001.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Кива А. Фальшивый патриот опаснее врага // Свободная мысль. 2007. № 9.

Кирдина С.Г. X- и Y- экономики: Институциональный анализ. М., 2004.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней): Учебное пособие. – Ростов-н/Д: Изд-во «Ростовкнига», 2012.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1995.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М.: Мысль, 1993.

Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М., 1959. Т. 6.

Ключевский В.О. Соч. Т. 5.

Клямкин И. Постмилитаристское государство // Российское государство: Вчера, сегодня, завтра. – М., 2007.

Клямкин И.М. Модернистский проект в России // Неприкосновенный запас. 2003. №1(27).

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Смягчать или ужесточать законы? // Полис. 2000, № 5.

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М., 2000.

Ковалев С.А. Прагматика политического идеализма. М., 1999.

Ковалев В.А. «Русская система»: фантастический вариант // Россия и современный мир. 2006. № 1(50).

Кодан С.В. Развитие и организационно-правовое оформление института государственной службы в дореволюционной России: исторический опыт // Правовое обеспечение государственной гражданской службы: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2005.

Колесников А. Спичрайтеры. М., 2007.

Колодко Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «ЖУРНАЛ ЭКСПЕРТ», 2000.

Комаровский В. Административная реформа в Российской Федерации» // Полис. 2005, № 4.

Коммунист. 1990. № 11.

Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI-XX вв. М., 2006.

Кондратьева Т.С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. – М., 2009.

Кондратьева Т.С. Кормить и править: о власти в России ХУ1-XX века. М.: РОССПЭН, 2011.

Константинов М.К. Концепт, логос и (не) много политики // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 4 http://politconcept.sfedu.ru/2014.4/08.pdf

Конституции государств Европы. Том 3. М., 2001.

Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов. – М. 1999.

Конституция Российской Федарации. М., 1997.

Кор Леопольд. Распад государств. - М., Товарищество научных изданий КМК, 2007.

Кордонский С. Россия: Поместная Федерация. – М.: «Европа», 2010.

Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: О.Г.И, 2000.

Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М., Захаров, 2006.

Косолапов Н. Круговорот насилия в социальных структурах // МЭиМО. 2004, № 3, с.71-73.

Кочетов А. Истоки «новой» социальной структуры // Свободная мысль. 1993. № 9.

Кочетов В. Записи военных лет // Октябрь. 1965. № 5.

Краснов М. Административная реформа (1991-2001): почему сохраняется ее актуальность? // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004.

Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа/ М. А. Краснов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006;

Краснов М.А. Солженицынская парадигма государственного строительства // Общественные науки и современность. 2010. № 4.

Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Конец ельцинщины. Будапешт, 1999.

Кревельд Мартин ван. Расцвет и упадок государства. Пер. с англ. Под ред. Ю.Кузнецова и А.Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006.

Кризис в головах: Интервью с гендиректором ВЦИОМ В. Федоровым // Итоги. – М., 2008. – 15 дек.

Круглый стол «Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы» // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5-7.

Крыштановская О. В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002(2). № 4.

Крыштановская О. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования. 2003, № 11.

Кто есть кто в политической науке России. Справочник. М., Мысль, 1996;

Кузнецов М. М. Теодор В. Адорно: основные этапы жизненного и творческого пути // История философии. № 12. М., ИФРАН, 2005.

Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерки истории советской Конституции. – М. 1987.

Кулинченко А.В. Политические партии и развитие демократии: Опыт России и Германии // Полис. 2004. № 2.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

Культурная самоидентификация как проблема эпистемологии / Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной. М., РОССПЭН, 2010.

Курукин И. Блеск и нищета отечественного народоправства // Отечественные записки. 2005. № 6.

Лавровский Б. Не ведают, что творят // Вопросы экономики. 2007. № 6.

Лапина С.Н., Делюхина Н.Д. Государственная собственность в России: некоторые исторические уроки // Собственность в России в XX столетии. М., 2001.

Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 4.

Лебедева М.М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. – М., 2009. – № 4.

Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000. М., 2000.

Ледяев В. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.

Ледяев В.Г. Формы власти: типологический анализ» // Полис. 2000, № 2.

Леонов Н.С.Лихолетье. М., Терра, 1997.

Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004.

Лившин Б. Общественные настроения в постсоветской России 1917-1929 гг. М., 2004. Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994.

Лотман Ю.М. Люди и чины. В: Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

Лукьянова Е. Страна вне конкуренции // Новая газета. 9-11 июля 2007.

Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М., 2003.

Лэйн Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? (Пер. с английского) // Мир России. 2000. № 1.

Лященко П.И. История народного хозяйства в СССР. Т. 2. М., 1952.

Маевский В.И. Эволюционная экономическая теория и некоторые проблемы современной российской экономики // Вестник молодых ученых. Сер. Экономические науки. 2001. № 2.

Мазаев Ю.Н. Социальные отношения коррупции (по материалам социологических исследований) // Материалы научно-практической конференции «Социология коррупции». М., 2003

Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968.

Макаренко В. П. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства // Политическая концептология, 2011, № 1.

Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2010, № 2. Электронный ресурс http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf Проверено 12.12.2014.

Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону, 1985;

Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. – М., Праксис, 2002;

Макаренко В.П. Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону, 1987;

Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского госуниверситета, 1989.

Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, 1988;

Макаренко В.П. Власть и нейтралитет // Дон. 1992, № 10-12;

Макаренко В.П. Власть, оппозиция и выбор политолога // Проблемы и перспективы развития политологии в вузах России: Тезисы докладов Всероссийской конференции (г. Ростов н/Д, 23–25 мая 1991 г.). Вып. 2. Ростов н/Д, 1991;

Макаренко В.П. Внутренний шпионаж как элемент бюрократического управления государством // Политическая концептология. 2014, № 3 Электронный ресурс http://politconcept.sfedu.ru/2014.3/01.pdf.

Макаренко В.П. Кавказ: концептологический анализ // Социс. 2001, № 12.

Макаренко В.П. Ленинская методология анализа бюрократии и политических элит классово-антагонистического общества (на англ.,франц., испан., португ. языках) // Проблемы современного

мира. 1982, №101.

Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. – М., Праксис, 2005; Макаренко В.П. Политическая концептология. Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2011;

Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Полис. 2009, № 6.

Макаренко В.П. Полицейское общество: к вопросу о генезисе // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 2.

Макаренко В.П. Проблема дистанции при описании социально-политической динамики России // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 1.

Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология. 2012, № 2.

Макаренко В.П. Распад империй и проблема колониализма (статья 1-2) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 1-2.

Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия» (статья 1-2) // Sofia. Международный журнал философов славянских стран. 2003, № 3; 2004, № 4;

Макаренко В.П. Революция и власть. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1990.

Макаренко В.П. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.

Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, Изд-во Март, 2013.

Макаренко В.П. Современный российский милитаризм // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013, № 3-4.

Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, 1992 Макаренко В.П. Бюрократия и государственный формализм // Вопросы философии. 1993, № 2;

Макаренко В.П. Теория бюрократии М.Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. М., 1986. № 3.

Макаренко В.П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. Дисс. в виде научного доклада на соискание уч.степени докт.полит.наук. Санкт-Петербург, 1996.

Макаренко В.П. Феномен достижений и успехов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 3.

Малева Т. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшие десятилетия: Сб. ст. – М., 2004.

Маркс К. Критика Готской программы. – М, 1975.

Мартин Ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М., ИРИСЭН, 2006.

Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997.

Мау В. А. Экономическая политика в 2005 году: определение приоритетов // Экономичекая политика. 2006. № 2.

Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939-1945. – Второе издание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.

Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.

Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: Сб. науч. трудов. М., 2006.

Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. М., 2004. № 2 (79).

Мельвиль А.Ю. Политическая наука узнаёт больше, но о меньшем // http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623&d=4874&n=35&p=0&to=

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества // Полис. – М., 2009. – № 4(112).

Меркель В. и Круассан В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2004, № 1-2.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОССПЭН, 1998,

Министерство страха // Профиль: Деловой еженедельник. – М., 2010. – 21 июня. – № 23.

Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995.

Нагибин Ю. Дневник. М., Книжный сад, 1996.

Награда недели // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 5 апр.

Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005.

Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма / Погружение в трясину. М: Прогресс, 1991;

Наумов Л.А. Сталин и НКВД. – М.: Новый хронограф, 2010.

Неволин К.А. История российских гражданских законов // Неволин К.А. Полн. собр. соч. Т. 4. СПб., 1858.

Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.

Неретина С. Были ли контрреволюционеры революционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf.

Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11.

Никовская Л.И. и Якимец В.Н. Развитие публичной политики в России и Украине // Публичная политика: Сборник статей. Отв.ред. Горный М.Б., Сунгуров А.Ю. СПб: Норма, 2006.

Николаев А. Понять умом и сердцем // Слово. 1998, № 1, с. 3-5.

Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель. 1998.

Никольский С.А. О качестве человека // Политическая концептология: журнал метадисципалинарных исследований. 2014, № 2 http://politconcept.sfedu.ru/2014.2/06.pdf.

Никольский С.А. Русские как имперский народ // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014, № 1 http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/04.pdf.

Новая газета, 2-5 августа 2007 года.

Новая газета, 28 июня - 1 июля 2007 года.

Новая газета, 29-31 октября 2001.

Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2.

Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / пер. с англ. Д.Узланера,

М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с.84, 246.

Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880/.

Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

Няня в законе // Итоги. – М., 2010. – 8 марта.

О содержании и новациях Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» // Реформа государственной службы Российской Федерации. М., 2006.

Оболонский А.В. Сторонники и противники реформы государственной службы (опыт классификации) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. Реформа государственной службы Российской Федерации / пред. редсовета Д.А. Медведев. М., 2006.

Оболонский А.В. Сторонники и противники реформы государственной службы // Общественные науки и современность. 2006. № 5.

Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002.

Образы власти в постсоветской России. Под ред. Е.Б.Шестопал. М.: Алетейя, 2004.

Общественное мнение - 2007. Ежегодник. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2007.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.1993.

Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995.

Ойкен В. Основы национальной экономии. М., 1996.

Олейник А.Н. «Underperformance в теории и университетской практике» // Социология науки и технологий, 3, 2011б.

Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011.

Олейник А.Н. Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011а.

Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., ИНФРА-М, 2001.

Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.

Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

Ослунд А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. 20 июня 1996.

Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма.

Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., Яуза, Эксмо, 2008.

Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом. М., Яуза, Пресском, 2004.

От политической мысли к политической науке. Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности / Автор-составитель Я.А.Пляйс. – М.: Изд-во МГУП, 1999.

«Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т.1, М., Новое литературное обозрение, 2004

Паин Э.А. Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». URL: http://www.polit.ru/lectures/2008/06/26/pain.html.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993.

Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000.

Панова А. «О структуре управления и принятии решений в российских вузах» // Вопросы экономики, 6, 2007.

Пантин И.К. В чем же заключается выбор россиян? // Полис. М., 2003. № 6.

Паппэ Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000-2004 годах: торможение в центре и новая стратегия в регионах // Региональная элита в современной России. Отв. ред. Я. Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Пастухов В.Б. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – М., 2009. – № 6(114).

Патрушев С.В. Власть и народ в России: проблема легитимации институциональных изменений // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004.

Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003.

Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. – М., 1994. – № 5.

Пивоваров Ю. и А. Фурсов А. Русская система // Политическая наука. 1997, № 3-4.

Пивоваров Ю.С. О некоторых «истоках» и «смыслах» русской публичной политики // Политическая наука. 2005. № 1.

Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политии // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004.

Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997.

Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М., 1994.

Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. М., 1996.

Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М.: РОССПЭН, 2006.

Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006;

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Екатерина II, Самодержавие и русская власть // РИЖ. Т.1, № 4. Осень 1998.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система // Политическая наука. М., 1997. № 2, 3.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.

Плискевич Н. М. Мутации «власти - собственности»: проблемы и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2007.

Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. Т. XV. № 3.

Полеванов В. П. Технология великого обмана. М., 1995.

Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара // Полис. 2006, № 1.

Политическая система и право КНР. Процесс реформ (1978 – 2005). 2007. М.: Русская панорама, 2007.

Политическая теория. Беседа с Борисом Капустиным // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М.: Изд-во Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006.

Политковская А. Вторая чеченская. М., Захаров, 2002.

Полищук Л. Бизнесмены и филантропы // Pro et Contra. 2006, № 1.

Полтерович В. М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Общественные науки и современность. 2005. № 5.

Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М., 2000.

Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 г. // Полития. – М., 2009. – № 3.

Порус В. Н. На Мосту интерпретаций: Р. Мертон и социальная эпистемология // Социология науки и технологий, 2010, т. 1, № 4.

Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии, 2005, № 11.

Порус В. Н. Рациональность, наука, культура. М., УРАО, 2002.

Порус В. Н. У края культуры. Философские очерки. М., «Канон+», 2008.

Порус В.Н. Выбор интерпретации как проблема социальной эпистемологии // В кн.: Порус В.Н. Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005.

Последние дни императорской власти: По неизданным документам составил А.Блок. Минск, 1991.

Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000.

Правительственный вестник. 1989. № 6.

Протоиерей Георгий Эдельшейн. Записки сельского священника. М., РГГУ, 2005.

Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2003.

Психология в культурно-исторической проекции // Вопросы философии, 2011, № 7.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. – М.: Наука, 1991.

Пшизова С.Н. Res publica Corporationum: Заметки на полях книги С.П. Перегудова «Корпорации, общество, государства: Эволюция отношений» (М.: Наука, 2003) // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004.

Пшизова С.Н. Политика как бизнес: Российская версия // Полис. – М., 2007. – № 3.

Радаев В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 1998.

Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью Ханны Арендт (октябрь 1964 года) http://gefter.ru/archive/9844. Проверено 27.11.2014.

Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения.

Розенберг Н., Бирдцел-мл. Л.Е. Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск, 1995.

Розов М.А. Теория социальных эстафет. Новосибирск, 2006.

Российская газета, 20 августа 1992 года.

Российская газета. 17 ноября 2007 года.

Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад Рабочей группы ИС РАН // Полис. – М., 2008. – № 1.

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII-XX вв. М., 1991.

Российский статистический ежегодник - 2004. М., 2004.

Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ.ред. Клямкина И.М. М.: Новое издательство, 2007; Оболонский А.В.

Кризис бюрократического государства. М., Фонд «Либеральная миссия», 2011.

Россия в цифрах // Коммерсантъ Власть. – М., 2010. – 19 апр.

Россия: энциклопедический словарь. Л., 1991.

Ростовский М. Вертикаль в пасти // Московский комсомолец. 2006, 5 июня.

Рукавишников В. О. Насколько сильна Россия? Комментарий к геополитическому дискурсу // Социологические исследования. 2007. № 10.

Русский перевод: Мир в цифрах 2005.

Саймон Г.А., Смитбург Д.Х., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. М., 1995.

Саймон Г.С. Науки об искусственном. М., 2004.

Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. (Пер. с английского). М.: Экономика, 1994.

Салтыков-Щедрин М.Е. Соч. в 10 т. Т. 5. М., 1988.

Сатаров Г. Транзит, демократия и коррупция: региональные особенности в России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв.ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004.

Сатаров Г.А. Введение // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России. В 2 т. Т. 1. М.: Институт права и публичной политики, 2004.

Сатухолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: колл. Монография / Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. – М.: Логос, 2000.

Сатухолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации: колл. Монография / Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. – М.: Логос, 2000

Свод Законов Российской Империи. 1906. Т. 1.

Семеникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000.

Серов Д.Ф. Строители империи: очерки государственной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996; Курукин И.В. Бирон. М., 2006.

Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. – М.: Наука. 1985.

Симония Н. Становление бюрократического капитализма в России // Свободная мысль. 2000. № s.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Изд.2-е. М., Институт социологии РАН, 2005.

Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. Э.Н.Гусинского, Ю.И.Турчаниновой. – М.: Университетская книга, 2005.

Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Слотердайк П. Критика цинического разума. Пер. с нем. А.Перцева; испр.изд-е. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ Москва, 2009.

Смолин О. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10.

Советская жизнь Льва Ландау глазами очевидцев. Сост. Г.Е.Горелик и Н.А.Шальникова. М., Вагриус, 2009.

Советское общество. Возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997.

Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3.

Соколов Н. Реабилитация сталинизма в российских школьных учебниках // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011.

Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв. редактор А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004.

Соловьев А.И. Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // Власть, № 1, 2005.

Социологические исследования. 2000. № 2.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 1. Минск, 1998.

Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. – М.: Гендольф, 2003.

Сталин И.В. Соч. Т. 5.

Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2003.

Степашин С. Принесенная ветром // Поиск. 10 февраля 2006.

Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., «Гардарики», 2007.

Стиглиц Дж. Интервью российским СМИ. 2004 (http://www.rusref.nm.ru/ stvis.htm).

Стиглиц Дж. Обложить олигархов налогами! (Перевод статьи из «Der Standart»). 11 декабря 2003. (http://www.rusref.nm.ru/indexpubstol.htm).

Стригин Е.М. КГБ был, есть и будет. От МБ РФ до ФСК РФ (1994-1995). М., изд. Эксмо, Алгоритм, 2004.

Стулья из дворца // Профиль. – М., 2010. – 21 июня. – № 23.

Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., Детектив-Пресс, 2004.

Сушков В.Н. Заключенный по кличке «Министр». М., Изд. «Совершенно секретно», 1995.

Сэджвик М. Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. Пер.с англ. М.Маршака и А.Лазарева. Научн.ред. Б.Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Тамаш П. Потерянное десятилетие России: От капитализма-1 к капитализму-2 // Конец ельцинщины. – Будапешт, 1999.

Тев Д.Б. Теория структурной власти бизнеса: сущность и критика // Власть и элиты в российской трансформации. Отв.ред. Дука А.В. СПб.: Интерсоцис, 2005.

Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М., 2002.

Тиме Г.А. Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10.

Тимофеев Л. Институциональная коррупция. М., 2000.

Титов Б. Стабильность закончится кризисом // Новая газета. 9-11 июля 2007.

Токвиль Алексис де. 1992. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992.

Травин Д.Я. Путинская Россия: от рассвета до отката. – СПб, «Дело», 2009.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. М.: НИИ культуры, 1991.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» // СЗ РФ. 2007. № 27. Ст. 3256.

Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Идея-пресс, Москва, 1999

Уортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 г.: Новые способы репрезентации // «НЛО». 1999. № 38.

Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. СПб., 2002.

Уссурийские игры // Русский Newsweek. – М., 2010. – 14–20 июня. – № 25(293).

Фадеев Р. Кавказская война. М., Алгоритм, 2005.

Федеральный закон РФ «О внесении изменений в ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки // Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986.

Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. Пер. с англ. К.Бандуровского. М: АСТ: CORPUS, 2013

Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005.

Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.

Флетчер Дж. О русском государстве. М., 2002.

Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. Т. 2. Вып. 4. 1994.

Фурсов А. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st= 1212912480.

Фурсов А., Пивоваров Ю. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3.

Хазанов Б. Литературный музей. Из дневника писателя // Октябрь. 2004, № 11.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

Хелли Р. Холопство в России: 1450-1725. Академия, Москва, 1998.

Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. (Пер. с английского). М.: «ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС», 2001.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.

Холодковский К.Г. Антикризисные меры и общество // Полития. – М., 2009. – № 3(54).

Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. – М., 2009. – № 2(110).

Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. Отв.ред. А.И.Соловьев. М.: РОССПЭН, 2004.

Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб, «Медиум–Ювента», 1997.

Хюбнер К. Истина мифа. М., «Республика», 1996.

Цирель С. Влияние государственного вмешательства в экономику и социального неравенства на экономический рост // Вопросы экономики. 2007. № 5.

Цирель С.В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. №3.

Чернышов А.Г. Власть в России: проблемы поиска элитных составляющих // Власть и элиты в современной России. Отв.ред. А.В.Дука. СПб.: Социологическое сообщество им. М.М. Ковалевского, 2003.

Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., «Республика», 1997; Микоян С. А. Анатомия Карибскбого кризиса. М., Academia, 2006.

Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., РОССПЭН, 2008.

Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008.

Чечня 2003. Политический процесс в зазеркалье, Отв.ред. Лукашевский С.М. М., МХГ, 2004.

Чирикова А. Региональная власть: формальные и неформальные практики // Власть, государство и элиты в современном обществе. Отв.ред. А.Дука и В.Мохов. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2005.

Чирикова А.Е., Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры» // Власть и элиты в российской трансформации. Отв.ред. А.В.Дука. СПб.: Интерсоцис, 2005.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Т. 2. М., 1883.

Чубайс И.Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. (Заметки консерватора) // Вопросы философии. 2002. № 10.

Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825-1855 гг. Жуковский-Москва, «Кучково поле», 2005.

Шафиров М.Ш. Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2009, № 19.

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2000.

Шебаршин Л. Рука Москвы. М., ЭКСМО, 2002.

Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т.8. № 3.

Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. М., 2004. Том 8. № 3.

Шевцова Л. От России Ельцина к России Путина (эволюция выборной монархии) // http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/3.htm.

Шевцова Л. Россия – Год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 16 декабря 2005 г.

Шевцова Л.Ф. Одинокая держава. М., 2010.

Шейнис В.Л. Власть и закон: политика и конституция в России в XX-XX1 веках. – М., Мысль, 2014.

Шелов-Коведяев Ф.В. Природа кризиса в России и в мире: Общее и особенное // Полития. – М., 2009. – № 3.

Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.

Шестопал Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: новые направления. Под ред.Р.Гудина и Х.Д.Клингеманна. Научн.ред. русского изд. проф. Е.Б.Шестопал. Вече, Москва, 1999.

Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М.: РОССПЭН, 2000

Шкаратан О. И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита Пресс, 2004.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.

Шлегель К. Террор и мечта. Москва, 1937. М., РОССПЭН, 2011.

Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002.

Шмелев Н. Пять лет реформ - пять лет кризиса // Свободная мысль. 1996. № 7.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999.

Экспериментальный диалог на заданную тему // Западники и националисты: Возможен ли диалог? Материалы дискуссии. – М.: ОГИ, 2003.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 тт. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Энергии не занимать (Выговор) // Newsweek. – М., 2010. – 1–7 марта.

Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000.

Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопросы философии, 1989, № 3.

Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945-декабрь 1948). — СПб.: «Владимир Даль», 2007.

Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3.

Юридический энциклопедический словарь. 1987. – М., 1987

Явлинский Г. Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ, 2003;

Яковлев А. А. Агенты модернизации М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Яковлев А. Эволюция взаимоотношений между властью и бизнесом и движущие силы экономического развития в России: до и после «дела Юкоса» // Региональная элита в современной России. Отв. ред. Я. Фрухтман. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. P. Aghion, S.N. Durlauf (eds.). Handbook of Economic Growth. Vol. 1. New York, 2005.

Acemoglu D., Robinson, J.A. Political Losers as a Barrier to Economic Development // American Economic Review. 2000. Vol. 90. № 2.

Adams J., Clemens E.S. and Orloff A.S. (eds.) Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology. Durham: Duke University Press, 2005.

Alchian A.A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. № 3.

Andreski St. Maxa Webera olsnienia i pomy ki. Warszawa, PWN, 1992.

Aron R. Democratie et totalitarisme. P., 1965.

Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century. London: Verso, 2007.

Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99. № 394.

Arthur W.B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor, 1994.

Bar M. Behordeverfassung der Rheinprovinz seit 1815. Bonn, 1919.

Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981.

Berg Schlosser D., Maier H., Stammen Th., Einfьhrung in die Politikwissenschaft. Mьnchen, 1974.

Birch A.H. The Concepts and Theories of Modern Democracies. L., Routledge, 1999.

Black C. Transformation of Russian Society. Cambridge (Mass.), 1960.

Bourdieu P. and Wacquant L.J.D. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992;

Brenner R. "The Origins of Capitalist Development: a Critique of Neo-Smithian Marxism," New Left Review, 1977, Vol. 104, pp. 25-92;

Brenner R. The Boom and the Bubble. The US in the World Economy. London: Verso, 2002; Brenner R. The Economics of Global Turbulence. London: Verso, 2006.

Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. B.2. Neuzeit bis 1806. Karlsruhe 1966.

Dahl R. A. After the Revolution? Authority in a Good Society. New Haven, CT and L., 1990 (1970).

Das Polizeiwesen des Preussischen Staates: eine systematisch geordnete Sammlung aller auf dasselbe Bezug habenden gezetzlichen Bestimmungen, insbesondere der in der Gezetzsammlung fur die Preussischen Staaten und in den von Kampatzschen Annalen fur die innere Staatsverwaltung enthaltenen Verordnungen und Rescripte, in ihrem organischen Zusammenhange mit der fruheren Gezetzgebung // Die Verfassung und Verwaltung des Preussischen Staates. B.2. Breslau, 1841.

David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

Derluguian G. Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: A world-system biography. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Dew N., Sarasvathy S.D., Venkataraman S. The economic implications of exaptation // Journal of Evolutionary Economics, 2004. Vol. 14. № 1.

Domhoff G.. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000. L.: Mayfield Publishing Company, 1998.

Doner R.F., Ritchie B.K., Slater D. "Systemic Vulnerability and the Origins of Developmental States: Northeast and Southeast Asia in Comparative Perspective," International Organization, Vol. 59, No. 2 (Spring 2005), pp. 327-361;

Dopfer K. Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // Journal of Economic Issues. 1991. Vol. 25. № 2.

Dowding K.M. Power. Buckingham: Open University Press, 1996

Earle E. How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997.

Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton, NJ, 1966.

Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P. and Reisinger W.M. (with Ahl R., Bova R. and Roeder P.G.). Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. Lanham, MA, 1998.

Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973;

Ekiert G., Kubik J. and Vachudova M. Democracy in the post-Communist world: An unending quest? // East European Politics and Societies. Vol. 21, No. 1, 2007.

Epstein D., Bates R., Goldstone J., Kristensen I. and O'Halloran S. Democratic transitions // American Journal of Political Science. Vol. 50, No. 3, 2006.

Etzioni A. The Active Society. NY: The Free Press, 1968.

Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995;

Evans P., Rueschmeyer D., Skocpol T. (eds.) Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985;

Fligstein N., Feeland R. Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21.

Friedrich C. Constitutional Government and Politics. NY: Harper and Brothers, 1937.

Ganev V.I. “The Dorian Gray Effect: Winners as Statebreakers in Postcommunism,” Communist and Post-Communist Studies. Vol.34. No.1. (2001), pp.1-25;

Ganev V.I.“Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective,” Communist and Post-Communist Studies. Vol.38. No.4. (2005), pp. 425-445.

Generalinstruction fur die Verwaltung der Pass-Polizei in den Koniglichen Preussischen Staaten // Amtsblatt der Koniglichen Regierung zu Posen. Jahrgang 1819.

Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur poiltischsozialen Sprache in Deutschland. Schtuttgart, 1978, B.1Ʊ

Gilman N. Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2003.

Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. Do Institutions Cause Growth? // NBER Working Paper 10568. June 2004.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA: University of California Press, 1991;

Hanson S. The Uncertain future of Russia’s weak state authoritarianism // East European Politics and Societies. Vol. 21, No. 1, 2007.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005;

Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London: Verso, 2006.

Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Basil Blackwell, 1989;

Harvey D. The Limits to Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1982;

Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003;

Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. Darm. stadt, 1980.

Haupt H.G. Staatliche Burokratie und Arbeiterbewegung: Zum Einfluss der Polizej auf die Konstituirung von Arbeiterbewegung und Arbeiterklasse in Deutschland und Frankreich zwischen 1848 und 1880 // Schriften des historischen Kollegs. Kolloquin 7. Arbeiter und Burger im 19.Jahrhundert. Oldenburg, 1984.

Hedlund S. Russia's «Market» Economy. A bad case of predatory capitalism. L.: UCL Press Limited, 1999, p.338.

Heyde W.G. Die Patrimonial- und Polizei-Gerichtsbarkeit beliehenen Rittergutsbesitzer. Magdeburg, 1842.

Heyde W.G. Landes und Lokal-Polizeiverfassung in der koniglichen Pryussischen Staaten. Magdeburg, 1843, B.1.

Hodgson G. Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Cambridge, 1993.

Holmes L. Politics in the Communist World. Oxford: Clarendon, 1986.

http // www.monitoring.ru; www.romir.ru).

http://brikbotit.livejournal.com/1182.html.

http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_2.htm.

http://www.km.ru/economics/2014/02/12/pravitelstvo-rossii/732168-chislo-predprinimatelei-v-rossii-sokratilos-na-500-t

http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti

http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html

https://ru.wikipedia.org/wiki/13-%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F

Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte. B.1. Stuttgart, 1961.

Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte: 1803-1850. B.1. Stuttgart, 1961.

Ignatow A. Die “russische Idee” in der gegenewдrtigen Diskussion: Die russische Identitдt und die “Neue Ideologien”. Kцln, 1992.

Keyder C. State and Class in Turkey: A Study in Capitalist Development. London: Verso, 1987.

Knudsen T. Economic selection theory // Journal of Evolutionary Economics. 2002. Vol.12. № 4.

Kohli A. State-Directed Development: Political Power and Industrialization in the Global Periphery. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Koselleck R. Le futur passe. Contribution a la semantique des temps historiques / Trad. J. Hoock. M. C Hoock. Paris: EHESS, 1990.

Kosseleck R. Preussen Zwischen Reform und Revolution – Allgemeine Landrecht, Verwaltung und sociale Bewegung von 1791 bis 1848. Stuttgart, 1987.

Lachmann R. Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Lane D. The Rise & Fall of State Socialism. Indastrial Society and the Sociaslist State. Cambridge: Polity Press, 1996.

Lemarchand R. "Political Clientelism and Ethnicity in Tropical Africa: Competing Solidarities in Nation-Building," The American Political Science Review, Vol. 66, No. 1 (Mar., 1972), pp. 68-90;

Lemarchand R., Legg K. "Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis," Comparative Politics, Vol. 4, No. 2 (Jan., 1972), pp. 149-178;

Lepetit B. Le present de l'histoire // Les formes de I'experience. line autre histoire sociale. Paris: Albin Michel, 1995.

Ludtke A. Das Schwert der inneren Ordnung: Administrative Devinitionsmacht, Polizeipraxis und Staatloche Gewalt im vormarzlichen Preussen // Kriminalogisches Journal. 1987, 2 Bejheft.

Ludtke A. Die "gestarkte Hand" des Staates, zur Entwicklung staallicher Gewaltsamkeit – das Beispiel Preussen im 19.Jahrhundert // Levithan. 1989, nr 7.

Ludtke A. Polizeiverstandis preussischer Polizeihandbucher im 19.Jahrhundert. Zur Folgenlosigkeit akademischer Diskurse // Jus Commune – Veroffentlichungen des Max Planck-Instituts fur Europeische Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main, Sondergefte 21, 1995.

Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I-II. Cambridge: Cambridge University Press, 1986-1993;

Mayr E. Toward a New Philosophy of Biology: Observations of an Evolutionist. Cambridge, 1988.

Medard J.-F. "The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism," in Clapham C. (ed.). Private Patronage and Public Power. New York: St. Martin's Press, 1982, pp. 162-192;

Miliband R. The State in Capitalist Society. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1969.

Mokyr J. Evolutionary phenomena in technological change // Technological innovation as an evolutionary process. Ziman J. (ed). Cambridge, 2000.

Mokyr J. Technological Inertia in Economic History // Journal of Economic History. 1992. Vol. 52. № 2.

Nelson R.R. Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. № 1.

Noble T. Social theory and social change. N.Y., 2000.

North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y., 1981.

Obenaus W. Die Entwicklung der Preussischen Siecherheitsdienst. Bis zum Ende der Reaktionszeit. Berlin, 1940

Offe C. Contradictions of the Welfare State. L.: Hutchinson, 1984.

Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. 1995. Vol. 85. № 2.

Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association. Washington, DC, 1995. January 6–8.

Powell J. H., Wakeley T. M. Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach, Journal of Business Research. 2003. Vol. 56. № 2.

Remington T.F. Politics in Russia. NY:Pearson Education Inc., 2006.

Robinson N. The politics of Russia's partial democracy // Political Studies Review. Vol. 1, No. 2, 2003.

Rokkan S. State Formation, Nation-Building and Mass Politics in Europe. Ed. by P.Flora, S. Kuhnle and D. Urwin. Oxford: Oxford University Press, 1999;

Rudolph L.I., Rudolph S.H. "Authority and Power in Bureaucratic and Patrimonial Administration: A Revisionist Interpretation of Weber on Bureaucracy," World Politics, Vol. 31, No. 2 (Jan., 1979), pp. 195-227.

Sakwa R. Dual State in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. N 3.

Schlцgel K. Das sowjetische Erbe lцst sich in tausend Stьck auf // Politische Studien. Mьnchen, 1992. Jg. 43, N 321.

Scott J. Who Rules Britain? Cambridge: Polity Press, 1991.

Scott J. Power. Cambridge: Polity Press, 2001.

Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.

Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia, Yale University Press, 1979;

Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale, CT: Yale University Press, 1985;

Sieman W. Deutschlands Ruhe, Sicherheit und Ordnung. Die Afgange der Politischen Polizej 1806-1866 // Studien und Texte zur Sozialgeschichte und Literatur. Berlin, B.14.

Simon G. Entstehung neuer Staaten auf dem Territorium der frьheren Sowjetunion // Russland und Deutschland: Nachborn in Europa. Baden-Baden, 1992.

Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979;

Steinmetz G. (ed.) State/Culture: State Formation after the Cultural Turn. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999;

Steinmetz G. (ed.) The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and its Epistemological Others. Durham: Duke University Press, 2005;

Stinchcombe A.L. "Ending Revolutions and Building New Governments," Annual Review of Political Science, Vol. 2, (1999), pp. 49-73.

Taylor P.J. The Way the Modern World Works. Chichester, England: John Wiley & Sons, 1996.

Tilly C. (ed.). The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975;

Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 1990-1992. Oxford: Blackwell, 1992;

Tilly Ch., Goodin R. It Depends // Charles Tilly & Robert E. Goodin (Ed.). Contextual Political Analysis. Oxford University Press. Oxford-New York, 2006.

Timmermann H. Was erwartet Europa von Russland // Russland und Deutschland. – Nachbarn in Europa. Baden-Baden, 1992.

Tompson W. Putin's challenge: the politics of structural reform in Russia // Euro-Asia Studies. Vol. 54, No 4, 2002.

Transition Report 2007;

Vogel D. The power of business in America: A re-appraisal // British Journal of Political Science. Vol. 13, No. 1 1983.

Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I-III. San Diego, CA: Academic Press, 1974-1989;

Wartenberg T. The Forms of Power: From Domination to Transformation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.

Weber M. 'Objectivity' in social science and social policy // Weber M. The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, IL, 1949 (1904).

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. N.Y., 1968 (1922).

Weber M. The economy and the arena of normative and de facto powers. In: Roth G.. and Wittich C. (eds). Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968.

White S. Russia's new politics: The management of a postcommunist society. L., 2001.

Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT and London, 2005.

Winters J.A. Power in Motion: Capital Mobility and the Indonesian State. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996;

Woo-Cumings M. (ed.) The Developmental State. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000; Kang D.C. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge: Cambridge University Press, 2002;

Сведения об авторах

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Глебова Ирина Игоревна, доктор политических наук, профессор Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва)

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор социологии Северо-западного университета в Чикаго (США)

Камкия Беслан Астамурович, кандидат философских наук, доцент, зав.кафедрой Сочинского института Российского университета дружбы народов (Сочи)

Ледяев Валерий Георгиевич, доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики (Москва)

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Макаренко Виктор Палович, доктор политических и философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета

Негри Антонио, итальянский философ, социолог и социальный теоретик-марксист. Профессор социологии Падуанского университета (Италия)

Оболонский Александр Валентинович, доктор юридических наук, профессор Высшей школы экономики (Москва)

Олейник Антон Николаевич, доктор экономических наук, ассошиэйт-профессор Мемориального университета Нюфандленда (Сент-Джонс, Канада)

Порус Владимир Натанович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания Высшей школы экономики (Москва)

Протасеня Дарья Николаевна, аспирантка Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Рюмшина Анна Игоревна, аспирантка Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Хардт Майкл, профессор Дюкского университета (США)

Шкаратан Овсей Ирмович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав.лабораторией Высшей школы экономики (Москва)

Научное издание

РУССКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Часть 2

Ответственный редактор В.П. Макаренко

Подписано в печать 14.07.2015 г. Заказ № 4550.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж 100 экз.
Усл. печ. л. 36,33. Уч.-изд. л. 30,37.
Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 247-80-51.